THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

The University of Chicago Libra

С. А. Котляревскій.

ФРАНЦИСКАНСКІЙ ОРДЕНЪ

и

РИМСКАЯ КУРІЯ

въ XIII и XIV вѣкахъ.

Kot Rarevskiĭ

Frantsiskanskiĭ orden i rimskaia kuriia ... /

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
МОСКВА, Т. ВЕРСКАЯ,
Т-во СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1901.

The UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY
SLA/EXCH
BX5606
.K60

По постановленію Историко-Филологическаго факультета ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго университета, состоявшемуся 23 августа 1901 г., печатать разрѣшается.

Деканъ *А. Кирпичниковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе. Развитіе церковной организаціи послѣ клюнійской реформы. Территоріальное и универсальное начало въ церкви. Недостаточность ея средствъ для осуществленія программы духовнаго правленія. Развитіе религіознаго чувства въ свѣтскомъ обществѣ и потребность въ новыхъ формахъ его удовлетворенія 1

Глава I. Ортодоксально-католическій взглядъ на происхожденье нищенствующихъ орденовъ. Обращенье Франциска Ассизскаго и его первоначальная община. Первыя сношенія съ куріей. Характеръ власти Франциска. Переходъ общины въ орденъ. Правила 1221 г. и 1223 г. Завѣщанье. Противорѣчія въ оцѣнкѣ личности и историческаго значенія Франциска 18

Глава II. Орденъ на службѣ куріи. Отношеніе къ нему Григорія IX, Иннокентія IV и Александра IV. Рекомендація ордена, защита отъ притѣсненій и поощреніе пожертвованій. Привилегіи. Право проповѣди и совершенія таинствъ. Орденъ, какъ исполнитель папской программы. Охрана общественной религіозности. Политическія и финансовыя порученія. Борьба за право преподаванія; полемика Вильгельма Сентъ-Амура и Бертрана Баіонскаго. Торжество нищенствующихъ орденовъ въ спорѣ съ парижскими профессорами. Папская политика относительно внутренняго развитія ордена. Партіи въ немъ. Правленье Ильи, Кресценція и Іоанна Пармскаго. Развитіе іоахимизма въ орденѣ. Осужденіе Вѣчнаго Евангелія и процессъ Іоанна Пармскаго 85

Глава III. Папская политика относительно ордена во второй половинѣ XIII вѣка; ея полная послѣдовательность. Измѣненія въ орденскомъ устройствѣ. Броженье въ орденѣ; связь съ общимъ религіознымъ броженіемъ въ Италіи. Спиритуалы, какъ партія и секта. Провансальскіе спиритуалы; жизнь и сочиненія Оливи. Итальянскіе спиритуалы: группа Кларена, ея исторія и распространенныя въ ней воззрѣнія. Убертинъ Казале; его сочиненія. Измѣнившееся отношеніе правящей церкви къ орденскимъ партіямъ. Борьба съ Дольчино. Попытка реформы, предпринятая Климентомъ V. Полемика спиритуаловъ и конвентуаловъ. Декларація „exivi de paradiso“ 209

Глава IV. Неуспѣхъ декларацiи. Борьба Іоанна XXII съ сепаратистами. Происхожденье фратичелловъ, зависимость отъ спиритуаловъ. Провансальскіе бегины. Вопросъ о собственности у Христа и апостоловъ; рѣшеніе его Іоанномъ XXII. Борьба его съ Людовикомъ Баварскимъ. Вліяніе спиритуаловъ и Марсилія Падуанскаго на императора. Бѣгство Чезены, Бонаграціи и Оккама; союзъ Людовика съ конвентуалами. Умиротворенье ордена. Судьба фратичелловъ, ихъ окончательное отдѣленіе отъ францисканцевъ. Возвращенье ордена во власть правящей церкви 320

ВВЕДЕНІЕ.

Въ развитіи средневѣковаго католицизма едва ли не самой рѣзкой гранью явилось реформаціонное движеніе X—XI вѣка [1]). На первый взглядъ его всемірно-историческое значеніе легко скрывается подъ неизмѣнностью формъ, которыя сохранила церковь; но чѣмъ болѣе мы всматриваемся въ содержаніе, скрывающееся подъ этими формами, тѣмъ глубже остается у насъ впечатлѣніе, что съ этого момента кореннымъ образомъ измѣнилась роль церкви въ жизни средневѣковаго общества. Клюнійская реформа положила начало освобожденію церкви отъ феодальныхъ узъ и этимъ воздвигнула самый прочный фундаментъ для ея господства надъ этимъ обществомъ. Но не вся она была въ одинаковой мѣрѣ затронута этой реформой, и можно даже сказать, что чрезмѣрный ростъ однихъ органовъ церкви задержалъ и ослабилъ другіе.

Здѣсь мы должны прежде всего твердо помнить, что единство церкви всегда оставалось болѣе достояніемъ теоріи и идеала. Дѣйствительная средневѣковая церковь вмѣщала въ себѣ столь различные и даже противоположные элементы, что общее сужденіе о нихъ становится невозмож-

---

[1]) Подъ этимъ словомъ мы понимаемъ и клюнійскую и лотарингскую реформу. Несмотря на особенности итальянскаго реформаціоннаго теченія, генетическая связь коего съ французскимъ, вопреки Дрезднеру, не можетъ считаться достовѣрной, и оно вліяло одинаково на перемѣну въ общественномъ положеніи церкви. *См. Dresdner.* Kultur.—und Sittengeschichte der italienischen Geistlichkeit im 10 und 11 Jahrhunderte. Breslau, 1890. *Saccur.* Die Cluniacenser in ihrer kirchlichen und allgemeinen Wirksamkeit: B. I—II. Halle 1892. *Hauck.* Kirchengeschichte Deutschlands B. III. Leipzig 1896. *Schultze.* Forschungen zur Geschichte des Klosterreforms im X Jahrhundert. Halle, 1883.

нымъ. Переберемъ ихъ и посмотримъ, какъ на нихъ отразилась реформа.

Начнемъ съ вершины, увѣнчивающей церковную организацію. Съ этой эпохи римская курія начинаетъ жить новой жизнью; изглаживается постепенно ея мѣстный характеръ, и на первый планъ выступаетъ величественная концепція теократической власти надъ народами христіанскаго міра.

Часто представляютъ, что осуществленіе этой теократической программы было плодомъ дѣятельности отдѣльныхъ папъ; подобно строителямъ готическаго собора, они неустанно трудились надъ этимъ гигантскимъ сооруженіемъ, возвышающимся надъ средневѣковой Европой. Здѣсь слишкомъ легко оставляютъ въ тѣни, что само папство—первое было обновлено духомъ реформы; борьба противъ симоніи и инвеституры подготовлялась задолго до Григорія VII, величавый образъ котораго замыкаетъ цѣпь борцовъ, вышедшихъ изъ французскихъ и итальянскихъ монастырей. Клюнійская реформа оказала самое большое вліяніе и на замѣщеніе римскаго престола, и на его идеальную программу, и на тѣ средства, съ помощью коихъ эта послѣдняя могла осуществиться. Мы не можемъ входить въ подробный анализъ причинъ этого измѣненія въ куріи; намѣтимъ существенныя его черты.

Даже при поверхностномъ обзорѣ исторіи папства мы сразу видимъ, какъ постепенно становились обширнѣе притязанія папской власти. Это понятіе притязаній легко поддается анализу, если даже не искать объясненія во властолюбивомъ темпераментѣ римскихъ первосвященниковъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло, во-первыхъ, съ новымъ идеаломъ духовнаго правленія, во свѣтѣ котораго римская курія стала смотрѣть на отношенія церкви къ обществу, а во-вторыхъ—съ новыми средствами осуществленія этого идеала, которыя дала бо́льшая самостоятельность церковныхъ органовъ, бо́льшая ихъ независимость отъ свѣтской жизни общества.

Взглянемъ на памятники папской дѣятельности, начиная съ XI-го вѣка,—какое постоянное возрастаніе дѣлъ и заботъ!

Мы не будемъ придавать особеннаго значенія тому, что регесты становятся все обширнѣе: краснорѣчивѣе въ этомъ отношеніи отзывы самихъ папъ. По словамъ Петра Клюнійскаго, папа Гонорій II упрекалъ одного кардинала, взятаго имъ изъ монаховъ, что тотъ слишкомъ поздно приходитъ въ курію и слишкомъ много отдаетъ времени своимъ монашескимъ занятіямъ [1]). Объ Иннокентіи III его біографъ говоритъ: папа чѣмъ больше старался освободиться отъ мірскихъ дѣлъ, тѣмъ больше въ нихъ втягивался [2]). Постепенно курія стремится подчинить своей юрисдикціи семейную жизнь и экономическія отношенія, рѣшать политическіе конфликты; освобождая церковь отъ гнета свѣтскихъ интересовъ, она все болѣе и болѣе объединяетъ ее въ стройный механизмъ, въ коемъ каждая часть цѣнна лишь постольку, поскольку она служитъ пружиной въ цѣломъ.

А на ряду съ этимъ задачи папства расширяются еще и въ другомъ смыслѣ—путемъ увеличенія самой площади, на которую должна простираться церковная компетенція. Она расширялась на сѣверъ вслѣдствіе пріобщенія новыхъ народовъ къ христіанскому міру, она еще больше расширялась на востокѣ. Организаторская роль папства въ крестовыхъ походахъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала новой международной его дѣятельности, и заботы объ устройствѣ церквей на востокѣ увеличились еще основаніемъ Латинской имперіи.

Если отъ клюнійской реформы можно датировать ростъ папскаго вліянія на свѣтское общество, то и это послѣднее далеко не остается въ неподвижномъ состояніи. Возможна ли была бы такая перемѣна въ жизни и самосознаніи церкви, если бы эта послѣдняя не черпала свѣжихъ силъ изъ того же общества. И здѣсь мы не можемъ, конечно, слѣдить за развитіемъ западноевропейскихъ обществъ, и здѣсь мы должны

---

[1]) Petri Clun. De mor. l. II. c. 14: Conquerebatur inde saepius papa, et aliis ad curiam mane ex more convenientibus, ipsi ad horam tertiam vix occurrenti.

[2]) Vita Innocentii III, c. 19, у Murat. Scr. rer. ital. III v.

удовольствоваться лишь указаніемъ на самыя основныя черты, присущія этому развитію.

Прежде всего мы здѣсь видимъ, какъ изъ феодальной анархіи IX и X-го вѣковъ выростаютъ новыя политическія образованія, складываются государства съ болѣе крѣпкой внутренней связью. Естественно возникаетъ вопросъ, въ какія отношенія стала церковь къ этимъ образованіямъ? Еще гораздо важнѣе была новая сила, которая, въ періодъ отъ клюнійской реформы до XIII-го вѣка, значительно измѣнила строеніе западноевропейскихъ обществъ,—эта сила была ростъ городовъ. Городъ постепенно выходилъ изъ сѣти феодальныхъ отношеній, разстояніе между нимъ и деревней постепенно увеличивалось; тамъ нерасчлененная масса людей, живущихъ отъ земли и привязанныхъ къ землѣ,—здѣсь начало профессіональной дифференціаціи. Городская жизнь сложнѣе сельской; она выставляетъ новые запросы, которые требуютъ и новыхъ средствъ удовлетворенія. Въ городахъ совершался одновременно процессъ и накопленія матеріальныхъ благъ, и созданія новыхъ навыковъ, мыслей и чувствъ; волна еретическаго движенія, постепенно растущая въ теченіе XI и XII вѣковъ и грозящая при Иннокентіи III уже „потопить ладью св. Петра", беретъ свое начало въ нихъ.

Въ какомъ отношеніи стояла къ этимъ перемѣнамъ церковь? Обратимся къ ея мѣстнымъ органамъ. Основными церковными единицами этой эпохи были приходъ и епархія; надъ епархіей стояли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ митрополіи, но уже въ клюнійскую эпоху онѣ потеряли значеніе [1]). Мы впадаемъ въ анахронизмъ, если умозаключаемъ отъ этихъ единицъ къ нѣкоторой приходско-епископальной системѣ, которая явилась лишь впослѣдствіи, на почвѣ борьбы клира съ монашествомъ и куріей.

Въ эпоху клюнійской реформы деревни были распредѣлены довольно правильно между приходами; въ городахъ, напротивъ того, они только складывались, и никакого Pfarrzwang тамъ еще не было [2]). Приходъ былъ именно чисто сельской

---

[1]) Hinschius, Kirchenrecht B. II, S. 13. Berlin 1869—86.

[2]) Hinschius, II, 279.

единицей; весьма часто онъ основывался мѣстнымъ землевладѣльцемъ. Надъ приходскимъ клиромъ тяготѣло желѣзное право патроната; и для церкви, какъ для земли, имѣло силу правило: nulle église sans seigneur [1]). При частноправовомъ воззрѣніи на церковь (ecclesiae propria hereditas) патронъ былъ повелителемъ священника, и отъ него зависѣла всецѣло судьба послѣдняго. Можно сказать, что вызванная клюнійскою реформой эмансипація церкви всего менѣе затронула сельское духовенство. И это понятно. Приходскій священникъ былъ такъ же фактически прикрѣпленъ къ землѣ, обладалъ такимъ же скуднымъ духовнымъ горизонтомъ, какъ и крестьяне, составлявшіе его паству [2]).

Что касается до епископовъ, то, при большомъ разнообразіи въ ихъ положеніи, мы можемъ выдвинуть одну общую черту: они не были такъ же зависимы, какъ приходское духовенство, но они не менѣе его были опутаны феодальными узами. Всюду свѣтская власть оказывала большее или меньшее давленіе на ихъ выборъ. Начиная съ конца IX вѣка папскія буллы обезпечиваютъ свободу выбора и защиту отъ гнета королевской власти, какъ особую привилегію отдѣльнымъ епископамъ. Въ X вѣкѣ и въ Германіи, и во Франціи самостоятельность епископской власти поглощается — въ первой странѣ свѣтской аристократіей, во второй — королевской властью [3]). Далѣе епископъ, какъ членъ феодальной іерархіи, постоянно затемняетъ епископа, какъ духовное лицо. Мы знаемъ, что въ эпоху борьбы за инвеституру у папы Пасхалиса явилась мысль, что свѣт-

---

[1]) Imbart. de Latour: Les paroisses rurales dans l'ancienne France: Revue historique 1896, 120—121; p. 242 Les élections episcopales dans l'église de France Paris, 1891 XVI и 186—1891.

[2]) Hinschius II, 6. Imbart de Latour passim. Извѣстная реакція въ этомъ отношеніи была. Quod semel ecclesiae datum est, говоритъ Плацидъ Нонантульскій, in perpetuum Christi est in tantum, ut etiam idem ipse fabricator ecclesiae postquam eam deo voverit et consecrari fecerit, in ea deinceps nullum jus habere possit. Pez, Thesaurus anecdotarum II, 288. Напоминали это и папы, но такое пониманіе патроната долго оставалось теоретическимъ. Гиншіусъ указываетъ, что формула: patronatus est jus spirituali connexum—входитъ въ силу лишь съ Люція III.

[3]) Imbart de Latour, Les élections épiscopales, p. 263.

скія владѣнія епископовъ представляютъ причину ихъ зависимаго положенія, и что борьба разрѣшилась бы сама собой отказомъ отъ этихъ владѣній и отъ необходимо связанной съ ними свѣтской власти [1]). Это былъ взглядъ Арнольда Брешійскаго, раздѣляемый большинствомъ еретиковъ XII вѣка, но и главный противникъ Арнольда, Бернардъ Клервоскій, предчувствовалъ, что корень порабощенности и испорченности церкви лежитъ въ ея богатствѣ.

Въ какомъ отношеніи стояла епископская власть къ соціальному развитію? Церковь сдѣлалась самымъ крупнымъ земельнымъ собственникомъ, епископы стали феодальными князьями [2]); понятнымъ становится тотъ странный фактъ, что подъ давленіемъ увеличившихся матеріальныхъ интересовъ церковь, въ лицѣ епископовъ, забыла о своей освободительной миссіи, которую она энергично выполняла еще въ меровингскомъ государствѣ, и противодѣйствовала освобожденію сельскаго населенія отъ крѣпостного права [3]). Не менѣе враждебна оказалась она городамъ, боровшимся за свою самостоятельность. Изслѣдователи исторіи французскихъ, бельгійскихъ и нѣмецкихъ городовъ указываютъ, что этимъ послѣднимъ болѣе приходилось защищаться отъ духовныхъ князей, чѣмъ отъ свѣтскихъ феодаловъ [4]). Притомъ же, большинство городовъ находилось подъ непосредственнымъ гнетомъ епископской власти—особенно въ Германіи: исторія Майнца, Вормса, Шпейера, Вюрцбурга, Бремена и т. д. наполнена борьбой этихъ городовъ съ духовными князьями.

Духовная сторона епископской власти, затемняемая свѣтской, встрѣчала помѣху въ своемъ развитіи еще съ другой стороны. Универсальная программа папъ была несо-

---

[1]) Migne Patrol 163, p. 314—315.

[2]) Imb. de Latourp. 33—34 Qu'est devenu l'évêché? Une eusemble de terres, d'églises, de droits de toutes sortes possédés par l'évèque.

[3]) См. Fournier „Les affranchissements du V à XII siècle. Revue Historique, 1883, v 21. Wauter, Les libertés communales, pass. Bruxelles, 1878.

[4]) Kallsen. Die deutche Städte im Mittelalter, S. 247 etc. Halle, 1891. Wauters, 301. etc, 532. Luchaire. Les communes françaises à l'époque des Capetiens directs. p. 291 etc. Paris, 1890. Paulucci: L'idee di Arnoldo di Brescia—Riv. Stor. ital. 1887 p. 669.

вмѣстима съ свободнымъ развитіемъ мѣстной церковной жизни. Въ IX и X вѣкахъ центръ тяжести обще-церковной жизни лежитъ на епископахъ и провинціальныхъ синодахъ; послѣ клюнійской реформы онъ начинаетъ перемѣщаться къ Риму. Благодаря развитію права апелляцій рѣшающій голосъ во всѣхъ дѣлахъ принадлежитъ куріи. Однако, епископы не обращаются въ послушное орудіе куріи; солидарные въ борьбѣ за привилегированное положеніе церкви среди свѣтскаго общества, они являются для папъ крайне невѣрными помощниками, и эта глухая борьба Рима и мѣстныхъ церквей не прекращается въ теченіе XI и XII вѣковъ.

Къ этому надо прибавить еще одно слѣдствіе двойственнаго положенія епископовъ. Образъ ихъ жизни подвергался жестокимъ обличеніямъ и насмѣшкамъ въ теченіе всего этого періода; въ немъ заключался тотъ „perniciosum argumentum“, которымъ, по свидѣтельству самого Иннокентія III-го, еретики удачно пользовались въ своихъ нападкахъ на церковь. Принадлежа къ феодальной аристократіи, епископы жили, какъ эта послѣдняя, но оцѣнкѣ они подвергались, какъ члены церкви. Между тѣмъ, клюнійская реформа поставила болѣе высокія требованія отъ духовенства, и съ начала XI-го вѣка все громче и громче раздаются голоса, призывающіе къ исправленію клира. Эти голоса исходятъ не отъ однихъ ревнителей церковнаго идеала, подобныхъ Бернарду, и не отъ однихъ еретиковъ: все сильнѣе чувствуется неудовлетворенность общества его пастырями, отразившаяся и въ сатирической литературѣ. И какъ ни различаются обличители по своему характеру и міросозерцанію, картины, которыя они раскрываютъ передъ нашими глазами, удивительно сходны.

Программа духовнаго правленія, которую усвоило себѣ папство съ эпохи клюнійской реформы, требовала для своего осуществленія соотвѣтствующихъ органовъ. Мы указали на основные моменты, мѣшавшіе епископамъ и приходскому духовенству быть проводниками этихъ началъ духовнаго правленія. Для правящей церкви становилось вопросомъ неотложной необходимости имѣть другія средства воз-

дѣйствія на общество. Посмотримъ, чѣмъ располагала въ этомъ отношеніи курія.

Въ теченіе XI и XII вѣковъ мы видимъ постепенное развитіе одного института, который долженъ былъ, помимо епископовъ и до извѣстной степени въ ущербъ ихъ вліянію, осуществлять програму папъ: мы говоримъ о легатахъ. Они становятся такъ же необходимыми въ церковной жизни, какъ необходимы missi dominici каролинской монархіи. Какъ тѣ, такъ и другіе указывали на то, что центральная власть видѣла невозможность проводить въ жизнь свой планъ при помощи обычныхъ, постоянно дѣйствующихъ на мѣстѣ органовъ. Викаріевъ древняго періода постепенно смѣнили legati ordinarii et extraordinarii: вся ихъ власть цѣликомъ вытекала изъ папской власти. Уже изъ писемъ Григорія VII мы видимъ, что однимъ давалось лишь извѣстное порученіе, другихъ папа дѣлалъ какъ бы своими намѣстниками въ извѣстномъ раіонѣ [1]). Впослѣдствіи изъ нихъ первое мѣсто заняли такъ называемые legati a latere, власть коихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенно важныхъ дѣлъ, равнялась папской; не даромъ въ эпоху наибольшей силы теократическихъ идеаловъ ихъ защитники такъ любили называть римскаго первосвященника „легатомъ Бога на землѣ". Епископы и провинціальные соборы постоянно жалуются, что система папскихъ legationum нарушаетъ правильный ходъ церковной жизни; они всячески старались добыть изъ Рима привилегію неподсудности легатамъ; полнаго изъятія отъ власти послѣднихъ они не получаютъ, но часто освобождаются отъ подчиненія другимъ легатамъ, кромѣ a latere [2]). Папскія легаціи, какъ средство проводить извѣстную программу, были, конечно, недостаточны уже по своей численной незначительности [3]).

---

[1]) Ep. VI, 2 „quibus Romanus pontifex aliquam legationem injungat vel quod majus est vicem suam indulgeat" См. Bouix, Tractatus de curia romana, de cardinalibus et legatis. Paris, 1880.

[2]) Какъ примѣръ обширности полномочій и компетенцій, представляемыхъ легатамъ въ XIII в., см. Potthast Regest. Pont. II, 21422—21448.

[3]) Еще ближе, чѣмъ легаты, стоятъ къ апостольскому престолу кардиналы. По мѣрѣ того, какъ самостоятельность епископской власти ограни-

Но рядомъ съ церковью, привязанной къ землѣ и опутанной феодальными отношеніями, — церковью, въ коей рѣшительно преобладало территоріальное начало, и организація которой роковымъ образомъ была связана съ распредѣленіемъ земельной собственности и натуральнымъ хозяйствомъ, — съ эпохи клюнійской реформы начинаетъ расти другая церковь, идеалъ коей полное освобожденіе отъ свѣтскихъ узъ, универсальная, воспитывающая власть надъ христіанскимъ міромъ. Она хочетъ облечься въ ту форму, которую имѣла христіанская церковь, когда на нее еще не были наложены рамки ни римскаго, ни германскаго строя. Первое стремленіе ея — это независимость отъ мѣстныхъ условій и созданіе собственной внутренней іерархической организаціи; она предчувствуетъ, что лишь при этомъ она можетъ духовно править свѣтскимъ обществомъ. Это различіе двухъ элементовъ въ церкви основное; оно болѣе глубоко, чѣмъ различіе епископально-приходской организаціи, съ одной стороны, и монашества, съ другой. Само монашество далеко не оставалось свободнымъ отъ территоріальныхъ условій, и нерѣдко аббатъ такой же феодальный сеньоръ, какъ и епископъ. Онъ не уклоняется отъ воинственныхъ предпріятій; аббатъ Вейссенбургскій, который пошелъ войной въ 981 году на своего епископа Шпейерскаго, отнюдь не былъ единственнымъ въ своемъ родѣ [1]). „Когда видишь, какъ они идутъ“, говоритъ Бернардъ Клервосскій, „то примешь ихъ не за духовныхъ отцовъ, а за владѣльцевъ замковъ, — не за пастырей душъ, а за правителей провинцій“ [2]). Мы можемъ только сказать, что освобожденіе отъ этихъ условій сдѣлалось господствующей тенденціей въ той части монашества, которая со времени клюнійской реформы получила преобладающее вліяніе на

чивается въ пользу папской централизаціи, растетъ и преимущественное значеніе кардиналовъ. Когда Александру III удалось сдѣлать то, чего не могъ сдѣлать Николай II, — именно передать въ руки кардиналовъ выборъ папы, эта связь стала еще тѣснѣе. Но кардиналы находились постоянно въ Римѣ и въ мѣстной церковной жизни участвовали лишь въ качествѣ папскихъ легатовъ.

[1]) См. примѣры у Hauck. Kirchengeschichte Deutschlands III S. 441

[2]) Migne t. 162. Apologia ad Guille. S. Theodori abb. c. 11.

церковныя дѣла. Исторія борьбы съ симоніей прекрасно иллюстрируетъ эту перемѣну. Слова реформаторовъ, настойчиво указывавшихъ на то, что они хотятъ не реформъ, а реставраціи и очищенія отъ злоупотребленій, не должны скрывать отъ насъ сути дѣла.

Обратимся къ другой сторонѣ — отношенію реформированнаго монашества къ куріи. Это отношеніе вовсе не исчерпывается тѣмъ, что ордена предоставили въ ея распоряженіе извѣстныя силы, которыя она могла противопоставлять епископамъ. Клюнійская реформа, превратившаяся въ реформу папскаго престола, подвергла этотъ послѣдній самому глубокому вліянію монашества. Съ этой эпохи мы постоянно видимъ папъ, вышедшихъ изъ монаховъ (всѣ преемники Григорія VII—Викторъ III, Урбанъ II, Пасхалисъ II, Геласій II—до Каликста); при спорѣ нѣсколькихъ претендентовъ голоса орденовъ являются могущественной поддержкой: такъ, во время борьбы Александра III съ Викторомъ IV, первый изъ нихъ былъ весьма много обязанъ помощи цистерзіанцевъ [1]). Можно сказать, что это вліяніе монашества на курію особенно ярко воплотилось въ могучей личности Бернарда Клервосскаго. Идеалъ Бернарда сводился къ тому, чтобы папство сдѣлалось верховной и направляющей силой въ церкви, но чтобы, съ другой стороны, въ немъ былъ совершенно устраненъ характеръ личной власти [2]). Мы имѣемъ многочисленные памятники папской симпатіи къ орденамъ; папы охотно поручаютъ себя ихъ молитвамъ и постоянно стремятся расширить сферу ихъ дѣятельности на счетъ свѣтскаго клира. Безъ сомнѣнія, это противорѣчило духу церковной организаціи, которая въ принципѣ отстраняла монашество отъ духовнаго правленія „cura animarum“, выражаясь средневѣковымъ терминомъ. Но

---

[1]) „Мы помнимъ“, говоритъ Александръ III, „со всей благодарностью, какъ ваша непоколебимая вѣрность сохранила среди бури бросаемый по волнамъ корабль св. Петра, и мы знаемъ, что вашими заслугами было умиротворено божественное правосудіе. Migne 200, p 594 ep. 673.

[2]) Языкъ, которымъ говорилъ Бернардъ съ папами, не былъ единственнымъ примѣромъ въ своемъ родѣ. Когда Пасхалисъ II уступилъ Генриху V, аббатъ Монте-Кассино Готфридъ Вандомскій упрекалъ его за то, что тотъ не умеръ ради церкви. Migne. 157, ep 7.

здѣсь не было выбора; церкви предстояло или быть подавленной мѣстными силами, или расширить поприще дѣятельности монаховъ.

Въ эпоху общаго одичанія и униженія церкви изъ клюнійскихъ монастырей возсіялъ новый свѣтъ, распространившійся по всей Европѣ; въ началѣ XII вѣка насчитываютъ болѣе 2000 этихъ монастырей; но уже въ XII вѣкѣ цистерзіанцы, отдѣлившіеся отъ клюнійцевъ, смотрѣли на нихъ какъ на недостойныхъ сыновъ св. Бенедикта; самимъ папамъ приходилось напоминать ордену о его забытыхъ обѣтахъ [1]). Въ XII вѣкѣ идеалы реформы проводились съ особенной силой цистерзіанцами. Первоначально они стремились къ возрожденію аскезы, которая поблекла у клюнійцевъ, но они не ограничивались этимъ подобно картезіанцамъ. Они весьма дѣятельно вошли въ общую церковную жизнь, постоянно вступали въ столкновенія съ епископами; многіе легаты XII и XIII-го вѣковъ вышли изъ этого ордена [2]). Тѣмъ не менѣе, мы напрасно старались бы найти въ ихъ Правилѣ и въ постановленіяхъ ихъ капитуловъ какіе нибудь новые творческіе элементы. Полемизируя съ клюнійцами, они упрекали ихъ въ отступленіи отъ Правила, а не въ недостаточности самаго Правила [3]).

Тамъ, гдѣ цистерзіанцы дѣйствовали, такъ сказать, на свѣжей почвѣ, они оказали огромныя услуги культурѣ странъ [4]), — но это была дѣятельность піонеровъ колонизаціи, которые прорубали лѣса, прокладывали дороги, основывали города. Но у цистерзіанцевъ не было возможности входить въ соприкосновеніе со всѣми слоями общества, являться его воспитателями, оставаясь въ то же время на высотѣ аскезы. Даже по самому своему мѣстопребыванію—

---

[1]) См. буллу Иннокентія III 15 марта 1213 г.—Bullar. Rom. III, 273. (Тамъ невѣрно отнесена къ 1214 г.).

[2]) Januschek: Origines Cistersiensium p. V. Wien, 1877. Winter. Die Cistersienser des nordöstlichen Deutschlandes, B. I, S. 154 Gotha, 1871.

[3]) См. Dialogus inter cluniacensem et cistersiensem въ Thesaurus Anecdotarum Durandi et Marteni, t. V, p. 1571. О нападкахъ свѣтскаго клира на цистерзіанцевъ см. у Вальтера Мэпса (Latin poems commonly attributed to Walter Mapes, edited by Camden Society). См. Winter I, 179.

[4]) См. Winter. Die Cistersienser des nordöstlichen Deutschlands II, 168—177.

вдали отъ многолюдныхъ центровъ, въ пустынныхъ и дикихъ мѣстностяхъ—они были обычно отрѣзаны отъ общенія съ нарождающимися городскими классами [1]). И передъ ними была открыта альтернатива—или погрузиться въ безжизненную аскезу подобно картузіанцамъ, или пойти по скользкому пути обогащенія, накопленія монастырскихъ имуществъ, и можно видѣть, что этотъ орденъ не избѣгъ судьбы своихъ предшественниковъ.

Такимъ образомъ, средства, которыми располагала курія для осуществленія своей програмы, хотя и увеличились, но далеко не были достаточны ни количественно, ни тѣмъ болѣе качественно. Становилось жизненнымъ вопросомъ найти формы воздѣйствія на общество, при помощи которыхъ церковь могла бы подготовить его къ воспринятію царства Божія на землѣ.

Во всякую эпоху должна существовать извѣстная гармонія между духовнымъ состояніемъ общества и тѣми средствами удовлетворенія религіозныхъ его потребностей, которыя ему даетъ жреческая или церковная организація. Безъ сомнѣнія, при неравенствѣ развитія отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ эта гармонія легко нарушается, но пока неудовлетворенность чувствуется лишь немногими, ищущими исхода въ религіозномъ вдохновеніи и творчествѣ, традиціонныя формы сохраняютъ свою жизненность.

Мы не видимъ ничего, что̀ бы нарушало полную гармонію между церковью и обществомъ въ эпоху, предшествовавшую клюнійской реформѣ. Церковное ученіе отдѣляется очень большимъ разстояніемъ отъ первоначальнаго христіанства, и все же среди всеобщаго хаоса церковь остается единственной зиждительной силой; она даетъ внѣшнюю безопасность и внутреннее удовлетвореніе. Правда, ея служителя не всегда легко отличишь отъ свиты его патрона, а епископъ ея очень напоминаетъ графа, но такъ какъ тре-

---

[1]) Orig. Cister. p. VII „Consederunt autem Cistersienses procul aburbium tumultu in vallibus abditis“.

бованія отъ клира сводятся къ тому, чтобъ онъ совершалъ извѣстныя сакраментальныя дѣйствія, то зависимость его отъ патрона или положеніе феодальнаго сеньора не дѣлаютъ его менѣе пригоднымъ. Вспомнимъ, что народы Западной Европы, за исключеніемъ, можетъ быть, Италіи, едва ли успѣли сдѣлать больше, чѣмъ перекрестить христіанскими именами свои языческія представленія. Внутри церкви догматическое единство непоколебимо. Среди клира мы встрѣчаемъ лицъ, ортодоксальность которыхъ была заподозрѣна, но мы не встрѣчаемъ еретическихъ теченій въ народѣ. Церковная политика всецѣло вращается около непосредственно-практическаго.

Клюнійская реформа была первымъ великимъ проявленіемъ роста христіанскаго сознанія германскихъ народовъ Европы. Ея ближайшимъ слѣдствіемъ было не только очищеніе монашеской жизни, но и совершенно измѣнившееся положеніе монашества относительно общества и клира, глубокое измѣненіе религіозно-общественныхъ идеаловъ. Какъ ни разнообразны были мотивы, влекущіе къ монашеской жизни, важно то, что съ этой эпохи укореняется представленіе, что для личнаго спасенія нельзя довольствоваться обычными средствами, которыя даетъ мірянамъ церковь. Появляется цѣлый рядъ новыхъ орденовъ; создаются братства людей, не выходящихъ изъ обычныхъ формъ гражданской жизни, но въ то же время налагающихъ на себя извѣстный обѣтъ: первый образецъ учрежденія такого полумонашескаго типа дали премонстратензы [1]). И хотя монашескій обѣтъ былъ прежде всего отказомъ отъ мірской жизни, въ немъ косвенно заключается выходъ изъ-подъ религіозной опеки клира. Въ этомъ отношеніи правила монашескихъ орденовъ не должны насъ вводить въ заблужденіе, постоянно настаивая на почтеніи къ священническому сану, къ таинству евхаристіи [2]). Въ глазахъ же общества монахъ былъ гораздо болѣе священнымъ лицомъ, чѣмъ

---

[1]) Helyot: Histoire des ordres monastiques v. II, p. 156 etc.

[2]) См. Bernardi Clervac. ep. 7 и постановленіе капитула цистерціанскаго ордена 1134 г. въ Codex Regularum Holstein-Bruck v. II.

клирикъ. Bonus clericus—malus monachus,— повторяли слова Августина [1]).

Какъ мы уже видѣли, обновленное клюнійской реформой папство направило всю свою дѣятельность къ тому, чтобы возвысить положеніе монашества. Союзъ былъ изъ самыхъ плодотворныхъ. Могла-ли епископальная церковь противопоставить кого-нибудь Бернарду Клервосскому, сила нравственнаго вліянія котораго на папъ и монарховъ, церковь и націи представляется столь удивительной [2])?

Многочисленные ордена, возникшіе въ XI и XII вѣкахъ, различались въ подробностяхъ своей организаціи, но основные принципы, вложенные въ нее, были сходны; всѣ правила этихъ орденовъ представляли видоизмѣненія уставовъ Бенедикта и Августина. Не всѣ темпераменты и не всѣ умственные типы людей, не видѣвшихъ спасенія въ обычныхъ путяхъ, предлагаемыхъ церковью, укладывались въ рамки монашеской жизни. Клюнійская реформа произошла изъ того же источника, который впослѣдствіи привелъ къ глубокому разрыву между клиромъ и свѣтскимъ обществомъ. Передъ нами проходитъ цѣлый рядъ людей, строго осуждавшихъ существующую церковь; было бы нецѣлесообразно соединять ихъ всѣхъ въ одну группу, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Рокэнъ [3]), для котораго всякій, кто что-нибудь критиковалъ въ современной ему церковной жизни, принадлежалъ къ духовнымъ предкамъ Лютера. Одни изъ этихъ людей, при всей рѣзкости осужденія, сдѣлались святыми римской церкви, память которыхъ она до сихъ поръ чтитъ, какъ своихъ доблестныхъ сподвижниковъ, другіе погибли отъ руки палача, которую направляла эта же церковь; одни осуждали несовершенство работниковъ въ виноградникѣ Господнемъ, другіе доходили до

---

[1]) См. Dialogus inter clun. et cist., p. 1625.

[2]) „Il a laissé", говоритъ Люшеръ, au monde l'exemple d'une énergie et d'un vertu, qui dépassèrent l'humanité—Revu historique 1899 Nov.-Dec., p. 242.

[3]) См. Roquain: La coure de Rome et l'esprit de réforme avant Luthere Paris 1893—5. Отъ этого упрека трудно освободить и Гаусрата. См. его средневѣковые реформаторы I—II. Русскій переводъ: Москва 1900.

отрицанія основныхъ истинъ католическаго христіанства. Но какъ ни различны крайніе представители, переходъ отъ избранныхъ сыновъ церкви къ еретикамъ отличался чрезвычайной постепенностью; да и между самими еретиками церковь дѣлала различія: катары, напримѣръ, въ ея глазахъ были болѣе „сынами погибели", чѣмъ вальденцы [1]).

Такъ, въ дѣятельности Арнольда Брешійскаго намъ нелегко опредѣлить, насколько далеко онъ стоялъ отъ церкви и изъ какихъ мотивовъ онъ требовалъ отнятія имуществъ у нея. Въ этомъ пунктѣ сходились и средневѣковые публицисты, полемизировавшіе съ церковью во имя права государства, и утописты-мистики, скорбѣвшіе о томъ, что духовная чистота церкви замутняется ея матеріальными отношеніями, и взывавшіе къ полному отказу отъ этихъ отношеній. Греческая церковь такъ же нравилась Императору Фридриху II, какъ и апокалиптическимъ мечтателямъ XIII вѣка.

Особый интересъ для характеристики духовнаго уровня общества представляютъ вальденцы. Въ то время, какъ въ ереси катаровъ мы находимъ традиціи древнихъ манихеевъ и миѳологію Передней Азіи, вальденцы обнаруживаютъ предъ нами, насколько глубоко уже проникъ въ общество христіанскій идеалъ, и насколько болѣзненно ощущалось несоотвѣтствіе ему церковной практики. Петръ Вальдусъ свободенъ отъ всякихъ религіозно-метафизическихъ умствованій. Когда услышанныя слова евангелія рѣшаютъ его судьбу, ничто еще не изобличаетъ въ немъ смѣлаго религіознаго реформатора; и если онъ не удовлетворяется тѣмъ, что даетъ церковь, то онъ хочетъ исправить не церковь, а жизнь свою и окружающихъ. Естественный путь къ этому— сдѣлать общимъ достояніемъ тотъ самый источникъ свѣта, коимъ онъ обрѣлъ спасеніе. Реформа жизни должна состоять въ приближеніи ея къ Евангелію, а для этого надо, чтобы Евангеліе проникло въ массу; и вотъ, является мысль о переводѣ Св. Писанія и проповѣди. Самъ Вальдусъ, по

---

[1]) См. сравненье вальденцевъ и катаровъ въ Ann. Eccl. Ragnaldi 1204 c. 63.

преданію, нажившій богатство ростовщичествомъ, естественно, увидѣлъ въ матеріальныхъ благахъ главный мотивъ отчужденія отъ Евангелія, и вотъ онъ даетъ обѣтъ не имѣть ни золота, ни серебра и не заботиться о завтрашнемъ днѣ.

Вальденское общество не представляетъ въ первыхъ своихъ стадіяхъ ничего еретическаго, и, по преданію, самъ папа принялъ Вальдуса съ распростертыми объятіями [1]). Уже къ началу XII вѣка у папъ укоренилось убѣжденіе въ необходимости воздѣйствовать на народъ путемъ проповѣди. И провинціальные синоды требуютъ отъ епископовъ и священниковъ проповѣдей, но составъ духовенства часто столь мало подходилъ для этой задачи, что Трирскій соборъ 1221 года долженъ былъ вовсе запретить необразованнымъ священникамъ проповѣдь [2]). Но тутъ являлся другой вопросъ: какъ сложатся отношенія между этими новыми проповѣдниками и служителями клира, на обязанности котораго прежде всего лежало наставлять народъ? Мы знаемъ, что мѣстный архіепископъ увидѣлъ въ дѣятельности Вальдуса узурпацію правъ духовенства, а уже въ 1183 году папа Люцій отлучаетъ вальденцевъ, какъ новыхъ еретиковъ. Это, конечно, способствуетъ только объединенію неустойчиваго до сихъ поръ элемента и образованію тѣсно-сплоченной секты. Черезъ 35 лѣтъ послѣ отлученія на соборѣ въ Бергамо мы видимъ вальденцевъ съ твердо выработаннымъ ученіемъ и рѣзко формулированными различіями между французской и итальянской группами [3]). Замѣчательно, однако, что, несмотря на отлученіе, папы долго не показывали большой строгости къ вальденцамъ. Даже Иннокентій III въ разгаръ альбигойскихъ походовъ взялъ подъ свое покровительство вышед-

---

[1]) Chron. Lugdun. p. 449 въ Monum. Ger. Scrip. XXVI, 447 - 9.

[2]) На четвертомъ Латеранскомъ соборѣ были учреждены при епархіяхъ особые проповѣдники, которымъ предоставлялось и право исповѣди. См. Mansi Collectio concil. t. 22 p. 998

[3]) См. Preger: Beiträge zür Geschichte Waldenser im Mittelalter—въ Abhandlungen der könig. bayer. Akademie, III Cl. B. XIII, S. 177—250, K. Müller: Die Waldenser und ihre einzelnen Gruppens 23—56. Gotha, 1886. Гаусратъ II с. 61 и далѣе.

шаго изъ нихъ Дурандо де-Оско, поставилъ его во главѣ общины и защищалъ отъ притѣсненій епископовъ [1]). Весьма близкіе къ вальденцамъ humiliati также пользовались его покровительствомъ; они были избавлены даже отъ сборовъ въ пользу духовенства [2]); такой безпощадный обличитель пороковъ клира, какъ Іаковъ Витріакъ, говоритъ о нихъ съ большой похвалой, ставя ихъ въ примѣръ монахамъ [3]). Но рядомъ съ этимъ папы стараются подавить проявляющуюся духовную самостоятельность общества. Въ своей буллѣ, обращенной къ мецскому епископу, Иннокентій III строго запретилъ мірянамъ разсуждать о вѣрѣ, составлять общины, осуждать церковь, а соборы начинаютъ бороться съ распространеніемъ среди мірянъ библіи [4]).

Такимъ образомъ, все болѣе и болѣе выяснялось, что если папы для осуществленія своей програмы находили недостаточными тѣ средства, которыми обычно располагала церковь, то и среди свѣтскаго общества чувство неудовлетворенности, переходившее въ чувство недовольства, все росло. Въ высокой степени свойственный среднимъ вѣкамъ корпоративный духъ былъ крайне благопріятенъ для превращенія обществъ, создававшихся первоначально подъ вліяніемъ свободнаго религіознаго порыва, въ нѣкоторыя организованныя іерархически-расчлененныя цѣлыя. Римская курія нуждается въ новыхъ органахъ; среди свѣтскаго общества, преимущественно городского, проявляется потребность новыхъ способовъ къ удовлетворенію религіознаго чувства, понимаемаго въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Изъ взаимодѣйствія этихъ двухъ моментовъ въ XIII вѣкѣ вытекли важныя перемѣны во внутреннемъ строѣ католической церкви, наложившія на нее печать, которой не стерли съ нея многочисленныя, испытанныя ею съ той поры до нашихъ дней потрясенія.

---

[1]) Ann. Eccl. 1212, 9.

[2]) Tiraboschi: Veter. humiliat. Monumenta. II, 156.

[3]) См. Historia Occidentalis—глава „de humiliatis“.

[4]) См. Bullarium privillegiorum et diplomatorum v. III, n. 25, p. 91.

Глава I.

Въ началѣ своихъ анналъ Ваддингъ характеризуетъ критическое положеніе церкви въ ту эпоху, когда Францискъ Ассизскій выступилъ съ своей проповѣдью: „Multe et longe gravior, qaam credi possit, qualis non fuit ab initio illo insurrexerit tempore in sanctam Ecclesiam persecutio; undique horror, undique periculum, foris gladius, intus heresis et corruptio". Повсюду угрожали ей еретики — вальденцы, альбигойцы, амальрикане. Преслѣдованіе императоровъ, угнетеніе христіанъ на Сѣверѣ и на Востокѣ, пороки въ обществѣ и духовенствѣ (clericorum viluit status, regularum evanuit disciplina, monasticae conversationis fervor in cunctis fere locis tepuit) — все это тяготѣло надъ церковью [1]). Изъ этого печальнаго, почти безысходнаго положенія — ибо у церкви не оказывалось общественной поддержки, на которую она могла бы опереться,—ее вывели Францискъ и Доминикъ, съ помощью основанныхъ ими нищенствующихъ орденовъ. Это воззрѣніе стало господствующимъ въ католической исторіографіи. Оно воспроизводится почти съ дословнымъ сохраненіемъ ваддинговскихъ оборотовъ и въ безчисленныхъ популярныхъ книжкахъ, касающихся жизни Франциска и Доминика, а также исторіи орденовъ, и въ научныхъ трактатахъ.

Новѣйшая историческая критика представила вопросъ въ иномъ свѣтѣ. Она указала на то, что позднѣйшее развитіе францисканскаго ордена пошло совсѣмъ не по тѣмъ путямъ, на которые хотѣлъ направить свою общину Францискъ, и что приращеніе силъ церкви, происшедшее отъ инкорпориванія въ ея среду францисканцевъ, досталось

---

[1]) Wadd. — Annales minorum I, Apparatus §. I.

ей съ великими трудностями. Въ исторіи доминиканцевъ разрывъ между первоначальными стадіями и позднѣйшимъ развитіемъ былъ гораздо менѣе рѣзкимъ, но все же мѣсто ордена въ церковной системѣ опредѣлилось лишь постепенно.

Наша цѣль — изучить образованіе францисканскаго ордена и его отношенія къ римской куріи.

Мы должны начать съ характеристики личныхъ идеаловъ Франциска и того осуществленія, которое получили эти идеалы въ первоначальной общинѣ его учениковъ. Далѣе мы должны перейти къ тому, въ какія отношенія эта община стала къ правящей церкви, и какъ папа принялъ ее подъ свое покровительство.

Въ отношеніи ордена къ римской куріи выступаютъ два момента: прежде всего важно узнать, что̀ курія дала ордену и что̀ орденъ далъ ей. Такимъ образомъ, передъ нами уяснится, какія послѣдствія имѣлъ переходъ первоначальной общины въ орденъ.

Но этотъ переходъ не обошелся безъ сильной реакціи. Среди францисканцевъ чувство и сознаніе, что первоначальная ихъ община разрушена, а новая орденская организація, воздвигнутая на ея развалинахъ, не имѣетъ съ ней никакого внутренняго сходства, разлагающе дѣйствуетъ на ихъ единство, приводитъ къ расколу.

Орденъ, оказавшій такія великія услуги папству въ борьбѣ съ враждебными элементами, самъ является разсадникомъ еретическихъ ученій; наступаетъ моментъ, когда трудно опредѣлить, усилилъ ли орденъ церковь или ея враговъ. Эта реакція противъ направленія, даваемаго правящей церковью, и борьба съ папствомъ на этой почвѣ представляютъ второй существенный моментъ въ отношеніяхъ ордена и куріи.

Личность Франциска Ассизскаго, производившая такое неотразимо-чарующее впечатлѣніе на всѣхъ изслѣдователей, которые къ ней подходили, навсегда останется тѣмъ свѣтлымъ воспоминаніемъ, передъ которымъ преклонятся всѣ партіи и всѣ направленія. Къ нему насъ влечетъ не утом-

ленное современностью романтическое стремленіе уйти въ глубь среднихъ вѣковъ, а вѣра въ красоту и святость, до которыхъ способна подняться человѣческая природа. Поэтому прекрасная, хотя, быть можетъ, нѣсколько односторонняя характеристика Франциска, сдѣланная Сабатье [1], представляетъ вкладъ не только въ историческую науку, но и въ наше знаніе о человѣческой душѣ—вообще!

Но конкретное воспроизведеніе личнаго образа доступно для исторіи, поскольку она переходитъ въ область художественнаго творчества. Съ точки зрѣнія научнаго метода ея задачи сводятся къ анализу и объясненію: что въ данной личности можно отнести на долю общечеловѣческаго и что на долю того историческаго фона, на которомъ выступаютъ эти общечеловѣческія свойства.

Темпераментъ и вдохновеніе намъ приходится брать за данныя, но, безъ сомнѣнія, было бы ошибочно и противоисторично представлять себѣ дѣло такъ, будто атмосфера, въ которой выросъ Францискъ, имѣла лишь отрицательное значеніе,— что она сузила порывъ его любви къ Богу и ближнимъ, заставила отдать свои силы и свое чувство на служеніе господствующей церкви. Онъ такъ же связанъ со своимъ временемъ и своей родиной, какъ израильскій пророкъ или шотландскій пуританинъ.

Біографія Франциска дозволяетъ намъ прежде всего со значительной точностью опредѣлить общественную среду, изъ которой онъ вышелъ. Итальянскій городъ этой эпохи глубоко отличался отъ германскаго или сѣверо-французскаго. Никогда феодальная деревня не являлась такимъ страшнымъ врагомъ его, какъ на сѣверѣ; и въ итальянскомъ городѣ XIII-го вѣка мы не находимъ той рѣзкой, враждебной противоположности между феодаломъ и горожаниномъ, около которой вращается исторія нѣмецкихъ и французскихъ городовъ; можно сказать, что рыцарская культура

---

[1]) Въ его книгѣ Vie de S. François d'Assise. Успѣхъ этой книги въ публикѣ можно сравнивать лишь съ успѣхомъ сочиненій Ренана. Она вызвала цѣлую критическую литературу, особенно въ Италіи. Наиболѣе полная характеристика этой литературы у Raffaele Mariani: Francesco d'Assisi ed alcuni dei suoi piu recenti biographi—Napoli, 1896.

сама здѣсь глубоко проникла въ городскую жизнь. Сношенія съ Востокомъ, постоянное участіе въ политической борьбѣ, положеніе городовъ между папами и императорами расширяли горизонтъ гражданъ, а высота ихъ самосознанія и зрѣлости была засвидѣтельствована на поляхъ Леньяно. Внутри города ужъ начинались зловѣщіе признаки соціальныхъ столкновеній, будущей борьбы popolo grasso и popolo minuto.

Въ религіозномъ отношеніи Италія около 1200 года тоже представляла картину, полную жизни. Не изгладились еще слѣды движенія, поднятаго Арнольдомъ Брешійскимъ; рядомъ съ французскими вальденцами образуется ихъ итальянская вѣтвь; катары здѣсь такъ же многочисленны, какъ во Франціи, и между ихъ вѣрованіями даже больше разнообразія. Въ Южной Италіи еще дѣйствуетъ вліяніе греческой церкви, а изъ отдаленной Калабріи доносятся пророчества Іоахима Флорійскаго, открывающія судьбу церкви и народовъ. Прибавимъ къ этому необычайный ростъ папскаго авторитета и тѣ противорѣчія, особенно наглядныя въ Италіи, которыя существуютъ между идеальной концепціей папской власти и дѣйствительностью ея.

Францискъ вышелъ изъ богатаго торговаго класса городского населенія. Его юность протекала такъ же, какъ протекала она у большинства его сверстниковъ, одинаковаго съ нимъ происхожденія, можетъ быть, даже болѣе бурно. По словамъ Іордана Іанскаго онъ былъ славолюбивъ и не хотѣлъ остаться позади кого бы то ни было (cum gloriosus esset et nollet aliquid se precellere). Древнѣйшая біографія—первая легенда Челано—говоритъ объ этомъ совершенно положительно, что̀ причинило не мало хлопотъ позднѣйшимъ біографамъ-хроникерамъ, старавшимся представить дѣло такъ, что и до обращенія Францискъ былъ святой. Надо сознаться, что въ длинной галлереѣ портретовъ, которую открываютъ намъ Acta Sanctorum, онъ въ этомъ отношеніи стоитъ особнякомъ [1]).

Для опредѣленія мотивовъ первоначальной религіозной

---

[1]) 1 Cel. l. 1, c. 2. Срав. видѣнье бр. Льва у Barthol. Pis. Liber Confor. F. 188, 2.

дѣятельности Франциска намъ чрезвычайно важно разобрать его обращеніе. Къ счастью, источники даютъ довольно подробныя свѣдѣнія объ этомъ времени его жизни: вотъ, что можемъ мы изъ нихъ извлечь.

Возвратившись изъ Перуджіи, гдѣ онъ находился въ плѣну, Францискъ началъ вести прежнюю веселую жизнь. Но она была прервана тяжкой болѣзнью, угрожавшей ему смертью. Онъ отъ нея оправился, но его прежняя жизнь перестала его удовлетворять: чувствовался какой-то внутренній разладъ; мы не знаемъ, размышлялъ ли онъ, рефлектировалъ,—но, несомнѣнно, искалъ и страдалъ [1]). Наконецъ, онъ присоединился къ одному ассизскому рыцарю, отправлявшемуся въ Апулію сражаться подъ знаменами графа Джентиле за Иннокентія III: это предпріятіе было не простой рыцарской авантюрой, а носило характеръ служенія церкви. По дорогѣ онъ имѣлъ видѣніе, заставившее его вернуться въ родной городъ; вернулся къ нему и душевный разладъ.

Но въ этомъ тяжеломъ состояніи естественная сострадательность влекла Франциска къ обществу несчастныхъ и обездоленныхъ. До сихъ поръ его отношенія къ нимъ исчерпывались щедростью благотворителя; теперь онъ ощутилъ потребность войти съ ними въ болѣе близкое, братское общеніе. Францискъ искалъ утѣшенія и въ тѣхъ средствахъ, которыя предлагала церковь: онъ совершилъ путешествіе въ Римъ на поклоненіе апостоламъ; пораженный скудостью приношеній вѣрующихъ, онъ отдалъ всѣ деньги, которыя съ собой принесъ. Мы не знаемъ, какое вліяніе оказало на него это путешествіе въ Римъ: вѣроятно, моменты, когда онъ былъ у праха апостоловъ, укрѣпили въ его впечатлительной натурѣ чувство живой связи съ церковью. Здѣсь онъ нашелъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы, побѣдивъ естественную гордость, смѣшаться съ толпой нищихъ, стоявшихъ на паперти базилики св. Петра, и пробыть тамъ цѣлый день, прося вмѣстѣ съ ними милостыни. За этой побѣдой слѣдовала другая, еще болѣе трудная, въ борьбѣ

---

[1]) 1 Cel. l. 1, 3.

съ собственной гордостью и эгоизмомъ. Онъ пересилилъ свое чувство отвращенія къ прокаженнымъ, съ полнымъ самозабвеніемъ началъ ходить за ними. Въ своемъ завѣщаніи Францискъ вспоминаетъ объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ: „вотъ, какимъ образомъ Богъ далъ мнѣ, брату Франциску, начать дѣло покаянія. Когда я жилъ во грѣхѣ, мнѣ было весьма тяжело видѣть прокаженныхъ; но Господь самъ привелъ меня въ среду ихъ, и я остался съ ними. Когда я ихъ покидалъ, то, что прежде казалось мнѣ горькимъ, теперь стало для меня сладкимъ и легкимъ“ [1]).

Съ этихъ поръ въ душѣ Франциска рождается больше увѣренности. Если тѣ минуты, когда онъ служилъ людямъ, когда прежняя жизнь для него переставала существовать,—давали ему недостижимый въ другое время покой, то нельзя ли содержаніе этихъ минутъ превратить въ содержаніе всей жизни? И не чувствовалъ ли онъ себя въ эти минуты особенно близко къ Богу,—онъ, для котораго все живущее и дышащее, начиная съ человѣка и кончая „сестрой цикадой“, все, даже существующее въ видѣ стихій—огонь, вода и воздухъ,—охватывалось любовью, безграничной, какъ міръ, и возносившейся въ небо, къ трону Всевышняго?

Мы застаемъ его въ это время также занятымъ починкой старой и бѣдной церкви св. Даміана. Францискъ относился къ церквамъ почти какъ къ одушевленнымъ предметамъ; онъ былъ проникнутъ чувствомъ, что самъ Христосъ въ нихъ пребываетъ. Какой трепетъ восторга охватывалъ его при видѣ безкровной жертвы. Въ одну изъ минутъ, когда онъ смотрѣлъ на Распятіе, сердце его пріобщилось ранамъ Спасителя и какъ бы растаяло [2]). Весьма возможно, что эта любовь къ церковнымъ зданіямъ, богослуженію, къ внѣшней и внутренней сторонѣ католическаго культа предохраняла его отъ разрыва съ церковью.

Умиленный, онъ съ этой минуты рѣшился оставить родной домъ и началъ вести жизнь нищаго, не обращая вни-

---

[1]) Testam. у Wadd. 1226, 36.

[2]) Legenda 3 Sociorum, 5 „Ab illa hora vulneratum et liquefactum est cor ejus ad memoriam Dominicae passionis“. Это просвѣтленіе произошло въ церкви св. Даміана, которую онъ реставрировалъ.

манія на насмѣшки, которыми его повсюду осыпали. Отецъ обратился съ жалобой на него къ городскимъ консуламъ, но Францискъ объявилъ о своей неподсудности имъ, такъ какъ онъ принадлежитъ церкви: хотя онъ еще ничѣмъ не былъ внѣшнимъ образомъ связанъ съ церковью, но это заявленіе освобождало его отъ дѣйствія гражданскихъ законовъ. Дѣло переносится на судъ епископа: Францискъ выходитъ, раздѣвшись донага, кладетъ у ногъ епископа деньги и одежду и заявляетъ, что до сихъ поръ онъ называлъ своимъ отцомъ Бернардоне, но отнынѣ онъ хочетъ служить лишь Богу. Пораженный епископъ заключилъ его въ свои объятья и, повидимому, избавилъ отъ преслѣдованій со стороны отца [1]).

Съ этой минуты Францискъ отказывается отъ семьи и дома. Онъ начинаетъ обходить городъ и окрестности, собирая милостыню, посѣщаетъ прокаженныхъ, продолжая проявлять относительно ихъ самую нѣжную заботливость. Иногда въ немъ пробуждается какъ бы предчувствіе той великой миссіи, которая ему предстоитъ: разбойникамъ, напавшимъ на него, онъ называетъ себя вѣстникомъ великаго царя. Не забываетъ онъ и о починкѣ церкви св. Даміана, на которую онъ собиралъ повсюду пожертвованія. Когда къ веснѣ 1208 года она была готова, ободренный успѣхомъ, онъ задумалъ заняться починкой двухъ другихъ церквей въ окрестностяхъ Ассизы и привелъ ее въ исполненіе. Позднѣйшіе біографы въ этомъ исправленіи трехъ церквей видѣли таинственный смыслъ, предвѣщавшій три ордена, которые предстояло основать Франциску [2]).

Такимъ образомъ, обращеніе уже свершилось: Францискъ сбросилъ съ себя „ветхаго человѣка“, но, какъ часто бываетъ, онъ еще не могъ самому себѣ отдать яснаго отчета въ своей внутренней перемѣнѣ. При томъ же, до сихъ поръ онъ жилъ, такъ сказать, подготовляясь къ будущему, воспитывая себя, но куда примѣнить свои силы и свое чувство? Всѣ тѣ формы жизни, которыя онъ видѣлъ вокругъ себя, не доставляли ему удовлетворенія. Мы не находимъ никакихъ слѣдовъ, чтобы

---

[1]) 1 Cel. 1, 5—6.

[2]) Legenda Bonaventurae, 2.

онъ желалъ вступить въ какой-нибудь изъ существовавшихъ монашескихъ орденовъ [1]). Въ такомъ настроеніи услышалъ онъ за мессой евангельскія слова: „повсюду на пути проповѣдуйте и говорите: Царство Божіе близко. Излѣчивайте больныхъ, очищайте прокаженныхъ, изгоняйте бѣсовъ. Даромъ получили, даромъ и давайте. Не берите ни золота, ни серебра, ни денегъ въ поясѣ, ни мѣшка, ни двухъ туникъ, ни сандалій, ни посоха, ибо трудящійся достоинъ своей награды“.

Эти слова были откровеніемъ для Франциска: въ нихъ онъ увидѣлъ ту формулу жизни, потребность въ которой онъ такъ сильно испытывалъ. Болѣе того, онъ увидѣлъ въ этихъ словахъ нѣчто, принадлежавшее его внутреннему я, но не выходившее за предѣлы безсознательнаго. „Вотъ то,“—воскликнулъ онъ,—„чего я хочу, чего я ищу, къ чему стремлюсь всѣмъ сердцемъ“ [2])! Идеалъ созданъ, начинается работа надъ его осуществленіемъ.

Первый вопросъ, который мы должны себѣ поставить, естественно, сводится къ слѣдующему: насколько душевный процессъ, пережитый Францискомъ, представляетъ явленіе единичное въ его эпоху и не отражаетъ ли въ себѣ болѣе общихъ настроеній. Несомнѣнно, подобное обращеніе есть фактъ, свойственный всѣмъ временамъ и всѣмъ великимъ религіямъ: его переживали и Саккіа-Муни, и веселые современники Людовика XIV, мѣнявшіе свѣтскую жизнь на полное христіанское самоотреченіе и благотворительность. Можно сказать, что въ подобныхъ душевныхъ процессахъ вѣчное, обще-человѣческое играетъ болѣе важную роль, чѣмъ временное, историческое. Но нельзя игнорировать и послѣдняго.

Намъ сразу бросается въ глаза замѣчательная аналогія Франциска съ Петромъ Вальдусомъ. Оба они происходятъ изъ одного городского слоя. Какъ для Франциска его болѣзнь дала

---

[1]) Уже Ваддингъ и Болландисты совершенно отвергли извѣстіе, что онъ нѣкоторое время былъ въ орденѣ августиновъ-эремитовъ. См. Acta Sanctorum Octob. v. II, p. 578 Wadd. II, p. 443: „de praetenso monachatu S. Francisci“.

[2]) Hoc est, quod volo, hoc est, quod duaero, haec totis medullis cordis facere concupisco. 1 Cel. 1, 9 L. 3. S. 8.

первый толчекъ къ перелому, такъ и для Вальдуса—внезапная смерть его друга. Подобно Франциску, услышанныя имъ слова Евангелія раскрываютъ передъ нимъ ту жизненную формулу, къ которой онъ стремился; подобно Франциску, съ момента обращенія онъ сознаетъ въ себѣ потребность раздѣлить съ другими найденное имъ рѣшеніе и находитъ въ другихъ полное сочувствіе.

Въ этихъ обращеніяхъ характерно то, что Францискъ и Вальдусъ, оставаясь всецѣло на почвѣ церковнаго ученія, не нашли удовлетворенія въ формахъ жизни, представляемыхъ церковью. Францискъ и Вальдусъ какъ бы открываютъ нѣкоторыя новыя рѣшенія жизненной задачи и сейчасъ же дѣлятся этимъ открытіемъ съ окружающими [1]). Это совсѣмъ не имѣетъ характера религіозной пропаганды; это порывъ благороднаго сердца, не желающаго пользоваться вдали отъ своихъ ближнихъ найденнымъ благомъ. Несомнѣнно, что этотъ процессъ совершился въ душѣ Франциска съ несравненно большей силой и яркостью: всякое внутреннее движеніе его стремится вырваться наружу,—но, вѣдь, онъ не менѣе трубадуръ, чѣмъ святой. Далѣе характерно, въ чемъ они нашли рѣшеніе.—Въ бѣдности. Вся послѣдующая жизнь Франциска является какъ бы постояннымъ прославленіемъ ея, и лучшій художественный символъ этой жизни данъ во фрескѣ Джіотто, который изображаетъ обрученіе основателя серафическаго ордена со святою бѣдностью. Въ основѣ идеаловъ Вальдуса лежитъ та же бѣдность, хотя и представляемая имъ болѣе отвлеченно, безъ поэтическаго жара Франциска,—бѣдность, во имя которой онъ не хочетъ заботиться о завтрашнемъ днѣ. Наконецъ, въ суровой душѣ Доминика, цѣльная и монотонная натура котораго свободна отъ сложной борьбы, при видѣ бѣдственнаго положенія церкви съ полной ясностью подымается чувство, дѣлающееся убѣжденіемъ, что для спасенія ея необходимо возстановленіе

---

[1]) См. Anecdotes historiques, légendes et apologues tirés du recueil inedit d' Etienne de Bourbon par A. Lecoy de la Marche (publés par la societé de l'histoire de France Paris, 1880), и особ. Chron. lugdunen. въ Mon. Ger. Scrip. XXVI 447–9. Послѣдняя хроника ясно указываетъ, что первоначально Вальдусъ вполнѣ стоялъ на почвѣ церкви.

идеала бѣдности. Не было-ли здѣсь связи съ возрастаніемъ общественнаго богатства и съ его обычными болѣзненно ощущаемыми соціальными послѣдствіями? Для Франциска и Вальдуса бѣдность имѣетъ въ основѣ не аскетическій смыслъ; для нихъ она символъ евангельской свободы и братскаго общенія между людьми [1]).

Несомнѣнно, что здѣсь былъ моментъ, трудно совмѣстимый съ церковнымъ строемъ. Теоретически церковь осуждала и боролась противъ матеріальныхъ благъ; практически она слишкомъ тѣсно была опутана сѣтью хозяйственныхъ отношеній. Если же результаты обращенія Вальдуса и Франциска были различны, если первый въ концѣ-концовъ отдѣлился отъ церкви, а второй постоянно крѣпко держался ея [2]), то надо замѣтить, что, во-первыхъ, разрывъ Вальдуса совершился уже довольно поздно, а во-вторыхъ, что Францискъ еще въ гораздо большей степени, чѣмъ Вальдусъ, отказался отъ всякой полемики; онъ хотѣлъ лишь возвѣстить людямъ открытый ему путь спасенія, а не реформировать церковь [3]). Чрезвычайная конкретность его религіознаго чувства совсѣмъ отнимала у него потребность критиковать; и благо-

---

[1]) Отсюда еще никакъ нельзя умозаключать о прямомъ вліяніи на Франциска вальденцевъ, даже если гипотеза о провансальскомъ происхожденіи матери Франциска справедлива. Ср. Thode, Franz von Assisi und die Anfänge der Kunst der Rendissance 14 S. Berlin, 1885. Что касается до „носившихся кругомъ арнольдистскихъ идей", коимъ Гаусратъ приписываетъ главную роль въ обращеніи Франциска, то полемическій, агрессивный характеръ этихъ идей такъ мало соотвѣтствовалъ темпераменту его, что онѣ едва ли могли на него дѣйствовать. Было нѣчто болѣе глубокое, лежащее въ основаніи, и протеста арнольдистовъ, и обличительной проповѣди вальденцевъ, и исканія евангельской бѣдности у Франциска и Доминика. Ср. Гаусратъ II с. 84.

[2]) См. мѣсто въ Testamentum, гдѣ говорится о преданіи въ руки церкви братьевъ, которые подозрѣваются въ ереси. Wadd 1226, 36. Cel. 1, 22 „inter omnia et super omnia fidem S. Romenae Ecclesiae servandam, venerandam et imitandam fore censebat".

[3]) Въ этомъ отношеніи характерно одно изъ его admonitiones: beatus servus, qui portat fidem in clericos, qui vivunt recte secundum formam Sanctae Beatae Ecclesiae; vae illis, qui eos despiciunt, licet enim sint peccatores, tamen nullus debet eos judicare, quia ipse solus Dominus reservat sibi eos ab eo judicandum. Admonitio 25 изъ Opuscula B. Franisci.

даря этому онъ могъ не сознавать внутренняго противорѣчія между тѣмъ, къ чему стремился онъ, и тѣмъ, что предписывала церковь [1]).

Тотчасъ послѣ обращенія Францискъ началъ проповѣдывать; тотчасъ же къ нему стали приходить ученики. „Съ этой минуты“, говоритъ первая легенда Челано, „съ великимъ жаромъ и радостью началъ онъ всѣмъ возвѣщать покаяніе, простыми рѣчами и силою сердца поучая слушателей. Было слово его подобно огню, пылающему и проходящему въ душу“ [2]).

Что было предметомъ этой первоначальной проповѣди? Легенда трехъ товарищей разсказываетъ, что незадолго до Франциска по улицамъ Ассизъ ходилъ неизвѣстный человѣкъ, который говорилъ всѣмъ встрѣчавшимся: Pax et bonum! Можно сказать, проповѣдь Франциска была развитіемъ этихъ словъ. Онъ призывалъ къ освобожденію отъ всего, что мѣшаетъ человѣческому миру и счастью.

Нельзя мѣрить дѣйствіе такихъ словъ ихъ содержаніемъ. Всѣ источники показываютъ намъ, что здѣсь неотразимо сильно дѣйствовалъ примѣръ; не даромъ своимъ послѣдователямъ Францискъ постоянно напоминалъ, чтобы они проповѣдывали Евангеліе не словомъ, а дѣломъ. „Францискъ говорилъ такъ“, разсказываетъ Ѳома Спалатскій, его современникъ, въ Болонской хроникѣ Сигонія [3]), „что казалось,— слушали ангела, а не человѣка. Онъ не слѣдовалъ обычной

---

[1]) Интересное въ этомъ смыслѣ объясненіе того, какъ возникли нищенствующіе ордена, даетъ хроника Бургарда и Конрада Успергерзійскихъ. См. Monumenta Pertz t. XXIII p. 376. Въ Италіи возникли секты ліонскихъ братьевъ и humiliati; они дѣйствовали на народъ проповѣдью евангельской бѣдности и хотѣли возродить, вообще, апостольскую жизнь. Одинъ изъ главъ секты humiliati, Бернардъ, просилъ папу принять ихъ подъ защиту. Но папа отказалъ, такъ какъ послѣдователи Бернарда соблюдали разные предосудительные и суевѣрные обычаи, а вмѣсто этого утвердилъ миноритовъ, которые, сохраняя полную преданность церкви, тоже хотѣли возстановить евангельскую жизнь.

[2]) Fxinde cum magno fervore spiritus et gaudio mentis cepit omnibus poenitentiam praedicare, verdo simili, sed corde magnifico aedificans audientes. Erat verbum ejus velut ignis arends penetrans intima cordium.

[3]) Caroli Sigonii Opera omnia v. III p. 432.

формѣ проповѣди, но все время взывалъ къ слушателямъ, моля ихъ бросить вражду и водворить миръ. Счастливымъ считалъ себя всякій, кто могъ бы коснуться хотя пряжки его одежды". Это извѣстіе относится къ 1220 году, когда слава Франциска перешла далеко за предѣлы Италіи, но мы можемъ примѣнить характеристику и къ болѣе раннимъ его проповѣдямъ.

Изъ первоначальныхъ обращеній учениковъ Франциска [1]) особенно интересны для насъ Бернардъ и Сильвестръ; на ихъ примѣрѣ мы видимъ, какъ далекъ былъ Францискъ отъ обычныхъ пріемовъ вербовки прозелитовъ, практиковавшихся, напримѣръ, въ такомъ размѣрѣ различными монашескими орденами [2]). Бернардъ, богатый гражданинъ Ассизъ, пораженный словами Франциска, проситъ его придти къ нему ночевать. Ночью онъ открываетъ, что хочетъ раздать все свое имущество бѣднымъ и пристать къ Франциску. Послѣдній на другое утро идетъ съ нимъ въ церковь св. Николая, прочитываетъ ему сначала то мѣсто Евангелія, которое рѣшило его собственную судьбу, а затѣмъ три раза раскрываетъ книгу въ честь св. Троицы. Передъ ними открываются слѣдующія мѣста: Матѳ. 19, 21 ст. „Если хочешь совершенъ быть, продай все, что у тебя есть, и раздай бѣднымъ, и имѣть будешь сокровище на небесахъ, и по Мнѣ гряди",—а также Лук. 9,1—6, Матѳ. 16. 24—27. Пораженный Бернардъ тотчасъ же приводитъ въ исполненіе свое намѣреніе [3]). На священника Сильвестра, приставшаго вскорѣ къ Франциску, особенно сильное впечатлѣніе производитъ его полное презрѣніе къ деньгамъ. Видя, какъ Бернардъ раздаетъ свое имущество, онъ заявилъ Франциску, что тотъ недостаточно заплатилъ ему за камни, взятые для починки церкви св. Даміяна. Францискъ вынулъ изъ

---

[1]) Мы не совсѣмъ знаемъ послѣдовательность, въ которой присоединялись къ Франциску ученики: такъ, мы не знаемъ перваго изъ нихъ—жителя Ассизъ, приставшаго къ нему. Quiddam de Assiso simplicem animum gerans, говоритъ 1, Cel. 10.

[2]) См. Dialogus inter Clun. et cister. II, 5. Exordium. magnum Cistersiensium VII, 4.

[3]) 1 Cel, 1, 10. L. 3. S. 7.

кармана Бернарда пригоршню денегъ, отдалъ Сильвестру и спросилъ его, доволенъ ли онъ теперь? Столь необычайное равнодушіе совершенно переродило его [1]).

Когда у Франциска оказывается восемь учениковъ, онъ рѣшается отправить ихъ на проповѣдь. Повидимому, ему предносился образъ апостольской дѣятельности — къ чему ограничивать ее какими-нибудь узкими рамками? Здѣсь не было того, что обычно называется миссіонерствомъ; Францискъ хотѣлъ только какъ можно шире распространить истины спасенія, которыя сохранялись въ кругу его учениковъ. „Тогда св. Францискъ“, говоритъ первая легенда Челано, „созвалъ къ себѣ всѣхъ учениковъ и, сказавши имъ о царствіи Божіемъ, о презрѣніи къ міру, объ отреченіи отъ собственной воли и подчиненіи плоти, направилъ ихъ по двое по четыремъ сторонамъ свѣта“ [2]). Вотъ, съ какими словами отпускаетъ онъ ихъ въ путь; „будьте терпѣливы въ гоненіяхъ и твердо помните, что Богъ исполнитъ свое намѣреніе, какъ обѣщано. Когда васъ спросятъ, смиренно отвѣчайте, преслѣдующихъ благословляйте, служащихъ вамъ благодарите“ [3]). Успѣхъ проповѣди былъ чрезвычайный. Къ братству приставали люди всѣхъ сословій и всякихъ состояній—vilis, carus, prudens, simplex, clericus, idiota, laïcus. Когда ихъ спрашивали, откуда они родомъ, они отвѣчали: „мы кающіеся (viri penitentiales) изъ Ассизъ“, ибо,—прибавляетъ „Легенда трехъ товарищей“,—ихъ общество еще не называлось монашескимъ [4]). Группа первоначальныхъ учениковъ Франциска была не менѣе пестра по ихъ темпераментамъ и натурамъ, чѣмъ по ихъ соціальному положенію и происхожденію. Какъ отличались созерцательный Левъ, чистота сердца коего умиляла Франциска; вѣчно дѣятельный и

---

[1]) L. 3 S. 9.

[2]) „Tunc beatus Franciscus“, говоритъ первая легенда Челано, „omnes ad se convocavit et plura eis de regno Dei, de contemptu mundi, de abnegatione propriae voluntatis et proprii corporis subjectione pronuntiens binos illos in partes 4 segregavit“. 1 Cel. 1, 12.

[3]) Ibid. Estote patientes in tribulatione, securi quia propositum suum ut promissum Deus adimplebit. Interrogantibus humiliter respondete, persequenibus benedicite, vobis ministrantibus gratias agite.

[4]) 10 „Nondum enim ordo eorum dicebatur religio“.

энергичный Эдигій, предостерегавшій братьевъ отъ праздности и безплодныхъ проповѣдей; остроумный и жизнерадостный Юнипертъ; поэтически настроенный Пацификусъ [1]). Жизнь братьевъ слагалась изъ трехъ частей: проповѣди, молитвы и работы. Послѣдняя была такъ же обязательна, какъ и первыя двѣ: эта обязательность засвидѣтельствована и обоими Правилами и Завѣщаніемъ; какъ сурово порицалъ Францискъ лѣнивыхъ братьевъ, сравнивалъ ихъ съ мухами, показываетъ намъ и вторая легенда Челано. Мы видимъ, какъ Эгидій носитъ воду въ Анконѣ, плететъ корзинки, помогаетъ собирать плоды съ деревьевъ, — онъ всегда на работѣ и осуждаетъ братьевъ, которые ничего не дѣлаютъ, а только говорятъ [2]). „Братья помогали бѣднымъ людямъ на поляхъ и сами послѣ давали имъ отъ своего хлѣба божественной любви“ [3]).

До сихъ поръ община не имѣла, можно сказать, никакой организаціи; это было братство людей, связанныхъ одинаковымъ идеаломъ жизни и съ признательнымъ чувствомъ окружавшихъ своего учителя, который открылъ имъ этотъ идеалъ. Но братство расширялось; становилось недостаточнымъ прежнее единство настроенія. Францискъ находитъ необходимымъ дать своимъ ученикамъ Правило.

Это весьма важный моментъ въ исторіи общины, какъ будто первый шагъ ея превращенія въ орденъ; тѣмъ болѣе необходимо на немъ остановиться.

Что мы должны думать объ этомъ первомъ Правилѣ францисканцевъ, не дошедшемъ до насъ? Первая легенда Челано говоритъ о немъ въ такихъ выраженіяхъ: „онъ составилъ для себя и своихъ братьевъ, настоящихъ и будущихъ, въ простыхъ и короткихъ словахъ Правило жизни. Онъ употреблялъ преимущественно выраженія Евангелія, стремясь болѣе всего выполнить его въ совершенствѣ, и прибавилъ еще немногое, необходимое для праведной

---

[1]) См. Chronic. 24 generalium (Analecta Franciscana v. III. Ad claras aduas, 1897). Vita Juniperti. Vita Leonis, Vita Aegidii etc. Ib. Vita Aegidii въ Acta S. Apr. t. III p. 220.

[2]) Ib. Vita Aegidii „de labore manum“: „facite, facite et non parlate“ etc.

[3]) Specdum perfectionis Fol. 34, 1 (по мецскому изданію 1509 г.).

жизни братьевъ“ [1]). Этотъ отзывъ даетъ поводъ къ вопросу, насколько обязательно было это правило и могло ли оно быть таковымъ, не получивши ничьего утвержденія; не былъ ли это просто рядъ совѣтовъ? По отзыву источниковъ, главное его содержаніе было заимствовано изъ Евангелія; въ такомъ случаѣ, отличалось ли оно чѣмъ-нибудь отъ тѣхъ трехъ текстовъ, которые рѣшили вступленіе Бернарда? Въ своей „Хроникѣ болонскихъ епископовъ“ Сигоній разсказываетъ, что Бернарда однажды спросили: кто онъ? „Кто я“, отвѣтилъ Бернардъ, „узнаешь, если прочтешь“; и тотчасъ съ этими словами онъ вынулъ изъ одежды списокъ евангельскихъ законовъ, которые недавно Францискъ предписалъ своимъ ученикамъ, и показалъ его [2]). Во всякомъ случаѣ, мы можемъ себѣ представить, что первое Правило походило по своему характеру на посланія, обращенныя Францискомъ къ своему ордену и всѣмъ христіанамъ [3]). Вѣроятно, къ вышеприведеннымъ текстамъ Евангелія были присоединены увѣщанія почитать церковь и ея учителей, тѣло и кровь Христовы,—мотивы, наиболѣе часто встрѣчающіеся въ посланіяхъ Франциска. Повидимому, совершенно отсутствовали болѣе точныя предписанія относительно ихъ пищи, одежды, распредѣленія времени; также ничего не говорилось объ организаціи, срокѣ новиціата и т. д. [4]).

---

[1]) 1 Cel, 1, 13. Scripsit sibi et fratribus suis, habitis et futuris, simpliciter ac paucis verbis vitae formam et regulam, S. Evangelii praecipue sermonibus utens, ad cujus perfectionem solummodo inhiabat. Pauca tamen inseruit alia, quae omnia omnino ad conversationis sanctae usum necessario innuebant.

[2]) „Qui sim cognosces, si haec legeris; et statim evangelicas leges nuper a S. Francisco sodalibus praescriptas et sinu tractas ostendit“. Мы не знаемъ точно, какіе здѣсь понимаются leges evangelicae; относятся ли они къ первому правилу или къ одному изъ тѣхъ, которыя были составлены, по отзыву „Легенды трехъ товарищей“, до 1221 года. Sigonii Op. omnia III, 428.

[3]) Opuscula Francisci, ep. 1.

[4]) Въ этомъ отношеніи остроумная попытка К. Мюллера (въ его книгѣ: „Die Anfänge des Minoritenor ens“. Freiburg, 1885.) выдѣлить первое Правило изъ Правила 1221 года представляется намъ произвольной. Нѣтъ основанія, вообще, думать, чтобъ старое Правило было инкорпорировано въ Правило 1221 года.

Такимъ образомъ, изъ всего, что мы знаемъ относительно древнѣйшаго правила францисканцевъ, съ полной вѣроятностью слѣдуетъ, что оно не было похоже на обычное монашеское правило и вовсе не превратило общины въ орденъ. Францискъ оставался руководителемъ этой апостольской общины, которая вѣрила въ его призваніе, и на этой вѣрѣ было основано и повиновеніе, если это слово подходитъ къ тому нѣжному піэтету, который одушевлялъ учениковъ Франциска [1]),— но онъ не носитъ характера аббата новаго ордена.

Община соблюдала строжайшую бѣдность; но это— бѣдность апостоловъ, а не монаховъ. Никакое приношеніе не считалось собственностью, и имъ всегда готовы были подѣлиться. Братья свободно вращались во всѣхъ классахъ общества. Если они не желали отправляться въ мѣстности, откуда были родомъ, и просили не посылать ихъ туда, то здѣсь говорилъ страхъ искушенія возстановить порванныя связи съ семьями, родственниками и т. п. [2]). Это одна изъ основныхъ чертъ Франциска со времени его обращенія; не даромъ онъ на судѣ Ассизскаго епископа отрекся отъ отца и обѣщалъ служить лишь Богу. Для его сердца, переполненнаго любви къ окружающимъ, которая является лишь другой стороной любви къ Христу, семейная привязанность представляется чѣмъ-то узкимъ и ограниченнымъ. Онъ всегда помнилъ евангельскую заповѣдь: „кто любитъ отца или мать больше меня, недостоинъ меня“ [3]). Онъ даже впослѣдствіи не принялъ нѣкоего, желавшаго поступить въ орденъ, за то, что тотъ роздалъ имущество не бѣднымъ, а родственникамъ [4]).

---

[1]) О характерѣ власти Франциска даетъ намъ понятіе слѣдующее мѣсто изъ L. 3 S.: omnes se quoque totos ad oboediendum praebebant, et praecipientis voluntatem se contione praeparantes non discernebant inter justum et injustum praeceptum; quia quidquid praecipiebatur, putabant esse secundum Dei voluntatem.

[2]) L 3 S. 11 „Sollicite petebant ne mitterentur in terras, unde oriundi erant, ut fugerent familiaritatem et sanguineorum suorum conversationem

[3]) Евангельскій текстъ: „кто идетъ по Мнѣ и не ненавидитъ отца своего и мать свою, недостоинъ меня“ приведенъ въ Правилѣ 1221 г., какъ его даетъ Spaeculum.

[4]) 2 Cel. 2, 27. Этотъ разсказъ, столь гармонирующій съ основными

Распространеніе францисканской общины должно было, наконецъ, поставить вопросъ о томъ, какъ сложатся ея отношенія съ церковью? „Легенда трехъ товарищей“ указываетъ, что Францискъ, преслѣдуемый родственниками вступавшихъ, обратился за совѣтомъ къ ассизскому епископу. Судя по всему, что мы о немъ знаемъ изъ біографіи, это былъ человѣкъ простой, лишенный дипломатическихъ способностей. Его поражала и привлекала личность новаго проповѣдника и въ то же время необычайность его образа жизни, можетъ быть, даже успѣхъ проповѣди начиналъ его смущать. Епископъ отвѣтилъ Франциску: „трудной и суровой кажется мнѣ ваша жизнь безъ собственности“, но Францискъ возразилъ: „господинъ, еслибъ у насъ были какія-нибудь владѣнія, намъ приходилось бы защищать ихъ оружіемъ. Изъ обладанія имуществомъ вытекаютъ распри и тяжбы, и обычно уменьшается любовь къ Богу и ближнимъ; поэтому мы и не хотимъ владѣть какими-нибудь временными благами“. И понравился епископу отвѣтъ Франциска, который „столь презиралъ все преходящее, и особенно деньги, и во всѣхъ своихъ правилахъ усиленно склонялъ къ бѣдности“ [1]).

Первое Правило не измѣнило характера свободной общины; но могла ли она долго существовать въ такомъ видѣ? Могъ ли странный образъ жизни братьевъ не внушать подозрѣнія церкви, недавній опытъ которой съ вальденцами заставлялъ быть особенно бдительными? И епископа ассизскаго нѣсколько смущали эти люди, которые противорѣчили всѣмъ его представленіямъ о человѣческой природѣ, но онъ давно зналъ Франциска, до извѣстной степени самъ поощрилъ его на судѣ и, не совсѣмъ понимая его, скорѣе удивлялся ему, чѣмъ подозрѣвалъ. Но бра-

---

настроеніями Франциска, столь цѣнный для его характеристики, Гаусратъ безо всякихъ основаній считаетъ своекорыстной монашеской выдумкой. См. II с. 194.

[1]) L. 3 S, 9 „Domine, si possessiones aliquas haberemus, nobis essent necessaria arma ad protectionem nostram. Nam inde oriuntur quaestiones et lites soletque ex hoc amor Dei et proximi multipliciter impediri; ideo nolumus in hoc saeculo aliquid possidere temporale“

тья уже переходили предѣлы ассизской діоцезы [1]); они должны были неизбѣжно столкнуться съ другими епископами, не говоря уже о многочисленномъ сельскомъ клирѣ, который далеко не всегда принималъ ихъ съ распростертыми объятьями. Видѣлъ ли Францискъ эти начинающіяся недоразумѣнія или предчувствовалъ ихъ неизбѣжность въ будущемъ, но онъ предпринялъ важное рѣшеніе — идти въ Римъ и просить папу утвердить составленное имъ Правило. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что Францискъ захотѣлъ дать своей свободной общинѣ обычное орденское устройство. Утвержденіе имѣло лишь тотъ смыслъ, что папа разрѣшалъ братьямъ вести ихъ образъ жизни и признавалъ передъ церковью и свѣтскимъ обществомъ ихъ правовѣрность [2]).

Несомнѣнно, Францискъ нѣсколько идеализировалъ церковь; онъ былъ полонъ преклоненія предъ величіемъ духовнаго авторитета папы, но совсѣмъ не представлялъ себѣ той сложной дипломатической и политической дѣятельности, которая постепенно занимала все большее и большее мѣсто въ жизни римской куріи. Это чувство Франциска къ куріи наглядно изображено въ красивой легендѣ, которую мы находимъ у Бонавентуры [3]). Ему было видѣніе, что онъ идетъ по какой-то дорогѣ, и около нея ростетъ дерево необычайной высоты. Когда Францискъ приблизился къ нему, сталъ подъ его вѣтвями и смотрѣлъ на верхушку, внезапно онъ былъ поднятъ божественной силой и коснулся верхушки дерева [4]).

---

[1]) L. 3 S, 10.

[2]) Въ L. 3 S. особенно подчеркнуто, что Франциска заставило обратиться къ папѣ увеличеніе общины. „Videns beatus Franciscus, quod dominus fratres suos augmentaret". 12.

[3]) Bonav. 3, 35.

[4]) Ваддингъ подъ 1210 годомъ разсказываетъ объ отправленіи Франциска: nullorum erat tunc jus positivum ecclesiasticum, nec aliorum exemplum, quo ad hanc confirmationem petendam cogerentur, sed ob majorem rei firmitatem, quod contigisse videbant Valdensibus a Lucio et Innocentio reprobatis instituti rationem ab pontifice faciendam decreverunt. Ваддингъ представляетъ дѣло такъ, будто правило, помѣщенное имъ подъ 1210 годомъ, и есть древнѣйшее и что оно было представлено для утвержденія

Первое, что ободрило братьевъ, пришедшихъ въ Римъ, была встрѣча съ ихъ покровителемъ, епископомъ ассизскимъ, который принялъ ихъ съ большой радостью. Радость эта была нѣсколько омрачена, когда онъ узналъ о цѣли ихъ прибытія. Епископъ боялся, что они покинутъ его діоцезу, которая украшалась пребываніемъ этихъ избранныхъ людей [1]). Ихъ обѣщанія успокоили его и онъ рекомендовалъ братьевъ Іоанну, кардиналу св. Павла [2]).

Въ разсказѣ о пріемѣ братьевъ кардиналомъ мы встрѣчаемъ двѣ версіи,—одна, идущая отъ Челано, другая—переданная въ „Легендѣ трехъ товарищей".

Согласно первой—братья и въ кардиналѣ нашли большую симпатію, которая все же не была свободна отъ нѣкотораго скептицизма. Среди прочихъ членовъ коллегіи кардиналъ отличался возвышенностью своего религіознаго настроенія [3]). Но въ то же время, какъ человѣкъ предусмотрительный и благоразумный (providus ac discretus), онъ разспрашивалъ обо многомъ пришедшихъ и совѣтовалъ имъ вступить въ какой-нибудь изъ существующихъ монашескихъ орденовъ. Францискъ, соблюдая всевозможную почтительность къ кардиналу, отклонилъ его совѣтъ [4]). Это

Иннокентію III. Достаточно сопоставить его текстъ съ характеристикой перваго правила, чтобы понять, какъ мало эта характеристика подходитъ къ нему. См. подробное изслѣдованіе объ этомъ у К. Мюллера. Die Anfänge des Minoritenordens, 1 Capit.

[1]) 1 Cel. 1, 13. Timens ne propriam patriam vellent deserere, in qua Dominus cepit per eos mirabilia operari. Gaudebat enim vehementer tantos viros in suo episcopatu habere, de quorum vita et moribus maxime praesumebat.

[2]) Непонятно, на чемъ основываетъ свое мнѣніе объ этой рекомендаціи Сабатье: On ne peut s'empêcher de soupçonner, que ses recommandations ne furent peut-être pas très chaudes. En tout cas elles n'épargnèrent a François et à ses compagnons ni une minutieuse enquête, ni les longs et paternels conseils du cardinal Jean de Saint Paul sur les difficultés de la Règle, conseils qui rappellent de fort près ceux de Guido lui-même Vie de S. F. p. 108.

[3]) Inter alios romanae curiae principes et majores videbatur terrena despicere et amare coelestia. Qui eum benigne atque charitative suscipiens ipsum propositum et voluntatem plurimum commendavit. 1 Cel, 1, 13.

[4]) Non suasa despiciendo, sed alia pia affectando altiore desiderio ferebatur. Ibid.

удивило кардинала; онъ опасался, что Францискъ не откажется отъ своего плана, и указывалъ на всѣ его тяжелыя стороны. Наконецъ, побѣжденный упорствомъ Франциска, онъ склонился на его просьбы и обѣщалъ ходатайствовать въ его пользу передъ Иннокентіемъ [1]).

По „Легендѣ трехъ товарищей", кардиналъ сразу выказалъ знаки глубокаго уваженія къ пришельцамъ. Онъ поручилъ себя ихъ молитвамъ и даже просилъ, какъ особой милости, считаться однимъ изъ ихъ братьевъ [2]). Затѣмъ, разспросивши Франциска о его намѣреніяхъ, онъ предложилъ быть его защитникомъ въ куріи. Тотчасъ послѣ посѣщенія Франциска онъ направился къ папѣ и воскликнулъ: „Я нашелъ человѣка вполнѣ совершеннаго (virum perfectiosissimum), который хочетъ жить по образу Евангелія и во всемъ ему слѣдовать. Вѣрю, что черезъ него Господь положилъ возстановить во всемъ мірѣ святую церковь". Услышавъ это, папа былъ сильно изумленъ и поручилъ кардиналу привести къ себѣ Франциска [3]).

Замѣтимъ, что Бонавентура въ своей біографіи ничего не говоритъ о пріемѣ кардиналомъ Франциска и о предварительномъ свиданіи его съ папой. У него кардиналъ выступаетъ лишь на совѣщаніи коллегіи, когда папа сообщаетъ ей просьбу Франциска [4]).

Въ первой версіи возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе то, что она, какъ будто, повторяетъ разсказъ о совѣтахъ, данныхъ Франциску Ассизскимъ епископомъ, но a priori она вѣроятнѣе. Трудно себѣ представить, чтобъ такая необычная форма жизни общины не смущала кардинала, и весьма естественно, что онъ попытался направить потокъ религіознаго одушевленія по болѣе обычнымъ путямъ [5]).

Въ разсказѣ о пріемѣ братьевъ Иннокентіемъ есть так-

---

[1]) 1 Cel. 1, 13.

[2]) L 3 S. 35. 12. Petivit enim de gratia speciali, quod volebat ex tunc sicut unus ex fratribus reputari.

[3]) Ibid

[4]) Bonav. c. 3.

[5]) Понятно, что Ваддингъ, не желавшій пожертвовать этой побѣдой Франциска, слѣдуетъ второй версіи.

же различіе. Согласно первой легендѣ, папа принялъ ихъ просьбу и благословилъ ихъ, сказавъ на прощанье: идите съ Богомъ, братья, и, какъ Господу будетъ угодно васъ вдохновить, проповѣдуйте всѣмъ покаяніе. Когда же Всемогущій Богъ умножитъ васъ и преисполнитъ благодати (vos numero miltiplicabit et gratia), вы возвратитесь ко мнѣ съ радостью, и я вамъ спокойно поручу большее [1]).

Разсказъ Бонавентуры длиннѣе [2]). Папа склонялся къ тому, чтобъ исполнить просьбу Франциска, но его удерживали тѣ же соображенія, которыя, по Челано, смущали кардинала,—новизна этой формы жизни и ея трудность, которыя, казалось, превышали человѣческія силы. Этотъ вопросъ былъ переданъ папой на обсужденіе кардиналовъ, и тамъ епископъ Сабинскій выставилъ слѣдующій аргументъ: нельзя отвергнуть просьбы Франциска на томъ основаніи, что образъ жизни, который онъ предлагаетъ вести, превышаетъ человѣческія силы. Это запрещеніе косвенно оскорбляетъ святость Евангелія. Вѣдь признать, что въ соблюденіи обѣтовъ евангельскаго совершенства заключается нѣчто новое, несогласное съ разумомъ (irrationabile) или невозможное для исполненія,—значитъ богохульствовать противъ Христа. Подъ вліяніемъ этого соображенія папа не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта Франциску, а поручилъ ему молиться, чтобы Христосъ открылъ черезъ него, Франциска, свою волю; тогда онъ можетъ безопасно произнести рѣшеніе. Францискъ въ отвѣтъ разсказываетъ ему притчу о царѣ и его бѣдной супругѣ, которая, вырастивши своихъ дѣтей въ отдаленіи отъ двора, послала ихъ къ отцу уже взрослыми юношами; и эта притча опредѣлила рѣшеніе папы, въ которомъ его поддержало сновидѣніе; онъ незадолго до свиданія съ Францискомъ видѣлъ во снѣ, что какой-то человѣкъ простого вида поддерживалъ своды колеблющейся Латеранской базилики и узналъ во Францискѣ этого человѣка [3]). Папа согласился на просьбу и

---

[1]) 1 Cel. 1, 13. Ego vobis his plura concedam et securius majora committam.

[2]) Bonav. 3, 37—8.

[3]) Ср. 2 Cel. 1, 11.

обѣщалъ Франциску дать еще большія права въ будущемъ, одобрилъ его Правило, поручилъ проповѣдовать покаяніе и далъ всѣмъ свѣтскимъ членамъ общества тонзуру [1]).

Разсказъ „Легенды трехъ товарищей“ имѣетъ много общаго съ Челано и съ Бонавентурой. Отвѣтъ, который папа даетъ Франциску, буквально сходится съ Челано, но къ этимъ словамъ прибавлены слѣдующія: filioli nostri, vita vestra videtur nobis nimis dura et aspera; licet enim credimus vos esse tanti fervoris, quod de vobis non opportet dubitare, tamen considerare debemus de illis, qui secuturi sunt vos, ne haec vita nimis aspera ipsis videatur. Сомнѣніе папы, какъ и въ легендѣ Бонавентуры, разрѣшается его видѣніемъ и притчей, которую разсказалъ ему Францискъ; онъ одобрилъ Правило, позволилъ имъ проповѣдовать съ условіемъ, чтобы будущіе проповѣдники получали разрѣшеніе у Франциска; послѣ этого Францискъ клятвенно обѣщалъ послушаніе и вѣрность папѣ, а его спутники—ему. Затѣмъ, они ушли изъ Рима, получивши всѣ тонзуру [2]).

Совершенно иную версію передаетъ намъ Матвѣй Парижскій, и слѣды ея сохранились у Ваддинга [3]). По разсказу англійскаго хроникера, папа сначала отвергнулъ съ презрѣніемъ Франциска и сказалъ ему: „ступай, братецъ, къ свиньямъ, съ которыми у тебя больше сходства, чѣмъ съ людьми“. Тогда Францискъ выпачкался въ навозѣ съ головы до ногъ и вернулся къ папѣ со словами: „господинъ, я сдѣлалъ, какъ ты велѣлъ. Теперь выслушай!“ Такое смиреніе тронуло папу. Разсказъ встрѣчается лишь у Матвѣя Парижскаго, къ которому надо относиться съ великой осто-

---

[1]) Bon. 3, 38. „Postulata concessit et adhuc concedere plura promittit; approbavit Regulam, dedit de penitentia praedicanda mandatum et laicis fratribus omnibus, qui servum Dei fuerant comitati, fecit coronas parvulas fieri, ut verbum Dei libere praedicarent“.

[2]) Отмѣтимъ, что въ 3-ей главѣ легенды Бонавентуры сохранился разсказъ о другомъ видѣніи папы: на его глазахъ вѣтка выросла въ прекрасное большое дерево, которое символически изображало францисканскій орденъ; уже Ваддингъ указалъ, что это интерполяція Іеронима Эскуланскаго, впослѣдствіи папы Николая IV.—1210, 8.

[3]) Mat. Paris. Chron. Maior III, 132 (подъ 1227) въ Rerum britannicarum medii aevi scriptores.

рожностью, разъ дѣло идетъ о нищенствующихъ орденахъ; онъ мало соотвѣтствуетъ характеру Иннокентія III, и мы должны счесть его за вымыселъ. Но и Бартоломей Пизанскій допускаетъ, что первоначально папа принялъ Франциска съ пренебреженіемъ [1]).

Такимъ образомъ, основныя черты разсказа могутъ быть воспроизведены въ слѣдующемъ видѣ. Францискъ и его товарищи были приняты папой съ симпатіей, но онъ не хотѣлъ сразу утверждать ихъ, такъ сказать, оффиціально; онъ даже далъ имъ право проповѣди, но оно носило характеръ пробы. Осторожность Иннокентія III была вполнѣ естественна: въ началѣ XIII вѣка разнообразныя ереси производили великое опустошеніе въ рядахъ католической церкви, а эта послѣдняя еще не выработала пріема систематической борьбы съ ними. Хотя взгляды Иннокентія III на церковь отличались широтой, и онъ чувствовалъ потребность оживить ее новыми силами [2]), чувствовалъ, какъ необходимы были бы для церкви такіе помощники, самая жизнь которыхъ служила бы лучшимъ свидѣтельствомъ въ ихъ пользу, но настроеніе Франциска и братьевъ было ему понятно скорѣе разсудкомъ, чѣмъ чувствомъ. Иннокентій III былъ прежде всего многосторонній и неутомимый политикъ, который ни на минуту не выпускалъ изъ своихъ энергичныхъ рукъ нити, связывающія римскій престолъ со всѣми государствами Европы. Правда, его политическія комбинаціи служили только средствами,—цѣль же лежала въ обезпеченіи господства духовнаго порядка; но при необычайной обширности задачи, какъ это часто бываетъ, средства, поглощая все вниманіе, сами становились цѣлями.

---

[1]) Liber Conformit. 77, 1, D. Въ Arbor vitae crucifixae V, 3 у Убертино де Казале есть мѣсто, изображающее негодованіе прелатовъ куріи на Франциска: „Quaenam haec est doctrina nova, quam infers auribus nostris? Quis potest vivere sine temporalium possesione? Numquid tu melior es, quam patres nostri, qui dederunt nobis temporalia et in temporalibus abundantes ecclesias possiderunt“?—Это мѣсто сильно окрашено спиритуалистическими тенденціями автора.

[2]) Интересно здѣсь вспомнить отношеніе Иннокентія къ общинѣ Дурандо де Оско, о которомъ мы уже говорили.

Посмотримъ теперь, какіе были результаты свиданія Франциска съ Иннокентіемъ. Прежде всего папа, не утверждая оффиціально Правила, одобрилъ его. Было ли это то первое Правило, которое Францискъ составилъ для своихъ братьевъ? Мы не знаемъ этого въ точности, но, очевидно, главными чертами его были совершенное соблюденіе бѣдности и проповѣдь, такъ какъ по мысли Франциска: „Богъ призвалъ ихъ не столько для собственнаго спасенія, сколько для спасенія многихъ другихъ“ [1]). Еще важнѣе было то, что папа, соглашаясь на просьбу Франциска, до извѣстной степени возложилъ на него отвѣтственность за братьевъ, обязавши ихъ повиновеніемъ, и въ свою очередь получивши клятвенное обѣщаніе Франциска быть вѣрнымъ римской церкви. Въ то же время, получивши тонзуру, Францискъ съ братьями какъ-бы становились клириками; быть можетъ, папа здѣсь руководился и желаніемъ дать братьямъ въ ихъ странствованіяхъ ту привилегію неприкосновенности, которой пользовались клирики.

Періодъ, слѣдовавшій за 1210 годомъ до утвержденія францисканскаго правила Гоноріемъ III въ 1223 году, представляетъ во многихъ отношеніяхъ контрастъ предыдущему. Вырабатываются твердыя основы для дальнѣйшей организаціи ордена: въ немъ появляются должностныя лица, съ одной стороны, и собранія общія и провинціальныя—съ другой. Эти перемѣны были тѣсно связаны съ территоріальнымъ расширеніемъ ордена. Уже въ 1211 году братья обходятъ Тоскану и пріобрѣтаютъ тамъ множество послѣдователей. Въ 1213 году они появляются въ Ломбардіи, а затѣмъ во всѣхъ европейскихъ странахъ, первоначально—романскихъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ точныхъ числовыхъ данныхъ для этого періода. Они имѣются у насъ лишь для времени около 1220 года [2]).

Какъ относился къ этому расширенію ордена Францискъ? Могъ ли онъ не сознавать, что идиллія жизни въ Умбріи, этой

---

[1]) L 3 S. 35. 10 „Vocavit nos Deus non tantum pro nostra, sed pro multorum salute“.

[2]) Усиленное основаніе монастырей братьями начинается за предѣлами Италіи не раньше 1217 года.

францисканской Галилеѣ, по выраженію Ренана, будетъ невозможна при такомъ увеличеніи числа братьевъ? Біографы его сохранили намъ цѣнныя въ этомъ отношеніи подробности. Бонавентура сообщаетъ, что у Франциска внезапно явилось сомнѣніе: какимъ образомъ человѣкъ можетъ угодить Богу—молитвой или проповѣдью [1])? Въ первые годы своей жизни послѣ обращенія Францискъ не чувствовалъ никакихъ сомнѣній относительно обрѣтеннаго имъ жизненнаго идеала; монашескій аскетизмъ ему чуждъ, и его пребываніе среди людей не охлаждало жара его молитвъ. Но Францискъ ощущалъ, что то единеніе съ Богомъ, которое онъ тогда испытывалъ, легче совершается на лонѣ прекрасной природы, чѣмъ среди городского шума. Для него, однако, который самъ сказалъ своимъ ученикамъ, что Богъ послалъ ихъ не только для ихъ собственнаго спасенія, но и для спасенія многихъ другихъ, не могло оставаться сомнѣнія въ томъ, что̀ должно выбрать. Бонавентура сообщаетъ по этому поводу, что Францискъ обращался за совѣтомъ къ Сильвестру и Кларѣ; очевидно, что, подобно евангельскимъ словамъ, рѣшившимъ обращеніе Франциска, ихъ отвѣты выразили только то, что глубоко ощущалось имъ самимъ [2]).

Рѣшеніе Франциска имѣло для него глубокое значеніе: отнынѣ онъ не опасается расширять апостольской дѣятель-

---

[1]) Bonav. 12. Ваддингъ относитъ колебанія Франциска къ 1212 году, хотя у Бонавентуры они не пріурочены ни къ какой опредѣленной хронологической датѣ; но такъ какъ очевидно, что они возникли уже послѣ обращенія Клары и въ то же время предшествовали миссіонерскимъ попыткамъ Франциска, то мы можемъ съ большой вѣроятностью признать дату Ваддинга правильной.

[2]) Само собой разумѣется, что аргументы, приводимые Бонавентурой pro и contra превосходства молитвы и проповѣди, гораздо больше принадлежатъ ему, чѣмъ Франциску: „videtur enim in oratione lucrum et aemulatio gratiarum; in praedicatione distributio quaedam donorum coelitus receptorum. In oratione etiam purificatis interiorum affectuum, et unitio ad unum verum et summum Bonum, cum vigoratione virtutis; in praedicatione spiritualium pulverisatio pedum, distractio circa multa et relaxatio disciplinae“ etc. Замѣтимъ, что у Челано 1 L. 2, 2 разсказывается, что сомнѣнія Франциска разрѣшились Евангеліемъ, которое раскрылось на мѣстѣ разсказа о страстяхъ Христовыхъ.

ности братьевъ; напротивъ того, онъ самъ подаетъ примѣръ и хочетъ отправиться обращать въ христіанство мусульманъ Сиріи, а впослѣдствіи—Марокко. Обращеніе невѣрныхъ составляло необходимую принадлежность апостольской дѣятельности. Въ началѣ XIII вѣка приливъ миссіонерскаго пыла уже значительно охладѣлъ вслѣдствіе неудачныхъ попытокъ съ мусульманами; но если скептики начинали, вообще, сомнѣваться въ его возможности, и постепенно вырабатывалась даже натуралистическая философія религій, то для мистиковъ эти разочарованія казались лишь отсрочкой, и іоахимовскія идеи, возвѣщавшія близкое обращеніе всѣхъ народовъ къ Христу, должны были весьма содѣйствовать оживленію мисіонерскихъ надеждъ.

Но, кромѣ этой стороны, сама возможность мученичества привлекала Франциска. Онъ видѣлъ въ немъ какъ бы актъ соединенія со страждущимъ Христомъ. Что эти чувства могли легко переходить въ настоящій фанатизмъ мученичества, можно видѣть изъ весьма интереснаго—и въ историческомъ и психологическомъ смыслѣ—разсказа о гибели пяти братьевъ въ Марокко [1]).

Наконецъ, собственный темпераментъ Франциска, столь впечатлительный и подвижный—въ немъ всегда оставались черты странствующаго рыцаря и трубадура,—до извѣстной степени увлекали его къ далекимъ путешествіямъ и предпріятіямъ. Путешествіе Франциска, не приведшее его, впрочемъ, туда, куда онъ хотѣлъ [2]), явилось провозвѣстникомъ дальнѣйшаго распространенія ордена и какъ бы освѣтило его. Можно прибавить, что вступленіе францисканцевъ на путь миссіонерства, одинаково отвѣчавшее и ихъ внутреннему позыву и цѣлямъ правящей церкви, предвозвѣщало также тѣсный союзъ ордена и куріи.

Новыя задачи требовали новой организаціи. До сихъ поръ Францискъ былъ ея единственнымъ руководителемъ; каждый членъ его былъ связанъ съ нимъ нравственными узами; но положеніе его въ церкви оставалось до сихъ поръ

---

[1]) См. K. Müller: Die Anfänge des Minoritenordens, въ приложеніи.
[2]) Wadd. 1215, 33.

неопредѣленнымъ. Ваддингъ сообщаетъ, слѣдуя Маріану, что Францискъ посѣтилъ 4-й Латеранскій соборъ съ цѣлью говорить о дѣлахъ своего ордена, и что папа утвердилъ тамъ орденъ и его Правило [1]). Древнѣйшіе біографы совершенно умалчиваютъ о пребываніи Франциска и объ утвержденіи Правила на соборѣ. Мы знаемъ, что, напротивъ, на немъ были запрещены всѣ новыя religiones [2]). Весьма вѣроятно, что на соборѣ была рѣчь о просьбѣ Франциска, и что эта просьба даже повліяла на запрещеніе основывать новые ордена. Мы знаемъ также, что Доминику, который присутствовалъ на этомъ соборѣ, поручили выбрать какое-нибудь изъ существующихъ монашескихъ Правилъ: разсказъ о пребываніи Франциска могъ сложиться подъ вліяніемъ извѣстія о Доминикѣ; дѣйствовало, вѣроятно, и желаніе доказать, что францисканскій орденъ старше доминиканскаго,— вопросъ, который историки ордена принимали весьма близко къ сердцу [3]). Въ виду молчанія древнѣйшихъ біографовъ, у насъ нѣтъ основанія думать, что Францискъ присутствовалъ на Латеранскомъ соборѣ; это невѣроятно и психологически.

Подъ 1216 годомъ мы находимъ впервые упоминаніе объ общемъ соборѣ братьевъ (comitia generalia) [4]). Какой характеръ носило первое собраніе? Нѣтъ никакихъ основаній думать,

---

[1]) Іорданъ Саксонскій въ такихъ выраженіяхъ говоритъ объ утвержденіяхъ орденовъ на Латеранскомъ соборѣ: in quo concilio ordines fratrum Praedicatorum et Minorum, qui tunc recenter surrexerant in favorem. Ecclesiae recepti sunt, sed nondum confirmati; quia idem Innocentius ad eorum confirmationem durus fuit. См. Vitae fratrum Praedicatorum I, 14.

[2]) „Ne nimis religionum diversitas gravem in Ecclesia Dei confusionem inducat, firmiter prohibemus, ne quis de cetero novam religionem inveniat; sed quicunque voluerit ad religionem converti, unam de approbatis assumet. Similiter qui voluerit religiosam domum fundare de novo, Regulam et institutionem accipiat de religionibus approbatis“.

[3]) Wadd 1210, 19.

[4]) У Ваддинга есть нѣкоторое сомнѣніе по поводу этого срока, такъ какъ другіе пріурочивали первый соборъ къ 1219 году. См. 1216, 1: „At cur non et hoc generale dicitur nescio, cum in eo universaliter fratres omnes, qui poterint, convenerint“. Болландисты въ общемъ соглашаются, что соборы начались раньше 1219 года, но отрицаютъ, чтобы до этого срока миссіи получили окончательную организацію.

чтобы здѣсь было что-нибудь, заранѣе опредѣленное правилами, предустановленное; братья собирались, какъ могли, и не видно, чтобы были выработаны какія-нибудь основы для дальнѣйшей организаціи ордена [1]).

Болѣе подробныя свѣдѣнія у насъ остались о капитулѣ 1219 г., замѣчательномъ прежде всего числомъ присутствующихъ: ихъ было, по Ваддингу, болѣе пяти тысячъ человѣкъ,—число, которое даже удивляетъ его. Онъ ссылается на testes oculati Francisci socii,—хотя въ „Легендѣ 3-хъ товарищей" мы не находимъ этого числа,—и на Бонавентуру; послѣдній, однако, говоритъ въ 52-ой главѣ лишь то, что Францискъ съ извѣстнаго времени началъ собирать братьевъ на собранія въ Порціункулъ, и что число ихъ тамъ достигало иногда пяти тысячъ. Напротивъ того, эта цифра подтверждается Бартоломеемъ Пизанскимъ и авторомъ Speculum [2]). Если мы не можемъ пріурочивать этой цифры именно къ собору 1219 г., то все же свидѣтельство Бонавентуры для насъ крайне цѣнно, такъ какъ по нему можно видѣть, какіе размѣры принялъ орденъ еще при жизни его основателя [3]).

Важнѣйшимъ постановленіемъ этого собора является грандіозный планъ—расширить миссіонерскую дѣятельность по всѣмъ странамъ свѣта и, въ связи съ этимъ, учрежденіе провинціальныхъ министровъ. Съ извѣстнаго времени Фран-

---

[1]) Въ слѣдующемъ году были отмѣчены страны, въ которыя братья должны отправиться на проповѣдь: Испанія, Франція, Германія и Венгрія. Хронологія первыхъ францисканскихъ миссій весьма запутана и сбивчива. Ваддингъ относитъ начало ихъ еще къ 1216 году, между тѣмъ какъ по Іордану, которому слѣдуетъ Фойгтъ, они отправлены были лишь послѣ капитула 1219 г. См. Anal. Francis v. I L. 3 S. 16.

[2]) См. Spec. 131, 2.—Здѣсь говорится, что на соборѣ, на коемъ присутствовалъ Доминикъ, было пять тысячъ братьевъ-миноритовъ.

[3]) Сабатье предполагаетъ, что на этомъ соборѣ число присутствующихъ объясняется наличностью терціаріевъ. У насъ нѣтъ основаній принимать эту гипотезу, тѣмъ болѣе, что, насколько мы знаемъ, ни на одномъ изъ позднѣйшихъ капитуловъ ордена они не присутствовали. Аналогія humiliati ничего не доказываетъ: можно сказать, у нихъ всѣ три категоріи соотвѣтствовали терціаріямъ. Замѣтимъ, что, по Іордану (Anal. Fran. I—с. 16), на соборѣ 1221 года присутствовало 3000 братьевъ, а по Николаю Гласбергеру (Anal. Fran. II подъ 1221 г.), писавшему въ началѣ XVI вѣка,—5000.

цискъ назывался генеральнымъ министромъ ордена: онъ хотѣлъ называться министромъ, т. е. служителемъ, какъ и своимъ братьямъ далъ имя меньшихъ (minores). По мѣрѣ увеличенія ордена явилась потребность создать отдѣльныхъ руководителей для отдѣльныхъ миссій, и они получили имя провинціальныхъ министровъ. Однако, власть ихъ еще не была сколько-нибудь опредѣлена.

Этотъ капитулъ былъ отмѣченъ, между прочимъ, присутствіемъ Доминика. Пораженный тѣмъ, что такое множество братьевъ, отказавшихся отъ всякой собственности, собралось сюда, и что они не терпятъ ни въ чемъ нужды, что заботливость гражданъ освобождаетъ ихъ отъ всякихъ хлопотъ о пищѣ и питьѣ,—онъ рѣшается ввести такую-же бѣдность среди своихъ братьевъ [1]). Глубокое впечатлѣніе это зрѣлище оставило и въ кардиналѣ Уголино. Это была великая побѣда творческаго религіознаго генія Франциска, который, оказалось, лучше понималъ человѣческую природу, чѣмъ его скептическіе современники.

Посмотримъ, какъ отразилось появленіе капитуловъ на положеніи ордена Франциска. Мы не должны переносить на нихъ позднѣйшаго представленія о законодательныхъ собраніяхъ ордена. Раннія собранія были просто выраженіемъ живого общенія братьевъ съ Францискомъ; на нихъ больше молились и обмѣнивались настроеніемъ, чѣмъ обсуждали дѣла ордена. Все же направленіе дѣятельности братьевъ остается всецѣло въ рукахъ Франциска [2]). Послѣ собора 1216 г. онъ хотѣлъ отправиться съ братьями во Францію, но кардиналъ Уголино удержалъ его, говоря, что отсутствіе Франциска, при недоброжелательности многихъ членовъ куріи, можетъ быть прямо опасно для ордена [3]). Иннокентій

---

[1]) 2 Cel. 3, 9.

[2]) См. Archif für Litteratur—und Kirchengeschichte des Mittelalters, B. I статью Эрле „Die Aeltesen Redactionen der Generalconstitutionen des Franciskanerordens“; авторъ показываетъ, какъ во всѣхъ раннихъ капитулахъ францисканскаго ордена генеральный министръ занималъ совершенно преобладающее положеніе, въ противоположность доминиканцамъ.

[3]) См. Anal. Fran. III. Chron. 24. general.: Domimus Papa et domini cardinales contra aemulos tuae religionis melius ipsam fovebunt et protegent

III возложилъ на Франциска отвѣтственность за братьевъ, и римская курія продолжаетъ вести сношенія исключительно съ нимъ.

Смерть Иннокентія III и вступленіе на папскій престолъ Гонорія III были важными событіями для ордена. Новый папа, далеко уступая своему предшественнику въ широтѣ политическаго кругозора, въ настойчивости и непреклонности, по своему настроенію, оказывался гораздо болѣе способнымъ понять идеалы Франциска: его тяготилъ блескъ куріи, и онъ мечталъ о водвореніи въ церкви евангельской простоты. Въ частности онъ видѣлъ въ монашествѣ главную моральную силу, способную оживить церковь; правда, францисканцы до сихъ поръ не были монахами и не хотѣли ими быть, но съ высоты римскаго престола не трудно было ихъ смѣшать и представить, что дѣло идетъ лишь о возрожденіи истиннаго монашескаго духа, какъ это было при появленіи клюнійцевъ и цистерзіанцевъ.

Рядомъ съ Гоноріемъ III выступаетъ человѣкъ, которому суждено было играть самую видную роль въ судьбѣ францисканскаго ордена, — кардиналъ Уголино, впослѣдствіи папа Григорій IX. Весьма вѣроятно, что онъ узналъ Франциска еще въ первое пребываніе этого послѣдняго въ Римѣ [1]). Когда Францискъ прибылъ въ Реате, кардиналъ принялъ его съ величайшимъ уваженіемъ, и здѣсь, вѣроятно, завязались своеобразныя отношенія этихъ двухъ людей. Въ своей первой легендѣ Челано не находитъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы охарактеризовать любовь кардинала къ Франциску и братьямъ, и тѣ чувства, которыми послѣдніе отвѣчали на его любовь [2]).

---

forsitan te praesente. Wadd. 1217, 1—adolescet adhuc tuum institutum, Francisce, nec desunt in curia, qui pessumdarent, si possent. Nosci, quos habuisti contradictores in principio, adhuc habes occultos adversarios et nisi adsint in curia, qui res tuas curet, facile acta revocantur et dolose supplentantur.

[1]) Уже въ 1199 г. онъ является въ качествѣ кардинала.—Vita Gregorii IX въ Baluzii Miscellanea I, 317.

[2]) Кардинала нѣсколько смутило, когда Францискъ, позванный къ нему на обѣдъ, принесъ къ нему на столъ черный хлѣбъ, который онъ получилъ въ милостыню. Но Францискъ объяснилъ кардиналу, что это для

Со стороны кардинала это было радостное чувство, что онъ нашелъ человѣка, дѣйствительно живущаго по Евангелію и способнаго научить и другихъ жить такъ,—какъ выдѣлялся Францискъ на фонѣ общаго эгоизма, корыстолюбія, пренебреженія къ духовному, омрачавшихъ жизнь служителей церкви и слишкомъ хорошо извѣстныхъ въ куріи. Въ то же время кардиналъ видѣлъ успѣхъ проповѣди и оцѣнивалъ, какія новыя силы могутъ принести церкви эти люди. И онъ совѣтовалъ Франциску не доводить до крайнихъ предѣловъ своего принципа бѣдности, но здѣсь, вѣроятно, имъ руководили другія соображенія, чѣмъ у Иннокентія III; онъ не сомнѣвался въ возможности выполненія, но онъ желалъ прежде всего тѣснѣе связать братьевъ съ церковью.

Самъ Францискъ безсознательно пошелъ навстрѣчу этому желанію. Онъ видѣлъ, что, по мѣрѣ увеличенія ордена, ему приходится все чаще и чаще имѣть дѣло съ куріей. Надо сказать, что, какъ ни различно было его настроеніе съ тѣмъ, которое господствовало вокругъ папскаго престола, онъ ни минуты не колебался въ своихъ чувствахъ относительно папы. Цѣлый рядъ пережитыхъ впечатлѣній связывалъ его съ церковью, и несовершенства отдѣльныхъ ея членовъ нисколько не ослабляли его благоговѣйнаго чувства къ ней. Достаточно вспомнить, какъ онъ относился къ церквямъ, къ духовенству, къ богослуженію. „Счастливъ рабъ“, говорилъ онъ, „который вѣритъ въ клирика, живущаго по правиламъ св. церкви; горе тому, кто ихъ презираетъ; даже если они грѣшны, никто не долженъ ихъ судить, кромѣ одного Бога, который оставляетъ за собой судъ“ [1]). Римъ и римскій первосвященникъ оставались для него предметомъ

него великая честь: „Богу угодна добровольная милостыня, и мнѣ этотъ хлѣбъ слаще обильныхъ и разнообразныхъ блюдъ“. Растроганный Уголино отпустилъ его со словами: „сынъ мой, поступай такъ, какъ благо въ очахъ твоихъ, ибо Господь съ тобою“. 2 Cel. 3, 19.

[1]) Admonitiones, 25: „beatus servus, qui portat fidem in clericis, qui vivunt secundum formam S. Evangelii; vae illos, qui eam despiciunt; licet enim sint peccatores, tamen nullus debet eos iudicare, quia ipse solus Dominus reservet sibi ab eo iudicium“.

глубочайшаго почитанія: онъ зналъ лишь главу католической церкви, въ его глазахъ неоспоримаго преемника Христа; политическая и дипломатическая работы куріи оставались ему неизвѣстны, и если онъ иногда инстинктивно чувствовалъ нѣчто чуждое въ ея атмосферѣ,—онъ никогда не старался разобраться въ этихъ впечатлѣніяхъ.

Съ давнихъ поръ у него было завѣтное желаніе произнести въ присутствіи папы проповѣдь (loqui plurimum sitiebat). „Узнавъ это", — разсказываетъ Челано, — „кардиналъ Уголино, который особенно почиталъ святого мужа, былъ полонъ радости и въ то же время страха; онъ преклонялся предъ ревностью Франциска и видѣлъ его чистую простоту; но, полагаясь на помощь Всевышняго, который никогда не оставляетъ безъ помощи людей благочестивыхъ, его почитающихъ, ввелъ его въ собраніе, гдѣ присутствовали папа Гонорій и кардиналы. Францискъ, получивши разрѣшеніе и благословеніе, началъ говорить безъ страха; и онъ говорилъ съ такимъ жаромъ, что, не владѣя собой отъ радости, двигалъ ногами, какъ бы прыгая, — дѣлалъ это не для смѣха (non ut lascivicus), но сгарая огнемъ божественной любви. Многіе изъ присутствующихъ были глубоко тронуты и съ удивленіемъ видѣли божественную благодать, данную Франциску. Кардиналъ Уголино былъ объятъ великимъ страхомъ и всѣмъ сердцемъ молился, чтобы простота святого не была презрѣна; ибо на немъ отражались слава и безчестіе Франциска, такъ какъ онъ былъ отцомъ, поставленнымъ надъ его семействомъ" [1]).

„Легенда трехъ товарищей" нѣсколько иначе передаетъ этотъ разсказъ: согласно ей, Францискъ произносилъ проповѣдь лишь по желанію кардинала, который хотѣлъ представить его такимъ образомъ папѣ и прочимъ кардиналамъ и расположить ихъ въ пользу новаго ордена [2]). Трудно сказать, какой разсказъ ближе къ истинѣ. Мы думаемъ, что соображенія психологической вѣроятности — доказательство, конечно, очень шаткое, — говоритъ за первый. Опа-

---

[1]) 1 Cel, 1, 27.
[2]) L. 3 S. 16.

сенія кардинала Уголино, смѣшанныя съ радостью, были слишкомъ естественны. Что касается желанія Франциска говорить передъ куріей, оно совершенно гармонируетъ съ его основными чувствами относительно Рима.

Разсказъ о проповѣди Франциска для насъ цѣненъ прежде всего для характеристики отношеній Уголино къ ордену. Что прочіе кардиналы далеко не раздѣляли его чувствъ, на это ясно намекаетъ Челано. Указывая, что Францискъ своей Богомъ вдохновенной проповѣдью расположилъ присутствующихъ, онъ прибавляетъ: o quanti maxime in principio cum haec agerentur, novellae plantationi insidiebantur, ut perderent. O quanti electam vineam, quam dominica manus benignissime novam in mundo plantavit, suffocare studebant. При такихъ условіяхъ совершенно естественно, что Францискъ видѣлъ въ кардиналѣ главную опору въ куріи; необходимость часто обращаться къ послѣдней заставила его просить папу признать Уголино оффиціальнымъ покровителемъ ордена. „Послѣ проповѣди",—сообщаетъ „Легенда трехъ товарищей",—„св. Францискъ обратился съ такими словами къ папѣ: господинъ папа, я сострадаю вамъ во множествѣ трудовъ и заботъ, которые вы должны принимать на себя для церкви Божіей, и стыжусь, что мы, братья, беремъ у васъ столько времени. Многіе знатные и богатые, почти всѣ монахи не имѣютъ къ вамъ доступа; мы же, бѣдные и презрѣнные, должны бояться не только входить къ вамъ, но даже стоять предъ вашей дверью... итакъ, прошу со смиреніемъ и преданностью у Вашей святости дать намъ отцомъ господина кардинала Уголино, дабы братья могли въ случаѣ нужды къ нему прибѣгать, при чемъ Ваша власть (praeminentia) всегда останется первой".—И понравилась эта просьба папѣ, и уступилъ онъ св. Франциску Уголино, назначивши его покровителемъ братьевъ [1]).

Назначеніе кардинала-покровителя было въ высшей степени важно для ордена въ томъ отношеніи, что ставило его въ постоянную и тѣсную связь съ куріей. Но Францискъ, очевидно, не сознавалъ важности своего шага: онъ

---

[1]) L 3. S. 65. Insituens super religionem suam dignissimum protectorem.

просто желалъ имѣть дѣло съ человѣкомъ, лично близкимъ ему, въ чувствахъ котораго къ братьямъ онъ не сомнѣвался. И Уголино не обманулъ его надеждъ: онъ сталъ самымъ дѣятельнымъ покровителемъ братьевъ, постоянно поддерживалъ ихъ интересы въ куріи. Въ первые годы Гонорій издалъ много буллъ въ пользу различныхъ монашескихъ орденовъ, въ числѣ которыхъ фигурировали и вновь утвержденные доминиканцы, но „меньшіе братья" пока были забыты [1]). Съ 1218 г. папа обращаетъ свое покровительство и на францисканцевъ. Мы можемъ быть увѣрены, что рекомендація ордена духовенству, изданная имъ 11 іюня 1219 г., составлена была подъ вліяніемъ Уголино [2]).

Но несомнѣнно, это покровительство имѣло и свои опасныя стороны: завязывающаяся близость къ куріи должна была дѣйствовать разлагающимъ образомъ на независимость братьевъ.

Не надо представлять себѣ дѣло такъ, что Францискъ желалъ изъять свое братство изъ вѣдѣнія церкви; но онъ желалъ, чтобы соблюденіе евангельской жизни оставалось главной его задачей. Могла ли, однако, церковь, принимая на себя заботу, отказаться отъ всякаго вліянія на внутренній строй францисканцевъ,—церковь, для которой всякій, кто былъ не съ нею, былъ противъ нея? Наконецъ, могла ли она воздержаться отъ того, чтобы воспользоваться этой новой формой соединенія, оказавшейся столь жизнеспособной, для собственныхъ цѣлей? Причина лежала здѣсь не въ личности Уголино, на котораго Сабатье возлагаетъ такую долю вины въ искаженіи идеаловъ Франциска, а въ неустранимой противоположности общественно-религіознаго порыва съ духомъ и организаціей церкви.

Для кардинала Уголино не было сомнѣнія въ томъ, какія услуги окажутъ церкви новые ордена, и ужъ въ 1219 г. онъ выразилъ Франциску и Доминику желаніе, чтобы бра-

---

[1]) Сабатье объясняетъ это умышленнымъ уклоненіемъ Франциска отъ папскихъ привилегій. См. Vie de F. p. 186.

[2]) Bullarium Franciscanum, v. I. 11 іюня 1219 г.—venerabilibus fratribus, archiepiscopis, episcopis, abbatis, decanis, archidiaconis, aliis Ecclesiae praelatis.

тья ихъ возводились въ церковное достоинство [1]). Мы знаемъ изъ писемъ Иннокентія III, сколь мало личный составъ епископовъ XIII вѣка могъ служить къ проведенію въ жизнь его программы духовнаго правленія. Мысль воспользоваться для этой цѣли францисканцами и доминиканцами была вполнѣ естественна, но и Доминикъ и Францискъ нашли ее несовмѣстимой съ принципами, легшими въ основаніе новыхъ орденовъ.

„Господинъ,"—сказалъ Доминикъ, „мои братья стоятъ въ высокомъ и достойномъ санѣ, если они хотятъ это признавать. Что можетъ быть почетнѣе, чѣмъ учить другихъ изъ возвышеннаго источника; что желательнѣе для блага души, чѣмъ распространеніе католической вѣры и борьба съ ея врагами? Поэтому я хотѣлъ бы, чтобъ мои братья оставались въ своемъ чинѣ, и позабочусь объ этомъ, насколько это будетъ отъ меня зависѣть".

— „Господинъ", сказалъ Францискъ, „мои братья потому названы меньшими, что они не должны желать сдѣлаться большими. Если вы хотите, чтобъ они приносили плоды въ церкви, то держите и сохраняйте ихъ въ томъ состояніи, въ которомъ они были призваны, и отнюдь не позволяйте имъ дѣлаться прелатами церкви". Услышавъ эти отвѣты, кардиналъ дивился имъ и хвалилъ смиреніе святыхъ мужей, но не оставилъ своего намѣренія; онъ понималъ, что, при развращенности этого времени, такіе служители церкви будутъ ей на великую пользу".

Во внутреннихъ дѣлахъ братства Францискъ продолжаетъ пользоваться полнымъ авторитетомъ: можно сказать даже, что въ этотъ періодъ его авторитетъ достигъ высшихъ предѣловъ. Какъ, однако, поддерживались эти отношенія между членами общины и ея главой? Возможны ли они были съ ея расширеніемъ?

Въ самосознаніи самого Франциска была извѣстная двойственность. Онъ чувствовалъ божественное вдохновеніе, ибо „Богъ открылъ ему путь спасенія, а черезъ него другимъ", и, какъ его носитель, онъ не боялся своей власти

---

[1]) 2 Cel. 3, 86. Specul. 27. 1. Barthol. Pis. 156, 3.

надъ братьями. Но въ то же время его собственныя, человѣческія, такъ сказать, силы не имѣли для него никакой цѣны [1]).

Вспомнимъ трогательный разсказъ, въ которомъ онъ признаетъ себя худшимъ изъ людей: если бы божественная благодать, данная ему, была дана послѣднему изъ разбойниковъ, тотъ чувствовалъ бы въ своемъ сердцѣ больше благодарности, чѣмъ онъ [2]). У Франциска мы далеко не всегда находимъ непоколебимую увѣренность въ себѣ Доминика. Мы уже видѣли, что, размышляя о превосходствѣ молитвы или проповѣди, онъ обращался за совѣтомъ къ Кларѣ. Когда Францискъ съ братьями собирался идти въ Римъ просить утвержденія у Иннокентія III, онъ предлагалъ имъ избрать вождя, которому они на пути оказывали бы полное повиновеніе [3]). Но если Францискъ былъ не всегда увѣренъ въ своихъ силахъ, то по отношенію къ братьямъ чувство любви въ немъ соединялось съ чувствомъ отвѣтственности за ихъ спасеніе; оно всюду выражается въ его посланіяхъ. Смотря на своихъ братьевъ, какъ на людей, связанныхъ евангельскимъ обѣтомъ, онъ требовалъ безусловнаго повиновенія этому обѣту [4]). Францискъ налагалъ

---

[1]) См. Spec. 28, 1. De omnibus bonis verbis et opibus suis volebat soli Deo attribui gloriam et honorem. Во второй легендѣ Челано (3, 90) разсказывается, какъ Францискъ обрадовался, когда епископъ Интераменскій пригласилъ своихъ слушателей возблагодарить Бога, „прославившаго свою церковь въ этомъ ничтожномъ, презрѣнномъ, простомъ и невѣжественномъ человѣкѣ“. „Поистинѣ, господинъ епископъ, большую честь вы оказали мнѣ—вы отдѣлили драгоцѣнное отъ низкаго, воздали Богу хвалу, а обо мнѣ сказали съ презрѣніемъ“.

[2]) Bartol. Pis. 157, 1.

[3]) L. 3 S. 46: „faciamus unum ex nobis ducem nostrum et habemus ipsum quasi vicarium Iesu Christi, a quocunque declinare voluerit, declinemus, et quando hospitari voluerit hospitemur“, et elegerunt fratrem Bernardum primum post beatum Franciscum et, sicut pater dixerat, servaverunt.

[4]) См. 2 Cel. 2, 89: tolle corpus examini et ubi placuerit, pone; videbis non repugnare motu, non murmurare situm, non reclamare dimissum; quod si statuatur iu cathedra, non alta sed imma respiciet, si collocetur in purpura dublo palescit. Hic, inquit, verus oboediens est, cur moveatur non dijudicat, ubi locetur, non curat, ut transmutetur, non instat evectus ad officium, solitam tenet humilitatem, plus honoratus plus reputat se indignum. Alio de hujus modo loquens consessas post petitionem proprie licentias di-

наказаніе на братьевъ: такъ, онъ велѣлъ бросить въ огонь капюшонъ монаха, оказавшаго непослушаніе, а другого за клевету на брата велѣлъ даже подвергнуть тѣлесному наказанію [1]). Но еще болѣе, чѣмъ на непослушаніи, Францискъ останавливался на возможности злоупотребленія властью со стороны министра. Въ своемъ посланіи провинціальнымъ министрамъ онъ убѣждалъ ихъ, дабы они безъ нужды не приказывали во имя святого повиновенія [2]). Они должны быть умѣренны въ своихъ требованіяхъ, милосерды къ грѣшнымъ, легко прощать. Ильѣ, которому онъ впослѣдствіи на время уступилъ высшую власть въ орденѣ, онъ также напоминалъ о необходимой кротости (si non quaerat peccans, tu quaeras ab eo, si vult misericordiam). На вопросъ, почему онъ не исправляетъ братьевъ, Францискъ отвѣчалъ: „если я не могу исправить ихъ увѣщаньемъ и проповѣдью, не хочу быть ихъ палачомъ. Кара предоставлена Божьему суду,—я же, пока живъ, буду дѣйствовать собственнымъ примѣромъ, чтобъ они шли по тому пути, который мнѣ указалъ Богъ [3]). Если прелаты предписываютъ что-нибудь угрожающее спасенію души, не слѣдуетъ имъ повиноваться“ [4]). „Никто не обязанъ повиноваться“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „если ему приказываютъ совершать проступокъ или грѣхъ“ [5]). Безспорно, выработанное представленіе о монашеской дисциплинѣ не могло не оказывать вліянія на Франциска, но онъ хотѣлъ, чтобы человѣче-

---

xit, injunctas vero non postulatas sacram oboedientiam nominavit, utramque bonam, sed aliam tutiorem. Summam vero et in qua nihil haberet caro et sanguis illam esse credebat, qua divina inspiratione in infideles itur sive ob proximorum lucrum, sive ob martyrii desiderium. Hanc vero petere multum Deo judicabat acceptam.

[1]) 2 Cel. 3, 92.

[2]) Opuscula, ep. 9 „Quod non praecipiatis facile per sanctam oboedientiam“ 2 Cel. 2, 90.

[3]) Spec. 50, 2.

[4]) Si vero prelatus praecipit aliquid subdito contra animam suam, licet ei non oboediat tamen ipsum non dimittat.

[5]) См. Op. II, 5. Францискъ строго порицалъ братьевъ, приготовившихъ по поводу прибытія ихъ министра трапезу болѣе обильную, чѣмъ обыкновенно.

ская свобода приносилась въ жертву лишь Христу и его заповѣдямъ. Одинъ братъ изъ Германіи [1]) просилъ Франциска, если братья не будутъ жить по правилу, разрѣшить отдѣлиться ему одному или съ нѣкоторыми другими и соблюдать его полностью. При этихъ словахъ Францискъ съ радостью отвѣтилъ ему: „знай, что Христосъ, какъ и я, разрѣшаетъ это.“ Не менѣе характеренъ его отвѣтъ брату Льву, вѣроятно, на подобную же просьбу: „я тебѣ отвѣчаю *да*, сынъ мой, какъ мать своему ребенку, — если ты ощущаешь потребность придти ко мнѣ за совѣтомъ, я желаю, чтобъ ты это сдѣлалъ. Каковъ бы ни былъ способъ, которымъ ты думаешь угодить Богу, слѣдовать по его стопамъ и жить въ бѣдности,—поступай такъ; Богъ на все благословитъ и я разрѣшаю“ [2]).

Слѣдуя рѣшенію, принятому па соборѣ 1219 года, съ пламенной жаждой миссіонерства среди невѣрныхъ, Францискъ отправился въ Сирію. Пребываніе его на Востокѣ представляетъ интересный эпизодъ изъ его жизни [3]), но для исторіи ордена главное значеніе имѣлъ самый фактъ продолжительнаго отсутствія. Ужъ на соборѣ 1219 года проявились существенныя различія въ образѣ мыслей среди братьевъ.

Когда кардиналъ Уголино прибылъ туда, нѣкоторые братья, между которыми Маріанъ и Маркъ Лиссабонскій называютъ провинціальныхъ министровъ Илью и Іоанна, стали убѣждать его воздѣйствовать на Франциска и просить о смягче-

---

[1]) M. S. Цезарь Шнейерскій? Срав. Jord. 15 (Anal. Fran. t. I).

[2]) Spec. 125, 1 Opus ep. 16 (ad fr. Leonem).

[3]) Здѣсь онъ встрѣтился съ крестоносцами, которымъ, по преданію, предсказалъ пораженіе. Проповѣдывалъ христіанскую вѣру передъ вавилонскимъ султаномъ и настолько расположилъ его къ себѣ, что тотъ колебался одно время, не принять ли ему христіанство. Пребываніе это разсказывается у современника Франциска и очевидца событій, кардинала Іакова Витріака, въ его Historia Occidentalis и въ письмахъ французскимъ друзьямъ (Gesta Dei per Francos 1144—9). См. Wadd. 1219, 61: какой то Сарацинъ, движимый жалостью, предложилъ братьямъ денегъ для покупки необходимой пищи и изумился ихъ отказу. Когда же онъ понялъ, что они, принявъ бѣдность, не хотѣли владѣть деньгами изъ любви къ Богу, онъ почувствовалъ къ нимъ такое расположеніе, что предложилъ доставлять имъ все необходимое, пока у него останутся какія-нибудь средства.

ніи, указывали на существующія уже монашескія правила и т. п.; повидимому, у нихъ было нѣкоторое неудовольствіе на единоличность вліянія Франциска, и они желали, чтобы онъ болѣе сообразовался съ мнѣніями наиболѣе опытныхъ и ученыхъ изъ братьевъ [1]). Кардиналъ, который, при всемъ почитаніи Франциска, желалъ направить развитіе его братства по менѣе необычному пути, передалъ ему эти соображенія, какъ бы отъ собственнаго имени. Но Францискъ понялъ, что кардиналъ имѣлъ переговоры съ нѣкоторыми изъ братьевъ, и на соборѣ далъ отвѣтъ. „Братья мои,“ говорилъ онъ: „Богъ привелъ меня путемъ простоты и смиренія. Онъ сказалъ: Францискъ, ты сдѣлался въ мірѣ юродивымъ, который проповѣдуетъ дѣлами и словами безуміе Христа; ты и твои послѣдователи должны взирать лишь на Меня и слѣдовать Мнѣ, не принимая никакого другого образа жизни. Самъ онъ въ своемъ милосердіи показалъ мнѣ этотъ путь для меня и для тѣхъ, которые хотятъ мнѣ вѣрить и пристали ко мнѣ. И не называйте мнѣ другихъ правилъ Августина или Бенедикта, другихъ, кромѣ того, которое далъ мнѣ съ неба Господь по его милосердію и благости. Не хочу противорѣчить волѣ Божіей и вести васъ по другому пути и, если люди хотятъ васъ увлечь, я боюсь, чтобъ ихъ не постигла кара отъ Бога“. Затѣмъ, онъ обратился къ кардиналу: „мудрецы, которыхъ вы, святой отецъ, такъ восхваляете, хотятъ своей человѣческой мудростью обмануть Бога и васъ, но обманываютъ самихъ себя, желая разрушить то, что черезъ меня, недостойнаго раба своего, говорилъ Христосъ для ихъ собственнаго спасенія“. Эти слова произвели такое впечатлѣніе на кардинала, что онъ тутъ же сталъ убѣждать братьевъ сохранить полное послушаніе Франциску, ибо кто его слушаетъ, слушаетъ не его, а Господа, и кто его презираетъ, презираетъ не его, а Христа [2]).

Разсказъ не встрѣчается у ближайшихъ по времени къ Франциску авторовъ. Впослѣдствіи, когда Илья, въ качествѣ

---

[1]) Mar. Lisl. S. Croniche degli Ordini, instituti dal S. Francesco; v. I c. 53. Sequi eorum fratrum consilia, quorum plures erant doctissimi et universi apti regimini.

[2]) Mar. Lisb. c. 53. Wadd. 1219, 24.

генеральнаго министра, заслужилъ всеобщую ненависть, на него стали возлагать отвѣтственность за всевозможныя уклоненія ордена отъ первоначальнаго идеала, даже за тѣ, которыя начались еще при жизни Франциска. Мы увидимъ, что противъ этого существуютъ вѣскія основанія, но самый фактъ появленія среди братьевъ столь чуждаго Франциску духа не представляетъ ничего страннаго. Уже прошли тѣ времена, когда община состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ, которыя всѣ знали другъ-друга и постоянно обмѣнивались мыслями и чувствами. Что личность Франциска не на всѣхъ производила одинаковое впечатлѣніе, это тоже вполнѣ понятно. Люди, болѣе вѣрившіе въ теологическое образованіе и политическую мудрость, отдавая должное святости Франциска, думали, что въ управленіи орденомъ онъ совсѣмъ не компетентенъ,—и кардиналъ Уголино, при всѣхъ своихъ чувствахъ къ Франциску, по складу ума и темперамента, по всей подготовкѣ своей былъ слишкомъ доступенъ этой аргументаціи. Прибавимъ, что, по намекамъ источниковъ, исключительный авторитетъ Франциска—не только среди братьевъ, но и среди всего населенія возбуждалъ въ нѣкоторыхъ зависть [1]).

Отправляясь на Востокъ, Францискъ предоставилъ главное руководство дѣлами ордена Матвѣю Нарнійскому и Григорію Неаполитанскому. Неизвѣстно, почему онъ оказалъ имъ такое довѣріе; о первомъ мы, вообще, ничего не знаемъ; второй былъ провинціальнымъ министромъ Франціи и подвергся впослѣдствіи осужденію, какъ сторонникъ Ильи [2]). Соборъ 1220 г., который происходилъ подъ ихъ руководствомъ, ввелъ нѣкоторыя новыя строгости въ постѣ [3]).

Нѣкоторые изъ братьевъ, негодуя, вѣроятно, болѣе на мотивы этой перемѣны, посредствомъ которой соборъ какъ бы старался приблизить францисканцевъ къ существующимъ

---

[1]) 2 Cel. 2, 13.

[2]) Ваддингъ, слѣдуя Speculum и Маріанну, говоритъ, что Францискъ поставилъ на время своего отсутствія викаріемъ ордена Илью. См. 1220,20 Древнѣйшіе источники умалчиваютъ здѣсь объ Ильѣ. Вѣроятно, и здѣсь разсказъ объясняется враждебной Ильѣ тенденціей.

[3]) 2 Cel. 3, 4. Spec. 11,1.

монашескимъ орденамъ, чѣмъ на самую перемѣну, поспѣшили дать знать Франциску. Другимъ опаснымъ симптомомъ было образованіе братомъ Капеллой особеннаго привилегированнаго ордена прокаженныхъ, во главѣ котораго онъ поставилъ себя [1]). Францискъ поспѣшно вернулся въ Италію [2]), и на осеннемъ орденскомъ собраніи 1220 г. были отмѣнены произвольныя мѣры викаріевъ. Но онъ нашелъ другія, гораздо болѣе серіозныя новшества. Проходя черезъ Болонью, онъ увидѣлъ новый домъ, построенный для братьевъ. Этотъ домъ представлялъ изъ себя такое нарушеніе обѣта евангельской бѣдности, что Францискъ велѣлъ братьямъ немедленно его покинуть и не позволилъ остаться въ немъ даже больнымъ [3]). Онъ запретилъ возвращаться туда, но кардиналъ Уголино, который въ это время былъ отправленъ легатомъ въ Ломбардію, объявилъ, что этотъ домъ принадлежитъ не францисканцамъ, а церкви. Повидимому, это былъ первый примѣръ того, какъ принципъ—не имѣть собственности—обходился тѣмъ, что собственность номинально признавалась за католической церковью.

Во второй легендѣ Челано разсказывается другой подобный эпизодъ, весьма вѣроятно, относящійся къ тому же времени. Жители Ассизъ, въ отсутствіе Франциска и безъ его вѣдома, выстроили домъ для орденскихъ капитуловъ. Францискъ увидѣлъ и здѣсь тяжкое нарушеніе заповѣди евангельской бѣдности, и началъ собственными руками, при помощи собратьевъ, разрушать этотъ домъ. „Онъ разрушилъ бы его до основанія“, говоритъ Челано, „если бы городскіе

---

[1]) Iord. c. 12, Cp. Barth. 104, 1: „invenit abusum capelle et ab ipsa denominatus est ab ordine recedens factus leprosus laqueo ut Judas se suspendit“.

[2]) По словамъ Іордана c. 13, какой-то братъ изъ свѣтскихъ (laicus) жаловался Франциску на смуты въ орденѣ, возбужденныя его намѣстниками (ordo per totam Italiam turbatur tam per vicarios, quam per alios fratres nova praesumentes). Передавали слова, сказанныя какой-то неизвѣстной женщиной въ пророческомъ экстазѣ: „возвратите, возвратите: безъ брата Франциска во всемъ орденѣ смуты и расколъ“. (Reddite, reddite, quoniam per absentiam fratris Francisci ordo turbatur et scinditur et dissipatur).

[3]) 2 Cel. 3, 4. Spec. 11, 1.

кустоды не охладили его жара, напомнивъ, что домъ принадлежитъ городу, а не братьямъ" [1]).

Эти столкновенія не прошли безслѣдно для Франциска. Вѣра въ идеалъ евангельской бѣдности оставалась непоколебимой, но надежда, что братья не измѣнятъ ему, уступила мѣсто тревожнымъ опасеніямъ. И въ его словахъ и бесѣдахъ, прежде столь жизнерадостныхъ, начинаетъ все чаще и чаще слышаться грустная, нѣсколько скептическая нота. Не сознавалъ ли онъ въ себѣ извѣстнаго безсилія бороться со зломъ?

Вскорѣ послѣ собора 1220 г. онъ рѣшился совсѣмъ отказаться отъ руководства орденомъ и передать его Петру Катанскому, одному изъ ближайшихъ сотрудниковъ, сопровождавшихъ его въ Сирію. „Отнынѣ", сказалъ Францискъ, „я для васъ умеръ; но вотъ братъ Петръ Катанскій, которому и я и вы должны повиноваться". И, склонившись передъ нимъ, Францискъ выказалъ ему почтеніе. Братья плакали, видѣли, какъ они осиротѣли, теряя своего отца. А святой Францискъ всталъ, сложилъ руки, возвелъ глаза къ небу и воскликнулъ: „Господи, тебѣ поручаю я эту семью, которую до сихъ поръ ты мнѣ ввѣрилъ; и теперь изъ-за немощей, которыя ты знаешь, сладчайшій Господи, я не могу самъ заботиться о нихъ и поручаю министрамъ. Пусть въ день суда они отдадутъ тебѣ отчетъ, не погибъ ли какой-нибудь изъ братьевъ по ихъ небрежности, или вслѣдствіе дурного примѣра, или суроваго наказанія". Такимъ образомъ, оставался онъ въ подчиненіи до смерти [2]), болѣе смиренный, чѣмъ кто-либо изъ братьевъ" [3]).

---

[1]) 2 Cel. 3, 4. См. у Barth. 151, 1—упреки, которые дѣлалъ Францискъ Ильѣ за излишества въ постройкахъ.

[2]) Spec. 26, 1. До смерти кого? собственной или Петра? Послѣдній умеръ уже въ 1221 г. (Wadd. 1221, 2) и, насколько мы знаемъ, никто другой его не замѣстилъ. Мало разъясняетъ Sp. 26, 1: „dixit generali ministro: volo ut committam vicem tuam super me uni ex sociis meis". Et ex tunc usque ad mortem habuit unum sociis suis gnardianum, cui oboediebat vice generalis ministri". Это извѣстіе, однако, заслуживаетъ вниманія, такъ какъ оно сопровождается словами: hoc vidimus oculis meis.

[3]) Болландисты (с. 620) оспаривали передачу власти Петру Катанскому на томъ основаніи, что она не подтверждается древнѣйшими источниками.

Когда одинъ изъ братьевъ, замѣтивъ огорченье и даже нѣкоторое отчужденье Франциска, спросилъ его, онъ отвѣтилъ: „я люблю братьевъ, какъ могу, но если бы они слѣдовали за мной, то я любилъ бы ихъ тѣмъ болѣе и не отчуждался бы отъ нихъ. Но есть нѣкоторые изъ числа прелатовъ, которые увлекаютъ ихъ къ другому, представляютъ различные примѣры и пренебрегаютъ моими увѣщаніями. Но что они дѣлаютъ, будетъ видно въ концѣ". Другой спросилъ его, неужели онъ не смѣнитъ провинціальныхъ министровъ? „Пусть они живутъ, какъ хотятъ", отвѣчалъ Францискъ: „менѣе значитъ погибель немногихъ, чѣмъ многихъ" [1]).

Предчувствіе не обманывало его; францисканское братство неудержимо стремилось силой вещей къ обращенью въ настоящій орденъ, и дѣйствовала здѣсь не только внутренняя необходимость, но и сознательная политика папской церкви.

Еще до изданія Правила рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ Гоноріемъ III. 22 сентября 1220 г. онъ опубликовалъ буллу, которая устанавливала новиціатъ: отнынѣ всякій, вступающій въ францисканское общество, долженъ былъ годъ оставаться на испытаньи; черезъ годъ его посвящали, и тогда онъ уже не могъ выйти. Подобное правило новиціата существовало во всѣхъ монашескихъ орденахъ; у францисканцевъ же до сихъ поръ входъ и выходъ оставались свободными. Вмѣстѣ съ этимъ, напоминалось, чтобы подъ видомъ миноритовъ не обращались среди вѣрующихъ люди, которые не повинуются церкви [2]).

Не произошло ли здѣсь смѣшенія? Ваддингъ, слѣдуя Маріанну, разсказываетъ подъ 1215, 1, что Петръ Катанскій замѣщалъ Франциска въ Ассизахъ во время его отсутствія. Когда Францискъ вернулся, онъ былъ очень недоволенъ новыми постройками, которыя допустилъ воздвигнуть его викарій.

[1]) 2 Cel. 3, 118. Уже послѣ изданья Правила онъ говорилъ: „fratres habent regulam suam et iuraverunt servare eam, ut non habeant excusationem super me" Sp. 69, 2. Замѣтимъ, что многочисленныя предсказанья и видѣнія Франциска касательно будущаго упадка ордена, которыя въ большомъ числѣ мы находимъ въ Spec., составлены были, повидимому, въ партіи спиритуаловъ. См. Spec. 38, 2; 100, 1. ос. 49, 2 и 182, 1.

[2]) Bull, Fr. I 22 c. 1220 — inhibemus etiam, ne sub habitu vitae vestrae liceret alicui extra oboedientiam vagari.

Трудно думать, чтобы эта булла сколько-нибудь соотвѣтствовала желаніямъ Франциска, но онъ долженъ былъ считаться съ общимъ ходомъ вещей, и мы видимъ, какъ, если не исключительно изъ-подъ его пера, то подъ его главнымъ руководствомъ выходятъ два Правила — 1221 г. и 1223 г., изъ которыхъ послѣднее осталось уставомъ ордена, утвержденнымъ папой. Здѣсь кончается періодъ образованія ордена, и потому для насъ въ высшей степени существенно разсмотрѣть эти Правила и опредѣлить ихъ мѣсто среди другихъ подобныхъ памятниковъ.

Правило 1221 года есть какъ бы развитіе того Правила, которое Иннокентій III утвердилъ братьямъ [1]). Францискъ признается главой „religio", онъ за себя и своихъ преемниковъ обѣщаетъ повиновеніе папѣ Иннокентію и его преемникамъ. Насъ не можетъ здѣсь удивлять, что Францискъ называетъ здѣсь не Гонорія, а Иннокентія, который впервые утвердилъ Правило.

Братья при вступленіи даютъ троякій обѣтъ: послушанія, цѣломудрія и бѣдности, основанныхъ на словахъ Спасителя. Всякій человѣкъ свободенъ поступать въ орденъ, но братья не должны производить никакого давленія на него, не должны вмѣшиваться въ его матеріальныя дѣла; послѣ года испытанія онъ окончательно вступаетъ въ орденъ и выйти оттуда уже не можетъ, что, какъ мы видѣли, еще раньше постановилъ Гонорій III. Во главѣ ордена стоятъ министры; братья обязаны повиноваться имъ во всемъ, что не противорѣчитъ спасенію души; министры же должны помнить слова Спасителя: „я пришелъ не для того, чтобъ міръ мнѣ служилъ, а чтобъ послужить міру". Правило болѣе предостерегаетъ министровъ отъ гордости, злоупотребленія своей властью, чѣмъ братьевъ отъ неповиновенія. Когда братъ погрѣшаетъ и не исправляется, несмотря на

---

[1]) Wadd. 1210, 1: Haec est vita, quam frater Franciscus petit sibi concedi et confirmari a domino papa Innocentio et concessit et confirmavit eam sibi et suis fratribus habitis et futuris — Ваддингъ слѣдуетъ тексту, данному въ Firmamentum 3 ordinum, 10. Текстъ, находящійся въ Spec. 189 etc, нѣсколько отличается отъ него.

увѣщаніе, министръ поступаетъ съ нимъ по своему усмотрѣнію, но это наказаніе должно совершаться безъ гнѣва, безъ злобы [1]). Между собой братья должны сохранять миръ и любовь, не имѣть другъ съ другомъ никакихъ тяжбъ, не злословить другъ о другѣ.

Никто изъ нихъ не называется старшимъ, но всѣ—меньшими братьями. Всѣ братья, способные къ труду, должны работать, когда же заставитъ ихъ необходимость (cum necesse fuerit), могутъ идти просить милостыню, не стыдясь и помня, что самъ Христосъ, св. Дѣва и Апостолы жили милостыней; если имъ приходится быть среди людей презираемыхъ, они должны лишь радоваться этому; безусловно запрещается принимать деньги, какъ прямо, такъ и черезъ посредство другихъ лицъ; въ видѣ исключенія это допускается въ пользу больныхъ братьевъ и то лишь въ случаѣ крайности [2]). Точно также не должны они пріобрѣтать никакой недвижимости,—конечно, здѣсь говорится объ общей собственности. Братьямъ рекомендуется избѣгать всякихъ встрѣчъ съ женщинами, имѣть хотя бы духовное руководство надъ ними; нарушившій заповѣдь цѣломудрія изгоняется изъ ордена. Въ странствіе миноритъ отправляются безъ посоха, безъ сумы, безъ хлѣба и безъ денегъ; лишь въ случаѣ болѣзни имъ дозволяется ѣздить верхомъ. Слѣдуя евангельскому слову Спасителя, они могутъ идти проповѣдовать Христа язычникамъ и Сарацинамъ; тотъ, кто почувствуетъ въ себѣ божественное вдохновеніе, проситъ министра, который и отпускаетъ его, если находитъ достой-

---

[1]) С—5. „Caveant omnes fratres tam ministri et servi quam alii, quod propter peccatum alterius non irascentur; sed spiritualiter sicut possunt adjuvent eum“ .

[2]) С. 8. Этотъ пунктъ Правила не совсѣмъ ясенъ: nullus frater ubicunque sit et quocunque vadit aliquo modo tollat nec recipiat, nec recipi faciat pecuniam aut denarium, nec occasione vestimentorum, nec librorum nec pro pretio alicujus laboris immo nulla occasione nisi propter manifestam necessitatem infirmorum fratrum. И далѣе: fratres tamen in manifesta necessitate leprosorum possunt pro eis quaerere eleemosinam, caveant tamen multum a pecunia. Можно ли было принимать деньги въ пользу прокаженныхъ? Если нѣтъ, то отчего сдѣлана эта уступка относительно болящихъ братьевъ?

нымъ. Исповѣдовать Христа можно двояко: признаніемъ христіанской вѣры и жизнью, сообразной съ Евангеліемъ. Такъ, и проповѣдуя народу съ согласія министра, они прежде всего должны учить его примѣромъ, а потомъ уже словомъ.—Братья обязаны твердо соблюдать католическую вѣру [1]), оказывать почтеніе ея служителямъ, исповѣдоваться и причащаться. Каждый министръ собираетъ своихъ братьевъ разъ въ годъ, въ праздникъ св. Михаила, гдѣ желаетъ; всѣ же министры собираются въ церковь св. Маріи у Порціункула—изъ заморскихъ, или заальпійскихъ странъ разъ въ три года, а изъ остальныхъ разъ въ годъ. Къ этимъ постановленіямъ прибавлено нѣсколько словъ объ одеждѣ, постѣ и часахъ для молитвы. Въ заключеніе Францискъ, обращаясь къ братьямъ съ увѣщаніемъ, повторяетъ главное содержаніе Правила, постоянно ссылаясь на слова Евангелія. „Будемъ держаться,"—говоритъ онъ, „праведной жизни и ученія св. Евангелія Того, Который соблаговолилъ намъ открыть свое имя и Имя Отца Своего, сказавъ: Отче, я открылъ Имя Твое людямъ".

Къ Правилу приложена довольно длинная молитва, которая, на ряду съ „Гимномъ солнцу", представляетъ лучшее, быть можетъ, выраженіе религіознаго генія Франциска. „Мы всѣ меньшіе братья, рабы неключимые, смиренно просимъ и умоляемъ всѣхъ, хотящихъ служить Господу Богу въ святой католической апостольской церкви, священниковъ, діаконовъ и иподіаконовъ, чтецовъ, привратниковъ и всѣхъ клириковъ, всѣхъ монаховъ и монахинь, всѣхъ мальчиковъ и подростковъ, бѣдныхъ и неимущихъ, царей и князей, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, рабовъ и господъ, всѣхъ дѣвъ и замужнихъ, мірянъ—мужчинъ и женщинъ, дѣтей, юношей и старыхъ, здоровыхъ и больныхъ, всѣ народы, племена и языки, всѣ націи, обитающія въ странахъ земныхъ, настоящія и будущія, мы молимъ всѣхъ ихъ остаться въ истинной вѣрѣ, внѣ которой никто не можетъ спастись. Да любимъ всѣхъ всѣмъ сердцемъ, всей душой, всѣмъ разумомъ и крѣпостію, всей нашей мыслью

---

[1]) С. 19. Omnes fratres sicut catholici vivant et loquantur catholice.

и волей. Да любимъ Бога, который далъ намъ тѣло, духъ и жизнь, создалъ и искупилъ и спасъ насъ силою лишь своего милосердія, который сдѣлалъ и дѣлаетъ все благое намъ, жалкимъ, бѣднымъ, отверженнымъ, загрязненнымъ, неблагодарнымъ, невѣжественнымъ, злымъ".

Правило 1221 г. весьма пространно, но, какъ мы видимъ, въ немъ преобладаетъ элементъ увѣщаній; если исключить нѣсколько строкъ объ одеждѣ, постѣ, каноническихъ часахъ—до указанія о новиціатѣ и срокѣ соборовъ, то въ немъ едва-ли найдется что-либо другое, кромѣ того, что мы знаемъ изъ посланій Франциска. Такъ, обязанности министровъ для насъ остаются совершенно невыясненными. Правило стремится гораздо больше охарактеризовать тѣ чувства, которыя желательны у братьевъ и министровъ въ различныхъ случаяхъ жизни, чѣмъ регулировать ихъ отношенія. Оно постоянно погрѣшаетъ противъ логической послѣдовательности и литературной стройности: почему подъ рубрикой de modo serviendi et laborandi даны предостереженія противъ лицемѣрія? Почему постановленія о деньгахъ, объ отношеніи министровъ къ братьямъ разбросаны повсюду, со столькими повтореніями?

Для насъ эта внѣшняя безпорядочность лишь возвышаетъ интересъ: какъ ярко еще проявляется здѣсь личность Франциска и тотъ духъ, который онъ желалъ насадить среди своихъ братьевъ! Но, какъ мы знаемъ, уже черезъ два года пришлось составить новое Правило, сдѣлавшееся истинной конституціей ордена.

Какія причины побудили Франциска передѣлать Правило 1221 г.? Бонавентура разсказываетъ, что Францискъ видѣлъ слѣдующій сонъ: онъ долженъ былъ раздѣлить между братьями хлѣбныя облатки; но такъ какъ эти облатки были очень тонки и угрожали разсыпаться въ рукахъ у братьевъ, то голосъ съ неба повелѣлъ изъ всѣхъ нихъ сдѣлать одну гостію и причастить ею желающихъ. Онъ это сдѣлалъ и всѣ, принимавшіе гостію безъ почтенія или отказывавшіеся отъ нея, поражались проказою. На другой день ему было во снѣ открыто, что облатки означаютъ слова Евангелія, гостія—Правило. Тогда онъ рѣшился придать Правилу бо-

лѣе сжатый видъ, удалился на гору съ двумя своими учениками и составилъ тамъ Правило 1223 года, утвержденное папой Гоноріемъ [1]).

Главный интересъ этого извѣстія состоитъ въ томъ, что по нему Францискъ передѣлалъ Правило 1221 г. исключительно, такъ сказать, по собственному почину, безъ всякаго давленія со стороны куріи и Уголино. Если разсказъ въ этомъ смыслѣ вѣренъ, онъ еще болѣе свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ разочарованіи Франциска, убѣдившагося, что его братьямъ недостаточно увѣщаній, а нужно твердо опредѣленное правило поведенія [2]). Къ этому разсказу Speculum и Ваддингъ прибавляютъ слѣдующія черты: когда Францискъ составилъ новое Правило, онъ передалъ его Ильѣ, который, побоявшись строгостей, заключавшихся въ немъ, умышленно потерялъ его. Тогда Францискъ удалился въ уединенное мѣсто, чтобы вторично составить его. Илья подговорилъ нѣкоторыхъ министровъ идти и просить не связывать ихъ новымъ Правиломъ. Услышавъ ихъ просьбу, Францискъ смутился и, возведя глаза къ небу, сказалъ: „Господи, развѣ я не говорилъ, что они не послушаютъ меня? Ты заставилъ меня понапрасну трудиться!“ Тогда вдругъ раздался голосъ съ неба: „о, человѣкъ, что ты безпокоишься? развѣ ты предписалъ эту форму жизни, ты—законодатель? развѣ все это не предписано Мною, развѣ Я не далъ тебѣ этотъ списокъ? ты лишь слабое орудіе, пищущій тростникъ. Я зналъ, что опредѣлить, открыты Мнѣ силы человѣческія, знаю Я, насколько онѣ нуждаются въ Моей помощи. Я хочу, чтобъ это Правило соблюдалось буквально и безъ комментаріевъ“. Послѣднія слова были повторены трижды. Устрашенные министры пали на землю, прося простить ихъ.

Этотъ разсказъ поздняго происхожденія — Ваддингъ за-

---

[1]) Bonav. 4, 54.

[2]) Опять мы здѣсь можемъ опираться лишь на психологическую вѣроятность, съ точки зрѣнія которой составленіе Францискомъ второго Правила по его собственному почину представляется страннымъ. Сабатье весьма ярко рисуетъ разницу между Правилами 1221 и 1223 годовъ; намъ кажется только, что онъ преувеличиваетъ прямое давленіе куріи. См. с. 289.

имствовалъ его, повидимому, изъ Маріанна—съ весьма ярко выраженной тенденціей, враждебной Ильѣ. Ваддингъ не замѣчаетъ страннаго противорѣчія, что Илья, котораго онъ обвиняетъ во введеніи излишнихъ строгостей, теперь не желаетъ подчиниться болѣе строгому Правилу. Если онъ стремился обратить францисканцевъ въ обычный монашескій орденъ, какъ это склоненъ думать Сабатье, то второе Правило должно было больше перваго соотвѣтствовать его желаніямъ [1]).

Правило 1223 г. гораздо короче предшествующаго. Начинается оно съ обѣщанія вѣрности папѣ Гонорію и его преемникамъ. Принимать братьевъ могутъ отнынѣ лишь министры, которые должны убѣдиться въ отсутствіи некатолическихъ воззрѣній у принимаемыхъ. Постановленія о бѣдности въ общемъ сходятся съ первымъ Правиломъ [2]). Отношенія братьевъ и министровъ опредѣляются, какъ и въ Правилѣ 1221 г.: братья не обязаны повиноваться, если имъ приказываютъ что-либо противъ Правила [3]).

---

[1]) Можно понять происхожденіе этого разсказа: когда Илья былъ обвиненъ въ нарушеніи Правила 1223 г., онъ оправдывался тѣмъ, что не былъ имъ связанъ, такъ какъ поступилъ въ орденъ при Гонаріи, а не при Иннокентіи, а Правило, утвержденное этимъ папою, не предписывало такой бѣдности, какъ позднѣйшее (Regula illa non voverat paupertatem). См. Anal. Fran. III, Chron. 24 gen. p. 675. Мысль, выраженная въ отвѣтѣ, данномъ свыше, вполнѣ соотвѣтствуетъ словамъ, которыя услышалъ Францискъ въ минуту собственнаго колебанія: „что смущаешься ты, человѣкъ? развѣ Я не поставилъ тебя надъ этимъ орденомъ, и не знаешь ты, что Я верховный его покровитель?“ См. 2 Cel. 3, 94.: Spec. 69, 1.

[2]) Хотя и здѣсь вопросъ о пріемѣ денегъ нѣсколько неясенъ. См.4.— послѣ запрещенія принимать деньги: tamen pro necessitatibus infirmorum et aliis fratribus induendis, per amicos spirituales ministri tantum et custodes sollicitam curam gerant secundum loca et tempora, et frigidas regiones sicut necessitati viderent expedire. Eo semper salvo, ut sicut dictum est, denarios vel pecuniam non reciperent.

[3]) По поводу этого пункта Historia 7 tribulatinum F.2, 1 и Speculum 124, 2 даютъ слѣдующую цѣнную подробность. Гонорій III нашелъ неудобнымъ то мѣсто, гдѣ говорилось объ отношеніяхъ братьевъ и министровъ. „Ministri vero tenent ejusdem postulata fratribus per oboedientiam benigne et liberaliter concedere; quod si facere nollent, ipsi fratres habent licentiam et oboedientiam eam litteraliter observandi; quod omnes fratres tam ministri, quam subditi debent Regulae esse subjecti“. Вводить такой прин-

Проповѣдовать они могутъ лишь съ согласія министровъ и мѣстнаго епископа,—оговорка, вызванная, вѣроятно, частыми столкновеніями съ клиромъ, которыя такъ огорчали Франциска. Постановленія о братьяхъ, желающихъ посвятить себя миссіонерской дѣятельности, остались прежнія; но если въ Правилѣ 1221 г. министрамъ напоминалось не дѣлать ненужныхъ препятствій, то теперь имъ, напротивъ, рекомендуется давать согласіе съ осторожностью. Въ первомъ Правилѣ не было никакихъ указаній, какъ выбираются министры; во второмъ — это предоставлено всѣмъ провинціальнымъ министрамъ и ихъ помощникамъ, кустодамъ,— должность, съ которой мы здѣсь встрѣчаемся впервые. Наконецъ, второе Правило обязываетъ братьевъ имѣть кардинала-протектора, о чемъ первое умалчиваетъ.

Съ внѣшней стороны второе Правило носитъ гораздо болѣе стройный характеръ; въ немъ нѣтъ такихъ повтореній, въ него не вставлены молитвы Франциска; нѣсколько ближе оно подходитъ къ тому, что называлось „Regula monasticorum". [1]) Въ Правилѣ 1221 г. среди разнообразія мало

ципъ, по мнѣнію папы, было опасно, такъ какъ онъ легко могъ служить къ нарушенію дисциплины. Францискъ отвѣчалъ, что не онъ, а Христосъ вставилъ эти слова въ Правило; онъ не можетъ и не долженъ измѣнять словъ Христа. Тогда папа сказалъ, что оставитъ смыслъ, но смягчитъ лишь способъ выраженія такимъ образомъ: „quod ministris erat faciendum, quod Christus vult et Regula praecipit, intelligant obligatos, et fratres ad servandam pure et simpliciter Regulam seu libertatem habere intelligant". Тогда нельзя будетъ подъ предлогомъ строгаго соблюденія Правила оказывать непослушаніе. Приведенныя слова папы, однако, не сходятся съ текстомъ Правила 1223 года. Вотъ, какъ оно говоритъ объ отношеніяхъ братьевъ и министровъ: (10) fratres, qui sunt ministri et servi aliorum fratrum visitent et moneant fratres suos et humiliter et caritative corrigant eos, non praecipientes eis aliqua, quod sit contra animam suam et Regulam nostram. Fratres vero, qui sunt subditi recordentur, quod propter Deum abnegaverunt proprias voluntates. Unde firmiter praecipio eis, ut obediant suis ministribus in omnibus, quae promiserint Domino observare et non sunt contraria animae suae et Regulae nostrae.

[1]) См. Sabatier, p. 291. Очевидно, что Францискъ составилъ нѣсколько правилъ. Spec, 7, 2 упоминаетъ три правила: 1) утвержденное папой Иннокентіемъ, 2) оно же сокращенное, утраченное, 3) утвержденное Гоноріемъ III. Въ масельской муниципальной библіотекѣ есть манускриптъ (подъ № 1200), содержащій разные отрывки, относящіеся къ исторіи францисканъ-

связанныхъ между собой предписаній единство дается господствующимъ общимъ настроеніемъ. Въ новомъ Правилѣ это настроеніе не утрачено, но оно скрывается за болѣе формальнымъ характеромъ. Въ этомъ и состоитъ главная разница между ними,—не въ томъ, что̀ должны и чего не должны дѣлать братья, а въ томъ, что увѣщанье сдѣлалось закономъ [1]).

Истинное значеніе францисканскаго Правила 1223 г. станетъ для насъ яснымъ, если мы его себѣ представимъ на общемъ фонѣ, такъ сказать, орденскаго законодательства. Монашескія правила различныхъ орденовъ имѣли два главныхъ прототипа—уставы Бенедикта и Августина. Первый перешелъ съ нѣкоторыми измѣненіями къ клюнійцамъ и цистерзіанцамъ; второй легъ въ основу жизни канониковъ и премонстратензскихъ монаховъ. Оба устава, особенно августиновскій, были очень мало развиты въ казуистическомъ смыслѣ. Правда, Бенедиктъ стремился регулировать жизнь монашествующихъ, распредѣленіе ихъ дня, молитву, постъ, трудъ и бдѣніе,—но онъ самъ признавалъ, что его правило содержитъ лишь извѣстный необходимый минимумъ [2]). За ту длинную эпоху, которая отдѣляла Бенедикта отъ Иннокентія III, жизнь измѣнилась и осложнилась: появились новыя потребности, новыя чувства. Казуистическая сторона

скаго ордена; между ними есть и Правило 1221 г. (Fol. 114), но оно содержитъ сокращенный текстъ и страннымъ образомъ помѣчено: Date Suriano XII kalendis septembri pontificis nostris (Honorii) anno secundo. Манускриптъ восходитъ ко времени около 1400 г.

[1]) Мы никакъ не можемъ согласиться съ К. Мюллеромъ, когда онъ видитъ существенное отличіе новаго Правила въ томъ, что оно обращаетъ главное вниманіе на бѣдность: по его взгляду, лишь послѣ 1223 г. орденъ сдѣлался нищенствующимъ. Первое Правило больше и, во всякомъ случаѣ, краснорѣчивѣе говоритъ о бѣдности Христа, чѣмъ второе. Если же оно допускаетъ принятіе денегъ для больныхъ братьевъ, а второе нѣтъ, то не слѣдуетъ придавать этому большого значенія, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, текстъ обоихъ Правилъ въ этомъ пунктѣ не достаточно опредѣленъ. См. Die Anfänge 84. S. Вообще, протестантскіе историки часто не совсѣмъ понимаютъ психологическій смыслъ того, что Францискъ говорилъ о милостынѣ. Ср. Гаусратъ II с. 163 и сл.

[2]) Holstein—Bruck, Codex Regularum monasticarum v. I p. 135. c. 73 „de eo quod non omnis observatio justitiae in hac sit regula constituta“.

монашескаго законодательства сильно разрабатывалась въ орденахъ, преимущественно въ постановленіяхъ ихъ капитуловъ. Монастыри чрезвычайно расширили свои владѣнія— появляются статьи о неотчужденіи монастырскаго имущества. Монастыри втягивались въ процессъ перехода къ денежному обороту,—мы видимъ, регулируется право дѣлать долги. Но внесены ли были за время отъ клюнійской реформы до начала XIII в. въ монашеское законодательство какія-нибудь новыя идеи?

Авторъ хроники Montis Sereni, видѣвшій не безъ нѣкотораго огорченія успѣхъ новыхъ орденовъ, думалъ, что если бы предписанія Бенедикта и Августина соблюдались въ точности, не было-бы никакой нужды ни въ доминиканцахъ, ни во францисканцахъ. „Слѣдуетъ глубоко скорбѣть, что первоначальные ордена, благодаря распущенной жизни (inordinata conversatione) своихъ братьевъ, дошли до такого упадка и такъ презираются, что уже не удовлетворяютъ людей, ищущихъ спасенія и отказывающихся отъ міра“ [1]). Очевидно, однако, что не одинъ упадокъ орденской дисциплины въ старыхъ орденахъ привлекалъ къ новымъ; они отвѣтили такимъ потребностямъ и церкви и свѣтскаго общества, которымъ прежніе ордена не могли вполнѣ удовлетворять.

На первый взглядъ и во францисканскомъ Правилѣ мы не видимъ такихъ рѣзкихъ отличій отъ другихъ орденскихъ уставовъ. Не стояли ли во главѣ его три извѣстные намъ монашескіе обѣта? Всѣ уставы рекомендуютъ братьямъ трудъ [2]). Положеніе клюнійскаго аббата можно было до извѣстной степени сравнить съ положеніемъ генеральнаго министра у францисканцевъ. Цистерзіанская организація по своему объединяющему характеру явилась предшественницей нищенствующихъ орденовъ.

Различія, однако, крайне существенны, хотя они и не выступаютъ особенно рельефно въ Правилѣ. Прежнее монашеское законодательство тоже требовало отъ отдѣльнаго

---

[1]) Mon. Germ. XXIII, 220: „quorum praeceptis si quis obedi rit et servare voluerit, nullis novis institutionibus indigere videbitur“.

[2]) Hol. Br. I: Regula S. Bened. cap. 48; Statuta Congregationis Cluniac. c. 39.

монаха отреченія отъ собственности, но оно вполнѣ допускало собственность коллективную [1]). Отдѣльные братья оставались вѣрными обѣту нестяжанья, но это нисколько не мѣшало монастырскимъ владѣніямъ расширяться.

У францисканцевъ евангельская бѣдность не допускаетъ никакой собственности—ни общей, ни частной: только тогда, думалъ Францискъ, его братья всецѣло могутъ посвятить себя служенію ближнимъ. Братья не связаны собственностью ни съ какимъ мѣстомъ; они всюду должны быть „странники и пришельцы". Отсюда для францисканцевъ милостыня была освящена примѣромъ Христа и апостоловъ [2]). Никакъ нельзя въ этихъ взглядахъ на милостыню, какъ это склоненъ К. Мюллеръ, видѣть лишь искаженье идеаловъ Франциска. Только благодаря имъ францисканцы могли выполнить свою соціальную роль, могли спуститься до тѣхъ слоевъ городского населенія, до которыхъ до сихъ поръ почти не доходилъ голосъ церкви.

Изъ этого еще другое слѣдствіе, крайне важное. Францисканцы дѣлаются не только нищенствующимъ, но и странствующимъ орденомъ; ихъ нормальное состояніе—подвижное. Лишь отсутствіе всякой собственности—и частной и коллективной—дѣлаетъ для нихъ возможнымъ быструю, почти граничащую съ чудомъ, способность распространенія.

Возьмемъ другой изъ трехъ основныхъ монашескихъ обѣтовъ—повиновеніе. Одинаково ли понимается отношеніе высшихъ и низшихъ у францисканцевъ и въ другихъ орденахъ? Уже правило св. Бенедикта требуетъ полнѣйшаго повиновенія аббату; онъ можетъ спрашивать совѣта у братьевъ, но нисколько не связанъ имъ. Неповиновеніе наказывается тѣлесно. Аббата братья обязаны называть господиномъ [3]). Въ Правилѣ грандимонтензовъ братья, нару-

---

[1]) У Бенедикта собственность признается несовмѣстимой съ заповѣдью послушанья: с. 33. „quippe quibus non corpora sua, nec voluntates licet habere in proprio potestate; у Августина: с. 1 „non dicatis aliquid proprium, sed sint omnia vobis communia". (Hol. Br I p. 349).

[2]) Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ снабжали монаховъ деньгами на время путешествія, чтобы они не просили милостыни. См. Chroicon Engelshemi въ Leib. Scrip. rer. Brunsv. II, 1112.

[3]) Hol. Br. I Reg. Bened. c. 28 c. 63.

шающіе открыто обѣтъ повиновенія, наказываются розгами [1]). Особенно строги въ этомъ смыслѣ постановленія картузіанцевъ; монахи безъ согласія пріора не имѣютъ даже права увеличить аскезу [2]).

Мы видѣли, какъ отличенъ характеръ повиновенія, которое предписывалъ братьямъ Францискъ,— повиновеніе, которое болѣе имѣетъ въ виду Правило, чѣмъ министровъ, при томъ самое Правило представляетъ лишь переработку евангельскихъ заповѣдей. Если прелаты предписываютъ что-либо, противорѣчащее этой vita evangelica, ихъ не слѣдуетъ слушаться. Самое имя министровъ указываетъ на то, что они должны служить братьямъ, и правило не забываетъ имъ напоминать о любви и кротости даже къ погрѣшающимъ. Можно сказать, что францисканское правило въ желѣзную монашескую дисциплину вводитъ новые мотивы, заимствованные изъ жизни Христа и апостоловъ. Наконецъ, замѣтимъ, что постановленія о проповѣди являются нововведеніемъ, и нельзя не видѣть его великой исторической важности. Бѣдность и подвижность могли принести плоды лишь при томъ условіи, что братья не останутся безмолвными аскетами, а напротивъ, до конца выполнятъ заповѣдь Спасителя проповѣдовать Евангеліе всѣмъ языкамъ. Какой контрастъ съ картузіанцами, которымъ была запрещена проповѣдь, и которые считали, что переписка книгъ ее замѣняетъ. До сихъ поръ, вообще, монахамъ въ принципѣ не позволялось проповѣдовать [3]).

Отсюда, наконецъ, глубокія различія въ положеніи новаго ордена относительно общества. Апостольская дѣятельность требуетъ постояннаго общенія съ людьми всѣхъ слоевъ. Не

---

[1]) Hol. Br. II Reg. Grandim. c. 53.

[2]) Ib. Statuta ordinis Carthasiensis, 35. Яркую характеристику монашескаго послушанья, близкаго къ военной дисциплинѣ, представляютъ напоминанія, съ коими обращаются ко вступающему въ орденъ іоаннитовъ. См. „modus recipiendi fratres et confratres“ у Holstein-Bruck II p. 448.

[3]) Вліяніе нищенствующихъ орденовъ было въ этомъ отношеніи такъ сильно, что цистерзіанцы, которые принципіально воздерживались отъ проповѣди и cura animarum, невольно пошли по ихъ слѣдамъ. См. Winter. Die Cistersienser, II S. 134.

таковы были картузіанцы, которые избѣгали принимать къ себѣ странниковъ. Они боялись всякаго многолюдства и предпочитали даже посылать изъ монастыря съѣстные припасы нуждающимся, но сами не раздавать [1]). Въ Fioretti, изображающихъ Франциска въ томъ видѣ, въ какомъ память о немъ сохранилась среди его соотечественниковъ умбрійцевъ, разсказывается, что одинъ ученый докторъ, услышавъ отъ Бернарда францисканское правило, воскликнулъ: „поистинѣ, это самый высокій образъ жизни, посвященный Богу!“ [2]).

Правъ былъ Іаковъ Витріакъ, когда во францисканцахъ увидѣлъ новый, четвертый ordo clericorum (къ первымъ тремъ онъ причислялъ свѣтскій клиръ, канониковъ и монаховъ), правило котораго не столько было нововведеніемъ, сколько возстановленіемъ христіанской жизни [3]). По его словамъ, миноритъ, подражая апостольской жизни, всѣми силами стараются выполнить не только предписанія Евангелія, но и совѣты. „У нихъ нѣтъ ни монастырей, ни церквей, ни полей, ни виноградниковъ, ни животныхъ, ни домовъ, ни какихъ другихъ владѣній; они не имѣютъ, гдѣ преклонить голову; они проповѣдуютъ не только словами, но и примѣромъ святой жизни и совершеннаго обращенія къ Богу; никому, приходящему къ нимъ, они не закрываютъ доступа [4]). На нихъ исполнилось пророчество: „Господь любитъ странника, питаетъ и одѣваетъ его,“ и имъ удивляются даже сарацины.“

Но францисканское правило могло быть принято все же лишь немногими: оно требовало полнаго отреченія. Какъ было удовлетворить тѣхъ, которые, не чувствуя въ себѣ къ нему призванія и силъ, не выходя изъ рамокъ обычной

---

[1]) Statuta ord. Cart. c. 20: Raro tecto suscipiamus, sed magis ad villam mittimus. Hoc melius rectius putamus, ut si quid plus cibum distribuendum est illud magis quidquid est deportetur quam inde huc multitudo vocetur. (Hol. Br. II, 320).

[2]) Fioretti, 4.

[3]) Hist. Occident. p. 349 (edit. Duati, 1597).

[4]) Во многихъ правилахъ доступъ въ орденъ былъ ограниченъ. См. Stat. Cartus. 76. Annal. Cistera. 1220.

жизни, желали, насколько возможно, измѣнить ее въ духѣ завѣтовъ Франциска? Этой потребности отвѣчаетъ другой полумонашескій орденъ, также берущій начало отъ Франциска, въ который могли вступать мужчины и женщины, замужнія и женатые,—орденъ, такъ названныхъ, терціаріевъ. Со времени работы Мюллера можно считать доказаннымъ, что ихъ Правило, которое Ваддингъ относитъ къ 1221 г., идетъ изъ эпохи Николая IV. Тѣмъ не менѣе, общія очертанія этой конгрегаціи открываются намъ съ достаточной ясностью изъ источниковъ, касающихся жизни Франциска [1]).

Опредѣленныхъ правилъ, повидимому, тогда еще для нихъ не существовало: они должны были воздерживаться отъ употребленія оружія, кромѣ какъ на защиту римской церкви, христіанской вѣры и родной страны, отъ клятвъ, отъ принятія муниципальныхъ должностей; имъ особенно рекомендовалась молитва и благотворительность, забота о больныхъ и умершихъ собратьяхъ. Впрочемъ, даже когда терціаріи получили отъ Николая IV Правило, нарушенье его не считалось смертнымъ грѣхомъ [2]). Терціаріи стали подъ ближайшее руководство францисканцевъ [3]) и были могущественными проводниками ихъ вліянія. Къ сожалѣнью, мы совсѣмъ не знаемъ относительно нихъ численныхъ данныхъ, а также мало знакомы съ ихъ распространеніемъ.

Нельзя сказать, чтобы такія полу-монашескія организаціи не встрѣчались раньше. Такъ, нѣчто соотвѣтствующее терціаріямъ было у премонстратензовъ. Извѣстное сходство съ ними было и у нѣкоторыхъ духовныхъ милицій, въ коихъ допускались женатые люди [4]). Но все это были учрежденія весьма мѣстнаго и частнаго характера, а терціаріи постепенно съ францисканскимъ орденомъ распространи-

---

[1]) См. L. 3. S. 14.

[2]) Wad. 1221, 16 c, 20 „Nullum ipsorum ad mortalem culpam volumus obligari, sed impositam sibi poenitentiam pro transgressionis excessu prompta humilitate recipiat et studeat adimplere“.

[3]) L. 3 S. 14 „quibus unus ex fratribus constitutus fuit visitator et corrector.

[4]) Такова милиція св. Іакова – вступающимъ въ нее папа Александръ III разрѣшилъ бракъ; португальскій орденъ крыльевъ св. Михаила.

лись по всему лицу Европы, насчитывая между своими членами людей различныхъ классовъ, начиная съ монарховъ. Новая связь пробивала здѣсь соціальныя различія, такъ что, по мѣткому замѣчанію Гаазе, третій орденъ явился предвѣстникомъ третьяго сословія [1]).

Если Правило францисканскаго ордена рѣзко отличаетъ его отъ предшествующихъ, то сходство его съ доминиканскимъ болѣе внѣшнее. Подобно Франциску и Доминикъ ходилъ къ Иннокентію Ш, и тотъ предложилъ выбрать какое-нибудь Правило изъ существующихъ. Доминикъ, болѣе сговорчивый, чѣмъ Францискъ, избралъ Правило цистерзіанцевъ, дополнивъ его нѣкоторыми постановленіями премонстратензовъ.

Оригинальность новаго ордена состояла въ соединеніи монашества съ проповѣднической задачей; не даромъ доминиканцы получили названіе praedicatores [2]). Идеалъ евангельской бѣдности былъ близокъ Доминику, но онъ принялъ у него характеръ болѣе аскетическій, чѣмъ у Франциска. Во время своего пребыванія въ Римѣ онъ разорвалъ дарственную грамоту Одерика Галликанскаго. Сначала, однако, онъ не рѣшался ввести обязательной бѣдности въ своемъ орденѣ. Преданіе разсказываетъ, что его сомнѣнія были побѣждены, когда онъ увидѣлъ францисканскій соборъ 1219 г.; на Болонскомъ доминиканскомъ соборѣ 1220 г. былъ рѣшенъ отказъ отъ всякой собственности. Доминикъ хотѣлъ также отстранить духовныхъ братьевъ отъ всѣхъ хозяйственныхъ заботъ и передать ихъ свѣтскимъ братьямъ, но его удержали распри, которыя были у грандимонтензовъ между laici et clerici. Часто онъ упрекалъ братьевъ въ недостаточно строгомъ соблюденіи бѣдности и передъ смертью

---

[1]) Haase. Franz von Assisi, Leipzig, 1856. S. 68.

[2]) См. Lacordaire, Vie de S. Dominique p. 364 „Il crut, qu'en remplaçant le travail des mains pas l'étude de la science divine il serait possible de consilier l'action apostolique avec l'observance monastique". См. также Danzas, Etudes sur les temps primitifs de l'ordre de S. Dominique, Paris, 1873 I. 90 „Trois idées sont réveillées par ce titre complexe, l'Ordre des Frères—Prêcheurs: celle d' une Société religieuse, celle de cette Société, appliquée an ministère des âmes et enfin l'idée d'une certaine forme de vie, donnant son être propre à cette Société" p. 110.

изрекъ проклятье на того, кто попытается ввести собственность въ орденъ. Съ превращеніемъ въ нищенствующій орденъ доминиканцы весьма часто должны были идти рука объ руку съ францисканцами, и для враждебнаго духовенства это былъ одинъ врагъ; но духъ орденовъ и соціальныя функціи оставались глубоко различными. Основой доминиканства явилась охрана церковной догмы и дисциплины. У францисканцевъ, не чуждавшихся, впрочемъ, и этого, главной задачей оставалось проведеніе въ общественную жизнь практическихъ религіозно-нравственныхъ началъ. Поэтому доминиканцы далеко не такъ глубоко проникали въ жизнь низшихъ общественныхъ классовъ: они всегда были—если не болѣе аристократичны, то менѣе демократичны. Даже папская политика, такъ широко пользовавшаяся обоими орденами и для одинаковыхъ цѣлей, не могла стереть этихъ различій и извѣстнаго вызываемаго ими антагонизма. Характерно различіе между францисканскими терціаріями и кающимися братьями и сестрами св. Доминика (fratres et sorores de poenitentia), вышедшими изъ ломбардской милиціи Іисуса Христа, цѣль которой была защищать жизнь клириковъ и имущество церкви [1]).

Изъ этого обзора Правила 1223 г. и сравненія его съ другими мы можемъ опредѣлить, что̀ оставалось отъ строя мысли и чувствъ, одушевлявшихъ первоначальную общину Франциска. Гонорій III, утверждая это Правило, повидимому, оставилъ неприкосновенными принципы этой общины. Какъ мы уже говорили, была только одна перемѣна: община обратилась въ орденъ, увѣщаніе—въ Правило. Она была неизбѣжна; церковь не могла оставить францисканскаго братства въ его первоначальномъ видѣ. Въ свою очередь, создавши орденъ, она сдѣлала все для его распространенія. Но та евангельская свѣжесть и святая непосредственность, которыми проникнута исторія первыхъ годовъ францисканской общины, исчезала навсегда; новое Прави-

---

[1]) Замѣтимъ, что Францискъ, при всемъ чувствѣ своемъ къ Доминику, всегда видѣлъ, что ихъ пути различны, и отклонялъ предложенія Доминика соединить оба ордена. 2 Cel. 3, 87.

ло было новымъ шагомъ по пути отъ этой невозвратной идиліи. Исчезая, она оставила по себѣ воспоминанія въ орденѣ; печаль о прошломъ превратилась въ критику и негодованіе на настоящее.

Съ утвержденіемъ Правила 1223 г., т. е. съ окончательной организаціей ордена, Францискъ продолжалъ сохранять высшую власть въ немъ, несмотря на извѣстное отдаленіе отъ братьевъ и чувство разочарованія, которыя и заставляли его чаще уединяться, больше быть съ природой. И тѣлесно Францискъ измѣнился: послѣдніе два года жизни были для него почти непрерывнымъ страданіемъ [1]). Преданіе объ экстазѣ на Альвернской горѣ, гдѣ Францискъ, будто бы, получилъ на тѣлѣ стигматы, каково бы ни было наше мнѣніе о возможности или невозможности самаго факта, — хорошо выражаетъ его душевное состояніе. Что этотъ экстазъ не изгналъ его жизнерадостной любви къ природѣ, свидѣтельствуютъ относящіяся къ этому времени laudes creaturam — чудный памятникъ религіозной поэзіи всѣхъ вѣковъ и народовъ, въ которомъ, какъ въ нѣкоторыхъ псалмахъ, побѣждено противорѣчіе между исключительностью монотеизма и пантеистическими инстинктами человѣка. Не забывалъ онъ и своего родного города. Въ 1224 г. онъ своими увѣщаніями прекратилъ раздоръ между епископомъ и городскими консулами, когда епископъ отлучилъ городъ, а консулы запретили что-либо ему продавать.

Чувствуя приближеніе смерти, Францискъ не могъ оставить своихъ братьевъ на произволъ судьбы. Его заботы о будущности ордена выразились въ назначеніи преемника и въ завѣщаніи.

Что касается до перваго, то мы встрѣчаемся здѣсь съ нѣкоторыми противорѣчіями въ источникахъ. Исторія семи гоненій, Фіоретти, Speculum и Бартоломео Пизанскій назы-

---

[1]) См. Bonav. c. 14 „Cepit iufirmitatibus multimadis laborare tam graviter, ut vix in eo membrum aliquid remaneret absque ingenti passionis dolore“. Id. 1 Cel. 2, I.

ваютъ Бернарда, Челанно и Хроника 24-хъ генераловъ — Илью [1]). Согласно первому преданію Францискъ передъ смертью призвалъ Бернарда: „приди ко мнѣ, сынъ мой, чтобы душа моя тебя благословила, прежде чѣмъ я умру". Бернардъ, думая въ своемъ смиреніи, что это благословеніе предназначается Ильѣ, бывшему уже тогда викаріемъ ордена, далъ ему знакъ подойти къ Франциску. Но Францискъ, увидавъ Илью, сказалъ: „не онъ сынъ мой первенецъ, а братъ Бернардъ. Кого проклянешь, тотъ да не останется безъ кары; будь главой братьевъ и пусть они повинуются всѣмъ твоимъ приказаніямъ". Далѣе онъ далъ власть ему принимать въ орденъ и изгонять изъ ордена. „Ни одинъ братъ не будетъ имѣть власти надъ тобой и будетъ тебѣ дозволено идти и оставаться, гдѣ ты захочешь". По другой версіи эти слова были сказаны Ильѣ. Ее принимали болландисты и Ваддингъ. Мы также имѣемъ полное основаніе принять ее прежде всего потому, что она оправдывается послѣдующей исторіей; не Бернардъ, а Илья сдѣлался генеральнымъ министромъ ордена. Хроника 24-хъ генераловъ отличается тенденціями, враждебными Ильѣ. Она передаетъ благословеніе, данное Бернарду, но прибавляетъ, что высшую власть Францискъ вручилъ Ильѣ. Между тѣмъ, Исторія семи гоненій, какъ и другіе памятники, вышедшіе изъ среды спиритуаловъ, видя въ Ильѣ перваго гонителя истинныхъ братьевъ, стремилась показать, что Францискъ не былъ даже косвенно виноватъ въ этихъ преслѣдованіяхъ и не завѣщалъ власти Ильѣ.

Намъ нѣтъ нужды принимать всѣ позднѣйшія враждебныя Ильѣ извѣстія о его дѣйствіяхъ при жизни Франциска, чтобы чувствовать психологическую загадочность близости этихъ двухъ людей. Пусть первоисточники безмолвствуютъ о тѣхъ качествахъ Ильи, которыя сдѣлали его впослѣдствіи столь ненавистнымъ ордену [2]), но какъ объяснить это

---

[1]) См. His. 7 trib. 22,2; Fior. 5; Spec. 87,1; 1 Cel. 2, 7; Chron. 24 gen; p. 43.

[2]) Они, напротивъ, свидѣтельствуютъ лишь о томъ, какъ высоко Францискъ цѣнилъ Илью.

превращеніе? А если его не было, какъ объяснить, что Францискъ могъ повѣрить такому человѣку свой орденъ? Мы думаемъ, единственное правдоподобное объясненіе заключается въ томъ, что Илья своимъ административнымъ и дипломатическимъ талантомъ импонировалъ Франциску. По мѣрѣ того, какъ община переходила въ орденъ, въ этихъ качествахъ начиналась чувствоваться настоятельная потребность [1]). Въ свою очередь, мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ искренности личныхъ чувствъ Ильи относительно Франциска. Для насъ этотъ примѣръ можетъ служить лучшей иллюстраціей того, сколь неотразимо привлекателенъ былъ нравственный обликъ Франциска даже для людей, по природѣ столь чуждыхъ ему [2]).

Завѣщанье Франциска не есть новое правило, но убѣжденье, увѣщанье, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ [3]). Нельзя, однако, сказать, чтобы въ немъ не было ничего новаго сравнительно съ Правиломъ. Прежде всего Францискъ безусловно запрещаетъ братьямъ испрашивать какія-нибудь привилегіи отъ римской куріи, самимъ или черезъ третьихъ лицъ [4]). Далѣе слѣдуетъ не менѣе твердое запре-

---

[1]) См. отзывъ Ваддинга объ Ильѣ 1239, 1. „cui etiam applaudebat favor potentum tam ecclesiasticorum quam secularium principum ob miram in rebus agendis et tractandis peritiam, ob multam hujus seculi providentiam et placitam omnibus egregiam cordialitatem. И въ Catalogus ministrorum generalium у Бессы—(опубликовано Эрле въ Zeitschrift für catholische Theologie B. VII, 1883) Elias... vir adeo in sapientia humana famosus, ut raros in ea pares in Italia putaretur habere.

[2]) Даже Салимбене, весьма враждебный Ильѣ, не упоминаетъ о какихъ-нибудь предосудительныхъ его дѣйствіяхъ при жизни Франциска. См. главу объ Ильѣ у Панфило Мальяно, представляющую, по нашему мнѣнію, лучшій анализъ отношеній Франциска и Ильи. Storia di S. Francesco et Francescanò, Napoli, 1860 v. I.

[3]) Wad. 1226, 36 „Et non dicant fratres, haec est alia Regula, quia haec est recordatio, admonitio, exhortatio, novum testamentum, quod ego frater Franciscus parvulus vester facio vobis, fratribus meis benedictis, propter hoc ut Regulam, quam Domino promisimus, melius catholice observemus.

[4]) Praecipio firmiter per oboedientiam fratribus universis, quod ubicunque sunt, non audeant petere aliquam litteram in curia Romana, neque sub specie praedicationis neque pro persecutione suorum corporum; sed ubicunque non fuerint recepti, fugiant in aliam terram ad faciendam poenitentiam cum benedicatione Dei.

щенье какъ-бы то ни было глоссировать Правило и искать въ его словахъ другого смысла, кромѣ буквальнаго [1]). Наконецъ, напоминается братьямъ объ обязанности почитать таинства церкви и ея служителей [2]), соблюдать во всемъ святую бѣдность, не принимая ни церквей, ни домовъ, пребываніе въ которыхъ нарушаетъ ее.

Къ этимъ постановленіямъ на будущее время прибавлена краткая исторія общины. Францискъ вспоминаетъ о своемъ обращеніи: оно началось съ того, что Богъ далъ ему силу выдерживать общество прокаженныхъ, котораго онъ прежде не выносилъ. Всегда сохранялъ онъ непоколебимую вѣру въ католическую церковь, пламенную любовь ко всему, что связано въ ней съ Христомъ, глубокое почтеніе къ священникамъ. „Еслибъ я даже имѣлъ всю мудрость Соломона и встрѣтилъ бѣдныхъ приходскихъ священниковъ, я не иначе сталъ бы проповѣдывать въ ихъ приходѣ, какъ съ ихъ согласія“.—„Когда Господь мнѣ далъ братьевъ, никто не указывалъ мнѣ, что̀ я долженъ дѣлать, но Самъ Всевышній

---

[1]) Et omnibus fratribus meis clericis et laicis praecipio firmiter per oboedientiam, ut non mittant glossas in Regula, nec in istis verbis dicendo: ita volunt intelligi, sed sicut dedit mihi Dominus pure et simpliciter dicere et scribere Regulam et ista verba ita simpliciter et pure sine glossa intelligentis et cum sancta operatione usque ad finem observetis. Et generalis minister et omnes alii ministri et custodes per oboedientiam teneantur in istis verbis non addere et minuere“.

[2]) Это мѣсто намъ станетъ понятно, когда мы вспомнимъ, какъ огорчали Франциска начинавшіяся столкновенія братьевъ съ клиромъ. Онъ упрекалъ братьевъ (Spec. 30, 1), которые жаловались на то, что духовенство не даетъ имъ проповѣдовать, и хотѣли получить привилегію. Здѣсь надо дѣйствовать лишь терпѣніемъ и кротостью. „Когда клирики увидятъ нашу святую и смиренную жизнь, они сами позовутъ насъ проповѣдовать“. См. Spec. 13, 1 и 32, 1: ideoque subjecti estote praelatis: malus zelus consurgit. См Op. 16. Если даже прелатъ предпишетъ что-нибудь противное спасенію души, то хотя этого не надо исполнять, но не слѣдуетъ оставлять самого прелата. Когда епископъ Имольскій, на просьбу Франциска разрѣшить ему проповѣдовать, отвѣчалъ: „достаточно народу и моей проповѣди“, Францискъ вернулся черезъ нѣкоторое время и сказалъ: „господинъ, если отецъ прогоняетъ сына въ одну дверь, то надо ему вернуться въ другую“. Обезоруженный такимъ смиреніемъ, епископъ разрѣшилъ ему проповѣдь.—2 Cel., 3, S. 5.

открылъ мнѣ, что я долженъ жить по образу Св. Евангелія. Я составилъ короткое и простое Правило, и господинъ папа мнѣ его утвердилъ. Тѣ, кто приходили, принимали этотъ образъ жизни и распредѣляли бѣднымъ все, что они имѣли. Они довольствовались одной туникой съ веревкой и панталонами, не желая имѣть ничего больше. Клирики служили, какъ и прочіе, а свѣтскіе братья молились: Отче Нашъ! Мы любили оставаться въ бѣдныхъ и покинутыхъ церквахъ, были невѣждами и подчинялись всѣмъ. Я работалъ своими собственными руками, и хочу продолжать и на будущее время, и я хочу также, чтобы всѣ прочіе братья занимались какимъ-нибудь честнымъ ремесломъ".

Мы видѣли, какъ мало это завѣщаніе похоже на Правило 1223 г., которое оно не только подтверждаетъ, но и предохраняетъ отъ всякихъ искаженій и измѣненій; и опять таки это несходство заключается не въ содержаніи, а въ тѣхъ чувствахъ братьевъ, къ которымъ оно обращается. Францискъ вспоминаетъ, что путь ко спасенію ему никто не открывалъ кромѣ Всевышняго, и что, согласно этому божественному призову, онъ и братья приняли новый образъ жизни.—Никакихъ слѣдовъ новаго монашескаго ордена! Теперь мѣсто этого призыва заступило Правило, но могло ли оно его замѣнить? Францискъ не осуждаетъ перемѣнъ, приведшихъ къ основанію ордена. Онъ даже напоминаетъ о необходимости сохранять въ немъ дисциплину, но онъ боится, что дальнѣйшее развитіе уничтожитъ въ орденѣ то, что оставалось въ немъ отъ первоначальнаго времени, и потому запрещаетъ всякія перемѣны, всякія глоссированія Правила. Что опасенія Франциска были слишкомъ основательны, показываетъ вся дальнѣйшая исторія подтвержденій и измѣненій Правила. Его собственныя слова подвергались самымъ неожиданнымъ толкованіямъ. „Очевидно", говоритъ Николай Гласбергеръ, „Францискъ не думалъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, что братья не должны получать никакихъ привилегій отъ церкви; онъ только запрещалъ привилегіи, которыя вызываютъ гордость и ослабляютъ Правило" [1]). Въ

---

[1]) Nicol. Glass. подъ 1274 г.

дѣйствительности Францискъ не посягалъ на право папъ давать эти привилегіи, но онъ не скрывалъ своей боязни и недовѣрія къ нимъ и, потому, запретилъ братьямъ просить ихъ. Глоссы и привилегіи—вотъ что, въ его глазахъ, можетъ погубить орденъ, а не враждебность духовенства. Здѣсь уже есть внутреннее недовѣріе, но отсюда еще далеко до сознательной оппозиціи куріи и церкви, и Францискъ ни минуты не сомнѣвается въ церкви, какъ носительницѣ христіанской истины. Въ этомъ отношеніи характерно то мѣсто завѣщанія, гдѣ предписывается братьевъ, уклонившихся отъ католической вѣры, немедленно задерживать и передавать церкви [1]).

Завѣщаніе Франциска было прощальнымъ словомъ, обращеннымъ къ ордену; можно сказать, онъ желалъ остаться въ памяти братьевъ такимъ, какимъ онъ себя въ немъ представилъ. Смерть Франциска, послѣдовавшая 3 октября 1226 года, скоро дала ордену возможность показать, насколько онъ будетъ держаться этого завѣщанія.

Мы старались прослѣдить стадіи развитія, черезъ которыя прошла первоначальная община Франциска, благодаря приспособленіямъ къ условіямъ окружающей дѣйствительности. Но прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшей судьбѣ ордена, бросимъ еще взглядъ на личность Франциска и, не пытаясь давать ея полной характеристики, посмотримъ, не было ли въ его собственныхъ идеяхъ и чувствахъ нѣкотораго противорѣчія, которое, помимо давленія окружающихъ условій, дѣлало бы невозможнымъ ихъ осуществленіе.

Творческое значеніе Франциска заключается въ томъ, что онъ далъ своимъ современникамъ идеалъ евангельской жизни, выраженный въ словахъ: „заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ-друга; потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собой“. Фран-

---

[1]) „Et si aliqui inventi essent qui non facerent Officium secundum Regulam... aut non essent Catholici, omnes fratres per oboedientiam teneantur, quod proximiori Custodi... debeant praesentare. Et custos representet Ministri. Et minister... teneatur per obedientiam mittere ipsum per tales fratres, qui diu nocteque custodiant ipsum, sicut hominem in vinculis, donec repraesentent ipsum Domino Ostiensi“.

цискъ далъ его не въ формѣ предписанія, основаннаго на авторитетѣ, какъ учила церковь, не опираясь на традицію и на іерархическій санъ; въ мірѣ принужденія и насилія онъ обратился къ доброй волѣ человѣка, въ которую глубоко вѣрилъ при всемъ смиреніи. Собственнымъ примѣромъ онъ показалъ возможность евангельской жизни—она была для него такъ легка!—и возможность найти въ ней полное удовлетвореніе; въ то же время онъ остался вѣрнымъ сыномъ церкви.

Нельзя оспаривать исторической важности этого момента. Народной религіей ранняго средневѣковья было язычество, плохо замаскированное христіанскими формулами. Съ клюнійской реформы церковь стремится замѣнить эту религію извѣстнымъ религіозно-моральнымъ кодексомъ, который, по мѣрѣ полнаго осуществленія въ человѣческой жизни, долженъ былъ обновить ее и низвести царство Божіе на землю. Подобно Платону, для котораго справедливость осуществлялась въ обществѣ лишь тогда, когда философы были въ немъ царями или цари философами, она не видѣла другого средства, кромѣ соединенія духовнаго авторитета съ принудительной властью. Необходимо было держать въ рукахъ нити политическихъ и соціальныхъ силъ; болѣе приходилось думать о средствахъ, чѣмъ о цѣли. Францискъ думалъ лишь о цѣли; онъ предчувствовалъ, что путь къ ней для человѣческаго сердца, не затуманеннаго предразсудками, такъ простъ и легокъ.

И, однако, онъ остался всецѣло въ лонѣ церкви. Какъ это было возможно при существованіи вопіющихъ противорѣчій между жизнью современной ему церкви и заповѣдями Евангелія? Мы на это можемъ сказать лишь одно: трудно представить себѣ такія рѣзкія противорѣчія, которыя не могли бы ужиться въ душѣ отдѣльнаго человѣка или отдѣльныхъ лицъ. Но, разъ идеи и чувства этихъ лицъ стали достояніемъ массъ, совершенно невозможно, чтобы противорѣчащія начала не вступили въ борьбу, и одно изъ нихъ не вытѣснило другое. Религіозная группа можетъ сохранить напряженность извѣстнаго чувства ея основателя,—она не сохранитъ его духовной цѣльности, она осуждена на односторонность.

То же мы видимъ у Франциска. Онъ призывалъ къ евангельской свободѣ и проповѣдовалъ подчиненіе церкви. У него это примирялось въ громадномъ запасѣ любви, которая позволяетъ брать отъ вещей лишь положительныя ихъ стороны и не знать—отрицательныхъ. „Сама церковь“, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ collocationes, „возревнуетъ когда-нибудь о славѣ нашей бѣдности“. Онъ не могъ заразить этимъ чувствомъ своихъ послѣдователей. Рано или поздно долженъ былъ произойти конфликтъ между религіознымъ индивидуализмомъ, которому „никто не открываетъ путей кромѣ Всевышняго“, и повиновеніемъ церкви; тогда, неизбѣжно, одни пошли бы направо, другіе—налѣво, и еслибы встрѣтились, то уже не иначе, какъ въ роли преслѣдующихъ и преслѣдуемыхъ: другого рѣшенія конфликта средневѣковая церковь дать не могла.

Это отразилось и на литературѣ о Францискѣ. Въ то время, какъ католическіе писатели съ успѣхомъ рисуютъ намъ образъ одного изъ вѣрнѣйшихъ сыновъ своей церкви, который привелъ въ ея лоно новыя силы, протестантскіе—склонны видѣть въ немъ безсознательнаго еретика, почти „реформатора до реформаціи“, а изъ-подъ талантливаго пера Сабатье вышелъ типъ, которому приданы слегка современныя черты, заимствованныя уже, конечно, не изъ католическаго клерикализма нашего времени.

Эта двойственность отразилась и на отношеніи къ нему церкви. Уже 9 іюля 1228 г., необычайно скоро послѣ смерти Франциска, Григорій IX канонизировалъ его. „Вотъ въ одиннадцатый часъ Господь, наславшій на землю потопъ и спасшій праведника простымъ деревомъ... воздвигъ раба своего, блаженнаго Франциска, мужа вполнѣ себѣ по сердцу; онъ былъ свѣточъ, презрѣнный въ помышленіяхъ богатыхъ, но уготованный къ установленному времени. Посланный въ виноградникъ, чтобы вырвать изъ него волчицы и тернъ, прогнать вторгнувшихся туда филистимлянъ... какъ бы силой благодати приведенный въ станъ мадіанитянъ, съ презрѣніемъ отклоняющихъ судъ церкви, онъ съ помощью Того, Кто заключилъ себя въ чревѣ Дѣвы и весь міръ покорилъ своей власти, неустрашимо напалъ

и унесъ оружіе, на которое полагался сильный, стерегущій свой входъ, и распредѣлилъ добычу, а его самого, взявъ въ плѣнъ, повелъ во слѣдъ Христу". Этой буллой, можно сказать, было положено основаніе культу Франциска въ католической церкви [1]). Конечно, оффиціальный культъ этого новаго святого не очень подходилъ къ ассизскому poverello, какъ и стиль этой буллы Григорія IX мало похожъ на языкъ проповѣдей и посланій Франциска: слишкомъ мало было общаго между папской канцеляріей и великимъ апостоломъ бѣдности и любви. Съ другой стороны, какъ мы увидимъ, для послѣдующихъ еретиковъ, вышедшихъ изъ ордена, Францискъ получилъ великое значеніе, какъ пророкъ, освободившій людей отъ ига церкви и возвратившій имъ Евангеліе. Для нѣкоторыхъ онъ сдѣлался даже какъ бы вторымъ Мессіей, Правило и завѣщаніе коего должны замѣнить Новый Завѣтъ, какъ этотъ нѣкогда замѣнилъ Ветхій.

Это же объясняетъ намъ и то странное явленіе, что уже черезъ два года послѣ канонизаціи Григорій IX, вопреки формально выраженному нежеланію Франциска, издалъ глоссы на его Правило и, что еще важнѣе, отмѣнилъ завѣщаніе.

---

[1]) Bull. Francis I, 9 іюля 1228 г. (Всѣ приводимыя буллы, при которыхъ нѣтъ особыхъ ссылокъ, находятся въ собраніи Bullarium Franciscanum, v. I—V. Roma 1759—1768; 1896).

Глава II.

Въ началѣ предшествующей главы мы указали на тѣ главныя стороны, которыя выступаютъ, когда мы разсматриваемъ исторію отношеній ордена и папъ. Орденъ совершенно входитъ въ систему дѣйствующихъ церковныхъ учрежденій; курія получаетъ въ немъ новое великое орудіе осуществленія своихъ цѣлей, и въ то же время въ немъ постепенно образуется энергичная оппозиціонная партія, отчего и центръ тяжести въ папской политикѣ постепенно перемѣщается на борьбу съ этими оппозиціонными элементами. Въ томъ періодѣ, которому посвящена настоящая глава и который охватываетъ время отъ утвержденія ордена до Александра IV, наиболѣе яркой чертой проходитъ гармонія, господствующая между римской куріей и францисканцами. Правда, внутри ордена совершается глухая работа, приведшая къ глубокому хотя и временному разладу, но эта внутренняя работа еще мало видна.

Еще до утвержденія Правила 1223 г. папа Гонорій счелъ необходимымъ рекомендовать братьевъ духовенству. Мы знаемъ изъ хроникъ, что первоначальная германская миссія потерпѣла неудачу вслѣдствіе того, что миноритовъ приняли за альбигойцевъ. Появленіе этихъ людей, столь непохожихъ на обычныхъ монаховъ, во время ожесточенной борьбы съ ересью, грандіознаго крестоваго похода въ Южную Францію, естественно, чрезвычайно дѣйствовавшихъ на народное воображеніе, казалось подозрительнымъ Мы не знаемъ точно, дана ли была первая папская рекомендація

вслѣдствіе уже испытанныхъ братьями непріятностей или въ предвидѣніи ихъ [1]).

Гонорій издалъ двѣ буллы: одну, обращенную ко всему духовенству (11 іюня 1219 г.), другую—спеціально французскимъ священникамъ (29 мая 1220 г.) [2]): изъ ея текста видно, что она была вызвана подозрѣніями противъ братьевъ. Въ первой Гонорій проситъ всѣхъ: архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, декановъ и другихъ церковныхъ прелатовъ принять братьевъ, какъ добрыхъ католиковъ, милостиво и благосклонно. Во второй онъ говоритъ: „нѣкоторые изъ васъ имѣютъ въ своей душѣ сомнѣніе относительно ордена, и хотя не находятъ въ братьяхъ ничего, достойнаго подозрѣнія, не позволяютъ имъ оставаться въ своихъ округахъ". Подобныя рекомендаціи, общія и частныя, сдѣлались менѣе необходимы съ утвержденіемъ Правила 1223 г., но онѣ постоянно практиковались и послѣ. Гонорій снабдилъ такими же рекомендаціями и доминиканцевъ [3]). Послѣдніе, имѣя своей главной цѣлью борьбу съ еретиками, подвергались меньше риску быть принятыми за нихъ, но недоброжелательство клира не менѣе обращалось противъ нихъ, чѣмъ противъ францисканцевъ.

Съ Григорія IX, который поддержалъ орденъ на первыхъ его шагахъ, союзъ съ куріей начинаетъ приносить обильные плоды. „Безсмертны были его заслуги", говоритъ Ваддингъ: „относительно миноритовъ, которыхъ онъ любилъ наравнѣ съ святымъ семействомъ Доминика и для распространенія которыхъ онъ такъ много сдѣлалъ" [4]). И

---

[1]) См. XXVIII—XXIX—Anal. Fran. v. II. Слова L. 38, c. 16 quia licet dominus Innocentius III ordinem et regulam approbasset ipsorum, non tamen hoc suis littoris confirmavit. Et propterea fratres a clericis et laïcis tribulationes plurimas sunt perpessi: unde ex hoc fratres compulsi sunt fugere de diversis provinciis—свидѣтельствуетъ за то, что рекомендація была дана вслѣдствіе уже происшедшихъ столкновеній.

[2]) См. буллы подъ этими датами въ I т. Bull. Fran.

[3]) См. Bull. Praed. I, 26 апр. 1218, 15 нояб. 1219, 8 дек. 1219, 29 март. 1220, хотя орденъ былъ уже утвержденъ 22 дек. 1216 г.

[4]) См. Wadd. 1241 n. 34. Объ отношеніи Григорія IX къ нищенствующимъ орденамъ см. Felten, Parst Gregor IX, Freibirg, 1886 46 S. etc.

онъ продолжаетъ давать имъ рекомендаціи къ разнымъ лицамъ [1]). Еще ярче выразилъ папа свои чувства къ ордену канонизаціей Франциска, а также особыми милостями церкви св. Франциска въ Ассизахъ: она подчиняется непосредственно папѣ (5 окт. 1228) и не можетъ подвергнуться отлученію (27 апр. 1230). Далѣе слѣдуютъ привилегіи для тѣхъ, кто будетъ участвовать въ переносѣ его тѣла,—для приходящихъ изъ-за моря три года, для приходящихъ изъ-за Альпъ два года, для прочихъ одинъ годъ индульгенціи [2]). Папа нерѣдко поручаетъ себя молитвамъ братьевъ (напр., булла 6 іюля 1233 г.). Иннокентій IV тоже сначала показываетъ орденамъ полное расположеніе. Онъ часто бывалъ съ братьями въ ихъ мѣстахъ, оказывалъ имъ благодѣянія, и братья въ твердой увѣренности прибѣгали къ нему; „онъ для нихъ былъ даже болѣе матерью, чѣмъ отцемъ" [3]). Впослѣдствіи, однако, онъ нѣсколько измѣнился и, видя, что чрезмѣрно привилегированное положеніе орденовъ вызываетъ раздоръ съ духовенствомъ, ограничилъ ихъ права. Авторы хроникъ, вышедшіе изъ орденовъ, не могли ему этого простить и ставили даже его быструю смерть въ связь съ этой перемѣной. „Епископъ Ассизскій, впослѣдствіи папа Александръ IV, высказалъ свою увѣренность, что Господь скоро возьметъ папу изъ этого міра за его немилость къ орденамъ. И поистинѣ, на смертномъ одрѣ всѣ близкіе оставили его кромѣ меньшихъ братьевъ [4]). Онъ также издалъ рекомендательныя буллы для ордена, осо-

---

[1]) 11 апр. 1233 regi Georgiae; 21 нояб. 1234 италіанскимъ епископамъ: ne molestetis nec permittetis eosdem quantum in vobis fuerit molestari indebite.

[2]) См. B. F. I, 16 мая 1230 г. Григорій называетъ здѣсь Франциска patrem suum. „Nuper in Teutonia ipsius sancti celebri nomine invocato mortuum mirifice suscitavit.

[3]) См. Vita Innoc. IV. Balluzii, Miseclanea I, p. 1761, c. 33.

[4]) См. Eccleston. De adventu fratrum in Angliam. p. 253 въ Anal. Fran. I. Салимбене (Chronicon, p. 213 въ коллекціи: Monumenta historica ad provincias Parmensem et Placentinam pertinentia—Parma, 1857) и Ѳома Кантипратанскій, современникъ событій (Miraculorum et exemplorum memorabilium L. II c. 10. n. 21). Говорятъ, что папа въ самый день изданія буллы былъ пораженъ тяжкой болѣзнью, отъ коей и умеръ.

бенно въ Германію [1]), а свое почитаніе памяти Франциска выразилъ буллой 16 іюня 1253 г. всему ордену, которая узаконяла приношенія на гробъ святого. Братья должны были принимать золотыя и серебряныя украшенія, сосуды, одежду и колокола [2]). Конечно, подобная роскошь украшеній на гробѣ великаго апостола бѣдности, какъ будто, могла коробить глазъ, но папа предвидѣлъ возраженія, а можетъ быть, желалъ лучше предохранить приношенія, и запретилъ прелатамъ ордена и его капитулу снимать, переносить въ другое мѣсто, закладывать или какимъ-бы то ни было образомъ отчуждать.

Если послѣдніе годы Иннокентія IV были нѣсколько тяжелы для ордена, то въ лицѣ Александра IV на папскій престолъ вступилъ его ревностный защитникъ и покровитель. До своего избранія онъ былъ кардиналомъ - протекторомъ францисканцевъ. Сдѣлавшись папой, онъ оставилъ за собой непосредственное завѣдываніе орденомъ. Всѣ ограниченія Иннокентія IV были отмѣнены, и братья снова получили самыя широкія полномочія; можно сказать, что при Александрѣ IV союзъ куріи съ орденомъ достигъ своего полнаго развитія. Для Матвѣя Парижскаго, въ глазахъ котораго новые братья были лишь безстыдными эксплоататорами народной набожности, а папы раззоряли своими вымогательствами Англію, это покровительство было особенно непріятно, и, допуская въ Александрѣ IV извѣстныя положительныя качества, онъ осуждаетъ его за податливость лести и внушеніямъ корыстолюбивыхъ совѣтниковъ [3]). На первыхъ же дняхъ своего правленія папа обратился къ ордену съ просьбой молиться о немъ и о всей церкви и съ увѣреніемъ

---

[1]) 14 февр. 1245 и 11 янв. 1249 арх. Кельнскому; 27 апр. 1250 арх. Майнцскому.

[2]) Libros, calices, dalmaticas, bacilia sive de auro, sive de argento—quaecunque indumenta et paramenta sive ad alium ipsius Ecclesiae ornatum... campanas quoque magnas et parvas et cetera ornamenta et vasa ecclesiastica libere et specialiter habere valeant.

[3]) См. Hist. Maior. V, p. 472: Vir satis benignus et bene religiosus assiduus in orationibus, in abstinentia strenuus, sed sibilis adulantium seducilibus, a pravis avarorum subgestionibus inclinatus.

его въ неизмѣнности своей любви [1]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ папа убѣждаетъ всѣхъ прелатовъ церкви, начиная съ архіепископовъ, благосклонно принимать братьевъ обоихъ орденовъ и позволять имъ пользоваться ихъ Правиломъ и привилегіями; кельнскому архіепископу, который ласково принялъ миноритовъ, онъ посылаетъ особую благодарность (29 апр. 1255 г.)

Если Иннокентій IV обратилъ особое вниманіе на ассизскую церковь св. Франциска, то Александръ IV выразилъ свои чувства къ Альвернской горѣ, на которой Францискъ получилъ стигматы; онъ предписалъ, чтобъ на ней всегда оставалось нѣсколько братьевъ, и никогда бы ея не покидали. Далѣе нѣкоторые недоброжелатели ордена, какъ среди духовенства, такъ и среди другихъ монаховъ, начали распространять слухи, что стигматы Франциска—измышленье. Папа весьма сурово отнесся къ хулителямъ славы столь любимаго имъ святого. Духовенству Кастиліи и Леона предложено отлучать всѣхъ распространяющихъ эти слухи (25 іюля 1255 г.). Замѣтимъ, что въ этихъ выраженіяхъ симпатіи папы весьма часто говорятъ объ обоихъ орденахъ—и доминиканскомъ и францисканскомъ—вмѣстѣ; можно сказать, что они одинаково ихъ цѣнили [2]).

Папскія рекомендаціи не могли защитить новаго ордена отъ недоброжелательства и преслѣдованій со стороны духовенства. Если первоначально къ францисканцамъ относились подозрительно, предполагая въ нихъ еретическія наклонности, то когда папы надѣлили ордена обширными привилегіями и постепенно предоставили имъ cura animarum, т. е. „заботу о душахъ“, совершеніе таинствъ, проповѣдь и. т. п., и приходское духовенство и епископы увидѣли въ нихъ весьма опасныхъ конкурентовъ. Дѣйствовалъ здѣсь и необыкновенный успѣхъ, которымъ братья пользовались

---

[1]) Bul. Fr. II, 32 дек. 1254 г. Nos qui semper vestri ordinis speciales amatores exstitimus et honoris et boni sui fervidi zelatores firmiter in animo gerimus, quos et eundem ordinem paterna benevolentia confavere.

[2]) См. рекомендаціи Григорія IX доминиканцамъ къ арх. Таррагонскому и еп. Ольмюцскому. Bul. Praed. I, n. 15 и 18. Булла Александра IV 9 апр. 1255 г. рекомендуетъ оба ордена всей церкви.

у населенья, и то, что ихъ образъ жизни служилъ нагляднымъ обличеніемъ духовенства. Повидимому, и въ своихъ проповѣдяхъ братья не способствовали популярности духовенства.

Самымъ краснорѣчивымъ обвинителемъ братьевъ за ихъ узурпаціи правъ клира былъ Матвѣй Парижскій. Стоя на точкѣ зрѣнія, соотвѣтствовавшей средневѣковому галликанству, онъ не видѣлъ существеннаго различія между новыми орденами и прочими орудіями папской политики, съ помощью которыхъ разорялись страны [1]).

Извѣстный антогонизмъ между монашествомъ и клиромъ возникъ не въ XIII в., и папамъ давно приходилось защищать „clerici regulares" отъ „clerici saeculares" [2]). Иннокентій II былъ очень остороженъ въ предоставленіи монахамъ правъ, которыя могли привести къ конфликту съ клиромъ; но и ему часто приходилось ихъ защищать [3]). Замѣтимъ, что эти буллы носятъ нѣсколько иной характеръ; папамъ приходилось еще чаще защищать монаховъ отъ насилій со стороны свѣтскаго общества, чѣмъ клира. Нищенствующіе ордена въ XIII в., напротивъ того, нуждались въ защитѣ почти исключительно отъ клира. Отвлекаясь отъ частностей, можно сказать, что нищенствующіе ордена были такъ же сочувственно приняты свѣтскимъ обществомъ, какъ враждебно—клиромъ. Между епископами встрѣчались люди, расположенные къ нимъ, какъ еп. Вьеннскій, котораго такъ хвалитъ Салинбене [4]) или Оттонъ Пассаускій [5]), но это были исключенія.

---

[1]) См. Hist. Major, IV, 280. Fratres in praedicationibus suis vel adulatores, vel mordacissimi reprehensores.

[2]) См. Regesta Yaffe: Луцій II—8552: Евгеній III—8751; Александръ III—11092, 11095, 12321, 13616; Луцій III—14610; Урбанъ III—15760, 16005; Климентъ 16262, 16475; Целестинъ III 17652 etc.

[3]) Особенно нуждались, повидимому, въ этой защитѣ цистерзіанцы. См. Regista Pott. 23, 163, 243, 1272, 2387, 3273, 4534, 4623 etc. Еще болѣе было издано буллъ въ ихъ защиту Гоноріемъ III и Григоріемъ IX. См. Reg. 5331, 5487, 6792, 6841, 7917, 8319, 8332, 8354, 8496, 9043, 9748, 10524, 10600, 10883. Менѣе нуждались въ защитѣ премонстратензы (5742, 8137, 8173 etc). Замѣтимъ, что послѣ Григорія IX число подобныхъ буллъ уменьшается; вражда клира направляется преимущественно на нищенствующіе ордена.

[4]) Chronicon, p. 98.

[5]) Tanner, Geschichte der Bischöfe von Regensburg II, 489.

Еще Гонорій III долженъ былъ напоминать еп. Парижскому, чтобы онъ не позволялъ духовенству софистически истолковывать привилегіи, данныя имъ миноритамъ; по ихъ истолкованію выходило, будто братья не могли безъ разрѣшенія епископовъ, мѣстныхъ аббатовъ и т. д. служить у себя на переносномъ алтарѣ (8 авг. 1225 г.).

Въ 1231 г. Григорій IX издалъ цѣлый рядъ буллъ противъ притѣсненій духовенствомъ францисканцевъ. „Не мало есть среди прелатовъ церкви людей, снѣдаемыхъ слѣпой алчностію: они считаютъ, что всѣ милостыни, которыя благочестивые люди даютъ въ пользу братьевъ, отымаются у нихъ. Они требуютъ, чтобы братья исповѣдовались, причащались въ приходскихъ церквахъ, хоронили тамъ своихъ умершихъ, чтобы священники изъ ордена служили первую мессу въ ихъ церквахъ. Они отымаютъ у братьевъ приношенія, принуждаютъ ихъ посѣщать мѣстные синоды, давать клятву повиновенія, громятъ отлученіями ихъ благодѣтелей; угрожаютъ выгнать, запрещаютъ собирать народъ и посѣщать города, требуютъ десятины съ ихъ домовъ, полей и садовъ, увѣряя: если-бы братьевъ не было въ этомъ мѣстѣ, ихъ доходы попали-бы въ наши руки (22 авг.). Черезъ нѣсколько дней (28 авг.) онъ напоминаетъ германскимъ архіепископамъ и епископамъ, что клирики должны были-бы оказывать братьямъ покровительство, а они всячески ихъ отягчаютъ, хотятъ даже по своему произволу ставить имъ министра. Епископъ Ліонскій запретилъ въ своей діоцезѣ францисканцамъ проповѣдовать. Григорій IX сдѣлалъ ему за это рѣзкій выговоръ; проповѣдническая дѣятельность братьевъ необходима, ибо свѣтскій клиръ сталъ недостоинъ своихъ высокихъ обязанностей. „Если священники не исправятъ своихъ нравовъ, свѣтскіе люди будутъ какъ-бы въ правѣ (quasi licite) поступать съ ними насильственно и выказывать презрѣніе“. Епископъ Трамензійскій не только не оказалъ помощи братьямъ, когда они пришли въ его діоцезу проповѣдовать крестовый походъ, но своими угрозами помѣшалъ имъ (22 мар. 1236 г.). Еп. Португальскій и клиръ Браганцской провинціи разрушили домъ братьевъ и отняли ихъ имущество (6 августа 1238 г.; 21 апрѣля

1241 г.) Вездѣ Григорій IX энергично вступался за францисканцевъ.

Иннокентій IV обратился къ итальянскому духовенству съ упрекомъ за то, что оно не даетъ братьямъ пользоваться предоставленными привилегіями. „Многіе изъ васъ хотятъ, вопреки ихъ волѣ, слушать, какъ они исповѣдуютъ“ (11 іюля 1245 г.). Но особенную враждебность къ миноритамъ выказалъ памелунскій капитулъ. Онъ публично отлучилъ братьевъ и запретилъ подъ страхомъ недопущенья къ причастію и лишенія церковнаго погребенья кому-бы то ни было слушать ихъ проповѣди. Братьевъ обвиняли въ поддѣлкѣ папскихъ буллъ, публично называли ихъ еретиками, худшими евреевъ и сарацинъ, тяжкими преступниками („bullac nostrae falsarios, haereticos, nequiores Judaeis et Saracenis et gravioribus irretitos criminibus publice affirmabant“), разрушили ихъ жилище и до крови избили ихъ. Папа (15 ок. 1246 г.) объявляетъ всѣ отлученья противъ братьевъ недѣйствительными, отлучаетъ, въ свою очередь, ихъ преслѣдователей и рекомендуетъ миноритовъ народу; въ тотъ же день онъ обращается съ просьбой къ памелунскому муниципалитету— заступиться за обиженныхъ. Эти буллы, однако, имѣли мало дѣйствія, приходское духовенство продолжало возбуждать свою паству противъ миноритовъ. 13 янв. 1247 г. папа снова потребовалъ отъ еп. Памелунскаго обуздать приходское духовенство и убѣждалъ клиръ и народъ не избѣгать братьевъ, а, напротивъ, оказывать имъ расположеніе и любовь „изъ почтенія къ намъ“. Столкновенье произвело большія пертурбаціи въ церковной жизни Памелуны; клиръ отлучалъ миноритовъ, папа—клиръ; многіе умершіе оставались безъ погребенья. Лишь 2 сентября 1247 г. папа утвердилъ „compositio“ между орденомъ и капитуломъ послѣ слѣдствія, которое произвелъ на мѣстѣ Гуго, кардиналъ-пресвитеръ Св. Сабины. Рѣшенье его въ общемъ было вполнѣ благопріятно для братьевъ. Всѣ преслѣдованья противъ ихъ благотворителей были прекращены; епископъ обѣщалъ обратиться къ своей паствѣ съ циркулярнымъ письмомъ и возстановить въ немъ репутацію миноритовъ. Мѣсто, отнятое у братьевъ, возвращается имъ съ возмѣщеньемъ всѣхъ

убытковъ. Обѣ стороны отнынѣ должны забыть взаимныя неудовольствія; братья же смиренно просятъ у епископа и капитула прощенья за возможныя обиды [1]). Изъ прочихъ буллъ Иннокентія IV заслуживаетъ вниманія обращеніе къ римскому духовенству (3 дек. 1248 г.), въ которомъ папа кассируетъ его рѣшеніе, чтобы ни одинъ епископъ или священникъ въ праздничные дни не приглашали въ свои церкви проповѣдниковъ, которые не принадлежатъ къ ихъ корпораціи [2]).

Александру IV пришлось особенно бороться съ притѣсненіями братьевъ итальянскимъ клиромъ. Въ буллѣ 24 апр. 1855 г. онъ обращается къ епископамъ Ариминскому, Чевезенатензскому и Фороюлійскому: „вы произнесли противъ нихъ отлученье безо всякой основательной причины, слѣдуя лишь собственной волѣ. По вашему приказу духовенство не позволяетъ братьямъ въ своихъ церквахъ проповѣдовать слово Божіе; вы отлучаете ихъ благотворителей, заявляете незаконныя притязанія на пожертвованія, которыя дѣлаются братьямъ; въ своихъ проповѣдяхъ вы ругаетесь надъ ними, дабы жители вашихъ городовъ не ходили на ихъ проповѣди“ [3]). Папа напоминаетъ о своихъ особыхъ чувствахъ къ ордену [4]). Епископамъ Сполетанскому и Ассизскому онъ указываетъ, что постановленія Иннокентія IV, ограничивающія права братьевъ, отмѣнены, а между тѣмъ нѣкоторые епископы и прелаты въ Сполето и Патримоніи подъ ихъ предлогомъ продолжаютъ притѣснять миноритовъ. Кромѣ того, въ виду постоянныхъ насилій со стороны приходского духовенства, миноритъ получили право переносить свое мѣстожительство въ другое мѣсто—перевозить

---

[1]) „Ipsi fratres ab Episcopo et Capitulo saepedictis veniam postulent humiliter supplicantes ut si quis de fratribus vel de amicis ipsorum fratrum occasione illius discordiae indixerunt, remittant eisdem“.

[2]) „Ne invitent nisi sui ordinis et conditionis existant“. См. также 28 ав. 1243 г.—защита отъ духовенства въ Реймсѣ; 15 мая 1252 г.—отъ духовенства въ Ломбардіи и Романьи.

[3]) „Adversus eosdem fratres in lubricum linguas in vestris praedicationibus prorumpentes deferitis“.

[4]) „Affectum, quem in minori officio ad ordinem Minorum inter alios religiosos semper habuimus“.

строительный матеріалъ, книги, сосуды и одежды, а также продавать (черезъ посредство третьихъ лицъ) зданія вмѣстѣ съ землей (21 ок. 1255 г.). Въ этой буллѣ для насъ здѣсь интересно не столько очевидное нарушеніе завѣтовъ Франциска—не употреблять денегъ,—сколько поводъ. Еп. Сванензійскій отлучилъ братьевъ за то, что они не соглашались покинуть собственную церковь, домъ и садъ (13 фев 1259 г.). Нѣкоторые священники въ Ломбардіи отказывались причащать передъ смертью тѣхъ прихожанъ, которые завѣщали похоронить себя у миноритовъ; папа предписываетъ епископамъ Ломбардіи уничтожить такое давленіе на совѣсть вѣрующихъ [1]). Весьма много подобныхъ же буллъ было издано въ защиту доминиканцевъ отъ притѣсненій со стороны духовенства [2]).

Рядомъ съ борьбой ордена и духовенства, въ которой папство энергично поддерживало орденъ, образовалась другая, хотя и менѣе замѣтная противоположность. Если успѣхи новыхъ пришельцевъ были такъ непріятны свѣтскому клиру, то другіе монашескіе ордена смотрѣли на нихъ тоже далеко не дружелюбно. Вообще говоря, между всѣми монашескими орденами въ средніе вѣка существовало соперничество, переходящее часто во вражду. Образовывался своего рода орденскій патріотизмъ, который выражался въ увѣренности, что вступленіе въ данный орденъ и исполненіе его дисциплины представляетъ наиболѣе надежное

---

[1]) См. также 21 нояб. 1256 г., и 29 ав. 1260 г.—арх. Пизанскому, который перемѣнилъ свое дружеское отношеніе къ братьямъ и сталъ ихъ гонителемъ: factus es durus personarum huius ordinis prosecutor.

[2]) Ср. Ripolli, Bullarium Praedicatorum I. напр. 6 марта 1256 г. Въ 1245 г. былъ изданъ цѣлый рядъ буллъ ко всѣмъ высшимъ прелатамъ церкви съ требованіемъ, чтобы отнынѣ доминиканцы не подвергались преслѣдованьямъ ни со стороны ихъ. ни со стороны высшаго клира (п. 101—113). Буллы обращены къ прелатамъ: 1) Сициліи, 2) Тосканы и Патримонія, 3) Богеміи, Польши, Пруссіи, Россіи и Помераніи, 4) Германіи, 5) Даніи, Швеціи и Норвегіи, 7) Ирландіи, 8) Франціи и Лотарингіи, 9) Испаніи, 10) Арелата, Бургундіи, Нарбонна, 11) Антіохіи, Іерусалимскаго патріархата, Кипра, 12) Константинопольской имперіи, 13) Венгріи. Сербіи, Галиціи, Кроаціи и Далмаціи.— Эти буллы даютъ намъ характеристику географическаго распространенія доминиканцевъ.

средство спасти свою душу. Монашествующіе гордились святыми и мучениками своего ордена, радовались, когда люди, извѣстные ученостью или святостью, вступали въ него, и не безъ удовольствія видѣли погрѣшенія и, тѣмъ болѣе, ересь у своихъ сосѣдей. Но это былъ вопросъ не только орденскаго самолюбія, какъ и приходское духовенство не потому лишь негодовало на новыхъ пришельцевъ, что прихожане охотнѣе слушали проповѣди у этихъ послѣднихъ. Обиліе пожертвованій новымъ орденамъ уменьшало притокъ ихъ къ старымъ; графы Силезскіе, которые прежде были всецѣло преданы цистерзіанцамъ, съ приходомъ миноритовъ стали направлять свою благотворительность главнымъ образомъ на нихъ [1]). Наконецъ, принципъ абсолютнаго отказа отъ собственности, введенный братьями, выставлялъ въ невыгодномъ свѣтѣ не только жизнь духовенства, но и монаховъ, и, повидимому, въ своихъ проповѣдяхъ францисканцы часто ихъ не щадили [2]).

Чтобы урегулировать отношенія между орденами, принимались разныя мѣры. Прежде всего запрещалось строить монастыри неодинаковыхъ орденовъ слишкомъ близко другъ отъ друга. Въ особенности же строго запрещалось принимать, тѣмъ болѣе переманивать изъ одного ордена въ другой. Какъ ни былъ расположенъ Иннокентій III къ цистерзіанцамъ, онъ поручилъ архіепископамъ Испаніи принудить ихъ церковной цензурой не принимать болѣе въ свой орденъ рыцарей св. Іоанна [3]). Въ общемъ, однако, существовало правило, перешедшее въ декреталіи Григорія IX, что изо всякаго ордена можно переходить въ болѣе строгій, испросивши разрѣшенія у своего прелата; если въ немъ отказывалось, можно было переходить и такъ [4]).

Естественно, папы защищаютъ францисканцевъ отъ преслѣдованій со стороны другихъ монаховъ. Григорій IX

---

[1]) См. Winter, Die Cistersienser. II, 128.

[2]) См. Hist. Major, Math. Par. III p. 333.

[3]) Pott. Reg. Pont. 3540.

[4]) См. отвѣтъ Иннокентія III на жалобу пріора Дунельмензійскаго монастыря, одинъ монахъ котораго перешелъ къ цистерзіанцамъ. Migne, t. 215, L. IX, ep. 62.

обращается къ пріору и каноникамъ Коимбрскаго монастыря, которые преслѣдовали миноритовъ, дабы, по словамъ папы, nec ipsorum vicinae rectitudini comparata displiceat. Относительно огражденія помѣщеній францисканцевъ отъ слишкомъ близкаго сосѣдства въ общемъ существовало правило: не строить монастыря другого ордена на разстояніи меньшемъ 300 шаговъ отъ нихъ (28 февр. 1255 г.). Далѣе папа принимаетъ мѣры противъ переходовъ изъ францисканскаго ордена въ другіе. Григорій IX запретилъ цистерзіанцамъ принимать въ ихъ орденъ миноритовъ безъ его разрѣшенія (19 мая 1235 г.). Однако, повидимому, исполненіе этой мѣры было сопряжено съ большими неудобствами, и поэтому папа скоро ограничилъ это запрещеніе: тѣмъ, кто перешли и сдѣлали уже professio въ новомъ орденѣ, предоставлялось въ немъ остаться (14 авг. 1236 г.) [1]). Въ особенности преслѣдовались переходы изъ болѣе строгаго ордена въ менѣе строгій; такъ humiliati не могли принимать ни францисканцевъ, ни доминиканцевъ, ни цистерзіанцевъ (13 авг. 1250 г.). Александръ IV велѣлъ всѣмъ цистерзіанцамъ, августинцамъ, премонстратензамъ, камальдульцамъ и валумброзамъ возвратить всѣхъ миноритовъ, перешедшихъ въ эти ордена безъ разрѣшенія прелатовъ ордена (5 февр. 1258 г.). Въ другой буллѣ (3 дек. 1257 г.) онъ жалуется, что нѣкоторые уходятъ изъ ордена миноритовъ въ болѣе свободный, оттуда въ еще болѣе свободные и. т. д. Поэтому прелаты должны были позволять переходы лишь осмотрительно и подъ условіемъ, чтобъ братья оставались въ новомъ орденѣ.

Особенныя хлопоты въ этомъ смыслѣ доставили папамъ эремиты св. Августина. Эти монахи, вѣроятно, желая сдѣлаться причастными успѣхамъ новаго ордена, стали носить одежду миноритовъ, ссылаясь на то, будто Францискъ нѣкоторое время принадлежалъ къ ихъ ордену [2]). Въ Ломбардіи выходили изъ-за этого столкновенія между обоими

---

[1]) Это одинаково касалось миноритовъ, доминиканцевъ и цистерзіанцевъ, но распространялось исключительно на тѣхъ, кто уже сдѣлалъ professio.

[2]) См. у Wadd. II, 444. De praetenso monachatu S. F.

орденами. Миноритъ жаловались, и Григорій IX формально предписалъ эремитамъ носить прежнюю одежду [1]). Эремиты апеллировали, но безуспѣшно. Епископы должны были принуждать ихъ снимать новую форму. Это подтвердилъ и Александръ IV итальянскимъ и нѣмецкимъ епископамъ (22 февр. 1255 г.). Наконецъ, многіе, соблазнившись успѣхомъ миноритовъ, стали выдавать себя за этихъ послѣднихъ; такимъ образомъ отвлекались приношенія, предназначавшіяся настоящимъ миноритамъ, а кромѣ того, можно было опасаться, что̀ еретики воспользуются этимъ средствомъ для пропаганды. Поэтому Григорій IX, рекомендуя братьевъ епископамъ, прибавляетъ: „если въ вашихъ предѣлахъ встрѣтятся люди, ложно называющіе себя братьями францисканскаго ордена, что̀ можетъ послужить ко вреду истинныхъ братьевъ, которые дали обѣтъ бѣдности, вы должны ихъ хватать и осуждать, какъ обманщиковъ“ [2]).

Если Григорій IX, Иннокентій IV, Александръ IV постоянно старались защищать новые ордена, то не менѣе важно было ихъ покровительство въ положительномъ смыслѣ; они сдѣлали все, чтобъ упрочить симпатіи свѣтскаго общества къ братьямъ и наилучшимъ образомъ использовать эти симпатіи. Успѣхъ францисканскаго ордена съ этой стороны могъ превышать самыя оптимистическія надежды. Первая миссія въ Германіи, предпринятая послѣ собора 1219 г., оказалась очень неудачной изъ-за незнанія языка. Братьевъ спрашивали, не альбигойцы-ли они, и когда они, не понимая вопроса, отвѣчали „ja“, единственное извѣстное имъ нѣмецкое слово, то однихъ заключили въ тюрьму, а другихъ обнажили и на веревкѣ водили по городу. Такъ же него-

---

[1]) 12 іюля 1240 года.

[2]) Пробная мѣра была принята еще Гоноріемъ III противъ самозванныхъ доминиканцевъ: „quia vero saepe vitia sub specie virtutum occultae subintrant et angelus satanae in angelum lucis se plerumque simulane transformat, praesentim vobis auctoritate mandamus, si qui de praedictorum fratrum ordine se dicentes in vestris partibus praedicaverint ad questum se pecuniarium convertentur, per quod religio eorum, qui paupertatem professisunt, contigerit infamari... vos tamquam falsarios capiatis et condemnetis eosdem“.

степріимно ихъ приняли въ Венгріи [1]). Послѣ этой неудачи Германія сдѣлалась въ представленіи братьевъ весьма мрачной страной, куда можетъ идти лишь человѣкъ, желающій принять мученическій вѣнецъ. Въ 1221 г. была, однако, отправлена вторая миссія, съ Цезаремъ Шпейерскимъ во главѣ, которая была несравненно счастливѣе первой. Черезъ 19 лѣтъ (1239 г.) братья пріобрѣли такъ много обращенныхъ, что пришлось раздѣлить Германію на двѣ провинціи: Рейнскую и Саксонію. Успѣхъ былъ полный. Народъ массами стекался слушать проповѣдь на родномъ языкѣ. Щедро притекали и пожертвованія. Въ Эйзенахѣ городскія власти опасались, что если братья уйдутъ изъ города, они увлекутъ за собой все городское населеніе, и предложили имъ взять себѣ на выборъ одну изъ трехъ церквей въ городѣ. Въ томъ же 1225 г. имъ уступили мѣсто въ Готѣ, Эрфуртѣ, Нордгаузѣ, Мюльгаузенѣ и Магдебургѣ [2]).

Парижская колонія миноритовъ, основаніе которой можно отнести къ первымъ временамъ ордена (во всякомъ случаѣ до 1219 г.), тоже постоянно получала дѣятельную матеріальную поддержку со стороны горожанъ; особую щедрость выказывалъ къ ней Людовикъ IX [3]).

Для характеристики пріема, который братьямъ сдѣлало свѣтское общество, особенно любопытныя свѣдѣнія даетъ англійскій миноритъ Экклестонъ въ своемъ трактатѣ „De adventu fratrum minorum in Angliam“ [4]). Тотчасъ же по ихъ прибытіи въ Англію, и король, и муниципальныя власти, и частныя лица стали имъ жертвовать земли и строить для нихъ дома. Въ Лондонѣ горожанинъ Іоаннъ Ивнъ купилъ для нихъ землю и сдѣлалъ ее городской собственностью, такъ какъ братья не могли ничего пріобрѣтать, а имъ уступилъ въ пользованіе. Другой прикупилъ къ этой

---

[1]) См. Iord. 4—6. Anal. Francis. I.

[2]) Iord. 41—46.

[3]) Wadd. 1234, n. 17.

[4]) Онъ напечатанъ въ I т. Analecta Franciscana и въ I т. англійскихъ Monumenta Franciscana. Неясно, почему разсказъ Экклестона представляется Гаусрату особенно легендарнымъ. Сабатье тоже безъ основанья признаетъ малую историческую цѣнность за извѣстіями Экклестона. См. Vie. de S. F., p. X. C. VIII.

площади участокъ земли. Третій построилъ на собственный счетъ капеллу для братьевъ, внесъ деньги для устройства ихъ помѣщеній и постоянно продолжалъ жертвовать имъ. Четвертый завѣщалъ на устройство для нихъ водопровода, причемъ еще щедро помогалъ король. Вообще, въ Лондонѣ къ братьямъ стекалось множество пожертвованій, которыя приводили въ изумленіе автора: tota et tanta, et tam multiplicia beneficia omnibus mortalibus admiranda, tempore meo vidi Londoniae ab ipso dulcissimo Jesu fratribus provideri. Въ Оксфордѣ нѣкій Робертъ Мерчеръ нанималъ имъ домъ. Вслѣдъ за нимъ Ричардъ Мулингеръ перевелъ ихъ въ другое помѣщеніе, которое вмѣстѣ съ землей отдалъ городу. Въ Кентербери граждане устроили ихъ въ синагогѣ; король пожертвовалъ 10 марокъ на покупку земли, и братья выстроили на ней скромную капеллу. Въ Шрюсбери землю миноритъ получили отъ короля; церковь выстроилъ имъ горожанинъ, по имени Ричардъ Пиндъ, прочія хозяйственныя постройки нѣкто Лоренсъ [1]).

Такимъ образомъ, братья прочно утвердились и за предѣлами романскаго міра. Въ 1228 году они снова появляются въ Венгріи. На этотъ разъ ихъ миссія увѣнчивается полнымъ успѣхомъ. А вслѣдъ за тѣмъ въ Богеміи, Польшѣ, Даніи и Норвегіи. Ихъ новыя поселенія составляютъ контрастъ съ тѣми обширными постройками, которыя возводились уже для нихъ въ Италіи. Прибывъ въ Эрфуртъ, братья сначала остановились въ домѣ прокаженныхъ. Іорданъ, бывшій во главѣ нѣмецкой миссіи, говоритъ, что онъ никогда не видалъ монастыря (claustrum) въ орденѣ, и проситъ лишь построить для братьевъ домъ недалеко отъ воды, куда они могли бы сходить для омовенія ногъ [2]).

Папы и прежде всегда своими подтвержденіями закрѣпляли пожертвованія монастырямъ. Теперь они не только утверждали пожертвованія миноритамъ [3]), но и предписывали духовенству заботиться о томъ, чтобы братьямъ пре-

---

[1]) С. 3.

[2]) Iord. c. 43.

[3]) Напр., см. 7 іюня 1247 г. утвержденье дара вюрцбургскаго плебана, 17 апр. 1235 г.—утвержденье уступки церкви св. Лаврентія, etc.

доставляли удобныя мѣста [1]). Однимъ изъ обычнѣйшихъ способовъ привлекать пожертвованія къ монастырямъ была раздача индульгенцій, хотя нельзя утверждать, чтобы эти индульгенціи имѣли исключительный raison d'être въ привлеченіи денегъ. Въ началѣ XIII вѣка индульгенція состояла въ томъ, что часть извѣстнаго срока, въ теченіе котораго кающійся долженъ былъ совершать покаяніе, ему прощалась. Индульгенція давалась за посѣщеніе какого-нибудь святого мѣста, и срокъ сбавки былъ сообразованъ съ трудностью пути къ этому мѣсту,—это мы видѣли на примѣрѣ приведенной выше индульгенціи Григорія IX для участниковъ въ празднествѣ перенесенія тѣла св. Франциска. Иногда она давалась тому, кто оказывалъ благотвореніе монастырю или, вообще, какому-нибудь учрежденію, находящемуся подъ покровительствомъ папы, деньгами или трудомъ. Такія индульгенціи мы находимъ въ значительномъ количествѣ въ теченіе XII-го вѣка [2]), но именно въ XIII, съ основаніемъ нищенствующихъ орденовъ, онѣ чрезвычайно умножились.

Въ исторіи индульгенцій францисканскій орденъ игралъ значительную роль прежде всего знаменитой индульгенціей за посѣщеніе Порціункула. По словамъ преданія, Францискъ Ассизскій упросилъ Гонорія III, чтобы всякій, приходящій 1 августа въ церковь св. Маріи около Ассизъ, въ которой Франциску явилась св. Дѣва, получалъ полное отпущеніе всѣхъ грѣховъ [3]).

---

[1]) См. 27 ок. 1241 г., 23 янв. 1241 г.; также 23 іюля 1248 г. остійскому клиру „ut promoveat fratres Minores aliquo meliori loco".

[2]) Изъ болѣе выдающихся: 2 мар. 1132 г.—за посѣщенье клервосскаго монастыря въ день храмового праздника; 28 апр. 1185 (у Pfluge Hartung, Acta Pontificum III, 320) за помощь братьямъ госпитальерамъ въ Пизѣ.

[3]) См. Spec. f. 69—83 и Bart. 151—157. Сабатье, считавшій первоначально этотъ разсказъ вымысломъ—Vie de S. F. p. 415,—впослѣдствіи перемѣнилъ свое мнѣніе. См. „Etudes critiques sur la concession de l'indulgence de Portiuncule". Первоначальные источники—Челано, три товарища, Бонавентура—умалчиваютъ объ этой индульгенціи, по нѣсколько неправдоподобному объясненію Панфило да Мальяно, чтобы не повредить дѣлу крестоваго похода, за участіе въ которомъ также обѣщалось полное отпущеніе грѣховъ.

Переходя къ привилегіямъ новымъ орденамъ, мы должны вспомнить, что эти привилегіи были созданы гораздо ранѣе XIII в. Въ сущности говоря, папство дало доминиканцамъ и францисканцамъ въ нѣсколько расширенномъ видѣ то, что раньше получали клюнійцы, цистерзіанцы и премонстратензы; и въ этомъ отношеніи ходъ папской политики съ клюнійской реформы остается однообразнымъ. Чтобы рельефнѣе представить постепенное расширеніе привилегій, которыя курія давала монашескимъ орденамъ, и выяснить въ этомъ отношеніи ея политику относительно францисканцевъ, возьмемъ исторію клюнійскихъ привилегій [1]). Клюнійскій монастырь рано получилъ выдающееся положеніе. Уже Агапетъ II въ 948 году далъ клюнійскому монастырю двѣ основныя привилегіи: изъятіе изъ епископской юрисдикціи и свободу отъ платежа десятины. Въ 1032 году Іоаннъ XIX запретилъ епископамъ и другимъ прелатамъ посѣщать монастырь, служить въ немъ безъ согласія аббата; не только они не могли отлучать клюнійцевъ, но монастырь дѣлался своего рода мѣстомъ убѣжища для отлученныхъ. Левъ IX подтвердилъ безусловную свободу выбора монастырскихъ прелатовъ, всѣ его привилеліи должны быть закрѣплены на вѣки. Урбанъ II, самъ бывшій клюніецъ, освободилъ ихъ даже отъ всякой юрисдикціи папскихъ легатовъ, если послѣдніе не имѣютъ спеціальныхъ инструкцій (1 нояб. 1088 г.). Пасхалисъ II разрѣшилъ безпрепятственно принимать всякія пожертвованія отъ вѣрующихъ; никто не имѣетъ права безпокоить монаховъ по поводу этихъ приношеній (15 нояб. 1100 г.) [2]). Каликстъ II, разрѣшившій клюнійскому аббату чеканить свою монету, далъ разъясненіе, что клюнійцы могутъ получать десятину съ церквей въ ихъ вѣдѣніи, а сами не должны платить ее епископу (22 фев. 1120 г.). Гонорій II разрѣшилъ клюнійцамъ службу въ интердиктъ, на которой

---

[1]) Цитируемъ по Bullarium privillegiorum et diplomatorum. Roma, 1760.

[2]) Neque cuilibet facultas sit aut claustri unquam at locorum vestrorum fines pro vivorum vel defunctorum eleomosynis ob salutem datis inquietare: sed quam virorum tam mulierum oblationes, quas Deo offerunt, in bonum servorum Dei pauperumque Christi percipere liceat.

могли присутствовать не только монахи, но и ихъ слуги, а также всѣ, давшіе лишь обѣщаніе сдѣлаться монахами; служба должна происходить при закрытыхъ дверяхъ, и прихожане къ ней не допускаются (2 апр. 1125 г.). Люцій II освободилъ ихъ отъ обязанности посѣщать какія-бы то ни было собранія, кромѣ какъ по личному требованію папы (I, p. 278, n⁰. 21—1144 г.); онъ же предоставилъ клюнійскому аббату право получать въ свое завѣдываніе приходскія церкви. Всѣ эти привилегіи были повторены Евгеніемъ III; у епископовъ надъ монастыремъ не было никакой власти, кромѣ посвященія кандидатовъ, избранныхъ аббатомъ (animarum curam concedere). Все это было повторено Урбаномъ II (11, 18, 13) и Климентомъ III (25 фев. 1188 г.).

Мы остановились на исторіи клюнійскихъ привилегій, лишь какъ на примѣрѣ. Сравнивая ихъ съ другими, мы можемъ отмѣтить слѣдующія характернѣйшія черты: монастырь или орденъ освобождается отъ епископской юрисдикціи, онъ подчиняется непосредственно папѣ. Епископъ теряетъ право произносить надъ нимъ интердиктъ—иногда совершенно, иногда съ оговоркой „sine manifésta causa“ [1]).

Часто отлученья надъ монастыремъ не можетъ произносить даже легатъ, если не имѣетъ на то спеціальнаго порученья [2]). Далѣе монастырь не платитъ епископу десятины съ того, что монахи обрабатываютъ собственнымъ трудомъ или на собственный счетъ [3]); напротивъ, онъ получаетъ десятину съ приходовъ, которые къ нему приписаны. Монастырь свободно получаетъ по завѣщанью, не внося обычной платы епископу. Постановленье Льва IX, запрещавшее

---

[1]) См., напримѣръ, буллу Александра III 20 нояб. 1160 г. цистерціанскому монастырю св. Маріи де-Ріевалле. Въ привилегіи, данной монастырю св. Бенедикта въ Мантуѣ, за епископомъ оставлена нѣкоторая власть съ оговоркой: „если они будутъ злоупотреблять ей, то потеряютъ ее“ (omnes se quas habuerint potestates amissuros noverint).

[2]) Въ привилегіи, данной монастырю Каво, говорится: даже папское повелѣніе безсильно, если не сдѣлано упоминанія объ этой привилегіи — 30 янв. 1169 г.

[3]) См., напримѣръ, буллы монастырю св. Троицы и св Михаила, данныя папой Евгеніемъ III 24 фев. 1150 г.

оставлять все имущество монахамъ, половина по крайней мѣрѣ коего должна идти въ приходъ, было совершенно забыто [1]). Всякій желающій могъ завѣщать похоронить себя въ монастырѣ, если онъ не былъ отлученъ; однако, почти во всѣхъ привилегіяхъ, допускающихъ право монастырей хоронить у себя чужихъ, дѣлается оговорка, что это не должно нарушать правъ приходскаго духовенства [2]). Аббатъ выбираетъ самъ будущихъ священниковъ, мѣстный же епископъ долженъ ихъ посвятить; если онъ отказывается это сдѣлать, и при томъ безвозмездно, то можно обращаться за посвященіемъ къ любому епископу [3]). Во время интердикта большинство монастырей имѣетъ право служить мессу тихимъ голосомъ и при закрытыхъ дверяхъ; къ ней допускается все населенье монастыря [4]). Епископъ не можетъ даже служить въ монастырской церкви безъ согласія аббата. Замѣтимъ, что папы выдѣляли изъ обще-церковной системы путемъ привилегій не только отдѣльные монастыри или орденъ, иногда отдѣльныя церкви изымались изъ епископской юрисдикціи [5]).

Эти изъятія монашествующихъ изъ общей системы цер-

---

[1]) См. привилегію монастырю Каво въ Салерно: предоставляется получать по завѣщанью; епископы или священники не должны требовать $^1/_3$ или $^1/_4$ съ нихъ „praeter consuetudinis cujuscunque“.

[2]) Въ этомъ отношеніи исключительный характеръ носитъ привилегія Каликста II, данная монастырю св. Кукуфатиса, 14 фев. 1121 г., — гдѣ право погребенья предоставляется безо всякой оговорки о правѣ прихода. „Sepulturam ejusdem loci liberam omnino esse decernimus, ut illorum, qui illuc sepeliri deliberaverint, devotioni et extremae voluntati, nisi forte excommunicati fuerint, nullus obsistet“.

[3]) См. привилегію Иннокентія III монастырю св. Дѣвы въ Адельсперхѣ 22 мар. 1215 г.

[4]) Братья, принадлежавшіе къ госпиталю св. Маріи in Saxia, приходя въ мѣсто, пораженное интердиктомъ, могли тамъ разъ въ годъ совершать службу, съ открытыми дверями и звономъ колоколовъ. См. 19 іюля 1204 г.

[5]) Такъ, Климентъ II изъялъ Милетскую церковь изъ вѣдѣнія архіепископа. При этомъ новыя привилегіи, даваемыя какой-нибудь мѣстной церкви, часто нарушали прежнія права мѣстныхъ монастырей. См. ограниченье правъ монастыря Каво (р. 101, 1—1098 г.) и буллу Анастасія IV, лишавшую монаховъ всѣхъ монастырей Апрутинской области ихъ привилегій (28 янв. 1154 г.).

ковной іерархіи, а также ихъ финансовыя привилегіи возбуждали постоянныя жалобы со стороны клира. Извѣстный французскій кардиналъ Іаковъ Витріанъ, оставившій намъ такія любопытныя въ культурно-историческомъ смыслѣ характеристики современной ему церкви, вовсе не былъ врагомъ монаховъ и менѣе всего игнорировалъ темныя стороны клира, но и онъ въ своей Historia Occidentalis рѣзко порицаетъ ихъ вторженье въ чужую область [1]). „Они не стыдились срѣзать своимъ серпомъ чужую жатву, совершать тайные браки, посѣщать больныхъ, исповѣдовать ихъ и хоронить". Авторъ осуждаетъ не только корыстные мотивы, руководившіе монахами, но и самый фактъ нарушенья правильнаго церковнаго режима „ибо дѣло монаховъ — покаянье и молитва, а не сообщенье таинствъ свѣтскимъ людямъ". Самъ Бернардъ Клервосскій, воплощавшій въ себѣ, такъ сказать, вліяніе монашества на правящую церковь и свѣтское общество, огорчался незаконными притязаніями монаховъ. „Кто выдаетъ себя за монаха и эремита, можетъ и долженъ знать, что ихъ дѣло не учить, а скорбѣть" [2]). Іоахимъ Флорійскій, вѣрившій въ полное обновленіе церкви черезъ монашество, жалуется, что они, къ неудовольствію папъ, хотѣли захватить въ свои руки призванье клира [3]). Нельзя сказать, чтобы папы не видѣли опасныхъ сторонъ этихъ привилегій: Григорій VII и Иннокентій III принципіально высказывались противъ нихъ, но союзъ куріи съ монашествомъ, неизбѣжный результатъ такого быстраго развитія папской власти, заставлялъ ихъ слѣдовать этой политикѣ.

Такимъ образомъ, папы, надѣляя миноритовъ многочисленными привилегіями, дѣйствовали вполнѣ по традиціямъ куріальной политики. Замѣтимъ, что хотя въ XIII вѣкѣ главнымъ предметомъ ихъ заботы были нищенствующіе ордена, они не оставляли своими милостями и прежнихъ.

---

[1]) См. главу „de regularibus".

[2]) Ер. 365 къ арх. Майнцскому: „potest scire et debet, quod monachus non habet docentis, sed plangentis officium.

[3]) Concord. 94, 1.

Еще до утвержденья францисканскаго Правила 1223 г. Гонорій III предоставилъ миноритамъ право церковной службы во время интердикта при закрытыхъ дверяхъ, тихимъ голосомъ, безъ отлученныхъ (29 мар. 1223 г.). При Григоріи IX они получили свободу имѣть у себя кладбища, изъятіе отъ обычной церковной юрисдикціи, если не было особаго мандата отъ куріи, право проповѣди (1 фев. 1230 г.). Расширена была и ихъ неподсудность папскимъ легатамъ; послѣдніе не могли ихъ собирать (convenire) безъ спеціальныхъ мандатовъ, упоминающихъ о привилегіяхъ братьевъ; только подъ этимъ же условіемъ можно было возлагать на нихъ какія-нибудь комиссіи (25 фев. 1236 г.)

Эти привилегіи, при слишкомъ широкомъ пользованьи ими, были въ глазахъ приходскаго духовенства явной узурпаціей его естественныхъ правъ, и папы сами сопровождали ихъ извѣстными оговорками. Такъ, допуская францисканцевъ къ проповѣди, Григорій IX не позволялъ имъ собирать десятину и приношенья и хоронить у себя кого-нибудь, кромѣ принадлежащихъ къ ордену. При весьма недружелюбныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между духовенствомъ и орденами, многіе миноритъ и доминиканцы склоняли слушателей не платить десятины, вообще, не исполнять обязанностей относительно клира; папа строго выговаривалъ имъ за это [1]).

Иннокентій IV въ началѣ своего правленья былъ еще болѣе щедръ въ раздачѣ привилегій, чѣмъ его предшественники. При немъ прелатамъ церкви было запрещено брать для своихъ дѣлъ кого-нибудь изъ миноритовъ безъ особаго папскаго разрѣшенья [2]). Францисканцы были освобождены отъ уплаты „portio canonica“ съ приношеній (26 іюля 1239 г.), отъ денежныхъ сборовъ, даже по приказанію папы, если въ приказаніи не сдѣлано оговорки объ этой ихъ привилегіи (1 ав. 1239 г.). Право присутствовать при службѣ во время интердикта распространялось и на ихъ

---

[1]) „Ne talia, quae audientes a Decimarum vel aliarum rerum Ecclesiis debitarum solutione retractent, vel animas corrumpant audientium in sermonibus vestris, vel alibi proponere de cetero praesumatis“.

[2]) 24 сен. 1245 г.—„in socium vel pro suis negotiis assumere“.

рабочихъ и монастырскую прислугу (1 дек. 1248 г.). Сады ихъ признаны свободными отъ всякихъ церковныхъ сборовъ; на кладбищѣ у нихъ можно было хоронить и чужихъ, безъ нарушенія однако правъ приходского духовенства (25 фев. 1250 г.). Но и ему приходилось напоминать миноритамъ, чтобъ они не злоупотребляли правомъ проповѣди (6 дек. 1250 г.); марсельскій епископъ по его приказанію отлучилъ францисканца и доминикинца, которые убѣждали вѣрующихъ, что въ неплатежѣ десятины нѣтъ смертнаго грѣха (13 мар. 1253 г.).

Передъ самой смертью Иннокентій IV издалъ буллу, которая объясняетъ намъ отношеніе авторовъ орденскихъ хроникъ къ нему [1]). Папа начинаетъ съ похвалъ нищенствующимъ орденамъ, но убѣждаетъ воздерживаться отъ всего, несовмѣстимаго съ правиломъ ихъ жизни. Въ виду постоянныхъ жалобъ приходского клира, онъ запрещаетъ всѣмъ орденамъ принимать чужихъ прихожанъ въ свои церкви по праздникамъ и воскресеньямъ, а также безъ позволенія приходскихъ священниковъ слушать ихъ исповѣди. Право проповѣди тоже ограничивалось; нельзя проповѣдовать до мессы или, вообще, въ тѣ дни, когда въ округѣ проповѣдуетъ епископъ; хоронить же умершихъ они у себя могутъ, лишь уплачивая священнику portio canonica въ размѣрѣ четверти, трети или половины съ того, что дается имъ самимъ; впрочемъ, папа не одобряетъ самаго обычая завѣщать хоронить себя въ монастырѣ [2]).

Мы видимъ, что это были существенныя ограниченія. Къ счастію для обоихъ орденовъ Александръ IV, давно и близко знавшій ихъ, особенно францисканцевъ, началъ свое правленіе съ отмѣны этихъ ограниченій (22 дек. 1254 г.); затѣмъ, уничтожилъ буллу Иннокентія, гласившую, что всѣ, хотя бы изъятые изъ епископскаго вѣдѣнья, могутъ вызываться къ суду епископа по дѣламъ гражданскимъ и уго-

---

[1]) Bulaeus Historia universit. Parisien III, 270, 21 іюня 1254 г. Замѣчательно, что ни Ваддингъ, ни Bullarium Franciscanum не приводятъ ея.

[2]) Sepultura, quam nemo sine justa et rationabili causa temere debet eligere, antiquis suorum parentium dimissis sepulcris".

ловнымъ (15 ок. 1255 г.) [1]); снова возвращено было право хоронить всѣхъ безъ уплаты portio canonica (15 мая 1256 г.). Всѣмъ папскимъ легатамъ, кромѣ de latere, было запрещено давать имъ какія-нибудь комиссіи, брать для своихъ цѣлей (26 іюл. 1255 г.; 19 мар. 1258 г.). Когда миноритовъ стали употреблять при наложеніи интердикта, могло случиться, что имъ пришлось-бы отлучать своихъ благотворителей, что, конечно, не способствовало добрымъ отношеніямъ этихъ послѣднихъ; Александръ IV освободилъ миноритовъ отъ этой обязанности— лишь папа могъ давать имъ такія порученія (16 ок. 2255 г.) [2]). Наконецъ, они получали и привилегіи матеріальнаго характера. Часто умирающіе, сознавая, что они пріобрѣтали богатство грѣховнымъ путемъ, ростовщичествомъ, оставляли его въ распоряженіе церкви; это называлось „male percepta", и составляло доходную статью церкви, коей она распоряжалась по своему усмотрѣнію. Со временъ Александра IV папы даютъ миноритамъ часть изъ этихъ male percepta (17 авг. 56). Другимъ источникомъ дохода являлись отказы по завѣщанію; здѣсь миноритъ встрѣчали затрудненіе не только со стороны духовенства, но и рыцарскихъ орденовъ, что вызываетъ жалобу папы (16 ок. 1257 г.) [3]). Всѣ права братьевъ: исповѣдовать, проповѣдовать и т. д., вообще, участвовать въ cura animarum,—права, столь непріятныя клиру, были подтверждены въ самой широкой формѣ. „Вы свободно можете проповѣдовать народу, слушать исповѣдь, налагать спаси-

---

[1]) „Ut exempti quandocunque gaudentur libertate, nihilo minus tamen ratione delicti seu contractus, aut rei, de qua contra ipsos agitur, rite possunt coram locorum ordinarios conveniri et illi quoad hoc suam ipsosui iurisdictiam, prout jus exigit, exerceant".

[2]) См. также 3 авг. 1258 г. погребеніе на ихъ кладбищѣ должно совершаться „salva justitia illarum ecclesiarum, a quibus mortuorum corpora assumuntur". Такъ какъ далѣе слѣдуетъ, что братья не обязаны платить portio canonica, то послѣдняя оговорка, повидимому, имѣетъ смыслъ, что погребенье у миноритовъ совершалось лишь согласно выраженной волѣ умершаго. Ср. буллу доминиканцамъ (4 фев. 1261 г.); указывалось, что эта оговорка не даетъ духовенству никакихъ правъ.

[3]) „Nonnulli ecclesiarum praelati nec non Hospitales et Militiae Templi Hierosolymitani ac etiam milites S. Jacobi domorum magistri ac fratres impedire procurant, ut praedictorum fratrum minorum indulgentia de praedictorum legatis per vos".

тельное покаяніе, не спрашивая разрѣшенія у приходскихъ священниковъ“ (13 мая 1258 г.). Замѣтимъ, что Александръ IV собралъ воедино всѣ привилегіи братьевъ и подтвердилъ ихъ (3 авг. 1258 г.).

Доминиканцы въ общемъ обладали привилегіями, одинаковыми съ францисканцами; начали получать ихъ они даже раньше, такъ какъ и самый орденъ былъ утвержденъ раньше. Нѣкоторыя привилегіи даны были обоимъ орденамъ одновременно или почти одновременно; такъ, Гонорій III предоставилъ право службы въ интердиктъ 7 мар. 1222 г. доминиканцамъ, а 29 мар.—францисканцамъ. Свободу отъ комиссій, даже папскихъ, доминиканцы также получили еще отъ Гонорія III (7 мар. 1225 г.) [1]). И доминиканцамъ напоминалось не отговаривать народъ отъ уплаты десятины духовенству (6 дек. 1249 г.—булла, общая обоимъ орденамъ), и ихъ права были урѣзаны буллой Иннокентія IV и возстановлены при Александрѣ IV.

Такимъ образомъ, существеннѣйшей чертой новыхъ привилегій является допущеніе францисканцевъ и доминиканцевъ къ cura animarum. Если мы примемъ во вниманіе чрезвычайно широкую популярность, пріобрѣтенную новыми орденами среди свѣтскаго общества, которое почти не слыхало проповѣди, и среди котораго ученье объ opus operatum никогда не могло совершенно заглушать непріятнаго чувства получать таинства отъ недостойныхъ клириковъ, то мы поймемъ, что было полное основаніе для враждебности клира къ новымъ орденамъ, а съ другой стороны, что послѣднимъ было весьма трудно не нарушать правъ духовенства. Защитники орденовъ въ этомъ отношеніи указывали прежде всего на численную недостаточность клира, благодаря которой и для него, и для новыхъ орденовъ, привлеченныхъ къ cura animarum, открывается достаточно обширное поле дѣятельности. Ѳома Кантипратанскій [2]) разсказываетъ, что

---

[1]) См. буллы о свободѣ погребенья 30 нояб. 1227 г.; о свободѣ отъ сборовъ въ пользу церкви—3 ф. 1244 г.; право проповѣди и исповѣди—24 мар. 1244 г.; запрещеніе епископовъ держать при себѣ доминиканцевъ безъ согласія ихъ прелатовъ (1247 г.).

[2]) См. Bonum universale de propriet. opum. L. I c. 9.

на кельнскомъ соборѣ 1239 г., гдѣ присутствовалъ папскій легатъ Конрадъ, приходское духовенство жаловалось на доминиканцевъ, вмѣшивающихся не въ свое дѣло. Легатъ спросилъ одного изъ нихъ, сколько у него народа въ приходѣ? „9000 душъ“, отвѣчалъ тотъ. „Кто же ты такой“, возразилъ ему легатъ, „что считаешь себя одного въ силахъ духовно править столькими тысячами? Развѣ ты не знаешь, несчастный, что ты долженъ на Страшномъ Судѣ передъ судилищемъ Христовымъ отдать отчетъ о всѣхъ нихъ?“ Но не одно многолюдство приходовъ и малочисленность пастырей заставляла папъ и легатовъ защищать за орденами право на cura animarum. На Равеннскомъ соборѣ 1250 г. духовенство жестоко нападало на миноритовъ и доминиканцевъ, упрекая ихъ, что они убѣждаютъ не платить десятины, произносятъ проповѣди, которыя надлежитъ произносить самому духовенству, слушаютъ исповѣди и уменьшаютъ такимъ образомъ доходы клира. На защиту орденовъ здѣсь выступили архіепископъ Равеннскій и епископъ Пармскій. „О, жалкіе безумцы“, говоритъ первый изъ нихъ, „кому мы поручимъ исповѣдывать свѣтскихъ людей, если не францисканцамъ и доминиканцамъ? Поручить ли мнѣ исповѣдовать женщинъ священнику Герарду, у котораго, я знаю, домъ полонъ сыновей и дочерей?“ [1]).

Мы уже указывали, что Матвѣю Парижскому принадлежитъ краснорѣчивѣйшее описаніе, часто стоящее на границѣ каррикатуры, этихъ посягательствъ со стороны новыхъ орденовъ на права клира. „Въ то же время нѣкоторые братья изъ миноритовъ и доминиканцевъ съ великимъ безстыдствомъ, не помня о своемъ обѣтѣ и уставѣ, тайно проникли въ область, принадлежавшую другимъ монахамъ, подъ предлогомъ церковной службы и обѣщали на другой день уйти. Но они остались, притворившись больными; и, построивъ изъ дерева алтарь, они пѣли тихимъ голосомъ тайныя мессы, слушали исповѣди многихъ прихожанъ въ ущербъ священникамъ. По ихъ словамъ, они получили отъ папы власть принимать исповѣданія отъ вѣрующихъ, ко-

---

[1]) Salimbene, Chron. Parmense p. 209—210.

торые стыдятся или считаютъ ниже своего достоинства открывать свои грѣхи священнику; имъ миноритъ назначаютъ эпитимію и освобождаютъ" [1]).—„Они проникаютъ къ умирающимъ знатнымъ и богатымъ, оказываютъ на нихъ давленіе, злословятъ и оскорбляютъ духовенство, вынуждаютъ вѣрующихъ исповѣдоваться и составлять тайныя завѣщанія, хвалятъ только себя и свой орденъ и ставятъ его выше всѣхъ другихъ. Теперь уже ни одинъ вѣрующій не считаетъ возможнымъ спастись, если имъ не будутъ руководить миноритъ" [2]).—„Они часто обращаются ко встрѣчнымъ съ вопросомъ: ты исповѣдовался?—Да.—У кого?—У моего священника.—Кто этотъ невѣжда? онъ никогда не слушалъ теологіи, никогда не занимался декреталіями. Они слѣпые и ведутъ слѣпыхъ. Къ намъ приходите: мы знаемъ различать проказу отъ проказы; намъ Богъ открылъ высокія, недоступныя божественныя тайны. Идите безъ страха исповѣдуйтесь у насъ, которымъ дана такая власть" [3]). И прихожане предпочитали исповѣдовать свои грѣхи странствующему монаху, который сегодня съ ними, а завтра уйдетъ, можетъ быть, навсегда, чѣмъ своимъ приходскимъ постояннымъ священникамъ. Нельзя отрицать, что эти обвиненія похожи на встрѣчаемыя въ вышеуказанной буллѣ Иннокентія IV. „И это кажется достаточно неприличнымъ, что нѣкоторые изъ васъ, едва замѣтятъ пораженнаго болѣзнью, поспѣшно бѣгутъ къ нему и, обольщая ласковыми словами, сулятъ дать особое средство спастись, если больной завѣщаетъ себя похоронить въ ихъ церкви, наконецъ, заставляютъ ихъ отказывать своему ордену имущество, съ радостью лишая приходскія церкви ихъ правъ".

Но нигдѣ жалобы на новые ордена не раздаются такъ громко, какъ на провинціальныхъ соборахъ. Очень рѣдко услышимъ мы здѣсь такое увѣщаніе, какое дѣлаетъ Трирскій соборъ 1227 г. приходскому духовенству. „Вы должны радушно принимать францисканцевъ и доминиканцевъ, ко-

---

[1]) Math. Par. III, p. 332.
[2]) Ibid. IV, p. 280.
[3]) Ib. IV, p. 514.

торые къ вамъ приходятъ, и склонять вашу паству слушать у нихъ слово Божіе". Обыкновенно мы встрѣчаемъ совсѣмъ другіе отзывы, и это вполнѣ естественно: монахи не посѣщали провинціальныхъ соборовъ и на нихъ представлены были исключительно интересы свѣтскаго клира; обычно на нихъ защищались также интересы мѣстныхъ церквей, и на централистическія стремленія куріи смотрѣли весьма несочувственно. Иногда лишь папскій легатъ, какъ на Кельнскомъ соборѣ 1239 г., возвыситъ голосъ въ защиту францисканцевъ и доминиканцевъ, но онъ присутствуетъ далеко не всегда. Еще на соборѣ въ С.-Кентенѣ 1231 г. было запрещено орденамъ проповѣдовать, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся ихъ монастыри. Майнцскій соборъ 1261 г., не имѣя возможности бороться съ папскими привилегіями орденамъ, призналъ: церковь лишь терпитъ (tolerat), но не одобряетъ, чтобы вѣрующіе, съ согласія своего священника, исповѣдовались монаху [1]). Быть можетъ, 8 постановленіе Фризлярскаго сбора, запрещающее даже приходскому священнику исповѣдовать и причащать въ чужомъ приходѣ, вызвано желаніемъ защитить права мѣстнаго клира. Изъ письма Адама Мариска, англійскаго минорита, видно, что на Ліонскомъ соборѣ ожидались тяжкіе нападки на дѣятельность орденовъ [2]).

---

[1]) Mansi, Collectio concil. v. 23 p. 1100: „Хотя церковь позволяетъ прихожанину, съ согласія его священниковъ, иногда исповѣдоваться у монаховъ, однако, мы не хотимъ и подъ угрозой отлученія запрещаемъ всякимъ монахамъ причащать прихожанъ и давать дѣтямъ или взрослымъ другія таинства. Торжественныя процессіи и празднества, которыя устраиваетъ церковь, существуютъ по ея уставу, освящены ея авторитетомъ и служатъ къ великой пользѣ, такъ какъ въ нихъ Господу оказывается почтеніе или его умилостивляютъ общимъ обѣтомъ; поэтому монахи не должны отвлекать народъ отъ нихъ, произнося во время нихъ проповѣди; напротивъ того, пусть въ своихъ проповѣдяхъ они часто напоминаютъ народу, что онъ долженъ участвовать въ этихъ празднествахъ, и что люди, устраняющіеся отъ нихъ, согрѣшаютъ. Пусть напоминаютъ также они прихожанамъ посѣщать въ праздничные дни свою церковь и оказывать почтеніе ей, гдѣ на нихъ нисходитъ благодать таинства; пусть они, наконецъ, воздерживаются отъ всякихъ намековъ, которые могли бы отклонить народъ отъ посѣщенія церквей".

[2]) Ep. 213 въ Monumenta Franciscana I: putant fratres discreti, quod

Мы говорили, что въ союзѣ куріи и ордена надо различать то, что̀ курія дала ордену, и то, что̀ получила. Замѣтимъ, что съ точностью провести здѣсь границу далеко не легко. Пользуясь своей привилегіей имѣть cura animarum, францисканцы осуществляли ту программу духовнаго правленія, которая со времени клюнійской реформы стояла передъ папствомъ. Въ свою очередь, отправляя ихъ на миссіонерство къ невѣрнымъ, папы давали дѣлать имъ лишь то, что̀ составляло изъ призваніе. Результатъ былъ одинъ: орденъ поступилъ на службу правящей церкви.

Не въ однѣхъ привилегіяхъ у францисканцевъ лежала возможность вмѣстѣ съ доминиканцами сдѣлаться надежнѣйшей опорой папской политики. Бѣдность, отсутствіе собственности и вытекающая отсюда подвижность орденовъ позволяли располагать ими въ такой степени, какъ это не было ни съ однимъ изъ предшествующихъ монашескихъ орденовъ. Это была папская армія, не оставлявшая желать ничего лучшаго съ точки зрѣнія легкости ея мобилизаціи. Что касается до духа этой арміи, то не всегда папы могли быть ею довольны; но въ разсматриваемый періодъ еще рѣшительно преобладала гармонія орденовъ и куріи.

Другая сторона дѣла, которую мы можемъ признать самой важной, заключалась въ томъ, что ордена развили проповѣдническую дѣятельность и тѣмъ внесли нѣчто столь же новое, сколь и существенное въ отношенія свѣтскаго общества и церкви. Въ настоящее время мы знаемъ, какую ничтожную роль играла средневѣковая церковная школа въ воспитаніи народныхъ массъ. Голосъ учителя для нихъ замѣнился голосомъ проповѣдника, который училъ ихъ не началамъ латинской грамоты, а тому, какъ слѣдуетъ жить. И именно, францисканцы и доминиканцы внесли въ это дѣло столько жара, они такъ проникли въ жизнь народныхъ массъ, что съ полной справедливостью можно ихъ было назвать учителями народа. Они были истинными предшественниками великихъ учащихъ конгрегацій. И насъ не

---

multa et gravia attemptabuntur contra fratres in instanti concilio per praelatos diversarum partium orbis christiani.

удивитъ, что главный контингентъ ихъ учениковъ давали города [1]).

Менѣе всего мы встрѣтимъ у этихъ проповѣдниковъ тотъ типъ теологическаго искусственнаго краснорѣчія, которое впослѣдствіи нѣсколько поспѣшно признали господствующимъ въ средніе вѣка. „Проповѣдь этого времени", говоритъ Линзенмайеръ, „какъ общее правило, занимается моралью, а не догматикой" [2]). Это доказывается не только многими дошедшими до насъ проповѣдями, но и руководствами къ составленію ихъ, изъ коихъ мы видимъ, какіе предметы считались подходящими для проповѣди.

Возьмемъ гомилетику доминиканца Гумберта [3]). Здѣсь указывается, какъ и что надо говорить клиру и свѣтскимъ людямъ—феодальнымъ сеньорамъ, рыцарямъ, королевскимъ бальи, торговцамъ, ремесленникамъ, земледѣльцамъ, студентамъ, даже падшимъ женщинамъ,—указывается, на какія темы слѣдуетъ произносить проповѣди во время собраній парламента, на турнирахъ, на ярмаркахъ и рынкахъ, на городскихъ празднествахъ, при наказаніи еретиковъ и т. д. Это руководство даетъ очень любопытную картину средневѣковой жизни: символики, мистики здѣсь нѣтъ и слѣда, но есть разсказы, какъ сеньоры притѣсняютъ своихъ крестьянъ, какъ рыцари обижаютъ клириковъ и не защищаютъ вдовъ и сиротъ, какъ горожане въ своей гордости не хотятъ никого знать надъ собой, какъ купцы, ремесленники обманываютъ и т. д. Въ особенности этотъ народный характеръ проповѣди остался достояніемъ францисканцевъ; доминиканцевъ увлекала въ теологическія тонкости постоянная полемика съ еретиками, которую они сдѣлали своей главной спеціальностью. Единственный францисканскій проповѣдникъ этого періода, произведенія котораго, дошедшія до насъ, носятъ характеръ выспренной символики, былъ

---

[1]) См. Monum. Franciscana, I, Preface.

[2]) Linsenmayer—Geschichte der Predigt im Deutschland München, 1886. S. 357. Срав. Lecoy de la Marche: La Chaire française au moyen age. Paris, 1886.

[3]) „De eruditione praedicatorum", въ Biblioth. Maxima veterum patrum t. XXV.

Антоній Падуанскій [1]); но навѣрно иного рода были его проповѣди въ Лиможѣ, когда онъ не могъ найти въ городѣ достаточно просторной церкви, каковая могла бы вмѣстить всѣхъ желающихъ [2]).

Поразительный примѣръ дѣйствія проповѣди далъ итальянскій доминиканецъ Іоаннъ Виченцскій, прекратившій всѣ раздоры въ своемъ родномъ городѣ и такъ воспламенившій согражданъ своими призывами къ миру и нападками на ростовщичество, что гельфы мирились съ гибеллинами, а горожане разламывали долговыя тюрьмы и освобождали всѣхъ заключенныхъ [3]).

Какъ высоко оцѣнивалась дѣятельность проповѣдниковъ, мы можемъ видѣть изъ словъ того же Гумберта: для него проповѣдь даже важнѣе таинства. „Они (таинства) не приносятъ пользы безъ истиннаго познанія и доброй воли, а то и другое дается проповѣдью. Другіе охотно участвуютъ въ хвалѣ Богу, посѣщая церкви, но если они не принадлежатъ къ клиру, то не понимаютъ, что говорится во время службы, а проповѣдь они понимаютъ и потому въ ней яснѣе и доступнѣе для всѣхъ возносится хвала Богу. Еслибы не было проповѣдниковъ, весь міръ бы уподобился пустынной землѣ“ [4]).

Если папы расширили компетенцію орденовъ въ области, въ которой духовенство видѣло свою неотъемлемую собственность, это объяснялось тѣмъ, что въ ихъ глазахъ ордена обладали многими существенными преимуществами передъ клиромъ. Разъ эта мысль укрѣпилась, совершенно естественно было и другимъ способомъ ввести ордена въ cura animarum, замѣщая ихъ членами епископіи. Это было тѣмъ болѣе естественно, что клюнійцы и цистерзіанцы давно уже поставляли не только епископовъ, но и папъ. Затрудненіе здѣсь лежало не столько въ формально выраженномъ нежеланіи основателей обоихъ орденовъ, чтобы ихъ братья допускались къ церковнымъ достоинствамъ,

---

[1]) См. его Sermones de tempore etc. Parisii, ed. 1521.

[2]) Acta sanctorum. Juni II, 710, 726, 727.

[3]) Sigonii de Epis. Bonnon. 428. Thom. Cantiprat. II p. 613.

[4]) De erud. praed. c. 1—3.

сколько въ несоотвѣтствіи этого самому духу орденовъ. Какъ могъ новый епископъ сохранять обѣтъ абсолютной бѣдности? Какъ могъ онъ принадлежать одновременно правящей церкви и ордену? Мы увидимъ впослѣдствіи, что эта практика послужила однимъ изъ поводовъ къ расколу среди францисканцевъ. Замѣтимъ, что первоначально многія изъ этихъ назначеній были связаны съ миссіонерской дѣятельностью ордена [1]). Въ большинствѣ случаевъ папа лишь утверждалъ избраніе; иногда, когда церковь долго оставалась безъ епископа, онъ назначалъ [2]). Нѣтъ основанія предполагать, чтобы настроеніе соборныхъ капитуловъ было благопріятно нищенствующимъ орденамъ, но папы всегда поощряли избраніе епископа изъ нихъ, слѣдуя мысли кардинала Уголино [3]).

Еще важнѣе для папъ была возможность брать изъ но-

---

[1]) См. Аквеллъ, еп. Марокскій 27 мая, 1232 г.; Лупъ, еп. Марокскій 18 мая 1255 г.; Петръ Карѳагенскій и т. д. Срав. у доминиканцевъ Іоаннъ, еп. Ютландіи; Бернардъ, еп. Галиційскій; Ѳеодоръ, еп. Куманскій; Раймундъ, еп. Тулузскій; Іоаннъ, еп. Боснійскій; Герардъ, еп. Рутенскій; Менардъ, еп. Ливонскій и т. п. И у доминиканцевъ большинство получили епископіи въ странахъ, гдѣ приходилось вести усиленную миссіонерскую дѣятельность, зараженныхъ ересью и схизмой. Вообще, доминиканцы количествомъ епископовъ, вышедшихъ изъ ихъ ордена, стояли впереди францисканцевъ. Срав. списки въ Bull. Praed. I и Bull. Franc. V.

[2]) См. буллу 17 апр. 1253.

[3]) „По многимъ причинамъ“, говоритъ Эрле, „францисканцы, названные своимъ основателемъ меньшими братьями, дабы они не стремились получать церковныхъ достоинствъ, тѣмъ не менѣе, вскорѣ стали возводиться въ эти достоинства. Во-первыхъ, силой вещей нищенствующіе братья дѣйствовали миссіонерами среди язычниковъ и сарацинъ и получали епископскій санъ по возстановленіи или учрежденіи тамъ іерархіи. Такъ было въ Сѣверной Африкѣ, среди татаръ и другихъ племенъ Азіи, въ сѣверной части Европы (Пруссіи, Ливоніи, Эстоніи). Кромѣ того, по многимъ причинамъ и римскіе первосвященники, и свѣтскія власти, и капитулы свободныхъ учрежденій и, наконецъ, епископы, къ которымъ обращались съ ходатайствомъ другіе, подчиненные имъ епископы, привлекали братьевъ къ полученью епископскихъ достоинствъ, какъ въ странахъ, которыя уже давно принадлежали христіанской церкви, такъ и въ тѣхъ, которыя нѣкогда принадлежали христіанамъ, а впослѣдствіи были заняты невѣрными. См. Die Spiritualen, S. 566 въ Archiv für Litteratur und Kirchengeschichte des Mittelalters, III.

выхъ орденовъ своихъ легатовъ. При порученіяхъ, съ которыми посылали братьевъ, они не всегда получали этотъ титулъ; часто они являлись въ качествѣ простыхъ нунціевъ [1]). Папы пріобрѣли въ нихъ превосходныхъ исполнителей. Вотъ, какъ характеризуетъ Матвѣй Парижскій двухъ миноритовъ, которыхъ Иннокентій IV послалъ въ 1247 г. въ Англію [2]): „они пришли, вооруженные многочисленными папскими буллами, проникли къ королю, сохраняя внѣшнюю простоту, съ опущеннымъ лицомъ, съ льстивыми словами; скрывая подъ овечьей шкурой волчью прожорливость, они блуждали по странѣ и выпрашивали подаяніе на дѣло папы“.

Порученія, даваемыя братьямъ, были самыя разнообразныя: они охватывали чисто духовную область, наблюденіе за клиромъ и свѣтскимъ обществомъ, борьбу съ ересью, миссіонерство. Враги куріи, хотя бы на чисто политической почвѣ, легко становились врагами церкви,—достаточно было отлучить ихъ. Наконецъ, они же служили ей и для порученій фискальнаго характера, сборовъ, на которые предъявляла притязанія курія въ различныхъ церквахъ и государствахъ. Напомнимъ, что вслѣдствіе своихъ привилегій новые ордена были цѣликомъ въ рукахъ папъ: епископы не могли давать имъ никакихъ порученій.

Обращаясь къ миссіямъ чисто-духовнаго характера, мы на первомъ планѣ должны поставить надзоръ за духовенствомъ. Если попытки поднять его уровень были безуспѣшны, если „perniciosum argumentum“ оставался неопровергнутымъ, приходилось прибѣгать къ обычнымъ средствамъ воздѣйствія власти. Защищая такъ энергично свѣтскую неподсудность клира, папы не хотѣли, однако же, дѣлать его безотвѣтственнымъ. Здѣсь имъ служили легаты: функціи этихъ послѣднихъ не ограничивались простымъ контролемъ; обычно имъ предоставлялась и исполнительная власть—

---

[1]) Иногда имъ давался титулъ викаріевъ легатовъ, со всѣми правами этихъ послѣднихъ. См. буллу 29 янв. 1255 г. папскому пенитенціарію Руфу въ Сициліи.

[2]) Hist. Maior. IV, 599.

производить слѣдствіе, карать виновныхъ и т. п. Въ обычномъ порядкѣ эти дѣла подлежали епископскому суду, но курія всегда охотно ограничивала его компетенцію въ пользу легатовъ. Точно также во всякаго рода спорахъ между епископами, капитулами и монастырями, вообще, спорахъ среди духовенства и монашества папы стремились привлекать къ разбирательству аббатовъ, декановъ, съ основаніемъ нищенствующихъ орденовъ также и орденскихъ прелатовъ— министровъ, кустодовъ, гвардіановъ изъ францисканцевъ, магистровъ и пріоровъ изъ доминиканцевъ [1]).

Когда назначалось слѣдствіе, то, кромѣ мѣстнаго епископа, привлекались одинъ или чаще двое отъ монашества. Если обвинялся епископъ, его дѣйствія поручали разсматривать обычно другому епископу, при участіи двухъ „regulares". Такимъ образомъ, эти комиссіи существенно ограничивали епископскую власть. Они провѣряли также епископскіе выборы и могли ихъ кассировать, рѣшали споры, признавали или отвергали притязанія епископовъ, наконецъ, могли, въ случаѣ упорства, вызывать его къ суду папъ. При этомъ могло случаться, что епископъ и аббатъ постановляли приговоръ надъ архіепископомъ [2]). Тѣмъ болѣе такое нарушеніе іерархическаго принципа бросалось въ глаза, когда папскій нунцій, простой монахъ, получалъ власть надъ главой мѣстной церкви [3]).

Въ занимающій насъ періодъ главныя порученья, кото-

---

[1]) См. при Инокентіи III порученія: разслѣдовать споръ епископа съ капитуломъ (R. P. 223)—дано арх. Битурійскому, аббату С. епархіи и декану Петрагорицензійскому; id. 255, 258, 314, 324, 346, 588, 725, 850, 876, 942, 1186, 1354, 1497, 1786, 2029, 2074, 2099, 2113, 2167, 2374, 2424 (аббатъ и деканъ должны отлучить архіепископа) 2515, 2535, 2700, 4222.

[2]) R. P. 832: епископъ Линкольнскій и аббатъ св. Эдмунда должны заставить архіепископа Кентерберійскаго возвратить монастырю Анельдрійскому отнятое у него.

[3]) Иннокентій III и здѣсь отличался большой осторожностью. Онъ пишетъ монахамъ, бывшимъ его легатами на театрѣ войны съ альбигойцами: „ne archieriscopum Narbonensem ob ea crimina, de quibus convictus est, molestia afficiant, sed si quid forsitan contra promissionem suam et iussionem sedis apostolicae praesumpserit operari, pontifici fideliter intimant". Ep. IX, 66, у Migne 215. Срав. Reg. 4750.

рыя даются миноритамъ [1]), касаются провѣрки правильности выборовъ. Это было весьма важное средство въ рукахъ куріи вліять на составъ епископовъ. Контроль не ограничивался только клиромъ, онъ простирался и на монастыри. Разсмотримъ одинъ примѣръ: 19 мая 1253 г. Иннокентій IV поручилъ гвардіану Герундина провѣрить правильность выбора аббата бенедиктинскаго монастыря въ Герундинѣ. Въ этомъ монастырѣ, подчиненномъ непосредственно папѣ, монахи по смерти аббата избрали его преемникомъ нѣкоего Вильгельма де-Колле,— избрали „concorditer et canonice“ и, отправивъ папѣ извѣстіе, просили его утвердить выборъ. Такъ какъ папѣ принадлежала особая власть надъ монастырями, изъятыми изъ вѣдѣнія епископовъ, онъ поручаетъ гвардіану произвести слѣдствіе относительно монаховъ, просившихъ утвердить этого аббата, и относительно личности самого избраннаго [2]), и если результаты будутъ благопріятны, утвердить [3]). Въ противоположномъ случаѣ онъ долженъ кассировать выборъ и произвести новый; если кто нибудь станетъ противорѣчить, надо примѣнить въ дѣло „censura ecclesiastica“. Мы видимъ, что вторичный выборъ происходитъ при близкомъ участіи гвардіана. Очень обычно при разслѣдованіяхъ относительно епископскихъ выборовъ привлекаются представители обоихъ орденовъ [4]); иногда, напротивъ, это

---

[1]) Весьма часто подобныя привилегіи противорѣчили привилегіямъ ордена, избавлявшимъ его отъ обязанности надзора за монастырями, вообще, отъ участія въ мѣстныхъ церковныхъ дѣлахъ. Въ этомъ, однако, папы не видѣли большого препятствія; они лишь прибавляли оговорку „не смотря на данныя вамъ привилегіи“. См. 8 мар. 1256 г.: „non obstante indulgentia, qua fratribus vestrorum ordinum, prout dicitur, a sede Apostolica est concessum, quod se de causis non teneantur intromittere per litteras sedis ejusdem quae de indulgentia huiusmodi non fecerint mentionem“. Замѣтимъ, однако, что эти оговорки получили болѣе широкое примѣненіе въ слѣдующемъ періодѣ орденской исторіи.

[2]) „Mandamus, quatenus inquisita de modo postulationis, postulationis studio et postulati meritis diligentius veritatis, si postulationem ipsam inveneris ad personam idoneam canonice celebratam illius auctoritate nostra confirmas“.

[3]) „Facias ipsi Monasterio de persona idonea per electionem et postulationem canonicam provideri.

[4]) 21 фев. 1254 г.—порученье пріору доминиканцевъ и министру фран-

слѣдствіе предоставляется епископу и прелату одного изъ орденовъ [1]). Даже выборы въ женскихъ монастыряхъ подчинялись часто контролю миноритовъ [2]).

Съ самаго начала минориты были привлечены и къ слѣдствіямъ о различныхъ злоупотребленіяхъ среди духовенства. Жители Лиссабона подали жалобу Гонорію III на корыстолюбіе ихъ епископа и прелатовъ, которые заставляютъ ихъ завѣщать $^1/_3$ или $^1/_4$ имущества церквамъ, угрожая иначе лишеньемъ таинствъ. Здѣсь слѣдствіе предоставлено было лиссабонскимъ миноритамъ, доминиканцамъ и братьямъ милиціи св. Іакова (29 мар. 1222 г.). Въ 1240 Григорій IX поручилъ доминиканцамъ и францисканцамъ Плаценціи, при участіи архидіаконовъ и аббатовъ, вслѣдствіе отсутствія епископа, рѣшать дѣло о священникахъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ, и если обвиненія подтвердятся, низложить ихъ (12 іюля). Еще важнѣе была комиссія, данная папскому нунцію въ Англіи, миноритy Іоанну: онъ долженъ былъ исправить многочисленныя и тяжкія злоупотребленія, укоренившіяся въ англійской церкви; священники тамъ, по словамъ папы, отчуждали свѣтскимъ людямъ патронатъ и адвокатіи надъ церковью; иногда покупателями этихъ выгодныхъ правъ являлись монахи, завѣдующіе, такимъ образомъ, приходскими церквами. Сами прежніе исполнители папскихъ порученій повинны были въ тяжкихъ преступленіяхъ; они отлучали аббатовъ и пріоровъ, у которыхъ было право представлять кандидатовъ на извѣстныя церковныя бенефиціи, и вмѣсто того представляли своихъ родственниковъ; нѣкоторые выдавали себя за нунціевъ, вымогали деньги. Въ виду всѣхъ этихъ злоупотребленій, брату Іоанну предоставлено право, взявъ себѣ въ помощники изъ свѣтскихъ людей, духовен-

---

цисканцевъ Сиріи разслѣдовать правильность выбора архіепископа Кипрскаго.

[1]) 8 мар. 1255 г. Для слѣдствія надъ выборомъ еп. Ниверненскаго, который оказался человѣкомъ вполнѣ невѣжественнымъ и вдобавокъ съ крупнымъ недостаткомъ зрѣнія, были назначены епископъ Парижскій и провинціальный министръ Франціи; въ случаѣ отказа избраннаго подчиниться, они должны были вызвать его въ Римъ.

[2]) См. 9 іюля 1255 г. разслѣдованье выборовъ въ Апрутинскомъ монастырѣ св. Маріи.

ства или монаховъ, кого онъ хочетъ, разслѣдовать всѣ отчужденія, продажи и покупки патроната; если что нибудь продано неотчуждаемое (какъ cum spirituali adnexam), кассировать это, вымогателей заставить вернуть деньги, противъ ослушниковъ употребить въ дѣло церковное отлученіе [1]).

Но дѣятельность новыхъ орденовъ была еще болѣе направлена на свѣтское общество, чѣмъ на клиръ; именно, у перваго они должны были сдѣлаться охранителями истинной религіозности. Основнымъ внѣшнимъ орудіемъ здѣсь у нихъ служило право налагать интердиктъ и освобождать отъ него. Иногда имъ предоставлялась здѣсь лишь исполнительная роль, иногда давалось мѣсто и ихъ собственному усмотрѣнію [2]). Но, безъ сомнѣнія, главными средствами воздѣйствія на общество оставались проповѣдь и исповѣдь, и, надѣляя своихъ вѣрныхъ помощниковъ этой привилегіей, правящая церковь значительно увеличила свою собственную власть надъ умомъ и совѣстью народовъ.

Изъ этой же привилегіи вытекала одна функція орденскихъ братьевъ, которая представляла цѣнное средство вліянія на людей, власть имущихъ. При разроставшейся популярности новыхъ орденовъ, многіе монархи и знатные люди желали имѣть ихъ своими духовниками, и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, францисканцы и доминиканцы являлись истинными предшественниками іезуитовъ. Чтобы оцѣнить вліяніе этихъ духовниковъ, достаточно вспомнить здѣсь имена Елизаветы Тюрингской и

---

[1]) См. также 27 апр. 1255 г. порученье гвардіану въ Пимаролье вмѣстѣ съ картузіанцами реформировать бенедиктинскій монастырь Св. Михаила.

[2]) Такъ, министру Іакову Григорій IX поручилъ освободить отъ отлученія португальскаго короля—14 іюня 1233 г. Иннокентій IV далъ право разрѣшать отъ отлученія всѣхъ, кто подпалъ ему, приставши къ Фридриху II и его сторонникамъ (15 февр. 1247 г. и 23 янв. 1248). Александръ IV далъ францисканцамъ, посланнымъ въ Ливонію, право отлучать всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, которыя станутъ оказывать помощь язычникамъ (6 авг. 1255 г.); брату Мансуету—порученіе сложить интердиктъ съ Пизанцевъ, принесшихъ клятву повиноваться римской церкви. Наконецъ, въ перечисленіи привилегій братьямъ 19 апр. 1258 г. онъ предоставляетъ имъ occisores clericorum et religiosarum personarum absolvere.

Конрада Марбургскаго. Повидимому, сначала, особенно среди женщинъ, являлось желаніе имѣть своими духовниками братьевъ [1]).

Еще важнѣе и незамѣнимѣе для церкви были заслуги орденовъ, которыя они оказали, охраняя чистоту вѣры въ обществѣ. Позднѣйшая исторія борьбы католицизма съ враждебными ему силами, борьбы, наполненной тріумфами для церкви и запятнавшей ее самыми ужасными преступленіями, быть можетъ, которыя извѣстны исторіи, вообще, ведетъ начало отъ основанія нищенствующихъ орденовъ.

До начала XIII вѣка, хотя духъ нетерпимости уже давно проникъ въ церковь, она не обладала никакими систематическими средствами проводить его въ жизнь. Мы знаемъ, напримѣръ, что даже такой крупный ересіархъ, какъ Готшалькъ, подвергся лишь дисциплинарной карѣ за нарушеніе бенедиктинскаго Правила [2]). Тангельмъ, предшественникъ нѣмецкихъ анабаптистовъ XVI в., несмотря на отлученіе, не подвергся преслѣдованію церкви. Обычай сожженія существовалъ уже и въ этотъ періодъ, но примѣненіе этой кары носило довольно случайный характеръ. Епископы, поглощенные массой свѣтскихъ отношеній, въ общемъ не имѣли ни времени, ни охоты заниматься систематическимъ искорененіемъ ереси. Монахи, хотя болѣе ревностно охраняли чистоту вѣры, но ихъ правила не возлагали на нихъ никакихъ обязанностей активной борьбы. Чаще всего призывъ къ преслѣдованію раздается на мѣстныхъ соборахъ, но столь же часто онъ остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ [3]). Самые соборы, впрочемъ, далеко не были согласны въ установленіи наказанія за ересь. Вообще

---

[1]) См. 27 анв. 1248 г. Папа разрѣшаетъ брату Франку быть исповѣдникомъ австрійской герцогини. 26 мая 1254 г.—порученіе французскому министру предоставить Изабеллѣ, сестрѣ короля „aliquot fratres ad honestatis decorum et conscientiae arcana excipienda“. См. также 26 іюля 1255 г. предоставленіе графу Пемброку минорита Петра въ качествѣ исповѣдника.

[2]) Hinctari Remensis Opera I, p. 552, 262, II, p. 362. Ed. Parisii, 1645.

[3]) Lea History of Inquisition, I p, 225. New-Iork, 1888. Срав. 23 пост. Тулузскаго собора 1119 г. (Mansi, v. 21, p. 226), 18 п. Реймскаго собора 1148 г. (Mansi v. 21, p. 718), 4 п. Турнскаго собора (Mansi, v. 21, p. 1177).

говоря, суровость къ еретикамъ росла: если Реймскій соборъ 1049 г. ограничивается ихъ отлученіемъ, то соборъ 1157 г. въ томъ же городѣ назначаетъ для упорствующихъ еретиковъ (perfecti) [1]) вѣчное заточеніе. У самыхъ крупныхъ представителей церкви XI и XII вв. мы замѣчаемъ большую мягкость въ данномъ вопросѣ сравнительно съ той теоріей и практикой, которыя усвоила церковь съ начала XIII в. Григорій VII выразилъ крайнее неудовольствіе на сожженіе въ Камбре одного катара и велѣлъ разслѣдовать это дѣло [2]). Александръ III, несмотря на тревогу, которую ему внушало распространеніе катаровъ въ Лангедокѣ, рекомендовалъ въ 1163 г. лишь заключеніе въ тюрьму еретиковъ и конфискацію ихъ имуществъ [3]). Бернардъ Клервосскій, по поводу сожженія народомъ катаръ въ Кельнѣ, одобряя до извѣстной степени выказанную здѣсь ревность, осуждалъ, однако, самое убійство, ибо „вѣра должна распространяться убѣжденіемъ, а не силой“ [4]). Когда еп. Шалонскій колебался, что ему дѣлать съ еретиками и не слѣдуетъ ли ихъ предавать въ руки свѣтской власти, онъ обратился за совѣтомъ къ льежскому еп. Вазону, который убѣждалъ его „не дѣлать этого и не отдавать ихъ на жертву народной ярости“ [5]).

Въ теченіе XI и XII вѣковъ мы замѣчаемъ весьма интересный фактъ: часто инициатива въ преслѣдованіи еретиковъ принадлежитъ свѣтской власти или даже народной толпѣ, дѣйствующей противъ воли церкви. Первое сожженье катаровъ во Франціи совершено было по приказу короля Роберта въ Орлеанѣ въ 1022 г., и церковь не принимала здѣсь, повидимому, никакого участія [6]). Еретики, повѣшанные въ Госларѣ по приказанью императора Генриха III, тоже

---

[1]) Mansi, v. 21, p. 843. Для исторіи отношенья церкви къ еретикамъ важно: Havet, L'hérésie et le bras seculier du. moyen âge. Bibliothèque de l'Ecole des Chartes, 1880, p. 488 № 570.

[2]) Monum germ. VII, 546.

[3]) Ep. 118 и 122, у Mignet. 200.

[4]) Ep. 172, у Migue 182. Срав. Sermo LXVI „de erroribus haereticorum“ — Migue 183, p. 1093.

[5]) Anselmi Gesta epis. Leodicensis c. 62—Mon. Ger. VII.

[6]) Annales Benedictini. IV, 708.

не подверглись никакому суду церкви. Мы уже говорили о случаѣ народнаго самосуда въ Кельнѣ 1145 г.; такіе примѣры не единичны; въ 1114 г. епископъ Суассонскій заключилъ еретиковъ въ тюрьму и хотѣлъ рѣшить дѣло о ихъ участи на мѣстномъ соборѣ, но народъ, опасаясь чрезмѣрной снисходительности прелатовъ (clericalem verens molitiam), вывелъ осужденныхъ изъ тюрьмы и сжегъ; въ 1144 г. епископъ Льежскій едва могъ спасти еретиковъ отъ сожженья народомъ [1]). Замѣтимъ, что и свѣтское законодательство еще не знало суровыхъ каръ за ересь, вошедшихъ въ употребленье съ XIII в.

Съ конца XII в. картина быстро начинаетъ мѣняться: напряженная борьба, которую приходится вести католической церкви противъ катаровъ, сопровождается страшнымъ подъемомъ нетерпимости, которая находитъ полное выраженье и въ свѣтскомъ законодательствѣ. Въ 1197 г. Петръ II Арагонскій вводитъ въ свой кодексъ сожженіе за ересь, ему слѣдуетъ Людовикъ VIII [2]) и Фридрихъ II, законы коего противъ ереси имѣли особенно печальныя слѣдствія; статутъ 1220 г. еще довольствуется угрозой конфискаціи имущества еретиковъ и объявляетъ ихъ внѣ покровительства закона, но въ драконовской конституціи 1224 г. виновные въ ереси подвергаются сожженію, или у нихъ вырывается языкъ [3]), а по сицилійскому кодексу 1231 г. сожженіе вводится исключительной карой за ересь [4]). Заподозрѣнные въ ереси должны очиститься, иначе они теряютъ всѣ гражданскія права, и если это продолжается годъ, они наказываются, какъ изобличенные еретики. Раскаявшіеся подвергаются пожизненному тюремному заточенію. Вся собственность еретика конфискуется, дѣти его не только лишаются наслѣдства, но и теряютъ всякія гражданскія права. Виновные въ покровительствѣ еретикамъ подлежатъ императорскому банну и объявляются внѣ закона. Дома еретиковъ разрушаются до основанія. Если какой-нибудь феодальный

---

[1]) Guib de Nogent. I, 15.

[2]) Ordonnances des rois de France. I, p. 51.

[3]) Huillard-Bréholles, Historia Diplomatica Frederici II, v. II p. 421

[4]) Ib. IV p. 5 „De haereticis et patarenis“.

сюзеренъ не исполняетъ этихъ постановленій, его владѣнія занимаютъ католическія войска и устанавливаютъ тамъ надлежащій режимъ [1]).

Со времени Иннокентія III папы идутъ рука объ руку со свѣтской властью въ преслѣдованіи еретиковъ. Иннокентій III былъ неумолимъ, возбуждая крестоносцевъ противъ альбигойцевъ въ южной Франціи. Его преемники, несмотря на вражду съ Фридрихомъ II, всячески содѣйствовали упроченію его законодательства [2]). Но недостаточно было законовъ, хотя бы и самыхъ драконовскихъ, для искорененія ереси, надо было создать организацію, посредствомъ которой еретики преслѣдовались-бы и отдавались-бы на жертву этимъ законамъ. Замѣчательно, что здѣсь церковь лишь путемъ многочисленныхъ опытовъ пришла къ той организаціи инквизиціи, которая осталась неизмѣнной съ конца XIII в. до конца XVIII в. Въ 1184 г., на совѣщаніи въ Веронѣ Люція III и Фридриха Барбаруссы, дѣло поимки и преслѣдованія еретиковъ было предоставлено епископамъ, а приходскіе священники должны были представлять подозрѣваемыхъ въ ереси [3]). Эту систему авиньонскій соборъ попытался ввести въ завоеванныхъ у альбигойцевъ областяхъ (1204 г.) [4]), и обязанности епископовъ были подтверждены на латеранскомъ соборѣ 1215 г. Въ 1227 г. нарбоннскій соборъ поручилъ всѣмъ епископамъ установить въ приходахъ testes synodales, которые должны производить слѣдствіе въ подозрительныхъ случаяхъ и передавать обвиняемыхъ суду епископа. Всѣ эти мѣры были малоуспѣшны, и, по свидѣтельству Луки Туденскаго, большинство современнаго ему клира было довольно равнодушно къ борьбѣ съ ересью [5]).

---

[1]) См. Ficker, Die gesetzliche Einführung der Todesstrafe für Ketzerei, въ Mittheilungen des Instituts für oesterreichische Geschichtsforschung B. I, 1880, S. 179—226.

[2]) Lea, History of Inquisition. New Iork 1888 I. 322—3.

[3]) Ep. 171, у Mignet. 201.

[4]) Douais—Les sources de l'histoire de l'inquisition.—Revue des questions historique, 1881, Octobre,

[5]) См манускриптъ De activa vita, Національной Парижской библіотеки, Coll. Douaix, t. XXV.

Со времени Григорія IX дѣло все больше и больше переходитъ въ руки орденовъ. Буллу 20 апр. 1233 г., обращенную къ доминиканцамъ, можно считать основаньемъ инквизиціи въ ея позднѣйшей формѣ [1]). Доминиканцамъ предоставлено право лишать клириковъ, изобличенныхъ въ потворствѣ ереси, церковныхъ бенефицій и призывать для этого на помощь, если понадобится, и свѣтскую власть. Однако, папа не имѣлъ въ виду исключать епископскую юрисдикцію въ пользу доминиканской; это доказывается буллой 27 мая 1234 г. къ епископамъ, подчиненнымъ архіепископу Безье, облекающей ихъ такой же юрисдикціей, какую далъ епископамъ Люцій III и латеранскій соборъ. Даже въ самомъ доминиканскомъ орденѣ инквизиція не сразу получила окончательную организацію; лишь постепенно выработалось правило поручать дѣла о ереси отдѣльнымъ братьямъ, спеціально для этого выбраннымъ. Подобно своему предшественнику, и Иннокентій IV колебался между различными формами инквизиціоннаго процесса; въ 1245 г., разрѣшая инквизиторамъ измѣнять прежнія судебныя рѣшенія, онъ требовалъ, чтобы они при этомъ спрашивали согласія священниковъ [2]). Въ письмѣ своемъ 1251 года онъ выражаетъ намѣреніе передать всѣ дѣла о ереси инквизиторамъ, и въ томъ же году далъ доминиканцамъ полную власть бороться съ ней въ Кремонѣ [3]); въ 1255 г. онъ обязываетъ инквизиторовъ и епископовъ дѣйствовать совмѣстно. Какъ и въ другихъ отношеніяхъ, Александръ IV возстановилъ здѣсь права нищенствующихъ орденовъ; въ 1257 г. онъ освободилъ инквизиторовъ отъ обязанности совѣщаться съ епископами даже въ случаѣ упорной ереси [4]).

Много было причинъ, почему новая форма пріобрѣла въ церковной жизни такое распространеніе и вытѣснила епископскую инквизицію. Прежде всего инквизиторы спеціаль-

---

[1]) Въ буллѣ 3 фев. 1232 г. есть рекомендація герцогу Брабанта доминиканцевъ, посланныхъ въ Германію, для борьбы съ ересью, но здѣсь говорится лишь о борьбѣ путемъ проповѣди.

[2]) Vaissette, Histoire du Languedoc III, 452, Lea I, 333.

[3]) Regestra Innocentii IV, n° 5345 въ Bibliothèque de l'école Française.

[4]) Lea, p. 334.

но и исключительно отдавались дѣлу преслѣдованія ереси, не отвлекаясь никакими прочими заботами. Далѣе, благодаря своей подвижности и отсутствію собственности, опираясь на привилегіи, они не терпѣли того давленія свѣтскаго общества и свѣтскихъ отношеній, съ которыми неизбѣжно приходилось считаться епископамъ; они дѣйствовали совершенно независимо и на свой страхъ, не обязанные отчетомъ никому, кромѣ папы. Притомъ, дѣйствія епископовъ не могли быть объединены, каждый изъ нихъ имѣлъ власть только въ своей діоцезѣ; дѣйствія же отдѣльныхъ инквизиціонныхъ трибуналовъ были строго согласованы; еретикъ, покидая мѣстожительство, не избѣгалъ этимъ ихъ сѣтей. Наконецъ, и настроеніе ниществующихъ братьевъ, безкорыстно жертвовавшихъ всей своей личной жизнію, несравненно болѣе соотвѣтствовало ихъ новымъ обязанностямъ. Это одинъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ, показывающихъ, какое приращеніе силъ получила церковь для воздѣйствія на свѣтское общество благодаря основанію нищенствующихъ орденовъ.

Какъ мы уже говорили, пріоритетъ въ дѣлѣ инквизиціи принадлежитъ доминиканцамъ. Съ самаго начала орденъ имѣлъ главной задачей борьбу съ ересью путемъ проповѣди; однако, самъ Доминикъ въ качествѣ легата не ограничивался увѣщаньемъ, а въ случаѣ упорства еретиковъ передавалъ ихъ свѣтской власти на сожженіе [1]). Что касается миноритовъ, то первоначально не только инквизиціонное преслѣдованье еретиковъ было имъ совершенно чуждо, но

---

[1]) Такъ слѣдуетъ изъ его біографіи, составленной епископомъ Константиномъ Медичи, с. 30: praedicante aliquando viro Dei Dominico in partibus tolosanis contigit quosdam haereticos captos et per eum convictos, cum redire nollent ad fidem Catholicam, tradi iudicio saeculari. Cumque essent incendio deputati etc. Издатель его, Эйхгардтъ, старался опровергнуть, доказывая, хотя и не убѣдительно, что Доминикъ ограничивался увѣщаньемъ. Болландисты не раздѣляютъ его мнѣнія и съ безподобной наивностью прибавляютъ „at quid obsecro piaculi et dedecoris in S. Dominicum redundaret, si hic ex subdelegata Ecclesiastica potestate pervicaces haereticos brachio seculari, ut vulgo loquimur, puniendos tradidisset, quemadmodum illis resipiscentibus ex eadem legati Apostolici auctoritate poenitentiam iniunxit"—Acat Sanct. Aug. I p. 411.

и самая полемика, изобличенье не входили въ ихъ задачи. Они должны были лишь проповѣдовать католическую вѣру и жить по этой вѣрѣ [1]). Но мы уже говорили, что папство во всемъ хотѣло сравнять права и функціи обоихъ орденовъ. Не безопасно было отдавать все дѣло преслѣдованья одному ордену по той же причинѣ, по которой въ XVII в. не сочли возможнымъ предоставить дѣло обученья исключительному завѣдованью іезуитовъ. Соперничество орденовъ служило лучшей гарантіей ихъ ревности. Замѣтимъ, однако, что хотя францисканцы раздѣлили всѣ обязанности доминиканцевъ въ дѣлѣ инквизиціи, эти послѣдніе всегда оставались инквизиторами pare excellence, между тѣмъ какъ у ихъ младшихъ собратьевъ, не смотря на искаженье первоначальной идеи ордена, часто проявляется извѣстная оппозиція противъ этихъ кровавыхъ обязанностей, данныхъ имъ куріей.

Первая булла, возлагавшая на миноритовъ инквизиторскія обязанности, дана была 24 апрѣля 1238 г.; она обращена къ наваррскому министру францисканцевъ и магистру доминиканцевъ, дабы они назначили изъ своихъ орденовъ особыхъ инквизиторовъ для Наварры. Иннокентій IV рекомендуетъ всѣмъ епископамъ Южной Франціи, прежде чѣмъ присуждать еретиковъ къ казни, пожизненному заточенью или путешествію въ Св. Землю, стараться ихъ обратить къ истинной вѣрѣ при помощи „братьевъ"—повидимому, обоихъ ордеровъ,—„тогда", прибавляетъ папа, „если они захотятъ обратиться, то и себя спасутъ и другихъ еретиковъ выдадутъ, вмѣстѣ съ ихъ покровителями" (12 нояб. 1247 г.). Въ 1252 г. папа обратился ко всѣмъ подестамъ и муници-

---

[1]) Для насъ не совсѣмъ ясно отношенье самого Франциска къ еретикамъ: считалъ ли онъ нужнымъ бороться съ ними лишь убѣжденіемъ? Повидимому, онъ настолько вѣрилъ въ неотразимую силу церковнаго ученья и согласной съ нимъ жизни, что не думалъ о другихъ средствахъ. Что касается до того пункта Завѣщанья, на который мы уже указывали,—о предоставленьи братьевъ, уклонившихся въ ересь, власти церкви, то надо принять во вниманье, что самое привилегированное положенье францисканцевъ и ихъ авторитетъ дѣлали бы братьевъ-еретиковъ особенно опасными.

піямъ Сѣверной и Средней Италіи (15 мая). Каждый ректоръ или подеста, вступающій въ должность, на третій день по вступленіи даютъ полномочія особой комиссіи для борьбы съ ересью, состоящей изъ 12 надежныхъ людей (viri probi), при которыхъ состоятъ два нотаріуса и два служителя. Выборъ этихъ viri probi поручается епископу, „если онъ присутствуетъ и захочетъ принять участіе въ дѣлѣ", двумъ доминиканцамъ и двумъ францисканцамъ, назначаемымъ прелатами ихъ орденовъ. Наконецъ, въ 1254 г. папа значительно расширяетъ и права инквизиторовъ, и сферу ихъ дѣятельности (23 марта). Инквизиторамъ изъ обоихъ орденовъ онъ далъ широкія полномочія: идущихъ въ крестовый походъ противъ еретиковъ они могли освобождать отъ отлученья и интердикта, прощать имъ неисполненіе прежнихъ обѣтовъ. Крестоносцы же противъ еретиковъ получили такія же привилегіи, какъ идущіе въ Святую Землю,— слушать церковную службу во время общаго интердикта; если у нихъ есть что-нибудь пріобрѣтенное неправильнымъ путемъ (male acquisita), то они обязаны возвратить эти приобрѣтенья лишь въ томъ случаѣ, когда по вызову священника явятся пострадавшіе; иначе эти средства идутъ на борьбу съ ересью. Примѣненіе этихъ привилегій предоставляется инквизиторамъ, доминиканцамъ и францисканцамъ. Далѣе (28 мар. 1254 г.) папа предоставилъ орденамъ дѣло инквизиціи въ Римѣ, Патримоніи Св. Петра, Анціумѣ, Ломбардіи, Романьи, Мархіи и Тусціи. Инквизиторовъ назначаютъ министры или кустоды; они должны всецѣло посвятить себя искорененью ереси [1]). Они дѣйствуютъ противъ еретиковъ и ихъ покровителей, примиряютъ съ церковью возвращающихся къ ней, отлучаютъ тѣхъ, которые будутъ мѣшать ихъ дѣятельности; напротивъ того, людямъ, которые помогутъ инквизиціи, они даютъ трехгодичную, а кто пойдетъ въ крестовый походъ противъ еретиковъ,—полную индульгенцію. Далѣе они получили права (12 апр.) истолковывать статуты противъ еретиковъ, удалять дѣтей не

---

[1]) Totis assumentes affectibus et ferventibus animis prosequentes ad exstirpandam pravitatem haereticam sollicite et efficaciter laborantes.

только самихъ еретиковъ, но и ихъ покровителей—съ гражданскихъ должностей. Прибавлена характерная подробность, что имена свидѣтелей не сообщаются обвиняемымъ. Наконецъ, 20 мая 1254 г. всѣ предшествовавшія постановленія были собраны во-едино и дополнены нѣкоторыми другими. Папа требуетъ, чтобы законы противъ еретиковъ сдѣлались частью городского законодательства. Всякій человѣкъ можетъ арестовать еретика и завладѣть его имуществомъ, но въ особенности это вмѣняется въ обязанность двѣнадцати оффиціаламъ, о выборѣ которыхъ мы уже говорили: срокъ ихъ службы опредѣляется въ шесть мѣсяцевъ, послѣ чего назначаются другіе; города покрываютъ всѣ расходы. Осужденныхъ подвергаютъ пыткѣ [1]) съ цѣлью вынудить ихъ обращенье и выдачу соучастниковъ; ихъ жилища сносятся до основанья. Тѣ, кто изобличены лишь въ покровительствѣ еретикамъ, подвергаются безчестью и потерѣ политическихъ правъ. Во всякомъ городѣ составляется четыре списка съ именами заподозрѣнныхъ и изобличенныхъ въ ереси: одинъ изъ нихъ сохраняется у муниципальныхъ властей, другой у епископа, третій у доминиканцевъ, четвертый у францисканцевъ; и эти списки публично прочитываются три раза въ годъ. Вообще, наказанья за ересь ни въ коемъ случаѣ не смягчаются: конфискованное имущество дѣлится на три части: одна предоставляется муниципальнымъ властямъ, другая оффиціаламъ, третья поступаетъ въ фондъ для дальнѣйшей борьбы съ ересью. Никакія привилегіи, противорѣчащія этимъ статутамъ, не имѣютъ силы.

Инквизиціонныя обязанности кончались передачей виновныхъ въ руки свѣтской власти. Иннокентій IV потребовалъ, чтобы законы Фридриха II противъ еретиковъ были приняты во всѣ городскія законодательства. Полномочія, предоставленныя орденамъ, были многократно повторяемы (26 мая и 30 мая 1254 г.), и прибавлено право налагать денежные штрафы съ раскаявшихся (30 мая 1254 г.).

---

[1]) Citra membri diminitionem et mortis periculum. Эта одна булла можетъ служить отвѣтомъ на утвержденія католическихъ историковъ, что казнь за ересь опредѣлялась не церковью, а государствомъ.

Самая форма инквизиціоннаго процесса была уже довольно выработана, какъ это мы видимъ изъ инструкціи итальянскимъ миноритамъ. Они могутъ дѣйствовать по одиночкѣ или сообща; выборъ братьевъ, вообще, возлагается на орденскихъ прелатовъ. Найдя еретиковъ или ихъ покровителей, которые не захотятъ немедленно вернуться въ лоно церкви, они должны дѣйствовать противъ нихъ, призывая на помощь свѣтскую власть и не стѣсняясь никакими привилегіями. Однако, для гарантіи правосудія инквизиторы должны снимать показанія со свидѣтелей въ присутствіи двухъ „religiosae et discretae personae“ [1]), т.-е. представителей монашества, и дѣйствовать, руководясь совѣтомъ епископа или его викарія [2]). Наконецъ, поручая дѣло инквизиціи обоимъ орденамъ, папа потомъ счелъ нужнымъ разграничить ихъ сферы дѣйствія: на долю доминиканцевъ досталась Ломбардія и Лигурія, на долю францисканцевъ—Тоскана и Патримоній съ Римомъ [3]).

Александръ IV, какъ мы уже говорили, еще болѣе привлекъ нищенствующіе ордена къ инквизиціонному дѣлу. Всѣмъ итальянскимъ францисканцамъ онъ поручилъ проповѣдовать крестовый походъ противъ еретиковъ (13 апр. 1255 г.). Общая процедура устанавливается такая же, какъ была въ Италіи. Въ томъ же году, по просьбѣ французскаго короля Людовика IX, папа поручилъ парижскому доминиканскому пріору и францисканскому гвардіану сообща устроить инквизицію; дѣйствіе ея должно простираться на всю Францію, за исключеніемъ Пуатье и Тулузы, гдѣ преслѣдованіе еретиковъ находилось исключительно въ рукахъ доминиканцевъ [4]). Въ 1257 г. (17 апр.) онъ поручилъ ввести инквизицію въ Богеміи и Польшѣ англійскимъ миноритамъ Бартоломею и Ламберту. Никакихъ спеціальныхъ инструкцій прибавлено не было: дѣло идетъ, очевидно, не объ устройствѣ правильной организаціи, какъ въ Италіи, а про-

---

[1]) Слово „religiosus“ никогда не примѣняется къ свѣтскому клиру.

[2]) „De diocaesanorum vel vicariorum suorum, si ipsi Diocaesanis absentibus praesentes fuerint, consilio procedatis“.

[3]) Bull. Praed. I, 29 мая 1257 г.; Bull. Fr. I, 30 мая 1257 г.

[4]) Bull. Praed. I, 15 апр. 1255 г.

сто о преслѣдованіи еретиковъ при содѣйствіи свѣтской власти. Въ 1258 г. инквизиторы-миноритъ обратились къ папѣ съ различными вопросами относительно процедуры, и Александръ IV имъ отвѣтилъ. Если человѣкъ передъ смертью приметъ consolamentum [1]), а его наслѣдники доказываютъ, что онъ совершилъ этотъ актъ, будучи не въ полномъ разумѣ, какъ тутъ быть? Папа отвѣчаетъ: если его безуміе доказано, наслѣдники не теряютъ правъ (13 нояб.). Въ другой разъ (13 дек. 1258 г.) инквизиторы спрашивали: что надо понимать подъ словомъ relapsus? Если человѣкъ остался впервые лишь подъ подозрѣніемъ, а затѣмъ изобличенъ въ ереси, можно ли его считать relapsus? Вопросъ былъ существенный, такъ какъ относительно relapsi законы были неумолимы. Въ отвѣтѣ указывалось: надо различать сильное и слабое подозрѣніе. Напротивъ того, всякій отрекшійся отъ ереси и послѣ подавшій самый легкій знакъ своей приверженности къ ней есть relapsus. Были прибавлены слѣдующія облегченія для инквизиторовъ: передъ ними могутъ выступать свидѣтелями даже люди, изобличенные раньше въ лжесвидѣтельствѣ (periurii) и потому не имѣющіе этого права на свѣтскомъ судѣ. Дѣла о колдовствѣ, волшебствѣ и ростовщичествѣ изымаются изъ вѣдѣнія инквизиціи. Миноритамъ и доминиканцамъ дано право преслѣдовать священниковъ, которые изъ-за корыстныхъ мотивовъ помогаютъ еретикамъ уйти отъ инквизиціи; вообще, клирики и монахи, впавшіе въ ересь, должны подлежать болѣе суровымъ карамъ, чѣмъ свѣтскіе люди. Сыновья и внуки еретиковъ подвергаются потерѣ правъ и конфискаціи имущества лишь въ томъ случаѣ, если ихъ родители были упорствующими и не исправились; во всякомъ случаѣ, при конфискаціи бенефицій требуется участіе епископа, исключая того, когда послѣдній умышленно передалъ бенефиціи этимъ еретикамъ,—тогда онъ самъ подлежитъ карѣ. Булла не объясняетъ, простирается ли инквизиціонная компетенція и на этихъ епископовъ.

---

[1]) Обрядъ наложенія рукъ у катаровъ, посредствомъ котораго вѣрующій становился „совершеннымъ“ (perfectus).

Отношенія орденскихъ прелатовъ и инквизиторовъ были еще не урегулированы. Мы встрѣчаемъ здѣсь двойное теченіе: папы хотятъ подчинить непосредственно всю инквизицію себѣ и въ то же время не ослабить власть прелатовъ.

Въ 1259 г. министру Романьи поручено учредить инквизицію въ его провинціи (11 фев.); онъ могъ назначать, кого хочетъ изъ братьевъ, удалять ихъ, замѣщать другими и т. п. Министръ провинціи св. Франциска (12 іюня 1255 г.) получилъ право назначать нотаріусовъ для инквизиціи, за неимѣніемъ другихъ, изъ самихъ братьевъ, даже если они имѣютъ священническій санъ: миноритъ Павелъ Нозерійскій, бывшій до вступленія въ орденъ нотаріусомъ, утвержденъ въ этой должности папой при инквизиціи въ провинціи св. Франциска. Напротивъ того, 11 дек. 1260 г. Александръ IV издалъ весьма важную буллу, согласно которой инквизиторы-доминиканцы и францисканцы освобождались изъ-подъ власти прелатовъ орденовъ и ставились въ непосредственное подчиненіе папѣ. Если прелаты — магистры, министры, пріоры, кустоды, гвардіаны—ограничиваютъ ихъ дѣятельность въ какомъ-нибудь отношеніи, выдѣляютъ изъ ихъ - юрисдикціи извѣстныхъ лицъ, прекращаютъ ее на извѣстное время или въ извѣстномъ мѣстѣ, то инквизиторы не обязаны имъ подчиняться: всѣ отлученія, произнесенныя надъ ними за подобное непослушаніе, не имѣютъ силы. Въ концѣ буллы папа упоминаетъ, однако, что онъ раньше предоставилъ прелатамъ ордена власть назначать и смѣщать братьевъ, и остается неяснымъ, какъ это постановленіе примирить съ настоящей буллой. „Хотя папы давали нѣкоторымъ прелатамъ вашихъ орденовъ право назначать для инквизиціи надъ еретиками, кого они сочтутъ удобнымъ изъ братьевъ, а также удалять и замѣщать другими, но это право предоставлено имъ лишь по той причинѣ, что они знаютъ братьевъ, наиболѣе подходящихъ для этого дѣла; и прелаты не получаютъ отъ этого никакой власти надъ дѣломъ инквизиціи, которое подчинено непосредственно папѣ“. Можно было-бы понять такъ, что лишь назначеніе находится въ рукахъ у прелатовъ, а вся дѣятель-

ность инквизиціи внѣ ихъ вѣдѣнія, — но какъ быть тогда съ ихъ правомъ смѣщать и назначать новыхъ?

Изъ этого можно вывести лишь одно слѣдствіе: инквизиціонный процессъ еще вырабатывался путемъ опытовъ, старались найти для него наиболѣе цѣлесообразную форму и, естественно, прибѣгали къ различнымъ, даже противорѣчивымъ пріемамъ. Ясно выступаетъ лишь одно стремленіе— сдѣлать процессъ возможно дѣйствительнымъ; передъ этой цѣлью должны смолкать всякіе иммунитеты и привилегіи. Всѣмъ итальянскимъ миноритамъ-инквизиторамъ папа предписывалъ не обращать вниманія на какія-бы то ни было привилегіи и изъятія; своихъ помощниковъ и нотаріусовъ они могутъ брать изо всѣхъ орденовъ (8 фев. 1261 г.) [1]). И Александръ IV требовалъ отъ итальянскихъ городовъ хранить законы Фридриха II противъ еретиковъ (30 нояб. 1259 г.) [2]).

Такимъ образомъ, къ началу второй половины XIII в. орденъ миноритовъ сдѣлался не менѣе вѣрнымъ помощникомъ папъ въ борьбѣ съ ересью, чѣмъ орденъ доминиканцевъ. Съ точки зрѣнія папства это было вполнѣ послѣдовательное проведеніе его духовно-правительственной программы; въ ней чистота вѣры въ обществѣ являлась первымъ и необходимымъ условіемъ, осуществленіе коего есть вопросъ духовнаго существованія общества; важности цѣли соотвѣтствовала и энергія средствъ. Средства даны были правящей церкви въ привлеченіи нищенствующихъ орденовъ. И если Доминикъ нѣкогда, подъ вліяніемъ примѣра Франциска, ввелъ въ своемъ орденѣ добровольную бѣдность, то теперь идеалъ Доминика одержалъ полную побѣду надъ идеаломъ Франциска. Такія побѣды рѣдко обходятся безъ жертвъ, и если

---

[1]) „Non obstantibus aliquibus privillegiis vel indulgentiis quibuscunque personis cuiusvis dignitatis, conditionis, vel gradus, religionis vel ordinis vel generaliter sub quacunque verborum expressione vel forma ab Apostolica sede concessis.

[2]) Единственное смягченье, которое позволилъ папа, заключалось въ слѣдующемъ: если свидѣтельскими показаніями выяснилось, что владѣлецъ дома, гдѣ задержаны еретики, совершенно не причастенъ ереси, то домъ его не подвергался разрушенью. Ibid.

одни изъ миноритовъ поддерживали пламя костровъ, на которыхъ горѣли французскіе и итальянскіе еретики, то другіе сами погибли на кострахъ.

Въ связи съ охраной чистоты вѣры стояли нѣкоторыя другія порученія, дававшіяся францисканцамъ. Такъ, гр. Свиленбургскій хотѣлъ основать новое религіозное братство. Разсмотрѣніе Правила этого братства предоставляется францисканцамъ и доминиканцамъ [1]).

Не одни еретики представляли опасность для чистоты вѣроученія. Хотя церковь въ общемъ терпимо относилась къ евреямъ [2]) и защищала ихъ отъ необузданныхъ вспышекъ средневѣкового антисемитизма,—она не только стояла постоянно на сторожѣ противъ пропаганды іудаизма среди христіанъ, но и въ самомъ іудаизмѣ стремилась подавить всѣ элементы ученія, которые казались оскорбительными для христіанъ. Въ XII в. Петръ Достопочтенный ограничивался изложеніемъ и опроверженіемъ этихъ элементовъ [3]). Въ XIII в. церковь начала активную многовѣковую борьбу съ еврейской богословской и ритуальной литературой, въ частности съ Талмудомъ. 9 іюня 1239 г. Григорій IX обратился съ предписаньемъ ко всѣмъ французскимъ епископамъ, чтобы въ первую субботу поста, когда евреи соберутся въ синагоги, у нихъ были отобраны всѣ экземпляры талмуда и переданы на храненіе доминиканцамъ и францисканцамъ; въ тотъ же день онъ поручилъ парижскому епископу разослать письма объ отобраніи этихъ книгъ и передачѣ ихъ орденамъ въ Англію, Арагонію, Наварру, Кастилію, Леонъ и Португалію. Хотя нищенствующимъ орденамъ не предоставлялось здѣсь принудительной власти, но они должны были слѣдить, чтобы

---

[1]) 5 ок. 1248 г. „normam vivendi, quam comes Svilemburgensis cum quibusdam aliis inchoare coepit.

[2]) См. Hahn, Geschichte der neumanichäischen Secten, Leipzig, 1850 B. III S. 23 etc. Противъ насильственнаго обращенія евреевъ, Statuta Synodalia ecclesiae Ruthensis, XVI, въ Mart. и Duran. Thes. anec. IV p. 769. Срав. взглядъ Ѳомы Аквинатскаго: „De regimine Iudaeorum“ (ed Parmense 1865, t. XVI p. 292—294).

[3]) Tractatus contra Iudaeos, Bibl. Maxima vet. patr. t. XXII p. 1008.

Талмудъ, до разсмотрѣнія его церковью, не былъ въ обращеніи среди евреевъ.

Съ охраной чистоты вѣры непосредственно связано и ея распространеніе. Съ помощью новыхъ орденовъ папская курія получаетъ надежду не только вернуть утраченное, но и пріобрѣсти новыхъ сыновъ въ свое лоно.

Основаніе латинской имперіи оживляетъ надежду возсоединить схизматиковъ [1]). Миноритъ Лаврентій получаетъ отъ Иннокентія IV инструкцію, какъ надо дѣйствовать на греческихъ патріарха и епископовъ, чтобы привлечь ихъ къ возсоединенію (7 ав. 1247 г.). Онъ долженъ, сверхъ того, защищать грековъ отъ притѣсненій латинянъ, и папа называетъ его „ангеломъ мира". „Мы просимъ тебя защищать грековъ всѣхъ этихъ странъ (Арменіи, Иконіи, Греціи и Вавилоніи) и не допускать латинянъ, подъ страхомъ церковныхъ каръ, безъ права апелляціи, причинять какія-нибудь обиды греческому населенію" (5 іюля 1247 г.). Ему предоставлено выслушивать жалобы грековъ на латинянъ и въ легкихъ случаяхъ рѣшать самому, а въ болѣе серьезныхъ доводить до свѣдѣнія папы.

Съ другой стороны, и дѣло Святой Земли, не смотря на всѣ разочарованія, не считалось потеряннымъ, и естественно, что папы направили новыя силы въ эту сторону. Средніе вѣка не дѣлали различія по существу между миссіонерствомъ въ нашемъ смыслѣ слова и крестовыми походами, а во францисканскомъ орденѣ мысль объ обращеніи невѣрныхъ восходитъ еще къ тому времени, когда Францискъ посылалъ своихъ братьевъ въ Африку и самъ проповѣдовалъ передъ султаномъ: можно сказать, его рвеніе въ этомъ дѣлѣ равня-

---

[1]) Иннокентій III въ своемъ письмѣ по поводу взятія Константинополя осуждаетъ жестокости крестоносцевъ, между прочимъ, съ той точки зрѣнія, что они внушили грекамъ ненависть къ вѣрѣ, которая приноситъ такіе плоды, и это затруднитъ прекращенье схизмы. „Ut graecorum ecclesia quantumcunque persecutionibus affligetur, ad obedientiam apostolicae Sedi redire contemnat, quae in Latinis nonnisi proditionis exempla et opera tenebrarum auspexit, ut merito illos abhorreat". Съ другой стороны, папа видитъ здѣсь божественный судъ за слѣпое упорство грековъ. См. Ер. VIII, 133 у Migne t. 215. Срав. Vita Innocenti III. Mur. Scrip. rer. ital. III p. 538.

лось рвенію Доминика въ обращеніи еретиковъ. Наконецъ, миссіонерская дѣятельность, вообще, была исконнымъ призваніемъ монаховъ, и, чтобы не спускаться къ временамъ ранняго средневѣковья, достаточно вспомнить о заслугахъ цистерзіанцевъ въ Пруссіи и Ливоніи.

Первые миссіонерскіе опыты францисканцевъ имѣли мѣстомъ Мавританію. Послѣ утвержденія ордена Гонорій III началъ посылать ихъ туда, вмѣстѣ съ доминиканцами,— въ этой области преобладали, однако, францисканцы. Имъ было предоставлено право проповѣдовать, крестить сарацинъ, перешедшихъ въ христіанство, принимать апостатовъ и т. п.; епископъ Толедскій долженъ былъ заботиться о нихъ, выбрать одного изъ миссіи и сдѣлать его епископомъ (20 фев. 1226 г.). Въ виду особыхъ условій враждебной страны братья-миссіонеры могли мѣнять платье, отпускать волосы и бороду, дабы тѣмъ свободнѣе посѣщать христіанъ въ тюрьмахъ и совершать для нихъ таинства (18 мая 1226 г.); наконецъ, вопреки форменному запрещенію Правила, они могли принимать въ видѣ подаянія деньги на покупки пищи и одежды. Григорій поручилъ миноритамъ проповѣдовать крестовый походъ въ Ломбардіи; въ Тосканѣ эта обязанность возлагалась на доминиканцевъ (17 ок. 1234 г.). Одинъ изъ проповѣдовавшихъ, миноритъ Вильгельмъ, съ разрѣшенья папы измѣнялъ обѣты. Сами францисканцы ходили и въ Святую Землю, и на Балканскій полуостровъ, и къ Куманамъ. Григорій IX подтвердилъ имъ право крестить и имѣть надъ новообращенными cura animarum, причемъ, однако, и приходскіе священники, если они не заражены ересью, не должны быть отстраняемы. Иннокентій IV, весь поглащенный борьбой съ Фридрихомъ II, мало думалъ о Святой Землѣ и миссіонерствѣ; напротивъ того, Александръ IV сталъ опять дѣятельно пользоваться орденами для подобныхъ порученій. 19 апр. 1258 г. папа снова подтвердилъ особыя полномочія братьямъ, идущимъ въ страны невѣрныхъ; кромѣ прежнихъ, здѣсь прибавлено право давать тонзуру, признавать законность браковъ даже въ тѣхъ случаяхъ, если при заключеньи ихъ была совершена какая-нибудь неправильность, возвращать привилегіи, присущія духовному сану, тѣмъ

клирикамъ, которые, отрекшись отъ католической церкви, вернутся къ ней, освобождать отъ отлученья даже убійцъ клириковъ, строить новыя церкви и ставить въ нихъ пастырей, вѣдать брачныя дѣла, вообще, слѣдить за образомъ жизни старыхъ и новообращенныхъ христіанъ, дѣйствуя на ослушниковъ церковной цензурой. Вниманье папы особенно привлекали славянскія земли: миноритъ Варѳоломей Богемскій проповѣдовалъ крестовый походъ противъ Литовцевъ, Ятвяговъ и другихъ язычниковъ въ Польшѣ, Богеміи, Моравіи и Австріи (6 и 7 ав. 1255 г.).

Однимъ изъ вопросовъ, которымъ занимались на Ліонскомъ соборѣ, была опасность со стороны татаръ [1]), и рѣшено было послать къ нимъ многочисленныхъ миссіонеровъ, почти исключительно изъ нищенствующихъ орденовъ. Миноритъ Іоаннъ Плано-Карпини съ товарищами былъ въ Галиціи, убѣждалъ князя Даніила перейти въ католицизмъ, дошелъ и до татаръ, заслужилъ ихъ довѣріе и былъ посредникомъ въ переговорахъ между татарами и Римомъ [2]).

До сихъ поръ всѣ разсмотрѣнныя нами функціи, которыя папы давали ордену, носили характеръ—употребляя не совсѣмъ точный переводъ латинскаго spiritualis—духовный. Съ нашей точки зрѣнія иной принципъ лежалъ въ основаніи дѣятельности ордена, когда она направлялась на политическія и дипломатическія задачи Нужно ли, однако, говорить, что наши рубрики вполнѣ не соотвѣтствуютъ строю идей XIII вѣка? Поскольку программа духовнаго правленья должна была осуществляться въ западно-европейскихъ обществахъ, постольку она неизбѣжно захватывала и то, что для современнаго глаза представляется чистой политикой.

Возьмемъ примѣръ. Англія и Франція ведутъ войну, которая, по мнѣнію Иннокентія III, не имѣетъ разумныхъ основаній; она лишь ослабляетъ силы христіанскаго міра,

---

[1]) См. Insitutiones Concilii Lugdun. XVI у Mausi, XXIV p. 627.

[2]) Интересный отчетъ его объ этой миссіи „libellus historicus de Hungariae devastatione per Tartaros“ опубликованъ въ I томѣ Haklyit Society: Collection of the early voyages, travels and discoveries—p. 24—42.

которыя должны быть направлены „ad ampliandam gloriam crucifixi“; папа требуетъ, подъ угрозой отлученья, чтобы войну прекратили. Избирается германскій императоръ, первый монархъ христіанскаго міра по воззрѣнію XIII в., отношенья коего къ намъ до извѣстной степени должны олицетворять отношенія міра матеріальнаго и духовнаго. Можно ли считать его избранье актомъ чисто политическимъ? [1]).

Естественно, здѣсь наше вниманье прежде всего останавливается на роли миноритовъ въ самомъ тяжеломъ политическомъ осложненіи, которое пришлось пережить папамъ въ XIII в.,—въ борьбѣ ихъ съ Фридрихомъ II. Не нужно входить въ трудный и тонкій вопросъ о ереси императора, о его дѣйствительныхъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, чтобы понять, что гибеллинскій принципъ, или, лучше сказать, гибеллинская программа, проведенная съ такой яркостью въ мельфійскомъ законодательствѣ, противорѣчитъ выставленной программѣ духовнаго правленья. Но въ чемъ лежитъ противорѣчіе? Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ мельфійскаго статута и изъ писемъ Фридриха [2]) мы выносимъ впечатлѣніе, что главное различіе между этими двумя программами сводилось къ вопросу о высшей власти, которая должна ее осуществлять. Насъ удивляетъ, напримѣръ, законодательство Фридриха о еретикахъ, и мы готовы цѣликомъ поставить его на счетъ дипломатическаго разсчета. Такое объясненіе едва ли достаточно. Это законодательство о ереси является выраженьемъ взгляда, что монархи и духовно

---

[1]) О чисто-политической власти папъ можно было-бы говорить по отношенью къ Патримонію, гдѣ папа, выражаясь словами Ѳомы Аквинатскаго, „utriusque potestatis apicem tenet“. Новые ордена употреблялись и при чисто-политическихъ конфликтахъ съ Римомъ и съ другими городами Патримонія. Такъ, Іоаннъ Паренсъ, первый генеральный министръ ордена послѣ Франциска, примирилъ мятежныхъ римлянъ съ папой. Разливъ Тибра, подтвердившій его угрозы, склонилъ римлянъ подчиниться. См. Chron. 24 gen. An. Fran. III. p. 211.

[2]) См. Proaemium къ нему у Huillard-Bréholles, Historia diplomatica Frederici II, IV, 1, p. 3. Сравни письмо Петра Винейскаго, Huillard-Bréholles: Vie et corres poudance de Pierre de Vigne, № 109. p. 428. „Adest etiam cooperator eius et vicarius constitutus in terris, Romanus princeps nominis et honoris, cuius divina mens in manu Dei est.

правятъ своими подданными [1]). Лишь опредѣленье того, что̀ есть ересь, предоставляется церкви. Четыре столѣтія спустя, Гоббсъ, политическая позиція котораго такъ близка къ гибеллинизму Фридриха II, съ обычной ему логической неустрашимостью вывелъ, что монарху не только принадлежатъ права наказывать за религіозныя отступленія, но и опредѣлять, что̀ есть истинная вѣра и что̀ ересь. Законы Фридриха, поскольку они опредѣляютъ участь еретиковъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали куріальной программѣ воздѣйствія на свѣтское общество, и потому Иннокентій IV, отлучившій императора, всюду въ Италіи старался ввести эти законы. Но основная идея гибеллинства была полнымъ отрицаньемъ папской теократіи; послѣдовательно проведенная гибеллинская программа передавала духовное правленье цѣликомъ въ руки императора и этимъ отнимала всякій жизненный смыслъ у папства [2]). Сравнительно съ этимъ принципіальнымъ противорѣчіемъ узурпаціи императора въ Патримоніи были дѣломъ второстепеннымъ.

Для орденовъ борьба императора и папы была чрезвычайно важнымъ моментомъ; имъ приходилось защищать папскую власть противъ цезаропапизма, и они доказали, что дѣло куріи для нихъ есть дѣло вѣры.

Первоначально Фридрихъ ничего не имѣлъ противъ орденовъ и, издавая законы объ еретикахъ, обѣщалъ доминиканцамъ всякое содѣйствіе къ искорененію ереси. Попавши

---

[1]) H. Br. His. dip. VI, 685: императоръ жалуется, что Европа не пользуется религіознымъ міромъ подобно Востоку, гдѣ монархъ обладаетъ всей полнотой власти, духовной и свѣтской. Срав, V, p. 57.

[2]) См. Huill. Breho les V, 777: „императоръ“, пишетъ Григорій IX, „пришелъ низвергнуть христіанскую вѣру прежними языческими обычаями („fidem da gentilitatis ritus subrogare priores“. Эти слова H. B. объясняетъ: il est très claire, que le Pape fait içi allusion des deux pouvoirs entre les mains des anciens empereurs romains“), и, сидя въ храмѣ, онъ присвоиваетъ себѣ права священнослужителя“. „Онъ считаетъ себя ограниченнымъ въ правахъ монарха“, говоритъ Иннокентій IV, „если ему принадлежитъ лишь свѣтская власть, а духовная остается неподчиненной“—H. Br. VI п. 678. Еще за десять лѣтъ до знаменитой энциклики „ascendit de mari“. Григорій IX въ 1224 г. отлучилъ императора, какъ еретика, вмѣстѣ съ катарами и вальденцами. H. Br. III. p. 157.

самъ въ число еретиковъ, онъ долженъ былъ испытать на себѣ, что значило имѣть противниками доминиканцевъ и францисканцевъ. Насколько враждебно было настроеніе противъ Фридриха среди миноритовъ, показываетъ намъ хроника Салимбене [1]). Естественно, что Фридрихъ платилъ имъ той же монетой. Онъ предписалъ магистратамъ Сициліи сжигать миноритовъ и доминиканцевъ, которые будутъ агитировать противъ него и, въ особенности, распространять папскія буллы; если кто-нибудь изъ жителей по собственному почину убьетъ такого монаха, онъ за это не подлежитъ наказанію [2]). „Многіе были изгнаны изъ своихъ мѣстъ", сообщаетъ анонимная францисканская хроника, „многіе брошены въ тюрьмы, нѣкоторые умерщвлены лишь за то, что повиновались власти церкви, тогда какъ другіе монахи, кромѣ миноритовъ, не осмѣливались даже роптать" [3]). Матвѣй Парижскій подъ 1243 г. передаетъ, что Фридрихъ II повѣсилъ двухъ миноритовъ, которые, по порученію своихъ прелатовъ, несли письма противъ императора къ нѣкоторымъ изъ его бароновъ [4]). „Никто", говоритъ неизвѣстный намъ гибеллинъ, „не можетъ склонить своей головы, чтобы мирно отдохнуть, не опасаясь клеветы и интригъ, пока не будутъ усмирены нищенствующіе монахи, лишающіе землю мира" [5]).

Папскія буллы даютъ намъ здѣсь сравнительно мало. Въ 1228 г. два минорита отправляются, по приказу Григо-

---

[1]) См. Chron. p. 165. По его словамъ, Эццелинъ былъ еще болѣе жестокъ, чѣмъ Фридрихъ. См. 182: „Ни Неронъ, ни Деціи, ни Діоклетіанъ, ни Максиміанъ не были равны ему въ злобѣ, ни даже Иродъ и Антіохъ— самые злые люди, которые только существовали на свѣтѣ".

[2]) Huill. Breholles VI p. 697—703.

[3]) Эта анонимная хроника, авторъ коей много пользовался Іорданомъ, опубликована въ I т. Analecta Franciscana. Для приведеннаго мѣста см. стр. 285.

[4]) См. Н. В. IV, 256. Замѣтимъ, что письмо Петра Винейскаго I, 37, на которое часто ссылаются для характеристики вражды между нищенствующими орденами и императоромъ, всего скорѣе есть произведеніе какого-нибудь епископа, недовольнаго не столько агитаціей орденовъ противъ императора, сколько ихъ враждебностью къ свѣтскому клиру.

[5]) Huillard-Bréholles, Vie et correspondance de Pierre de la Vigne, p. 402.

рія IX, къ Фридриху съ жалобой на притѣсненія клира въ Апуліи и Сициліи (7 января). Мы не знаемъ, какую роль играли нищенствующіе ордена въ 1229 и 1239 гг., когда папа поразилъ императора отлученіями. Опубликованіе приговора 1239 г. было поручено архіепископу Миланскому и епископамъ суффраганамъ. Напротивъ, послѣ Ліонскаго собора опубликованіе отлученія и низложенія было поручено спеціально доминиканцамъ [1]); духовенству лишь запрещено оказывать имъ какую-нибудь помѣху. Миноритъ, повидимому, не принимали здѣсь участія, но когда предстояло избрать новаго императора на мѣсто низложеннаго, Иннокентій IV обратился къ миноритамъ Германіи съ убѣжденіемъ содѣйствовать этому дѣлу. „Мы просимъ васъ склонять нѣмецкихъ христіанъ настойчивыми убѣжденіями, какія вамъ укажетъ ваша мудрость, данная вамъ отъ Бога, тайно и открыто, обѣщая прощеніе грѣховъ, дабы они мужественно стояли на сторонѣ вновь избраннаго". Когда избрали въ анти-императоры Вильгельма, папа далъ ему въ качествѣ капеллана минорита Іоанна Диста; ему было поручено проповѣдовать крестовый походъ противъ Конрада—„во Фландріи", прибавляетъ папа, „на мѣстномъ нѣмецкомъ языкѣ" (19 фев. 1251 г.).

Нѣсколько важныхъ дипломатическихъ порученій Иннокентій IV давалъ миноритъ Валласку, впослѣдствіи еп. Фамаугустанскому. Папа поручилъ ему разрѣшить герцогу австрійскому вступить въ бракъ съ родственницей, стоявшей съ нимъ въ четвертой степени родства, взявъ обязательство съ герцога помогать новоизбранному Вильгельму противъ эксъ-императора Фридриха и его сына Конрада. Онъ же примирилъ королей Венгріи и Богеміи (13 іюля 1254 г.), а также отправлялся для переговоровъ, содержаніе которыхъ намъ неизвѣстно, въ Португалію, Аррагонію и Кастилію.

Наконецъ, отмѣтимъ роль миноритовъ въ качествѣ сборщиковъ различныхъ субсидій, которыхъ требовалъ папа. Въ теченіе XIII в. папскіе сборы чрезвычайно усилились,

---

[1]) Bull. Praed. I, 21 дек. 1245 г.

и выработалась даже особая теорія, что курія является собственницей всего церковнаго имущества и можетъ произвольно его облагать. Повидимому, эта теорія была впервые формулирована папскимъ легатомъ на Лондонскомъ соборѣ 1256 г., и не осталась безъ энергичныхъ возраженій со стороны представителей мѣстнаго клира [1]). Но и раньше мы знаемъ, какое негодованіе вызывала именно эта сторона дѣятельности папскихъ легатовъ въ Англіи; послѣдствіемъ этихъ неумѣренныхъ поборовъ была коллективная жалоба, принесенная англійскимъ духовенствомъ на Ліонскомъ соборѣ [2]). „Италики", говорилось въ ней, „собирающіе въ королевствѣ болѣе 60000 марокъ, не считая другихъ поборовъ, извлекаютъ отсюда доходовъ больше, чѣмъ самъ король-покровитель церкви и правитель государства". Здѣсь не говорится собственно о дѣятельности нищенствующихъ орденовъ, и намъ трудно опредѣлить, насколько преувеличены жалобы Матвѣя Парижскаго на нихъ. Послѣ Ліонскаго собора сборщиками субсидій въ Англіи были миноритъ—Іоаннъ и Александръ [3]). Матвѣй Парижскій сравниваетъ ихъ съ волками въ овечьей шкурѣ; на всѣ возраженія у нихъ былъ одинъ отвѣтъ—папскія буллы, которыя они носили съ собой. „Епископъ Линкольнскій, раньше большой поклонникъ ордена, былъ пораженъ видомъ этихъ миноритовъ, которые требовали съ его діоцезы 6000 марокъ; онъ наотрѣзъ отказалъ, объяснивъ, что такой суммы нельзя собрать со всего клира и народа. Тогда они направились въ аббатство св. Албана и тамъ требовали 400 марокъ; получивъ и здѣсь отказъ, братья надѣли свѣтское платье, сѣли на своихъ породистыхъ коней и ускакали съ угрозами". Опровергая характеристику Матвѣя Парижскаго, Ваддингъ ссылается на Іордана, гдѣ Іоаннъ характеризуется, какъ „vir tranquillus, caritativus, qui mirifice fratres ad virtutes colendas iwnflammavit" [4]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Иннокентій IV весьма

---

[1]) Math. Paris. V 524, 553. Cp. Gottlob, Die päpstlichen Kreuzugssteuern im 13 Jahrhundert. Heiligenstadt, 1892. 86 S.

[2]) Math. Par. IV, 493.

[3]) M. Par. IV p. 599.

[4]) Wadd. 1247, 25.

злоупотреблялъ денежными поборами, но нѣтъ основанія приписывать здѣсь особенную роль нищенствующимъ орденамъ; въ противоположность съ послѣдующимъ періодомъ, число буллъ, поручающихъ братьямъ сборы, за первыя 50 лѣтъ существованія орденовъ незначительно [1]). Другой вопросъ, не представляли ли вообще подобныя комиссіи вопіющаго противорѣчія съ Правиломъ Францисканскаго ордена, запрещающимъ безусловно брать деньги? Мы знаемъ, что онѣ не прошли безслѣдно для развитія въ немъ оппозиціи.

Союзъ ордена и куріи, общую характеристику котораго мы пытались представить, былъ закрѣпленъ событіемъ, имѣвшимъ весьма важныя послѣдствія для всей церковной жизни. Мы говоримъ о столкновеніи нищенствующихъ орденовъ съ профессорами парижскаго университета. Эта борьба для насъ прежде всего интересна потому, что она носитъ высокопринципіальный характеръ. Въ ней не только съ наибольшей яркостью проявилось противорѣчіе между приходско-епископальнымъ и куріально-монашескимъ началомъ въ церковной организаціи, но и этому противорѣчію дана была съ обѣихъ сторонъ историческая и религіозная санкція. А затѣмъ, мы видимъ здѣсь борьбу ни болѣе, ни менѣе, какъ за право преподаванія. Если въ католицизмѣ учащіяся конгрегаціи сдѣлались могущественнѣйшими орудіями воздѣйствія на свѣтское общество, съ которыми приходится такъ сильно считаться еще современному государству, то исторія конгреціоналистской идеи пріобрѣтаетъ глубокій и жизненный интересъ, и мы едва ли ошибемся, если признаемъ первой ея побѣдой—побѣду нищенствующихъ орденовъ въ парижскомъ университетѣ.

Мы знаемъ, что доминиканцы съ самаго своего существованія весьма дѣятельно культивировали теологическія знанія [2]). Въ орденъ вошло много людей, преданныхъ науч-

---

[1]) См. B. F. I, 16 фев. 1248 г.

[2]) Вотъ, какъ разсуждалъ о знаніи доминиканецъ Гумбертъ Римскій: „первое преимущество знанія для ордена есть то, что оно выдѣляетъ его изъ среды другихъ орденовъ. Ибо если религіозное совершенство есть благо, а изученье священныхъ книгъ тоже благо, то изъ сочетанья выходитъ еще большее благо. Поэтому ордена, соединяющіе со святостью

нымъ занятіямъ, какъ Раймундъ Пеннафорте, докторъ болонскаго университета, Сенъ-Гиль, который началъ съ медицины и впослѣдствіи перешелъ на теологію, Гверрикъ, натуралистъ и математикъ. Въ 1228 г. на орденскомъ соборѣ въ Парижѣ братьямъ были разрѣшены университетскія занятія, а въ 1230 г. они получили каѳедру. Это вступленіе происходило при обстоятельствахъ, которыя не обѣщали въ будущемъ особаго согласія между орденомъ и университетомъ. Послѣ столкновенія съ горожанами, при которомъ нѣкоторые изъ студентовъ были убиты, и университетъ не могъ добиться отъ Бланки Кастильской удовлетворенія, профессора покинули Парижъ, давши клятву не возвращаться, пока ихъ жалобы не будутъ удовлетворены; многіе изъ нихъ переѣхали въ Оксфордъ. Григорій IX старался примирить враждующихъ [1]), но многіе профессора, а вслѣдъ за ними и учащіеся отказывались возвращаться въ Парижъ раньше полнаго возстановленія ихъ привилегій, и папскій легатъ подвергъ ихъ отлученію. Въ 1230 г. профессоровъ почти не осталось; большинство—и, по замѣчанію Булэ, историка парижскаго университета, „melioris notae"—были въ отсутствіи. Въ это самое время доминиканцы получили каѳедру теологіи въ университетѣ, и первые дебюты ихъ были очень успѣшны. Между тѣмъ, нѣкоторыя требованія профессоровъ были исполнены, они возвратились и, крайне недовольные опа-

---

жизни озаренье знанья, выше тѣхъ, которые обладаютъ лишь святостью жизни. Второе преимущество для ордена—привлеченье избранныхъ умовъ: многіе изъ нихъ не вошли бы въ орденъ, если бы въ немъ не занимались науками. Третье - почтенье всѣхъ къ такому ордену: естественно оказывать почтенье людямъ ученымъ. Четвертое—польза ближняго: мудрые дѣятели приносятъ больше пользы, чѣмъ простые, хотя и святые люди. Пятое—народъ болѣе обязанъ ордену, развивающему среди него свѣтъ знанія Шестое - способность лучше устоять противъ искушеній. Седьмое—образованье внутренняго человѣка. Восьмое—предохраненье отъ заблужденій, въ которыя впадаютъ изъ-за невѣжества. Девятое—поддержка нашей слабости. Десятое—способность лучше переносить труды жизни. Одиннадцатое - возможность идти впередъ во всемъ благомъ". См. его „de eruditione praedicatorum 1—2 въ Bib. Max. V. P. t. XXV.

[1]) См. буллу 26 нояб. 1229 г. въ Chartularium Universit. Parisien. t. I. p. 128.

снымъ новшествомъ, провели законъ: ни одинъ орденъ не можетъ имѣть двухъ теологическихъ каѳедръ. Этотъ законъ доминиканцы наотрѣзъ отказались признать [1]).

Францисканцы первоначально не имѣли ничего общаго ни съ теологіей, ни съ наукой вообще. Францискъ всѣми силами удерживалъ отъ нихъ братьевъ: только Антонію Падуанскому онъ разрѣшилъ заниматься теологіей, съ тѣмъ однако, чтобы отъ этого не пострадала его молитвенная ревность [2]). Однако, такое отстраненіе ордена отъ науки не могло долго продолжаться. Дѣйствовало и пребываніе въ университетскихъ городахъ, и вступленіе многихъ, желавшихъ продолжать свои научныя занятія, и примѣръ доминиканцевъ. Но главная причина лежала въ томъ же — невозможности сохранить первоначальный характеръ ордена при его распространеніи и новомъ привилегированномъ положеніи въ церкви.

Одна изъ первыхъ францисканскихъ школъ была устроена въ Оксфордѣ, при содѣйствіи знаменитаго Гростета; но провинціальный министръ Ангелъ закрылъ ее, услыхавъ, какъ ученики диспутируютъ на тему: существуетъ ли Богъ [3])? Въ 1228 г. францисканцы устроили школу въ Парижѣ, и она украсилась такой звѣздой средневѣковой учености, какъ

---

[1]) См. Boulaeus, Historia Unversitatis Parisiensis, v. III p. 132 etc. Текстъ закона гласилъ: ut nullus Regularium conventus duas simul cathedras solemnes et theologicas iu posterum obtineret".

[2]) См. ер. 16 въ Opuscula. Сабатье безъ достаточныхъ основаній считаетъ его подложнымъ. См. p. 322. Срав. ер. 15 „de litteris incumbentibus et doctoribus": люди, предающіеся наукамъ, окажутся на страшномъ судѣ съ пустыми руками. Срав. Regula 1221, 17; 1223, 4. Въ Historia 7 tribulationum 4, 2 разсказывается, какъ ученики, пришедши къ Франциску, съ радостью сообщили ему о вступленіи въ орденъ одного знаменитаго ученаго теолога. Но Францискъ, вздохнувъ, сказалъ: „боюсь, чтобы такіе ученые не разрушили въ конецъ нашего Правила. Истинно ученые тѣ, кто своими дѣлами показываетъ обращенье".

[3]) См. Chron. 24 den. An. Fr. III 26—27. Нѣсколько странно, что Экклестонъ умалчиваетъ объ этомъ фактѣ. См. у него главу X „de promotione lectorum". Въ гл. XII онъ приписываетъ генеральному министру Іоанну Пармскому неудовольствіе на чрезмѣрный ростъ свѣтскаго знанія въ орденѣ—на диспуты, гдѣ братья разбираютъ pro и contra вопросъ о существованіи Бога.

Александръ Галесъ, а послѣ—мы не знаемъ точно, въ какомъ году,—вошли и въ парижскій университетъ.

Григорій IX въ общемъ относился весьма благосклонно къ университету: въ 1237 г. онъ издалъ привилегію, что никто не можетъ произнести отлученія противъ кого-либо изъ университетскаго персонала безъ его спеціальнаго разрѣшенія: реймскій архіепископъ и парижскій епископъ должны были защищать университетъ отъ всякихъ притѣсненій, прибѣгая, въ случаѣ надобности, къ отлученію; университетъ же, при нарушеніи его привилегій, могъ пріостанавливать занятія [1]). Эта привилегія еще болѣе сообщила университету характеръ обособленной корпораціи, и понятно, что тамъ съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣли на вступленіе доминиканцевъ, которые принадлежали къ другой, тоже обособленной корпораціи и не могли быть вполнѣ солидарны съ университетомъ и одинаково заинтересованы въ сохраненіи его привилегій.

Поводъ для обнаруженія этого антагонизма не заставилъ себя долго ждать. Великимъ постомъ 1251 г. произошла обычная схватка между гражданами и студентами, при чемъ нѣкоторые изъ послѣднихъ невинно пострадали. Университетъ принесъ жалобу на это насиліе, а между тѣмъ среди его членовъ было рѣшено прервать занятія, если эта жалоба останется безъ послѣдствій. Два магистра изъ доминиканцевъ и одинъ изъ францисканцевъ отказались дать подобное же обѣщанье. Тогда профессора постановили: если во время возможнаго перерыва въ занятіяхъ какой-нибудь баккалавръ или магистръ вздумаетъ читать лекціи, то онъ на всегда исключается изъ ихъ сообщества. Доминиканцы отказывались подчиниться и этимъ условіямъ, если имъ не предоставятъ двухъ каѳедръ теологіи. Были и другія постановленія университета, которыя прямо или косвенно направлялись противъ нищенствующихъ орденовъ: недопущенье баккалавровъ къ преподаванью теологіи, пока они не прочтутъ какого-нибудь курса подъ руководствомъ другого университетскаго магистра; недопущенье въ конгре-

---

[1]) Chart. Unis. Paris. I p. 160. Эта привилегія дана была на 7 лѣтъ.

гацію магистровъ, не принесшихъ присяги соблюдать университетскую тайну и т. д. [1]). Между тѣмъ, магистры не получили удовлетворенія и прекратили лекціи, за исключеньемъ упомянутыхъ доминиканцевъ и францисканца.

Въ это время находился въ Парижѣ папскій легатъ Альбертъ Пармскій и желалъ возстановить въ университетѣ обычный порядокъ. По словамъ доминиканца Кантипратана, магистры отвѣчали ему, что миръ будетъ вполнѣ возстановленъ, если доминиканцы откажутся отъ своихъ неумѣренныхъ притязаній на двѣ каѳедры и удовольствуются одной, а также будутъ подчиняться университетскимъ уставамъ. Доминиканцы соглашались, но требовали письменныхъ удостовѣреній, а магистры заподозрили здѣсь военную хитрость. „Что за польза намъ", говорили они, „если доминиканцы согласятся имѣть одну лишь каѳедру? Они снимутъ стѣну, раздѣляющую комнаты, гдѣ они учили, и число учениковъ у нихъ не уменьшится". Тогда легатъ увидалъ, что подкладкой дѣла является зависть къ счастливымъ конкурентамъ. Онъ отвѣтилъ: „я не думаю, чтобы папа отнялъ право на двѣ каѳедры у братьевъ, право, которое они получили такъ давно". И дѣйствительно, прибавляетъ Кантипратанъ, хотя кардиналъ былъ весьма нерасположенъ къ братьямъ, но въ этомъ дѣлѣ онъ, какъ справедливый судья, не могъ имъ отказать; онъ рѣшилъ въ ихъ пользу и повторилъ это рѣшенье трижды вслѣдствіе повторяющихся, хотя и безполезныхъ апелляцій со стороны университета [2]). Эти апелляціи стоили университету немалыхъ матеріальныхъ затратъ: папа долженъ былъ разрѣшить одному изъ профессоровъ и застрѣльщику ихъ агитаціи, канонику Вильгельму Сентъ-Амуру, сдѣлать долгъ въ 300 ливровъ на веденье процесса [3]).

Въ то же время университетъ разсылалъ циркулярное письмо ко всѣмъ архіепископамъ и университетамъ: это настоящій обвинительный актъ противъ доминиканцевъ.

---

[1]) Char. Univ. Paris. I p. 242. Cp. Bul. III, p. 248: Turbatio Universitatis a Medicantibus.

[2]) Bonum Universale de proprietatibus apum. L. II c. 10.

[3]) Char. Univ. Paris. p. 265—15 іюля 1254 г.

Когда они вошли въ университетъ, ихъ встрѣтили радушно, но послѣ, вопреки заповѣди смиренья, болѣе обязательной для нихъ, чѣмъ для кого-нибудь другого, они стали все болѣе и болѣе захватывать въ свои руки учительство: въ отсутствіе магистровъ они завладѣли одной каѳедрой теологіи, а затѣмъ, несмотря на сопротивленье канцлера, взяли и вторую. Кромѣ того, своими проповѣдями и обученьемъ на сторонѣ доминиканцы подрываютъ дѣятельность университета, отвлекаютъ отъ него учащихся. Они постоянно показывали полную несолидарность съ другими магистрами, не прекращали своихъ занятій, несмотря на общее рѣшенье, клеветали и агитировали противъ университета и, наконецъ, когда университетскій служитель принесъ въ ихъ коллегію рѣшенье профессоровъ прекратить занятія,—они избили его. Главными виновниками въ глазахъ профессоровъ являются доминиканцы: они пришли впервые, а за ними уже послѣдовали миноритъ, премонстратензы и др. „Во всемъ этомъ", кончаютъ профессора, „узнается справедливость пословицы: „mus in pera, serpens in sinu, ignis in gremio male suos remunerat hospites" [1]). Иннокентій IV потребовалъ сначала отъ магистровъ принять доминиканцевъ въ свою среду (1 іюля 1253); когда они это не сдѣлали, вызвалъ представителей обѣихъ сторонъ къ себѣ [2]); вообще, несмотря на нѣкоторое охлажденіе въ концѣ жизни къ орденамъ, онъ былъ въ университетскомъ спорѣ болѣе за нихъ, хотя и не защищалъ ихъ съ особой энергіей.

Когда, напротивъ того, въ лицѣ Александра IV вступилъ на папскій престолъ убѣжденный сторонникъ и другъ нищенствующихъ орденовъ, дѣло университетской оппозиціи приняло неблагопріятный оборотъ. 14 апрѣля 1255 г. онъ издалъ знаменитую буллу (constitutio), „Quasi lignum vitae", которая тоже стремится примирить враждующія стороны, но дѣлаетъ это всецѣло въ пользу орденовъ [3]). Папа отмѣняетъ ограниченья, наложенныя уни-

---

[1]) Char. Univ. Par. I 252—258

[2]) Ibid. p. 247 и 249.

[3]) Эту буллу мы найдемъ въ II томѣ Bul. Fr. и I Bul. Praed. и Char. Univ. Paris. I. p. 279.

верситетомъ: отнынѣ всякая коллегія клириковъ или монаховъ (secularium vel regularium collegia) можетъ сохранить свои каѳедры и школы, и пріобрѣсти новыя съ согласія канцлера; смягчены также обязательство читать пробный курсъ и обязательство университетской тайны: можно требовать лишь, чтобы эта тайна не разглашалась во вредъ университету, если соблюденье не представляетъ опасности для спасенья души. Университетъ можетъ прекратить свои занятія, лишь если за это выскажутся двѣ трети магистровъ и всѣ факультеты. Всѣ остальныя постановленія университета теряютъ свою обязательную силу и нельзя ими никого связывать. Въ частности, всѣ мѣры противъ преподавателей изъ нищенствующихъ орденовъ подвергаются полной кассаціи: университетскіе профессора должны опять принять ихъ въ свое общество, и это рѣшенье имѣетъ силу, несмотря ни на какія привилегіи, которыя можно было противъ него предъявить.

Булла „Quasi lignum" была въ общемъ очень благопріятна для нищенствующихъ братьевъ; сопротивленіе же профессоровъ сдѣлало ее еще благопріятнѣй. Но, чтобы понять ходъ дальнѣйшей борьбы, намъ нужно остановиться на программѣ университетской оппозиціи. Самымъ яркимъ выраженіемъ этой программы были произведенія Вильгельма Сентъ Амура, попытавшагося дать ей глубокое теоретическое обоснованіе. Вильгельмъ былъ первоначально каноникомъ церкви въ Бове, потомъ сталъ профессоромъ философіи въ школѣ Notre-Dame (мы не должны забывать, что университетъ въ XIII в. былъ понятіемъ собирательнымъ), потомъ синдикомъ и, наконецъ, ректоромъ всего университета. Онъ былъ душой оппозиціи противъ нищенствующихъ орденовъ, инспирировалъ коллективныя рѣшенія профессоровъ; не только содержаніе, но и самый текстъ резолюцій часто дословно сходится съ его сочиненіями [1]). Между ними для насъ наиболѣе важны его знаменитый памфлетъ „Tractatus de periculis novissimorum temporum" и, затѣмъ, болѣе пространные Collectiones catholicae et canonicae scripturae;

---

[1]) См. особенно 4 фев. 1254 г. и 5 ок. 1255 г.

ими главнымъ образомъ мы воспользуемся для разбора его системы [1]).

Исходный пунктъ Вильгельма лежитъ въ противоположеніи свѣтскаго клира монашеству. Христосъ учредилъ лишь два церковныхъ достоинства (ordines): апостоловъ и учениковъ; никакого третьяго въ установленной имъ церкви не было. Отъ апостоловъ пошла власть епископовъ, отъ учениковъ — священниковъ: послѣднимъ и принадлежитъ cura animarum надъ вѣрующими [2]). Каждый священникъ получаетъ власть надъ ввѣреннымъ ему приходомъ, подобно тому, какъ каждый епископъ надъ своей діоцезой. Такое раздѣленіе областей было уже у апостоловъ: лишь Павелъ имѣлъ учительскую власть надъ всѣми странами. Епископы, священники и дьяконы составляютъ въ церкви ordo superior, всѣ остальные вѣрующіе, въ томъ числѣ и монахи, образуютъ ordo inferior, и они никоимъ образомъ не должны посягать на непринадлежащую имъ власть. Этому правильному теченію церковной жизни угрожаетъ, однако, опасность, предсказанная еще въ св. Писаніи: появленіе соблазнителей, лжепророковъ. Они узурпируютъ власть священниковъ, учатъ, проповѣдуютъ, слушаютъ исповѣдь и налагаютъ покаянія, хоронятъ. Такимъ образомъ, вѣрующіе, которые обязаны хоть разъ въ году исповѣдоваться своему

---

[1]) О Вильгельмѣ де С. Амуръ см. Histoire littéraire de la France. v. XIX p. 197—215. Collectiones составлены позднѣе, чѣмъ Tractatus, около 1260 г. послѣ того, что Вильгельмъ провелъ много лѣтъ въ изгнаніи изъ Франціи, но по существу они повторяютъ и развиваютъ Tractatus. Изъ другихъ сочиненій важны: Concio de Pharisaeo et Publicato (сравненіе нищенствующихъ орденовъ съ фарисеями); De quantitate eclemosynae (можетъ ли человѣкъ раздать все свое имущество въ милостыню другимъ); De valido mendicante (осужденье нищенства) и отвѣтъ на обвиненія доминиканцевъ. Всѣ сочиненія напечатаны были въ Парижѣ, въ 1632 г. 4⁰: по этому изданію мы и дѣлаемъ ссылки. Замѣтимъ, что черезъ годъ послѣ напечатанья королевскій тайный совѣтъ запретилъ всѣмъ типографіямъ и книгопродавцамъ продавать и пускать въ обращенье эту книгу подъ страхомъ смертной казни, а всѣмъ вообще имѣть ее у себя подъ страхомъ штрафа въ 3000 ливровъ. Рѣшенье совѣта было опубликовано вмѣстѣ съ буллами Александра IV, которыя осуждали сочиненія Вильгельма Сентъ Амура.

[2]) De pericul. c. 2, Opera p. 21

священнику, не исполняютъ этой обязанности: такъ развивается презрѣніе къ клиру (contemptus praelatorum), а это путь къ гибели. Скажутъ, быть можетъ, что папа въ правѣ дать cura animarum, кому захочетъ. Вильгельмъ отказывается разсуждать о папской власти [1]), но если папа и даетъ власть проповѣдовать кому-нибудь, это значитъ: проповѣдовать, когда позовутъ [2]). „Невѣроятно, чтобы папа, вопреки словамъ апостола Павла, далъ права безчисленному множеству людей проповѣдовать въ приходахъ, если ихъ не позовутъ приходскіе священники“ [3]). Епископъ же прямо не можетъ принуждать священниковъ своей діоцезы допускать кого-нибудь къ проповѣди. „Вообще, если бы по какой-нибудь причинѣ, неизвѣстной намъ, по всей церкви были-бы установлены помощники духовенству, то нельзя думать, чтобы ихъ установили въ ущербъ прелатамъ церкви [4]).

Монахи въ особенности не должны получать правъ, нарушающихъ церковный режимъ. Изъятіе аббатовъ изъ подчиненія епископской власти—не оправданіе: оно дѣлается для облегченія епископа. Отдѣльная привилегія монаху совершать извѣстныя церковныя дѣйствія можетъ пониматься лишь какъ диспенсъ, какъ исключеніе изъ обычнаго церковнаго правила [5]). Всѣмъ же монашествующимъ безусловно запрещено крестить, воспринимать отъ крещенія, хоронить мертвыхъ, налагать покаяніе на народъ, навѣщать больныхъ, совершать надъ ними помазаніе, пѣть при народѣ мессы, проповѣдовать, становиться адвокатами или прокураторами въ дѣлахъ церкви или принимать на себя защиту бѣдныхъ,— все это дѣйствія похвальныя, но не приличествующія званію монаховъ; ихъ дѣло—оставаться въ полномъ подчиненіи у епископовъ, поститься и молиться въ своихъ монасты-

---

[1]) Ib. p. 25. De potestate domini Papae nolumus disputare.

[2]) Ibid. Potestas praedicandi intelligenda est, ubi ad hoc fuerint invitati.

[3]) Ibid. Non est verisimile, D. Papa contra doctrinam ap. Pauli infinitis vel pluribus licentiam concedit praedicandi de plebibus alienis, nisi a plebanis fuerint invitati.

[4]) Collec. p. 169: in. laesionem et periculum praelatorum Ecclesiae

[5]) Collect. p. 193.

ряхъ [1]). Монахи не должны также называться учителями, и имъ не слѣдуетъ даже долго учиться: если для нихъ опасно часто бывать въ большомъ обществѣ, то тѣмъ болѣе въ школахъ.

По какимъ же признакамъ можно узнать этихъ имѣющихъ придти лжепророковъ? Опираясь на авторитетъ Св. Писанія, но въ дѣйствительности собирая различныя черты, характеризующія нищенствующіе ордена, авторъ рисуетъ ихъ въ такомъ видѣ [2]): они назовутъ себя апостолами, хотя будутъ непохожи на истинныхъ апостоловъ. Тѣ не хвалили самихъ себя, не проповѣдовали безъ зова, не оказывали давленія на волю умирающихъ, чтобы вынудить у нихъ въ свою пользу завѣщаніе, не обижали тѣхъ, кто не хотѣлъ ихъ принять; новые же апостолы проникаются ненавистью даже къ тѣмъ, кто хочетъ ихъ исправить, и возбуждаютъ монарховъ противъ своихъ обличителей. При первомъ появленіи въ странахъ апостолы обычно не имѣли успѣха, не имѣлъ его и Христосъ; новыхъ же апостоловъ принимаютъ сразу съ распростертыми объятіями и лишь впослѣдствіи, узнавши, оцѣниваютъ ихъ по достоинству [3]). Апостолы никогда не брали привилегій, рекомендательныхъ писемъ, пожертвованій отъ грѣшниковъ и ростовщиковъ; никогда не называли самихъ себя учителями, не тѣснились при дворахъ царей; не занимались они ни философіей, ни логикой, и не старались захватить въ свои руки обученья юношества этимъ наукамъ. Для нихъ достаточно было Христова Евангелія,— и они не проповѣдовали какое-то новое и „вѣчное Евангеліе". Наконецъ, есть одна черта, въ которой лжеапостолы обнаруживаютъ себя. Христосъ не нищенствовалъ, его ученики жили отъ трудовъ рукъ своихъ; новые же апостолы подъ предлогомъ особой святости отказываются отъ всякой собственности и отъ всякаго труда и, узурпируя права приходскаго духовенства, хотятъ еще жить на счетъ этой узурпаціи. Не въ отказѣ отъ всякой собственности заключается

---

[1]) Ibid. p. 296.

[2]) De peric. c. 2 p. 21 и c. 14 p. 37.

[3]) De peric. p. 65.

спасенье, а въ слѣдованіи Богу [1]). Церковь и монастыри должны имѣть собственность: она была и у апостоловъ и у Христа [2]). Притомъ, новые апостолы отказываются лишь на словахъ отъ собственности, а на дѣлѣ пользуются ею. Они дѣлаютъ такую уловку, что приписываютъ собственность римской церкви, а за собой оставляютъ лишь пользованье (usus),—но такое пользованіе безъ собственности лицемѣрно, и папа—фиктивный собственникъ [3]). Теорія, видящая въ полномъ отказѣ отъ собственности христіанское совершенство, ложна [4]). Столь же ложно видѣть что-нибудь достойное въ прошеніи милостыни. Человѣкъ, раздающій все имущество, чтобы жить подаяніемъ и не работать, совершаетъ смертный грѣхъ [5]). Люди, принуждаемые бѣдностью и вмѣсто работы просящіе милостыню, грѣшатъ; тѣ же, которыхъ и бѣдность не заставляетъ дѣлать это, грѣшатъ вдвойнѣ, отымая пропитаніе у дѣйствительно нуждающихся [6]). Новые лжеапостолы, вообще, слишкомъ односторонне понимаютъ евангельскую притчу о птицахъ небесныхъ,—ибо хотя и не работаютъ, но въ житницы собираютъ [7]).

Во всемъ этомъ слишкомъ очевидные намеки на нищенствующіе ордена. Вильгельмъ оправдывается, что онъ вовсе не имѣлъ ихъ въ виду—его обвинители ссылались на совпаденіе во времени выхода его памфлета съ университетскимъ

---

[1]) Collect. p. 358, Relinquere omnia non facit perfectum esse, sed Deo imitari perfectum facit.

[2]) Ibid. p. 364 Christus, qui fuit perfectissimus, habendo communes loculos, compatiendo infirmis, nihil suae perfectoni detrahit.

[3]) Ibid. Earum dominium Summo Pontifici infructuosum relinquunt.

[4]) Ibid. p. 365. Ex eo antem, quod asserunt nihil habere proprium vel commune est perfectionis, habere autem commune non est summae perfectionis; manifeste iudicant non solum Romanam, vel etiam Universam Ecclesiam a tempore, a quo coepit habere communes possessiones a perfectionis culmine miserabiliter cecidisse et se solos in illo culmine permanere. Quod dicere, quam sit praesemptuosum, quam superbum, quamque generali Ecclesiae et eius rectori S. Pontifici intolerabiliter iniuriosum, videat et indicet Deus ultionum.

[5]) De Quantitate eleemosynae p. 80—87.

[6]) Collect. p. 216.

[7]) Ibid. p. 284.

расколомъ [1])—и доказываетъ, что если ордена приняли его слова на свой счетъ, это далеко не дѣлаетъ имъ чести [2]). Онъ ссылается на Правило Франциска, которое требуетъ работы и позволяетъ милостыню лишь тѣмъ, кто не можетъ работать.

Такимъ образомъ, эти лжеапостолы представляютъ великую опасность для единства и блага церкви, но эта опасность можетъ и должна быть своевременно устранена, хотя бы монархи, покровительствующіе лжеапостоламъ, были этимъ недовольны [3]). Предохранить вѣрующихъ, естественно, обязанность священниковъ. Пусть они слѣдятъ за тѣми, кто хочетъ овладѣть совѣстью ихъ паствы, пусть изобличаютъ ихъ; они не должны позволятъ имъ проповѣдовать, вербовать приверженцевъ въ свою секту, исповѣдовать, палагать покаяніе. Въ случаѣ надобности можно употребить въ дѣло противъ нихъ свѣтскую власть. Но самое главное и дѣйствительное средство состоитъ въ томъ, чтобы не допускать ихъ собирать съ вѣрующихъ пожертвованія [4]). Поддерживая своими приношеніями этихъ праздныхъ и вредныхъ людей, свѣтскіе люди сами совершаютъ тяжкій грѣхъ. Если духовенство въ этомъ отношеніи будетъ небрежно, то его, безъ сомнѣнія, постигнетъ кара, какъ духовная, такъ и матеріальная. Духовная—на страшномъ судѣ, а сверхъ того и въ сей жизни—потеря всякой духовной власти, ко-

---

[1]) Responsiones ad obiect p. 105.

[2]) Ibid. „Dico quod nec contra ordinem fratrum, nec contra eorum personas aliquid dicebatur, sed tantum contra opera Pseudo-apostolorum et penetrantium domos; et valde ignominiosum est fratribus dicere, quod per talia opera intelliguntur ipsi fratres; cum hoc esse vix, ut existimo, posset, nisi in eis talia opera, quod absit. modo aliquo apparerent“. Въ другомъ же мѣстѣ онъ выставляемъ это какъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ лжеапостоловъ, что они, какъ люди съ нечистой совѣстью, легко относятъ къ себѣ все, что говорится объ обманщикахъ.

[3]) De peric. c, II p. 44: Non obstante offensa regum et principum.

[4]) De peric. c. 12 p. 47 Si autem breviori manu velint praelati Ecclesiae praedicationem a praedictis et per consequens pericula quae ex eorum praedicatione sequuntur, ab Ecclesia amovere, praevideant, ne ipsi exigere aut recipere sumptus possint, quia procul dubio si non reciperent, non diu praedicarent.

торую захватятъ лжеапостолы, а за потерей духовной власти, послѣдуетъ и отнятіе всѣхъ матеріальныхъ благъ, коими оно пользуется [1]).

Трактаты Вильгельма Сентъ Амура представляютъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ образцовъ средневѣковой памфлетной литературы; здѣсь собраны воедино и формулированы всѣ обвиненія, которыя могли быть выставлены противъ орденовъ со стороны клира. Вмѣстѣ съ этимъ, здѣсь мы имѣемъ передъ собой планъ церковной организаціи, гдѣ центръ тяжести всецѣло лежитъ на мѣстныхъ органахъ,—можно сказать, планъ церковной децентрализаціи. Ученіе о самостоятельности отдѣльныхъ приходовъ и отдѣльныхъ діоцезъ, взаимныя отношенія которыхъ регулируются каноническимъ закономъ, подготовляетъ насъ къ ученію о самостоятельности національныхъ церквей. Устраняя монашество отъ всякаго активнаго участія въ церковной жизни, Вильгельмъ ослаблялъ то международное единство католической церкви, которое служило источникомъ ея главной силы. Папство при этомъ неизбѣжно теряло свое вліяніе на церковь: у него устранялись его самые вѣрные сотрудники, а приходско-епископальная іерархія, установленная Христомъ, руководимая каноническимъ закономъ, строго говоря, довлѣла сама себѣ. Самъ Вильгельмъ формально не задѣвалъ куріи; онъ только отказывался вѣрить ея актамъ, которые всѣмъ были извѣстны [2]).

Какое жизненное значеніе имѣла эта программа, отвѣтить не легко. Замѣтимъ, что она вышла изъ-подъ пера магистровъ Сорбонны, и что однимъ изъ поводовъ было столкновеніе съ орденами изъ-за права преподавать. Если мы представимъ ту пропасть, которая отдѣляла самосознаніе сорбоннскихъ дѣятелей отъ самосознанія массы приходского духовенства, то будетъ ли для насъ возможо отнести

---

[1]) Collect. p. 482 Verisimile est, quod iurisdictio caeterorum, nec non et possessio bonorum Ecclesiae temporalium apud ipsos Praelatos non diutius remanebunt, cum illis solis debeantur Ecclesiae bona carnalia, qui spiritualia bona ministrant.

[2]) De per. c. 3 p. 25.

эту программу насчетъ второго? Приходскому духовенству говорилъ въ ней лишь аргументъ, что нищенствующіе ордена вытѣснятъ его и лишатъ средствъ къ существованію. Далѣе является вопросъ, насколько была осуществима эта программа, насколько она соотвѣтствовала интересамъ церкви. На это мы можемъ не колеблясь отвѣтить; она была осуществима лишь при условіи отказа отъ той программы духовнаго правленія, которую, со времени клюнійской реформы, папы непрерывно старались проводить въ жизнь: было доказано, что она не могла выполняться съ помощью лишь приходского духовенства и епископовъ. Что касается до соотвѣтствія церковнымъ интересамъ, то самый вопросъ не правиленъ: какъ мы видѣли, церковь не была единой организаціей.

Не одна противоположность интересовъ монашества и свѣтскаго клира отражалась въ этомъ спорѣ. Сорбоннскіе профессора и нищенствующіе монахи не могли понять другъ друга. Первые довольствовалисъ трезвой дѣйствительностью; они не хотѣли всеобъемлющихъ реформъ въ церкви, переворотовъ въ общественной жизни; для ихъ разсудка притязанія нищенствующихъ орденовъ казались не только вредными, но и нелѣпыми. Къ чему такіе новые и рискованные принципы, къ чему необузданная мистика, фанатизмъ бѣдности, не оправдываемый Евангеліемъ, такъ легко вырождающійся въ праздность; словомъ, къ чему утопіи?

Въ глазахъ представителей нищенствующихъ орденовъ форму ихъ жизни, ихъ бѣдность оправдывалъ уже одинъ ихъ успѣхъ. Развѣ онъ не показалъ, что въ человѣческой природѣ скрываются такія стороны, которыя неизвѣстны были церкви? Развѣ, наконецъ, ихъ независимость отъ мѣстныхъ силъ, которая такъ рѣзко отличаетъ ихъ отъ епископовъ и приходскаго духовенства, не обнаружилась въ ихъ успѣхѣ? Кого могли-бы сорбоннскіе профессора противопоставить Доминику, Франциску, Антонію Падуанскому—всему ряду мистиковъ, апостоловъ и мучениковъ, уже вышедшихъ изъ орденовъ?

Противники Вильгельма не замедлили отвѣтомъ. Прежде всего, его далъ въ циркулярномъ письмѣ къ своему ордену

генеральный магистръ доминиканцевъ Гумбертъ [1]): „на насъ возсталъ діаволъ, левіаѳанъ, вельзевулъ... Насъ называютъ лжеапостолами, предвѣстниками антихриста, которые должны въ послѣднія времена церкви разрушить вѣру... Какъ на Авеля возсталъ Каинъ, какъ на Давида... Авессаломъ...“ Болѣе сильнаго противника Вильгельмъ встрѣтилъ во францисканскомъ монахѣ Бернардѣ Баіоннскомъ, который выпустилъ противъ него трактатъ: „De paupertate Christi et apostolorum“. Разсказываютъ, что когда однажды онъ побѣдоносно опровергнулъ всѣ аргументы Вильгельма, послѣдній, не зная его въ лицо, воскликнулъ: „или ты ангелъ съ неба, или дьяволъ изъ ада, или Страбонъ изъ Баіона“ (такъ звали Бернарда до поступленія во францисканскій орденъ). „Не ангелъ, и не дьяволъ, а Страбонъ изъ Баіона“, отвѣчалъ тотъ [2]).

Трактатъ Бертрана раздѣляется на двѣ части: одна опровергаетъ нападки Вильгельма на евангельскую бѣдность, которая лежитъ въ основѣ обоихъ нищенствующихъ орденовъ; другая защищаетъ право монаховъ на cura animarum.

Первое заблужденіе Вильгельма состоитъ, по Бертрану, въ томъ, что онъ считаетъ отказъ отъ міра и отреченіе отъ всякой собственности чѣмъ-то противнымъ спасенію души или, по крайней мѣрѣ, предосудительнымъ [3]). Это противорѣчитъ ученію Христа о презрѣніи къ мірскимъ благамъ; такое презрѣніе должно быть не только внутреннимъ актомъ, но и выражаться во внѣшнихъ дѣйствіяхъ (non tantum mentales, sed et corporales). И Христосъ убѣждалъ богатаго юношу оставить все, а апостоламъ предписалъ не брать ни золота, ни серебра, и это ученье сохранилось и въ апостольской общинѣ, какъ указываетъ небесная кара, постигшая Ананію и

---

[1]) Chart. Univ. I p. 309.

[2]) Трактатъ этотъ находится въ Ватиканской библіотекѣ въ двухъ манускриптахъ: 161 Borghes. и 360 Borghes. Мы будемъ цитировать по послѣднему, лучшему списку.

[3]) Ib. 129 3—4: „Quod status eorum sit damnabilis seu, ut mitius loquitur, vituperabilis, qui mundo renunciantes nihil in proprio vel communi possident“.

Сафиру (131,1). Августинъ признавалъ, что Марѳа поступила не дурно, но Марія—лучше. Кто прилѣпляется къ богатствамъ, тотъ отчуждается отъ Христа, который ихъ презиралъ, а человѣкъ, отказывающійся отъ всего своего имущества, уже тѣмъ самымъ уподобляется Христу и можетъ легче постичь его; ибо подобное лучше всего познается подобнымъ: глазъ видитъ лучше всего тотъ цвѣтъ, какого онъ самъ [1]). Христосъ допускалъ, чтобы у апостоловъ были ящики съ деньгами, но этимъ онъ хотѣлъ лишь показать, что обстоятельства могутъ смягчить суровость заповѣди, и явилъ свое смиреніе. Ему ли было нуждаться въ деньгахъ, которому могли служить сонмы ангеловъ? Апостолы же не имѣли собственности: они лишь пользовались приношеніями вѣрующихъ. Нельзя приводить здѣсь также принципа золотой середины—„лучшая жизнь на серединѣ между скудостью и богатствомъ"—ибо добродѣтели богословскія, къ которымъ относится и святая бѣдность, тѣмъ выше, чѣмъ полнѣе соблюдаются. Вообще, о матеріальномъ можно просить лишь ради духовнаго: даже прошеніе о хлѣбѣ насущномъ въ „Отче нашъ" относится не къ хлѣбу матеріальному, а къ тѣлу и крови Христовой.

Самое трудное для Бертрана возраженіе противъ принципа евангельской бѣдности представляли церковныя богатства. Бертранъ указываетъ на то, что въ церкви много чиновъ; однимъ приличествуютъ богатства, другимъ—евангельская бѣдность. Онъ не подымаетъ рискованныхъ вопросовъ о томъ, какой выше: онъ защищаетъ лишь обѣтъ нищенствующихъ орденовъ, а не сопоставляетъ ихъ съ другими органами церкви.

Другіе нападки Вильгельмъ основывалъ, такъ сказать, на соціальномъ вредѣ отказа отъ собственности, ведущаго за собой нищенство, тунеядство, необходимость жить на чужой счетъ. Бертранъ энергично опровергаетъ это, и его аргументы здѣсь особенно интересны. Не только учитель-

---

[1]) 131, 1, „igitur sic vita peccatrix est in appetitu eorum, quae contempsit Christus, et in fuga eorum quae contempserit Christus sunt eorum contraria igitur quo magis sustinet hoc et priora magis contemnit, eo est audabilior et Christo conformior".

скія и пастырскія обязанности, принимаемыя орденами, но и самая ихъ евангельская бѣдность полезна для другихъ. Всякое человѣческое общество обременено грѣхами, связанными съ накопленіемъ богатствъ; но оно спасается той всегда незначительной частью своихъ членовъ, которые своими молитвами, добрыми дѣлами, добровольной бѣдностью и аскезой примиряютъ съ нимъ Бога. Содержа этихъ людей, общество совершаетъ не только актъ справедливости и благотворенья, но прежде всего—актъ самосохраненія; не бѣдные обязаны богатымъ, а обратно [1])

Совершенно несправедливо также требовать отъ нищенствующихъ орденовъ ручного труда. Ни одно монашеское правило не поощряетъ праздности. Но, очевидно, есть случаи, когда отсутствіе тѣлеснаго труда съ избыткомъ вознаграждается духовнымъ: что важнѣе молитвы, проповѣди, духовнаго руководства? (144,2—145,2). Совмѣщеніе ручного и духовнаго труда, которое мы видимъ, напримѣръ, у ап. Павла, въ настоящее время невозможно: и люди стали слабѣе духовно и тѣлесно, и жизнь сложнѣе, и необходимыя знанія пріобрѣтаются съ большимъ трудомъ (142,2). Наконецъ, надо помнить, что весь христіанскій міръ составляетъ одно общество, „одну республику", гдѣ всѣ отношенія должны строиться на взаимной пользѣ и любви; получающій подаяніе получаетъ то, что принадлежитъ Христу и предназначено всѣмъ неимущимъ [2])

На второмъ утвержденьи Вильгельма, что монахи не должны вѣдать cura animarum и, въ особенности, проповѣдовать, Бертранъ останавливается меньше. Нелѣпо утверждать, что папа не имѣетъ права допустить, кого угодно, къ проповѣди безъ согласія приходского духовенства,—это вытекаетъ изъ его авторитета: такія порученья не противорѣчатъ ни естественному праву, ни Священному Писанію. Прелаты—не владѣльцы своихъ церквей, а лишь управите-

---

[1]) 139, 1—Verum qui recipit eo quod recipit se obligat alienis peccatis ut agant ea, pro qua aliena subleventur. Secundum hanc igitur rationem obligantur divites huju saeculi talibus pauperibus".

[2]) 146, 3 Iterum omnium Christianorum una est respublica, sicut dictum est, et ubicunque aliquis accipit, de Christo accipit et imo de suo accipit.

ли [1]). Конечно, прелаты, которые дѣйствительно заботятся о спасеньи душъ пасомыхъ, не будутъ со враждой и завистью относиться къ новымъ проповѣдникамъ, а скорѣе увидятъ въ нихъ своихъ помощниковъ [2]).

Но мало того, что появленье новыхъ проповѣдниковъ вполнѣ оправдывается: можно видѣть здѣсь перстъ Божій. Несчастія и нечестье настолько умножаются въ мірѣ, что близко уже время, когда недостаточно станетъ обычныхъ средствъ, которыми располагаетъ церковь въ лицѣ приходскаго духовенства; тогда начнется дѣятельность новыхъ носителей cura animarum. Кто можетъ считать ихъ лишними? Если бы священниковъ стало и во сто разъ больше, то и тогда они не могли бы выполнить до конца своей миссіи [3]). Папы видѣли, какія бѣдствія угрожаютъ церкви, и напутствовали новыхъ пастырей душъ (150,3).

Сильная сторона доводовъ Бертрана состояла въ томъ, что онъ показалъ связь между существованіемъ орденовъ и благомъ всей церкви и всего христіанскаго общества. Въ то время, какъ Вильгельмъ долженъ былъ исходить изъ спорной теоріи, которая какъ-бы монополизировала cura animarum за приходскимъ духовенствомъ, Бертранъ, казалось, говорилъ не только за свой орденъ, но и за духовные интересы современнаго ему свѣтскаго общества. Могъ ли для послѣдняго быть выборъ? Не трудно понять, чьи слова находили въ немъ больше отклика.

Не трудно понять и то, что Александръ IV видѣлъ, куда клонится пропаганда Вильгельма. Профессора не смущались; опять они послали коллективное письмо, объясняя, почему

---

[1]) 150, 4 Praelati non sunt domini, sed dispensatores ecclesiarum.

[2]) Ib. Amplius praelati, qui curam habent animarum, et ad quos officio spectat praedicare, si boni sunt non iudicant suum praeiudicium in praedicatione aliorum, sed adiutorium, imo qui si hoc faciunt, moventur non ex caritate, sed ex invidia.

[3]) 150, 1. Haec omnia circa finem sunt crescenda et amplificanda. Si igitur sic est, non tam per providentiam humanam, quam per sapientiam divinam ordinatum est, ut contra tot malorum augmentum augeatur numerus praedictorum. Nisi qui dicat praelatos sufficere posse ad omnium istorum malorum exspectationem cum nec ipsi, si centipulati essent, ad haec agenda sufficerent.

не могутъ принять въ свое общество доминиканцевъ и францисканцевъ. Скорѣе они готовы перенести занятія въ другое мѣсто или, если папа этого не разрѣшитъ, бросить ихъ и разойтись по разнымъ мѣстамъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, они могутъ пользоваться свободой [1]).

Папа отвѣтилъ суровой буллой къ профессорамъ (4 ап. 1256 г.): „ваши глаза затуманены гордостью, вы должны получить лозу исправленья и въ смиреньи узнать, сколь безумно и позорно съ упорствомъ сопротивляться справедливѣйшимъ рѣшеніямъ апостольскаго престола". Профессора уклоняются отъ исполненія „Quasi lignum" и тянутъ дѣло подъ предлогомъ апелляціи: особенно виноваты здѣсь агитаторы, и самый главный изъ нихъ Вильгельмъ. И эта булла не сломила упорства профессоровъ; 27 іюня папа обращается уже къ парижскому епископу, который, судя по всему, не былъ недоволенъ непріятностями, постигшими нищенствующіе ордена. Доминиканцы, видя, какъ затягивается дѣло, согласились заключить съ парижскими профессорами договоръ: его содержанье для насъ не совсѣмъ ясно, но суть была въ томъ, что ученики ихъ ордена подвергались извѣстнымъ ограниченьямъ въ университетѣ. Папа кассировалъ договоръ и требовалъ отъ епископа активной защиты орденовъ, угрожая въ противномъ случаѣ своимъ гнѣвомъ. Наконецъ, призвана была на помощь и рука свѣтской власти: парижскій университетъ открыто возмутился противъ римскаго престола [2]); папа проситъ Людовика IX изгнать четырехъ главныхъ иниціаторовъ смуты— Одона де Дуака, Николая де Варто, Христіана Белуацензійскаго и Вильгельма Сентъ-Амура; послѣдняго, какъ наиболѣе опаснаго, лучше заключить въ тюрьму. Но недостаточно сдѣлать его личность безвредной; надо огра-

---

[1]) Chart. Univ. Paris. I p. 292, 2 w. 1255 г.: „noveritis nos potius studium nostrum in regnum aliud translaturos aut si aliud vobis prohibentibus facere non possumus, magis eligimus cum iactura nostra studium relinquendo ad proprios lares reverti, et ibi natiori perfrui libertate".

[2]) „Verum etiam, quod est detestabilioris audaciae, nobis se contumaciter opponere praesumentes, litteras nostras et sententias auctoritate sedis apostolicae promulgatas rebellione damnabili contemnendo".

дить и отъ заразы, распространяемой его сочиненіями. 5 ок. 1256 г. папа произнесъ церковное осужденье надъ „Tractatus de periculis novissimorum temporum“. Главныхъ пунктовъ обвиненія три: превратное сужденье о власти римскаго первосвященника (quaedam perversa et reproba contra potestatem et auctoritatem Pontificis Romani); порицанье евангельской бѣдности и людей, избравшихъ ее (nonnulla contra illos, qui propter Deum sibi arctissima paupertate mendicant mundum cum suis opibus voluntaria inopia superantes); наконецъ, нападки на нищенствующіе ордена (quaedam autem contra salutarem pauperum seu mendicantium religiosorum statum“).

Мнѣнія Вильгельма были, однако, слишкомъ распространены въ университетѣ, чтобы можно было ограничиться уничтоженьемъ его книги. Въ буллѣ королю отъ 19 ок. папа требуетъ, чтобы магистры и доктора взяли ихъ назадъ, подъ угрозой отлученья и потери бенефицій. Заблужденья ихъ слѣдующія: жизнь подаяньемъ и бѣдность орденовъ не можетъ вмѣняться имъ въ заслугу и не ведетъ къ спасенью; братья должны, при отсутствіи тѣлесной слабости, жить трудами рукъ, не проводя времени въ праздности и надѣясь на чужую помощь. Они не могутъ свободно проповѣдовать и исповѣдовать даже съ согласія римскаго первосвященника (de licentia vel commissione Pontificis Romani), иначе они черезъ это дѣйствуютъ въ ущербъ приходскому духовенству. Папа объясняетъ, насколько ложны такія обвиненія. „Если бы братья этихъ орденовъ, оставивъ другія заботы, стали заниматься ручнымъ трудомъ, они промѣняли бы важнѣйшее и полезнѣйшее на меньшее и менѣе полезное, не безъ опасности для спасенья душъ вѣрующихъ. Кромѣ того, эти братья все оставили для Бога, они подражаютъ Христу, слѣдовательно, стоятъ на пути къ спасенью и, соблюдая свой обѣтъ, заслуживаютъ вѣчной награды“. Право исповѣдовать, проповѣдовать и налагать покаяніе на вѣрующихъ дано папами, и оспаривающіе это право явно возмущаются противъ римской церкви; поэтому архіепископъ руанскій и епископъ парижскій должны заставить ихъ отречься. Папа старается успокоить учащихъ и учащихся: они должны лишь радоваться наказанью агитато-

ровъ, которые внесли раздоры и отвлекли отъ науки; въ особенности папа убѣждаетъ ихъ не дѣлать попытокъ перенести университетскія занятія въ другое мѣсто. Въ то же время онъ подтвердилъ орденамъ право читать и изучать теологію во всѣхъ школахъ, съ оговоркой „illis locis exceptis, in quibus viget studium generale“ [1]).

Магистры, однако, упорствовали: они обратились къ папѣ съ апелляціей, ссылаясь, что никого противъ воли нельзя заставить поддерживать съ кѣмъ-нибудь сношенія (ad societatem nemo est cogendus invitus); да братья и не могутъ принадлежать двумъ корпораціямъ — университету и ордену; наконецъ, ихъ обѣтъ бѣдности дѣлаетъ ихъ неспособными быть полноправными участниками въ университетской жизни [2]). Магистры жаловались и на папскую строгость, которая съ ихъ стороны ничѣмъ не вызвана [3]).

Александръ IV началъ терять терпѣніе; 14 іюля 1257 г. онъ написалъ парижскому епископу: если въ теченіе слѣдующаго мѣсяца доминиканцы не будутъ возстановлены во всѣхъ правахъ, всѣ магистры теряютъ церковные бенефиціи и право преподаванія (14 іюля 1257 г). Агитаторамъ угрожаетъ отлученіе, и всѣ клятвенныя соглашенія учащихъ не принимать братьевъ не только признаются недѣйствительными, но и запрещаются по ихъ поводу всякія апелляціи. Мы не знаемъ, насколько горячо принялъ къ сердцу папское порученіе парижскій епископъ, но король исполнилъ волю папы и изгналъ Вильгельма изъ предѣловъ Франціи. Александръ IV послалъ королю благодарность, подтвердилъ запрещеніе Вильгельму навсегда вступать въ предѣлы Франціи безъ его особаго разрѣшенія, а также

---

[1]) Bull. Praed. I и Bull. Franc. II, 28 марта 1257 г. Выраженье „studium generale“ нужно, повидимому, понимать такъ, что дѣйствіе буллы не распространяется на Парижъ, Оксфордъ, Болонью и т. п., гдѣ права братье въ регулируются особыми буллами.

[2]) Ad sustinenda ipsius Universitatis munera cuius gauderent commodis efficit paupertatis conditio impotentes.

[3]) Эту апелляцію мы знаемъ изъ папской буллы Circa frequens cotidiane, 12 мая 1257 г.; помѣщена въ Булларіяхъ обоихъ орденовъ и въ Хартуляріи.

проповѣдовать и учить гдѣ-бы то ни было (9 ав., 11 ав., 23 ав. 1257); даже учащимся въ болонскомъ университетѣ было послано предупрежденіе—не слушать Вильгельма, если онъ вздумаетъ къ нимъ явиться (24 сен.). Это подѣйствовало; другіе зачинщики обѣщались исполнить папскія рѣшенія. Магистры обязались признать буллу „Quasi lignum“, допустить братьевъ въ свое сообщество—въ особенности Ѳому Аквинатскаго и Бонавентуру, противъ которыхъ профессора были особенно возстановлены; не заключать между собой условій, противныхъ папскимъ булламъ, не допускать смутъ и не переносить занятій. Далѣе, профессора признали рядъ тезисовъ, противоположныхъ тезисамъ Вильгельма, между прочимъ, что къ нищенствующимъ орденамъ не примѣняются слова Евангелія о лжепророкахъ, предвѣстникахъ антихриста, опасности послѣднихъ временъ и т. п. (2 ок. 1257 г.).

Однако, университетъ не былъ совсѣмъ замиренъ; новыя смуты возникли на артистическомъ факультетѣ [1]). Доминиканцы добивались допущенія въ общество теологовъ, и „артисты“, считая себя несвязанными, рѣшили не поддерживать сношеній съ доминиканцами, пока не вернется въ Парижъ Вильгельмъ. Гвилотъ, пикардійскій схоляръ, читалъ за обѣдней въ церкви отрывокъ изъ своего сочиненія памфлетнаго характера противъ доминиканцевъ, непосредственно вслѣдъ за проповѣдью Ѳомы Аквинатскаго. Папа велѣлъ отлучить Гвилота, снова принять доминиканцевъ на артистическій факультетъ и кстати опубликовать повсюду осужденіе Вильгельма Сентъ-Амура—по латыни и на мѣстномъ языкѣ (vulgaribus verbis—26 іюня 1259 г.). Что касается до возвращенія Вильгельма, то папа не отрѣзывалъ ему надежду, онъ обѣщалъ даже простить его въ случаѣ полнаго раскаянія (11 іюля 1259 г.). Наконецъ, доминиканцы были приняты, и права нищенствующихъ орденовъ возстановлены съ незначительными ограниченіями (изъ нихъ не могли ставиться деканы) [2]); но все же упорство универси-

---

[1]) Boulaeus III. p. 351.
[2]) Boulaeus III. p. 366.

тета было сломлено, и папа выказалъ къ нему снисходительность: онъ поручилъ парижскому епископу освободить отъ отлученія клириковъ, подпавшихъ церковной цензурѣ за памфлеты противъ орденовъ и раскаявшихся (24 апр. 1260 г.). Такъ кончилась эта борьба, интересная, какъ мы уже говорили, по своему принципіальному смыслу, и тотъ, кто пойметъ этотъ смыслъ, навѣрное не раздѣлитъ удивленія пристрастнаго историка парижскаго университета, что папа посвятилъ такому ничтожному поводу такое множество буллъ [1]).

Между тѣмъ, какъ папы дѣятельно помогали ордену св. Франциска обезпечить все то вліяніе на церковь и свѣтское общество, которое онъ могъ оказывать, они, естественно, не оставались безучастными зрителями и его внутренняго развитія. Хотя въ разсматриваемый нами періодъ внутренняя жизнь ордена носитъ въ общемъ мирный характеръ, но все же существуютъ партіи, и въ ихъ часто обостряемой противоположности можно видѣть зерно будущаго раскола. Существенное разногласіе группировалось около вопроса, что̀ есть самое важное въ жизни, которую избрали вступившіе въ орденъ: есть-ли это точное, по духу и по буквѣ, соблюденіе Правила и Завѣщанія Франциска,—неискаженное сохраненіе и передача его завѣтовъ, или покорность правящей церкви, полное послушаніе ея главѣ, отдача въ ея распоряженіе всѣхъ своихъ силъ? Мы видимъ, какое глубокое психологическое различіе здѣсь лежало. Но не потеря напряженности первоначальнаго чувства была первопричиной; роль, которую орденъ началъ играть въ церковной жизни, съ неизбѣжностью влекла его по пути все болѣе и болѣе тѣснаго союза съ правящей церковью.

На чьей сторонѣ лежали симпатіи папъ, угадать не трудно. Они открыли передъ орденомъ новые пути; если

---

[1]) Bulaeus III, 355: „Quis non fremat, cum audit tot bullas tam levem ob causam datas, tot fulmina manu apostolico emissa? quis non miretur summum pontificem alioque virum optimum, ita ab inimicis Universitatis induci potuisse, ut iam vehementer Academia Parisiensis, quod nollent alterius Ordinis et instituti in suum consortium admittere.

они старались устранить внѣшнія препятствія, происходившія отъ зависти и недоброжелательства клира, то не менѣе энергично противодѣйствовали они развитію въ орденѣ духа, который парализовалъ бы его цѣнность для правящей церкви [1]). Папы усиливаютъ власть прелатовъ, орденскую дисциплину и въ то же время ослабляютъ суровость первоначальнаго режима. Если францисканцамъ предстояло превратиться въ своего рода папскую милицію, то начало личнаго послушанія должно было получить перевѣсъ. Францискъ могъ предоставлять своимъ ученикамъ не исполнять воли прелатовъ, если она противорѣчитъ обѣту евангельской жизни; терпима ли, однако, была такая свобода критики, когда многія новыя функціи стояли въ несомнѣнномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что говорилъ и чего желалъ Францискъ? Къ той же цѣли предохраненія орденской дисциплины отъ слишкомъ сильныхъ испытаній вело и ослабленіе суровости и безусловности Правила; такимъ образомъ, уменьшалось число случаевъ, въ которыхъ совѣсть братьевъ запрещала имъ повиноваться, а кромѣ того—въ ихъ умахъ не могло укорениться преувеличеннаго представленія о незыблемости самого Правила. Само собой разумѣется, этотъ путь былъ весьма скользкій: не первыми и не послѣдними вступали на него францисканцы.

Чтобы оцѣнить оба главные момента въ папской политикѣ относительно внутренняго строя ордена, скажемъ сначала, какъ они измѣнили орденское Правило 1223 г. Мы

---

[1]) См. Henri Thode: Franc. von Assisi und die Anfänge der Kunst der Renaissance in Italien 386 S.: „man giebt der einen Partei recht und man giebt der anderen Partei recht, behält aber die volle Sympathie doch für die gut katholischen „fratres de communitate“. Эрле, авторъ обстоятельной и критической исторіи спиритуаловъ и многихъ другихъ работъ, касающихся внутренняго развитія Францисканскаго ордена, задаетъ вопросъ: какъ могли папы способствовать перемѣнамъ, которыя противорѣчили ясно выраженнымъ намѣреніямъ основателя ордена? Онъ указываетъ, что смягченья и перемѣны не были вызваны папами, и что орденъ самъ по необходимости дошелъ до нихъ. Главные моменты, объясняющіе эти перемѣны, суть слѣдующіе: распространенье апостольской дѣятельности, усиленье научныхъ занятій, примѣръ доминиканцевъ. См. Die Spiritualen въ Archiv für Litteratur und Kirchengeschichte des Mittelalters B. III 566 S.

уже видѣли, что это Правило нельзя считать подлиннымъ выраженіемъ мыслей и чувствъ Франциска: церковь уже наложила на орденъ свою руку. Скоро, однако, выяснилось, что и оно не совсѣмъ пригодно къ тому, чтобы быть основной орденской конституціей: оно еще недостаточно формально. И вотъ, при Григоріи IX подымается спорный вопросъ, какъ его понимать?—вопросъ, на который папы отвѣчаютъ изданіемъ своихъ комментаріевъ къ Правилу. По формѣ это было лишь разъясненіе его смысла, по сущности—весьма часто коренное измѣненіе его содержанія.

Первое такое „разъясненіе" далъ Григорій IX 28 сент. 1230 г. Онъ указываетъ, что братья недоумѣвали относительно нѣкоторыхъ пунктовъ Правила. Между тѣмъ, Францискъ въ своемъ завѣщаніи запретилъ какимъ-бы то ни было образомъ комментировать свое Правило; были въ завѣщаніи и другіе пункты, соблюденіе коихъ соединялось съ большими трудностями. Папа начинаетъ съ того, что истинныя намѣренія Франциска ему близко извѣстны, и поэтому онъ вполнѣ можетъ разъяснять сомнительныя мѣста Правила [1]). Онъ не сомнѣвается въ чистотѣ и святости мотивовъ, которые руководили Францискомъ при составленіи завѣщанія, но, въ виду опасности для души и трудности его исполнять, папа разрѣшаетъ братьевъ отъ его соблюденія,—тѣмъ болѣе, прибавляетъ онъ, что Францискъ не могъ обязывать братьевъ безъ согласія министровъ, которыхъ всѣхъ это касалось (quos universos tangebat), и не обязалъ ни къ чему своихъ преемниковъ, ибо „равный не имѣетъ власти надъ равнымъ" [2]). Послѣднее объясненіе знаме-

---

[1]) „Et cam ex longu familiaritate, quam idem confessor nobiscum habuit, plenius noverimus intentionem ipsius et in condendo praedictam Regulam obtinendo confirmationem ipsius per sedem Apostolicam sibi astiterimus, dum adhuc essemus in minori officio constituti, declarari similiter dubia et obscura Regulae supradictae nec non super quibusdam difficilibus responderi.

[2]) Sane quamvis praedictum Christi confessorem piam intentionem in praedicto mandato habuisse credamus et vos in iustis votis eius et desideriis sanctis affectatis omnimodo confirmari: nos tamen attendentes, animarum periculum et difficultates quas propter haec possetis incurrere, dubietatem de vestris cordibus amovendo ad mandatum illud vos dicimus non teneri, quod

нательно: по нему Францискъ былъ лишь первымъ „генеральнымъ министромъ“ ордена, не имѣвшимъ никакой особой власти; то, что онъ установилъ, его преемники въ правѣ отмѣнить [1]).

Далѣе слѣдуютъ у папы разъясненія самаго Правила. Братья, давшіе троякій обѣтъ, не обязаны исполнять другихъ евангельскихъ совѣтовъ въ силу повиновенія Правилу. Относительно принятія денегъ текстъ былъ не совсѣмъ ясенъ: „ne fratres recipiant per se vel per alios denarios, vel pecuniam ullo modo“: можно ли было, напримѣръ, обращаться за помощью къ друзьямъ, разъ извѣстно, что они получили деньги на удовлетвореніе нуждъ братьевъ? Папа объяснилъ: если братья хотятъ купить какую-нибудь необходимую для нихъ вещь или заплатить за купленную, то они могутъ выбрать себѣ, такъ сказать, посредника, который получитъ деньги отъ лица, желающаго сдѣлать имъ милостыню; строго говоря, онъ будетъ посредникомъ не братьевъ, а благотворителей [2]). Самый же посредникъ долженъ немедленно отдать деньги, чтобы они не оставались у него на рукахъ, а въ случаѣ надобности, можетъ отдать на храненіе кому-нибудь изъ друзей братьевъ. Въ прицинѣ миноритъ не могутъ имѣть никакой собственности, ни общей, ни частной [3]), но сохраняютъ пользованіе книгами и другими предметами, которые имъ разрѣшено у себя держать. Они не могутъ продавать (конечно, черезъ посредниковъ) или, какимъ бы то ни было образомъ, отчуждать своей собственности безъ разрѣшенія кардинала-протектора.

---

sine consensu fratrum maxime ministrorum quos universos tangebat, obligare nequivit; nec successorem suum quomodolibet obligavit, cum non habet imperium par in pares.

[1]) Бартоломей Пизанскій въ своихъ Conformitates 80, 3, C. признаетъ законность отмѣны завѣщанья Франциска, по тѣмъ двумъ мотивамъ, которые даетъ папа, а также въ силу власти римской церкви.

[2]) Qui taliter praestandus a fratribus non est eorum nuncius, licet praesenterur ab ipsis, sed illius potius, cuius mandato solutionem fecit, seu recipientis eandem.

[3]) Dicimus, quod nec in communi, nec in speciali debeant proprietatem habere.

По поводу выбора проповѣдниковъ братья спрашивали, ссылаясь на пунктъ Правила, который предоставлялъ испытаніе и утвержденіе проповѣдниковъ генеральному министру: можетъ ли онъ передавать это право другимъ лицамъ? Папа отвѣчаетъ отрицательно; что касается до испытанія проповѣдниковъ, то оно должно происходить на общемъ собраніи ордена; но люди, имѣющіе теологическое образованіе, могутъ проповѣдовать народу безъ испытанія, если генеральный министръ не будетъ противъ этого [1]). Викаріи провинціальныхъ министровъ не могутъ принимать или исключать изъ ордена; самимъ провинціальнымъ министрамъ такое право дается лишь по особому разрѣшенію генеральнаго [2]).

Наконецъ, папа разъясняетъ вопросъ о выборахъ генеральнаго министра: правило предоставляетъ выбирать его на соборѣ всѣми провинціальными министрами и кустодами; но, въ виду увеличенія и распространенія ордена, папа предлагаетъ каждой провинціи посылать лишь одного кустода, выбраннаго всѣми прочими. Эта мѣра содѣйствовала пре-

---

[1]) Этотъ пунктъ не совсѣмъ ясенъ: „ceterum, cum certificari petiistis, utrum pro laboribus fratrum et periculosis decursibus evitandis, generalis minister dictam examinationem, approbationem et missionem officii praedicationis discretis aliquibus committere valeat, pro examinandis generaliter illis, qui in Provinciis sunt statutis, vel specialiter pro quibusdam. Ad quos damus tale responsum: quod hoc generalis minister nulli potest absenti committere, sed qui examinatione indigere creduntur, mittantur ad ipsum, ut cum Ministris provincialibus conveniant super hoc in capitulo generali. Si quis vero examinari non egent, pro eo, quod Theologiae facultate et praedicationis officio sunt instructi, si aetatis maturi et alia quae requiruntur, in talibus conveniunt in eisdem, possunt, nisi quibus Generalis Minister contradixerit, eo modo, quo dictum est, populo praedicare“. Срав. буллу 12 дек. 1240 г. о правѣ провинціальныхъ министровъ на собраньяхъ назначать проповѣдниковъ. Такой контроль при предоставленьи cura animarum былъ необходимъ. Генеральный министръ Іоанчъ Паренсъ запретилъ новиціямъ исповѣдовать; даже professi должны были получить разрѣшенье провинціальнаго министра. См. Catalogus generalium ministrorum въ Zeitsachrift für kathol. Theologie VII. S. 323—352.

[2]) Ср. 19 іюля 1241 г.—папа предоставляетъ всѣмъ министрамъ на время ихъ отсутствія уполномочивать кого-нибудь изъ братьевъ принимать въ орденъ.

вращенію общаго собранія въ собраніе высшихъ прелатовъ ордена.

Резюмируя смыслъ разъясненія, даннаго Григоріемъ IX, мы должны выдвинуть, какъ наиболѣе важные, два пункта: отмѣну завѣщанія, представлявшаго послѣднюю попытку Франциска удержать въ орденѣ его первоначальный духъ, и ограниченіе обѣта бѣдности;—съ помощью посредниковъ можно было избавиться отъ слишкомъ большихъ трудностей, сопряженныхъ съ выполненіемъ безусловнаго обѣта евангельской бѣдности. Здѣсь былъ найденъ способъ безъ формальнаго нарушенія Правила обходить его.

Второе подобное же разъясненіе Правила дано было Иннокентіемъ IV 14 нояб. 1245 г. Папа ссылается на Григорія IX: даже послѣ его разъясненія остались нѣкоторые темные пункты, которые требуютъ новаго истолкованія [1]). Иннокентій признаетъ за провинціальными министрами и ихъ викаріями право принимать въ орденъ, но принимать должно съ выборомъ,—лишь тѣхъ, кто своими научными познаніями и другими достоинствами могутъ быть полезны ордену и примѣромъ своей жизни служить другимъ. Времена измѣнились: здѣсь познанія являются качествомъ положительнымъ, а для Франциска представлялся вопросъ, хорошо ли допускать въ орденъ людей ученыхъ?

Относительно принятія и сохраненія денегъ Иннокентій IV повторяетъ Григорія IX, но съ нѣкоторыми дальнѣйшими смягченіями. Такъ, братья могутъ получать деньги не только pro necessitatibis, но и pro commodis; покупать имъ предоставлено не только необходимое (necessaria), но и полезное (utilia). Подтверждается запрещеніе общей и частной собственности, но право пользованія расширено на недвижимость (locorum et domorum usus); собственность же всего, чѣмъ пользуется орденъ, принадлежитъ римской церкви [2]). Это раздѣленіе—собственность и пользованіе,—которое при-

---

[1]) Nos obscuritatem ab illa perfectae interpretationis declaratione omnino removere volentes dicimus, quod per eandem Regulam quoad observantiam Evangeliam etc.

[2]) Dominium, quam mobilium tam immoblium nullo medio ad ipsam spectat.

мѣнялъ еще кардиналъ Уголино, и противъ котораго такъ рѣзко возражалъ Вильгельмъ Сентъ-Амуръ, болѣе всего другого позволяло ордену сохранять внѣшнюю вѣрность Правилу, не подвергая себя суровости его режима; ставя же utilia и commoda рядомъ съ necessaria, Иннокентій IV открывалъ братьямъ полный просторъ пользоваться, чѣмъ угодно. Такое ослабленіе вызвало, однако, протестъ на соборѣ братьевъ, который Эрле относитъ къ 1244 г., а на нарбоннскомъ соборѣ 1260 г. рѣшено было: во всемъ, въ чемъ декларація Иннокентія IV расходится съ Григоріемъ IX, ее не слѣдуетъ исполнять [1]).

Признавши римскую церковь собственницей всего имущества братьевъ, папы, естественно, брали на себя и заботу о его сохраненіи. Братья были лишены какихъ-бы то ни было юридическихъ правъ; чтобы это лишеніе не послужило имъ ко вреду, учреждены были такъ называемые прокураторы, которые подъ эгидой папской власти могли совершать какіе угодно юридическіе акты въ пользу ордена. Первый примѣръ данъ былъ Григоріемъ IX; онъ предложилъ выбрать прокуратора для ассизской церкви, куда стекалось такъ много пожертвованій (13 дек. 1240 г.). Иннокентій IV далъ право министрамъ ордена выбирать синдиковъ или прокураторовъ, которые могутъ продавать, покупать, отчуждать, обмѣнивать, смотря по нуждамъ братьевъ и по указаніямъ орденскихъ прелатовъ; ихъ власть была чисто исполнительная [2]).

Не менѣе важную сторону составляла охрана орденской

---

[1]) См. Eccles. въ An. Fran. I p. 235. Срав. „Declaratio domini papae Innocenti IV maneat suspensa, sicut fuit in C. Metensi; inhibemus districte, ne aliquis utatur in his, in quibus expositioni domini Gregorii IX contradicit,“ изъ Cod. Vat. 7339, опубликованнаго Эрле къ Archiv für Kirchengeschichte, B. VI s. 33.

[2]) Singulis vestrum licet in provinciis eis commissis per se per alios fratres suos constituere aliquos viros idoneos, Deum timentes, qui pro locorum indigentia singulorum res huiusmodi tam concessa, quam etiam concedenda auctoritate nostra libere petere, vendere, commutare, alienare, tractare, expendere, vel permutare ac in usum fratrum convertere valeant secundum dispositionem vestram pro necessitatibus vel commodis fratrum ordinis, sicut vobis pro loco et tempore videbitur expedire,

дисциплины. Прежде всего папы, какъ это мы видѣли уже изъ комментарій къ Правилу, содѣйствовали развитію начала личной власти прелатовъ. Григорій IX предоставилъ министрамъ право разрѣшать отлученныхъ братьевъ (12 дек. 1240 г.). Иннокентій IV расширилъ права министровъ; они могутъ выбирать инквизиторовъ, смѣщать и замѣщать ихъ другими (30 мая 1284 г.) [1]) и проповѣдовать крестовый походъ; генеральному министру предоставлялось наказывать братьевъ, которые безъ его разрѣшенія пребываютъ внѣ ордена (morantur in obsequis aliorum). Всѣмъ братьямъ предписывается строгое подчиненіе министрамъ; послѣдніе могутъ подвергать ихъ церковной цензурѣ, лишать орденской одежды, даже заставлять перейти въ другой орденъ (13 янв. 1246 г.). Въ виду многочисленныхъ возведеній въ епископскій санъ, весьма важной явилась булла 20 апр. 1252 г., запрещавшая избраннымъ принимать этотъ санъ и, вообще, какое-бы то ни было достоинство безъ согласія прелатовъ ордена [2]); по ихъ же просьбѣ были отмѣнены привилегіи, данныя нѣкоторымъ братьямъ-миссіонерамъ: принимать въ орденъ, устанавливать новыя провинціи и ставить въ нихъ министровъ, такъ какъ эти привилегіи подрывали іерархическую дисциплину.

Мы знаемъ общее отношеніе Александра IV къ францисканцамъ. Защищая ихъ такъ энергично противъ внѣшнихъ враговъ, онъ хотѣлъ дать соотвѣтствующую прочность и ихъ внутреннему строю. Онъ подтвердилъ права министровъ—отлучать и освобождать, наказывать и возвращать братьевъ, пребывавшихъ при епископахъ и другихъ церковныхъ прелатахъ (26 іюня 1255 г.; 15 мая 1256 г.). Исключительную власть папа предоставилъ Бонавентурѣ, когда онъ былъ избранъ въ генеральные министры: не только простые братья, но даже кустоды, гвардіаны и провинціальные министры не могли пользоваться какими-бы то ни бы-

---

[1]) Мы видѣли, что относительно инквизиторовъ папы измѣнили свою обычную политику и расширили ихъ независимость отъ орденскихъ прелатовъ.

[2]) Nisi de tua (gen.) vel ipsorum fratrum Provincialium Ministrorum licentia et consensu.

ло привилегіями, хотя бы и полученными отъ папъ, безъ его согласія (21 окт. 1257 г.). По его же просьбѣ папа объявилъ недѣйствительными всякаго рода условія и договоры, которые безъ согласія министровъ заключали братья съ клиромъ, чтобы защититься отъ его преслѣдованій (26 іюля 1259 г.).

Какъ и во всѣхъ другихъ орденахъ, папы строго поддерживали обязательный новиціатъ и запрещали самовольный выходъ: мы знаемъ, что Гонорій III установилъ это даже раньше утвержденія францисканскаго Правила. Иннокентій IV (5 ав. 1244 г. и 13 ян. 1246 г.) и Александръ IV (15 іюля 1255 г.) дали министрамъ права ловить апостатовъ и заключать въ тюрьму [1]). Что касается до перехода въ другой орденъ, то Иннокентій IV разрѣшалъ его лишь послѣ долгаго раскаянія апостата, „если онъ по своей винѣ сдѣлается недостойнымъ возвратиться въ лоно своего ордена“ (16 ав. 1245 г. Срав. у Александра IV, 6 мая 1251 г.).

Мы видимъ здѣсь, что и по отношенію къ внутреннему развитію ордена папская политика была такъ же послѣдовательна.

Вглядываясь въ длинный рядъ генеральныхъ министровъ Францисканскаго ордена XIII в., мы въ общемъ должны признать, что большинство ихъ не принадлежало къ строгой партіи ревнителей соблюденія завѣтовъ Франциска. Ни Эгидій, ни Левъ, ни Бернардъ, ближайшіе сотрудники Франциска, ни Антоній Падуанскій, который по своему краснорѣчію и трауматургіи сталъ какъ-бы вторымъ Францискомъ въ сознаніи вѣрующихъ, не занимали этого положенія.

Отсюда было важное слѣдствіе; партія ревнителей съ самаго начала встрѣтила въ орденскихъ прелатахъ своихъ противниковъ, и это обстоятельство сообщило ей характеръ гонимой партіи. Такъ изображается дѣло въ Historia septem

---

[1]) Іоаннъ Паренсъ, генеральный министръ ордена, запретилъ принимать назадъ апостатовъ, заподозрѣнныхъ въ ереси или изобличенныхъ въ нарушеніи цѣломудрія. См. Catal. gener. ministr. въ Zeitschrift für cathol. Theologie B. VII.

tribulationum — одномъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ для внутренней исторіи ордена [1]). Не забудемъ, что въ Францисканскомъ орденѣ власть генеральнаго министра была крайне обширна и не находила противовѣса во вліяніи собора [2]). Лишь печальныя послѣдствія злоупотребленія властью со стороны Ильи заставили усилить компетенцію собора; но самый соборъ принимаетъ съ развитіемъ ордена постепенно все болѣе и болѣе замкнутый характеръ: онъ составляется лишь изъ провинціальныхъ министровъ и кустодовъ—по одному отъ каждой провинціи.

Первое серіозное столкновеніе двухъ теченій въ орденѣ произошло при генеральномъ министрѣ Ильѣ. Неудовольствіе и разочарованіе, пережитыя Францискомъ, раздѣлялись и его ближайшими сотрудниками; но до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, злоупотребленія носили мѣстный и частный характеръ; теперь же попытка уничтожить основы евангельской жизни исходила отъ главы ордена.

Въ оцѣнкѣ Ильи мы встрѣчаемся съ рѣдкимъ единодушіемъ источниковъ. Исторія 7 гоненій, окрашенная всецѣло симпатіями и тенденціями спиритуаловъ, и Хроника 24 генераловъ [3]), безусловно осуждающая всѣ попытки нарушенія орденской дисциплины, видящая въ спиритуалахъ упорныхъ апостатовъ и еретиковъ, вполнѣ сходится въ осуж-

---

[1]) Значительная часть ея опубликована Эрле во II томѣ Archiv für Litteratur und Kirchengeschichte. Тѣ части ея, которыя не опубликованы, мы будемъ цитировать по манускрипту флорентійской библіотеки: Laur. Plut 20 Col. 7;—въ настоящее время этотъ манускриптъ перенесенъ во флорентійскую Biblioteca Nazionale. Есть сильныя основанья приписывать ея авторство спиритуалу Ангелу Кларену. Срав. Archiv II s. 255. Ришаръ безъ достаточныхъ доказательствъ предполагаетъ, что она составлена нѣсколькими авторами, см. Bibliothèque de l'école des chartes, 1884 p. 522. Ср. Tocco; L'eresia nel medio evo Firenze, 1884. Мы предполагаемъ, что Historia 7 tribulationum написана Клареномъ не сразу, первая часть около 1315 г., вторая около 1325 г.

[2]) См. Эрле: die aeltesten Redactionem der Generalconstitutionem des Franciscanerordens въ Archiv VI S. 7.

[3]) Эта хроника, весьма важная для насъ, какъ первая сводная исторія ордена, написанная съ точки зрѣнія партіи конвентуаловъ, относится къ серединѣ XIV в. См. Analecta Franciscana, III. Введенье.

деніи Ильи. Объясняется это прежде всего тѣмъ, что папа осудилъ и низложилъ Илью. Если одни видѣли въ немъ сознательнаго гонителя истинныхъ учениковъ Франциска, то другіе охотно складывали на него отвѣтственность за всѣ явныя уклоненія ордена отъ его первоначальнаго характера. „Онъ“, говоритъ Исторія 7 гоненій, „училъ и поступалъ вопреки тому, какъ училъ и поступалъ Францискъ, и у него было много приверженцевъ“ [1]). Это осужденіе Ильи оставило глубокій слѣдъ на традиціи о раннихъ временахъ Францисканскаго ордена; вопреки тому, что мы знаемъ изъ первоначальныхъ біографій Франциска, оказалось, что Илья еще при его жизни постоянно противодѣйствовалъ ему, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ отношенія становились вполнѣ непонятными [2]). Попытаемся возстановить характеръ режима, установленнаго Ильей, и оппозиціи, вызванной этимъ режимомъ.

По смерти Франциска Илья, согласно его волѣ, сдѣлался викаріемъ до ближайшаго собора, на которомъ былъ избранъ Іоаннъ Паренсъ, стоявшій скорѣе за болѣе строгое исполненія Правила, хотя и не раздѣлявшій крайностей ревнителей. Послѣ него былъ избранъ министромъ Илья [3]). Самое избраніе Ильи, по разсказу Экклестона (с. 12), носило необычайный характеръ. На соборѣ 1230 г., на которомъ происходилъ переносъ тѣла Франциска, Илья сдѣлалъ попыт-

---

[1]) H. 7 t. F. 27, 2. Эту точку зрѣнія раздѣлялъ и Ваддингъ—1239, 1.

[2]) См. Affo. Vita di frate Elia (Parma, 1789); убѣдительно доказывается позднѣйшее происхожденье извѣстій о противодѣйствіи Ильи Франциску.

[3]) Викаріатъ Ильи ясно виденъ изъ циркулярнаго письма, которое онъ разослалъ послѣ смерти Франциска. См. Wadd. 1224, 44. Что касается до вопроса, не предшествовало ли правленье Ильи правленью Іоанна, какъ думаетъ Ваддингъ—1227, 3, то противъ него говорятъ показанья первоначальныхъ источниковъ—Іордана и Экклестона, а также Хроники 24 генераловъ и Каталога Бернарда Бессы. Единственной опорой въ пользу такого мнѣнія могло-бы служить лишь извѣстіе о столкновеньи съ Антоніемъ Падуанскимъ, который умеръ въ 1231 г. Лука Туденскій, писавшій около 1230 г. свой трактатъ противъ альбигойцевъ, называетъ Илью преемникомъ Франциска,—что, конечно, можетъ относиться и къ викаріату. Bib. Max. Vet. Pat. XXV L. 3 c. 14—15 „quo warrante viro sanctissimo fratre Helia successore beatissimi Francisci“.

ку насильственно захватить генеральское достоинство: онъ подобралъ составъ собора изъ своихъ сторонниковъ, которые внесли его на рукахъ и хотѣли посадить на мѣсто генеральнаго министра. Видя это, Іоаннъ передъ всѣмъ соборомъ раздѣлся до нага, выражая этимъ какъ-бы свое униженіе. Поднялось смятеніе: народъ думалъ, что въ орденѣ произошелъ расколъ, но въ концѣ-концовъ Іоаннъ остался генеральнымъ министромъ; защитники этого орденскаго coup de main были разосланы по разнымъ мѣстамъ, а Илья, надѣвъ на себя личину отшельничества, началъ вести строгій и замкнутый образъ жизни и этимъ примирилъ съ собой братьевъ. Между тѣмъ, комиссія изъ ордена, отправлявшаяся къ Григорію IX, чтобы получить разъясненіе Правила (среди ней находились Антоній Падуанскій и будущій генеральный министръ Гаймонъ), передала папѣ о насильственныхъ и коварныхъ дѣйствіяхъ Ильи, нарушившаго право братьевъ свободно приходить на соборъ. Папа выслушалъ ихъ, но, когда на слѣдующемъ соборѣ въ Реате Илію все-таки избрали, утвердилъ его вслѣдствіе близкихъ отношеній, въ которыхъ Илія находился къ Франциску [1]).

Это извѣстіе наводитъ на большія сомнѣнія. Прежде всего отмѣтимъ странное противорѣчіе съ Іорданомъ, который говоритъ объ избраніи въ 1232 г. на соборѣ въ Римѣ [2]). Вполнѣ сходится съ извѣстіемъ Іордана извѣстіе Хроники 24 генераловъ: на римскомъ соборѣ 1232 г. сторонники Ильи, какъ-бы противъ его воли, внесли его на рукахъ и посадили на мѣсто генеральнаго министра, послѣ того, какъ онъ уже управлялъ короткое время послѣ смерти Франциска: они и ссылались на то, что Францискъ назначилъ его своимъ преемникомъ. Тогда Іоаннъ, снявъ съ себя всю одежду и павши ницъ на землю, объявилъ себя недостойнымъ избранія. Илья притворно отговаривалъ сторонниковъ, ссылаясь на свою слабость: „не возлагайте на меня этого бремени“,

---

[1]) „Concessit, ut fieret ipse Generalis, et praecipue propter familiaritatem, quam habaret cum S. Francisco.

[2]) Iord. c. 60. Это противорѣчіе отмѣчено еще въ Chron. 24 gener. Anal. Fr. III p. 213—214.

говорилъ онъ, „такъ какъ я не могу вести жизни, общей съ братьями, и изъ-за своихъ болѣзней не могу ходить пѣшкомъ". Тогда его приверженцы закричали: ѣшь хоть золото и держи коней, но управляй орденомъ. Такимъ образомъ, на соборѣ вышло разногласіе: одни хотѣли Іоанна Паренса, другіе—Илью; послѣдніе внушили папѣ Григорію IX мысль, что большинство стоитъ за Илью: самъ Францискъ поставилъ его своимъ преемникомъ. Тогда папа согласился на его избраніе.

Разсказъ Іордана и Хроники 24 генераловъ устраняетъ до извѣстной степени затрудненія: какъ Илья могъ допустить на соборъ 1230 г. лишь своихъ приверженцевъ? Если они были наказаны, какъ объяснить его вторичный выборъ? Экклестонъ, свидѣтельства коего цѣнны для насъ, какъ современника, жилъ въ Англіи и могъ имѣть сбивчивыя свѣдѣнія о томъ, что происходило въ Италіи. Какъ-бы то ни было, несомнѣнно, у Иліи были приверженцы въ орденѣ, составлявшіе своего рода партію, и ихъ давленіе на выборъ возбуждало нѣкоторыя сомнѣнія въ его правильности.

Достигнувъ власти, Илья спѣшилъ ей воспользоваться. Лучшій, быть можетъ, матеріалъ для его характеристики даетъ въ своемъ небольшомъ трактатѣ „de praelato" Салимбене Пармскій, знавшій его лично и принятый имъ въ орденъ [1]). Человѣкъ съ деспотическими наклонностями, онъ не выноситъ возраженій; въ присутствіи папы на собраніи, гдѣ должна рѣшиться его участь, онъ рѣзко обвиняетъ своего обвинителя; покорность, напротивъ, его обезоруживаетъ. Подробности его частной жизни, переданныя Салимбене, столь же мало подходятъ къ ученику Франциска, какъ и его гордость. Онъ держитъ откормленныхъ иноходцевъ, имѣетъ особаго повара.

Характеръ правленія Ильи отличался полной произвольностью. При немъ не было въ орденѣ однообразнаго закон-

---

[1]) Она приложена къ Хроникѣ Салимбена и напечатана въ Monumenta historica ad provincias Parmensem et Placentinem pertinentia p. 401.

наго порядка; соборы не происходили регулярно, какъ предписывалось [1]). Онъ тиранически обращался съ провинціальными министрами и, въ особенности, возбудилъ ненависть въ провинціяхъ частными визитаціями, для которыхъ присылалъ своихъ сторонниковъ [2]). Салимбене указываетъ на то, что власть Ильи опиралась на свѣтскихъ членовъ ордена, которыхъ онъ принималъ въ изобиліи; они участвовали и въ соборахъ, притѣсняли братьевъ-клириковъ [3]). Общая сжатая характеристика правленія Ильи дана въ словахъ Салимбене: Helias pessimus homo fuit, sub dominio enim suo durissimum erat vivere.

Среди противниковъ Ильи мы находимъ: Антонія Падуанскаго, Адама де Мариско, Бернарда де Квинтовалле, Льва, Эгидіа, Цезаря Швейерскаго, Гаймона—ближайшихъ учениковъ Франциска и въ то же время представителей строгаго соблюденья Правила. Антоній Падуанскій и Адамъ Мариско [4]) изобличали на соборѣ его распущенный образъ жизни. „Если тебѣ было позволено", говоритъ Антоній, „въ случаѣ необходимости ѣсть золото, то все же не собирать его; если тебѣ уступили тощаго коня, то этимъ не разрѣшили держать жирныхъ иноходцевъ и принуждать братьевъ

---

[1]) Chron. 24 дек. p. 227. „Volebat nimis gubernare". L. de prael. p. 403 „non fuerant generales constitutiones in ordine, ex quibus et regula conservatur et regitur ordo et vivit uniformitas". Iord. c. 61 „infra septem enim annos capitulum generale secundum regulam non tenuit, et fratres sibi resistentes inde dispersit.

[2]) Ior. 62 „per quorum visitationes inordinatas fratres amplius quam prius contra ipsum exasperati sunt" и c. 63. Срав. Eccl. XI p. 234.

[3]) Lib. de pr. p. 404 „fratres Helias propter hoc recipiebat multitudinem laicorum ea intentione, qua posset melius talibus dominare vel ut receptiab eo manus eius implerent pecuniam tribuendo, dicimus revera, quod dignus erat propter hoc de ministerio deponi.

[4]) Это былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся миноритовъ XIII в., другъ графа Монфора. Онъ оставилъ крайне интересныя письма, напечатанныя въ I томѣ Monumenta Franciscana p. 91—475. (Rerum britannicarum medii aevi scriptores). Впослѣдствіи онъ горько жаловался на постоянный упадокъ ордена. См. Ер. 202 p. 361. Въ особенности важны его письма къ Симону Монфору, на сторонѣ котораго онъ твердо стоялъ въ борьбѣ съ королемъ.

къ нарушеньямъ Правила“ [1]). Бернардъ, пользовавшійся въ орденѣ всеобщимъ уваженьемъ за свою близость къ Франциску, не стѣснялся въ своихъ отзывахъ о генеральномъ министрѣ [2]). Эгидій, при видѣ новыхъ обширныхъ построекъ для братьевъ, воскликнулъ: „правду сказать, братья, вамъ теперь недостаетъ только женъ“. Министръ ничего не могъ сдѣлать съ ними; тѣмъ суровѣе онъ поступалъ съ другими противниками. Илья поставилъ мраморную вазу для сбора пожертвованій на ассизскую церковь Св. Франциска; Левъ ее разбилъ, увидавъ здѣсь вопіющее нарушенье Правила; Илья подвергъ его бичеванью. Наконецъ, Цезарь Шпейерскій былъ даже убитъ въ тюрьмѣ, куда его заточилъ министръ.

Чтобы оправдать свои тираннические дѣйствія, Илья жаловался папѣ на духъ раскола и непослушанье братьевъ, и папа далъ ему полномочія наказывать ихъ, по усмотрѣнію [3]). Съ большимъ трудомъ братьямъ удалось добиться его низложенья. За Илью были лишь его приверженцы; большинство ордена было противъ него, и въ этомъ смыслѣ нельзя сказать, чтобы его низложенье было побѣдой строгой партіи, хотя она наиболѣе страдала отъ его режима [4]).

---

[1]) Chron. 24 gen. p. 233. Такъ какъ Антоній умеръ въ 1231 г., то или эти слова неправильно приписываются ему, или они относятся ко времени викаріата Ильи. Вѣроятнѣе первое: Антоній представлялся какъ-бы воплощеньемъ истиннаго духа св. Франциска, въ полную противоположность Ильи.

[2]) Chron. 24 gen. p. 44.

[3]) Hist. 7 trie. 24, 2 „vade secundum spiritum et providentiam tibi datam fratres corrige“.

[4]) Вотъ, какъ Аффо характеризуетъ значеніе Ильи: „questo uomo, finche visse con. S. Francesco, fu buono, finche fu suddito, ebbe grandissima riputazione di savio et prudente religioso, poi che divenne superiore, dimentico del professato instituto; e allora venne deposto, si fece reprobo, nulla curando di vivere tanti anni fuori dell'ordine e segregarlo pei formidabili anatemi della chiesa; finche la grazia divina di suoi ultimi giorni non spese, onde coloro, che dati si erano per cattivo esempio e vita malvagia, disperar non dovessero di salute“. Осужденье Ильи, какъ мы уже сказали, оставило глубокій слѣдъ въ орденской традиціи. Вслѣдъ за низложеньемъ генеральнаго министра, Челано составилъ свое второе жизнеописанье Франциска. Въ первой біографіи онъ называетъ Илью ближайшимъ и дѣятельнѣйшимъ ученикомъ Франциска; во второй объ Ильѣ не говорится ни одного сло-

Низложенный министръ перешелъ на сторону Фридриха II, котораго еще раньше узналъ, исполняя дипломатическія порученія куріи. Мы не видимъ, чтобы Илья пользовался какимъ-нибудь вліяніемъ при дворѣ Фридриха, и трудно объяснять имъ, какъ это дѣлаетъ Гаусратъ, указы императора, рекомендующіе церкви вернуться къ апостольской бѣдности.

Послѣ короткаго правленья Альдериха Пизанскаго въ генеральные министры избранъ былъ Гаймонъ, одинъ изъ главныхъ противниковъ Ильи [1]). Такъ какъ главной опорой Ильи служили свѣтскіе братья, то Гаймонъ издалъ циркуляръ, запрещающій возводить ихъ въ орденскія достоинства. Эта мѣра еще болѣе связывала орденъ съ церковью, еще болѣе дѣлала его способнымъ обладать cura animarum, и съ этой стороны вполнѣ соотвѣтствовала видамъ римской куріи. Съ другой стороны, возстановляя права собора, Гаймонъ стремился обезпечить братьевъ противъ произвола со стороны прелатовъ [2]). Замѣтимъ, однако, что эта послѣдняя мѣра не имѣла того значенья, которое могла имѣть, вслѣдствіе самаго состава собора, который все меньше и меньше становился представителемъ ордена въ его цѣломъ. Правда, при Гаймонѣ въ 1240 г. пытались устроить, такъ называемый, capitulum definitorum: для него должны были избираться прямые представители отъ простыхъ братьевъ, на соборѣ они засѣдали рядомъ съ министрами и кустодами, и такимъ образомъ орденское собранье возвратилось бы нѣсколько къ своему первоначальному, болѣе демократическому типу [3]),—однако, эта реформа не привилась.

Гаймонъ ревностно соблюдалъ бѣдность и самъ, и слѣ-

ва. Въ позднѣйшихъ источникахъ это молчанье замѣняется строгимъ осужденіемъ.

[1]) Hist. 7 trib. 28, 2.

[2]) Chron. 24 дек. p. 42: ipse etiam generalis minister voluit, ut tam sua quam provincialium ministrum et custodum potestas limitaretur per concilium generale.

[3]) Eccl. p. 243.

дилъ за ея соблюденіемъ въ орденѣ [1]). Вопросъ о Правилѣ живо занималъ орденъ; съ одной стороны, хотѣли комментаріевъ, съ другой—боялись ихъ. „Въ эти дни“, передаетъ Экклестонъ, „было рѣшенье собора избрать по отдѣльнымъ провинціямъ братьевъ, которые должны отмѣтить сомнительныя мѣста въ Правилѣ и переслать генеральному министру [2])“. До насъ дошли отвѣты англійской и французской провинціи. Изъ Англіи, гдѣ принималъ дѣятельное участіе Адамъ де Мариско, отвѣтили въ духѣ сторонниковъ строгаго и точнаго соблюденья Правила. „Названные братья, отправляя свой отвѣтъ, умоляютъ ради Св. Крови Христовой, чтобы имъ изволено было сохранить Правило въ томъ видѣ, въ какомъ его передалъ Францискъ по наитію Св. Духа“. Декларація парижскихъ францисканцевъ въ общемъ сходилась съ декларацией Григорія IX; но составители прибавили, что они отнюдь не хотятъ давать новаго комментарія, а лишь сохранить Правило въ его первоначальной чистотѣ [3]). Въ обоихъ отвѣтахъ слышится извѣстная реакція противъ комментированья Правила: точно Завѣщанье Франциска, хотя и не утвержденное папой, служило братьямъ предостерегающимъ напоминаніемъ.

Эта реакція гораздо сильнѣе чувствуется при преемникѣ Гаймона—Кресценціи, когда нѣкоторые братья, недовольные установленнымъ режимомъ, обратились къ папѣ съ жалобой на упадокъ ордена, и когда впервые обнаружился расколъ между большинствомъ умѣренныхъ и меньшинствомъ крайнихъ. Самъ Кресценцій, судя по отзыву Экклестона, менѣе всего принадлежалъ къ сторонникамъ режима

---

[1]) По разсказу Экклестона, когда онъ еще былъ министромъ Англіи, онъ сидѣлъ за общей трапезой на землѣ, съ нищими братьями, въ разорванной и грязной одеждѣ.

[2]) Eccl. p. 244.

[3]) Firmam. 3 ordnum, III 15, a: „novam autem expositionem vel glossaturam cirula Regulam non instruimus,sicut a quibusdam intentionis pure damnatoribus et zelum suum in animarum periculum suarum et fratrum scandalum pervertentibus praedicatur: imo simpliciter et pure intellectum ipsius Regulae, qui omnes nos ligat et cuius ignorantia nullum excusat, non ex nostro sensu, sed ex ipsa littera. ut potuimus extrahentes, secundum iniunctam nobis obedientiam, iudicio vestro dirigimus iudicandum.

Ильи [1]); но еще болѣе боялся онъ нарушеній орденской дисциплины. Это былъ моментъ, когда Иннокентій IV своей буллой о прокураторахъ (19 авг. 1247 г.) нанесъ чувствительный ударъ партіи ревнителей. Хроника 24 генераловъ и Исторія 7 гоненій, столь согласныя, когда дѣло шло объ оцѣнкѣ Ильи, здѣсь даютъ свѣдѣнія противоположнаго характера. Согласно Хроникѣ Кресценцій нашелъ въ орденѣ какъ-бы секту братьевъ, „которые жили не по евангельской истинѣ, презирали орденскіе уставы, считали себя лучше другихъ, хотѣли жить по своей волѣ, во всемъ искали духовнаго и носили короткіе плащи. Министръ искоренилъ эту секту“ [2]). Это описаніе показываетъ намъ, что авторъ хроники смотритъ на противниковъ Кресценція, какъ на спиритуаловъ. Къ тому же выводу мы приходимъ изъ исторіи 7 гоненій, которая начинаетъ съ этого момента третье гоненіе. По ея словамъ, братья съ горестью видѣли все бо̀льшее и бо̀льшее искаженіе основъ, положенныхъ Францискомъ,—внѣшнюю пышность, свѣтское знаніе и т. п.; видѣли и то, что обличаемые собратія не выказывали ни малѣйшаго желанія исправиться. Тогда, посовѣтовавшись съ тѣми, кто остался еще въ живыхъ изъ ближайшихъ учениковъ Франциска [3]), рѣшились принести мотивированную жалобу папѣ; для этой цѣли были выбраны 72 брата, выдающихся по своимъ познаніямъ и святости жизни [4]). Генеральный ми-

---

[1]) Eccl. p. 248—Fr. Crescentius... „cuius zelum inflammavit caritas, informavit scientia, confirmavit constantia“.

[2]) Chron. 24 gener. p. 268: qui factus minister invenit in ordine unam sectam fratrum, non ambulantium secundum Evangelicam veritatem, qui instituta ordinis contemnentes aestimabant se aliis meliores, qui ad libitum volebant vivere et omnia spiritui attribuebant portantes etiam mantellos curtos. Послѣднюю потребность мы встрѣчаемъ и въ извѣстіяхъ о спиритуалахъ: повидимому длинная одежда считалась нарушеніемъ первоначальной формы братьевъ). Quos idem minister valenter exterminavit.

[3]) H. 7 t. въ Archiv für Litt. und. Kir. II p. 263 „socii sancti Francisci, qui tune supererant, videlicet fr. Aegidius, Massaeus, Angebus, Leo et ceteri“.

[4]) Ibid. „proponerent, quae in religione fierent absurda et statutum eorum fedantia et corrumpentia, clare et plane notificarent, fracionabiliter formidantes de silentio tantorum excessuum coram Deo et ecclesia inveniri culpabiles“.

нистръ пользовался поддержкой провинціальныхъ такихъ же, какъ и онъ, нарушителей Правила. Съ помощью бр. Гладія, „который пилъ обманъ и клевету, какъ воду“ (qui fraudem bibebat et mendacium quasi aquam), онъ предупредилъ братьевъ и представилъ ихъ передъ папой въ видѣ суевѣрныхъ и своевольныхъ нарушителей орденской дисциплины, нуждающихся въ примѣрномъ наказаніи [1]). Папа повѣрилъ и далъ министру власть наказывать братьевъ-схизматиковъ, дабы схизма не проникала далѣе въ орденъ. Тотчасъ же 62 брата (не 72, какъ было раньше), шедшіе уже къ папѣ, были схвачены, преданы поруганію и разосланы по отдаленнымъ провинціямъ, при чемъ министръ въ своихъ циркулярныхъ письмахъ называлъ ихъ еретиками, которыхъ всячески слѣдуетъ беречься. Однако, святая жизнь братьевъ скоро изобличила лживость этихъ писемъ. Кресценцій же, согласно своему желанію, былъ выбранъ въ епископы Эгины, по выраженію Исторіи гоненій „non bonum sanctis fratribus odorem relinquens et toti religioni [2]).

Въ лицѣ Іоанна Пермскаго, выбраннаго послѣ Кресценція, достоинство генеральнаго министра переходитъ къ несомнѣнному и типичному представителю строгой партіи въ орденѣ [3]). „Ученики св. Франциска, остававшіеся въ живыхъ“, говоритъ Исторія 7 гоненій, „съ радостію видѣли, что въ Іоаннѣ духовно воскресъ св. Францискъ; сознавая грѣхи и смуты, проникшія въ орденъ, они говорили: благодаримъ Тебя, Господи, за то, что Ты вспомнилъ о насъ и послалъ намъ мужа свѣта и добродѣтели, дабы онъ насъ утвердилъ и озарилъ и повелъ по путямъ великихъ Твоихъ. Братъ же Эгидій въ экстазѣ воскликнулъ: ты пришелъ ко благу, но поздно! Ибо онъ думалъ, что нельзя вернуть братьевъ къ прочнымъ основамъ святой жизни, которую положилъ

---

[1]) Arch. II, p. 259 „asserens, se habere in quibusdam provinciis fratres aliquos, quoad nomen et apparentiam exteriorem et oculis secularium sanctos, quantum vero ad rei veritatem superstitiosos, superbos inquietos, inobedientes et novitatum audaces assertores et praesumentes.

[2]) Пессимистическое настроеніе мы находимъ и у Ѳомы, составившаго при Кресценціи вторую біографію Франциска.

[3]) См. Affo: Vita del beato Giovanni di Parma; Parma 1777.

Францискъ и къ которымъ всѣми силами души стремился вернуть братьевъ Іоаннъ“ [1]).

Нельзя сказать при этомъ, чтобы новый министръ не стоялъ на стражѣ орденской дисциплины. На соборѣ французской провинціи онъ не позволилъ, чтобы проповѣдники получали утвержденіе помимо него отъ провинціальнаго министра, такъ какъ подобное право предоставляется провинціальному министру лишь въ случаѣ отсутствія генеральнаго [2]). Онъ принялся за дѣло исправленія ордена со всей ревностью; это былъ первый генеральный министръ, который лично визитировалъ провинціи ордена: до него лишь Гаймонъ разъ побывалъ въ провинціи, откуда самъ былъ родомъ. Во время своихъ визитацій онъ ходилъ пѣшкомъ, съ однимъ или двумя спутниками, имѣя столь простой и смиренный видъ, что во многихъ монастыряхъ его не узнавали. Все, что нуждалось въ исправленіи, онъ исправлялъ и удалялъ многихъ прелатовъ. Личный его образъ жизни отличался замѣчательной строгостью; передъ смертью онъ призналъ, что болѣе повиненъ въ излишнемъ молчаніи, чѣмъ въ праздныхъ разговорахъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ ордену Іоаннъ ближе всѣхъ возвратился къ идеалу Франциска. „Онъ говорилъ“, сообщаетъ Экклестонъ, „что зданіе ордена созидается изъ двухъ стѣнъ: добрыхъ нравовъ и знанія; братья возвысили стѣну знанія до небесъ, такъ высоко, что спрашиваютъ, существуетъ ли Богъ; стѣну же нравовъ оставили низкой; отсюда и видно, что зданіе построено не надлежащимъ образомъ. Онъ хотѣлъ также, чтобы братья болѣе защищались противъ духовенства почитаніемъ орденскихъ обѣтовъ и личными заслугами, чѣмъ папскими привилегіями, и чтобы они были среди всѣхъ „меньшими“ не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ“ [3]). Относясь отрицательно къ папскимъ привилегіямъ, Іоаннъ употребилъ, однако, всѣ старанья, чтобы склонить Иннокентія IV взять назадъ ограниченія пастырской и проповѣднической дѣятельности орде-

---

[1]) Ib. p. 236.

[2]) Salim. Chron. p. 93.

[3]) Ecclest. p. 245.

новъ [1]). Братья, подвергнувшіеся при Кресценціи гоненію и ссылкѣ, какъ еретики и схизматики, были возвращены Іоанномъ, который открыто призналъ ихъ невинность и одобрилъ ихъ ревность [2]).

Эпоха Іоанна Пармскаго представляетъ собой особый интересъ тѣмъ, что здѣсь мы впервые видимъ распространеніе въ орденѣ іоахимовскихъ идей, которыя, соединившись съ настроеніемъ францисканцевъ—ревнителей строгой жизни, произвели одно изъ самыхъ интересныхъ движеній въ исторіи средневѣковыхъ ересей. Мы увидимъ далѣе, какъ различествовали идеи калабрійскаго пророка отъ позднѣйшаго іоахимизма спиритуаловъ, но, чтобы понять второй, естественно, приходится начинать съ первыхъ [3]).

---

[1]) Salim. p. 213.

[2]) H. 7 t.

[3]) Чтобы сколько-нибудь понять генезисъ іоахимизма, необходимо прежде всего разобраться въ его традиціи, отличить подлинныя сочиненія Іоахима отъ неподлинныхъ. Число послѣднихъ съ теченіемъ времени все расло: Іаковъ Сильванъ въ Chronologia Ioachimi abbatis et ordinis Florensis (1639 г.) перечисляетъ 18 сочиненій Іоахима; въ Bibliotheca Cistersiensis Карла да Фиша (середина XVIII в.) къ нимъ прибавлено еще 13. Между тѣмъ, самъ Іоахимъ во введеньи къ „De concordia utriusque testamenti“ называетъ лишь Псалтырь, Комментарій (Expositio) къ Апокалипсису и небольшой трактатъ противъ евреевъ. Вопреки Прегеру (см. его работу о іоахимизмѣ въ Abhandlungen der historischen Klasse der königlichen bayrischen Akademie der Wissenschaften, B. XII. Abth. 3), мы не имѣемъ никакого основанья отрицать подлинность этихъ сочиненій. О подлинности другихъ можно спорить; сюда относится, напримѣръ, дрезденскій манускриптъ „Super Evangelium“; Ренанъ (въ статьѣ Ioachime de Flore et l'Evangile eterel въ Nouvelles études de l'histoire religieuse Paris, 1884) доказываетъ его подложность; Фурнье, одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ Іоахима, въ недавно вышедшей работѣ (Revue des questions historiques, Avril, 1900) защищаетъ подлинность. Наконецъ, есть трактаты, приписанные Іоахиму, которыхъ никоимъ образомъ нельзя признать подлинными: таковы въ особенности Комментаріи къ Исаіи и Іереміи, весьма популярные въ XIII в. и впослѣдствіи печатавшіеся въ собраньи сочиненій Іоахима. Все въ нихъ рѣзко отличается отъ подлинныхъ сочиненій Іоахима—и форма, и содержанье. Первый датированъ 1197 г., второй—1201 г., но оба говорятъ о борьбѣ Фридриха II съ папами, оба изображаютъ два имѣющіе возникнуть въ церкви ордена—съ такими подробностями, въ которыхъ нельзя не узнать доминиканцевъ и францисканцевъ.

Намъ нельзя здѣсь останавливаться на вопросѣ, почему апокалиптическія представленія имѣютъ такое особенно притягательное дѣйствіе на чувство и воображеніе. Не случайно эти образы и картины составляютъ главное содержаніе, такъ называемой, „отреченной литературы", удовлетворявшей вѣрующихъ, которымъ отвѣты церкви казались слишкомъ блѣдными и холодными. Но въ апокалиптикѣ не только воображеніе и чувство находили пищу: она была своего рода философіей исторіи.

Этотъ послѣдній элементъ былъ особенно силенъ у Іоахима. По его основной идеѣ человѣчество проходитъ черезъ три стадіи: царство Отца, царство Сына, царство Св. Духа. Въ первомъ люди находились подъ гнетомъ страха, во второмъ среди нихъ господствуетъ мудрость, въ третьемъ они будутъ жить любовью. Въ первомъ они трудились, во второмъ изучаютъ, въ третьемъ будутъ славословить. Въ первой стадіи совершеннѣйшей формой, которой люди могли угодить Богу, была жизнь женатыхъ, во второй—жизнь клириковъ, въ третьей будетъ жизнь монаховъ. Можно назвать эти стадіи также вѣками рабовъ, дѣтей и друзей, сравнить ихъ съ мерцаніемъ звѣздъ, свѣтомъ зари и блескомъ дня. Закономъ людей перваго вѣка былъ Ветхій Завѣтъ, второго—Новый, третьяго будетъ служить „Вѣчное Евангеліе", которое настолько превосходитъ полнотой духовной благодати Новый Завѣтъ, насколько Новый былъ выше Ветхаго [1]). Современное человѣчество находится въ концѣ второй стадіи, которая, по разсчетамъ Іоахима, продолжится до 1260 г., когда наступитъ царство Св. Духа [2]). При этомъ всякая стадія начинается еще въ предшествующей, т. е. она естественно выростаетъ изъ нея. Начало царству Сына было положено еще при Елисеѣ, но окончательно смѣнило оно царство Отца лишь съ приходомъ Христа. Въ свою очередь, начало царству Духа заложено еще при Бенедиктѣ. Іоахимъ различаетъ въ этихъ стадіяхъ initiatio и fructificatio (когда онѣ приносятъ плоды). Онъ не отвергаетъ, что переходъ къ

---

[1]) См. Concordia 6, 1. Expos. in Apocal. 18, 4. 37, 3—4. Psal. dec. chord. 238, 1—2. Мы цитируемъ по венеціанскому изданію 1517 и 1527 гг.

[2]) Expos. 9, 3.

царству Духа долженъ сопровождаться тяжкими испытаніями, какъ они были и при переходѣ отъ еврейской синагоги къ христіанской церкви, но въ этихъ страданіяхъ Богомъ даны неизбѣжныя условія совершенствованія церкви и, вмѣстѣ съ ней, человѣчества [1]).

Нельзя сказать, чтобы іоахимовская идея не имѣла своего прошлаго [2]). Еще въ IX вѣкѣ Іоаннъ Скотусъ Эригена училъ о трехъ эпохахъ: естественнаго закона, закона благодати и Божьяго царства. Первый возстановилъ поврежденную человѣческую природу, второй облагородилъ ее вѣрой, третій освѣтитъ созерцаніемъ. Въ этомъ смыслѣ новозавѣтная церковь есть лишь символъ грядущей церкви, но въ этой послѣдней созерцательно могутъ участвовать и дѣти нынѣшняго вѣка [3]). Въ болѣе доступной, можно сказать, вульгаризованной формѣ ученіе о трехъ царствахъ встрѣчается среди пантеистической секты амальриканъ [4]). Но мы не видимъ, чтобы эта мысль до Іоахима получила сколько-нибудь замѣтное распространеніе. Самъ Іоахимъ, повидимому, и не зналъ Эригены, во всякомъ случаѣ, у него нѣтъ никакихъ слѣдовъ пантеизма [5]).

---

[1]) Expos. 206, 3.

[2]) Гебгардтъ (l'Italie mystique p. 57 Paris, 1890. Recherches nouvelees sur l'histoire du joachimisme, Nogent le Rotrou, 1890) указываетъ на ученье Августина о семи эпохахъ вселенской церкви. „Въ своемъ комментаріи къ Іоанну онъ все время противопоставляетъ церкви настоящей, трудящейся и несовершенной,—церковь будущаго, блаженную и созерцательную". По нашему мнѣнію, это мѣсто у Августина не относится къ дѣлу, такъ какъ въ немъ ясно говорится о церкви небесной. См. у Migne t. 35 p. 1974.

[3]) Comm. secund. Ev. Ioahanui, Migne t. 122 p. 297.

[4]) Eymer. Director. inquisit. II p. 248 „secunda haeresis fuit, quamdiu viguit lex Mosayca, scillcet ad Christum et tunc habuerunt finem omnia veteris testamenti sacramenta; ut viguit lex Christi nova usque ad tempus Amalrichi et ex tune habuerunt finem et fuerunt evacuata Bapstismata, Poenitentia et omnia alia novae legis sacramenta".

[5]) См. у Reuter. Geschichte der Aufklärung im Mittelalter I. B. 51 S. Berlin. 1877. Съ бо́льшимъ основаніемъ можно искать предшественниковъ Іоахима среди калабрійскаго монашества, представлявшаго своего рода промежуточное звено между греческой и латинской церквями,—какъ и сама Калабрія болѣе принадлежала византійскому міру, чѣмъ Италіи,—въ пустынножителяхъ, подобныхъ св. Нилу.

Какъ глубока была пропасть, отдѣлявшая это воззрѣніе Іоахима отъ философско-историческихъ концепцій, принятыхъ въ церкви? И католическая церковь вѣрила въ прогрессъ, и она работала надъ созиданіемъ Царства Божія на землѣ. Но она считала, что всѣ матеріалы для этого зданія уже готовы. Законъ, хранимый церковью, дѣлалъ-бы людей совершенными въ той мѣрѣ, въ какой это допускаетъ несовершенство человѣческой природы, если-бы этотъ законъ осуществлялся въ полнотѣ. Церковь считала себя способной дать возможное совершенство человѣческой жизни: она не смотрѣла на себя лишь какъ на звено въ цѣпи религіозно-воспитательныхъ формъ, которыми Провидѣніе направляло человѣчество къ высшимъ цѣлямъ. Высшей стадіей для нея была лишь вѣчная жизнь.

Замѣтимъ, однако, что пропасть не была столь непроходима, какъ покажется съ перваго взгляда, и это объясняетъ намъ, почему церковь столь различно отнеслась къ подлинному іоахимизму и іоахимизму спиритуаловъ. Калабрійскій аббатъ соединилъ въ себѣ настроеніе пророка съ изощренностью комментатора, но, непохожій на своихъ израильскихъ предшественниковъ, лишь въ слабой степени былъ обличителемъ. Передъ нимъ предносился образъ поступательнаго движенія общества и церкви къ царству св. Духа,—движенія, которое происходитъ съ внутренней необходимостью, и гдѣ грѣхи и слабости отдѣльныхъ людей и отдѣльныхъ эпохъ теряются въ величественной картинѣ Божественнаго строительства. Онъ нисколько не осуждаетъ царства Сына, какъ не осуждаетъ и царства Отца [1]): оба они необходимы, какъ подготовка къ царству св. Духа. Когда онъ говоритъ объ испорченности монаховъ и клира, онъ не идетъ дальше того, что мы встрѣтимъ у Бернарда Клервосскаго и у самихъ папъ [2]).

---

[1]) Ср. Concord. 22, 3.

[2]) См. сравненіе померкнувшаго солнца и кровавой луны съ монахами и клириками: Expos. 118, 4: „obscuratur aurum, cum splendor vitae contemplativae in ordine monastico inanescit; mutatur et color optimus, cum hi, qui positi sunt ad speculanda ecclesiae, inhiare incipiunt lucra terrena“. О клирѣ онъ, вообще, говоритъ болѣе рѣзко—„vita clericorum, pro dolore

Далѣе, всѣ предсказанія, хотя они пріурочиваются иногда къ хронологическимъ даннымъ, никогда не доводятся до полной опредѣленности, и въ этомъ отношеніи существуетъ весьма большое различіе между подлинными и неподлинными сочиненіями Іоахима, гдѣ въ изображеніи предстоящаго великаго переворота отводятся особыя роли различнымъ націямъ, династіямъ и даже отдѣльнымъ лицамъ. Въ своемъ Комментаріи къ Апокалипсису Іоахимъ говоритъ: мы должны вѣрить, что все это придетъ, но какимъ образомъ, въ какомъ порядкѣ,—покажетъ лишь время. „Не хочу казаться не тѣмъ, что я есмь, несправедливо приписывая себѣ знаніе. Пусть никто не требуетъ отъ меня большаго: я—человѣкъ, взятый отъ сохи, а всего спрашивать раньше времени нельзя и отъ пророка: одно дѣло видѣть многое, другое—все“ [1]).

Наконецъ, и общая характеристика третьяго царства, которую даетъ Іоахимъ, не совсѣмъ чужда воззрѣніямъ католической церкви. Онъ училъ, что какъ въ первую эпоху высшая власть принадлежала мірянамъ, во вторую—клирикамъ, такъ въ третью ее получатъ монахи. Но мы видимъ, какъ со времени клюнійской реформы монашество получаетъ преобладающее значеніе въ церковной жизни насчетъ клира. Что касается до идеи антихриста, который долженъ придти передъ царствомъ Духа, то положеніе церкви около 1200 г. могло ее внушать. Вѣчное Евангеліе, которое должно придти на смѣну Новаго Завѣта, духовное Евангеліе (Evangelium Spirituale) часто у Іоахима является не какъ новое откровеніе, но лишь какъ духовное пониманіе уже даннаго людямъ Евангелія [2]).

---

in sanguinem versam esse videmus. Nihil in ea enim spirituale, nihil coelicum, sed omne pene lubricum, totum carnale, totum caro et sanguis et evisceratio spiritus“.

[1]) Concor. 175, 2.

[2]) См. мѣсто, опубликованное Денифле изъ Cod. Patav. 322: „illud scilicet evangelium, de quo dicit Iohannes in apocalypsi XIII „vidi angelum“. Sed quare vel a domino dicitur Evangelium regni, vel a Iohanne Evangelium aeternum, nisi quia illud, quod mandatum est nobis a Christo vel Apostolis secundum fidem sacramentorum quantum ad ipsa sacramenta, transitorium est et temporale, quod autem per ea significatur aeternum.

Противъ Іоахима были возбуждены обвиненія на Латеранскомъ соборѣ 1215 г.; однако, изъ его сочиненій осудили лишь отвлеченно-схоластическій трактатъ „De unitate trinitatis“, направленный противъ Петра Ломбардскаго; и какъ онъ признавалъ, что исповѣдуетъ католическую вѣру, то Гонорій III велѣлъ опубликовать по всей Калабріи, что Іоахимъ—вѣрный сынъ церкви, а установленная имъ въ орденѣ дисциплина—спасительна [1]). Но если церковь не относилась первоначально съ особой строгостью къ доктринѣ Іоахима, ея взглядъ рѣзко измѣнился, какъ скоро эта доктрина сдѣлалась достояніемъ францисканцевъ [2]).

Почему она сдѣлалась—это вопросъ, на который до извѣстной степени можно отвѣтить, представивъ себѣ настроеніе въ орденѣ. Прошли первыя времена: чувство экзальтаціи, господствовавшее въ кругу ближайшихъ учениковъ Франциска, чувство счастливо найденнаго рѣшенія жизненной задачи не исчезло совершенно, но уступило мѣсто болѣе мрачнымъ настроеніямъ. Передъ глазами былъ необыкновенный успѣхъ внѣшняго распространенія ордена и въ то же время все болѣе чувствовалось разочарованіе, что правящая церковь и покровительствуемые ей прелаты ордена не даютъ свободно развиться насажденію св. Франциска. Отсюда легко было перейти къ нѣкоторому разочарованію въ самой церкви: съ радостью взялись за ученіе, что церковь сама не достигла полнаго совершенства, и что при переходѣ ея къ царству св. Духа будутъ дѣйствовать новые монашескіе ордена. Въ своемъ Комментаріи къ Апокалипсису Іоахимъ предсказалъ, что передъ началомъ третьяго періода явятся два мужа, подобные Ильѣ и Моисею, которые соберутъ вокругъ себя многихъ, хотящихъ жить по духу (viri spirituales), для проповѣди Евангелія; и имъ будутъ соотвѣтствовать два ордена: одинъ изъ нихъ

---

[1]) Annal. eccl. Rayn. 1220, 31.

[2]) Предположенье Рейтера (G. der Aufkl. II, 195—196) о вліяніи іоахимовскихъ идей на самого Франциска не находитъ себѣ никакого оправданья въ источникахъ; и все, что мы знаемъ о духовномъ кругозорѣ Франциска, заставляетъ насъ думать, что іоахимовская апокалиптика была ему вполнѣ чужда.

будетъ дѣйствовать въ духѣ ревности, другой — въ духѣ кротости [1]). Эти отрывочныя указанія не похожи на подробныя характеристики орденовъ въ Комментаріяхъ къ Исаіи и Іереміи; они, очевидно, имѣютъ въ виду францисканцевъ и доминиканцевъ и отдаютъ рѣшительное предпочтеніе первымъ [2]). Но у Іоахима была идея о превосходствѣ монаховъ надъ клириками, о высшемъ достоинствѣ ихъ жизни и о томъ, что въ третьемъ царствѣ духовное господство будетъ принадлежать имъ. Успѣхъ новыхъ орденовъ оправдывалъ это представленіе: въ лицѣ ихъ вступала въ церковь новая сила, свободная отъ обычныхъ недостатковъ; быть можетъ, уже наступаетъ царство Духа? Несомнѣнно, и самый поразительный успѣхъ орденовъ могъ внушить идею, что совершается нѣкій великій переворотъ въ церкви.

Самые важные, дошедшіе до насъ, памятники этого францисканскаго іоахимизма суть безспорно Комментаріи къ Исаіи и Іереміи. Мы уже указывали, почему можно съ увѣренностью отвергать ихъ подлинность. Но самое міросозерцаніе авторовъ ихъ [3]) еще рѣзче отличается отъ іоахимовскаго, чѣмъ форма изложенія. Напрасно станемъ мы искать здѣсь возвышенныхъ философско-историческихъ идей; созерцаніе пустынножителя уступило здѣсь мѣсто раздраженію и негодованію памфлтиста.

---

[1]) Expos. 147, 2 и 177, 3. Ibid. 147, 2: „duo vero ordines isti in typo duorum virorum duae olivae et duo candelabra dicti sunt, quia et oleo charitatis ardent, et splendore sapientiae lucent, quorum unum speciatiter congruit monachòs, alterum clericis convenire prolatur... Oportet enim stare sive duos viros secundum litteram, sive reliquias duorum ordinum in conspectu eius, quomodo steterunt Moyses et Aaron coram Pharaone et Petrus et Paulus coram Nerone. Opportet enim praedicare illos propter electos et annunciare hominibus verba vitae, ut luceat lux eorum coram hominibus, et ob eo doctrinae spirituali corda electurum hominum iniungendo impingerent“.

[2]) Es. 50. Ier. 2, 1 et passim.

[3]) Фридрихъ въ своей работѣ, помѣщенной въ Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie, 1859 (Kritische Untersurchungen der dem Abt. Ioachim von Floris zugeschriebenen Commentare zu Iesajas und Ieremias) убѣдительно доказалъ, что эти комментаріи имѣютъ разныхъ авторовъ. Чрезвычайно опредѣленные въ своихъ предсказаніяхъ, они отступаютъ въ нихъ другъ отъ друга,

Весь интересъ авторовъ направленъ на изображеніе кары надъ церковью, которую она потерпитъ передъ вступленіемъ въ третье царство. Орудіемъ божественнаго гнѣва будетъ императоръ Фридрихъ и его потомство [1]). Напрасно римская церковь будетъ искать спасенія въ союзѣ съ Франціей; онъ приведетъ ее къ гибели, какъ гибеленъ былъ для іудейскаго царства союзъ съ Египтомъ, противъ котораго предостерегалъ пророкъ Іеремія (59, 2).

У Іоахима переходъ къ третьему царству объясняется не изъ упадка предшествующаго и не изъ Божеской кары, а, напротивъ, является актомъ высшаго Божескаго милосердія, которое возводитъ страждущее человѣчество къ царству св. Духа. Въ Комментаріяхъ къ пророкамъ надъ всѣмъ господствуетъ идея кары. Прелаты, епископы и кардиналы, горделиво носившіе свои церковныя достоинства, будутъ преданы огню [2]), само папство падетъ подъ ударами имперіи. Тяжекъ его грѣхъ: папы, добиваясь свѣтскаго могущества, принуждены были заискивать въ свѣтскихъ властяхъ, начиная отъ папы Пасхалиса, взятаго въ плѣнъ норманнскимъ герцогомъ; за внѣшнее могущество они продали духовную свободу церкви [3]). „Проклятъ день тотъ“, восклицаетъ авторъ Комментарія къ Іереміи, „въ который церковь достигла высоты своего могущества“. Императоръ увлечетъ папу въ вавилонскій плѣнъ, на римскомъ престолѣ возсядетъ обманщикъ; на Италію обрушатся ея сѣверные сосѣди, а весь христіанскій міръ будетъ преданъ огню и мечу татарскихъ полчищъ.

Но, среди этой картины гибели и разрушенія, авторамъ предносятся свѣтлые образы новыхъ дѣятелей въ разрушенномъ и запущенномъ Божественномъ виноградникѣ—новыхъ орденовъ. Ихъ будутъ преслѣдовать прелаты, епископы, доктора богословія; налагать молчаніе, обвинять „de crimine lesae maiestatis“—однако, церковь не сможетъ обойтись безъ нихъ, разошлетъ ихъ по разнымъ странамъ съ

---

[1]) Ier. 48, 1.
[2]) Es. 50, 4.
[3]) Ier. 52, 2.

разными миссіями. Новые братья не испугаются преслѣдованій, и въ своихъ проповѣдяхъ смѣло изобличатъ прелатовъ церкви. Проповѣдовать они будутъ новое, „Вѣчное Евангеліе“, распространятъ его по всему лицу земли и передъ вселенской церковью поразятъ докторовъ нынѣшняго вѣка [1]) Основой ихъ жизни будетъ евангельская бѣдность, которую они откроютъ людямъ. Мы не видимъ, какъ пройдутъ они черезъ испытаніе, угрожающее церкви передъ ея вступленіемъ въ царство св. Духа, но чувствуемъ, что въ этомъ царствѣ имъ суждено сдѣлаться духовными руководителями всего христіанскаго міра.

Выдвигая эти два будущіе ордена, комментаторы особенно останавливаются на одномъ изъ нихъ, „серафическомъ“ орденѣ, по выраженію комментатора Іереміи (названье, которое послѣ смерти Франциска постоянно прилагалось къ францисканцамъ). Его братья возвѣстятъ завѣтъ смиренія и явятъ примѣръ высшей, святой бѣдности. Старшій орденъ (доминиканскій) будетъ даже скорбѣть, что младшій (францисканскій) сталъ выше его, не помня евангельскихъ словъ: „послѣдніе будутъ первыми“.

Легко видѣть, что въ этомъ іоахимизмѣ, приспособленномъ къ чаяніямъ энтузіастовъ ордена, чувствуется уже весьма сильная реакція противъ господствующей церкви. Всѣ задачи, которыя ставила себѣ она, переходятъ въ руки новыхъ орденовъ: они будутъ церковью третьяго царства. Это было очень далеко отъ настроенія Франциска, но понятно, какъ люди, неудовлетворенные узкими рамками, которыя церковь отводила ихъ общественно-религіознымъ порывамъ, охотно пускались въ эти опасныя, но привлекательныя дали апокалиптическаго ясновидѣнья.

Почему іоахимизмъ проникъ именно къ францисканцамъ и очень мало затронулъ доминиканцевъ? Послѣдніе съ самаго начала были чужды созерцательно-утопическому направленью первыхъ. Какъ ни стремилась курія тѣснѣе сблизить эти два ордена, господствовавшія настроенія у

---

[1]) Іег. 43, 2.

нихъ были дальше другъ отъ друга, чѣмъ внѣшняя форма жизни [1]).

Главный источникъ, по которому мы можемъ судить о распространенiи iоахимизма среди францисканцевъ,—это хроника Салимбене Пармскаго. Она важна намъ, какъ свидѣтельство современника, весьма любознательнаго, хотя и пристрастнаго, а главное мелочнаго и завистливаго. Какъ нравственная личность, Салимбене не былъ украшеньемъ ордена, и мы можемъ жалѣть лишь, что интересная эпоха распространенiя среди францисканцевъ iоахимизма не дошла до насъ черезъ болѣе серьезный источникъ [2]).

Во время своего пребыванья въ Ниццѣ въ 1248 г. Салимбене имѣлъ случай познакомиться съ братомъ Гуго изъ Монпелье, который пропагандировалъ iоахимовскiя идеи. „Въ этомъ мѣстѣ", разсказываетъ Салимбене, „братъ Гуго и проводилъ большую часть своего времени. Было тамъ много судей, врачей и всякаго рода книжныхъ людей, которые въ праздничные дни сходились въ камеру Гуго, чтобы слушать его бесѣды о доктринѣ аббата Iоахима, а также изложенье таинъ св. Писанья и предсказанья о будущемъ. И я самъ слушалъ Гуго. Я раньше слышалъ объ ученiи Iоахима во время своего пребыванья въ Пизѣ, отъ одного аббата изъ флорiйскаго ордена, престарѣлаго святого отца, кото-

---

[1]) Есть, однако, слѣды, что доминиканцы не остались свободными отъ iоахимовскаго влiянiя. Мы найдемъ его въ письмѣ нѣмецкаго доминиканца Арнольда „de correctione Ecclesiae" (опубликовано по манускрипту Вѣнской библiотеки—Fr. Alberti de correctione ecclesiae epistola et de Innocentio IV Antichristo libellus, Berolini 1865) и въ хроникѣ Альберта Штаде (M. Ger. XVI p. 371). Но здѣсь iоахимизмъ получаетъ своеобразную, такъ сказать, гибеллинскую окраску. Ожидаемый судъ надъ папой совершитъ императоръ Фридрихъ: онъ не антихристъ, а principalis defensor ecclesiae; при немъ будутъ новые Илья и Елисей—повидимому, два доминиканца. Послѣ побѣды императоръ возвратитъ церковь къ ея первоначальной чистотѣ: церковныя имущества розданы будутъ бѣднымъ. Въ отличiе отъ францисканскихъ iоахимитовъ здѣсь нѣтъ рѣчи объ особомъ откровеньи третьяго царства. Фёльтеръ въ Zeitschrift für Kirchengcsehichte, IV B. 1880—(Die Secte von Schwäbisch Hall) связываетъ съ этимъ доминиканскимъ iоахимизмомъ cary о Фридрихѣ II.

[2]) Срав. Gebhard—Fra Salimbene, étude historique. Paris, 1884.

рый хранилъ въ пизанскомъ монастырѣ всѣ сочиненія Іоахима, бывшія у него. Онъ опасался, что императоръ Фридрихъ разрушитъ этотъ монастырь, который стоялъ на пути изъ Луки въ Пизу, ибо вѣрилъ, что въ Фридрихѣ исполнилась тайна временъ, такъ какъ церковь не мало страдала отъ него. Братъ же Рудольфъ Саксонскій, пизанскій лекторъ, великій логикъ и теологъ, сильный въ диспутахъ, оставилъ теологическія занятія изъ-за книгъ Іоахима, которыя лежали въ нашемъ домѣ, и сдѣлался великимъ приверженцемъ Іоахима.

„И послѣ того, передъ походомъ французскаго короля въ Св. Землю, когда я былъ въ Провансѣ, находились тамъ два минорита, вполнѣ преданныхъ доктринѣ Іоахима, которые всѣми силами старались меня увлечь. Одинъ изъ нихъ былъ родомъ изъ Пармы, по имени Бартоломей Гвизаулъ, другой—Герардинъ изъ Санъ-Донино въ Сициліи, юноша достойный, но слишкомъ упорно державшійся за слова Іоахима. Они убѣждали меня повѣрить писаніямъ Іоахима и изучать ихъ: я видѣлъ у нихъ іоахимовскій Комментарій къ Іереміи и многія другія книги“ [1]). Эти братья, опираясь на слова Іоахима, предсказывали печальное будущее предпріятію Людовика. Были, однако, въ орденѣ люди, не сочувствовавшіе іоахимистскимъ мечтаніямъ; таковъ былъ бр. Марцій. Видя увлеченіе Салимбене, онъ говорилъ: „и ты обезумѣлъ, какъ другіе, которые слѣдуютъ этому ученью?“ „Братъ Салимбене“, прибавлялъ онъ, „не вѣрь этимъ іоахимистамъ, которые только смущаютъ своихъ братьевъ; помоги мнѣ лучше составить Opus distinctionum, который будетъ весьма полезенъ для проповѣдниковъ“. По его словамъ, было три причины, почему онъ не вѣрилъ Іоахиму: во-первыхъ, споръ послѣдняго съ Петромъ Ломбардскимъ, за который Іоахима осудила церковь; во-вторыхъ, его предсказанія о будущихъ гоненіяхъ и смутахъ—причина, почему іудеи убивали пророковъ,—и, наконецъ, въ третьихъ, то, что многіе, вѣрившіе Іоахиму, хотѣли предвосхищать и угадывать не постав-

---

[1]) Salim. Chron. p 101 etc.

ленные имъ сроки. О нихъ сказалъ самъ аббатъ: боюсь, дабы не случилось со мной того же, на что жаловался Іаковъ (Быт. 43). Самъ же Іоахимъ не ставилъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ сроковъ, хотя нѣкоторымъ такъ казалось (licet videbatur quibusdam, quod sic). Но онъ полагалъ нѣсколько сроковъ, говоря: „Богъ можетъ яснѣе показать тайны свои, и кто останется живъ, увидитъ ихъ". Въ Ниццѣ Салимбене былъ свидѣтелемъ спора между іоахимистомъ-францисканцемъ и правовѣрнымъ доминиканцемъ. „Братъ Петръ, что думаешь ты о доктринѣ Іоахима?" „Я забочусь о ней, какъ о пятомъ колесѣ телѣги". Францисканецъ поспѣшилъ сообщить Гуго о скептикѣ. „Что мнѣ до того, что онъ не вѣритъ", отвѣчалъ Гуго, „ему же хуже: самъ увидитъ, когда переживетъ эти бѣдствія (vexatio dabit auditui intellectum)". Однако, онъ позвалъ доминиканца на собесѣдованіе и спросилъ его: почему онъ не вѣритъ? Доминиканецъ указываетъ на неисполнившіяся пророчества, на то, что Іоахимъ бралъ изъ Исаіи и Іереміи то, чего у нихъ не было: гдѣ, напримѣръ, Исаія сказалъ, что Фридрихъ долженъ умереть 70 лѣтъ, что онъ не можетъ умереть иначе, какъ по волѣ Божіей, т. е. смертью не насильственной, а естественной? „Аббатъ Іоахимъ", отвѣчалъ Гуго, „былъ святой человѣкъ: Богъ открывалъ ему, что предсказывать для пользы людей". Онъ пытался доказывать справедливость примѣненія, которое дѣлалъ Іоахимъ изъ пророчества Исаіи, объяснялъ, что въ Св. Писаніи, кромѣ буквальнаго, есть еще четыре смысла—тропологическій, аналогическій, моральный и мистическій. Что касается до Фридриха, то и Мерлинъ предсказывалъ о немъ, какъ Іоахимъ. Въ концѣ концовъ доминиканецъ Петръ былъ убѣжденъ, несмотря на нѣкоторое предубѣжденіе, которое онъ испытывалъ противъ наставника изъ соперничествующаго ордена. При отъѣздѣ онъ сказалъ Гуго: „поистинѣ никогда я не видалъ другого столь хорошо говорящаго и много знающаго, какъ ты; желалъ бы я всегда быть съ вами и бесѣдовать о Св. Писаніи".

Распространеніе іоахимовскихъ истинныхъ и подложныхъ произведеній въ орденѣ не ограничивалось Италіей и южной Франціей. Изъ письма Адама Мариска мы узнаемъ,

что ихъ читали съ величайшимъ интересомъ и въ далекой Англіи [1]).

Естественно, что это увлеченіе іоахимизмомъ вызывало извѣстную реакцію въ самомъ орденѣ. Одни, какъ Салимбене, переживший 1260 г.—срокъ, опредѣленный для кары надъ церковью и торжества антихриста, разувѣрялись [2]). Другимъ, вообще, были чужды эти апокалиптическія гаданья, въ которыхъ они видѣли лишь легкомысленныя фантазіи. Къ послѣднимъ принадлежалъ знаменитый францисканецъ Давидъ Аугсбургскій, прославившійся какъ святой жизнію, такъ и проповѣднической дѣятельностью. „Многіе", говоритъ онъ, „разными способами проникаютъ въ тайны будущаго и многіе обольщаются, приписывая Св. Духу то, что выдумаютъ въ собственной головѣ или что имъ внушитъ духъ заблужденія. И вотъ, отчего мы уже до пресыщенія полны (iam usque ad fastidium repleti sumus) всяческими пророчествами о приходѣ антихриста, о предвѣстникахъ страшнаго суда, о разрушеніи орденовъ, о преслѣдованіяхъ церкви, о паденіи царствъ, о бѣдствіяхъ, грядущихъ на міръ, и о многомъ другомъ,—и даже люди серьезные и набожные оказываются болѣе легковѣрными, чѣмъ слѣдовало-бы" [3]).

Распространялась ли въ орденѣ и подлинная доктрина Іоахима? Мы уже видѣли, что Гуго предостерегалъ противъ чрезмѣрно поспѣшныхъ послѣдователей Іоахима, которые хотѣли внести слишкомъ большую опредѣленность въ предсказанія его. Съ другой стороны, и онъ, и самъ Салимбене признавали комментаріи и къ Исаіи и Іереміи за подлинныя сочиненія Іоахима. Но если различіе первоначальнаго и

---

[1]) Ep. 43 Mon. Fran. I p. 146—147: paucas particulas de variis expositionibus ab Ioachimo vobis inspiciendas transmitto, ut ex interpretationibus sancti viri, qui non immerito creditur divinitus spiritum intellectus in mysteriis propheticis assecutus, pie coniciat pontificalis animus prudens, eloquii mystici, utrum instent immutabilis providentiae dies formidandi.

[2]) Лучшую характеристику іоахимизма Салимбене даетъ Гебгартъ (Gebhardt) въ вышеуказанной работѣ о Салимбене.

[3]) „Quibus etiam viri graves et devoti plus quam oportuit creduli exstiterunt" См. De exterioris et interioris hominis compositione" c. 9. (Опубликованъ въ 1899 г. Quarecchi). Трактатъ составленъ нѣсколько послѣ 1240 года.

позднѣйшаго іоахимизма было до нѣкоторой степени знакомо Гуго и находившемуся подъ его вліяніемъ Салимбене, то масса іоахимитовъ не дѣлала никакихъ различій. Это выясняется особенно изъ исторіи „Вѣчнаго Евангелія“.

Вопросъ о немъ долго былъ однимъ изъ загадочнѣйшихъ въ исторіи средневѣковыхъ ересей. Что такое было „Вѣчное Евангеліе?“ Называлась ли такъ какая-нибудь книга, или это имя прилагалось къ іоахимовской доктринѣ вообще? Въ какомъ отношеніи оно находилось къ подлиннымъ сочиненіямъ Іоахима? Изслѣдованія Ренана [1]) и особенно Денифле [2]) пролили здѣсь много свѣта; опираясь на работы этихъ изслѣдователей, мы можемъ придти къ сравнительно точнымъ результатамъ.

Подъ именемъ „Вѣчнаго Евангелія“ Іоахимъ понималъ откровеніе, которое дано будетъ людямъ третьяго царства, и такъ же относится къ Новому Завѣту, какъ Новый къ Ветхому. Истолковывая мысль Іоахима, Денифле указываетъ, что это откровеніе не будетъ заключать по существу ничего новаго сравнительно съ Евангеліемъ Христа: оно—есть лишь духовное озареніе вѣрующаго, подъ наитіемъ котораго онъ будетъ избавленъ отъ рабскаго подчиненія буквѣ Новаго Завѣта,—одухотворенное пониманіе Евангелія [3]). Но въ пятидесятыхъ годахъ XIII в. этому слову дается совершенно иной смыслъ. Подъ „Вѣчнымъ Евангеліемъ“ разумѣется собраніе, состоявшее изъ трехъ главныхъ сочиненій Іоахима, снабженныхъ глоссами, которымъ предпослано Введеніе, такъ называемый Introductorius, вышедшіе изъ рукъ автора, принадлежавшаго къ францисканскому ордену: авторъ Введенія указываетъ, что уже въ 1200 г. оба Завѣта—Ветхій и

---

[1]) Ioachime de Flore et l'Evangile éternel въ Nouvelles études de l'histoire religieuse.

[2]) См. Das Evangelium aeternum und die Commission zu Anagni въ Archiv für L. und K. G. I.

[3]) Намъ кажется, Денифле не совсѣмъ точно интерпретировалъ мысль Іоахима: если откровенье третьяго царства такъ же восполнитъ Новый Завѣтъ (понимаемый такъ, какъ понимала его церковь), какъ этотъ послѣдній восполнилъ Ветхій, то оно, конечно, и по существу будетъ новымъ.

Новый — потеряли свою силу и уступили мѣсто „Вѣчному Евангелію“ [1]).

Это собраніе подвергалось церковной цензурѣ, и до насъ дошелъ списокъ тѣхъ заблужденій, которыя нашла въ немъ разбиравшая его комиссія. Парижскіе профессора, которые были въ ссорѣ съ нищенствующими орденами, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы повредить имъ, и всячески распространяли обвиненіе въ новой ереси. Папа наконецъ назначилъ особую комиссію, которая собралась въ Анагни и, разсмотрѣвъ дѣло, осудила „Вѣчное Евангеліе“.

Остановимся прежде всего на Введеніи, авторъ котораго выпустилъ въ свѣтъ, повидимому, это собраніе и снабдилъ іоахимовскія сочиненія глоссами. Этимъ авторомъ многіе источники считали Іоанна Пармскаго, генеральнаго министра ордена. Такъ высказывался Бернардъ Гвидо въ Catalogus pontificum romanorum. Благодаря ошибкѣ Муратори, который неправильно прочелъ сокращеніе въ манускриптѣ, мы находимъ у него въ печатномъ текстѣ, въ качествѣ автора Введенія, нѣкоего Іоанна де Прима [2]).

Противъ авторства Іоанна Пармскаго говорятъ вѣскія основанія. Самое главное изъ нихъ — совершенное молчаніе болѣе близкихъ источниковъ, какъ Хроника 24 генераловъ и Исторія 7 гоненій; по крайней мѣрѣ, изъ разсказа о процессѣ надъ Іоанномъ мы видимъ, что подобнаго обвиненія къ нему не предъявляли. Напротивъ, Салимбене, наиболѣе цѣнный для насъ источникъ, цѣликомъ возлагаетъ отвѣтственность за составленіе „Вѣчнаго Евангелія“ на Герардина де Борго: „Братъ Герардинъ былъ отправленъ изъ Сициліи

---

[1]) 91, a: „Quod circa 1200, annum incarnationis dominici exivit spiritus vitae de 2 testamentis, ut fieret Evangelium aeternum.“ См. въ Archiv für L. и K. G. I, S. 100. И въ другихъ мѣстахъ Введенья то, что Іоахимъ говорилъ о „Вѣчномъ Евангеліи“, прилагается къ его собственнымъ сочиненіямъ.

[2]) Ber. ital. scrip. III, p. 593. „alter vero afferebat inter cetera erronea, quod Evangelium Christi vel doctrina Novi testamenti neminem ad perfectum perduxit et evacuanda sunt post 1260 annum; et in a. D. 1260 inchoari debet doctrina Ioachimi, quam conditor libri illuis aeternum Evangelium nominat. Huius libri confector et auctor fuisse afferitur quidam Iohannes de Prima cognomine et origine“.

въ Парижъ, чтобы учиться тамъ. И онъ учился четыре года, но измыслилъ неразумное: составилъ книгу, опубликовалъ свою глупость и распространилъ ее среди невѣжественныхъ братьевъ. Эта книга содержала много лжи противъ доктрины аббата Іоахима, чего аббатъ не писалъ: будто Евангеліе Христово и ученіе Новаго Завѣта никого не приводитъ къ совершенству и устранится въ 1260 г. И такъ какъ Герардинъ не хотѣлъ одуматься и смиренно признать свою вину, то братья заключили его въ тюрьму, надѣли на него кандалы и держали на хлѣбѣ и водѣ. Несчастный не хотѣлъ отказаться отъ своего упорства: такъ и умеръ онъ въ тюрьмѣ и лишенъ былъ церковнаго погребенія. И по дѣломъ: пусть всѣ знаютъ, что строгость правосудія сохраняется въ орденѣ противъ нарушителей его уставовъ: не слѣдуетъ безуміе одного ставить въ вину всѣмъ" [1]).

Апологетическія намѣренія, очевидныя у Салимбене, при отсутствіи противоположныхъ современныхъ показаній, не могутъ заставить насъ заподозрить его извѣстіе. Оно подтверждается и отрывкомъ хроники въ майнцскомъ манускриптѣ, который опубликовалъ Гауптъ [2]). Но самое сильное свидѣтельство даютъ протоколы комиссіи въ Анагни.

Салимбене указываетъ, что Герардинъ очень отступалъ отъ подлиннаго ученія Іоахима, и мы можемъ догадываться, въ какомъ направленіи онъ отступалъ. Самое Evangelium aeternum до насъ не дошло, и мы должны судить о ней по эксцерптамъ. Денифле доказалъ, что самые полные списки заблужденій находятся въ Хроникѣ Матвѣя Парижскаго [3]) и въ „Liber de rebus memorabilium" Генриха Герфордскаго [4]), при чемъ преимущество слѣдуетъ отдать первому. Прежде считали, что списокъ былъ составленъ инквизиторами, но всѣ основанія заставляютъ приписывать его парижскимъ

---

[1]) Salim. Chron. p. 233.

[2]) См. Zeitschrift für Kirchengeschichte VII B. (1885), p. 374 Здѣсь авторомъ называется Gerardinus nomine, de Viterbio natione. Гауптъ предполагаетъ, что Салимбене называлъ Герардина „De borgo S. Domini" по имени монастыря, въ который онъ вступилъ.

[3]). His. maior VI, 335—339.

[4]) Ed. Potthast, p. 181.

профессорамъ, враждовавшимъ съ орденами. Современный событіямъ Рикеръ, написавшій исторію Сенской церкви и ошибочно приписавшій составленіе „Вѣчнаго Евангелія“ доминиканцамъ [1]), прямо указываетъ, что изобличили это еретическое ученіе парижскіе профессора и во главѣ ихъ Вильгельмъ Сентъ-Амуръ [2]). Какъ мы видѣли, въ самихъ сочиненіяхъ Вильгельма разбросано много намековъ, относящихся къ ученію „Вѣчнаго Евангелія“, имѣющаго замѣнить Новый Завѣтъ. Парижскіе профессора въ своемъ отвѣтѣ Александру IV говорятъ: если мы уйдемъ и уступимъ университетъ францисканцамъ и доминиканцамъ, то не будетъ ли это дѣйствительно конецъ царства ап. Петра, который предсказалъ іересіархъ Іоахимъ въ своемъ „Вѣчномъ Евангеліи“ [3]). Отголоски этой борьбы съ университетомъ мы находимъ даже въ Roman de la Rose [4]).

Мы не можемъ судить, насколько вѣрно эти эксцерпты передаютъ содержанія не дошедшаго до насъ Введенія, но текстъ Іоахима они часто искажаютъ [5]). Самъ Александръ

---

[1]) Ошибка, повторенная и Матвѣемъ Парижскимъ.

[2]) „Praedicatores vero quendam librum Evangeliorum conpilaverunt. In quo aliqua dicebantur contineri, quae contra fidem esse videbantur. Clerici vero nescio qua arte procuraverunt ut copiam ipsius libri haberent, ex quo omnia capitula fidei contraria decerpserunt et ea scripto commendantes sibi retinuerunt. Elegerunt quoque sibi qnendam virum discretissimum Willelmum nomine, qui pro ceteris magnus philosophus habebatur; quem cum libro ad curiam mittentes procuratorem suum contra Praedicatores statuerunt“. Mon. Germ. t. XXV p. 328

[3]) Char. Univ. p. 296—2 ок. 1255 г.

[4]) См. v. 12362 etc. (діалогъ l'Acteur и Faulx-Semblant).

[5]) См. Денифле „Das Evangelium aeternum etc. въ Archiv I 80 S etc. Для характеристики искаженій Денифле приводитъ слѣдующее мѣсто. У Іоахима говорится: in secundo statu fructificavit ordo clericorum inchoatus a Christo et sanctis apostolis per actionem predicationis, contemptiva interim perfectione usque scilicet ad haec nostra tempora in sterilitate manente, nimirum quia ut ad sextam aetatem labor, it ad septimam pertinet contemplatio, quorum alterum quidem usque modo praecessit, alterum et iam incepit et a modo perfectius in perfectis manebit“.—У эксцерписта: „quod Christus et sancti apostoli eius non fuerunt perfecti in vita contemplativa“. „Quod activa vita usque ad tempus Ioachim fructuosa fuit, sed modo non est fructuosa; contemplativa vero ab ipso Ioachim fructificare cepit et amodo in perfectis succesoribus suis perfectius manebit“.

IV указалъ въ буллѣ еп. Парижскому, что нѣкоторыя обвиненія противъ Введенія оказались неправильными [1]). Можно однако думать, что парижскимъ профессорамъ не было надобности такъ перетолковывать Введеніе, чтобы представить его автора опаснымъ еретикомъ, какъ это приходилось дѣлать съ подлинными сочиненіями Іоахима.

Во Введеніи эксцерпты намѣчаютъ семь заблужденій: 1) доктрина Іоахима превосходитъ ученье Христа, какъ Новый Завѣтъ превосходитъ Ветхій; 2) Евангеліе Христа не есть Евангеліе царства Божія; имъ церковь не созидается; 3) Новый Завѣтъ долженъ быть отмѣненъ, какъ отмѣненъ былъ Ветхій; 4) Новый Завѣтъ сохранитъ свою силу лишь до 1260 г.; 5) люди, которые будутъ жить послѣ этого года, не будутъ связаны имъ; 6) Евангеліе Христа смѣнится другимъ Евангеліемъ; 7) никто не способенъ учить людей духовному, кромѣ тѣхъ, кто ходитъ съ босыми ногами [2]). Сущность этихъ errores можно свести къ двумъ: ученіе о новомъ Евангеліи, которое замѣнитъ Евангеліе Христа, и представленіе объ исключительной миссіи людей, ходящихъ съ босыми ногами, людей, въ коихъ нельзя не узнать францисканцевъ. Протоколы комиссіи въ Анигни, опубликованные Денифле, подтверждаютъ это [3]).

Кромѣ Введенія, Герардинъ, какъ мы говорили, снабдилъ глоссами сочиненія Іоахима. Чтобы дать понятіе о характерѣ этихъ глоссъ, переданныхъ протоколомъ, приведемъ одну изъ нихъ. Іоахимъ говоритъ о мерзости запустѣнія, предсказанной Даніиломъ. Герардинъ объясняетъ: „эта мерзость запустѣнія, предсказанная Даніиломъ, обозначаетъ папу, за-

---

[1]) Chartul. Univ. Paris. I, p. 297—23 ок. 1255 г.—quia quaedam cedulae plerisque fuerunt exhibitae, in quarum nonnullis multa, quae in libello non continebantur eodem, nequiter sibi adscripta fuisse dicuntur.

[2]) „Quod nullus simpliciter idoneus est ad insruendum homines de spiritualibus, nisi illi, qui nudis pedibus incedunt“.

[3]) Archiv. I. P. 115, 96 в. „Huc, usque verba Ioachim et fratris Gerardi. Ex praeceptis videtur, quod iste novas et falsas opiniones confingat, et hoc maxime vanae gloriae causa, id est ut exaltet huiusmodi ordinem increpibiliter et intempestive super alios ordines, immo super ecclesiam“. Замѣтимъ, что она, въ противоположность сорбоннскимъ профессорамъ, разсматривала дѣло съ большимъ безпристрастіемъ.

пятнаннаго симоніей, который въ концѣ 6 періода возсядетъ на тронѣ [1]).

Результатомъ засѣданій комиссіи было осужденье Введенія въ „Вѣчное Евангеліе“, причемъ, однако, папа озаботился, чтобы это осужденье не повредило репутаціи Францисканскаго ордена [2]).

Хотя никакъ нельзя видѣть въ Іоаннѣ Пармскомъ составителя „Вѣчнаго Евангелія“, но его увлеченье іоахимовскими идеями не подлежитъ сомнѣнію. „Изъ-за доктрины аббата Іоахима“, говоритъ Салимбене, „изъ-за своего пристрастія къ ней Іоаннъ сдѣлался ненавистнымъ нѣкоторымъ министрамъ, папѣ Александру IV и Николаю III, которые прежде любили его за простую и святую жизнь“ [3]). Замѣчательно, что Исторія 7 гоненій почти не упоминаетъ объ іоахимизмѣ Іоанна Пармскаго. Напротивъ того, она подробно останавливается на другой сторонѣ его характера и дѣятельности, которая тоже, вѣроятно, не нравилась многимъ. „Братъ Іоаннъ говорилъ, что Завѣщаніе и Правило по существу одно и то же, и что братья должны оказывать великое почтенье Завѣщанію, ибо духъ Христа пребывалъ во Францискѣ послѣ того, какъ онъ получилъ стигматы“. Въ Завѣщаніи яснѣе и очевиднѣе, чѣмъ въ Правилѣ, выражается истинное намѣреніе законодателя. И невозможно кому-ни-

---

[1]) У Іоахима, кромѣ 3 status, всемірная исторія дѣлится еще на 7 tempora. Конецъ 6 tempus въ общемъ соотвѣтствуетъ концу 2 status; Герардинъ могъ считать его уже наступившимъ: тогда пророчество о симоніакѣ папъ относится къ настоящему или къ самому ближайшему будущему.

[2]) См. Char. Univ. p. 298 булла 4 нояб. 1255 г. См. Marth. Par. V p. 599: „praecepit papa, ut novus ille liber, quem Evangelium aeternum nominant, secreto si posset fieri sine fratrum scandale comburetur; et alii, quae de Iohachim corruptela dicuntur emanasse. Vigilanter igitur, procurante diligentia d. Hugonis cardinalis et episcopi Messanensis, qui de ordine Praedicatorum extiterunt caute et tacite procuratum est, ita ut tumultus motus ad horam conquievit“. Замѣчательно, что, несмотря на многія возраженія Іоахиму, его три сочиненія, входящія въ Evangelium aeternum не подверглись осужденью, можетъ быть, потому, что доктрина Іоахима находила въ Римѣ многочисленныхъ и высокихъ защитниковъ, какъ намекаетъ Вильгельмъ. См. Boulaeus III, 321.

[3]) См. Salim. Chron. p 131 Ср. p. 132 „quamvis fr. Iohanes de Parma habuerit multos mordaces occasione doctrinae abbatis Ioachym“.

будь, презирающему Завѣщаніе, духовно понять и вѣрно соблюдать Правило. Іоаннъ также много порицалъ тѣхъ, кто „просятъ комментаріевъ, отклоняются отъ Завѣщанія и увѣщаній Франциска, сомнѣваются въ ихъ достовѣрности и презираютъ ихъ по своей грѣховной природѣ, вопреки волѣ св. Франциска“ [1]).

Реакція, которую возбудилъ Іоаннъ Пармскій своимъ строгимъ отношеніемъ къ Правилу, была настолько сильна, что ему, въ концѣ-концовъ, пришлось сложить съ себя званіе генеральнаго министра. Это было настоящее пораженіе для партіи строгаго соблюденія Правила, „обсервантовъ“. Противники Іоанна обратились съ жалобой на него къ папѣ. Александръ IV сначала былъ очень расположенъ къ министру; онъ далъ ему важную миссію въ Константинополь, гдѣ Іоаннъ заслужилъ общія симпатіи [2]), но впослѣдствіи рѣзко измѣнилъ свое отношеніе. По извѣстію Перигрина Болонскаго, перешедшему въ Хронику 24 генераловъ, папа оказалъ давленіе на соборъ, который долженъ былъ выбрать преемника Іоанну, и въ то же время запретилъ ему прини-

---

[1]) H. 7. t. Arch. II. S. 277. Іоаннъ Пармскій былъ генеральнымъ министромъ, какъ разъ, во время парижскихъ смутъ; а ему пришлось бороться съ профессорами, но, помня завѣтъ Франциска, онъ хотѣлъ побѣдить ихъ кротостью. Онъ, по словамъ Салимбене, разсказалъ имъ притчу, содержаніе которой намъ не передано, но сущность заключалась въ слѣдующемъ: „этотъ царь — небесный Садовникъ; Его садъ — церковь или орденъ Франциска (viridarium suum Ecclesia et vel religio b. Francisci). Орденъ насажденъ съ помощью васъ, нашихъ учителей и господъ; денно и нощно вы оказываете намъ благодѣянія, и мы готовы молиться за васъ, проповѣдовать вамъ, работать на пользу душъ вашихъ. Если же вы хотите уничтожить ваше насажденіе, можете свободно. Я генеральный министръ ордена миноритовъ, хотя не достойный этого сана, взявшій все противъ своей воли; вы — господа и учителя наши, мы же — рабы, дѣти и ученики ваши; если есть у насъ какое-нибудь знаніе, мы охотно скажемъ, что имѣемъ его отъ васъ. Себя самого и братьевъ, которые въ моей власти, предоставляю я вамъ учить и направлять. Вотъ мы въ вашихъ рукахъ; сдѣлайте съ нами, что считаете справедливымъ“. Эти слова совершенно примирили магистровъ Salim. Chron. p. 123. Очевидно, разсказъ разукрашенъ Салимбене, но отношеніе Іоанна къ парижскому конфликту, вѣроятно, изображено вѣрно.

[2]) Mar. Lisb. l. II, c. 39.

мать достоинство генеральнаго министра въ случаѣ, если онъ опять будетъ выбранъ [1]).

Въ числѣ главныхъ противниковъ Іоанна, наиболѣе способствовавшихъ его низложенію, выступили, однако, не бывшіе сторонники Ильи. Обвиненія противъ него передъ папой были формулированы Бернардомъ Бессой, секретаремъ Бонавентуры; участіе послѣдняго здѣсь для насъ неизвѣстно, но несомнѣнно изъ дальнѣйшаго хода событій, что онъ былъ противникомъ Іоанна. Обвиненія, формулированныя Бессой, сводились къ слѣдующему: генеральный министръ отвергаетъ комментаріи къ Правилу и принимаетъ лишь Завѣщаніе Франциска, требуя отъ братьевъ его исполненія; говоритъ, что отмѣна Завѣщанія есть оскорбленіе воли завѣщателя. Онъ предсказываетъ расколъ ордена на двѣ половины, изъ которыхъ одна будетъ держаться за привилегіи, а другая станетъ твердо хранить Правило. Сверхъ сего, ему ставилось въ вину увлеченіе іоахимовскими идеями, даже отвлеченно-догматическими, осужденными церковью (споръ съ Петромъ Ломбардскимъ), наконецъ, писанія его единомышленниковъ, бр. Леонарда и Герардина, распространявшихъ іоахимовскую доктрину и пользовавшихся ею для нападокъ на прелатовъ ордена [2]).

На римскомъ соборѣ 1256 г. Іоаннъ Пармскій отказался отъ своего сана, и на его мѣсто былъ избранъ Бонавентура. Исторія 7 гоненій указываетъ, что это отреченіе произошло добровольно. Генеральный министръ объявилъ, что онъ никакъ не можетъ со спокойной совѣстью смотрѣть на дальнѣйшія нарушенія Правила, и, не встрѣчая никакого сочувствія въ братьяхъ, онъ слагаетъ съ себя санъ; пусть они выберутъ человѣка, подходящаго имъ [3]). Собраніе единогласно выбрало Бонавентуру.

---

[1]) Chron. 24 gen. въ A. F. III p. 300. Ваддингъ примыкаетъ къ этому извѣстію—1256, 3.

[2]) Въ своемъ Catal. minist. gener. Бернардъ упоминаетъ лишь объ обвиненіяхъ въ іоахимизмѣ.

[3]) Arch. II p. 270 „asserens, se nullo modo salvo testimonio consentire tolerare posse, quod sub sui ducatus vexillo tot et iam graves excessus fierent, qui inundabant in religione et quotidie augebantur“. Онъ прибавилъ:

Значительно отличается разсказъ Салимбене. Онъ ничего не упоминаетъ о томъ, что Іоаннъ Пармскій принужденъ былъ сложить съ себя свое достоинство; по его словамъ, генеральный министръ даже ускорилъ орденское собраніе и не хотѣлъ долѣе оставаться во главѣ ордена; напрасны были убѣжденія братьевъ. Наконецъ, они стали просить Іоанна указать, по крайней мѣрѣ, имъ преемника. Тотчасъ онъ указалъ на Бонавентуру и сказалъ: „я не знаю въ орденѣ лучшаго". И всѣ братья согласились на немъ, и былъ Бонавентура избранъ [1]). Въ самой рекомендаціи Бонавентуры Іоанномъ Пармскимъ нѣтъ ничего невѣроятнаго.

Со вступленіемъ новаго генеральнаго министра противники Іоанна Пармскаго не оставили его въ покоѣ. Они не прощали его суровой критики и, воспользовавшись іоахимистическими увлеченіями Іоанна, просили Бонавентуру назначить надъ нимъ слѣдствіе. „Не мало погрѣшилъ братъ Бонавентура въ этомъ дѣлѣ", говоритъ Исторія 7 гоненій, „ибо разсуждая съ Іоанномъ объ этомъ предметѣ (упадкѣ орденской дисциплины), онъ выражалъ полное согласіе, а въ присутствіи братьевъ показывалъ, что думаетъ противоположно съ нимъ". Такъ какъ пункты обвиненія, которые, по Исторіи 7 гоненій, были представлены Бонавентурѣ противъ Іоанна, вполнѣ сходятся съ обвиненіями Бессы, представленными папѣ, то можно думать, что процессъ не былъ чисто внутреннимъ орденскимъ дѣломъ и находился въ нѣкоторой связи съ низложеніемъ Іоанна. Папа назначилъ предсѣдательствовать на судѣ кардинала-діакона св. Николая Тулліанскаго. Вмѣстѣ съ Іоанномъ привлекли къ отвѣтственности и другихъ приверженцевъ іоахимизма. Особенно тяжелыя обвиненія возбуждены были противъ Герардина, автора Введенія къ „Вѣчному Евангелію", и Леонарда, который въ своихъ писаніяхъ защищалъ ученіе Іоахима и превосходство Правила Франциска и установленной имъ формы жизни надъ всѣми другими. Въ числѣ подсудимыхъ былъ и Гуго, имѣвшій нѣкоторое время вліяніе на Салимбене.

„de me igitur quantum ad regimen et ducatum nullam spem in posterum habeatis; sed eligite vobis hominem, qui vestris affectibus concordet".

[1]) Sal. p. 137.

Въ изложеніи процесса Исторія 7 гоненій представляетъ дѣло такъ, будто іоахимизмъ былъ лишь предлогомъ осужденія, въ дѣйствительности же обвиняемые возбудили противъ себя ненависть въ большинствѣ ордена за слишкомъ рѣзкія обличенія своихъ собратьевъ; Хроника 24 генераловъ говоритъ лишь объ іоахимизмѣ [1]). Замѣтимъ, что здѣсь существовала тѣсная связь: іоахимизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ его понимали авторы Комментаріевъ къ Исаіи и Іереміи и составитель „Вѣчнаго Евангелія", велъ къ признанію высокаго значенія ордена св. Франциска, необходимости въ чистотѣ соблюдать Правило и Завѣщаніе и давалъ, такъ сказать, метафизическій и философско-историческій фундаментъ обсервантамъ.

Окончательное осужденіе Герардина и Леонарда произошло за то, что они признавали истиннымъ ученіе Іоахима о Троицѣ и требовали, чтобы ихъ опровергали на основаніи св. Писанія. Оба были заключены въ тюрьму и, по словамъ Салимбене, умерли въ ней [2]). Что касается до Іоанна Пармскаго, то онъ своей непреклонностью возбудилъ такой гнѣвъ въ Бонавентурѣ, что послѣдній воскликнулъ: „если бы я не уважалъ чести ордена, осудилъ бы его, какъ явнаго еретика". Исторія 7 гоненій, не излагая подробностей, говоритъ лишь, что судъ былъ въ высшей степени несправедливъ: Бонавентура, посовѣтовавшись съ братьями и съ согласія кардинала-протектора, осудилъ Іоанна на вѣчное заточеніе [3]). Отъ этой кары бывшаго министра спасло заступничество кардинала Оттобана, впослѣдствіи Адріана V; онъ написалъ Бонавентурѣ письмо, съ упрекомъ за необдуманный и легкомысленный приговоръ. „Его вѣра есть моя вѣра, и его душа—моя душа; я не зналъ никого, болѣе святого и вѣрнаго католической церкви, чѣмъ онъ; посему прекра-

---

[1]) Chron. 24 gener. p. 333.

[2]) Въ майнцскомъ манускриптѣ, опубликованномъ Гауптомъ, напротивъ, говорится, что Герардинъ былъ впослѣдствіи изгнанъ изъ ордена Zeitschrift für Kirchengeschichte. VII S. 372.

[3]) P. 285: Venit frater Iohannes, cogitur iurare tanquam de haeresi suspensus, inquiritur sapiens a minus sapientibus senex invalidus sancto spiritu repletus ab indevotis et suis cordibus voluntatibus sequentibus examinatur.

тите гоненіе на него, которое есть гоненіе на меня". Іоаннъ Пармскій получилъ свободу и разрѣшеніе жить, гдѣ хочетъ.

Замѣчательно, что Салимбене ничего не говоритъ объ осужденіи Іоанна; послѣдній, по его словамъ, тотчасъ послѣ освобожденья отъ должности удалился въ эремиторій, въ которомъ Францискъ нѣкогда праздновалъ Рождество [1]).

Осужденье іоахимитовъ - обсервантовъ представляетъ такую же важную грань во внутренной исторіи ордена, какъ побѣда надъ парижскими профессорами—во внѣшней. Обѣ онѣ соотвѣтствуютъ тѣснѣйшему союзу ордена и куріи. Клиръ безсиленъ парализовать папскія привилегіи, данныя ордену; обсерванты не могутъ измѣнить того направленья орденской жизни, которое поддерживала курія. И знаменательно, что Бонавентура, одинъ изъ главныхъ защитниковъ нищенствующихъ орденовъ противъ нападковъ университета, апологетъ евангельской бѣдности, является противникомъ обсервантовъ, самыхъ горячихъ защитниковъ этой бѣдности. По своему мистическому настроенію Бонавентура былъ близокъ къ нимъ. Но что ставило непроходимую грань между нимъ и обсервантами, было его глубокое сознанье необходимости сохранить существующую организацію, связь между орденомъ и правящей церковью. Здѣсь мы стоимъ передъ извѣстной общественно-психологической противоположностью, которую находимъ на всемъ протяженіи исторіи. Выражаясь въ терминахъ психологіи средневѣкового монашества—что выше: соблюденье заповѣди или послушанье лицу, облеченному властью? когда власть налагаетъ свою руку на заповѣдь, остается ли она таковой, истинной властью? И чѣмъ больше историческія условія удаляли орденъ отъ первоначальнаго идеала, чѣмъ возвращенье казалось утопичнѣе, тѣмъ сильнѣе оно манило. Внушенье идеи дѣйствовало съ силой, такъ сказать, обратно пропорціональной осуществимости этой идеи.

---

[1]) См. p. „131: porro post absolutionem suam, frater Iohannes ivit et habitavit heremitorio Graecii, ubi beatus Franciscus in Nativitate Domini fecit repraesentationem praesepii, de qua in legenda sua plenius confitetur". Салимбене хорошо зналъ послѣдующую жизнь Іоанна.

Глава III.

Тотъ періодъ въ исторіи ордена, который заканчивается Александромъ IV, вполнѣ опредѣлилъ его положенье въ совокупности дѣйствующихъ церковныхъ учрежденій; позднѣйшіе папы шли уже по проложеннымъ путямъ. Мы можемъ слѣдить, какъ орденъ поддерживалъ это положенье, какъ расширялась его компетенція, можемъ видѣть, съ другой стороны, какъ реакція, явная и тайная, противъ его дѣятельности продолжается попрежнему, — но необходимость нищенствующихъ орденовъ, какъ церковныхъ органовъ, являлась столь очевидной, что, несмотря на недовѣріе отдѣльныхъ папъ, никакая опасность не угрожала ихъ существованію. Личныя отношенія папъ къ ордену за этотъ періодъ были вполнѣ благосклонны. Особенно знаменательнымъ явилось здѣсь то обстоятельство, что самъ папскій престолъ начинаетъ замѣщаться представителями нищенствующихъ орденовъ, чѣмъ создается новая связь между ними и куріей [1]).

---

[1]) Первымъ папой изъ францисканцевъ былъ Николай IV. По пармской хроникѣ, братья о немъ и объ архіепископѣ Кантуарензійскомъ, тоже вышедшемъ изъ ордена, говорили: мы имѣемъ солнце и луну въ одеждѣ нашего ордена—См. Pertz. XVIII p. 710. Великимъ покровителемъ францисканцевъ былъ и Николай III, первоначально кардиналъ-протекторъ ихъ ордена. Онъ съ сожалѣньемъ долженъ былъ отказаться отъ протекторства и передать его своему племяннику, кардиналу діакону, Матвѣю Урсину. Въ торжественномъ собраньи онъ отдалъ кардиналу свое кольцо и прибавилъ: „орденъ не нуждается въ твоемъ управленьи; онъ изобилуетъ столькими мудрыми мужами, что ихъ хватило бы править цѣлымъ міромъ. Ты не долженъ слишкомъ думать объ исправленьи: въ орденѣ власть прелатовъ упрочена, и едва ли что-нибудь остается безъ исправленья. Лишь въ

Однако, если нищенствующіе ордена и заняли совершенно опредѣленное мѣсто въ церкви, если буллами Александра IV, осудившими Вильгельма Сентъ-Амуръ, было признано ихъ право на это мѣсто, то ни епископы, ни приходское духовенство въ особенности далеко съ этимъ не примирились. Въ самомъ началѣ своего правленія Климентъ IV долженъ былъ произнести отлученіе на всѣхъ, кои осмѣлятся вторгнуться въ церкви и жилища братьевъ (29 іюня 1263 г.). Особенно враждебенъ былъ миноритамъ сенгаленскій клиръ; онъ выработалъ обычные статуты, которыми надѣялись помѣшать успѣху ордена. Люди, желающія быть погребенными у братьевъ, не получаютъ причастія, на ихъ похоронахъ не бываетъ звона, за гробомъ не идетъ священникъ;—всѣ эти статуты кассировались, какъ противорѣчащіе орденскимъ привилегіямъ (12 фев. 1265 г.). Въ другомъ случаѣ гонителемъ ордена явился епископъ Арльскій, который требовалъ portio canonica со всѣхъ приношеній, запретилъ священникамъ своей діоцезы принимать францисканцевъ въ дома; его клиръ не стыдился называть ихъ еретиками (30 дек. 1266 г.). Обычнымъ способомъ притѣсненій были произвольныя толкованія епископами орденскихъ привилегій. Климентъ IV вовсе запретилъ подобныя истолкованія, т. к. право истолковывать принадлежитъ лишь

одномъ отношеніи они нуждаются въ тебѣ: они бѣдны и слабы, и ты долженъ защищать ихъ отъ внѣшнихъ враговъ". Этотъ анекдотъ впервые передается въ Хроникѣ 24 генераловъ.

Изъ всѣхъ папъ XIII в. лишь Гонорій IV былъ, повидимому, принципіальнымъ противникомъ ордена. Вотъ какъ характеризуетъ его отношенье Салимбене: „онъ не только былъ противникомъ устройства новыхъ орденовъ, но всячески старался разрушить уже устроенные и развивающіеся. Онъ имѣлъ въ виду нанести тяжкія несправедливости миноритамъ и доминиканцамъ, такъ какъ получалъ отъ нѣкоторыхъ прелатовъ деньги, которымъ покорны всѣ люди. Естественно, Богъ не оставилъ его безъ кары: онъ внезапно умеръ". О Бонифаціи VIII Бартоломей Пизанскій и Маріаннъ свидѣтельствуютъ, что онъ хотѣлъ уничтожить Францисканскій орденъ. По справедливому объясненію Ваддинга, его мѣры были направлены не противъ ордена въ его цѣломъ, а противъ партіи спиритуаловъ, которую принялъ подъ свое покровительство его предшественникъ Целестинъ. Объ отношеніи Бонифація VIII къ нищенствующимъ орденамъ см. у Tosti. Storia di Bonifacio VIII, Roma, 1886. I, p. 117 etc.

тому, у кого есть право давать привилегію [1]). Въ Сиракузахъ клиръ и подстрекаемые имъ граждане напали на миноритовъ и разрушили ихъ дома (1 мар. 1274 г.). Обязанность защищать братьевъ отъ клира возлагается на мѣстнаго епископа (18 мая 1277 г.), а когда въ Ферентинѣ самъ епископъ велѣлъ разрушить начатыя постройки братьевъ, и клирики его совершили вооруженное ночное нападеніе, то папа Николай III потребовалъ, чтобы за братьевъ вступился ректоръ Кампаніи (15 мая 1278 г.). Епископъ Плаценціи не только запретилъ своей паствѣ принимать братьевъ, а священникамъ — допускать францисканцевъ къ проповѣди, но и отлучилъ ихъ благотворителей, велѣлъ вырвать деревянный крестъ, сооруженный братьями; клиръ его бросалъ во францисканцевъ каменьями; обуздать епископа поручено архіепископу Пармскому и его архипресвитерамъ (5 ян. 1280 г.). Мартинъ IV напоминаетъ еп. Падуанскому, чтобы его плебанъ не обижалъ братьевъ: про этого плебана ходитъ слухъ, которому папа не хочетъ вѣрить, будто самъ епископъ покровительствуетъ его насильственнымъ дѣйствіямъ (quod non facile credere possumus). Еп. Аурійскій (въ испанской Галиціи) отнялъ у братьевъ ихъ земли, запретилъ оставлять имъ по завѣщанію, запретилъ кононикамъ даже разговаривать съ ними: папа Николай IV вызываетъ его къ суду въ Римъ (26 апр. 1290 г. и 13 мая 1291 г.). При Бонифаціи VIII мы опять слышимъ о насиліяхъ надъ миноритами въ Ауріи: папа поручаетъ епископамъ Кампостелланскому и Мандоніанскому и архидіакону церкви Св. Луки вызвать обидчиковъ къ суду. Оказалось, что епископъ опять участвовалъ въ этихъ гоненіяхъ; его свита нападала на жилища братьевъ, взламывала двери, поджигала постройки и убила даже въ ихъ церкви 10 гражданъ. Братья обращались къ епископу, но онъ не только отказалъ имъ въ помощи, но и отнялъ у нихъ всю обстановку дома и церкви. На другомъ концѣ Европы, въ Даніи, внима-

---

[1]) 6 іюля 1268 г. „ne praefati episcopi privilegia et indulgentia quae interpretatione non indigent sive dubia vel obscura contineant, ne cetero interpretari praesumant, cum ejus est interpretari, cujus est condere“.

ніе папы обращаютъ насилія надъ миноритами епископа Роскильденскаго. Онъ отнялъ собранный братьями лѣсъ, разрушилъ ихъ скромныя постройки, присвоилъ лошадей, которыхъ дали имъ въ пользованіе благотворители, и сломалъ лодку; мало того, онъ оклеветалъ ихъ предъ королемъ въ оскверненіи таинствъ, одобрилъ составленную противъ нихъ инвективу (libellum), запрещалъ исповѣдоваться у нихъ, давать имъ милостыню и оказывать гостепріимство, угрожая въ противномъ случаѣ лишеніемъ причастія. Папа вызываетъ епископа къ своему суду черезъ другого епископа (5 ав. 1297 г.).

Гораздо рѣже приходилось защищать миноритовъ отъ насилій со стороны другихъ монаховъ, зависть и недоброжелательство которыхъ не всегда смягчались временемъ, тѣмъ болѣе, что миноритъ нерѣдко сами подавали имъ поводъ. Такъ, цистерзіанцы на общемъ собраніи 1275 г. рѣшили прекратить всѣ сношенія съ миноритами, что и приводили въ исполненіе [1]). Такъ, аббату и монахамъ въ Шарлье (11 дек. 1267 г.) предоставляется на выборъ „an fratres minores benevole admittere, an sedis Apostolicae praestolari censuram“. Въ 1258 г. луканскому архидіакону поручено вызвать къ папскому суду монаха монастыря Троицы за обычныя насилія надъ братьями. При Николаѣ IV особенно враждебно держались клюнійскіе монахи (13 сен. 1291 г.). Главнымъ средствомъ предупреждать столкновенія продолжало служить устраненіе слишкомъ близкаго сосѣдства. „Между вами и нѣкоторыми другими орденами“, говоритъ Климентъ IV, „возникаютъ поводы къ ссорамъ и раздорамъ вслѣдствіе того, что они выстраиваютъ свои жилища и церкви недалеко отъ вашихъ—и этимъ наносится миноритамъ немаловажный вредъ“; на будущее время разстояніе между помѣщеніемъ миноритовъ и другого ордена должно быть не менѣе 300 шаговъ; раньше воздвигнутыя постройки предписывается снести (30 нояб. 1265 г.). Эти 300 шаговъ не были

---

[1]) Annales Colbazienses, a. 1275 въ Mon. Ger. XIX p. 716. „Quare nobis praeceptum est a capitulo generali ne satis aliquam familiaritatem habeamus usque ad factionem condignam cum fratribus supradictis...

постоянной нормой; Николай IV даетъ 200 (30 апр. 1285 г.); самъ Климентъ IV свелъ ихъ до 140 (5 іюля 1268 г.).

Другая сторона, подлежащая регулированью, былъ переходъ изъ одного ордена въ другой. Въ общемъ сохранялись принципы, выработанные прежней эпохой; какъ правило, переходъ не допускался, въ особенности въ менѣе строгій орденъ: перешедшіе въ новомъ орденѣ не могли получать достоинствъ. Все это, однако, не было очень незыблемо; въ 1268 г. три минорита получили разрѣшеніе перейти въ цистерзіанскій орденъ (21 мая); подобныя же разрѣшенія были даны впослѣдствіи вождямъ партіи спиритуаловъ, Ангелу Кларену и Убертину Казале. Бонифацій VIII разрѣшилъ Амедею Сабадійскому, перешедшему въ бенедиктинскій орденъ, стать прелатомъ въ новомъ орденѣ, „несмотря на противоположныя постановленія“ (27 сен. 1296 г.).

Чѣмъ больше оба нищенствующихъ ордена пріобрѣтали господствующее положеніе въ церковной жизни, тѣмъ болѣе ухудшались ихъ взаимныя отношенія. Нельзя сказать, чтобы это объяснялось исключительно чувствами, вызываемыми конкурренціей. Извѣстныя различія по существу, которыя можно было видѣть въ самомъ началѣ, постепенно разростаются по мѣрѣ того, какъ среди францисканцевъ все сильнѣе и сильнѣе начинается броженіе, образуются безпокойные для церкви элементы, оплодотворенные іоахимовскимъ мистицизмомъ. Доминиканцы остались не только чужды, но и безусловно враждебны всѣмъ этимъ новымъ теченіямъ религіозной мысли: они неизмѣнно стояли на почвѣ церковнаго ученія и безпощадно преслѣдовали всѣхъ, сходившихъ съ этой почвы. Даже ученье о превосходствѣ евангельской бѣдности, которое еще недавно съ одинаковымъ рвеніемъ защищалось представителями обоихъ орденовъ, отступило у доминиканцевъ на задній планъ, и по мѣрѣ того какъ извѣстная часть Францисканскаго ордена превращала заповѣдь бѣдности въ центральный пунктъ христіанской морали, доминиканцы все болѣе и болѣе возставали противъ преувеличенной оцѣнки ея. Для правящей церкви, во всякомъ случаѣ, они были болѣе надежнымъ столпомъ, хотя нельзя сказать, чтобъ она оказывала имъ какое-нибудь

одностороннее покровительство въ ущербъ миноритамъ. Если въ орденѣ св. Франциска замѣчалось небезопасное броженіе, то, съ другой стороны, благодаря своему болѣе демократическому характеру, онъ остается безусловно необходимымъ для проведенія въ жизнь начертаній куріи. Вслѣдствіе этого папы особенно старались сгладить враждебность между двумя орденами и заявляли о своей одинаковой любви къ нимъ. Интересная въ этомъ отношеніи булла сохранилась у насъ отъ Климента IV, который, согласно его біографу [1]), чувствовалъ особенное расположеніе къ доминиканцамъ. Нѣкто Эмерганъ спрашивалъ у папы совѣта, въ какой изъ двухъ орденовъ ему лучше поступить? „Монахи одного изъ нихъ", отвѣчаетъ папа, „спятъ на болѣе жесткомъ ложѣ, носятъ болѣе бѣдную одежду и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, сохраняютъ болѣе глубокую бѣдность; у другихъ умѣреннѣе пища, продолжительнѣе постъ и, по общему мнѣнію, болѣе суровая дисциплина. Мы не оказываемъ предпочтенія ни одному изъ этихъ орденовъ передъ другимъ" (19 апр. 1265 г.) [2]).

До чего доходила враждебность доминиканцевъ и францисканцевъ, можно видѣть изъ обвиненій провансальскихъ доминиканцевъ противъ минорита Маурина; они оклеветали его не только передъ народомъ, убѣждая не имѣть съ нимъ сношеній, какъ съ отлученнымъ, но и обвинили его передъ свѣтскимъ судомъ въ измѣнѣ Карлу Анжуйскому и переговорахъ съ гибеллинами. Все это оказалось чистой выдумкой (16 іюня 1266 г.). Климентъ IV, поручая францисканцамъ

---

[1]) Птоломею Луккскому—Hist. eccles. l. XXII, c. 38. у Muratori XI p. 1161.

[2]) „Alteri quidem istorum ordinum lectus est durior, nuditas gravior et ut nonnulli iudicant paupertas profundior; alteri cibus parcior, longior ieiunia, et ut quamplures affirmant, severior disciplina; neutrum ergo neutri praeferimus". Другой небезынтересный примѣръ папскаго безпристрастья мы находимъ въ буллѣ Бонифація VIII къ министру Анконы; папа отправляетъ его къ графу Монте-Фельтрэ, желавшему сдѣлаться монахомъ и колебавшемуся между рыцарскимъ орденомъ и миноритами. „Quamvis minorum regnla dignoscitur asperior, personarum tamen conditioni qualitati mentis et aetatis plenius et melius in omnibus vel per omni integra libertas conceditur". — 23 іюля 1296 г.

проповѣдовать крестовый походъ въ римской провинціи, старался предупредить конфликты съ клиромъ и доминиканцами; миноритъ должны дѣйствовать въ различныхъ съ ними мѣстахъ и въ различное время. Легатъ Гонорія IV сурово порицалъ миноритовъ Страссбурга и всей Германіи за ихъ враждебность къ доминиканцамъ (1287 г.) [1]).

Что касается до общаго характера привилегій, раздаваемыхъ папами ордену, то разсматриваемый нами періодъ прибавляетъ мало новыхъ чертъ по сравненію съ предшествующимъ. Урбанъ IV ограничился подтвержденіемъ того, что дали его предшественники (29 мая 1262 г.). Подробнѣе опредѣлилъ ихъ Климентъ IV. „Никакой легатъ", говорилъ онъ, „кромѣ какъ de latere sedis Apostolicae, не можетъ васъ отлучать; вамъ предоставлено освобождать отъ отлученія, проповѣдовать и измѣнять обѣты (15 іюня 1263 г.)". Въ скоромъ времени онъ издалъ другую буллу, гдѣ перечислилъ всѣ преимущества ордена; миноритъ освобождены отъ того, чтобы ихъ вызывали на собранія—даже папскими письмами, отъ денежныхъ сборовъ, судебныхъ разслѣдованій, наблюденій за монахами и монахинями, отъ визитаціи и исправленій, отъ обязанности доставлять письма клиру и т. д. Никто изъ прелатовъ церкви не можетъ взять съ собой минорита безъ согласія его министра. Братья не подлежатъ обще-церковной юрисдикціи и не платятъ portio canonica. [2]) Бонифацій VIII, который, вообще, старался поддерживать равновѣсіе между правами клира и привилегіями ордена, въ самомъ началѣ своего правленія подтвердилъ совершенную независимость братьевъ отъ какой-нибудь юрисдикціи клира, и непосредственное подчиненіе ордена папѣ. Однимъ изъ постоянныхъ источниковъ раздора продолжало быть право погребенія. Въ своей буллѣ 20 сен. 1290 г. ордену и капитулу Белуацензійскому Бонифацій VIII призналъ за францисканцами право хоронить у себя всѣхъ, съ оговоркой, чтобы покойникъ первоначально переносился въ приход-

---

[1]) Bull. Franc. III p. 597.

[2]) Само собой разумѣется, эти привилегіи не уменьшали папскихъ правъ употреблять въ дѣло орденъ.

скую церковь. Въ 1300 г. Бонифацій VIII издалъ общее постановленіе „super cathedram“, которымъ онъ надѣялся возстановить правильныя отношенія между клиромъ и орденами (18 февр.). Указывая на прискорбные и опасные раздоры изъ-за проповѣдей передъ народомъ, исповѣдей, наложенія эпитемій, погребенія умершихъ, папа говоритъ: „постановляемъ, что братья могутъ свободно проповѣдовать въ своихъ церквахъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они живутъ, а также на площадяхъ, кромѣ тѣхъ часовъ, когда приходскіе священники сами захотятъ проповѣдовать. Въ приходскихъ же церквахъ братья отнюдь не должны проповѣдовать безъ приглашенія приходскаго духовенства; развѣ только епископы и высшіе прелаты прикажутъ имъ. Относительно исповѣди монахи должны просить со смиреніемъ у епископовъ, чтобы братья, избранные для этой обязанности, могли въ ихъ діоцезахъ исповѣдовать желающихъ. Проповѣдники должны назначаться прелатами ордена и идти въ тѣ мѣста, которыя имъ назначены; число ихъ сообразуется съ численностью населенія и клира [1]). Избранные исповѣдники должны просить у епископовъ утвержденія: если тѣ его не дадутъ, должны просить вторично; если исповѣдники и вторично не получатъ утвержденія, то могутъ обойтись и безъ него. Братья могутъ у себя хоронить, но должны отдавать приходскому духовенству $^1/_4$ съ приношеній“. Булла кончается увѣщаніемъ къ приходскимъ священникамъ — быть благосклонными къ братьямъ.

Какъ мы видимъ, рѣшеніе Бонифація VIII скорѣе ограничивало существующія права орденовъ въ пользу приходскаго духовенства, но послѣднее этимъ не удовлетворялось. Бонифацій XI, вышедшій изъ доминиканцевъ, началъ съ отмѣны „Super cathedram“. Это постановленіе, по его словамъ, не достигло цѣли; впрочемъ, привилегіи, которыя онъ подтвердилъ ордену, близко подходятъ къ тому, что предоставлялось въ „Super cathedram“ (17 янв. 1304 г.): братья могутъ проповѣдовать клиру и народу, но не въ одни часы

---

[1]) Numerus ese debet, prout Universitas cleri et populi multitudo eligit.

съ приходскимъ духовенствомъ, и если въ приходскихъ церквахъ, то лишь съ согласія священника. Требуется также разрѣшеніе епископа на проповѣдь и исповѣдь; но если онъ въ теченіе 3 дней его не дастъ, то можно обойтись и безъ него. Исповѣдавшіеся у братьевъ могутъ вторично не обращаться къ приходскимъ священникамъ; если однако послѣдніе признаютъ человѣка отлученнымъ, то братья не должны его освобождать.

Распространеніе нищенствующихъ орденовъ во второй половинѣ XIII вѣка не представлялось столь чудесно-быстрымъ, какъ въ первой, но общественная благотворительность не охладѣвала къ нимъ [1]), и щедрая раздача индульгенцій постоянно поддерживала этотъ притокъ [2]). Матеріальная помощь ордену со стороны куріи попрежнему выражалась также въ частыхъ предоставленіяхъ брать извѣстныя суммы изъ male percepta и изъ дѣлаемыхъ завѣщаній на благочестивыя цѣли, безъ точнѣйшаго опредѣленія [3]).

Такимъ образомъ, орденъ оставался въ непосредственной связи съ куріей, и естественно, что она сама была главной хранительницей его привилегій; но нерѣдко ихъ охрана возлагалась на епископовъ, которые тогда были отвѣтственны за ихъ нарушенія: они становились въ такомъ случаѣ conservatores privilegiorum ордена,—это названье далъ папа Мартинъ IV еп. Клузинскому (9 фев. 1281 г.).

Ростъ орденскихъ привилегій не сглаживалъ враждебности противъ орденовъ со стороны остальной церкви. Парижская побѣда имѣла большое и политическое,

---

[1]) Нельзя не сказать, что и въ свѣтскомъ обществѣ замѣчаются отдѣльныя проявленія реакціи противъ чрезмѣрныхъ пожертвованій нищенствующимъ орденамъ. Нюренбергское городское управленіе, такъ гостепріимно принявшее братьевъ, впослѣдствіи запретило гражданамъ жертвовать имъ болѣе 1 золотого динарія. Императоръ Генрихъ VII отмѣнилъ это запрещеніе. Chron Glass. въ An. Fr. II p. 118.

[2]) Такъ, Николай III, благословляя генеральное собраніе ордена, даетъ 100-дневную индульгенцію всѣмъ, кто чѣмъ-нибудь поможетъ братьямъ.— 16 мая 1279 г.

[3]) См. 17 іюня 1296 г. разрѣшеніе Бонифація VIII еп. Парижскому выдать миноритамъ 100 марокъ серебра „de legatis indistincte in pios usus relictis in Francia“.

и моральное значенье, но легче было сломить парижскихъ профессоровъ, чѣмъ побѣдить реакцію противъ того, что представлялось явной узурпаціей. Архіепископъ Бременскій въ своемъ письмѣ къ кельнскому епископу о ссорѣ, которая произошла въ 1178 г. между духовенствомъ и миноритами изъ-за погребенной одной богатой обывательницы этого города, выражался такъ: „что же дѣлаютъ и дѣлали эти братья? они начали подстрекать консуловъ и всѣхъ жителей города противъ клира, выгнали епископа и капитулъ, а сами сѣли на ихъ мѣсто; и эти новые епископы, презирая запрещенья, стали распоряжаться церквами, оставшимися безъ законныхъ пастырей, слушали исповѣди, совершали таинства, не заботились о распоряженіяхъ епископовъ и увѣряли, что ихъ никто не осудитъ; всѣхъ же, кто хотѣлъ сохранить повиновенье клиру, они на площадяхъ передъ народомъ называли еретиками; они сами увѣряли, что никому не обязаны повиновеньемъ: ни епископамъ, ни архіепископамъ, ни папскимъ легатамъ“ [1]). Главными выразителями неудовольствій клира на ордена продолжали быть провинціальные соборы. На арльскомъ соборѣ 1263 г. рѣшено было ограничить проповѣдническую дѣятельность монаховъ: они не должны допускать къ себѣ прихожанъ въ праздники, въ своихъ проповѣдяхъ не должны отвлекать ихъ отъ посѣщенья приходскихъ церквей. Вообще, на провинціальныхъ соборахъ обычно чувствовались отголоски ученья о непосредственной и исключительной миссіи приходскаго духовенства,—ученья, главнымъ теоретикомъ котораго былъ Вильгельмъ Сентъ-Амуръ. Кельнскій соборъ 1279 г. запретилъ даже исповѣдоваться у чужого священника; во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ прихожане должны обращаться къ своему ближайшему пастырю [2]). Миланскій соборъ 1287 г. даетъ право приходскимъ священникамъ отлучать людей, которые будутъ убѣждать прихожанъ выбирать для погребенья не приходскія церкви [3]).

---

[1]) Ullman und Umbreit: Theologische Studien und Kritiken B. I, H. f. 109 S.

[2]) Mansi Concil. Collectio, v. XXIV p. 343—362.

[3]) Ibid. p. 879.

Рѣдкимъ является мнѣніе, высказанное на валлискомъ соборѣ 1284 г.: „такъ какъ народъ и духовенство нуждаются въ обученьи, то клиръ долженъ съ радостью принимать доминиканцевъ и францисканцевъ“. Не имѣя возможности остановить притокъ пожертвованій къ орденамъ, соборы старались по крайней мѣрѣ обращать ренты и доходы, завѣщанные орденамъ и запрещенные ихъ правилами, на благочестивыя цѣли. Право хоронить у себя и постороннихъ было признано за орденомъ, и его нельзя было отмѣнить. Чтобы отвлечь народъ, майнцскій соборъ 1310 г. обѣщалъ индульгенцію въ 40 дней тому, кто завѣщаетъ похоронить себя въ приходѣ [1]). „Если доминиканцы и францисканцы“, говоритъ постановленье авиньонскаго собора, „увѣряютъ, что кто-нибудь желалъ быть погребеннымъ у нихъ, то должны это доказать“ [2]).

На самыхъ орденскихъ собраніяхъ считаютъ нужнымъ напоминать, что братья не должны нарушать правъ и враждовать съ клиромъ. Ліонскій соборъ 1279 г. предостерегаетъ „caveant fratres ab omni scandalo clericorum et maxime in sepulturis et testamentis“. Можетъ-быть, въ связи съ этимъ находится и другое рѣшенье этого собора—не пользоваться привилегіями, которыя могутъ сдѣлаться источникомъ вражды [3]). Французскій кардиналъ Симонъ Болье находилъ, что церковь сдѣлалась чудовищной вслѣдствіе привилегій орденовъ: какъ въ естественныхъ тѣлахъ чудовищнымъ называется, когда одинъ членъ исполняетъ назначенье другого, такъ и въ духовномъ тѣлѣ, т. е. церкви, когда братья, хотя бы ученые и разумные, дѣлаютъ дѣло, которое не поручено имъ [4]).

Нельзя сказать, чтобы папы всегда приносили въ жерт-

---

[1]) Mansi XXV p. 322.

[2]) Ibid. p. 760.

[3]) Archiv für L. K. G. IV, 43 S.

[4]) Hist. litt. de la France, v. XXI p. 28; sicut enim in corpore naturali contigit, quod monstrum dicitur cum membrum unum alterius officium habeat, sic et in corpore spirituali scilicet ecclesia, cum utique literati et prudentes fratres videlicet, maiores et minores, officium specialiter nobis commissum occupant iniuste.

ву права клира привилегіямъ орденовъ. Изъ постановленія Бонифація VIII мы видимъ, что онъ своимъ компромиссомъ желалъ предотвратить на будущее время возможность узурпаціи со стороны орденовъ. Папы неоднократно подавляли попытки со стороны доминиканцевъ и францисканцевъ нарушить интердиктъ, наложенный епископомъ [1]). Но, съ другой стороны, они энергично настаивали на своемъ правѣ давать братьямъ какія угодно привилегіи. Климентъ IV въ слѣдующихъ словахъ осудилъ теорію Вильгельма Сентъ-Амуръ: нѣкоторые рѣшаются утверждать, что безъ разрѣшенья приходскихъ священниковъ нельзя свободно исповѣдовать, освобождать кающихся, налагать цѣлительное покаяніе. „Но все это предоставлено вамъ римскими первосвященниками: поистинѣ, заблужденіемъ является даже одно сомнѣніе, могутъ ли они, не спрашивая у кого-либо согласія, предоставить подобную власть“ [2]).

Слѣдуя нашему плану, обратимся къ другой сторонѣ дѣла: какое развитіе получили функціи ордена, предоставленныя ему куріей. Мы уже указывали, что эти разнообразныя функціи можно раздѣлить на чисто-церковныя и свѣтско-политическія, но что это раздѣленіе довольно искусственно, такъ какъ единая программа духовнаго правленія, охватывавшая и церковь и свѣтское общество, совмѣщала въ себѣ обѣ эти стороны, а нищенствующимъ орденамъ суждено было сдѣлаться главными орудіями въ осуществленіи этой программы, но, чтобы представить эту многостороннюю дѣятельность орденовъ, мы можемъ слѣдовать тому же порядку, который былъ намѣченъ въ предшествующей главѣ.

---

[1]) См. 2 дек. 1283 г. булла Мартина IV еп. Опорто: in fraudem interdicti quamplures foramina faciunt, ut populus etiam clausis januis possit interius sacra prospicere ac liberius audire divina; папа даже уполномочиваетъ епископовъ прибѣгнуть къ отлученью нарушителей, несмотря на иммунитетъ. Ср. буллу Бонифація VIII къ еп. Колоцензійскому.

[2]) „De quo procul dubio esset erroneum dubitare, seu in omnes sine alicuius consensu immo invitis quibus licet huiusmodi possit concedere potestatem.“ Впослѣдствіи при Іоаннѣ XXII эту ересь возобновилъ Іоаннъ Поліакъ—См. Eymeria Direct. inquis., булла 27 іюня 1318 г.

Мы уже видѣли, что во многихъ буллахъ братьямъ дается обѣщаніе не привлекать ихъ къ какимъ-нибудь коммиссіямъ помимо ихъ воли. Однако, это постоянно оставалось мертвой буквой; въ буллу вставлялось выраженіе „non obstante privilegia“, и папа могъ свободно давать съ этой оговоркой какія угодно порученія братьямъ. Такъ, Урбанъ IV далъ право ректору дуката Анконы и Сполето поручать всякія коммиссіи доминиканцамъ и францисканцамъ „non obstantibus indulgentiis“ (21 мая 1269 г.). Кардиналъ-легатъ, пресвитеръ св. Цециліи, получилъ подобное же право отъ Григорія X [1]).

Въ организаціи надзора за церковной жизнью нищенствующіе братья продолжаютъ быть missi dominici: число подобныхъ порученій возросло до чрезвычайности во второй половинѣ XIII в. Между ними прежде всего выдаются слѣдствія о нарушеніи законнаго церковнаго порядка, узурпаціяхъ со стороны епископовъ, аббатовъ и т. д. Такъ, Урбанъ IV поручаетъ гвардіану Англіи слѣдствіе надъ нѣкіимъ Рейнольдомъ, который, женившись, получилъ нѣсколько бенефицій, соединенныхъ съ cura animarum; Николай III—пріору и гвардіану въ Мессинѣ слѣдствіе надъ аббатомъ монастыря Спасителя. Иногда слѣдствія касались чисто феодальныхъ отношеній епископовъ: такъ, пріоръ и кустодъ Эугубія получаютъ приказаніе отъ Гонорія IV изслѣдовать тяжбу между еп. Эугубинскимъ и его вассалами, которые отказывались отъ нѣкоторыхъ платежей. Какъ и въ предшествующій періодъ, эти слѣдствія часто нарушали іерар-

---

[1]) Ср. буллу Мартина IV 17 іюля 1283 г.; Николая IV 23 мар. 1290 г.—еп. Сабинскому дается право пользоваться орденами даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это нарушаетъ Правило—„dandi illis licentiam ingrediendi monasteria monialium, etiam equitandi“. Климентъ IV, назначая минорита Антонія викаріемъ при константинопольскомъ патріархѣ, прибавляетъ: „contraria ipsius ordinis consuetudine, vel statuto, vel indulgentia Sedis Apostolicae non obstante, districtius inhibemus, ne tibi hoc superiorum tuorum aliquos de Ordine ipso interdicente, seu in ipsius executione officio eiusdem tibi Ordinis iniungendo negotia, vel alias quomodolibet impedire praesumat, absque mandatis Sedis Apostolicae speciali faciente de praesentibus monitionem; nos initum decernimus, si secus super hoc contiget attemptari—31 мар. 1263 г.

хическій принципъ: простой монахъ разслѣдовалъ дѣйствія епископа. Такое порученіе дано было пріору Ломбардіи и гвардіану Асти относительно еп. Плацентинскаго, который передался на сторону врага куріи, Уберто Паллавичино. „Мы поручаемъ вашему благоразумію“, говорилось въ буллѣ (23 фев. 1263 г.), „если вы можете безопасно разслѣдовать это въ городахъ епископа и сосѣднихъ мѣстахъ, найти свидѣтелей: старательно вывѣдайте правду, запишите слѣдствіе и пришлите его подъ вашими печатями; назначьте затѣмъ епископу предварительный срокъ, въ который онъ долженъ явиться къ намъ или прислать прокуратора“. Въ концѣ упомянуто, что орденскія привилегіи въ данномъ случаѣ не имѣютъ силы [1]). Передъ ліонскимъ соборомъ Григорій X пожелалъ собрать свѣдѣнія о жизни духовенства въ разныхъ странахъ, и въ этой деликатной миссіи главными его помощниками были братья нищенствующихъ орденовъ. Въ инструкціи миноритамъ, посланнымъ для этой цѣли въ королевство Леонъ, папа рекомендуетъ имъ особый тактъ и осмотрительность (11 мар. 1273 г.). Въ качествѣ разслѣдователей братья нищенствующихъ орденовъ обладали преимуществами, благодаря своей полной независимости отъ епископовъ и отсутствію мѣстныхъ связей и интересовъ. Имъ предоставлялось или самостоятельное рѣшеніе, или они являлись лишь исполнителями папской воли—вызывали къ суду куріи, налагали и слагали интердиктъ и т. д. Николай Ш поручилъ архидіакону, капеллану и гвардіану миноритовъ въ Гальберштадтѣ вызвать къ себѣ избраннаго въ падеборнскіе епископы, „если слухи о немъ окажутся вѣрными“ (4 фев. 1273 г.).

Наконецъ, все чаще и чаще предоставлялось братьямъ обоихъ орденовъ участіе въ выборѣ и замѣщеніи епископскихъ и другихъ церковныхъ достоинствъ. Такъ, капитулъ и деканъ Оснабрюка выбрали себѣ въ епископа человѣка, который по каноническимъ правиламъ не могъ получить

---

[1]) „Non obstante iudulgentia Sedis Apostolicae qua dicitur Ordinibus vestris esse concessum, ut fr. ipsorum Ordinum exposcere non possunt inviti se intromittere de negotiis, quae ipsis a Sede committitur.

этого сана, такъ какъ не имѣлъ раньше священства; папа предписываетъ произвести вторичный выборъ при содѣйствіи аббата цистерзіанскаго монастыря, пріора доминиканцевъ и гвардіана францисканцевъ (11 іюля 1265 г.). Іоаннъ, избранный въ мецскіе епископы, долженъ назначить викарія „de consilio prioris ordinis praedicatorum et custodis ordinis minorum". Даже въ замѣщеніи отдѣльныхъ пребендъ папы любили давать голосъ наряду съ членами капитула представителямъ нищенствующихъ орденовъ [1]).

Но нищенствующіе ордена въ рукахъ папства должны были представлять изъ себя средства реформировать не только церковь, но и свѣтское общество, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ черезъ проповѣдь и исповѣдь. И орденъ воспользовался своими правами: именно въ этотъ періодъ францисканская проповѣдь достигла высокого развитія. Дѣйствіе словъ Бернарда Делисье въ городахъ Южной Франціи можно сравнить съ энтузіазмомъ, который возбуждала проповѣдь Іоанна Винцентскаго. Ни въ комъ, можетъ-быть, этотъ типичный для францисканцевъ характеръ народнаго проповѣдника и учителя христіанской жизни, неохотно вращающагося въ области догматики, не выразился такъ ярко, какъ въ нѣмецкомъ миноритѣ Бертольдѣ Регенсбургскомъ. По отзывамъ Салимбене, его слушала толпа, доходящая до 60,000 и даже до 100,000 чел. [2]). Іоаннъ Винтертурскій говоритъ, что Бертольдъ особенно охотно проповѣдовалъ подъ открытомъ небомъ, преимущественно загородомъ [3]). По словамъ Рожера Бекона, Бертольдъ одинъ больше сдѣлалъ въ проповѣди, чѣмъ всѣ почти братья обоихъ орденовъ [4]).

Почти всѣ проповѣди Бертольда обращены къ мирянамъ; онъ затрогиваетъ всѣ общественные классы и состоянія.

---

1) См. 5 фев. 1278 г.

2) Salim. Chron. p. 325—9.

3) Ioann Vintod. въ Archiv für schweizerische Geschichte XI B 15—17 S.

4) Linsenmayer, S. 333—354, Cp. Gildemeister. Das deutsche Volksleben im 13 Jahrhunderte nach den deutschen Predigten. Bertholds von Regensburg—Iena, 1889. Его проповѣди дошли до насъ. Онѣ были изданы дважды: Пфейферомъ въ 1862 г. и Шробелемъ въ 1880 г.

Болѣе всего бичуетъ онъ скупость и жадность („пфуй, жадный, какъ употребляешь ты свое время? какъ ты будешь отдавать въ немъ отчетъ? твое время прошло не только безполезно для тебя, но грѣховно и вредно. Всѣмъ другимъ грѣшникамъ Богъ иногда даетъ покой, а тебѣ нѣтъ"), обманы и насилія знати и рыцарей надъ бѣднымъ людомъ („ваше знамя виситъ у Нимрода; вы будете горѣть съ нимъ на вѣчномъ огнѣ"). Онъ призываетъ къ покаянію, постоянно напоминая о неисчерпаемомъ Божественномъ милосердіи. Но у него нѣтъ преувеличеннаго аскетизма, и онъ охотно изображаетъ добродѣтели брачной жизни. Онъ неутомимъ, напоминая сильнымъ міра ихъ обязанности передъ слабыми. „Если бы здѣсь былъ императоръ, я бы ему сказалъ: вотъ всѣ эти души, которыя по вашей винѣ погибли, черезъ неправый судъ, черезъ то, что вы судили слишкомъ поспѣшно или не дали во время правосудія, за всѣхъ вы заплатите Богу дорого, къ великому для васъ вреду". Онъ увѣщеваетъ давать слугамъ подходящую плату, не обременять ихъ работой, особенно въ воскресенье; много мѣста посвящено тяжелому положенью крестьянъ, заваленныхъ работой. Не одни общія правила нравственности входятъ въ проповѣди; Бертольдъ касается и подробностей повседневной жизни, напр., гигіены беременности, физическаго воспитанія дѣтей; въ проповѣдяхъ разбросано множество медицинскихъ совѣтовъ, иногда весьма здравыхъ. Признавая главенство церкви, Бертольдъ, однако, крайне суровъ къ клиру и монахамъ. Вообще, настроеніе проповѣдей нѣсколько пессимистическое, но оно не имѣетъ ничего общаго съ апокалиптическимъ пессимизмомъ спиритуаловъ; повсюду преобладаетъ здравый смыслъ и знаніе практической жизни [1]). И по формѣ проповѣди замѣчательно живы, часто остроумны. Въ догматику Бертольдъ входитъ рѣдко; обыкновенно и здѣсь у него преобладаютъ этическіе мотивы, какъ въ описаніи рая и ада. Даже въ полемикѣ съ еретиками (Ketzer

---

[1]) Попытка Гильдемейстера характеризовать народную нѣмецкую жизнь XIII в. по проповѣдямъ Бертольда, беря ихъ безъ оговорокъ, методологически, конечно, весьма ошибочна.

по нему происходитъ отъ Katze) онъ не очень заботится о теологическихъ аргументахъ. Онъ просто говоритъ: если человѣкъ высказываетъ такія-то мнѣнія, то слѣдуетъ считать его еретикомъ и избѣгать общенья съ нимъ,—ибо, прибавляетъ онъ, „лучше пробыть годъ въ домѣ съ 500 чертями, чѣмъ двѣ недѣли съ еретикомъ“.

Что касается до исповѣди, то обычай выбирать себѣ исповѣдниковъ изъ нищенствующихъ орденовъ не менѣе распространялся среди высшей феодальной аристократіи, чѣмъ среди низшихъ слоевъ сельскаго и, особенно, городского населенья. Мы не видимъ въ папскихъ буллахъ этого періода слѣдовъ того, чтобы курія пользовалась этими исповѣдниками для своихъ цѣлей; папы всегда уступаютъ ихъ, какъ-бы снисходя къ просьбамъ. Пребыванье при дворѣ монарховъ и высшихъ феодальныхъ сеньоровъ часто дѣлало труднымъ строгое соблюденье Правила, и папы въ этомъ случаѣ легко давали диспенсъ [1]).

Упомянемъ одну, хотя и второстепенную сторону дѣятельности нищенствующихъ орденовъ, которая именно къ концу XIII в. значительно развилась,—это матримоніальные диспенсы. Общій типъ ихъ такой: папа поручаетъ изслѣдовать, насколько совмѣстимъ съ принципами каноническаго права данный бракъ, и сообразно съ этимъ позволить его или нѣтъ. Но въ глазахъ папъ соображенія „salus populi“ имѣли весьма большой вѣсъ въ этихъ щекотливыхъ вопросахъ, и „достаточное основанье “(causa sufficiens) смягчало строгость декреталій. Главная задача и состояла въ опредѣленьи этой causa sufficiens [2]).

Въ охранѣ общественной религіозности болѣе всего выступаетъ инквизиціонная дѣятельность нищенствующихъ орденовъ. Можно сказать, что къ концу XIII в. новая форма процесса надъ еретиками вытѣснила другія, и географически область распространенія этой формы почти сплошь покрываетъ область распространенія нищенствующихъ орденовъ.

---

[1]) См. 27 іюля 1295 г. „ut eius confessoribus fratribus in Regia comedentibus ad mensam alloquendi licentiam tribuere possit“.

[2]) См. 30 ав. 1263 г. гвардіану Бархіонскому; 9 ноября 1279 г. пріору и гвардіану Болоньи etc.

При вступленіи на папскій престолъ Климентъ IV обратилъ особое вниманье на то, чтобы новый инквизиціонный процессъ по возможности не уничтожалъ стараго. Въ буллѣ миноритамъ-инквизиторамъ Романьи онъ разъяснилъ, что процессы, начинаемые епископами, должны идти своимъ чередомъ, и что наказанья налагаются по совмѣстному обсужденію; при снятіи свидѣтельскихъ показаній должны присутствовать 2 монаха, хотя бы это противорѣчило ихъ привилегіямъ (1265 г.). Вскорѣ затѣмъ онъ выпустилъ общія постановленья противъ еретиковъ: если ректоръ или подеста не продаютъ въ теченье трехъ мѣсяцевъ ихъ имущества, эта обязанность падаетъ на инквизиторовъ. Въ процессѣ участвуютъ, давая совѣты инквизиторамъ, епископъ, два минорита и два доминиканца: они же должны присутствовать, когда выбывшій ректоръ или подеста отдаетъ отчетъ въ своемъ управленьи (3 нояб. 1265 г.). Мы видимъ здѣсь стремленье дать первенствующую роль выбраннымъ изъ доминиканцевъ и францисканцевъ спеціальнымъ инквизиторамъ, и обставить въ то же время процессъ представителями различныхъ элементовъ церковнаго авторитета, епископскаго и орденскаго. Такое же стремленье проглядываетъ и въ отвѣтахъ, которые давали папы на запросы инквизиторовъ по частнымъ случаямъ. Такъ, Николай III предписываетъ инквизитору Синибельду Витербскому принять кающихся еретиковъ въ лоно церкви; деньги же, взятыя у нихъ, должны охраняться особой комиссіей, въ которую входитъ одинъ доминиканецъ, одинъ францисканецъ, одинъ клирикъ и одинъ гражданинъ, назначенные мѣстными пріоромъ, гвардіаномъ, епископомъ и коммуной (8 мая 1279 г.)

Главными аренами дѣятельности инквизиціи остаются Италія и Южная Франція, но ея не избѣгли и менѣе затронутыя ересью Германія и Испанія. Николай IV поручилъ организовать ее патріарху Іерусалимскому; послѣдній долженъ былъ руководиться совѣтами пріора доминиканцевъ и министра францисканцевъ. Долго не проникала инквизиція въ зараженныя дуалистическими ересями славянскія земли; наконецъ, съ помощью Венгріи, папское вліяніе достаточно утвердилось въ сѣверо-западной части Бал-

канскаго полуострова. Бонифацій VIII хотѣлъ всецѣло отдать здѣсь миноритамъ дѣло защиты вѣры: онъ поручилъ министру Славоніи назначить по два инквизитора для Рачіи, Сербіи, Босніи, Кроаціи, Далмаціи и Истріи. Вскорѣ затѣмъ онъ ввелъ ее въ Венгріи; устроить ее поручалось епископу Стригонійскому, но онъ долженъ былъ отдать все дѣло въ руки доминиканцевъ и францисканцевъ; естественно, что и здѣсь не обошлось дѣло безъ столкновеній между двумя орденами.

Всѣ предшествовшія привилегіи инквизиторовъ правильно подтверждались; сверхъ того Николай IV въ буллѣ къ инквизиторамъ-миноритамъ Арелата запретилъ кому-нибудь отлучать ихъ безъ его собственнаго согласія; самимъ же имъ предоставлялась власть освобождать другъ-друга отъ отлученія (15 марта 1288 г.).

Посвятивши себя исключительно дѣлу выслѣживанія и преслѣдованія еретиковъ [1]), новые инквизиторы соединили тонкую слѣдовательскую виртуозность съ самоотверженнымъ безкорыстіемъ фанатизма, и, несмотря на недовѣріе, часто доходящее до враждебности, со стороны епископовъ, успѣхъ ихъ превзошелъ ожиданія. Лучшимъ доказательствомъ, до какой степени инквизиціонная практика оказалась способной къ осуществленію идеи Иннокентія III—организованной борьбы съ ересью,—является то, что въ буллахъ XIII в. мы почти не встрѣчаемъ указаній на какую-нибудь небрежность, упущеніе своихъ обязанностей со стороны новыхъ слугъ церкви. Напротивъ, папамъ съ самаго начала приходилось сдерживать ихъ разрушительную энергію. Урбанъ IV порицалъ минорита Маврикія, инквизитора въ Марсели, за несправедливое осужденіе нѣкоего Бернарда. „Ты незаконно осудилъ Бернарда, руководился показаніями нѣкоторыхъ изъ его злѣйшихъ враговъ и приговорилъ его къ

---

[1]) Были случаи, когда на инквизиторовъ возлагали посторонніе порученія: такъ, Бонифацій въ 1303 г. велѣлъ минориту-инквизитору Римской провинціи озаботиться освобожденіемъ изъ тюрьмы подданныхъ папы, которыхъ заключилъ туда Раймундъ Медулліо, но это были рѣдкіе и единичные примѣры. Въ общемъ папы всегда старались не отвлекать инквизиторовъ отъ ихъ основныхъ обязанностей.

пожизненному заточенію и конфискаціи всего имущества“ (7 мая 1269 г.). Гонорій IV велѣлъ инквизитору-миноритy Гальгану возстановить во всѣхъ гражданскихъ правахъ и церковныхъ должностяхъ одного несправедливо заподозрѣннаго имъ въ ереси (27 нояб. 1289 г.). Бонифація VIII никто бы не обвинилъ въ мягкости къ еретикамъ, но и онъ внялъ жалобамъ противъ крайностей инквизиціоннаго судилища. Въ буллѣ „ad perpetuam rei memoriam“ 1 іюля 1302 г. онъ перечислилъ жестокія обвиненія, тяготѣвшія на инквизиторахъ-миноритахъ Тревизской провинціи (gravia, enormia et horrenda); до окончательнаго раскрытія истины онъ принужденъ отрѣшить всѣхъ миноритовъ этой провинціи отъ инквизиціонныхъ функцій. Крайностями новой инквизиціи было вызвано и постановленіе Вьеннскаго собора, на практикѣ оставшееся безрезультатнымъ,—чтобы инквизиторы дѣйствовали съ вѣдома и подъ наблюденіемъ епископовъ [1]).

И все-таки, несмотря на папскую политику, во Францисканскомъ орденѣ была реакція противъ этихъ кровавыхъ функцій. Бернардъ Делисье, провансальскій миноритъ, громилъ своими проповѣдями въ Каркассонѣ, Альби и другихъ городахъ Южной Франціи инквизиторовъ, упрекалъ ихъ въ безчеловѣчіи, въ томъ, что они мѣшаютъ людямъ мирно жить. „Сами апостолы Петръ и Павелъ“, говорилъ онъ, „если бы они теперь жили, не избѣгли бы инквизиціи“ [2]). Подъ вліяніемъ его рѣчей народъ раскрывалъ тюрьмы, наполненныя еретиками, и освобождалъ ихъ. Впослѣдствіи доминиканцы обвиняли его, что онъ руководился лишь завистью къ ихъ ордену. Бернардъ заслужилъ довѣріе короля, однако не могъ отъ него добиться обузданія инквизиціи и, повидимому, склонялъ консуловъ Альби и Каркассона передаться Арагоніи [3]).

---

[1]) Bern. Guid. Practica Inquisitionis IV, 1.

[2]) Lib. Senten. inquis. Tolosanae Limborchi Amsterdami 1692 p. 269: publice asseruit, quod b. Petrus et Paulus ab haeresi defendere se non possent, si viverent, dum tamen inquireretur per modum ab inquisitoribus observatum.

[3]) Vitae papar. Av. in: Ealuzii II 359 etc. Срав. Haureaux, Bernard Deliceux et l'inquisition albigeoise. Paris, 1887.

Охрана чистоты вѣры противъ евреевъ, которую, какъ мы видѣли, папы также возлагали на нищенствующіе ордена, входила отчасти и въ дѣятельность инквизиторовъ, но обычно борьба съ еврейской пропагандой и съ догматами еврейскаго вѣроученія, враждебными христіанству, возлагалась на братьевъ вообще. Сюда входила и борьба съ Талмудомъ; Климентъ IV предложилъ арагонскимъ властямъ отобрать всѣ экземпляры его и, вообще, всѣ еврейскія богослужебныя книги и дать на сохраненіе доминиканцамъ и францисканцамъ; послѣдніе переправляли ихъ куріи, и лишь тѣ книги, въ коихъ не обнаруживалось хулы на христіанскую вѣру, могли быть возвращены евреямъ. Быть можетъ, эта мѣра находилась въ связи съ усиленіемъ еврейской пропаганды и случаями отпаденія отъ христіанства; о такихъ случаяхъ говоритъ булла Николая IV, обращенная къ инквизиторамъ Южной Франціи и Испаніи (20 фев. 1290 г.). Григорій X поручилъ всѣмъ инквизиторамъ наказывать евреевъ, обратившихся въ христіанство, но сохранившихъ іудейскій ритуалъ (1 мар. 1274 г.). Насильственное обращеніе евреевъ принципіально отвергалось церковью, но на орденахъ лежала обязанность распространять и среди нихъ христіанство. Нѣсколько двусмысленный характеръ носитъ въ этомъ отношеніи булла Николая III къ министру Австріи (4 апр. 1278 г.). Поручая ему заботиться объ обращеніи евреевъ, онъ прибавляетъ: „если кто изъ нихъ окажется глухъ къ увѣщаніямъ, то ты не долженъ о такихъ людяхъ оставлять насъ безъ увѣдомленія, гдѣ они живутъ и подъ чьей властью; мы обдумаемъ спасительное и надлежащее врачеваніе для этихъ упорствующихъ“.

Миссіонерская дѣятельность ордена получила большое расширеніе въ послѣдней четверти XIII в. благодаря оживленнымъ сношеніямъ съ татарскими землями. Эти миссіи, которыя принесли средневѣковой Европѣ первыя точныя познанія относительно Дальняго Востока, представляютъ одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи ордена; здѣсь завѣты его основателя соотвѣтствовали программѣ папъ.

Въ 1278 г. Николай III надѣлилъ обширными привилегіями пять миноритовъ, отправлявшихся въ татарскія стра-

ны: они могли имѣть при себѣ слугъ, которымъ это путешествіе зачиталось вмѣсто участія въ крестовомъ походѣ (1 апр.). Николай IV много заботился о миссіяхъ миноритовъ въ Азіи; онъ просилъ для нихъ содѣйствія у патріарха іакобитовъ и царя Арменіи. Главною цѣлью его было склонить татарскаго хана къ христіанству: посланъ былъ бр. Іоаннъ де Монте-Корво съ товарищами. Въ концѣ-концовъ этимъ миссіонерамъ удалось добиться того, что сынъ татарскаго царя крестился. Другимъ поприщемъ миссіонерской дѣятельности ордена были куманскія и славянскія земли. Николай III поручилъ министру Венгріи выбрать подходящихъ братьевъ и отправить ихъ для обращенія кумановъ. Изъ славянскихъ земель вниманіе папы было обращено болѣе всего на царство Урозія; Николай IV велъ съ нимъ продолжительные переговоры, склонялъ его и его жену, царицу Елену, къ переходу въ католицизмъ; для наставленія царственной четы были посланы миноритъ (23 іюля 1288 г.)[1]. Подъ 1321 г. мы находимъ миноритовъ въ Индіи. Всѣ привилегіи миссіонерамъ-миноритамъ, идущимъ „въ страны Дальняго Сѣвера и Востока“, были подтверждены Климентомъ V (23 іюня 1307 г.). Общее собраніе въ Падуѣ 1310 г. постановило отправлять лишь самыхъ испытанныхъ (probatissimi fratres), ибо „по опыту извѣстно, что братья, не безукоризненные по своимъ нравамъ, болѣе приносятъ вреда, чѣмъ пользы на Востокѣ“. Весьма возможно, что здѣсь имѣлась въ виду миссія спиритуаловъ Либерата и Кларена, отправленная въ Арменію.

Вопросъ объ уніи съ греками, который особенно всплылъ послѣ того, какъ Латинская имперія прекратила свое кратковременное существованіе, является однимъ изъ существеннѣйшихъ въ программѣ папъ второй половины XIII вѣка; и здѣсь главными, почти исключительными помощниками ихъ были миноритъ. Когда Палеологъ овладѣлъ имперіей, онъ сталъ искать сближенія съ католической церковью и

---

[1]) Ср. Wadd. 1278, 12, о заслугахъ миноритовъ въ обращеніи славянъ и татаръ—заслугахъ, умолчанье которыхъ доминиканскимъ анналистомъ Взовіемъ его такъ раздражаетъ.

написалъ Урбану IV письмо, гдѣ выражалъ желаніе прекратить схизму. Папа ухватился за это предложеніе, послалъ къ императору 4 миноритовъ, давъ имъ традиціонный титулъ апокризіаріевъ. Этимъ братьямъ предоставлялось брать помощниковъ изъ своего и другихъ орденовъ, а также изъ свѣтскаго клира. Всѣмъ епископамъ, черезъ области которыхъ предстояло проходить апокризіаріямъ, указывалось заботиться и снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ (28 іюля 1263 г.). На слѣдующій годъ папа отправилъ еще двухъ миноритовъ къ Палеологу (22 іюня 1264 г.). Переговоры не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, но открывали широкое поле для надеждъ, и Григорій X съ жаромъ продолжалъ попытку Урбана IV. Онъ отправилъ къ императору четырехъ миноритовъ, цвѣтъ ордена,—Іеронима Эскудскаго, Раймунда Беренгарія, Бонифація изъ Санъ-Джіованни и Бонавентуру, и вручилъ имъ исповѣданіе вѣры, которое долженъ признать императоръ (25 мая 1272 г.). Послѣ Ліонскаго собора Іоаннъ XXI опять отправлялъ миноритовъ къ императору: въ посольство входили Іеронимъ, теперь уже генеральный министръ ордена, Гвидо и Ангелъ, провинціальные министры. Послы должны были убѣдить императора клятвенно признать выработанную формулу исповѣданія вѣры, въ особенности папскій приматъ и отреченіе отъ схизмы; желательно, чтобы это признаніе и отреченіе сдѣлано было передъ народомъ, но, въ случаѣ упорства императора, нунціи могли нѣсколько уступить. Быстро послѣдовавшая смерть Іоанна XXI не остановила переговоровъ; Николай III заботился предоставить миссіи всѣ удобства дѣйствія: если бы двое изъ миноритовъ встрѣтили помѣху, то другіе двое все же должны продолжать (11 ок. 1278 г.).

Разрушеніе Латинской имперіи отвлекло отъ замысловъ возвратить Св. Землю, и крестоносная идея, подъ вліяніемъ тяжкихъ разочарованій, постепенно все блекнетъ; тѣмъ не менѣе, папы въ теченіе всего XIII в. возвращаются къ ней; здѣсь они широко пользуются миноритами. Урбанъ IV одновременно поручилъ болонскому министру проповѣдовать крестовый походъ въ Св. Землю, а министру Франціи—походъ противъ Палеолога. Григорій X былъ воодушевленъ

крестоносной идеей и поручилъ миноритамъ повсюду склонять вѣрующихъ (13 дек. 1274 г.). Іоаннъ XXI привлекъ доминиканцевъ и францисканцевъ къ сборамъ на этотъ походъ (13 фев. 1277 г.). Николай IV возобновилъ проповѣдь крестоваго похода среди христіанъ Азіи: она была поручена министру Палестины (5 ок. 1290 г.). Бонифацій VIII не давалъ прямыхъ порученій проповѣдовать крестовый походъ, но косвенно и онъ привлекалъ миноритовъ къ дѣятельности на пользу Св. Земли. Такъ, миноритъ Порхетъ изъ Генуи долженъ былъ содѣйствовать знатнымъ генуезскимъ дамамъ, которыя устраивали какое-то предпріятіе на помощь Св. Землѣ (26 янв. 1301 г.). Наконецъ, провинціальный министръ Сиріи вмѣстѣ съ прелатами доминиканскаго ордена должны были слѣдить за исполненіемъ статутовъ, заключенныхъ между королемъ Кипра и архіепископомъ Никеи, „дабы это государство (Кипръ) процвѣтало, было сильнѣе и страшнѣе въ борьбѣ съ врагами Христова имени“ (10 іюня 1298 г.).

Послѣдняя миссія до значительной степени выходитъ изъ области чисто-духовной: что касается до миссій характера политическаго, число ихъ очень увеличилось во второй половинѣ XIII вѣка и онѣ стали разнообразнѣе; на нихъ особенно видно, какое цѣнное орудіе получило въ свои руки папство въ нищенствующихъ орденахъ. Мы остановимся лишь на важнѣйшихъ политическихъ порученіяхъ, данныхъ орденамъ куріей.

Непреклонные борцы противъ гибеллинскаго начала и противъ династіи, проводившей это начало, доминиканцы и францисканцы остались и послѣ смерти Фридриха II дѣятельными участниками въ этой кровавой драмѣ. Одновременно съ проповѣдью крестоваго похода въ Св. Землю Урбанъ IV предписываетъ ордену по всей Италіи подымать народъ противъ Манфреда (28 іюля 1269 г.); это не мѣшаетъ папѣ послать къ Манфреду нунціевъ-миноритовъ, чтобы добиться отъ него освобожденія новоизбраннаго еп. Веронскаго, котораго тотъ задержалъ и заключилъ въ тюрьму [1]).

---

[1]) Bull. Fran. II, p. 572.

Другой папскій нунцій, миноритъ Милонъ, долженъ былъ взять штрафъ съ Сіены за сношенія съ Манфредомъ. Климентъ IV напоминалъ обоимъ орденамъ энергично проповѣдовать крестовый походъ на Манфреда, а послѣ его смерти на Конрада (29 іюня 1265 г. и 13 апр. 1267 г.).

Съ гибелью Конрадина наслѣдницей притязаній Гогенштауфеновъ въ южной Италіи явилась Арагонская династія; неудивительно, если противъ нея были употреблены подобныя же средства. Мартинъ IV велѣлъ францисканцамъ и доминиканцамъ въ Сардиніи проповѣдовать крестовый походъ противъ Петра Арагонскаго и противъ мятежныхъ сицилійцевъ, которые не хотятъ признавать своего законнаго короля Карла Анжуйскаго (7 іюля 1281 г.). Николай IV запретилъ генуезцамъ всякія сношенія съ Арагоніей и Фридрихомъ Сицилійскимъ; чтобы воздѣйствовать на нихъ, онъ употребилъ въ дѣло миноритовъ.

Другого рода были заботы, которыя принесла папамъ Португалія. Извѣстно, что эта страна находилась отчасти въ вассальныхъ отношеніяхъ къ папскому престолу. Иннокентій II далъ графу Альфонсу королевскій титулъ, съ условіемъ ежегодно выплачивать цензъ, что подтвердилъ и Александръ III. Въ XIII в. короли Португаліи, однако, постоянно навлекали на себя гнѣвъ папъ: Гонорій III отлучилъ Альфонса II за насилія надъ еп. Браганцскимъ; Иннокентій IV пытался низложить его сына Санхо. Альфонсъ III, обѣщавшійся, по словамъ Григорія X, не нарушать правъ церкви, быстро измѣнилъ своему слову, облагая клиръ податями, привлекалъ къ свѣтскому суду и бралъ налоги съ крестившихся евреевъ и сарациновъ [1]). Папа поручилъ пріору доминиканцевъ и гвардіану францисканцевъ въ Лиссабонѣ передать письма королю Португаліи, содержащія жалобы на нарушеніе свободы церкви, и получить отъ него отвѣтъ. Въ концѣ-концовъ король уступилъ: составлено было „compositio“ съ клиромъ, которое король долженъ былъ подтвердить клятвенно; и при этомъ уполномоченными отъ папы были пріоръ и гвардіанъ (16 мар. 1288 г.). „Мы“, пишетъ папа, „предо-

---

[1]) Mac. Murdo, History of Portugal. London, 1888, I p. 230 et p. 456—474.

ставляемъ вамъ полную свободу заключать условія отъ имени римской церкви съ упомянутымъ королемъ". Переговоры съ Португаліей не носили, впрочемъ, исключительнаго политическаго характера, т. к. дѣло шло о защитѣ свободы церкви. Нѣсколько другой характеръ носятъ попытки папъ помѣшать враждебнымъ дѣйствіямъ между Франціей и Кастиліей, которыя гибельно-бы отразились на положеніи христіанъ въ Испаніи. Іоаннъ XXI обратился къ французскому королю съ увѣщаніемъ примириться съ Кастиліей; нунціями были посланы: миноритъ Іоаннъ и генеральный министръ Іеронимъ, дипломатическія способности котораго были испытаны въ Константинополѣ. Когда этотъ папа умеръ, то коллегія кардиналовъ поручила имъ продолжать примирительныя старанія. Николай III извѣстилъ короля Кастильскаго о дѣятельности нунціевъ при французскомъ дворѣ, и самъ черезъ другихъ нунціевъ (между ними были кардиналы и 2 минорита) склонялъ его къ уступчивости (9 іюля 1279 г.). Конрадъ Пробъ, министръ Германіи, долгое время былъ посредникомъ между папой и королемъ Рудольфомъ [1]). Весьма цѣнными помощниками для папъ были нищенствующіе ордена и при политическихъ конфликтахъ съ итальянскими республиками; у насъ сохранилась булла папы Николая III, гдѣ мѣстнымъ кустодамъ и провинціальнымъ министрамъ поручается на извѣстныхъ условіяхъ примирить съ церковью Верону, Асти, Монте-Феррано, Новарру, Мантую (18 апр. 1278 г.). Характерно требованіе отъ Вероны контрибуціи въ 4000 ливровъ, которые должны пойти на сооруженіе дома миноритовъ.

Наконецъ, гораздо чаще, чѣмъ въ предшествующій періодъ, папы возлагаютъ на орденъ всякаго рода финансовыя порученія. Урбанъ IV поручилъ сборъ въ Англіи денарія св. Петра миноритy Іоанну; онъ же долженъ былъ прислать папѣ отчетъ о сборахъ за прежніе года (5 дек. 1261 г.). Несмотря на широкія полномочія, Іоаннъ имѣлъ мало успѣха; въ 1263 г. папа опять поручаетъ ему добиться отъ ко-

---

[1]) См. Eubel Die Minoriten. Heinrich Knodern und Conrad Probus въ Histor. Jahrbücher 1888 S. 651.

роля уплаты ценза за три года, въ противномъ случаѣ нунцій долженъ былъ наложить запрещеніе на королевскую капеллу. Одновременно съ нимъ получилъ широкія полномочія другой миноритъ, Альбертъ Пармскій, въ Германіи— собирать не только денарій св. Петра, но и всякія вообще суммы, которыя должны поступать въ распоряженіе римской куріи (21 ок. 1261 г.). Николай III поручилъ миноритамъ сборъ на Св. Землю по всей Средней Италіи (13 нояб. 1278 г.). Въ другихъ случаяхъ минориты не собирали сами, но имъ давался счетъ или у нихъ сохранялись собранныя суммы: Мартинъ IV предписалъ архидіакону Браганцскому представить отчетъ въ сборѣ десятины министру миноритовъ; послѣдній долженъ получить деньги и употребить ихъ по предписанію (11 нояб. 1282 г.). Кортонскій гвардіанъ долженъ хранить деньги, собранныя въ Тосканѣ для крестоваго похода (27 фев. 1277 г.). Десятина, собираемая для этой цѣли въ Майнцѣ, Трирѣ и Зальцбургѣ, также должна была сохраняться у доминиканцевъ и францисканцевъ.

Упомянемъ наконецъ о частыхъ порученіяхъ, которыя давали миноритамъ папы,—исполнять завѣщанія [1]). Если братья исполняли завѣщанье, недопустимое по каноническому праву, напримѣръ, ростовщика, они подвергались строгой отвѣтственности. Бонифацій VIII приказалъ Мецскому епископу вызвать къ себѣ на судъ пріора доминиканцевъ и гвардіана францисканцевъ, давшихъ законный ходъ завѣщанью ростовщика [2]). Иногда, наконецъ, имъ поручается распорядиться „male percepta“, т.-е. деньгами, нажитыми дурнымъ путемъ, владѣтель которыхъ отдаетъ ихъ, дабы спасти свою душу; такъ, Николай IV предписываетъ гвардіану Флоренціи раздать бѣднымъ и употребить на другія благочестивыя цѣли деньги нѣкоего Рогерія, ростовщика.

Если бы ограничиться изученіемъ францисканскаго

---

[1]) См. 25 іюля 1263 г. пріору и гвардіану Болоньи — исполнить завѣщанье еп. Авиньонскаго.

[2]) См. 19 ок. 1295 г. „ob usurarii testamentum admissum, cui interesse et favere audent et exequendum suscipere.

булларія, то развитіе ордена въ теченіе всего XIII в. представлялось бы намъ въ видѣ цѣльнаго процесса, не прерываемаго никакими посторонними воздѣйствіями; мы бы имѣли передъ собой развитіе новаго органа церкви, который, отвѣчая ея потребностямъ, счастливо выдержавъ недовѣріе и враждебность со стороны другихъ органовъ, осѣненный покровительствомъ римскаго престола, расширяетъ и углубляетъ свои функціи. Это представленіе, почерпнутое изъ буллъ, однако, сразу измѣняется, какъ только мы обратимся отъ оффиціальной литературы къ орденскимъ хроникамъ, къ памятникамъ, отражавшимъ на себѣ то, что внутри его думали и чувствовали.

Предшествовавшій періодъ, закончившійся, съ одной стороны, побѣдой нищенствующихъ орденовъ въ Парижѣ, а съ другой — осужденіемъ Іоанна Пармскаго, представилъ намъ различные элементы въ орденѣ. Первоначально вопросъ сводится къ болѣе или менѣе строгому исполненію Правила: подымается здѣсь рѣчь и объ орденской дисциплинѣ, какъ мы видимъ изъ Исторіи 7 гоненій; во имя этой дисциплины Илья просилъ и получилъ полномочія отъ папы наказывать противниковъ; но нарушенія Ильи были слишкомъ очевидны, а оппозиція его противниковъ была направлена лишь противъ этихъ нарушеній: самъ Григорій IX, осудивъ генеральнаго министра, призналъ справедливость этой оппозиціи. Въ столкновеніи Кресценція съ непокорными братьями намъ не совсѣмъ ясенъ характеръ и предметъ неудовольствія этихъ послѣднихъ. Напротивъ того, со вступленьемъ Іоанна Пармскаго мы можемъ различить три неравныя по значенію и численности группы въ орденѣ. Во-первыхъ, старые приверженцы Ильи: такъ какъ главная сила этой партіи заключалась въ свѣтскомъ элементѣ ордена, то съ отстраненіемъ свѣтскихъ братьевъ отъ высшихъ должностей она теряетъ свое значеніе. Далѣе мы видимъ партію сохраненія орденской дисциплины, представителей которой источники называютъ конвентуалами. Несомнѣнно, здѣсь были различные элементы. Бонавентура по всему, что мы о немъ знаемъ, мало былъ похожъ на своихъ собратьевъ, желавшихъ подъ прикрытіемъ папскихъ привилегій воспользоваться всѣми

благами жизни; но всѣ эти элементы объединялись сознаніемъ необходимости сохранить орденъ въ его настоящей организаціи, обусловливалось ли это сознаніе личнымъ интересомъ, властолюбіемъ или болѣе высокой идеей о связи съ церковью. Наконецъ, третья партія—строгаго соблюденія правила, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе радикальный характеръ. Іоахимистскія идеи церковнаго развитія даютъ этой партіи философско-историческій фундаментъ, на которомъ она строитъ представленіе о своей миссіи въ настоящемъ и будущемъ. Къ этой партіи подходятъ—часто настолько близко, что для историческаго анализа почти ускользаетъ демаркаціонная линія,—разнообразныя и многочисленныя группы оторвавшихся отъ церкви людей, проникнутыхъ сознаніемъ своего превосходства надъ ней. Какъ въ нѣмецкомъ сектантствѣ XVI в., мы здѣсь видимъ цѣлую гамму настроеній религіознаго радикализма, начиная отъ крайнихъ аскетическихъ порывовъ до разнузданнѣйшей „эмансипаціи плоти". И эти сектантскія группы проходили черезъ школу апокалиптическихъ представленій,—но, что еще важнѣе, онѣ обыкновенно выростали на той же соціальной почвѣ, какъ и ранняя францисканская община. Мы увидимъ далѣе, какъ эти побочныя теченія увеличивали для правящей церкви серьезность борьбы съ крайней партіей Францисканскаго ордена.

Намъ извѣстны причины, привлекавшія сочувствіе папъ къ партіи конвентуаловъ; и дѣйствительно, папская политика по отношенію къ внутренней жизни ордена представляется въ высшей степени послѣдовательной, если не считать кратковременнаго пребыванія на папскомъ престолѣ Целестина V, скоро понявшаго, сколь мало способенъ онъ выносить тяжесть возложеннаго на него бремени.

Что касается до измѣненій въ Правилѣ и истолкованій его, то они постоянно продолжались, показывая, насколько это былъ скользкій путь. Новыя смягченія, введенныя Иннокентіемъ IV, не встрѣчены были сочувственно. Климентъ IV призналъ за обоими орденами право получать наслѣдство, владѣть всякаго рода собственностью, продавать его и обращать выручку на свои потребности, какъ они найдутъ

удобнымъ (24 нояб. 1265 г.) [1]. Григорій X предоставилъ генеральному министру ордена, что съ его согласія братья могутъ отчуждать свою движимость, мѣнять ее на другую. (5 нояб. 1274 г.). Іоаннъ XXI, вообще, неохотно дававшій братьямъ привилегіи, счелъ однако необходимымъ согласиться на просьбу аррагонскаго короля—устроить на островѣ Маіоркѣ коллегію миноритовъ для изученія арабскаго языка, но сдѣлалъ оговорку: миноритъ, которые тамъ будутъ поселены, не должны владѣть никакой собственностью и доходами, вопреки Правилу.

Всѣ эти объясненія были и не совсѣмъ опредѣленны и не совсѣмъ согласны другъ съ другомъ: всѣ они ссылались на Правило, но это послѣднее попрежнему понималось разными разно. Николай III далъ поэтому третье разъясненіе Правила въ его цѣломъ, которое по его мысли уже должно удалить всякія сомнѣнія, оставшіяся послѣ первыхъ двухъ (14 ав. 1279 г.—„exiit qui seminat).

Первый пунктъ касается такъ называемаго евангельскаго соблюденія (observantia evangelica); обязаны ли братья выполнять лишь евангельскія предписанія, или и совѣты? Подъ предписаніемъ понимаются три монашескихъ обѣта. Папа признаетъ, что Григорій IX недостаточно ясно высказался здѣсь, и потому предлагаетъ новую формулировку: евангельское соблюденіе состоитъ въ томъ, чтобы исполнять предписанія, какъ предписанія,—т.-е. какъ нѣчто безусловно обязательное,—а совѣты, какъ совѣты,—какъ нѣчто, предоставляемое совѣсти и волѣ поступающаго. Это разъясненіе звучитъ плоской тавтологіей, но въ дѣйствительности оно имѣло болѣе серьезный смыслъ. Для представителей радикальной партіи въ орденѣ „обсервантовъ“, считавшихъ, что исполненіе Евангелія выше послушанія, надо было опредѣлить границы, въ которыхъ обязательно исполненіе: въ противномъ случаѣ разрушилась-бы вся орденская дисциплина. Еще важнѣе былъ второй вопросъ, касавшійся бѣд-

[1]) „Vos in temporabilibus, in quibus succederitis, in seculo licite possitis succedere et bonorum ipsorum possessiones apprehendere ac vendere libere bona ista eorumque pretia in utilitatem vestram convertere prout vobis melius videbitur expedire“.

ности. Среди церкви раздавалось немало голосовъ, находившихъ основной принципъ нищенствующихъ орденовъ не только невыполнимымъ практически, но и нравственно ложнымъ. Папа призналъ, что отреченіе отъ собственности— есть нѣчто достойное и святое. Добровольныя приношенія, милостыня и трудъ—вотъ три источника существованія, на которые указывало само Правило. Но такое отреченіе отъ собственности не предполагаетъ еще полнаго отказа отъ пользованія [1]): человѣкъ можетъ обойтись безъ первой, но не безъ второго. Жертвователь можетъ удержать за собой собственность извѣстной вещи, но предоставить пользоваться ей бѣднымъ, и такое дѣйствіе должно вмѣняться ему въ заслугу, и если оно сдѣлано въ пользу миноритовъ, братья должны быть за него благодарны. Все же, чѣмъ пользуется орденъ, составляетъ собственность римской церкви, если жертвователи не сохранили право на пожертвованное за собой.

Третій вопросъ касается принятія въ видѣ милостыни денегъ. Папа здѣсь запрещаетъ братьямъ лично дѣлать займы; деньги они могутъ получать черезъ третьи лица, но дающій всегда можетъ взять назадъ эти деньги. Существеннымъ является то, что Николай III безусловно отрицаетъ за орденомъ качество субъекта права; ему предоставляется только фактическое пользованіе [2]). Однако, если жертвователь умретъ, его наслѣдникъ теряетъ право собственности на то, что пожертвовалъ его отецъ. Братья вообще должны остерегаться корыстолюбія и слишкомъ большихъ пожертвованій. Могутъ дѣлаться въ пользу ордена и завѣщанія. „Если кто-нибудь", говоритъ папа, „завѣщаетъ имъ поле для воздѣлыванія или домъ для отдачи въ наймы, то такое завѣ-

---

[1]) Nec tamen abdicationem proprietatis omnimodo renunciationem usus rerum cuiquam videtur inducere.

[2]) „Ita tamen, quod penes ipsum dantem dominio, proprietate ac possessione ipsius pecuniae cum libera potestate revocandi sibi pecuniam ipsam semper usque ad conversionem ipsius in rem deputatam plene ac integre remanentibus, in ipsa pecunia nihil omnino fratres iuris habeant, nec administrationem, nec dispensationem, nec contra personam nominatam ab eis vel non nominatam in iudicio persecutionem aut aliquod aliud".

щаніе незаконно", напротивъ того, всякій можетъ отказать деньги, домъ, поле, виноградникъ, чтобы черезъ посредничество извѣстнаго третьяго лица доходъ, полученный съ этой собственности, шелъ на удовлетвореніе нуждъ братьевъ. Духовныя лица и свѣтскія власти должны оказывать содѣйствіе исполненію такихъ завѣщаній. Всякій обмѣнъ и продажа орденскаго имущества производится лишь съ согласія генеральнаго или провинціальныхъ министровъ.

Полемика Вильгельма Сентъ-Амуръ подняла вопросъ объ обязанности братьевъ заниматься физическимъ трудомъ. Здѣсь было мало разногласія между различными партіями въ орденѣ, но тѣмъ сильнѣе ставился ордену въ цѣломъ упрекъ въ тунеядствѣ и житьѣ на чужой счетъ. Папа отвѣчаетъ въ духѣ Александра IV, защищавшаго ордена отъ парижскихъ профессоровъ. „Мы объявляемъ, что въ намѣреніе основателя ордена не входило принудить братьевъ, занятыхъ наукой и церковной службой (divinis officiis—здѣсь включается также проповѣдь и исповѣдь), къ физическому труду".

Въ концѣ своего комментарія, остальныя части котораго не имѣютъ для насъ значенія, папа выражаетъ надежду, что его разъясненіе навсегда останется фундаментомъ орденскаго строя; его предписывается читать въ мѣстахъ, гдѣ братья учатся, подъ страхомъ отлученія излагать буквально, безо всякихъ истолкованій [1]). Папа боится здѣсь произвольныхъ глоссъ не меньше, чѣмъ боялся нѣкогда Францискъ. Впрочемъ, преемники Николая III не держались того принципа, чтобы отъ Правила, хотя бы и съ новымъ комментаріемъ, нельзя было давать диспенсы [2]).

---

[1]) „De huius constitutionis firmitate volumus existere perfectae firmitatis... praecipientes quod haec Constitutio... legatur in scholis, sub poena excommunicationis, ut praesens Custitutio... sic fideliter exponatur ad litteram; nec intellectus ipsius per legentem depravetur in aliquo vel delinqueatur ad aliud, quam littera ipsa sonat.

[2]) См., напримѣръ, Григорій X, 18 ок. 1281 г.; Убранъ IV, 14 іюня 1263 г. признаетъ за миноритами Мансуетомъ и Пацификомъ право располагать ихъ книгами, которыя они могутъ давать и передавать, кому угодно, „contrario statuto eiusdem ordinis non obstante"; подъ статутомъ, повидимому, здѣсь понимается не Правило, а соборныя рѣшенія.

Въ виду раздѣленія права собственности и пользованія и признанія за братьями лишь послѣдняго, особое значеніе должны были получить прокураторы. Первоначально на нихъ лежала забота объ орденскомъ имуществѣ, но постепенно въ кругъ ихъ обязанностей вошла и юридическая его защита. Конечно, это было лишь благовиднымъ обходомъ — однимъ изъ тѣхъ злоупотребленій, которыя въ глазахъ партіи спиритуаловъ становились лишь хуже вслѣдствіе лицемѣрнаго соблюденія буквы Правила. Съ другой стороны, однако, при распространеніи миноритовъ и постоянномъ притокѣ къ нимъ пожертвованій являлось необходимымъ предоставить кому-нибудь хозяйственныя заботы. Это лишило исторію интереснаго эксперимента—примѣра общества, разсѣяннаго по всей Европѣ, принимавшаго самое дѣятельное участіе въ духовной жизни ея народовъ, можно сказать, направлявшаго эту духовную жизнь, и въ то же время стоящаго внѣ всякихъ юридическихъ нормъ. Нищенствующіе ордена стали бы дѣйствительно нищенствующими въ полномъ смыслѣ этого слова,—но тогда имъ не слѣдовало становиться подъ покровительство церкви; какъ легко изъ ея союзниковъ они обратились бы въ ея враговъ, въ родѣ бегиновъ или братьевъ свободнаго духа,—только враговъ гораздо болѣе многочисленныхъ и опасныхъ.

Юридическія обязанности прокураторовъ и ихъ помощниковъ — синдиковъ были формулированы Климентомъ IV (25 іюня 1265 г.). Имъ предоставляется дѣлать все, необходимое для судебной защиты братьевъ, но они должны спрашивать согласія у прелатовъ ордена [1]). Мартинъ IV расширилъ право назначать прокураторовъ, до сихъ поръ принадлежавшее только генеральному министру, на провинціальныхъ и кустодовъ. Если завѣщанное кѣмъ-нибудь въ пользу братьевъ отнималось другими, прокураторы на судѣ подъ

---

[1]) Въ слѣдующемъ году (16 апр. 1267 г.) онъ подтвердилъ обязанности и права прокураторовъ и подробно объяснилъ цѣль учрежденія: „omnia, quae ipsis in elleemosynam erogantur, seu alia eorum contemplatione preveniunt, iuri et proprietati ecclesiae Romanae accrescere dignoscuntur, ac propter hoc ad Vos pertinent, ut procuratorem in bonis huius modi statuamus.

присягой могли показывать противъ обидчиковъ (13 ян. 1287 г.).

Послѣдовательно дѣйствуя въ пользу упроченія солидарности и дисциплины въ орденѣ, папы продолжали расширять власть прелатовъ. Даже по отношенію къ инквизиторамъ, которые все болѣе и болѣе становились независимы отъ ордена и подчинены непосредственно римской куріи, папы желали по возможности сохранить власть министровъ. Климентъ IV даетъ министрамъ Прованса и провинціи св. Франциска власть назначать двухъ инквизиторовъ, смѣщать ихъ и замѣнять другими (29 сен. 1265 г.) [1]). Мартинъ IV напоминаетъ о ихъ правѣ назначать проповѣдниковъ и исповѣдниковъ, которые не должны встрѣчать помѣхи со стороны другихъ прелатовъ. Мы уже указывали на буллу этого папы, которая отдавала въ руки министровъ назначеніе прокураторовъ и синдиковъ; ее подтвердилъ и Николай IV (22 нояб. 1290 г.).

Смотря съ большимъ сочувствіемъ на частыя избранія изъ среды орденовъ въ епископы, папы постоянно повторяли правило, что принимать епископское достоинство можно лишь съ согласія генеральнаго министра; и это правило не оставалось мертвой буквой. Миноритъ Іосифъ Аме-ринскій былъ избранъ въ епископы Сутри: онъ во время не получилъ разрѣшенія отъ своего министра, и Николай III кассировалъ его выборъ (22 сен. 1279 г.). Черезъ годъ миноритъ Маркъ, не получившій разрѣшенія отъ генеральнаго министра, долженъ былъ отказаться отъ епископскаго достоинства (7 мая 1250 г.).

Бонифацій VIII, озабоченный признаками схизмы въ орденѣ, обратилъ особое вниманіе на усиленіе власти прелатовъ; предоставилъ имъ широкое право наказывать братьевъ (12 нояб. 1295 г.) и запретилъ кому-бы то ни было приносить жалобы на эти наказанія. Николай IV, особенно охотно входившій въ дѣла ордена, съ одной стороны, подтвердилъ уже выработавшееся правило—посылать на орденскіе соборы лишь по одному кустоду отъ каждой провинціи, что, какъ

---

[1]) Ср. буллу Бонифація VIII, 24 мар. 1296 г.

мы говорили, уничтожало демократическій характеръ первоначальнаго устройства, съ другой — онъ запретилъ даже министрамъ дѣлать новыя распредѣленія провинціи безъ его согласія (13 мая 1288 г.): такія произвольныя измѣненія, можетъ быть, въ цѣляхъ обезпеченія желательныхъ выборовъ и состава собраній, ставились въ вину Ильѣ.

Мы не можемъ здѣсь не остановиться еще на буллѣ Гонорія IV. Папа объявляетъ лишенными силы всѣ договоры, касающіеся принятія пожертвованій, которые братья заключаютъ съ клиромъ безъ согласія генеральнаго министра или капитула. „До нашего слуха дошло", пишетъ папа генеральному министру, „что нѣкоторые министры, кустоды, гвардіаны и простые братья принимаютъ пожертвованія, заключаютъ договоры съ ректорами и священниками, въ вѣдѣніи которыхъ находились жертвуемые дома и мѣста, не спросясь твоего согласія." (10 фев. 1286 г.). Здѣсь важно, во-первыхъ, ограниченіе власти провинціальныхъ министровъ, а во-вторыхъ то, что генеральному министру и собору предоставлена въ этомъ вопросѣ равная власть.

Полномочія кардинала-протектора не имѣютъ точныхъ опредѣленій: онъ остается главнымъ связующимъ звеномъ между куріей и орденомъ. Назначался онъ папой, но по соглашенію съ братьями [1]).

Регламентируя входъ и выходъ изъ ордена, папы руководились раньше выработанными нормами—сохраненіемъ новиціата и преслѣдованьемъ апостазіи. Послѣдняя представлялась особенно опасной при развитіи еретическихъ тенденцій въ орденѣ. Въ этомъ смыслѣ интересна булла 31 ян. 1268 г.: novitii redeuntes ab ordine minorum ad seculum compellatnur redire aut alium ordinem ingredi. Можно предполагать, что она направлена противъ незаконныхъ и подозрительныхъ для церкви группъ, которыя были въ тѣсной связи съ францисканцами: люди, выходящіе изъ ордена, должны или вступать въ другой, слѣдовательно, подчиняться его

---

[1]) Ср. Nic. Glass. An. Fr. II p. 77: соборъ просилъ у папы Урбана IV въ кардиналы—протектора Кастана; папа согласился, хотя хотѣлъ назначить своего племянника Анкера.

дисциплинѣ, или становиться свѣтскими людьми [1]). Какъ мы видимъ, и относительно внутренняго развитія ордена папская политика была совершенно послѣдовательна.

Въ лицѣ Бонавентуры во главѣ ордена сталъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ братьевъ, когда-нибудь выходившихъ изъ него. Еще въ своей юности онъ удивлялъ современниковъ нравственной чистотой, вызвавшей замѣчанье Александра Галеса, что адамовъ грѣхъ не тяготѣетъ надъ нимъ. Относительно теологической учености достаточно сказать, что современники ставили его непосредственно вслѣдъ за Ѳомой Аквинатскимъ, съ которымъ Бонавентура былъ связанъ многочисленными узами: оба они отстаивали нищенствующіе ордена отъ парижскихъ профессоровъ. Въ своихъ проповѣдяхъ и отчасти въ мистическихъ трактатахъ онъ умѣлъ быть доступнымъ той широкой аудиторіи, наставниками коей явились нищенствующіе ордена и которая своей численностью далеко превосходила самыя многолюдные средневѣковые университеты.

Мы слышимъ и другіе голоса. Авторъ Исторіи 7 гоненій, сохранившій намъ подробное извѣстіе о процессѣ Іоанна Пармскаго,—процессѣ, въ которомъ, по его отзыву, „не мало погрѣшилъ братъ Бонавентура“, не довольствуется тѣмъ, что изображаетъ Бонавентуру гонителемъ истинныхъ сыновъ Франциска; если вѣрить его словамъ, никогда еще не было такого господства мірского духа и мірскихъ заботъ въ орденѣ, такой массы тяжбъ изъ-за права погребенья умершихъ, завѣщаній, наслѣдствъ и т. п. „Братья становятся купцами и продаютъ духовныя блага за мірскія“ [2]). Салимбене, можетъ быть, подъ вліяніемъ близости своей съ Іоанномъ Пармскимъ, упрекаетъ его въ нѣкоторомъ властолюбіи [3]). Мно-

---

[1]) Ср. 6 іюля 1268 г. и ос. 15 дек. 1267 г.—всему клиру предписывалось публично отлучать тѣхъ, кто держитъ у себя апостатовъ ордена,—повторено Николаемъ IV 1 нояб. 1290 г.

[2]) Arch. II, 273 S. mercatores fiunt et spiritualia pro temporalibus vendunt.

[3]) Salim p. 319 verum tamen ultra modum baronizabat, cum filius fuerit cuiusdam tabernariae, ut dicebatur.

гихъ, по видимому, смущали его слишкомъ близкія отношенія къ папамъ.

Мы уже указывали, говоря о процессѣ Іоанна Пармскаго, въ какомъ трудномъ положеніи былъ Бонавентура относительно строгой партіи въ орденѣ. Что ея реформаціонныя стремленья не были ему чужды, лучше всего доказывается циркулярами, обращенными къ ордену. Въ первомъ изъ нихъ, изданномъ на слѣдующій годъ послѣ осужденья Іоанна Пармскаго, онъ говоритъ объ угрожающихъ опасностяхъ и о сомнѣніяхъ совѣсти вѣрующихъ. Орденъ въ упадкѣ; причина—многочисленность свѣтскихъ дѣлъ; братья начали даже стремиться къ деньгамъ („occurritur negotiorum multiplicatio, qua pecunia nimia ordinis inimica, audire petitur"). Нѣкоторые братья предаются праздности; слишкомъ многіе безпорядочно странствуютъ и просятъ милостыни; изъ-за ихъ назойливости встрѣча съ миноритами внушаетъ даже страхъ (importuna petitio, qua omnes transeuntes per terras abhorrent fratrum occursum). Не забыты зданія, несвойственныя простотѣ ордена, привлеченье богатыхъ людей къ тому, чтобы они завѣщали похоронить себя у братьевъ и оставить имъ состояніе, отъ чего такъ страдаютъ приходскіе священники (non sine magna turbulatione clericorum, maxime sacerdotum parochialium). Все это надо прекратить, и давать право исповѣди и проповѣди лишь тѣмъ, которые не станутъ компрометировать ордена [1]).

Второй циркуляръ Бонавентуры относится къ 1266 г.; судя по нему, первый не исправилъ братьевъ. Опять укоряется дерзость тѣхъ, которые, вопреки волѣ Франциска, проповѣдуя въ церквахъ передъ свѣтскими людьми, нападаютъ на прелатовъ; опять указывается на корыстолюбіе братьевъ. Корень зла лежитъ, впрочемъ, въ непослушаньи: братья не исполняютъ статутовъ генеральнаго собранья, и за это непослушанье Бонавентура угрожаетъ имъ суровыми карами: „пусть они стараются вести себя такъ, чтобы не подавать никакого повода къ справедливой жалобѣ" [2]).

---

[1]) Wadd. 1257, 10.
[2]) Wad. 1226, 5.

Чѣмъ отличались эти напоминанья отъ критики партіи ревнителей—„спиритуаловъ“, какъ они начинаютъ называться въ это время? Для Бонавентуры францисканцы представлялись правильно устроеннымъ монашескимъ орденомъ, который, можетъ быть, затмилъ своимъ блескомъ прежніе, но который, какъ и прочіе, находится въ церкви, и первая его добродѣтель—покорность и гармонія съ церковью. Даже упадокъ жизни братьевъ есть прямое слѣдствіе ихъ неповиновенья. У спиритуаловъ, напротивъ того, постепенно сложилось представленье, что орденъ выше церкви, т. е. что онъ наиболѣе совершенно и полно осуществляетъ божественную волю; для нихъ Францискъ постепенно превращался во второго Христа, принесшаго новое Евангеліе. Заповѣдь „строгой жизни“ вытекаетъ не изъ обычныхъ обязанностей соблюдать орденскую дисциплину: эта заповѣдь имѣетъ болѣе высокую санкцію въ евангельской миссіи Франциска.

Наши свѣдѣнья о томъ режимѣ, который стремился ввести въ орденъ Бонавентура, не ограничиваются его циркулярными письмами. Въ 1260 г. были сведены различныя постановленья, сдѣланныя на предшествовавшихъ соборахъ, и изданы въ такомъ видѣ, чтобы служить на будущее время основой орденскаго строя. По общему характеру они представляютъ какъ-бы возвращенье—если не къ временамъ францисканской общины, то къ Правилу 1223 г., еще не получившему папскихъ глоссъ [1]).

Остановимся на характернѣйшихъ постановленіяхъ. Никто не долженъ приниматься въ орденъ, если не откажется отъ всякой собственности, и если не достигъ 18 лѣтъ. Необходимо принимать съ разборомъ—только тѣхъ клириковъ, которые отличаются своими познаніями, и только тѣхъ свѣтскихъ людей, жизнь которыхъ можетъ служить примѣромъ: необходимость эта мотивируется тѣмъ, что братья призваны не только для собственнаго спасенія, но и для спасенія другихъ—примѣромъ, совѣтомъ и увѣщаніемъ [2]). Новиціи

---

[1]) См. въ Archiv für L. K. G. VI 87 S. по ватиканскому кодексу 7339.

[2]) Et quia non solum vocavit nos Deus propter nostram salutem, verum etiam propter aliorum aedificationem, quod nullus recipiatur in ordine nostro, nisi sit talis clericus, qui sit competenter instructu in grammatia et lo-

въ теченіе года находятся подъ руководствомъ какого-нибудь старшаго брата; если черезъ годъ ихъ рѣшеніе не измѣнится, они даютъ клятву соблюдать Правило: ни о Завѣщаніи, ни о папскихъ комментаріяхъ не сказано ни слова. Нельзя принимать никакимъ образомъ денегъ или вещей, чтобы потомъ продать ихъ; запрещается брать за исповѣди, принимать золотыя, серебряныя вещи даже на храненіе, дѣлать формальные долги: братьямъ позволяется лишь просить взаймы, обѣщая, что они добросовѣстно будутъ работать для уплаты долга и отдавать изъ милостыни; совершенно запрещены долги на покупку книгъ. Естественно, запрещены всякія тяжбы, съ прибавкой „и черезъ третьи лица". Братья всегда должны быть заняты: за этимъ слѣдятъ ихъ прелаты. Тѣмъ изъ нихъ, кто не умѣютъ читать, не слѣдуетъ и учиться; напротивъ того, братьевъ особенно способныхъ надо направлять на ученіе: нормальный срокъ его—четырехлѣтній; каждая провинція можетъ посылать двухъ учащихся въ Парижъ. Занятія подвергаются извѣстному надзору со стороны прелатовъ ордена: ни одно произведеніе не должно выпускаться въ свѣтъ безъ того, чтобы генеральный или провинціальный министръ вмѣстѣ съ соборомъ разсмотрѣли его [1]),—постановленіе, очевидно, находящееся въ связи съ осужденіемъ іоахимизма. Вообще, нельзя даже имѣть у себя книгъ безъ разрѣшенія провинціальнаго министра; ни одинъ братъ не долженъ получать Библіи по завѣщанію или въ даръ, если онъ не способенъ къ наукамъ и проповѣди; во всякомъ случаѣ, предварительно требуется разрѣшеніе министра.

---

gica, nisi sit talis laicus, de cuius ingressu esset valde celebris et famosa aedificatio in populo et in clero. Первыя слова напоминаютъ Франциска; тѣмъ большимъ контрастомъ является условіе принимать лишь ученыхъ клириковъ—какъ разъ тѣхъ, которыхъ онъ колебался принимать. Не меньшій контрастъ и съ отзывомъ Іакова Витріака о первоначальной общинѣ миноритовъ: „они никому не закрываютъ доступа въ ихъ общество, кромѣ женатыхъ и связанныхъ монашескимъ обѣтомъ". His. Occid. p. 349. de ordine et praedicatione fratrum minorum.

[1]) Ne de cetero aliquid scriptum novum extra ordinem publicetur, nisi lprius examinatum fuerit diligenter per generalem ministrum vel provincialem et diffinitores in capitulo provinciali.

Много вниманія обращено на дисциплину. Частыя путешествія братьевъ невольно заставляли ихъ отступать отъ дисциплины. Собраніе предписываетъ отнынѣ посылать лишь испытанныхъ братьевъ, или въ сопровожденіи благонадежнаго товарища; нельзя идти куда-нибудь безъ разрѣшенія провинціальнаго министра. Всѣ сношенія братьевъ съ куріей должны происходить черезъ орденскихъ прелатовъ; прокураторы, находящіеся при куріи, немедленно изгоняютъ самовольныхъ посѣтителей. Безъ согласія министровъ нельзя также проповѣдовать, исповѣдовать и принимать епископскій санъ, „развѣ въ томъ случаѣ, когда братъ связанъ заповѣдью высшаго послушанія, нарушить которую значитъ совершить смертный грѣхъ“ [1], — оговорка, очевидно, относится къ случаю, когда папа приказываетъ принять епископскій санъ.

Наказанія должны сообразоваться съ виной; исключеніе изъ ордена и тюремное заключеніе лишь за тяжкія (enormia) — плотскій грѣхъ, вѣроломство, ересь; тюремное заточеніе можетъ быть вѣчнымъ. Приговоръ орденскаго собранія имѣетъ окончательную силу: аппеллировать на нихъ запрещается подъ страхомъ отлученія, „ибо мы пришли сюда не спорить, а исправлять прегрѣшенія“ [2]). Генеральный министръ по мысли постановленія является лишь исполнителемъ того, что рѣшитъ собраніе; онъ не можетъ просить привилегій, противныхъ Правилу, и, вообще, отмѣнять или ослаблять дѣйствіе какого-нибудь статута, „развѣ только ради необходимости и пользы“. Эти ограниченія привилегій и, вообще, сношеній съ куріей характерны, особенно если вспомнить, что въ томъ же 1260 г. генеральный соборъ въ Нарбоннѣ подтвердилъ рѣшеніе мецскаго собора 1249 г. не пользоваться комментаріями Иннокентія IV; не одна радикальная партія относилась съ недовѣріемъ къ новымъ ослабленіямъ Правила, хотя бы они исходили отъ римскаго престола.

---

[1]) Nisi per talem obedientiam compellatur, quam transgrediendo peccaret mortaliter.

[2]) Apellatio in nostro ordine sub interminatione anathematis nulla fiat, cum non venerimus contendere, sed delicta potius emendare.

Генеральнаго министра избираютъ провинціальные и кустоды; провинціальныхъ—всѣ братья; если выборъ не состоится, то назначаетъ генеральный министръ; провинціальные назначаютъ кустодовъ и гвардіановъ. Общій соборъ долженъ быть разъ въ два года,—поочереди по его и по ту сторону Альпъ; на немъ присутствуютъ всѣ провинціальные министры; каждый изъ нихъ можетъ привести лишь одного спутника; затѣмъ являются по одному отъ кустодовъ и по одному представителю отъ провинціальныхъ соборовъ [1]); вопросы рѣшаются простымъ большинствомъ.

Относительно состава провинціальныхъ соборовъ нѣтъ никакихъ точныхъ указаній: повидимому, не было никакихъ формальныхъ ограниченій, но рекомендовалось избѣгать многолюдства. Если не было необходимости въ особенно быстромъ рѣшеніи дѣла, то всякій вопросъ, подлежавшій общему собранію, долженъ былъ сначала разсматриваться на провинціальномъ.

Какъ мы видимъ, въ постановленіяхъ 1260 г. можно открыть двѣ основныя тенденціи: возстановить возможную строгость и чистоту въ соблюденіи Правила и въ то же время обезпечить орденскую дисциплину отъ всякихъ сепаратистическихъ попытокъ, отъ произвола какъ братьевъ, такъ и прелатовъ ордена: средствомъ является сосредоточеніе власти въ общемъ собраніи; послѣднія, какъ мы уже говорили, стали представительствомъ прелатовъ; даже кустоды не могли приходить туда въ полномъ составѣ, а должны были посылать одного отъ провинціи. Не будемъ переносить на это ограниченіе позднѣйшихъ представленій; на него смотрѣли какъ на освобожденіе отъ трудной обязанности являться на соборъ изъ далекихъ провинцій,—но результатъ отъ этого не мѣнялся. Свѣтскій элементъ въ орденѣ, повидимому, вовсе не былъ представленъ съ передачей всѣхъ духовныхъ должностей братьямъ-клирикамъ. И

---

[1]) „Unus discretus a provinciali capitulo electus“, мы не видимъ, чтобы этотъ пунктъ точно соблюдался. Вѣроятно, подъ этими представителями понимали дефинитоpовъ, участіе которыхъ юридически никогда не отмѣнялось. Въ связи съ общимъ ходомъ орденскаго законодательства здѣсь естественнѣе видѣть установленье максимальнаго числа дефинитоpовъ.

въ другомъ обстоятельствѣ мы видимъ отклоненіе отъ первоначальнаго демократическаго характера: научнымъ занятіямъ придается особая важность, и въ то же время боятся допустить къ нимъ чрезмѣрно большой кругъ.

Внутреннее сходство постановленій и циркуляровъ Бонавентуры неоспоримо; въ тѣхъ и другихъ замѣчается нѣкоторое различіе съ тенденціями папскихъ буллъ, обращенныхъ къ ордену: болѣе строгое отношеніе къ Правилу, извѣстное стремленіе ограничить власть прелатовъ въ пользу общаго собранія. Можетъ-быть, они были ближе къ духу раннихъ францисканцевъ, но все же они были отъ него такъ далеко, какъ далекъ монашескій орденъ отъ апостольской общины. Крайне знаменательна также мѣра, принятая на соборѣ 1266 г., на коемъ предсѣдательствовалъ Бонавентура. Этотъ соборъ предписалъ уничтоженіе всѣхъ старыхъ „легендъ", т.-е. біографій Франциска; братья должны читать лишь жизнеописаніе, составленное Бонавентурой. Ясно, что это уничтоженіе должно было отнять могущественное средство у партіи ревнителей, которые такъ охотно противопоставляли Франциска его позднѣйшимъ невѣрнымъ ученикамъ. Легенда Бонавентуры для этой цѣли была наименѣе пригодна: какъ характерно, что она не говоритъ ни слова о Завѣщаніи Франциска. Мы не знаемъ, насколько ревностно производилось это истребленіе; вѣроятно, имъ объясняется, что Легенда 3 товарищей, которая для партіи ревнителей была цѣннѣе Легенды Челано, дошла до насъ въ искалѣченномъ видѣ. Позднѣйшіе спиритуалы видѣли въ этомъ уничтоженіи одно изъ главныхъ прегрѣшеній несимпатичнаго имъ Бонавентуры. Эта мѣра, впрочемъ, нисколько не остановила развитія у спиритуаловъ фантастическаго культа Франциска: недостатокъ письменной традиціи съ избыткомъ вознаграждался устной.

Осужденіе Герарда, Леонарда и Іоанна Пармскаго имѣло, повидимому, вліяніе не только на судьбы ихъ партіи, но и на ея самосознаніе: съ бо̀льшимъ правомъ она могла считать ихъ своими мучениками, чѣмъ пострадавшихъ при Ильѣ. Въ необходимости строгаго соблюденія Правила судьи были убѣждены, какъ и обвиняемые: обвиненіе вращалось

около іоахимизма. Поклонники послѣдняго получили вслѣдъ за этимъ новое разочарованіе; 1260 годъ, отъ котораго столько ожидали, прошелъ, а ничто, повидимому, не измѣнилось на свѣтѣ: отнынѣ Салимбене рѣшается вѣрить лишь фактамъ [1]).

Эти разочарованія, однако, далеко не были достаточно сильны, чтобы поколебать іоахимистическія убѣжденія въ широкомъ смыслѣ слова. Тщетно съ апокалиптическими фантазіями борется церковь, тщетно появляются опроверженія. Знаменитый доминиканецъ Іоаннъ Пармскій, магистръ теологіи въ Парижѣ [2]), написалъ въ опроверженіе легковѣрныхъ цѣлый трактатъ объ антихристѣ [3]). „Ни слова Іоахима, ни слова сивиллъ относительно того, что̀ въ Евангеліи Христосъ открылъ своимъ ученикамъ и всѣмъ вѣрующимъ, не имѣютъ никакой достовѣрности... а между тѣмъ сколько людей воображаютъ, что получили по божественному наитію то, что выдумали въ собственной головѣ“ [4]). Время прихода антихриста нельзя опредѣлить ни озареніемъ, ни св. Писаніемъ, ни логическими аргументами [5]).

Въ распространеніи іоахимизма менѣе важны были подробности, пріурочиваніе извѣстной апокалиптической роли именно къ извѣстнымъ лицамъ, чѣмъ самый способъ, которымъ онъ удовлетворялъ чувствамъ современниковъ, и еще болѣе то революціонное зерно, которое въ немъ заключалось,—идея постепенности откровенія, совершенствованія и развитія церковныхъ формъ. И оцѣнка важности этого революціоннаго момента необходимо зависитъ отъ рѣшенія вопроса, насколько глубоко іоахимизмъ проникалъ въ на-

---

[1]) Первое разочарованіе дано было уже смертью Фридриха II, въ которомъ іоахимисты видѣли антихриста, призваннаго уничтожить церковь; другіе, однако, приписывали эту миссію Манфреду.

[2]) Char. Un. II, p. 120.

[3]) Tractatus de Antichristo; цитируемъ по экземпляру римской университетской библіотеки, гдѣ онъ приложенъ къ Комментаріямъ Іоахима на Исаію и къ „de magnus tribulationibus“ Телесфора козенцскаго.

[4]) Ib. L. 1, 3.

[5]) Ib. Nec ergo credimus aliquam esse certam de tempore Antichristi determinationem: nec per revelationem, nec per scripturae inspectionem, nec per argumentum.

родныя массы? Не былъ ли онъ достояніемъ ограниченнаго круга монаховъ, схоластически образованныхъ, неспособныхъ говорить съ толпой на языкѣ, доступномъ для нея?

Здѣсь прежде всего вспомнимъ, что іоахимизмъ по самому духу былъ враждебенъ научнымъ занятіямъ схоластическаго типа. Это вѣрно и относительно подлинныхъ іоахимовскихъ сочиненій; это еще болѣе вѣрно относительно псевдо-іоахимовской литературы, которая ничуть не менѣе рѣзко облачала мірскую мудрость, чѣмъ погрязшую въ мірскихъ заботахъ церковь; парижскіе профессора, нападая на апокалиптическій мистицизмъ, защищали права разума и науки [1]).

Нельзя отрицать, что многіе доходили до іоахимизма, пройдя схоластическую школу, какъ многихъ философское образованіе приводитъ лишь къ полному скептицизму. Однако, и изъ одной хроники Салимбене мы можемъ убѣдиться, что среди людей, совсѣмъ не искушенныхъ въ схоластикѣ, представленія и гаданія о будущемъ были весьма распространены. Здѣсь еще разъ мы должны подчеркнуть, что подъ именемъ іоахимизма понимался цѣлый рядъ доктринъ, связанныхъ лишь общей, указанной нами тенденціей. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли произведенія народнаго іоахимизма: ни Комментаріи къ Исаіи и Іереміи, ни сочиненія самыхъ выдающихся позднѣйшихъ іоахимистовъ— Оливи и Убертина Казале — не могутъ быть отнесены къ нему. Несомнѣнно, онъ сдѣлался достояніемъ ересей вполнѣ народнаго характера; но можно думать, что здѣсь онъ распространялся словомъ, а не писаніемъ.

Бросимъ взглядъ на религіозное броженіе въ Италіи второй половины XIII вѣка. Наше вниманіе остановятъ на себѣ прежде всего эти загадочные флагелляпты,—самое яркое, быть можетъ, проявленіе въ средневѣковомъ католицизмѣ религіозно-оргіастическихъ настроеній. Начавшись въ Паруджіи, это движеніе самобичующихся распространяется по Патримонію, а затѣмъ и по всей Италіи. Непонятное для

---

[1]) См. Com. ad. Ierem. 42, 4; 43, 4 etc. Renan Nouvelles études p. 299, 300.

насъ, оно было не болѣе понятно и для современниковъ. Вотъ, какъ разсуждаетъ о немъ въ своей хроникѣ „падуанскій монахъ“ [1]): „видя это внезапное покаяніе, которое перешло даже за предѣлы Италіи, дивились ему люди не только простые, но и мудрые; они размышляли, откуда идетъ такое увлеченіе [2])? О подобномъ покаяніи раньше и не слыхивали, да и папа его не устанавливалъ; оно пошло не отъ краснорѣчія проповѣдниковъ, и не отъ вліянія значительныхъ лицъ, но отъ простыхъ, за которыми пошли и ученые и неученые“. Не одно покаяніе и сокрушеніе о грѣхахъ видимъ мы въ немъ; повсюду стихаютъ страсти, враждовавшіе города примиряются, ростовщики возвращаютъ свои грѣховно нажитыя богатства [3]). Извѣстіе Салимбене [4]) не прибавляетъ ничего существеннаго. При такой скудости свѣдѣній мы не можемъ утверждать ничего достовѣрнаго о происхожденіи флагеллянтовъ. Намъ кажется, однако, что съ нѣкоторымъ основаніемъ можно предполагать въ этомъ движеніи іоахимистическій элементъ. Такіе порывы покаянія обыкновенно находятся въ связи со страхомъ какихъ-нибудь великихъ бѣдствій, грядущихъ или уже наступившихъ: такъ, напримѣръ, было во время флагеллянтскаго движенія XIV вѣка во время черной смерти. Несомнѣнно, что борьба гельфовъ и гибеллиновъ глубоко потрясла Италію и создала обстановку, благопріятную для апокалиптическихъ

---

[1]) Mur. VIII p. 712.

[2]) Cogitantes, unde tantus fervoris impetus provenerit. Іаковъ Ворагине (XII, 6 у Mur IX) незнавшій происхожденія этого движенія, былъ свидѣтелемъ его въ Генуѣ. И онъ говоритъ о немъ: ista tanta devotio a quibusdam pauperibus et simplicibus in Tuscia fuit inventa. Въ генуэзскихъ анналахъ Варооломея (Caffari Annales VI у Mur. VI, 527): dicitur, quod haec verberatio initium habuit a puerulo, qui adhuc iacebat in cunis. Alii dicunt a quodam Eremita, qui fertur angelicam vocem audivisse, quod nisi homines Perusii poenitentiam agerent, civitas eorum subverteretur.

[3]) Срав. въ хроникѣ Іордана (Murat. Antiquitates IV p. 1003) краткое извѣстіе, кончающееся словами iis precibus inclinatus redemptor animarum finem imposuit. Срав. также извѣстіе генуэзской хроники Іакова Ворагине XII, 6.

[4]) P. 238—239. На него такое невиданное зрѣлище оставило сильное впечатлѣніе, и онъ замѣчаетъ: люди, не бичевавшіе себя, считались хуже бѣсовъ, быстро впадали въ тяжелую болѣзнь и умирали.

представленій. „Въ скоромъ времени“, говоритъ падуанскій монахъ, „мужчины и женщины стали являть невиданные примѣры святости и милосердія—какъ будто боялись, что ихъ истребитъ небесный огонь, или поглотитъ разверзшаяся земля, или погубитъ землетрясеніе, или иная кара, посланная Божескимъ правосудіемъ на грѣшный міръ“. Обратимъ вниманіе на мѣсто, откуда вышло это движеніе,—изъ Перуджіи, центра францисканскаго мистицизма, и въ особенности на хронологическую дату—1260 г., тотъ самый годъ, къ которому іоахимисты пріурочивали пришествіе антихриста. Но, повторяемъ, мы здѣсь не можемъ выйти изъ гипотезъ.

Лучше освѣдомлены мы о происхожденіи такъ называемыхъ „boscorioli или „saccati“—назвали ихъ такъ потому, что они ходили съ мѣшками. По разсказу Салимбене, знаменитый провансальскій миноритъ Гуго, одинъ изъ значительнѣйшихъ іоахимистовъ, имѣлъ полномочіе отъ министра принимать въ орденъ новыхъ братьевъ. Однажды къ нему пришли двое людей и просили ихъ принять; но онъ посовѣтовалъ имъ „идти въ рощи и научиться ѣсть лѣсные коренья, ибо наступаетъ время смутъ“ [1]). Они пошли, сдѣлали себѣ одежды, напоминающія францисканскій костюмъ, и стали подражать во всемъ миноритамъ: проповѣдывать, исповѣдывать и просить милостыню. Они называли себя орденомъ, хотя не имѣли никакого церковнаго устройства. Салимбене не скрываетъ своего нерасположенія къ нимъ, какъ къ неудобнымъ конкурентамъ ордена. „Saccati“ не отдѣлялись отъ церкви: они хотѣли основать лишь общину въ родѣ францисканцевъ. Такихъ общинъ образовывалось много во второй половинѣ XIII в.; мы взяли эту, такъ какъ вліяніе францисканцевъ здѣсь неоспоримо.

Неоспоримо оно и у „апостольскихъ братьевъ“, среди которыхъ мы видимъ уже несомнѣнную и рѣзкую враждебность къ церкви. Основателемъ ихъ былъ нѣкій Герардъ Сегаллели,—„человѣкъ низкаго происхожденія и невѣжественный, изъ свѣтскихъ людей“, по словамъ Салимбене.

---

[1]) Salim. p. 109: „eatis ad nemora et addiscatis comedere radices, quoniam tribulationes appropinquant“.

Онъ тоже хотѣлъ вступить во Францисканскій орденъ; не будучи принятъ туда, сталъ проповѣдывать покаяніе и возвращеніе къ апостольской жизни. Онъ собралъ вокругъ себя послѣдователей, которые, по словамъ Салимбене, были простыми разбойниками, далъ имъ правило апостольской жизни; характеръ его власти описанъ нѣсколько противорѣчиво: съ одной стороны, онъ хотѣлъ уподобиться Христу, даже обрѣзался для этого, съ другой—отказывался отъ всякаго руководства своей общиной и убѣждалъ своихъ послѣдователей каждому самому слѣдить за собой [1]). Салимбене не можетъ, однако, скрыть, что въ глазахъ населенія новая община напоминала францисканцевъ; конечно, она была ближе къ первоначальной общинѣ Франциска, чѣмъ къ позднѣйшему ордену. Не лишена значенія черта, переданная намъ доминиканцемъ Бернардомъ Гвидонскимъ въ его „Practica inquisitionis“: спутники Сегаллели ходили босыми или въ сандаліяхъ [2]). Это было отличіе францисканцевъ; и псевдоіоахимовская литература говоритъ, какъ мы видѣли, о высокой миссіи людей, ходящихъ необутыми.

Эти апостольскіе братья имѣли большой успѣхъ въ народѣ; но еп. Пармскій, задержавшій Сегаллели, отнесся къ нему, какъ къ помѣшанному, и вообще церковь сначала не придавала этому движенію серьезности; первая булла противъ него дана была Гоноріемъ IV (5 ок. 1285 г.). Мы имѣемъ извѣстіе о сожженіи двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ, принадлежавшихъ къ этой сектѣ, лишь подъ 1294 г. [3])

Эти новыя группы были для церкви тревожнымъ симптомомъ. Ихъ успѣхъ показывалъ, до какой степени форма

---

[1]) Sal. p. 114: dicebat eis, quod quilibet bene faceret; quia anima laborantis laborabit sibi, et quod unusquisque propriam mercedem recipit secundum suum laborem, et quod unusquisque onus suum portabit, et quod unusquisque pro se rationem reddet Deo.

[2]) Practica p. 328.

[3]) Ср. Mur. IX p. 826. По Іакову Акво (Chron. imag. mundi, Monum. Hist. Patriae III p. 1607) жители города, среди которыхъ Сегаллели пользовался большимъ вліяніемъ, едва не разнесли домъ гдѣ жили инквизиторы. Самъ Сегаллели былъ осужденъ на пожизненное заточенье, а въ 1300 г. сожженъ. Eym. Dir. inquis. p. 286.

жизни нищенствующихъ орденовъ отвѣчала запросамъ населенія, и въ то же время какъ трудно сохранить ее на почвѣ церкви. Намъ понятно, что на Ліонскомъ соборѣ сочли необходимымъ запретить вновь устраивать нищенствующіе ордена. Въ виду своевольнаго умноженія нищенствующихъ орденовъ запрещается отнынѣ кому-бы то ни было основывать новый орденъ или общину (ordinem et religionem); всѣ нищенствующіе ордена со времени изданія этого постановленія, если они не получатъ санкціи апостольскаго престола, должны считаться уничтоженными. Принадлежащимъ къ тѣмъ изъ нихъ, которые допущены (но не утверждены), позволяется оставаться въ нихъ, если они хотятъ; но они не должны къ себѣ принимать никого безъ спеціальнаго разрѣшенія папы. „Конечно, мы не думаемъ распространять этого постановленія на доминиканцевъ и францисканцевъ, за которыхъ явственно свидѣльствуетъ польза, приносимая ими всей церкви. Что касается до кармелитовъ и августинскихъ эремитовъ, мы позволяемъ имъ оставаться по прежнему положенію, пока не рѣшимъ о нихъ иначе“ [1]). Это постановленіе пріобрѣтаетъ особый смыслъ, если его сопоставить съ недавней побѣдой нищенствующихъ орденовъ, въ борьбѣ съ Сорбонной, когда папа Александръ IV призналъ образъ жизни орденовъ ведущимъ къ евангельскому совершенству.

Новое религіозное броженіе, — іоахимизмъ и появленіе разныхъ группъ, болѣе или менѣе подражающихъ нищенствующимъ орденамъ,—должны были усиливать въ римской куріи чувство подозрительности ко всякимъ движеніямъ среди францисканцевъ, не вошедшимъ въ строгія рамки орденской жизни. Если римская курія чувствовала необходимость не давать чрезмѣрнаго простора этой крайней партіи, то многое способствовало и тому, что обострялась противоположность между ней и большинствомъ ордена. Постепенно всѣ оттѣнки стушевались передъ различіемъ орденскаго большинства (communitas, conventuales) и оппозиціи (observantes). Хроники ордена, даже благопріятствующія

---

[1]) Bull. Fran. 31 мар. 1275 г.

конвентуаламъ, много говорятъ объ злоупотребленіяхъ [1]) и нарушеніяхъ; но это нисколько не смягчаетъ суровости мѣръ противъ тѣхъ, въ комъ видѣли нарушителей орденскаго послушанія. Всѣ генеральные министры конца XIII в. были противниками крайней партіи; различіе касалось лишь тѣхъ мѣръ, какія принимались противъ этой партіи. То же почти можно сказать и о провинціальныхъ министрахъ [2]). Общее собраніе сдѣлалось лишь представительствомъ прелатовъ ордена, а не всего ордена въ цѣломъ; понятно, что голоса, которые мы слышимъ на этихъ собраніяхъ, не благопріятны для спиритуаловъ.

Въ послѣдней четверти XIII в. партія крайнихъ, „спиритуаловъ", какъ ее съ этого времени обыкновенно зовутъ, представляется намъ въ гораздо болѣе ясномъ видѣ, чѣмъ прежде. Можно сказать, что лишь въ этотъ періодъ глухая подземная работа, повидимому, непрерывно продолжавшаяся съ первыхъ дней ордена, выходитъ на полный свѣтъ. Важнѣе всего, что мы начинаемъ узнавать мнѣнія и желанія этой группы не изъ вторыхъ рукъ, не изъ обработки ея противниковъ. Передъ нами Исторія 7 гоненій, авторъ коей не разсказываетъ, какъ въ первой половинѣ, о вещахъ, извѣстныхъ ему лишь по наслышкѣ: здѣсь онъ становится очевидцемъ. Передъ нами письма Кларена и Убертина Казале, ихъ полемика съ конвентуалами, опубликованіемъ коей мы обязаны Эрле. Передъ нами наконецъ многочисленные трактаты Оливи, теологическаго, философскаго и моральнаго содержанія, книга Убертина Казале „Arbor vitae crucifixae"; изъ нихъ мы можемъ опредѣлить тотъ религіозный философскій базисъ, на коемъ покоилась программа спиритуаловъ,—слово,

---

[1]) Glass. въ An. Fr. II p. 104. Хроника 24 генераловъ говоритъ о министрѣ Бонаграціи: dictus generalis praecepit per obedientiam et sub excommunicationis poena, quod indulgentiae in ecclesia S. Mariae de Portiuncula nulla oblatio pecuniaria a fratribus reciperetur, vel pro eorum necessitatibus expanderentur recepta, et hoc propter cupiditates quia posset ab invidia falsa vel minus sacra indulgentia publicari et devotio minorari.

[2]) Повидимому, исключенье составлялъ Николай, провинціальный министръ Франціи, написавшій книгу противъ комментарія Николая III и осужденный за это генеральнымъ министромъ. Chron. 24 gen. A. F. III p. 246.

которому его противники явно старались придать характеръ обозначенія ереси [1]).

При характеристикѣ этой религіозной группы намъ прежде всего необходимо дифференцировать свою задачу. Въ концѣ XIII в. было два главныхъ очага движенія спиритуаловъ. Одинъ изъ нихъ—Южная Франція, Аквитанія и Провансъ, вся та область, въ которой церковь одержала недавно свои кровавыя побѣды надъ катарами. Другая—Средняя Италія, область примыкающая къ колыбели ордена, въ которой мы застаемъ сильное религіозное броженіе, находящееся, повидимому, въ косвенной зависимости отъ успѣховъ Францисканскаго ордена. Какъ мы увидимъ далѣе, это раздѣленіе имѣетъ не только географическое значеніе.

Обращаясь къ южно-французской группѣ, мы прежде всего должны познакомиться съ личностью Оливи,—человѣка, который впервые систематизировалъ ученіе своей партіи. Сочиненія его часто производятъ на насъ отталкивающее впечатлѣнія своей схоластической формой, но мы не должны забывать, что въ XIII в. такая схоластическая форма сдѣлалась господствующей для всей науки и философіи. Спиритуалы въ принципѣ относились отрицательно къ этой учености, которая шла изъ Парижа и Оксфорда; но въ борьбѣ со своими противниками они не могли обойтись безъ этого оружія [2]).

О жизни Оливи мы имѣемъ сравнительно подробныя свѣдѣнія. Онъ родился въ 1244 г. и въ 1261 г. поступилъ въ монастырь Безье. Рано обративъ на себя вниманіе своими способностями, Оливи былъ посланъ въ Парижъ, въ которомъ тогда блистали Ѳома Аквинатскій и Бонавентура: несомнѣнно, что онъ прошелъ хорошую схоластическую школу. Позднѣе, когда Оливи сдѣлался въ глазахъ спиритуаловъ святымъ, сложилось преданіе, что всѣ свои познанія въ Парижѣ онъ

---

1) Archiv für L. K. G. B. I 511 S.

2) Къ сожалѣнію, мы почти не имѣемъ данныхъ относительно предшественниковъ Оливи въ Южной Франціи. Изъ разсказа Салимбене, посѣтившаго Провансъ въ 1248 и 1249 гг., мы знаемъ лишь, что іоахимизмъ былъ здѣсь распространенъ, и что виднымъ представителемъ его здѣсь былъ Гуго Динскій.

получилъ не путемъ медленнаго труда, а нѣкіимъ мгновеннымъ озареніемъ свыше [1]).

Писать онъ сталъ рано, но его первыя сочиненія были чисто догматическія. Іеронимъ, генеральный министръ, вызвалъ Оливи къ суду за его „Вопросы о Дѣвѣ Маріи“ и, прочтя этотъ трактатъ, велѣлъ ему его немедленно сжечь, что онъ безпрекословно исполнилъ [2]). Далѣе у насъ есть рядъ извѣстій о провинціальныхъ соборахъ, на которыхъ подымался вопросъ о сочиненіяхъ Оливи. Впервые онъ былъ поднятъ на страссбурскомъ соборѣ 1282 г., гдѣ рѣшили, что генеральный министръ посѣтитъ Парижъ и назначитъ комиссію изъ тамошнихъ францисканцевъ, которые пользовались репутаціей особой учености. Эта комиссія дѣйствительно разсмотрѣла сочиненія Оливи и свои заключенія дала въ такъ называемомъ „письмѣ о 7 печатяхъ“; здѣсь были приведены 34 тезиса, извлеченныхъ изъ сочиненій Оливи и признанныхъ невѣрными, и 22 антитезиса, въ которыхъ, по средневѣковому обычаю, указывалось, какъ надо мыслить объ этихъ предметахъ. Оливи послалъ оправдательное письмо, жалуясь, что ему не позволили самому быть въ Парижѣ и осудили лишь на основаніи сочиненій: самые тезисы взяты съ искаженіемъ смысла. Между тѣмъ, отъ него требовали публично признать свое согласіе съ Littera 7 sigillorum. Такимъ образомъ, передъ нимъ была трудная альтернатива: или признать это письмо, и тогда допустить, что эти заблужденія приписаны ему правильно, или не признать и тѣмъ совер-

---

[1]) По словамъ Бернарда Гвидо, бегины, преемники спиритуаловъ, въ своихъ собраньяхъ охотно читаютъ книгу „Transitus sancti Patris“, въ которой находилось подобное признанье, которое будто-бы сдѣлалъ своимъ ученикамъ Оливи. См. Practica inquis. (Paris, 1885 ed. Douais) p, 287: unum autem praetermittendum non puto, quod doctus pater venerabilis circa finem sui transitus post sacram iniunctionem receptam... dixit totam scientiam suam per infusionem recepisse a Deo et Parisius in ecclesia hora tertia subito se fuisse illuminatum a Domino Iesu Christo.

[2]) H. 7 t. Arch. II p. 278 quo facto abiit fr. Petrus immutato vultu et animo tranquillo etc. Авторъ хроники далѣе говоритъ: Іеронимъ впослѣдствіи признался, что велѣлъ сжечь сочиненія Оливи лишь съ цѣлью испытать его смиренье и послушанье

шить тяжкое нарушеніе орденской дисциплины [1]) Какъ онъ поступилъ, разсказывается по разному. Если вѣрить Хроникѣ 24 генераловъ, онъ безусловно отрекся отъ всѣхъ своихъ философскихъ заблужденій; что касается до теологическихъ, то онъ объявилъ, что никогда не защищалъ догматовъ, противныхъ церкви [2]). Напротивъ, по Исторіи 7 гоненій, онъ явился въ Авиньонъ къ генеральному министру безъ его зова, что строго запрещалось. Министръ былъ разгнѣванъ такимъ своеволіемъ, однако позволилъ ему говорить, разсчитывая, что въ своей рѣчи Оливи дастъ еще больше матеріала для обвиненія. Однако, Оливи защищался съ такимъ увлекающимъ краснорѣчіемъ, что генеральный министръ совершенно перемѣнилъ мнѣніе и, потрясенный этимъ эпизодомъ, скоро умеръ; та же судьба постигла главныхъ враговъ Оливи, которые настраивали противъ него Бонаграцію [3]). Несомнѣнно одно, что Оливи не пострадалъ лично.

Борьба велась на почвѣ догматики, но другая сторона дѣла сообщала ей особую страстность. Оливи выступилъ не только энергичнымъ защитникомъ бѣдности, „pauper usus“, и вообще стремленій спиритуаловъ, но и сгруппировалъ около себя цѣлый кружокъ послѣдователей. Провинціальный министръ Прованса подалъ на соборѣ 1285 г. записку, въ которой Оливи представлялся, какъ глава суевѣрной секты и раскола (caput superstitiosae sectae et divisionis). Миланскій общій соборъ 1285 г. велѣлъ собрать во всѣхъ монастыряхъ Прованса сочиненія Оливи и запретилъ пользоваться ими до окончательнаго рѣшенія, и Хроника 24 генераловъ указываетъ на смуты и соблазны (turbationes et scandala), которыя вызывались этими сочиненіями. Дѣло Оливи разбиралось, повидимому, и на общемъ собраніи въ Монпелье. Намъ неизвѣстно, какое рѣшеніе послѣдовало здѣсь, но оно не было неблагопріятнымъ для Оливи, такъ какъ вслѣдъ за симъ мы его видимъ лекторомъ во флорентійскомъ монастырѣ Санта-Кроче [4]).

---

[1]) Epis. excus. Olivi—въ Archiv III 418 S.

[2]) Chron. 24 gener. подъ 1283.

[3]) P. 291.

[4]) Responsio Ubertini въ Archiv II 389 S.

Между тѣмъ, въ Провансѣ спиритуалы, группировавшіеся около Оливи, все яснѣе стали выражать свои сепаратистическія наклонности. Папа Николай IV, близко знавшій дѣла ордена въ качествѣ бывшаго генеральнаго министра, написалъ письмо тогдашнему министру Раймунду, поручая произвести надъ Оливи слѣдствіе и представить его парижскому собору, назначенному на будущій годъ [1]). Дѣйствительно, на парижскомъ соборѣ Оливи заставили точнѣе объяснить, какой смыслъ придаетъ онъ понятію pauper usus, и затѣмъ признать, что въ этомъ пунктѣ онъ стоитъ всецѣло на почвѣ декларацiи Николая IV. Самъ онъ не былъ уличенъ въ схизмѣ, но его приверженцы подверглись осужденью и наказанію [2]). Бонаграція Бергамскій, впослѣдствіи вспоминавшій объ этомъ осужденьѣ, говоритъ, что сторонники Оливи раздѣляли всѣ заблужденія, приписанныя ему, имѣли много суевѣрій, устраивали собранья и даже общежитія, вопреки волѣ Николая IV, оказывали непослушанье прелатамъ [3]).

То обстоятельство, что Оливи уцѣлѣлъ въ то время, какъ его сторонники потерпѣли кару, заставляетъ предполагать, что они шли гораздо дальше его, и послѣ 1292 г.

---

[1]) Chron. 24 gen. подъ 1290: eodem anno dictus dominus papa misit litteras dicto fratri Raymundo generali, ut contra quosdam fratres, qui in Provinciae schisma videbantur inducere, statum aliorum fratrum damnant et se spiritualiores ceteris reputantes, quorum nonnulli reperti sunt male fame et scandala in provinciis suscitantes et doctrinam quandam non consonam veritati tenentes diligenter fiendum fratri Bertramdo de Cigatorio commisit ad sibi referendum: facta vero relatione dict.s generalis omnia ad examen et diffinitionem deduxit capituli generalis Parisius proxime celebrandi.

[2]) Chr. 24 gen. подъ 1292: quamvis ex dictis apparet, idem frater Petrus ordini satisfecerit, nec repertus fuerit schismaticus vel rebellis, tamen multos sequaces in doctrina habuit,... sub devotionis colore non modicum capitosos, quibus multa scandala subsecuta sunt.

[3]) Archiv für L. K. G. III 1588: ipsi puniti erant credentes, sectatores et defensores errorum, continentium in dicta doctrina fr. Petri et quia erant superstitiosi et superstitiosas conspirationes et conventicula faciebant contra mandatum pape Nicolai IV et quia fuerunt inobedientes et rebelles praelatis suis et errores contra sanctam doctrinam pessimos asserebant, licet etiam aliqui ex eis fuerunt puniti ex aliis causis.

положенье Оливи въ орденѣ измѣнилось. Событія неудержимо увлекали спиритуаловъ по пути все болѣе и болѣе рѣзкой оппозиціи церкви. Кратковременное правленіе Целестина V, выказавшаго спиритуаламъ полное сочувствіе, смѣнилось Бонифаціемъ VIII, въ подозрительныхъ глазахъ котораго одна близость его предшественника со спиритуалами была тяжкимъ противопоказаньемъ противъ этихъ послѣднихъ. Онъ началъ такъ сурово возстановлять порядокъ въ орденѣ, что спиритуалы впервые стали возставать противъ папской власти не вообще, а именно противъ власти Бонифація VIII. Среди нихъ сложилось убѣжденье, что отреченье Целестина было незаконно, и что Бонифацій не дѣйствительный папа, а узурпаторъ и тиранъ. Все съ большимъ жаромъ осуждали они францисканцевъ, остававшихся въ повиновеньи у церкви, и все сильнѣе стремились отдѣлиться отъ нихъ.

Оливи не шелъ такъ далеко. Мы знаемъ, что онъ оправдывалъ отреченье Целестина съ извѣстными оговорками, а сепаратистовъ осуждалъ со всей рѣзкостью [1]). Въ то же время онъ, однако, признавалъ глубокій упадокъ ордена и необходимость реформы. Такое нейтральное положенье среди партій въ ту минуту, когда ихъ противоположность особенно обострилась, не могло не ослабить вліянія Оливи: послѣдніе годы онъ провелъ въ уединеніи Нарбоннскаго монастыря [2]). Ваддингъ, который, вообще, былъ одушевленъ желаньемъ защитить Оливи отъ обвиненій доминиканцевъ Эймерика и Бзовія, старательно сообщаетъ, что онъ умеръ, исполнивъ христіанскій долгъ и передъ смертью вкратцѣ повторивъ своимъ собратьямъ сущность своего ученья о

---

[1]) См. его письмо къ Конраду Оффидѣ—опубликовано Іейлеромъ въ Hist. Jahrb. III 658 S: et maxime quia tertius error addicitur, quasi cauda draconis, quia de summo ordine contra divinae legis et suae professionis inviolabilia iura se praecipitant impudenter, ut similes apostaticis spiritibus, qui teste Christo de summis celorum sedibus instar fulgoris corruerunt.

[2]) Лучшимъ памятникомъ его настроенія за эти годы являются его письма къ сыновьямъ Карла II Анжуйскаго, желавшаго имѣть его при своихъ дѣтяхъ.—Archiv III 534 S.

евангельской бѣдности [1]), исповѣдывалъ свое послушанье римской церкви.

Если Оливи своей личностью за послѣдніе годы жизни не игралъ особенно видной роли, то сочиненія его среди всѣхъ спиритуаловъ пользовались великимъ уваженіемъ. Крайніе шли дальше ихъ, но всѣ охотно ихъ противопоставляли обвиненіямъ со стороны конвентуаловъ. Они сдѣлались своего рода лозунгомъ и катехизисомъ спиритуаловъ; и сообразно съ этимъ смотрѣли на самого Оливи послѣ его смерти: для однихъ онъ сталъ истиннымъ сыномъ Св. Франциска, какъ-бы воплощеньемъ его духа, для другихъ— упорнымъ еретикомъ.

Первымъ признакомъ этого новаго значенья, пріобрѣтеннаго имъ, было его обращенье въ святого. Въ одномъ своемъ письмѣ Ангелъ Кларенъ разсказываетъ о необычайномъ стеченьѣ народа къ его могилѣ, свидѣтелемъ коего онъ былъ въ 1313 г., т. е. черезъ 15 лѣтъ послѣ смерти Оливи [2]). Изъ другого извѣстія мы узнаемъ, что въ 1316 г. провансальскіе спиритуалы оказывали ему культъ, какъ святому, и это обстоятельство служило даже однимъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненія противъ нихъ [3]). Легко понять, какими глазами должна была смотрѣть церковь на этотъ культъ. Въ средніе вѣка канонизація представителя извѣстной партіи являлась какъ-бы религіозной санкціей дѣла этой партіи, сильнѣйшимъ нравственнымъ аргументомъ въ ея пользу. Вспомнимъ, какъ боролся Генрихъ III англійскій съ культомъ памяти Симона Монфора. Эймерикъ сообщаетъ,

---

[1]) Wad. 1297, 33—52. Тезисы, приведенные здѣсь, сходятся съ сочиненіями Оливи.

[2]) Archiv. für L. K. G I 533 S.

[3]) См. Archiv III, 443 изъ Cod. Borghes. Въ одномъ инквизиціонномъ процессѣ 1321 г., переданномъ намъ въ Liber sententiarum inquis. Tolos. p. 319, 329, сохранилось признанье одной женщины: item dixit, se audivisse in sermone publico in Narbona, quando fiebat festum de fratre P. Iohannis, quod frater P. Iohannes erat pater et sanctus non canonizatus, et non opportebat, quod per hominem canonizaretur, quia deus canonizaverat eum in vita et in morte, ut dicebat, et ipsa credidi ista esse vera. Даже, будто, епископы и кардиналы посылали приношенія на его могилу.

что когда при Іоаннѣ XXII рѣшились искоренить спиритуаловъ, прахъ Оливи былъ вынутъ изъ земли и разсѣянъ по воздуху,—какъ самое наглядное свидѣтельство церкви, что она осуждаетъ ложную канонизацію [1]).

Медленнѣе была она въ осужденіи сочиненій Оливи, къ которымъ мы теперь должны перейти. Повидимому, изъ нихъ наиболѣе сильное впечатлѣніе на современниковъ произвелъ Комментарій къ Апокалипсису (Postilla), неоднократно разсмотрѣнный и осужденный церковью. Это сочиненіе, которое въ такой же мѣрѣ можетъ быть отнесено къ іоахимистической литературѣ, какъ Комментаріи къ Исаіи и Іереміи, вводитъ борьбу двухъ направленій ордена въ философско-историческія рамки развитія церкви и человѣчества. Болѣе практическимъ характеромъ отличаются „Quaestiones"; въ нихъ даны отвѣты на спорные вопросы, касающіеся образа жизни братьевъ и волновавшіе тогда францисканскій міръ.

Въ „Littera magistrorum contra Olivi", опубликованной Балузіемъ [2]), выставлено 60 утвержденій, взятыхъ изъ Комментарія къ Апокалипсису. Главныя обвиненія обычны: ученіе о трехъ стадіяхъ въ церкви, объ осужденіи вавилонской блудницы, подъ которой не двусмысленно разумѣется римская церковь, чрезмѣрное превознесеніе Франциска и апостольскихъ грядущихъ мужей, которые достигнутъ высшей благодати, чѣмъ апостолы Христа [3]). Здѣсь приводятся отрывки изъ Postilla, и нельзя поставить критикамъ Оливи въ упрекъ того, въ чемъ несомнѣнно погрѣшили осудившіе „Вѣчное Евангеліе",—здѣсь нѣтъ прямыхъ искаженій текста, но есть значительныя искаженія контекста.

---

[1]) Это извѣстіе не подтверждается, однако, современными францисканскими источниками; по существу оно вѣроятно.

[2]) Baluzii, Miscellanea, II p. 258—271.

[3]) См. 3—reiectio vetustatis Babylonicae et renovatio formae Christi; 10—damnatio carnalis et meretricis ecclesiae; 17—sextus status servavit verbum vel regulam evangelicae egestatis et humilitatis et patientiae cum nullo pro quocunque litigantem, imo suos persecutores et inimicos cum summa pace et patientia perfectissime diligentem; 25 — отождествленье Франциска съ Христомъ и т. д.

Постилла [1]) есть комментарій, составленный, очевидно, по образцу іоахимовскаго, изъ котораго сдѣлано не мало заимствованій [2]). Замѣтимъ, что если по содержанію комментарій примыкаетъ къ псевдо-іоахимовской литературѣ съ ея обычной чертой—культомъ Францисканскаго ордена, то по формѣ онъ болѣе напоминаетъ подлинныя сочиненія Іоахима: нѣтъ обычной рѣзкости въ осужденіяхъ, опредѣленности въ предсказаніяхъ; нѣтъ того почти памфлетнаго характера, которымъ такъ отличаются Комментаріи къ Исаіи и Іереміи. Подобно Калабрійскому пустынножителю, Оливи часто отказывается говорить ясно о будущемъ. Такъ, передавая пророчество, приписываемое Іоахиму и Франциску, о предстоящемъ воскресеніи императора Фридриха во время антихриста, о карѣ, которую совершатъ римскіе императоры надъ церковью, онъ прибавляетъ: „будетъ ли это или не будетъ—я думаю, надо предоставить Божьему усмотрѣнію“ [3]). Даже языкъ, правильный и чистый, гораздо болѣе напоминаетъ подлиннаго Іоахима, чѣмъ весьма посредственную латынь его послѣдователей.

---

[1]) Это сочиненіе Оливи не было напечатано. Единственный извѣстный списокъ его находится въ флорентійской библіотекѣ Санъ-Лоренцо. Cod. Sopressi, 397, 21 sopra la parte—по этому списку мы и будемъ цитировать.

[2]) Все, напримѣръ, что говорится въ 112, 3 о саранчѣ, не могущей вредить сѣну и деревьямъ, цѣликомъ взято изъ Concordia utrimque test. Ioach. 163. 4.

[3]) Post. 17, 1 quidam ex pluribus, quae Ioachim de Frederico II et eius semine scribit et ex quibusdam, quae b. Franciscus secrete fratri Leoni et quibusdam alliis sociis suis revelasse fertur, opinantur, quod Fredericus praefatus cum suo semine sit huius temporis quasi caput... et quod tempore mystici antichristi ite revivisset in aliquo de semine eius, ut non solum Romanum imperium sed et Francis ab eo devictis obtineat regnum Francorum, qui cumque ceteris regibus Christianorum sibi coherentibus statuat in pseudoprophetam (pséudopapam?) quendam falsum religiosum, qui contra romanam ecclesiam excogitabit et faciet dispensationem dolosam, promovens in episcopos professores regulae preferte sibi convenientes et exinde appellans episcopos et proceres, qui semini Frederici II specialiter illi imperatori et sibi et suo statui fuerant adversati. Qui vir et propter hoc designet spirituales subversiones et excecationes totius fine ecclesiae tunc fienda. Quid autem hoc erit vel non erit dispositioni divinae censeo rilinquendum. Мѣсто интересно въ другомъ отношеніи: оно показываетъ, что среди францисканцевъ сохранялась традиція апокалиптическихъ признаній, возводившихся къ самому Франциску. То обстоятельство, что церковь одобрила

Оливи исходитъ изъ іоахимовскаго представленія о рядѣ послѣдовательныхъ состояній, черезъ которыя должна пройти церковь. Онъ различаетъ, во первыхъ, три іоахимовскихъ царства: каждое изъ нихъ имѣетъ свою степень совершенства, но каждое послѣдующее становится совершеннѣе предыдущаго. „Слава", говоритъ онъ, „которую стяжала бы синагога, ея прелаты и первосвященники, если бы они повѣрили во Христа, перенесена на церковь и на ея служителей; подобнымъ образомъ и слава, уготованная послѣдней церкви, будетъ перенесена за ея блудодѣяніе на новоизбранную" [1]). Рядомъ съ этимъ іоахимовскимъ дѣленіемъ Оливи говоритъ о семи стадіяхъ, черезъ которыя проходитъ церковь, но опредѣляетъ онъ ихъ не всегда одинаково [2]). Каждый періодъ естественно развивается изъ предшествующаго. „Какъ всякій день имѣетъ утро, полдень и вечеръ, такъ и всякій народъ, такъ и церковь".—Болѣе подробно останавливается Оливи на трехъ послѣднихъ фазисахъ. Пятый—предшествующій великой реформѣ церкви, произведенной апостольскими орденами, представляется ему временемъ ея глубокаго упадка. „Къ концу пятой эпохи чрезмѣрно возрасли распущенность и порча церкви (laxatio)". „Подъ этой порчей", прибавляетъ онъ, „надо понимать то, что всюду господствуетъ симонія, все священное продается и покупается, прямо считается продажнымъ". Обиліе пороковъ и бѣдствій, постигнувшихъ церковь въ эти дни, было таково, что многіе ожидали кончины міра [3]).

одну біографію его, а остальныя отвергла, въ связи съ представленіями партіи, считавшей себя истинной преемницей Франциска, могло навести на мысль, что многое изъ сказаннаго Францискомъ не сохранилось въ письменныхъ памятникахъ. Къ этому вопросу намъ еще придется вернуться при разборѣ Arbor vitae crucitixae Убертина Казале.

[1]) Postil. 50, 3.

[2]) Post. 193, 3—7 status huius seculi: отъ Адама до Ноя, до Авраама, до Моисея, до Давида, до Христа, до антихриста, при антихристѣ. Чаще, однако, эти status опредѣляются иначе.—Por. 6, 3 1) отъ Христа, 2) Нерона, 3) Константина, 4) Антонія, 5) Карла Великаго, 6) со времени Франциска, 7) начавшійся съ осужденья вавилонской блудницы; 7 періодовъ Іоахима не сходятся съ этими дѣленіями.

[3]) 83, 2. „referendo vero praedicto ad finem 5 status designatur, quod tunc tot et talia scelera in carnali ecclesia inundabant et iam diu inundare

Какъ можетъ спастись церковь отъ такихъ бѣдствій? Трудность опредѣлить взгляды Оливи заключается въ томъ, что мы часто не можемъ понять, считаетъ ли онъ извѣстныя апокалиптическія представленія уже сбывшимися или только предстоящими. Тѣ черты, въ которыхъ изображается упадокъ церкви,—относятся ли онѣ къ концу пятаго періода, предшествовавшему явленію въ міръ Франциска, или ко времени осужденія плотской церкви?

Намъ кажется, что Оливи относитъ къ концу пятаго вѣка лишь начало упадка церкви,—упадка, котораго самъ онъ и его современники были свидѣтелями. Церковь и весь христіанскій міръ не могутъ исправиться до осужденія плотской церкви. Новые апостольскіе ордена лишь возвѣстятъ о гибели и соберутъ въ своихъ рядахъ немногихъ избранныхъ.

Здѣсь сказывается одна изъ характернѣйшихъ сторонъ въ ученіи спиритуаловъ. Въ ихъ взглядѣ на будущее былъ и мрачный, и свѣтлый моментъ. Мрачный—ибо нравственное очищеніе, спасеніе среди этихъ бѣдствій, представлялось удѣломъ немногихъ избранныхъ. Свѣтлый—потому что въ концѣ-концовъ плотская церковь будетъ осуждена, и на ея смѣну придетъ церковь Св. Духа, съ ея „Вѣчнымъ Евангеліемъ“ и близостью къ Богу.

Обѣ эти стороны въ воззрѣніи спиритуаловъ не могли не отражаться и на ихъ дѣятельности. Въ нихъ было нѣчто пассивное, созерцательное; нѣтъ и той радостной энергіи, которая одушевляла первыхъ членовъ францисканской общины, твердо помнившихъ, что они избраны Богомъ не только для собственнаго спасенія, но и спасенія всѣхъ другихъ; не было въ нихъ и того прозелитскаго упорства, которымъ отличались многія средневѣковыя секты. На спиритуалахъ всегда лежала печать долгаго пребыванія въ монастырской кельѣ. Чтобы пріобрѣсти характеръ воин-

---

coeperunt, quod tam sancti praeteriti, quam praesentes ex tanta malorum inundantia fere usque ad desperationem contristati sunt... Designatur, quod tunc a multis erat putandum finem mundi adesse propter tantam inundantiam malorum et tantam parvitatem bonorum“.

ствующаго сектантства, ихъ воззрѣнія должны были сдѣлаться достояніемъ болѣе широкихъ народныхъ слоевъ.

Францискъ явился ангеломъ, открывшимъ шестую печать [1]); его орденъ, съ такой быстротой распространившійся по всей землѣ, долженъ подготовить народъ къ тяжелымъ временамъ испытанья и осужденія [2]). Съ большими оговорками, почти склонный не вѣрить этому, Оливи ссылается на слова нѣкоего минорита, близкаго къ Льву, ученику Франциска, что основатель ордена, уподобившійся Христу стигматами, распятый въ своихъ вѣрныхъ послѣдователяхъ, подвергшихся гоненіямъ, воскреснетъ подобно Христу и сдѣлается основаніемъ будущей церкви [3]). Въ особенности преслѣдовать сыновъ Франциска будутъ тѣ, которые, прельстившись человѣческой мудростью, отвергнутъ всѣ истины вѣры, даже единство Божества [4]).

Беззаконія и бѣдствія церкви не остановились съ основаніемъ ордена, и Оливи снова обѣщаетъ въ будущемъ появленіе великихъ проповѣдниковъ, которые предскажутъ всѣ бѣдствія прихода антихриста и начала суда, повергнутъ въ трепетъ царей и князей, богатыхъ и бѣдныхъ [5]). При-

---

[1]) Post. 149, 3.

[2]) Ib. 82, 1: nisi autem ordo evangelicus per fratres renovatus esset in multis et saltem sub 2 vel 3 generationibus propagatus et sollemnizatus non esset, nec ipse, neque populus ad eo ducendus sufficienter dispositus ad tantam autenticam condemnationem Christi condemnationi similem subeundam.

[3]) 90, 1: audivi etiam a viro spirituali valde fide digno, et fr. Leoni confessori et socio b. Francisci valde familiari quoddam huic consonum, quod nec assero, nec scio, nec censeo asserendum, secundum quod tam per verba fr. Leoni, quam per propriam relerationem sibi factam prae eperat, quod Franciscus in illa pressura temptationis babylonicae in qua ei status et regula quasi instar Christo crucesignetur, resurget gloriae, ut sicut in vita et in crucis stigmatibus est Christo similis assimilater, sic et in resurrectione assimiletur, necessarie tantum suis discipulis confirmandus et informandus, sicut Christus resurrectione fuit in apostolis confirmandus et super fundamentum et gubernationem futurae ecclesiae informandus.

[4]) 164, 3.

[5]) 85, 2: rursus viris evangelicis in sui adventus primordio zelantibus, praedicantibus fervide contra ista... et praeconizantibus iram et adventum iudicis in ianua esse multi reges et principes, divites et pauperes fuerunt

шествіе антихриста изображается у Оливи съ той же неопредѣленностью, какъ и въ подлинныхъ сочиненіяхъ Іоахима.

Вообще, новая эпоха для церкви лишь зародилась съ того момента, когда евангельское Правило было принято Францискомъ; она дала цвѣты въ ту минуту, когда возвѣщено было царство Духа и осужденъ Вавилонъ; она принесетъ плоды, когда Вавилонъ будетъ разрушенъ. Мы думаемъ, что приписываемое Оливи отождествленіе вавилонской блудницы и римской церкви неправильно. Для него подъ это понятіе подходитъ все нечистое, оскверняющее церковь. Такъ, купцы, блудовавшіе съ женой,—это собиратели пребендъ, симоніаки. Звѣрь, выходящій изъ моря, обозначаетъ животную жизнь плотскихъ христіанъ, враждебныхъ апостольскимъ мужамъ. Оливи считаетъ возможнымъ въ будущемъ разрушеніе Рима [1]), но въ этомъ случаѣ Римъ раздѣлитъ лишь общую участь. Римская церковь признается главой всѣхъ церквей, и восточные схизматики, не признающіе ея авторитета, осуждены [2]). Всѣ эти перемѣны однако не страшны, ибо онѣ ведутъ церковь къ блаженству послѣдняго времени—міровой субботѣ [3]). Здѣсь и сказывается та идея прогресса, которая сообщаетъ столь интересную окраску іоахимовской литературѣ: за глубокимъ и неизбѣжнымъ упадкомъ церкви слѣдуетъ ея окончательное очищеніе и торжество въ новой совершенной формѣ и при томъ торжество здѣсь, на землѣ—концепція, оцѣнить широту коей мы можемъ, лишь представивъ себѣ, что понятіе церкви заключало въ себѣ здѣсь не только пасущихъ, но и пасомыхъ, т. е. и все свѣтское общество [4]).

„Вопросы“ (Quaestiones) Оливи [5]) представляютъ изъ себя,

---

vehementer perterriti propter quod abscondent se in spelunca et petra montis“.

[1]) 195, 2.

[2]) 55, 3 и 63, 2.

[3]) 126, 1.

[4]) У Іоахима вполнѣ послѣдовательно представляется, что въ третьемъ царствѣ евреи обратятся въ христіанство и греки соединятся съ латинской церковью. Con. 85. 2.

[5]) Они опубликованы Эрле въ III томѣ его Архива, по ватиканскому кодексу 4986.

такъ сказать, катехизисъ спиритуаловъ; цѣль—дать ясные и точные отвѣты на вопросы, о которыхъ разсуждали въ спорахъ между партіями ордена. Сообразно съ этимъ практическимъ назначеніемъ они рѣзко отличаются отъ Постиллы [1]).

Вспомнимъ предметы спора: даетъ ли человѣку совершенство жизнь, основанная на евангельской бѣдности. Но въ чемъ лежитъ совершенство вообще? Какая жизнь отвѣчаетъ его идеалу: дѣятельная или созерцательная—вопросъ, который средніе вѣка унаслѣдовали отъ Аристотеля.

Идеаломъ для Оливи является жизнь, въ которой соединены и дѣятельность и созерцаніе; хотя созерцаніе по своей природѣ выше и должно занимать первенствующее мѣсто, но слѣдуетъ посвящать часть времени заботамъ о спасеніи другихъ [2]). Отвѣтъ типиченъ; онъ иллюстрируетъ то, что мы говорили о характерѣ ученія спиритуаловъ.

Далѣе разсматриваются разные „modi vivendi"—насколько каждый изъ нихъ приближается къ идеалу совершенства. Мы не должны здѣсь ожидать логически исчерпывающихъ классификацій: Quaestiones преслѣдуютъ не схоластическія цѣли,—они отвѣчаютъ лишь на вопросы, возбуждавшіе сомнѣнія. Часть ихъ примыкаетъ къ полемикѣ противъ нищенствующихъ орденовъ, начатой Вильгельмомъ Сентъ-Амуръ. Представляетъ ли изученіе Св. Писанія и другихъ знаній нѣчто совершенное само по себѣ и приличествующее людямъ, ищущимъ совершенства? Есть ли какая-нибудь форма дѣя-

---

[1]) Мы не знаемъ, приведены ли Quaestiones въ тотъ видъ, въ которомъ мы ихъ теперь находимъ, самимъ Оливи или его учениками, но, несомнѣнно, что они писались не сразу. Такъ, 9-ый вопросъ составленъ раньше 1279 г., между тѣмъ какъ въ 13-мъ говорится объ отреченіи Целестина, т.-е. онъ отдѣленъ отъ 9-го промежуткомъ, по крайней мѣрѣ, въ 15 лѣтъ. Только Cod. Vatic. 4986 представляетъ полное собраніе: въ Cod. Borghes. 358 недостаютъ 12, 13 и 16; въ Cod. Borghes. 354—12, 13, 15; въ Cod. 842 Lauren. dei conven. suppressi—нѣтъ первыхъ четырехъ и т. д. Отдѣльныя части Quaestiones представляютъ нѣкоторую цѣльность: таковы первые пять вопросовъ, опредѣляющіе совершенство жизни. 12 — 14, относящіеся къ папской власти.

[2]) Archiv III, 503 S.

тельной жизни, кромѣ проповѣди и духовнаго правленія, высшая, чѣмъ занятіе наукой [1])?

На первое дается безусловно утвердительный отвѣтъ: не только занятіе Св. Писаніемъ, но и науками вообще есть нѣчто достойное, свойственное совершеннымъ мужамъ: такія занятія выше ручного труда, и человѣкъ, способный къ нимъ, сдѣлаетъ хорошо, если предоставитъ ручной трудъ тѣмъ, кто не способенъ къ другому. „Такія занятія даютъ душѣ лучшія упражненія, во время ихъ она не развлекается пустыми мыслями и желаніями; между тѣмъ, физическая работа упражняетъ лишь тѣло, и во время нея можно предаваться грѣховнымъ желаніямъ. Отсюда ясно, какъ заблуждались утверждавшіе, что люди, во имя религіи отказавшіеся отъ собственности (pauperes religiosi), должны заниматься ручнымъ трудомъ, а не изученіемъ, —мнѣніе не только ложное, но и еретическое, осужденное церковью". Послѣднія слова показываютъ, какихъ противниковъ имѣлъ въ виду Оливи. То, что говорится въ Постиллѣ о свѣтской мудрости, не противорѣчитъ этому, ибо не ее здѣсь защищаетъ Оливи. Замѣтимъ, что проповѣдь и правленіе [2]) стоятъ здѣсь выше изученія, безъ котораго они, впрочемъ, невозможны.

Второй вопросъ имѣетъ въ виду совсѣмъ другихъ противниковъ, чѣмъ первый: лучше ли и достойнѣе дѣлать что-нибудь по обѣту [3]), чѣмъ безъ обѣта? Подъ обѣтомъ здѣсь понимается то „professio", которое дѣлали вступающіе въ орденъ. Мы знаемъ, что позднѣйшіе фратичеллы находили, что вести совершенную жизнь, не давая никакого обѣта, выше и достойнѣе, чѣмъ по обѣту,—точно такъ же и апостоль-

---

[1]) Ibid. an studere in sacra scriptura sive in aliis scientiis sit opus de genere suo perfectum et viris perfectis condecens, utile et licitum? An aliquid opus active praeter regimen et predicationem sit melius ex suo genere, quam studium?

[2]) Трудно сказать, что понималъ подъ этимъ словомъ „regimen" Оливи: cura animarum въ широкомъ смыслѣ или правленье орденомъ. Примѣры у Дюканжа (V, 670) болѣе оправдываютъ второй смыслъ.

[3]) 504 S. an sit melius et magis meritorium, utilius et expedientius aliquid facere ex voto, quam illud idem facere sine voto.

скіе братья, группировавшіеся вокругъ Дольчино; весьма возможно, что Сегалелли, при его отрицательномъ отношеніи къ орденамъ, училъ такъ же. Для спиритуаловъ, проникнутыхъ іоахимовскими идеями о великой миссіи, предстоящей монашеству, которое реформируетъ церковь, эта точка зрѣнія была чужда: передъ святостью обѣта останавливалось ихъ обличеніе, и если они хотѣли отдѣлиться отъ своихъ собратьевъ, то лишь во имя лучшаго и достойнѣйшаго исполненія обѣта. Вспомнивъ, что Quaestiones представляютъ изъ себя монашескій катехизисъ, мы не удивимся, что Оливи отдаетъ первенство праведной жизни по обѣту.

Вторая группа вопросовъ относится къ евангельской бѣдности. Съ тѣхъ поръ, какъ Александръ IV осудилъ парижскихъ профессоровъ, церковь, повидимому, принципіально рѣшила этотъ вопросъ; однако, среди духовенства не прекращались голоса, осуждавшіе образъ жизни орденовъ, а папы своими привилегіями дали весьма эластичный смыслъ понятію о бѣдности, и когда въ орденѣ началась борьба о превосходствѣ евангельской бѣдности или орденской дисциплины, они, не осуждая первой, постоянно высказывались за вторую.

Состояніе высочайшей бѣдности выше ли всякаго состоянія, при которомъ сохраняются богатства?—вопросъ, за которымъ слѣдуетъ длиннѣйшее опроверженіе аргументовъ противниковъ. По Оливи изъ этой совершенной бѣдности выходятъ всѣ добродѣтели [1]). „Она даетъ высочайшее смиреніе, строжайшую воздержанность, нерушимое цѣломудріе, истинное знаніе, совершенную мудрость, мирную общительность, совершенную кротость, постоянную твердость, горячую вѣру, увѣренную надежду, пламенную любовь, возвышенное созерцаніе, чистѣйшее сохраненіе орденскаго обѣта, обращеніе души къ Богу, полную безопасность отъ всякихъ искушеній и пороковъ“.

Болѣе затрудненій лежало въ вопросѣ о „pauper usus“. Полная бѣдность отвѣчаетъ евангельскому совершенству;

---

[1]) 515 S.

спрашивалось, насколько эта бѣдность должна осуществляться въ жизни. Вотъ вкратцѣ характеристика, данная pauper usus Оливи: онъ включаетъ въ себѣ отказъ отъ всякаго права собственности,—это признавалось и церковью; но какъ pauper usus долженъ отличать жизнь истинныхъ сыновъ Франциска? Здѣсь Оливи расходится во многомъ и съ практикой, и съ папскими деклараціями: такъ, онъ безусловно осуждаетъ учрежденіе прокураторовъ.

Въ частности спорили о томъ, освобождаетъ ли посвященіе въ епископы отъ обязанности соблюдать евангельскій обѣтъ? Спиритуалы неохотно смотрѣли на эти замѣщенія миноритами епископскихъ каѳедръ. Если монашество есть высшая форма церковной жизни, форма per excellence, соотвѣтствующая третьему іоахимовскому періоду, то, получая епископскую каѳедру, монахъ не получаетъ этимъ высшаго достоинства и, во всякомъ случаѣ, данный имъ обѣтъ не теряетъ своей силы. Употребляя въ дѣло нѣсколько искусственную аргументацію, Оливи старается доказать, что епископъ, вышедшій изъ ордена, не меньше, а больше прежняго обязанъ соблюдать обѣтъ: епископскій санъ требуетъ особой нравственной святости, а нарушеніе обѣта всего болѣе лишаетъ человѣка этой святости. „Представимъ себѣ“, прибавляетъ здѣсь Оливи, „что всѣ епископы въ настоящее время жили-бы, соблюдая завѣты Христа, какъ жили апостолы, и въ особенности подражали бы апостольской бѣдности: всѣ бы церковные доходы раздавали бѣднымъ, предоставляли бы управленіе мірскими дѣлами вѣрнымъ и достойнымъ людямъ, какъ предписываютъ каноническія правила, а сами всецѣло посвящали бы себя молитвѣ, проповѣди, духовному правленію и примѣрной жизни; развѣ не привели-бы они къ Богу вѣрующихъ и даже невѣрующихъ?... Теперь же епископы не только изъ мірянъ, но даже изъ монаховъ, любятъ ѣздить на коняхъ и въ экипажахъ, окруженные многочисленной свитой, въ роскошныхъ одеждахъ; ихъ столы блистаютъ различной утварью и гнутся подъ яствами; поэтому такъ мало у нихъ смиренія и презрѣнія къ мірскому, и соблазнительныхъ примѣровъ своей паствѣ они даютъ не меньше другихъ прелатовъ церкви: все это

происходитъ отъ излишне-богатаго образа ихъ жизни и чрезмѣрной любви къ себѣ“ [1]).

Защищая такъ идеалъ евангельской бѣдности, Оливи долженъ былъ считаться не съ одной группой Вильгельма Сентъ-Амуръ и его послѣдователей. По этому вопросу высказался величайшій схоластическій мыслитель, и въ спорѣ партій его слова ложились такой тяжестью на чашку вѣсовъ, что нельзя было ихъ оставить безъ отвѣта. Ѳома Аквинатскій нѣкогда шелъ рука объ руку съ Бонавентурой въ защитѣ нищенствующихъ орденовъ противъ парижскихъ профессоровъ. Но времена измѣнились, ордена получили доступъ въ университетъ, и приходилось бороться не столько съ хулителями святой бѣдности, сколько съ экзальтированными поклонниками ея, готовыми принести ей въ жертву весь церковный порядокъ. Эти крайности возбудили особую реакцію среди доминиканцевъ, тѣмъ болѣе, что дѣло шло до извѣстной степени о ихъ чести: развѣ францисканцы не говорили, что истинная евангельская бѣдность осуществлена лишь у нихъ? Іоахимистская литература, правда, отводила почетное мѣсто ордену св. Доминика, но все же высшая миссія представлялась удѣломъ францисканцевъ; самъ Доминикъ никогда не ставился въ такую близость къ Христу, не получалъ такой апоѳеозы, какъ Францискъ. И вотъ, Ѳома Аквинатскій въ своей Summa коснулся нѣсколько преувеличенной оцѣнки бѣдности. Сущность его возраженій сводится къ тому, что евангельская бѣдность не есть сама по себѣ евангельское совершенство, но лишь его орудіе или средство (paupertas non est perfectio, sed instrumentum perfectionis). Не по тому, насколько человѣкъ бѣденъ, онъ становится выше, а по тому, насколько его бѣдность служитъ какой-нибудь высокой цѣли: изъ трехъ евангельскихъ обѣтовъ — бѣдности, цѣломудрія и послушанія — первый представляетъ безспорно низшую ступень. Вообще, дѣятельная жизнь требуетъ извѣстныхъ средствъ: наличность въ общей собственности нѣкоторой движимости и недвижимости избавляетъ отъ заботы о существованіи и позволяетъ всецѣло

---

[1]) 511 S.

отдаться проповѣди, обученію, созерцанію; все это подтверждается и словами Христа.

Оливи возражаетъ: слова Христа такъ ясно и недвусмысленно призываютъ къ отказу отъ всякой собственности, что никакіе комментаріи здѣсь не нужны. У монашеской жизни могутъ быть разныя цѣли: однѣ—главныя, другія—побочныя. Главныя цѣли—любовь къ Богу, спасеніе собственной души и душъ другихъ людей—нисколько не связаны съ собственностью. Мірскія — борьба съ невѣріемъ, защита и выкупъ плѣнныхъ—побочныя, имѣющія цѣну лишь по стольку, по скольку онѣ служатъ главной. Если для этихъ побочныхъ цѣлей богатство полезно, а въ то же время оно мѣшаетъ спасенію души, то оно несомнѣнно уменьшаетъ совершенство монашеской жизни. Бѣдность не заключаетъ въ себѣ совершенства, но то же можно сказать и о другихъ добродѣтеляхъ; чѣмъ выше она, тѣмъ сообразнѣе евангельскому образцу—Христу, не имѣвшему, гдѣ главы преклонить [1]).

Часто обращенный къ нищенствующимъ орденамъ упрекъ въ праздности вызываетъ слѣдующій вопросъ: должны ли люди, давшіе евангельскій обѣтъ, добывать средства къ существованію милостыней или ручнымъ трудомъ? Оливи рекомендуетъ ручной трудъ для тѣхъ, кто не могутъ посвятить себя духовнымъ занятіямъ, и избѣгнуть такимъ образомъ праздности, тѣ же, которые способны къ духовному труду (spiritualia officia), имѣютъ полное право жить милостыней, обращаясь къ ручному труду лишь въ случаѣ необходимости и для избѣжанія соблазна другимъ.

Послѣдняя группа вопросовъ касается того, какъ примирить обѣтъ евангельской бѣдности съ послушаніемъ. Здѣсь еще больше спорили, чѣмъ о pauper usus. Оливи нѣсколько уклончиво подходитъ къ этому щекотливому пункту. Прежде всего онъ признаетъ, что обѣтъ повиноваться во всемъ, что не противорѣчитъ спасенію души, Правилу и евангельскому совершенству—согласенъ съ евангельскимъ совершенствомъ [2]). Такое рѣшеніе, очевидно, нисколько не

---

[1]) Ar. III, 520 S.

[2]) Ar. III, 523 S. an scilicet vovere alteri homini obedientiam in omni-

удовлетворяло тѣхъ, которые обвиняли спиритуаловъ въ принципіальномъ нарушеніи заповѣди подчиненія и общецерковной дисциплины. Кто судья въ томъ, что противно или не противно спасенію души, Правилу и евангельскому совершенству,—особенно относительно послѣдняго понятія, которое разные опредѣляли такъ по разному. На вопросъ, какое мѣсто въ ряду евангельскихъ обѣтовъ занимаетъ повиновеніе, Оливи отвѣчалъ такъ же уклончиво: „доктора церкви вообще сходятся во мнѣніи, что обѣтъ послушанія совершеннѣе другихъ“ [1]).

Далѣе идутъ еще болѣе щекотливые вопросы, касающіеся повиновенія папской власти. Должны ли всѣ католики повиноваться въ томъ, что относится до вѣры и нравовъ, римскому первосвященнику, и должны ли его рѣшенія служить для нихъ незыблемымъ правиломъ? Къ сожалѣнію, отвѣтъ дошелъ здѣсь до насъ лишь въ отрывкѣ. Сущность его состоитъ въ слѣдующемъ: Христосъ обѣщалъ, что церковь Его не впадетъ въ заблужденіе; слѣдовательно, и папа, ея глава, поскольку онъ есть истинный папа, не можетъ впасть въ заблужденіе; если мы видимъ, что папа заблуждается, это—ясное доказательство, что онъ не есть истинный глава церкви [2]). Очевидно, и въ этомъ нѣсколько уклончивомъ отвѣтѣ, какъ и въ предшествующемъ, осуществленіе евангельскаго совершенства поставлено выше повиновенія папѣ; если онъ мѣшаетъ такому осуществленію, онъ не есть истинный папа.

То же самое мы видимъ и въ отвѣтѣ на вопросъ, въ правѣ ли папа диспенсировать отъ всякаго обѣта—вообще, и отъ евангельскаго—въ частности [3])? На это дается ясный отрицательный отвѣтъ: папа, вообще, не можетъ уничтожить

---

bus, quae non sunt contraria animae et evangelicae regulae et perfectioni, sit perfectionis evangelicae.

[1]) Ib. Doctores communiter id consentiunt, quod votum obedientiae sumptum in suo culmine est perfectius quam alia duo.

[2]) Ib. p. 524. Impossibile est quod papa sic errans sit verus papa et verum caput ecclesiae.

[3]) P. 528. Cum papa possit in omni voto dispensare et specialiter in votis evangelicis.

обѣта; отъ евангельскаго же онъ не можетъ даже диспенсировать. Чтобы уменьшить рѣзкость такого ограниченія папской власти, Оливи старается показать, что здѣсь было-бы внутреннее противорѣчіе. Человѣкъ, давшій евангельскій обѣтъ, становится болѣе подчиненнымъ папѣ, чѣмъ прежде. Если бы папа диспенсировалъ его, то онъ потерялъ бы часть своей власти надъ нимъ; но папа не можетъ ограничивать своей власти, слѣдовательно, не можетъ и диспенсировать. Это логическое ухищреніе не можетъ скрыть того, что Правило и обѣты поставлены выше папской власти.

Остановимся еще на вопросѣ, касающемся отреченія Целестина. Впослѣдствіи спиритуаламъ ставилось въ вину, что они не признавали Бонифація VIII законнымъ папой. Подобный взглядъ мы находимъ у итальянскихъ спиритуаловъ, которые больше, чѣмъ ихъ провансальскіе собратья, пострадали отъ Бонифація. Оливи не раздѣлялъ ихъ взгляда: на вопросъ, можетъ ли папа отказаться отъ своей власти и передать при жизни ее другому, онъ отвѣчаетъ утвердительно: подобное отреченіе не противорѣчитъ ни догматамъ вѣры, ни предписаніямъ Христа [1]). Ясно, что спиритуалы, кромѣ неудовольствія на Бонифація, не имѣли другого мотива защищать противоположный взглядъ.

Мы видимъ, какой интересъ представляютъ Quaestiones для пониманія движенія спиритуаловъ. Замѣтимъ, что отвѣты Оливи проникнуты умѣренностью: высказывается полное уваженіе передъ папской властью и церковной дисциплиной. Однако, мы не можемъ освободиться отъ впечатлѣнія, что эта умѣренность лежитъ болѣе въ формѣ, чѣмъ въ содержаніи. Какъ ни старается Оливи примирить свой энтузіазмъ бѣдности съ покорностью церкви, общее чувство, продиктовавшее эти отвѣты, говоритъ больше, чѣмъ данные образцы схоластической виртуозности.

Quaestiones обращаются лишь къ миноритамъ; Оливи

---

[1]) Срав. письмо Оливи въ His. Jahr. III 652. Primus autem error ipsorum est, quod Papa renuntiare non potuit, nec potest officio et dignitati papali nec ipso vivente alteri ipsi substitui. Et ideo dicunt, quod non solum Papa Romanus non est Papa, immo etiam omnes... qui ipsum pro Papa habent... sunt synagoga sathanae.

предполагаетъ у читающаго евангельскій обѣтъ, даваемый при вступленіи во Францисканскій орденъ. Это ограниченіе ставитъ извѣстныя рамки и движенію спиритуаловъ: оно совершалось лишь въ предѣлахъ ордена. Вспомнимъ, однако, какъ близокъ былъ орденъ къ народнымъ массамъ, какъ между нимъ и свѣтскимъ обществомъ стояла широкая промежуточная ступень—терціаріи, вербовавшіеся изъ всѣхъ слоевъ,—и мы будемъ ожидать, что вліяніе спиритуаловъ перешло за ограды францисканскихъ монастырей.

Ни осужденіе общаго собранія, ни строгія мѣры Бонифація VIII не уничтожили упорства южно-французскихъ спиритуаловъ. Исторія 7 гоненій сообщаетъ намъ, что при папѣ Бонифаціи VIII многіе изъ нихъ подверглись заточенію. Король Сициліи Карлъ, находившійся подъ вліяніемъ своего врача Райнольдо ди Витанова, по его просьбѣ написалъ письмо къ генеральному министру за братьевъ, несправедливо притѣсняемыхъ въ Провансѣ [1]). Мы не знаемъ, какія послѣдствія имѣло это письмо, но въ началѣ XIV в. мы застаемъ среди провансальскихъ миноритовъ настоящій расколъ: спиритуалы отказываются признавать орденскую іерархію и хотятъ образовать самостоятельное общество.

Исторія итальянскихъ спиритуаловъ, вообще говоря, извѣстна намъ болѣе подробно; яснѣе здѣсь устанавливается и связь съ партіей ревнителей, боровшихся противъ злоупотребленій при Ильѣ, осужденныхъ при Кресценціи, получившихъ власть въ лицѣ Іоанна Пармскаго. Итальянскіе спиритуалы, вообще, отличались большей рѣзкостью въ оппозиціи. Провансъ въ эту эпоху далеко не былъ умиротворенъ, но еретическія теченія представлялись тамъ альбигойцами и вальденцами, которые отдѣлялись отъ церкви непроходимой пропастью; въ Италіи, напротивъ, не прекращались еретическія движенія, гдѣ разрывъ съ церковью былъ не такъ явственъ, самое ученіе меньше извѣстно, и опасность лежала больше въ общемъ настроеніи и направленіи; мы видѣли, что многія изъ этихъ сектъ находились подъ вліяніемъ Францисканскаго ордена.

---

[1]) Archiv II, 129 S.

Если вѣрить Исторіи 7 гоненій, образованіе партіи итальянскихъ спиритуаловъ, какъ опредѣленной группы, относится къ 1274 г. По Италіи въ это время распространялись слухи, что папа Григорій X вводитъ въ орденъ общую собственность. Мы можемъ предполагать, что слухъ этотъ былъ вызванъ рѣшеніемъ ліонскаго собора, чему такъ благопріятствовалъ неясный и двусмысленный текстъ этого рѣшенія [1]). Нѣкоторые братья открыто заявили, что папа не имѣетъ власти дать такое рѣшеніе, и они его не примутъ. На провинціальномъ соборѣ въ Анконѣ отъ этихъ братьевъ потребовали объясненій. Большинство изъ нихъ взяло свои слова назадъ, но трое: Траимундъ, Ѳома Толентинскій и Петръ Мачерато—упорно стояли на своемъ, что ни папа, ни церковь не имѣютъ власти на столь пагубное и грѣховное дѣло. Ихъ тотчасъ же отдѣлили отъ остальныхъ миноритовъ и заключили по отдѣльнымъ эремиторіямъ [2]). На слѣдующемъ провинціальномъ соборѣ участь ихъ еще ухудшилась: въ качествѣ упорныхъ схизматиковъ и еретиковъ эти три минорита и еще нѣкоторые были присуждены къ пожизненному тюремному заключенію, остальнымъ же братьямъ подъ страхомъ самыхъ суровыхъ каръ запрещалось

---

[1]) Arch. II, 301. Tempore enim, quo generale consilium a bonae memoriae sancto papa Gregorio X Lugduni celebratum est, quidam rumor insonuit in partibus Italiae, quod summus pontifex decrevit, in consilio fratribus minoribus et praedicatoribus ac ceteris mendicantibus proprium dare. Quod audientes fratres aequo animo pro magna parte tolerabant. Aliqui vero, sed pauci, moleste tulerunt valde, quod dicebatur, et sui cordis conceptum celare non volentes, imo nolentes, si contingebat, quod de tali materia in communi sermo moveretur, sui rectoris arcana reserantes, fratribus, qui propter obedientiam S. Pontificis et consilii decreta servanda possessiones et redditus accepturos dicebant, contrarium se facturos respondebant.

[2]) Ecclesiam et S. Pontificem tanquam rem non solum inconvenientem, sed et domnosam et in apostasiam deducentem et nec sub potentia cadentem ac per hoc non possibilem nunquam esse facturos. Очевидно, здѣсь дѣло идетъ не о фактической невѣроятности, а объ отсутствіи права. Ваддингъ, разсказывая объ этомъ соборѣ со словъ Маріанна, формулируетъ мнѣніе этихъ трехъ братьевъ такъ: non licere Pontifici immutare statum a Deo revelatum, ab aliis Pontificibus confirmatum, apostolica vita commendatum. Повидимому, здѣсь впервые былъ сдѣланъ explicite этотъ опасный выводъ изъ идеи святости Правила.

критиковать приговоръ. Миноритъ Ѳома Кастельдемилино поднялъ однако голосъ противъ жестокаго приговора; его тотчасъ же заключили въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ; тѣло его, какъ и тѣло другого заточеннаго, Понція Ботрія, было брошено въ ровъ безъ церковнаго погребенія [1]). Узниковъ освободилъ лишь Раймундъ Гофреди вскорѣ послѣ своего избранія въ генеральные министры. Онъ не принадлежалъ къ партіи ревнителей, но не одобрялъ чрезмѣрной строгости къ нимъ и осуждалъ конвентуаловъ. Поэтому, вѣроятно, его избраніе было не совсѣмъ пріятно папѣ, который не скрывалъ, что желалъ-бы видѣть на его мѣстѣ другого [2]). Разсказываютъ, будто, узнавъ, что братья осуждены за излишнюю ревность въ соблюденіи обѣта бѣдности, министръ воскликнулъ: „о, если бы весь орденъ былъ виновенъ въ томъ же". Но положеніе освобожденныхъ было все же неудобное, такъ какъ вражда къ нимъ отнюдь не прекращалась, и генеральный министръ воспользовался первымъ случаемъ удалить ихъ изъ Италіи. Армянскій царь Гайтонъ II просилъ его прислать ему миноритовъ, и Раймундъ послалъ Ангела Кларена, Либерата, Ангела и Ѳому Толентинскихъ: всѣ они дѣйствовали съ большимъ успѣхомъ, и въ 1292 г. Гайтонъ отправилъ общему парижскому собранію письмо, въ которомъ отзывался о нихъ съ наилучшей стороны.

Но тутъ обнаружилось, что внутренній раздоръ и противоположность орденскихъ партій не ограничивались предѣлами Италіи. Новыми гонителями явились сирійскіе миноритъ, провинціальнымъ министромъ которыхъ былъ нѣкій

---

[1]) У Ваддинга это осужденіе передается дважды и не одинаково. Подъ 1275, 2 мы читаемъ, что три вышеуказанныхъ минорита были заточены по рѣшенью прелатовъ ордена; когда онъ вызвалъ ихъ на провинціальный соборъ, они упорно защищались, пока братъ Веньяминъ, извѣстный своей ученостью, мягко не склонилъ ихъ оставить свои заблужденья. „Такимъ образомъ", заканчиваетъ Ваддингъ, „окончился трехлѣтній раздоръ, хотя въ тайнѣ оставалось попрежнему различіе въ мнѣніяхъ и желаніяхъ". Эта версія заимствована изъ Маріанна. Подъ 1289, 23 мы встрѣчаемъ разсказъ о томъ же, заимствованный очевидно изъ Исторіи 7 гоненій. Срав. Epis. excusatoria Кларена въ Archiv I, 521 S.

[2]) Archiv II, 307 S.

Павелъ, состоявшій при министрѣ Мархіи во время суда надъ братьями. Онъ написалъ противъ нихъ обвинительное письмо къ царю и сеньорамъ Арменіи, гдѣ называлъ ихъ еретиками и схизматиками, осужденными на вѣчное заточеніе. Передъ Гайтономъ миноритъ успѣли оправдаться, изложивъ свою исторію, но ненависть ихъ сирійскихъ собратьевъ не оставила ихъ въ покоѣ. Мачерато, одинъ изъ нихъ, во время пребыванія на Кипрѣ, подвергся преслѣдованію со стороны гвардіана одного изъ тамошнихъ монастырей; тотъ объявилъ его отлученнымъ и не допустилъ слушать мессу.

Исполнивъ свою миссію, братья вернулись въ Италію. Спиритуалистическія стремленія продолжали развиваться въ орденѣ: самъ генеральный министръ показывалъ къ нимъ если не сочувствіе, то снисхожденіе. Это было время, когда папскій престолъ оставался незанятымъ. Когда, наконецъ, выборъ кардиналовъ упалъ на Целестина V, спиритуалы могли смотрѣть на будущее съ бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ когда-либо.

Въ лицѣ Целестина на папскій престолъ вступилъ человѣкъ, вполнѣ родственный спиритуаламъ по духу. Онъ видѣлъ въ индивидуальномъ аскетизмѣ высшую форму служенія Богу; въ эту сторону были направлены и его интересы, и его чувства; въ то же время онъ совершенно не имѣлъ сознанія, что церковь представляетъ сложную организацію, опирающуюся на іерархію и дисциплину, и что передъ требованіями этой организаціи должно смолкать индивидуальное чувство [1]). Самъ Целестинъ основалъ такъ называе-

---

[1]) См. Vita Celestini у Mur. III p. 616 Hic Celestinus papatu multa fecit ne dixerim inepta, sed utinam sic laude digna perfecta fuerit, velut eius sancta eremo transacta flagitabat vita. Ibid.: Vitae E. Celestini Libri, II, 5 p. 629.

O quam multiplices indoctos potentia formans.
Edidit indulgens, donans, faciemque recessu,
Atque vacaturas concedens, atque vacantes.

Въ оцѣнкѣ Целестина со спиритуалами рѣзко разошелся Данте, находившійся несомнѣнно подъ ихъ вліяніемъ. Онъ не могъ простить папѣ-отшельнику, что тотъ своимъ отреченьемъ открылъ Бонифацію VIII путь къ папскому престолу. Напротивъ того, ненависть Филиппа Красиваго къ Бонифацію была главной причиной, почему такъ скоро канонизовали Целестина.

мый орденъ целестинскихъ монаховъ, который надѣлилъ многочисленными привилегіями, освободилъ отъ всякой присяги, отъ платежа десятины, позволилъ переходить съ мѣста на мѣсто и т. п. Особенностью этой привилегіи было то, что папа позволилъ переходъ въ новый орденъ изо всѣхъ другихъ орденовъ, но не обратно [1]). По соглашенію со спиритуалами, Либератъ и Кланенъ отправились къ папѣ въ Аквилею, изложили ему трудность мирнаго сожительства въ орденѣ двухъ партій и просили разрѣшенія, отдѣлившись отъ большинства, жить въ особыхъ мѣстахъ, соблюдая въ чистотѣ первоначальное Правило,—шагъ, который весьма осуждали не только конвентуалы, но и самъ Оливи. Папа принялъ ихъ ласково, похвалилъ за ревность, но предложилъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ раздоровъ, называться не миноритами, а „бѣдными эремитами Целестина“ (pauperes eremitae Celestini). Вслѣдъ за симъ онъ разрѣшилъ братьевъ отъ обѣта повиновенія прелатамъ ордена и предоставилъ Либерату руководить ими. Большинство миноритовъ было крайне возмущено такимъ отступничествомъ: сдѣлали даже попытку захватить вооруженной силой Либерата и Кларена [2]).

Покровительство Целестина оказалось для группы Кларена гибельнымъ, когда ихъ покровитель отказался отъ папской тіары и уступилъ мѣсто Бонифацію VIII. Въ обстоятельствахъ этого отреченія остается до сихъ поръ нѣчто загадочное; почему Бонифацій VIII выказалъ такую враждебность къ своему предшественнику—лишилъ его свободы, чѣмъ не мало повредилъ своей репутаціи. Однимъ изъ первыхъ шаговъ новаго папы была кассація всѣхъ мѣръ Целестина V [3]). Все, близкое къ его предшественнику, возбуждало его подозрительность, и конвентуалы употребили все свое вліяніе при куріи, чтобы возстановить Бонифація VIII противъ спиритуаловъ [4]). Повидимому, папа былъ не-

---

[1]) Hol. Bruck. IV p. 480.

[2]) Archiv II, 309 S.

[3]) Potthast 24061.

[4]) См. Tosti: Storia di Bonifacio VIII e di suoi tempi v. I, 202—211. Разсказъ Исторіи 7 гоненій о томъ, какъ конвентуалы-миноритъ осыпали

доволенъ и генеральнымъ министромъ за его излишнюю снисходительность къ сепаратистамъ; онъ предлагалъ ему епископскій санъ, а когда тотъ отказался, заставилъ его снять съ себя и званіе министра [1]).

Между тѣмъ, Либератъ съ товарищами послѣ смерти Целестина перешли на островъ Триксонію въ Коринѳскомъ заливѣ. Конвентуалы тотчасъ же обратились къ епископамъ и баронамъ Греціи съ жалобой на сепаратистовъ. „Они не ѣдятъ мяса, не пьютъ вина, живутъ вдалекѣ отъ людей, отказываются слушать мессу, не вѣрятъ таинствамъ, не почитаютъ папу за истиннаго папу и церковь за истинную церковь". Въ своемъ позднѣйшемъ оправдательномъ письмѣ Кларенъ говоритъ, что ихъ прямо называли манихеями [2]). Легко представить крайнюю опасность, которой угрожали миноритамъ подобныя обвиненія. Епископы поѣхали разслѣдовать ихъ образъ жизни, но эти разслѣдованья кончились для братьевъ благополучно. Конвентуалы же дѣйствовали на папу черезъ кардинала Іоанна де Мурро. „Эти люди—еретики", говорилъ кардиналъ папѣ, „они по всей землѣ проповѣдуютъ и разносятъ извѣстіе, будто вы не есть истинный папа и у церкви нѣтъ истиннаго авторитета". Бонифацій поручилъ тогда константинопольскому патріарху и двумъ греческимъ епископамъ дѣйствовать противъ спиритуаловъ. Іаковъ де Монте, стоявшій во главѣ миссіи къ татарамъ, хотѣлъ взять ихъ съ собой, но никакъ не могъ получить на это разрѣшенія отъ прелатовъ ордена. Положенье изгнанниковъ сдѣлалось невыносимымъ; они рѣшили вернуться въ Италію и попытаться у папы легализировать

грубыми оскорбленіями уже сложившаго съ себя папское достоинство Целестина, не имѣетъ никакихъ признаковъ правдоподобія, и не подтверждается источниками для біографіи Целестина. Можетъ быть, онъ введенъ, чтобы передать вопросъ, поставленный Целестину іерусалимскимъ патріархомъ: что сдѣлалъ ты миноритамъ, что они такъ пылаютъ ненавистью на тебя? Въ своемъ отвѣтѣ Целестинъ мотивируетъ свое рѣшенье отдѣлить общину Либерата отъ ордена.

[1]) См. Chron. 24 Gener. подъ 1296 г.

[2]) Epis. excus. Clareni Arch. I, 527 S. Accusaverunt nos, quod eramus Manichei, quia non comedamus carnes et non dicebamus missam, nec credebamus sacramenta altaris et quod fugiebamus ecclesiam et alia similia.

свое отдѣленье отъ ордена. Первоначально они переѣхали во владѣнія Карла Неаполитанскаго. Эта династія сохраняла традиціонную близость съ францисканцами, и Карлъ II въ особенности былъ извѣстенъ своей симпатіей къ Правилу и его строгому соблюденью. Мы уже упоминали, какъ онъ желалъ, чтобы при его сыновьяхъ былъ Оливи; извѣстна была также его особая близость къ Целестину [1]). Но въ Италіи товарищей Либерата ждали самыя тяжкія разочарованья. Генеральный министръ, какъ только узналъ о ихъ прибытіи, тотчасъ переслалъ королю письма съ отлученьемъ, которое произнесли противъ братьевъ Бонифацій VIII и константинопольскій патріархъ. По странной случайности разслѣдованье надъ товарищами Либерата было поручено доминиканскому инквизитору Ѳомѣ де Адверса, котораго папа Николай IV лишилъ должности за публичное отрицанье стигматъ Франциска. Повидимому, онъ былъ изъ доминиканцевъ, не упускавшихъ случая унизить соперничествующій орденъ. Это обѣщало мало хорошаго для Либерата, но съ другой стороны отъ инквизитора нельзя было ожидать и особой ревности въ исполненіи желаній францисканскихъ прелатовъ. Онъ подвергнулъ Либерата допросу, не нашелъ въ немъ ничего еретическаго и посовѣтовалъ лишь поскорѣе уйти. „Не можетъ языкъ человѣческій высказать“, говорилъ онъ обвиняемому, „какой ненавистью воспылали противъ тебя миноритъ; и если бы я захотѣлъ тебя продать имъ, никогда мясо животнаго не стоило-бы такъ дорого на рынкѣ“. Либератъ послушался его совѣта, покинулъ предѣлы неаполитанскаго королевства; онъ рѣшился идти къ папѣ, но умеръ по дорогѣ въ Винербо [2]).

Его сотоварищи, къ несчастью для себя, повѣрили инквизитору, который убѣдилъ ихъ остаться. Ѳома де Адверса, выказавшій столько гуманности относительно Либерата, является теперь совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ: какъ только

---

[1]) См. у Villani l. VIII c. 5. (у Mur. XIII, p. 347).

[2]) Epistola excusatoria Кларена сообщаетъ, что Либератъ хотѣлъ идти къ папѣ Бенедикту въ Перуджію, но по дорогѣ получилъ извѣстіе о его смерти. По извѣстіи объ избраніи Климента V Либератъ не перемѣнилъ рѣшенья видѣть папу, но по дорогѣ заболѣлъ и умеръ. Archiv I, 530 S.

миноритъ очутились въ его власти, онъ началъ съ чрезвычайной жестокостью вымогать у нихъ признаніе виновности. „Съ этого времени“, говоритъ Исторія 7 гоненій, „онъ былъ скорѣе одержимъ злымъ духомъ, чѣмъ поступалъ по человѣческому смыслу или разуму“. На причину этой перемѣны намекаетъ одно обстоятельство. Инквизиторъ послалъ къ королю вѣстника, извѣщая его, что онъ захватилъ 40 еретиковъ, принадлежащихъ къ сектѣ Дольчино, родомъ изъ Ломбардіи; они пришли для распространенія ереси. При томъ страхѣ, который возбуждали успѣхи Дольчино во всей Италіи, понятна тяжесть этого обвиненія; и если у инквизитора явилось подозрѣнье о связи этихъ спиритуаловъ со страшнымъ ломбардскимъ іересіархомъ, менѣе непонятенъ и внезапный поворотъ къ жестокости. Къ счастью для миноритовъ, имъ не трудно было доказать и то, что они не имѣютъ ничего общаго съ Дольчино, и свое неломбардское происхожденье. Инквизиторъ, однако, не удовольствовался и угрожалъ миноритамъ: „если вы мнѣ не признаетесь, что вы еретики, пусть Богъ покараетъ меня, если я на этомъ мѣстѣ не казню васъ со всяческими мученіями. А если вы сознаетесь, тотчасъ отпущу всѣхъ на свободу, подвергнувъ легкому наказанью“. Ихъ мученья кончились тѣмъ, что ихъ раздѣтыхъ гнали по улицамъ Неаполя и бичевали, затѣмъ изгнали изъ предѣловъ королевства, нашивъ на ихъ одежду кресты—знакъ еретиковъ. Такъ передаетъ намъ дѣло Исторія 7 гоненій, показанья коей мы должны, конечно, принимать со всей осторожностью.

Дальнѣйшую судьбу этой группы мы узнаемъ изъ оправдательнаго письма Кларена [1]). Ставши послѣ смерти Либерата во главѣ общины, онъ явился къ кардиналу Наполеону Орсини, коего нѣкогда папа Целестинъ далъ этой группѣ въ качествѣ покровителя. Такъ какъ обвиненія продолжали сыпаться на него и его товарищей, онъ просилъ произвести разслѣдованіе, и патріархъ Исирандъ вмѣстѣ съ нѣсколькими епископами, доминиканцами и францисканцами, произвели его и очистили отъ обвиненія въ ереси.

---

[1]) Archiv I. 559 S.

Вопросъ былъ теперь въ томъ, будетъ ли допущено ихъ отдѣльное существованіе отъ ордена?

Для характеристики воззрѣній, господствовавшихъ въ этой группѣ спиритуаловъ, лучшимъ матеріаломъ могутъ служить письма Кларена [1]), хотя они относятся къ нѣсколько позднѣйшей эпохѣ, слѣдовавшей за Вьеннскимъ соборомъ. Самъ онъ стоитъ на почвѣ іоахимизма; письма его полны цитатъ изъ подлинныхъ и неподлинныхъ сочиненій Іоахима, хотя онъ и не строитъ такой полной системы на этомъ основаніи, какъ Оливи и Убертинъ Казале.

Повидимому, впервые въ этой группѣ создалось настоящее обоготвореніе Франциска, къ которому Оливи относился съ нѣкоторой недовѣрчивой осторожностью. Скажемъ нѣсколько словъ объ исторіи этого обоготворенія.

Среди партіи ревнителей всегда сохранялся экзальтированный культъ Франциска. Если Правило и Завѣщаніе возводилось въ незыблемыя нормы, если вообще пришествіе Франциска знаменовало наступленіе третьяго царства, то было естественно вывести его изъ обширной толпы святыхъ, почитаемыхъ церковью. И вотъ, начинаетъ все сильнѣе укореняться представленіе о нѣкоей мистической связи, соединявшей его съ Христомъ, которая и проявилась въ стигматахъ. Даже Бонавентура, не сочувствовавшій энтузіастическимъ порывамъ своихъ собратій по ордену, не отказывался видѣть во Францискѣ „апокалиптическаго ангела, сходящаго съ неба и имѣющаго знакъ Бога живаго“ [2]). Въ одномъ анонимномъ перуджинскомъ манускриптѣ, который относится къ началу послѣдней четверти XIII в., мы находимъ то же ученье о Францискѣ, какъ апокалиптическомъ ангелѣ, совсѣмъ развитымъ [3]). „У него было четыре свойства ангела: быстрота,—ибо, услышавъ голосъ Божій, онъ сейчасъ же началъ вести евангельскую жизнь и облекся въ одежду минорита; простота разума (simplicitas mentis) —

---

[1]) Ib. 515 S.

[2]) Prol. ad vitam: hunc dei nuncium amabilem imitabilem nobis et admirabilem mundo servum Dei fuisse Franciscum indubitabili fide colligimus.

[3]) Cod. Peris. E. 26 c., F. 13.

онъ проповѣдовалъ не аргументами, а дѣломъ; смиреніе — онъ хотѣлъ всегда жить лишь для другихъ, не гнушался прокаженными; наконецъ, четвертое и самое высшее свойство—созерцаніе: онъ соединился въ немъ съ Христомъ, и видимымъ знакомъ этого соединенія были стигматы" [1]).

Кларенъ примѣняетъ къ основателю Францисканскаго ордена новозавѣтные тексты о Богѣ, глаголавшемъ въ Сынѣ [2]). Францискъ унизилъ себя въ этомъ мірѣ, а Христосъ возвысилъ его и далъ ему жить въ его истинныхъ ученикахъ. „Во всѣхъ васъ мы видѣли славу его, какъ-бы славу единороднаго Сына Іисуса Христа, полнаго благодати и истины" [3]); въ будущемъ предстоитъ пришествіе Франциска во славѣ со своими учениками. Христосъ избралъ Франциска для возстановленія евангельской жизни; Доминикъ былъ тоже посланъ имъ, но онъ получилъ заповѣдь евангельской бѣдности отъ Франциска [4]). Оба они явились, подобно Іоанну Предтечѣ, приготовить Христу своей проповѣдью и дѣятельностью совершенную паству; и какъ Иродъ бросилъ въ тюрьму Іоанна, а засимъ обезглавилъ, оба ордена подвергались преслѣдованіямъ; можно утѣшаться будущимъ приходомъ Ильи, который силой святой бѣдности окончательно возстановитъ евангельское совершенство.

Рядомъ съ этими фантастическими представленіями мы находимъ у Кларена ясное сознаніе, какъ измѣнился орденъ сравнительно съ первоначальнымъ идеаломъ Франциска, который, предвидя будущее, не любилъ даже этого назва-

---

[1]) По мнѣнію Іейлера, настоятеля францисканской коллегіи Бонавентуры въ Кваракки (близъ Флоренціи), издателя и лучшаго въ настоящее время знатока сочиненій Бонавентуры, этотъ отрывокъ представляетъ не совсѣмъ удачно развитое подражанье проповѣдямъ Бонавентуры.

[2]) Arch. II, 558: Multifarie multisque olim modis Christus locutus nobis in pastoribus, in apostolis, in prophetis, in martiribus, in doctoribus, in sanctis omnibus, novissime locutus est nobis in filio suo seraphico Francisco, quem constituit heredem universorum sequentium.

[3]) Ibid.: In omnibus vobis vidimus gloriam eius, gloriam quasi unigeniti a patre Iesu Christo pleni gratia et veritate.

[4]) Лишь позднѣе въ серединѣ XIV в. мы замѣчаемъ аналогичный культъ Доминика, представленье объ особой близости его къ Христу. См. Acta Sanct., April. III p. 904. Vita S. Catharinae Senensis.

нія [1]). Правило его дано Христомъ, посему прелаты никогда не могутъ предпринимать чего-нибудь противъ этого Правила, и повиноваться ему важнѣе, чѣмъ повиноваться генеральному министру и протектору; вся ихъ власть основана на Правилѣ [2]). Но прелаты не могутъ требовать повиновенія и въ томъ, что противно спасенью души. Этого не можетъ и папа. „Если римскій первосвященникъ своими статутами превращаетъ извѣстное и достовѣрное въ сомнительное, и обозначаетъ ересью то, что церковь и ея правила признаютъ верхомъ совершенства, никто его не судитъ, но онъ самъ себя изобличаетъ и осуждаетъ“ [3]). „Искать небеснаго, желать духовнаго, презирать земное—за все это человѣкъ не подлежитъ осужденью; не существуетъ закона или власти, которые могли бы ему въ этомъ помѣшать. Кто имѣетъ эти блага, кто любитъ и жаждетъ прежде всего имѣть ихъ въ совершенной степени, тотъ имѣетъ все; ему служатъ и папы, и кардиналы, и епископы, и священники, и клерики,—и въ то же время онъ повинуется имъ“ [4]).

Какъ далекъ этотъ идеалъ отъ церковнаго? Не показываетъ ли такое признаніе, что чувства спиритуаловъ шли гораздо дальше, чѣмъ ихъ выраженія, и что церковь была права, не довѣряя ихъ частымъ признаніямъ въ полномъ съ ней согласіи? По словамъ Кларена, папа не запрещалъ соблюдать Правила—ибо не существуетъ власти противъ Христа и Евангелія,—онъ только запрещалъ основывать

---

[1]) Nomen ordinis non amabat, nec voluit, quod sua religio vocaretur ordo minorum, sed vita minorum.

[2]) Et ita non est auctoritas in regula contra regulam, nec in ecclesia contra ecclesiam.

[3]) Si autem summus pontifex vera et certa suis statutis convertat in dubium et hereticum esse definit id, quod ecclesia et doctores et regulae sanctorum docent esse catholicum et perfectionis summum verticem, nemo ipsum indicat, sed ipse se ipsum damnat et condemnat ex his, qui voluntate propria motus ex auctoritate contra sanctorum doctrinam et regulas ab ecclesiae approbatas precipitanter determinat“. I, 560.

[4]) Ibid. Deus coelestes homines Iohannem de Parma, Conradum de Offida, Petrum de Murrone, Petrum I. Olivi clarificare miraculis voluit cum tempus miraculorum non sit, ut obstrueret diffidentium ora.

особый орденъ, принимать новыя одежды. „Возставать противъ Духа Святого, сѣять соблазнъ среди вѣрующихъ и презирать церковный порядокъ—вотъ дѣйствія, осужденныя Христомъ и церковью: какъ несправедливо въ нихъ обвинять вѣрныхъ сыновъ Франциска“. Въ своемъ оправдательномъ письмѣ къ Іоанну XXII Кларенъ подробнѣе перечисляетъ обвиненія, высказанныя противъ его общины. Они, будто-бы, отрицали папскую власть, вообще, и власть Бонифація VIII—въ частности; увѣряли, что церковь давно потеряла свой авторитетъ, который перешелъ на ихъ общину; что только спиритуалы обладаютъ истиннымъ священствомъ, хотя никто ихъ не посвящалъ; что восточная церковь выше и лучше западной. На самомъ дѣлѣ спиритуалы этого не говорили: „я бы не повѣрилъ этимъ словамъ“, прибавляетъ Кларенъ, „если бы услышалъ ихъ отъ апостоловъ или увидѣлъ знаменіе: я всегда признавалъ римскую церковь за единую и истинную“ [1]).

---

[1]) Quod autem auctoritas papalis non esset, et dominus papa Bonifatius non esset papa et quod iamdiu et ecclesiam auctoritas defecisset et in nobis resideret, quamdiu reformaretur ecclesia, et quod nos soli et similem nobis spiritum habentes erant veri sacerdotes et sacerdotes facti auctoritate et ordinatione papali et aliorum episcoporum, non vere ordinati; nec sacerdotes, et quod ecclesia Orientalis esset melior quam Occidentalis, nec angelis, nec apostolis ista mihi cum miraculis asserentibus credidissem. Замѣтимъ, что кромѣ писемъ до насъ дошла небольшая проповѣдь Кларена „super doctrina salutis“; она обращается къ „parvuli Christi“. Опубликована Токко въ Bolletina della societa storica Abruzzense, VII, 1895. Что понимается подъ этимъ именемъ „parvuli“, не совсѣмъ ясно: очевидно,—не миноритъ, такъ какъ проповѣдь обращена къ людямъ, имѣющимъ „мірскія богатства“. Съ другой стороны, фраза: „maxime caveat quicunque est ordinis studiosus“ предполагаетъ какъ-будто, что слушатели принадлежали къ ordo. Наиболѣе вѣроятной гипотезой представляется, что она обращена къ терціаріямъ. Сначала обычные совѣты избѣгать свѣтскихъ знаній, почитать священниковъ, даже грѣшныхъ (83, c), и не принимать всякихъ фантазій и обмановъ чувствъ за внушенія Св. Духа (85, a). Главное же вниманье посвящено вопросу, какъ человѣкъ долженъ пользоваться своимъ имуществомъ. Кларенъ совѣтуетъ тѣмъ, кто, обладая богатствами, не чувствуетъ въ себѣ призванія раздать ихъ, все же не смотрѣть на себя, какъ на собственниковъ, а лишь какъ на управителей, довольствуясь лишь необходимымъ, и въ особенности, никогда не заводить съ другими изъ-за нихъ тяжбъ. (si non est sibi inspiratum a Deo, ut vendat et det pauperibus, teneat ipsas tan-

Далеко не всѣ итальянскіе спиритуалы примкнули къ Либерату и Кларену. Такъ, Конрадъ Оффида съ товарищами, хотя вмѣстѣ съ Либератомъ были у Целестина и просили разрѣшенія отдѣлиться отъ прочихъ братьевъ, однако не послѣдовалъ за ними на Востокъ [1]). Его жизнь, намъ передается, была въ духѣ чистаго аскетизма, нѣтъ слѣдовъ, чтобы онъ какъ-нибудь осуждалъ церковь, хотя и онъ не избѣгъ обычныхъ противъ спиритуаловъ обвиненій въ сепаратизмѣ [2]).

Въ группѣ итальянскихъ миноритовъ, недовѣрчиво относившихся къ правящей церкви и враждебно къ Бонифацію VIII, особое мѣсто занималъ Іакопоне Тоди, котораго нѣсколько трудно причислить въ строгомъ смыслѣ къ спиритуаламъ. Никто, быть можетъ, изъ послѣдователей Франциска не приближался такъ къ нему по своему темпераменту, какъ Іакопоне—мистикъ и поэтъ. Онъ холоденъ къ свѣтской мудрости и теологіи, для него Парижъ убилъ Ассизы, и выше всего цѣнитъ онъ божественный огонь, зажженный въ душѣ человѣка, хотя бы этотъ огонь и казался для людей міра сего безуміемъ. Иногда его мистицизмъ увлекаетъ къ полному поглощенію человѣческаго духа, къ своего рода Нирванѣ [3]), иногда мы слышимъ отъ него тѣ же чувства восторженной любви къ природѣ, которыя одушевляли Laudes creaturum Франциска [4]), иногда онъ рисуетъ страш-

---

quam non possidet vel velut yconomus et dispensator reputans ipsas tanquam non suas). Мысли проповѣди всего ближе подходятъ къ тому, что нѣкогда говорилъ Францискъ; въ ней нѣтъ ничего спеціально характернаго для позднѣйшихъ спиритуаловъ.

[1]) 313 S. Frater Conradus, nescio quo detentus oraculo remansit cum socio et non transfretavit cum eis. Быть можетъ, его удержало письмо Оливи; о близкихъ отношеніяхъ Конрада и Оливи см. ib. 311 S.

[2]) О святости и чудесахъ Конрада въ дополненіи Антона Мелиссанскаго къ Ваддингу, 1292, II—изъ манускрипта Баярда.

[3]) O alta Nichilitade—Nuova Antol. II, v. 21 p. 210.

[4]) Ibid. p. 215, „Quanto è nel mondo m'invita amare...
Bestie ed uccelli e pesci dentro il mare
Cio ch'è sotto all'abisso e sopra all'are
Tutti fan versi davanti ad mio amore.
Voglio invitar tutto il mondo ad amare,

ныя знаменія пришествія антихриста. Подобно Франциску, онъ былъ истиннымъ трубадуромъ евангельской бѣдности. „О возлюбленная бѣдность! великая твоя область: тебѣ принадлежатъ всѣ страны“ [1]). „У бѣдности нѣтъ ложа, нѣтъ закрытаго помѣщенія, нѣтъ плаща; она ѣстъ, сидя на землѣ. Бѣдность презираетъ весь міръ, но бо́льшая, чѣмъ всемірная монархія, она держитъ весь міръ въ своей власти“ [2]).

Іакопоне привѣтствовалъ вступленіе на папскій престолъ Целестина, но боялся, „какъ будетъ править онъ, который лишь созерцалъ въ своей кельи“. Напротивъ, когда онъ говоритъ о Бонифаціи VIII, тяжкіе упреки перемѣшиваются съ ѣдкими насмѣшками.

„О, папа Бонифацій! ты много наслаждался мірской жизнью: думаю, что въ наслажденіяхъ уйдешь изъ нея! Какъ саламандра всегда живетъ въ огнѣ, такъ и для тебя радость—жизнь въ преступленіяхъ“ [3]). Онъ вспоминаетъ о предзнаменованіяхъ, которыя сопровождали вступленіе Бонифація, и съ негодованіемъ говоритъ „о новомъ люциферѣ, который возсѣлъ на папскомъ престолѣ: его богохульный языкъ отравилъ міръ“. „Ты произнесъ хулу на орденъ; плачетъ и скорбитъ церковь; чувствуетъ она, что начинается для нея ужасный вѣкъ“ [4]).

Папа не оставилъ поэта безнаказаннымъ, тѣмъ болѣе, что тотъ находился въ сношеніяхъ съ Колонна; онъ зато-

---

Le valle e i monti e le genti a cantare,
L'abisso e i cieli e tutt'acque del mare
Che faccian versi davanti al mio amore“.

[1]) Ib. 444, Povertade innamorata
Grand'è la tua signoria:
Mia e Francia e Inghilterra
Mia e la terra di Sassogna etc.

[2]) Ib. P. 445.

[3]) Comba, Storia della Riforma in Italia. Torino, 1881, p. 312.

[4]) N. An. p. 457: Lucifero novello
A sedere nel papato
Lengua di blasphemia
Che e' mondo hai vennato...
Ib. 458. Piange la ecclesia piange e dolura,
Sente fortuna di pessiomo stato.

чилъ его въ тюрьму. Тщетно Іакопоне просилъ объ освобожденіи,—его освободилъ не задолго до его смерти лишь Бонифацій XI [1]). Въ XIV в. за нимъ сохранялась слава пророка; въ 1350 г. вышло приписанное ему „пророчество о судьбѣ Италіи и міра до 1369 г.“, очевидно, вышедшее изъ-подъ пера какого-нибудь фратичелла.

Нѣсколько обособленную группу представляли, повидимому, тосканскіе спиритуалы. По Іакову Гвидо, они принимали взгляды Оливи [2]). Замѣтимъ, что въ позднѣйшихъ францисканскихъ источникахъ постоянно видна тенденція выводить всѣхъ спиритуаловъ отъ Оливи. Это несомнѣнная натяжка; личное вліяніе Оливи въ Италіи мало замѣтно. Между тѣмъ, среди итальянскихъ спиритуаловъ мы находимъ Убертина Казале, сочиненія коего не менѣе цѣнны для пониманія этого движенія, чѣмъ сочиненія Оливи, а личная роль въ событіяхъ—гораздо болѣе важная.

О раннихъ годахъ его жизни мы узнаемъ изъ пролога въ Arborvitae crucifixae: тамъ сообщается, что онъ вступилъ въ орденъ въ 1273 г., 24 лѣтъ отъ роду. Послѣ осужденія сочиненій Оливи онъ выступилъ на защиту ихъ [3]). Девять лѣтъ онъ былъ профессоромъ въ Парижѣ; пребываніе тамъ лишило его возможности вести такой строгій образъ жизни, какой онъ считалъ для себя обязательнымъ. Пораженный сновидѣніемъ, въ которомъ Христосъ сурово порицалъ его, онъ вернулся въ Италію, четыре года былъ тамъ лекторомъ и затѣмъ посвятилъ себя всецѣло проповѣди. За его чрезмѣрно прямолинейныя обличенія въ Перуджіи его лишили права проповѣдовать и отправили въ Альвернскій монастырь, гдѣ онъ и оставался, работая надъ своими сочиненіями, пока важныя событія въ куріи, отъ которыхъ зависѣла судьба спиритуаловъ и всего ордена, не вызвали его изъ уединенія. Здѣсь былъ написанъ и

---

[1]) Wadd. 1306, 9.

[2]) Wadd. 1307, 4.

[3]) Wadd. 1297, 36. Въ прологѣ къ Arbor vitae crucifixae Убертинъ называетъ его „magister practicus seraphicae sapientiae, doctor speculantium et Christi vitae defensor praecipuus“.

главный трактатъ его „Arbor vitae crucifixae“, оконченный въ 1305 г. [1]).

Убертинъ Казале во многихъ отношеніяхъ отличался по характеру отъ Оливи; онъ рѣзче его, меньше останавливается передъ открытымъ осужденіемъ церковныхъ формъ. Принимая вмѣстѣ съ нимъ общія посылки іоахимизма, Убертинъ иначе пользуется ихъ выводами: онъ ищетъ бо́льшей опредѣленности, старается пріурочить ихъ и не довольствуется тѣмъ, чтобы понять въ общихъ чертахъ ходъ развитія церкви; въ этомъ отношеніи онъ гораздо болѣе типичный представитель псевдоіоахимовской литературы, чѣмъ Оливи.

Планъ Arbor vitae crucifixae состоитъ въ томъ, чтобы представить символическое значеніе жизни, дѣйствій и свойствъ Христа; благодаря этому, мы находимъ гораздо болѣе свободы въ расположеніи матеріала, чѣмъ въ Постиллѣ Оливи. Особое значеніе здѣсь имѣетъ связь Христа и ордена: въ Arbor vitae заключены уже всѣ элементы, изъ которыхъ Бартоломей Пизанскій составилъ впослѣдствіи знаменитую „книгу подобій“ (Liber conformitatum) Франциска и Христа. Самое отношеніе къ Франциску у Убертина другое, чѣмъ у Оливи; у него чувствуется долгое пребываніе на Альвернской горѣ,—мѣстѣ, на которомъ Францискъ Ассизскій, согласно легендѣ, получилъ стигматы, и которое поэтому можно называть родиной его культа. Онъ пользуется устной традиціей, сохранившейся здѣсь, онъ видѣлъ людей, которые помнили первыя времена францисканской общины. Въ изображеніи Оливи Францискъ теряетъ свои индивидуальныя черты; для него онъ или „ангелъ седьмой печати“ или составитель Правила. Для Убертина апостольская миссія Франциска не закрываетъ его личности и характера.

И Убертинъ принимаетъ іоахимовскую идею трехъ фазисовъ: „церкви надлежитъ отъ низшаго черезъ среднее пе-

---

[1]) Повидимому, среди спиритуаловъ, болѣе, чѣмъ Arbor vitae, распространенъ былъ небольшой трактатъ Убертина „De 7 statibus ecclesiae“, представляющій отрывки изъ V книги Arbor vitae; въ него вошли главы 1, 2, 9, 10, 11, 12—цѣликомъ и части изъ 7 и 8.

рейти къ высшему“ [1]). Рядомъ съ этимъ онъ принимаетъ семь эпохъ въ церкви послѣ Христа—одинаково съ Оливи; подобно ему, онъ изображаетъ потерю духовнаго совершенства и упадокъ церкви, которые сдѣлали необходимымъ обновленіе ея Францискомъ и Доминикомъ. Нельзя сказать, чтобы Убертинъ такъ же безусловно осуждалъ матеріальныя богатства церкви, какъ Арнольдъ Брешійскій и вальденцы. Церковныя имущества даны были по волѣ Провидѣнія, и ими свидѣтельствовалось, что Христосъ въ Новомъ Завѣтѣ не осуждаетъ безусловно жизнь въ богатствѣ, хотя самъ жилъ въ бѣдности и смиреніи и показалъ ихъ высоту: Онъ захотѣлъ возвысить церковь въ почестяхъ и дать ей временныя блага [2]). Имѣло извѣстное значеніе облечь внѣшнимъ блескомъ и римскаго первосвященника, дабы возвысить его въ глазахъ народа. Богатые на примѣрѣ церкви должны были научиться употреблять свои богатства не на мірскую пышность, а на нужды бѣдныхъ, и оставаться воздержанными среди окружающаго ихъ изобилія [3]). Наконецъ, эти богатства должны были, такъ сказать, по противоположности, возвысить въ глазахъ вѣрующихъ жизнь Христа въ бѣдности и смиреніи. Но церковь злоупотребила богатствами и, благодаря этому, не могла понимать и признавать бѣдность Христа. Это вызвало ересь манихеевъ [4]), которые въ осужденіи излишествъ дошли до отрицанія всего матеріальнаго.

Особый упадокъ церковь переживала въ концѣ пятой эпохи, когда духъ ея всецѣло былъ плѣненъ вавилонской

---

[1]) V, I Decuit, quod ecclesia ab infimis ad supremos ascenderet per grados intermedios.

[2]) Ibid: Deus non reprobat in novo testamento statum divitum, licet ipse in paupertate et in humilitate vixerit in hac vita... propter quod et ad formarum variarum statum in ecclesia voluit ipsam ecclesiam in hominibus extollere et in temporalibus claudere.

[3]) V, 2: ut discerent divites in exemplo praelatorum ecclesiae divitias non in pompis huius mundi expendere, nec de eis in nutrimento suorum corporum lascivire, sed ad modum renunculi domino oblati in veteri testamento, in medio pinguendi temporalium maciem abstinentiae conservare et pauperibus indigentiam elargiri.

[4]) У Убертина, какъ и другихъ авторовъ XIII и XIV вѣка, этимъ именемъ обозначаются и альбигойцы.

блудницей. Францискъ и Доминикъ, вступивши въ борьбу, открыли собой начало шестой эпохи [1]). „Хотя мы особенно пріурочиваемъ пророчества о шестой эпохѣ къ Франциску и его ордену, такъ какъ въ нихъ болѣе открывается возобновленіе жизни Христа; однако этимъ не преграждается возможность приложить пророчества объ ангелѣ и многія другія къ Доминику, мужу ангельскаго достоинства, и его ордену, сообразно съ тѣмъ, насколько онъ приблизился къ евангельской жизни". Они явились, какъ новые Илья и Энохъ [2]): Францискъ, какъ серафимъ, воспламененный небеснымъ огнемъ, который, казалось, сожигалъ весь міръ; Доминикъ, какъ херувимъ, вооруженный свѣтомъ знанія и словомъ проповѣди, озарялъ лучами ихъ погруженную во мракъ землю.

Францискъ завершилъ зданіе церкви, воздвигнутое апостолами, въ которомъ краеугольный камень вложенъ самимъ Христомъ; онъ возобновилъ евангельскую жизнь. Убертинъ живо изображаетъ, какъ „книжники и первосвященники" въ куріи, куда Францискъ пришелъ просить утвержденія Правила, были непріятно поражены его словами. „Что это за новое ученіе, которое приноситъ онъ намъ? кто можетъ жить безъ мірскихъ владѣній? Неужели ты лучше нашихъ отцовъ, которые дали намъ богатства и владѣли церквами, полными богатствъ?" Францискъ хотѣлъ сохранить своихъ учениковъ въ чистотѣ; поэтому онъ не бралъ привилегій отъ папъ, избѣгалъ свѣтскаго знанія, просилъ не возводить меньшихъ братьевъ въ церковныя достоинства; онъ зналъ, что до тѣхъ поръ, пока шестая эпоха не придетъ во всей славѣ (usque ad clarificationem sexti status), не полезно давать пастырскую власть носителямъ духа бѣдности. Отсюда мы видимъ, что Убертинъ предполагалъ въ послѣднемъ періодѣ передачу имъ этой власти.

Францискъ уже предвидѣлъ упадокъ ордена; церковь и

---

[1]) Первенствующее мѣсто во всемъ трактатѣ, естественно, занимаетъ Францискъ.

[2]) Сравненіе это было весьма распространенное и за предѣлами партіи спиритуаловъ. Мы найдемъ его въ стихотворномъ діалогѣ „Dispulatio mundi et religiosi", относящемся къ самому концу XIII вѣка. См. въ Bibliothèque de l'école des Chartes за 1884 г.

люди такъ погрязли въ матеріальномъ, что соблюденіе Правила казалось слишкомъ труднымъ. Передъ глазами былъ и примѣръ другихъ орденовъ, у которыхъ строгость первоначальнаго правила давно пришла въ забвеніе; папы начали облегчать жизнь меньшихъ братьевъ. „Они думали, что дѣйствуютъ по образу божественнаго милосердія и благодѣтельной предусмотрительности, истолковывали Правила согласно съ желаніемъ братьевъ, давали имъ привилегіи—и всѣмъ этимъ считали, что служатъ Богу; не знали они божественной тайны, и казалось имъ полезнымъ для церкви расширить тѣсныя рамки первоначальнаго суроваго образа жизни“ [1]). Послѣднее истолкованіе Правила дано было Николаемъ III; онъ хотѣлъ не реформировать жизнь братьевъ, а приспособить къ ихъ жизни Правило. „Такъ къ тѣлу ордена былъ привязанъ жерновый камень, и самъ орденъ какъ-бы погрузился съ нимъ въ море“ [2]). Самая задача—примирить Правило и образъ жизни братьевъ была совершенно неисполнима: такого чуда не могъ бы совершить и Богъ. „Всякій человѣкъ въ здравомъ умѣ, знающій грамматику, если онъ посмотритъ на жизнь братьевъ и прочтетъ Правило, открыто признаетъ, что здѣсь лежитъ такая-же противоположность, какъ между бытіемъ и не-бытіемъ“ [3]). Словомъ, всѣ комментаріи къ Правилу только поощряли его несоблюденіе и нарушеніе.

Совершенно подобный же смыслъ имѣетъ отмѣна Завѣщанія (sanctissimum testamentum, какъ его называетъ Убертинъ). „Скажутъ, папа могъ диспенсировать, и онъ объявилъ, что мы не связаны Завѣщаніемъ. Я не скажу, что

---

[1]) V, 3. summi pontifices... prompti et liberales ad spiritualem rigorem regulae inflectendum, ad exponendam regulam secundum appetitum fratrum et concedendum privillegia in hoc crediderunt Deo servire, qui Dei ignorarent arcanum et videbatur iis salubriter providisse ecclesiae, si istum ordinem secundum talem considerationem ad amplam capiendam multitudinem in quadam latitudine vivendi respectu constitutionis confoverunt.

[2]) Ac si lapis moloris fuisset aspensus ad ventrem ordinis. Sic postea omnibus relaxationibus quasi in mare profundum praecipite se immersit.

[3]) Ib. Omnis homo, qui habet claram intelligentiam et sciat grammaticam, si palpaverit vitam et legerit Regulam, cognoscet, quod sicut ens et non-ens haec duae contradictoria opponuntur.

по строгому праву человѣческому меня связываетъ Завѣшаніе, развѣ только въ томъ, что входитъ и въ Правило [1]). И хотя-бы папа могъ сдѣлать изъ монаха не монаха, онъ никогда не сможетъ сдѣлать, чтобы давшій орденскій обѣтъ соблюдалъ Правило и въ то же время сохранялъ собственность".

Нельзя не сказать, что въ общемъ здѣсь вѣрно отмѣчены главныя черты папской политики, вызванныя желаніемъ инкорпорировать орденъ въ общую систему церковныхъ учрежденій. Но это и было величайшимъ несчастіемъ съ точки зрѣнія спиритуаловъ. Если орденъ даетъ образъ жизни наиболѣе высокій, наиболѣе близкій къ евангельскому идеалу, то онъ долженъ быть не средствомъ, не орудіемъ, а цѣлью.

Дальнѣйшая исторія ордена представляетъ для Убертина двѣ стороны: непрерывный упадокъ большинства и героическую вѣрность меньшинства. „Такимъ же образомъ пришелъ къ разрушенію орденъ доминиканцевъ, отступивъ отъ первоначальнаго совершенства, въ коемъ его основалъ Доминикъ". Теперь оба ордена стараются другъ передъ другомъ пріобрѣсти побольше привилегій, стараются найти друзей между монархами и кардиналами, набрать и увеличить богатства. Особенно содѣйствовали упадку братья, которые становились епископами и кардиналами: они влекли за собой весь орденъ, и ничего не сдѣлали для церкви [2]). И здѣсь Убертинъ идетъ дальше Оливи; послѣдній принципіально не высказывается противъ возведенія братьевъ въ епископское достоинство, но только требуетъ, чтобы эти епископы продолжали соблюдать Правило.

Самые завѣты Франциска тщательно скрывались; особенно Бонавентура старался уничтожить все, что бросало неблагопріятную тѣнь на братьевъ; такъ, онъ скрылъ видѣнье брата Мазея о Люциферѣ, а также рукопись брата Льва, которую этотъ послѣдній отдалъ на сохраненье въ мона-

---

[1]) V, 5.

[2]) V, 3 quantum fructum fecerint assumpti ad status ecclesiasticos de hoc ordine et de aliis ordinibus paupertatis, narrant hi, qui sentiant; dicant de eorum excessibus conturbati.

стырь Св. Клары [1]). Истинный духъ Франциска сохранился лишь въ той небольшой группѣ, которая терпѣла преслѣдованья церкви и большинства; она пострадала также отъ хитрости дьявола, перемѣшавшаго истинныхъ братьевъ съ еретиками [2]). „И вотъ, книжники и фарисеи, увѣряя, что защищаютъ законъ и славу Божію, пригвоздили ко кресту Сына Божія. Подобнымъ же образомъ ихъ преемники въ церкви говорятъ, что заступаютъ мѣсто Христа, и учатъ евангельской истинѣ, а сами истинную сущность Евангелія и совершенство Христа распинаютъ преступными нарушеніями Евангелія и жестокими осужденіями.“ Всѣ они нападаютъ на бѣдность, говорятъ, что usus pauper не входитъ въ евангельскій обѣтъ; сами прелаты ордена заставляютъ нарушать бѣдность.

Спеціальная защита евангельской бѣдности, отвѣты на возраженія противниковъ едва ли прибавляютъ къ тому, что мы знаемъ изъ Оливи и другихъ. Общая собственность апостоловъ принадлежала не имъ, а христіанской общинѣ. Болѣе характерно здѣсь символическое истолкованье, которое Убертинъ даетъ разсказу о пребываньи отрока Іисуса въ храмѣ. Церковь должна бояться, что она, ведомая своими прелатами и учителями, утратила Христа, который остался съ бѣдными и простыми; она не должна искать Его среди роскоши, въ кругу своихъ прелатовъ; ибо „до сихъ поръ Христосъ остается не найденнымъ, и его ищутъ не тамъ, гдѣ онъ есть [3])“. И если бы церковь не убивала евангельской жизни и ея служителей, она сама не упала бы до такой степени. Но сыны Франциска, скрытые во чревѣ церкви, плодъ ея союза съ Христомъ, будутъ законными преемниками ея прелатовъ; имъ дана власть проповѣдовать народамъ, постигать Писанье и поражать Сатану,

---

[1]) V, 5. Quae fr. Bonaventura omisit et noluit in legenda publica scribere, maxime quia aliqua erant ibi, in quibus etiam ex tunc deviatio regulae publice monstrabatur, et nolebat fratres ante tempus extraneis infamare... Claret etiam, quod multo melius fuisset, ea scribere.

[2]) Срав. оправданья Кларена—Arch. I, 527.

[3]) II, 7: in his igitur usque hodie remanet Christus perditus et non quaeritur, nisi ubi non est.

и они не будутъ чуждаться ежедневнаго общенія съ плотскими христіанами, дабы спасти ихъ [1]).

Вся церковь уже ополчилась на нихъ, но особенно жестокія преслѣдованья претерпѣли они отъ папъ. Здѣсь Убертинъ далеко расходится съ Оливи. Мы уже видѣли, какъ судитъ онъ о папскихъ декларацiяхъ. Исключеньемъ среди этихъ папъ-гонителей является лишь Целестинъ, который возстановилъ истинный духъ Франциска и вернулъ силу его Завѣщанію [2]). Отреченье Целестина не только было неправильно по существу, но и совершилось путемъ обмана (modo fraudulendo et fallaci). Преемникъ его, вступившій на папскій престолъ не по каноническимъ уставамъ, былъ не иной кто, какъ мистическій антихристъ, представленный въ Апокалипсисѣ. Убертинъ старается примѣнить къ нему всѣ черты апокалиптическаго разсказа. Онъ вышелъ изъ моря, т. е. изъ свѣтскаго клира, гдѣ ходятъ волны гордости, подымается пѣна роскоши и т. п. Голова звѣря получила смертельную рану—здѣсь разумѣется ударъ, нанесенный ему двумя кардиналами Колонна, которые были орудіемъ Божіимъ; хотя, избирая Бонифація, эти кардиналы согрѣшили, они послѣ публично заявили, что онъ избранъ незаконно, и всѣ старанья папы смутить ихъ угрозами, склонить милостями были тщетны. Три звѣриныхъ знака—это, вопервыхъ, перенесенье всей церковной власти въ коллегію кардиналовъ, во вторыхъ, мірская мудрость, противорѣчить коей считается ересью и глупостью, и въ третьихъ, софистическая аргументація, согласно которой папа можетъ все приказывать и опредѣлять по своей волѣ. Люди, не получившіе знака звѣринаго, не могутъ ничего покупать или продавать, т. е. не могутъ получать церковныхъ достоинствъ и бенефицій, если не склонятся передъ папой-антихристомъ. „Мы и видимъ, какъ буквально сбы-

[1]) IV. 7.

[2]) V, 8: Sic impossibile est, quin illa littera et privillegium evangelicae regulae et S. Testamenti, quam bullavit bonae memoriae Coelestinus non venient ad talem exaltationem spiritus I. Christi per totum mundum. Послѣднее замѣчанье о Завѣщаніи можетъ относиться лишь къ общинѣ Либерата, которой папа разрѣшилъ соблюдать его; нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы онъ сдѣлалъ Завѣщанье обязательнымъ для всего ордена.

лось пророчество, и какъ всѣ прелаты куріи со знакомъ звѣря были посланы этимъ звѣремъ по міру и клеймили народъ его печатью". Богохульство антихриста состояло въ преслѣдованьи истинныхъ сыновъ Франциска. Вообще, жизнь его была полна преступленій и ересей, а въ жалкой его смерти совершился надъ нимъ судъ [1]). Убертинъ разсказываетъ, что одинъ изъ спиритуаловъ, ходившихъ на Востокъ, передавалъ ему слѣдующее соображенье: если написать греческими буквами имя Бенедикта—такъ звали Бонифація VIII до его вступленья на папскій престолъ—и сложить числовыя значенія этихъ буквъ, то получится звѣриное число 666. Когда спиритуалы это открыли, все для нихъ стало понятно, и они говорили, что папѣ слѣдовало бы сжечь Апокалипсисъ.

Его преемникъ, Бенедиктъ XI, вышедшій изъ Доминиканскаго ордена, былъ также антихристъ (bestia de religiosis). Новый папа былъ даже хуже предшественника своимъ лицемѣріемъ [2]). Прежняя жизнь Бонифація была такова, что отъ него ничего и не ждали; Бенедиктъ же своей лицемѣрной, мнимо-святой жизнью вводилъ всѣхъ въ обманъ; такъ было предсказано и кардиналомъ Колонна, что за Бонифаціемъ послѣдуетъ еще худшій папа. Бенедиктъ, такъ же какъ и Бонифацій, запятналъ себя осужденіями праведныхъ и истинно вѣрующихъ людей. Въ нихъ обоихъ исполнилось пророчество о мистическомъ антихристѣ.

Эти бѣдствія преходящи, и, подобно другимъ произведеніямъ апокалиптической литературы, Arbor vitae crucifixae раскрываетъ окончательное торжество духовнаго начала и второе, мистическое пришествіе Христа, которое будетъ раньше послѣдняго, третьяго пришествія и подготовитъ людей къ нему [3]).

Замѣчательно, что, составляя свой трактатъ, Убертинъ отнюдь не думалъ порывать съ церковью. „Если въ скоромъ

---

[1]) V, 8: dum fuit vilissime captivatus in gladio multae vilitatis et fugae et persecutionis est mortuus.

[2]) Ib.: licet istius ultimae bestiae pro tanto sit peior, pro quanto maioris hypocriseos pallio veri similitudinem praetendebat.

[3]) V, 8.

времени призывъ сладчайшаго Іисуса отзоветъ меня изъ этой жизни, если римская церковь, коей Святой Духъ далъ учительную власть во всемъ мірѣ, когда она избавится отъ ужаснаго звѣря, найдетъ что-нибудь ложное въ этомъ трактатѣ, умоляю ее исправить. Ей одной и ея сужденію я подчиняюсь свободно и всецѣло—римской церкви, въ вѣрѣ коей обѣщаюсь жить, и предоставляю ей изслѣдовать и исправлять все, содержащееся здѣсь" [1]). Не забудемъ, что трактатъ составленъ при жизни Бенедикта XI, папы-антихриста, худшаго, чѣмъ былъ Бонафацій VIII; не забудемъ, что онъ содержитъ осужденіе всей папской политики относительно ордена и съ удовлетвореніемъ останавливается лишь на личности Целестина; что въ глазахъ Убертина сохраненіе идеальной нормы жизни, данной Францискомъ, было высшей цѣлью, не могущей обращаться въ средство, и мы легко поймемъ, какой шагъ впередъ сдѣланъ былъ итальянскими спиритуалами сравнительно съ Оливи, и какъ трудно было примиреніе. Аскетическая ресигнація начинаетъ смѣняться боевымъ аскетизмомъ, родственнымъ тому, на почвѣ котораго вышедшіе изъ клюнійской школы боролись за освобожденіе церкви отъ феодальныхъ узъ [2]).

Въ моментъ вступленія Климента V на папскій престолъ единство ордена было глубоко подорвано. Правда, спиритуалы составляли меньшинство, но въ ихъ рядахъ были наиболѣе выдающіеся представители ордена. Они шли на разрывъ

---

[1]) V, 18.

[2]) Въ хроникѣ Іордана Murat. Antiquitates Italicae, IV p. 1021, сохраняется извѣстіе объ осужденіи Бонифаціемъ VIII еретиковъ, фратичелловъ или бизоховъ, которые бѣжали изъ Рима въ Сицилію. Фратичеллы появились въ Сициліи значительно позднѣе; папская булла 3 мая 1297 г. (Rayn. 1297, 55) не говоритъ ничего о нихъ, а неопредѣленно выражается о еретикахъ въ Абруццо и Анконской провинціи, не называетъ имени „fraticelli". Неопредѣленность выраженій буллы указываетъ, что самъ папа зналъ лишь о броженьи въ орденѣ, но былъ мало о немъ освѣдомленъ. Вполнѣ невѣроятно и ничѣмъ не подтверждается извѣстіе того же хроникера объ избраньи въ Римѣ еретиками въ антипапы провансальскаго минорита Матвѣя Бодицейскаго, который будто-бы принесъ въ Римъ сочиненія Оливи и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Убертиномъ и Клареномъ.

съ большинствомъ во имя вѣрности завѣтамъ Франциска,— кто могъ ручаться, что они не пойдутъ и на разрывъ со всей церковью? Положеніе тѣмъ болѣе тревожное, что церковь въ это время могла воочію убѣдиться, какъ легко религіозное броженіе, окрашенное іоахимистическими тенденціями, переходитъ въ революціонное.

Мы говорили уже объ „апостольскихъ братьяхъ" XIII вѣка въ Италіи, съ ихъ страннымъ вождемъ, Герардомъ Сегалелли, возбуждавшимъ въ Салимбене такое негодованіе, смѣшанное съ презрѣніемъ. Повидимому, эта секта не доставляла церкви особыхъ хлопотъ до появленія Дольчино [1]). Это одинъ изъ вѣчно повторяющихся въ исторіи религій типовъ, объясненія котораго мы должны всего больше ждать отъ психіатріи. Часто кроткій и миролюбивый въ началѣ, онъ, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ безпощаднаго преслѣдованія, настоящей травли, самъ превращается въ яростнаго отрицателя церковнаго и общественнаго порядка, въ представителяхъ котораго онъ видитъ лишь своихъ палачей. Тогда напрасно искать у него терпимости или жалости, и все же въ актахъ его безумной жестокости меньше заглушены человѣческіе инстинкты, чѣмъ въ хладнокровіи доминиканскаго инквизитора, посылающаго свои жертвы на костеръ. Воображеніе такихъ людей страшно импульсивно; всякій образъ переходитъ въ дѣйствіе; и среди этой фантасмагоріи образовъ для человѣка все ярче и ярче выступаютъ его собственные аттрибуты царя и пророка, посланнаго свыше на горе беззаконнымъ и жестокимъ гонителямъ, на спасеніе вѣрнымъ. Это отрицаніе реальной исторической среды, такъ сказать, когда оно переходитъ въ дѣйствіе, обычно является страшнымъ источникомъ разрушительной энергіи, какъ это мы видимъ въ исторіи нѣмецкихъ анабаптистовъ. Изо всѣхъ средневѣковыхъ еретиковъ Дольчино вмѣстѣ съ Танхельмомъ, о которыхъ мы слишкомъ мало

---

[1]) Источникомъ здѣсь служитъ анонимная хроника—Historia fratris Dulcini Heresiarchae Mur. IX p. 427, написанная современникомъ событій. Срав. Tocco Gli apostolici e fra Dolcino—въ Archivo Storico Italiano Serie V, t. XIX. 1897; Comba I nostri protestanti (Firenze, 1895); Гаусратъ. Средневѣковые реформаторы II. с. 275—318.

знаемъ, съ наибольшимъ правомъ должны быть названы ихъ предшественниками.

Сначала Дольчино проповѣдовалъ въ Ломбардіи, но, стѣсненный бдительностью инквизиціи, онъ собралъ вокругъ себя апостольскихъ братьевъ, оставшихся безъ руководителя послѣ Сегалелли, и удалился съ ними въ альпійскія высоты Верчелльской епископіи. Это было настоящее разбойничье гнѣздо, наводившее страхъ на всю округу. „Дольчино признавалъ", говоритъ авторъ анонимной хроники, „что самъ онъ и его послѣдователи могутъ, не совершая грѣха, обезглавливать, вѣшать и мучить тѣхъ, кто принадлежитъ къ римской церкви". Онъ училъ, что лишь въ общинѣ апостольскихъ братьевъ сохранилась истинная духовная благодать [1]) и истинная власть, и всякія папскія буллы противъ нея безсильны. Епископъ долженъ оставить свою епископію, монахъ—свой орденъ, мужъ—жену и обратно, чтобы слѣдовать за ними. Апостольскимъ братьямъ запрещается клятва: впрочемъ, если нѣтъ другого средства спасти жизнь, то позволяется давать ложную клятву, которая въ этомъ случаѣ не связываетъ.

И Дольчино стоитъ на почвѣ іоахимистской философіи исторіи. Ея идеи носились въ воздухѣ Италіи: онъ заимствовалъ ихъ и съ обычной для него неустрашимостью лишилъ нищенствующіе ордена ихъ великой миссіи и оставилъ эту миссію удѣломъ своей общины. Культъ Франциска замѣненъ культомъ Сегалелли и его собственнымъ. Эта философія исторіи развивается Дольчино въ его посланіяхъ къ вѣрующимъ.

Церковь проходитъ черезъ четыре стадіи: первая ветхозавѣтная; вторая открывается Христомъ, и его послѣдователи пребываютъ въ смиреніи, бѣдности, чистотѣ и цѣломудріи; въ третьемъ, начавшемся съ Сильвестра, благодать стала ослабѣвать въ людяхъ: церковь, получивъ мірскія богатства, предалась властолюбію, захотѣла править народами. Францискъ и Доминикъ дали ей образцы лучшей

---

[1]) Murat. IX Ibid. P. 435 item quod status suus et sequacium eius erat perfectior et sanctior omni alio statu, qui esset in ecclesia, quia patiebatur persecutionem.

жизни, но ихъ преемники погрязли въ порокахъ. Четвертая открывается Герардомъ Сегалелли: онъ произвелъ истинную реформу въ церкви, давъ людямъ образцы апостольской жизни, чего не могли сдѣлать ни Францискъ, ни Доминикъ. Церковь его умертвила, но въ лицѣ Дольчино Богъ послалъ человѣка, который доставитъ апостольскимъ братьямъ торжество и господство, пребывающее до конца міра [1]). Римская церковь стала блудницей, которую возвѣстилъ Апокалипсисъ. Съ Сильвестра папы потеряли власть; единственнымъ достойнымъ преемникомъ Св. Петра былъ Целестинъ V; между тѣмъ лишь рѣшенія того папы имѣютъ силу, который святъ, какъ апостолъ Петръ. Современное духовенство и монашескіе ордена существуютъ ко вреду для истинной вѣры; имъ не слѣдуетъ повиноваться и въ особенности платить десятины. Изъ всѣхъ орденовъ всего больше Дольчино нападалъ на доминиканцевъ и францисканцевъ; вообще, не считая монашество высшей формой жизни, онъ училъ, что праведная жизнь безъ обѣта выше. Весь церковный обиходъ въ его глазахъ потерялъ смыслъ: сами церкви имѣютъ не болѣе въ себѣ святости, чѣмъ конюшни; молиться же можно и въ рощахъ, и всюду; нѣтъ надобности для этого собираться въ особыя зданія. Орудіе Божескаго суда надъ церковью Дольчино видѣлъ во Фридрихѣ Арагонскомъ, наслѣдникѣ притязаній Гогенштауфеновъ, врагѣ Бонифація VIII, занимавшемъ видное мѣсто въ предсказаніяхъ того времени. Онъ войдетъ въ 1305 г. въ Римъ, сдѣлается императоромъ, дастъ Италіи 9 королей, умертвитъ папу и поставитъ новаго, святого,—можетъ-быть, самого Дольчино, на котораго снизойдетъ Духъ Святой [2]).

---

[1]) Ibid. p. 452.

[2]) Въ 15 и 16 additamenta къ Historia Dulciuae (p. 457) передавались такія обвиненія: item quilibet homo et quaelibet mulier nudi simul possunt licite iacere in uno et eodem lecto et licite tangere mutuo unus alterum in omni parte sic et osculo se invicem sine omni peccato; et coniungere ventrem suum cum ventre mulieris, si quis stimuletur carnaliter, ut esset tentatio non est peccatum... Item quod iacere cum muliere non commisceri ex carnalitate maius est, quam resuscitare mortuum. Это обвиненіе повторялось противъ позднѣйшихъ фратичелловъ и братьевъ свободнаго духа. По Practica Inquisitionis Бернарда, Гвидо, лишь посвященнымъ

Три года всѣ попытки овладѣть этимъ гнѣздомъ были безуспѣшны, и только въ 1307 г. оно было взято и кровавая расправа уничтожила еретическую общину, къ великой радости автора Исторіи Дольчино, по словамъ коего „со дней Адама не было въ мірѣ столь гнусной, ужасной и отвратительной секты [1])". Самая ересь, однако, не погибла съ Дольчино [2]).

Нельзя не сказать, что въ ученіи этой секты мы находимъ многое, что напоминаетъ намъ спиритуаловъ: отношеніе къ церкви, ея богатствамъ, превосходство апостольской жизни, даже особыя симпатіи къ Целестину, наконецъ, представленіе о предстоящемъ судѣ и мистическомъ антихристѣ. Конечно, различій было не меньше, спиритуалы никогда не доходили въ осужденіи церкви до такихъ крайностей; признавая высшей формой жизнь свою, они не отрицали относительнаго достоинства и за другими; наконецъ— и это самое существенное—они никогда не призывали къ насильственной борьбѣ съ плотской церковью, къ предваренію дѣла Божія [3]). Исторія 7 гоненій передаетъ намъ даже извѣстіе, что Убертинъ успѣшно боролся проповѣдью съ апостольскими братьями [4]); но мы здѣсь ясно видимъ, какъ религіозно-революціонное броженіе въ Италіи опиралось на іоахимизмъ, который съ такимъ усердіемъ продолжали культивировать спиритуалы.

Климентъ V сознавалъ необходимость возстановить внутреннее единство ордена, но онъ желалъ его достигнуть, не принося въ жертву меньшинство большинству, а путемъ

открывалось это своеобразное ученье (p. 338: praedictos tamen articulos non revelant indifferenter omnibus, sed inter se et magis adhaerentibus). Есть ли это извращенный аскетизмъ или либертинажъ?

[1]) Postquam fuit formatus Adam, nulla secta fuit in mundo tam execrabilis, tam abominabilis, tam horrenda.

[2]) Cp. Mur. III, Vita Clementis V. p. 674.

[3]) См. слова Убертина, Archiv für L. K. G. III, 170: debet ergo status suam paupertatem primariam a beato Francisco institutam indeclinabiter tenere et dimittere alia membra ecclesiae secundum eorum exigentiam divitiis abundare.

[4]) Arch. II p. 131. По словамъ Исторіи 7 гоненій Дольчино vexatus et detentatus a Diabolo, veneno infectus.

примиренія и соглашенія. Вопросъ былъ только въ томъ: можно ли было здѣсь достигнуть примиренія, или это было такъ же трудно, выражаясь словами Убертина, какъ примирить бытіе и небытіе?

Для Климента V была и внѣшняя причина, заставлявшая его заняться умиротвореніемъ ордена. Неаполитанскій король Карлъ II, какъ мы уже говорили, подъ вліяніемъ своего врача, Райнольдо де Вилланова, рѣшился заступиться за гонимыхъ и написалъ въ этомъ духѣ письмо сначала провинціальному министру, а потомъ папѣ [1]). Извѣстно, какъ важно было для папы содѣйствіе неаполитанскихъ королей, вѣрныхъ дѣлу гвельфовъ, враговъ аррагонской династіи въ Сициліи, особенно, когда Генрихъ VII угрожалъ возстановить авторитетъ имперіи въ Италіи.

14 апрѣля 1310 г. Климентъ V издалъ буллу ко всему ордену. Онъ указывалъ на непрекращающіеся споры о соблюденіи бѣдности, на слухи, судя по которымъ многое въ орденѣ нуждается въ исправленіи. Поэтому папа рѣшается позаботиться о возстановленіи единства и вызываетъ къ себѣ на совѣщаніе Гундислава, генеральнаго министра ордена, а также Раймунда Готфрида, бывшаго генеральнаго министра, Раймунда Джиніако, Вильгельма де Корнеліоне, Убертино Казале, Бартоломея Сиккарда, Вильгельма Агантикскаго, Петра де Корнеліоне, Петра Малодикейскаго и нѣкоторыхъ изъ не-миноритовъ. Повидимому, всѣ эти миноритъ или принадлежали къ спиритуаламъ, или, по крайней мѣрѣ, подобно Раймунду Готфриду, осуждали нетерпимость конвентуаловъ. Чтобы гарантировать свободу мнѣній, папа освободилъ этихъ миноритовъ отъ всякаго повиновенія и юрисдикціи прелатовъ ордена на все время совѣщаній. Вообще, папа выражалъ желаніе, чтобы братья за свой образъ мыслей относительно бѣдности и исполненія Правила не получали бо́льшей свободы, но и не подвергались бы болѣе строгому обращенію, чѣмъ прочіе. Въ случаѣ проступка братья, думающіе какъ Убертинъ, могутъ подлежать исправленію по уставамъ ордена,—опять не болѣе строгому, чѣмъ

---

[1]) О Райнальдѣ де Вилланова Lea, History of the Inquisition III 52—58.

обычно; на будущее же время противъ вызванныхъ къ папѣ нельзя постановлять никакого приговора, не передавъ дѣло на разсмотрѣніе куріи и ея уполномоченныхъ [1]). Характерны здѣсь предосторожности, принятыя Климентомъ, чтобы обезпечить вызванныхъ въ курію и ихъ сторонниковъ отъ партійнаго преслѣдованія; онѣ проливаютъ яркій свѣтъ на то, какъ глубоко проникъ расколъ и партійная ненависть въ орденъ.

Рѣшеніе папы было встрѣчено конвентуалами почти съ такимъ же негодованіемъ, какъ позволеніе, данное Целестиномъ группѣ Либерата: они считали, что такой иммунитетъ нарушаетъ права прелатовъ ордена, многократно подтвержденныя самими папами [2]).

Съ момента созыва этой коммиссіи и вплоть до изданія на Вьеннскомъ соборѣ декларацiи „Exivi de paradiso", идетъ ожесточенная литературная полемика между получившими наконецъ свободу высказываться спиритуалами и ихъ противниками,—борьба, давшая воможность Убертину примѣнить въ дѣло и свой литературный талантъ и схоластическую тренировку. Наиболѣе даровитыми изъ противниковъ Убертина были Бонаграція Бергамскій и Раймундъ, генеральный прокураторъ ордена; за нихъ же стояли провинціальные министры [3]).

Первые споры касались Оливи: спиритуалы оказывали ему культъ, какъ святому, и поэтому всякое осужденіе его ученія падало и на нихъ. 1 марта 1311 г. было представлено обвиненіе противъ спиритуаловъ отъ имени Раймунда и Бонаграціи Бергамскаго; по ихъ словамъ, на нихъ была воз-

---

[1]) Ne sub colore iustitiae aliquid contra ipsos in futurum contingeret attentare volumus... ne quis ipsorum propter aliquam culpam praeteritam praesentem, vel futuram... pro qua esset poena notabili puniendus, possit a quibusque puniri... nisi coram nobis vel successoribus nostris aut conditoribus vel aliis deputandis a nobis.

[2]) Хроника 24 генераловъ пріурочиваетъ къ 1310 г. longa et scandalosa disceptatio de observantia regulae; говоря объ иммунитетѣ, данномъ папой, она прибавляетъ: unde occasionaliter multa scandala sunt secuta.

[3]) Это мы знаемъ относительно министровъ Тура, Терралаворо, Аквитаніи, Англіи, Верхней Германіи, Кастиліи, Арагоніи, Болоньи, Бургундіи, Саксоніи, Милана, Апуліи, Прованса—Wadd. 1310, 4.

ложена защита интересовъ ордена [1]). Указавъ прежде всего, что ихъ противники отлучены, какъ защитники ереси [2]), они особенно ставятъ имъ въ вину сочувствіе къ Оливи: онъ отвергалъ церковныя имущества, не признавалъ таинства брака, унижалъ прелатовъ, считалъ обязательнымъ для епископовъ, вышедшихъ изъ ордена, сохраненіе pauper usus. Его сторонники идутъ дальше: одни говорятъ, что со времени папы Николая III благодать покинула римскихъ первосвящениковъ, ихъ власть передана спиритуаламъ, и лишь среди послѣднихъ есть истинное священство [3]); другіе увѣряютъ, что предстоитъ реформа всей церкви въ Константинополѣ. Первое обвиненіе могло основываться на отрицательномъ отношеніи спиритуаловъ къ папскимъ комментаріямъ, изъ коихъ послѣдній данъ былъ Николаемъ III,—мы указывали отзывъ Убертина о немъ; второе было связано съ подозрѣніями противъ итальянскихъ спиритуаловъ, будто-бы они противопоставляютъ римской церкви греческую. Вѣроятно, этому содѣйствовало и ихъ пребываніе на Востокѣ и нѣсколько двусмысленное отношеніе псевдоіоахимовской литературы къ вопросу о раздѣленіи церквей.

Отвѣтъ Убертина, какъ и жалобы его противниковъ, составлены съ одинаковой мыслью: защищая Оливи, защищать почитающихъ его спиритуаловъ [4]). Онъ прежде всего указываетъ на странную непослѣдовательность: какъ прелаты ордена допустили Оливи до самой смерти учить и писать, а теперь требуютъ его осужденія? Истинная причина ихъ ненависти лежитъ въ томъ, что Оливи вскрылъ злоупотребленія въ орденѣ и заговорилъ о pauper usus. Никогда Нико-

---

[1]) Archiv II, 365: fr. Raymundus... procurator ordinis minorum in romana curia et Bonagratia de Bergamo ad defensionem ordinis in infrascripto negotio specialiter deputatus.

[2]) excommunicati tanquam fautores et defensores et sectatores hereticae pravitatis.

[3]) Ibid. 371 S. Nonnulli docuerunt, quod a Nicolao III angelus abstulerat auctoritatem pontificis propter suas iniquitates et tradiderat eorum certis fratribus et sequacibus sequentibus veris spiritum paupertatis evangelicae.

[4]) Ibid. 377 S.

лай IV не осуждалъ Оливи: онъ по волѣ папы былъ даже назначенъ лекторомъ во Флоренцію. Онъ училъ дѣйствительно, что епископы, выходящіе изъ ордена, продолжаютъ быть связаны своимъ обѣтомъ бѣдности, но такъ же думалъ и Бонавентура. Совершенная клевета утверждать, что Оливи называлъ римскую церковь блудницей: не самъ ли онъ—и письменно, въ своихъ сочиненіяхъ, и устно, передъ смертью, исповѣдовалъ полную покорность римской церкви и предоставилъ всѣ сочиненія ея цензурѣ? Въ сущности говоря, противники Оливи—гораздо большіе нарушители церковной дисциплины, чѣмъ спиритуалы. Они жалуются на защиту, которую папа далъ миноритамъ, вызваннымъ въ курію, отъ насилія прелатовъ и готовы сказать, что папа и кардиналы не имѣли на это права.

Кромѣ вопроса о заблужденіяхъ Оливи, коммиссіи, созванной Климентомъ V, были предложены еще три вопроса: о сектѣ свободнаго духа, объ упадкѣ ордена и о притѣсненіяхъ, которымъ, по слухамъ, подвергаются нѣкоторые братья[1]).

На первый вопросъ Убертинъ отвѣчаетъ кратко, ссылаясь на то, что въ курію уже представлены матеріалы, касающіеся этой ереси. Это понятно; противники спиритуаловъ всегда старались указать на ихъ близость съ этой сектой, характеризуемой своими пантеистическими воззрѣніями и извѣстнымъ религіознымъ и нравственнымъ анархизмомъ,—повидимому, безо всякихъ основаній; и спиритуалы всегда энергично утверждали, что у нихъ нѣтъ никакихъ связей съ этой сектой [2]).

Отвѣтъ на второй вопросъ—объ упадкѣ ордена—вызываетъ необходимость опредѣлить евангельское совершенство. Убертинъ въ общемъ повторяетъ то, что говорилось въ Arbor vitae crucifixae, но въ болѣе мягкой формѣ. Въ глос-

[1]) Archiv III 51 S.

[2]) О братьяхъ свободнаго духа у Mosheim: De beghardis p.198: тамъ приведены Statutum Heinrichi Coloniensis (p. 210—214), булла Климента V (p. 618) и особенно Statutum Iohanni Argentinensis (253—261). Срав. у Reuter, Geschichte der Aufklärung II 240—249 S. и Hahn, Geschiche der Ketzer im Mittelalter, III. Напротивъ того, есть основаніе предполагать связь между фратичеллами и бегинами, вышедшими изъ движенія спиритуаловъ, и позднѣйшими братьями свободнаго духа.

сахъ на Правило всегда предписывалось не имѣть собственности и сохранять pauper usus: братья должны быть въ этой жизни „странники и пришельцы“ (peregrini et advenae). Между тѣмъ, въ орденѣ братьевъ принуждаютъ нарушать pauper usus. Въ Генуэзской провинціи одинъ миноритъ имѣлъ тунику грубой матеріи; когда онъ послѣ мытья положилъ ее сушиться на солнцѣ, братья, съ согласія кустода, взяли ее и разодрали въ клочья, чтобы осмѣять минорита за его строгій образъ жизни. Въ провинціи св. Антонія и Болоньи братья во многихъ мѣстахъ живутъ годовыми доходами съ извѣстныхъ недвижимыхъ имуществъ; у нихъ склады зерна и вина, у нихъ лежатъ деньги; съ помощью прокураторовъ постоянно обходится запрещеніе Правила брать деньги. „Только одна слава“, говоритъ Убертинъ, „что мы не принимаемъ денегъ; правда, мы ихъ не трогаемъ; но если смотрѣть на дѣйствія и на мотивы, я не вижу, какая теперь существуетъ разница между нами и другими людьми въ пріемѣ и тратѣ денегъ“ [1]). Когда кто-нибудь вступаетъ въ орденъ, братья убѣждаютъ его оставить себѣ и имъ извѣстные годовые доходы; нигдѣ не соблюдается первоначальное правило, что вступающіе раздаютъ имущество бѣднымъ.

Далѣе евангельское совершенство требуетъ полной простоты (simplicitas perfectissima). Здѣсь болѣе всего мѣшаютъ свѣтская жизнь и ненужныя книги; братьевъ подвигаетъ къ чтенію не любовь къ знанію, а честолюбіе: мало между ними способныхъ, но всякій хочетъ сдѣлать ученую карьеру, имѣть званіе лектора, хотя-бы и мало зналъ, а получивъ его, предаться праздности и распоряжаться другими братьями. Такіе люди управляютъ орденомъ: почти всегда изъ нихъ состоятъ общее и провинціальное собранія; оттого орденъ и падаетъ.

Къ евангельскому совершенству относится величайшая чистота; противъ нея погрѣшаютъ братья, скитаясь постоянно по площадямъ и улицамъ, посѣщая женскіе мона-

---

[1]) Ibid. p. 67: solo nomine gloriamur, non recipere pecuniam, quia non tangimus... sed quantum ad effectum et affectum, non video, quod hodie de facto sit differentia inter nos et alios de receptione pecuniae et ea expendenda.

стыри. Правда, до сихъ поръ еще осталось, что нарушившіе обѣтъ цѣломудрія строго наказываются и подвергаются на вѣчныя времена безчестью, но и здѣсь дѣйствуетъ пристрастіе прелатовъ.

Четвертая основа—глубочайшее смиреніе; ея нарушенія безчисленны. „Я скорблю, что такъ думаю, но еще болѣе потому, что не вижу, какъ могъ-бы думать иначе". Пятая основа—постоянная молитва и работа. Правило запрещаетъ братьямъ праздность (ne otiose vivant); многіе, однако, не заняты ни ручнымъ трудомъ, ни молитвой, ни духовнымъ правленіемъ. Шестая основа—совершенная кротость; ей противорѣчитъ неравенство между прелатами и простыми братьями, внутренніе раздоры и преслѣдованія. Седьмая—жизнь, дающая примѣръ ближнему. Но можетъ-ли орденъ, со всѣми его злоупотребленіями, давать кому-нибудь примѣръ? Орденъ, ставившій себѣ такія высокія цѣли, далъ наиболѣе соблазна своимъ искательствомъ у богатыхъ и знатныхъ, роскошными зданіями и церквами, жестокостью къ братьямъ, желающимъ сохранить Правило въ строгости.

Если-бы всякому, кто захочетъ соблюдать Правило въ духѣ Франциска, было это разрѣшено, и этого не было-бы совсѣмъ достаточно. Нужно еще совершенно отказаться отъ пріема денегъ и отъ тяжбъ, и уничтожить всѣ комментаріи на Правило. Истинной реформой было-бы возстановленіе первоначальнаго Правила: „но можно сказать съ увѣренностью, что въ орденѣ не будетъ даже внѣшняго мира, пока намѣстникъ Христа не предоставитъ точно выполнять Правило желающимъ" [1]). Не будемъ упускать изъ виду, что для спиритуаловъ возстановленіе Правила въ его первоначальной чистотѣ было символомъ возстановленія ордена. На третій вопросъ Убертинъ отвѣчаетъ коротко, указывая на притѣсненія братьевъ въ Тосканѣ и Провансѣ.

Къ своимъ отвѣтамъ Убертинъ приложилъ цѣлый рядъ обвиненій противъ ордена [2]). Такъ какъ здѣсь много повто-

---

[1]) Ib. p. 875: in ordine pax non erit, usque quo vicarius Dei eam sic literaliler tradat volentibus eam servare.

[2]) Ar. III 93 S.

реній того, что мы уже встрѣчали раньше, то мы скажемъ лишь о его упрекѣ, что братья селятся среди городовъ, пребываніе въ коихъ несовмѣстимо съ ихъ призваніемъ [1]). Распространеніе ордена по городамъ, конечно, совершилось не въ силу злоупотребленій чьихъ-бы то ни было; но спиритуалы по своимъ аскетическимъ стремленіямъ всегда съ нѣкоторымъ огорченіемъ смотрѣли на пребываніе братьевъ въ городахъ, гдѣ такъ трудно сохранить идеальную чистоту Правила.

Конвентуалы съ различнымъ успѣхомъ старались опровергнуть эти обвиненія [2]). Правило обязываетъ лишь соблюдать три обѣта. Братья получаютъ наслѣдства, но не производятъ давленія на вѣрующихъ; жизнь ихъ не распущенная. Въ одеждѣ они страдаютъ отъ недостатка, а не отъ изобилія; никого не осуждаютъ за ношеніе грубыхъ одеждъ, развѣ только кто съ этой суровой внѣшностью соединяетъ внутреннюю распущенность. Точно также и въ ѣдѣ, почему Убертинъ не помнитъ Правила, запрещающаго осуждать тѣхъ, кто хорошо ѣдятъ?

Призванные въ курію спиритуалы дали отвѣты на поставленные вопросы почти въ духѣ Убертина. Ересь свободнаго духа имъ неизвѣстна, но они одобрятъ всякія строгія мѣры, которыя будутъ противъ нея приняты. Правило и Комментаріи папы Николая въ общемъ соблюдаются, но все же нарушенія многочисленны. Въ Провансѣ были тяжкія преслѣдованія братьевъ благодаря своеволію прелатовъ и инквизиторовъ, которые пользовались случаемъ удовлетворить личную ненависть. Сочиненія Оливи въ общемъ не кажутся еретическими, и осужденіе ихъ неправильно. Резолюція составлена въ духѣ умѣренности, что, вѣроятно, надо объяснить участіемъ Раймунда Гофреди и другихъ, которые, осуждая конвентуаловъ, прежде всего искали примиренія [3]).

---

[1]) Ibid. Cum secundum morem patrum nostrorum morari deberemus extra habitationem hominum, non solum in suburbibus, sed in medullis civitatum... saepe accipimus loca, maxime in Italia.

[2]) Ibid. 138 S.

[3]) Ibid. p. 142.

На эти резолюціи Раймундъ Пеннафорте и Бонаграція опять отвѣтили длиннымъ возраженіемъ: если имъ не всегда удается опровергнуть спиритуаловъ, они успѣшно набрасываютъ на нихъ тѣнь. Обвиненія въ нарушеніяхъ преувеличены: единственная богатая церковь въ орденѣ—ассизская, въ честь св. Франциска, воздвигнутая подъ покровительствомъ папъ. Но не вѣренъ и самый принципъ, будто братья не могутъ жить въ удобныхъ помѣщеніяхъ, имѣть при себѣ много книгъ. Правило соблюдается даже со строгостью большей, чѣмъ требуется: напримѣръ, всѣ миноритъ, даже въ сѣверныхъ странахъ и холодномъ климатѣ, ходятъ разутыми, хотя Правило разрѣшаетъ имъ, въ случаѣ необходимости, носить обувь. Весь вопросъ о pauper usus не есть ли чисто словесный и совершенно праздный споръ? Самое ученье о pauper usus весьма темно; но если развивающіе его понимаютъ дѣло такъ, что братья обязаны жить суровѣе, чѣмъ предписываетъ Правило, то нельзя навязывать этого другимъ безъ ихъ согласія. Вообще же, если pauper usus есть необходимое условіе апостольскаго совершенства, то справедливо заключеніе, которое дѣлаютъ вальденцы и Дольчино объ епископской и папской власти,—будто эта власть утрачена съ тѣхъ поръ, какъ церковь пріобрѣла богатства [1]). А если кто-нибудь можетъ становиться прелатомъ и въ то же время пользоваться богатствомъ, то pauper usus не входитъ необходимо въ апостольское совершенство.

Наказанія въ орденѣ вызывались тѣмъ, что осужденные упорствовали въ заблужденіяхъ Оливи, устраивали особыя общежитія, не повиновались своимъ прелатамъ; при этомъ соблюдалась обычная процедура: къ тому же, Бонифацій VIII предоставилъ ордену судить братьевъ, безъ того, чтобы незначительныя процессуальныя неправильности уничтожали силу процесса. Наконецъ относительно Оливи достаточно указать, что его сочиненія были неоднократно осуждены.

---

[1]) Ib. p. 155: si conversatio et abstinentia consistat in usu paupere, per hoc concluditur quod secta Valdensium dicit et Dulcinus, qui de ipsa secta fuit.

Мы можемъ себѣ представить силу обвиненій, которыя высказаны были противъ спиритуаловъ въ письмѣ Раймунда и Бонаграціи: имъ ставилось въ вину не только ихъ сепаратизмъ, непослушаніе, но также ихъ чрезвычайная мелочность, буквальное пониманіе Правила, придирчивость къ нарушеніямъ. Развѣ эта мелочность сколько-нибудь соотвѣтствовала духу Правила?

Несомнѣнно однако, что эти упреки были не совсѣмъ справедливы. Спиритуалы возмущались противъ нарушенія духа Правила, а не буквы его; ихъ глубоко не удовлетворяло положеніе ордена въ церкви. Споръ о pauper usus далеко былъ не словесный и, строго говоря, хотя спиритуалы всегда это отрицали, ихъ воззрѣніе дѣйствительно было родственно вальденскому.

Невыгодная сторона положенія спиритуаловъ заключалась въ томъ, что они не могли многаго говорить до конца. Въ основной ихъ мысли,—что въ Правилѣ возстановляется не только образецъ апостольской жизни, но и дается высшая форма церковной организаціи, которая должна найти полное осуществленіе въ третьемъ царствѣ,—скрывался глубокій антагонизмъ съ церковью. Не имѣя возможности говорить о главномъ, спиритуалы обращали силу своей полемики противъ всего, что въ большомъ или маломъ мѣшаетъ чистотѣ этой формы. При этомъ намъ станетъ понятнымъ и странная мелочность многихъ ихъ упрековъ. Какой смыслъ, напримѣръ, имѣлъ упрекъ миноритамъ, что они, вопреки Правилу, ѣздятъ верхомъ? Вспомнимъ, что эта ѣзда верхомъ вызывалась главнымъ образомъ многочисленными порученіями, которыя орденъ получалъ отъ куріи. Для спиритуаловъ, которые видѣли въ этихъ порученіяхъ источникъ нравственной гибели ордена, такое оправданіе, хотя-бы и маловажнаго нарушенія Правила, представлялось недопустимымъ. Развѣ не изъ того же источника, истиннаго primum malum, проистекало и все другое — раздѣленіе братьевъ и прелатовъ, властолюбіе и суровость послѣднихъ, обращеніе научныхъ занятій въ средство карьеры, вообще—глубокое извращеніе первоначальнаго евангельско-демократическаго характера общины?

Пока эта полемика подготовляла папское рѣшеніе, раздвоеніе ордена продолжало выражаться тревожными признаками. Миноритъ-спиритуалы, жившіе въ Авиньонѣ, отдѣлились отъ своихъ сотоварищей по ордену и перешли въ подгородное мѣстечко Сенъ-Лазаръ, дожидаясь тамъ окончательнаго рѣшенія папой судьбы ордена [1]). Спиритуалы Тусціи, видя противъ себя ненависть большинства собратій, рѣшили тоже отдѣлиться; они избрали даже особаго генеральнаго министра и другихъ прелатовъ [2]).

Противоположная партія отвѣчала подобными же крайними мѣрами, особенно въ Провансѣ; Бониграція за преслѣдованіе спиритуаловъ, вопреки буллы Климента V, подвергался даже ссылкѣ [3]).

Что касается до нарушеній въ орденѣ, то о нихъ можетъ дать понятіе циркулярное письмо генеральнаго министра Гонзальва, который былъ ревностнымъ конвентуаломъ, обращенное къ миноритамъ Тосканы: оно говоритъ о monstruosa abusio redditiuum; братья пріобрѣтаютъ годовыя ренты, недвижимую собственность, участвуютъ въ тяжбахъ; святая бѣдность повсюду исчезаетъ. Мы не знаемъ, какое слѣдствіе имѣли мѣры, принятыя папой противъ этихъ злоупотребленій [4]).

Авиньонскія совѣщанья кончились, но рѣшенье не было готово. Никогда еще не ожидали его съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ никогда не обострялась такъ противоположность въ орденѣ. Между тѣмъ, судьба темпліеровъ поглощала все вниманіе куріи. Лишь послѣ приговора надъ ними Вьеннскій соборъ произнесъ рѣшенье и относительно миноритовъ,—рѣшенье, надо сознаться, несравненно болѣе милостивое.

6 мая 1312 г. была издана декларація „Exivi de paradiso“. По формѣ своой она, какъ и прежнія, представляетъ разъ-

---

[1]) Arch. II 140 S.

[2]) Wadd. 1310, 7—elegerunt sibi generalem et reliquos secundum Regulam praelatos, quod redundavit eis in scandalum et omnibus eorum sociis.

[3]) Arch. II, 140 S.

[4]) Wad. 1310,8

ясненіе сомнительныхъ пунктовъ Правила [1]). Начинается опять съ вопроса о евангельскихъ предписаньяхъ и совѣтахъ. Правило говоритъ о многихъ дѣйствіяхъ въ формѣ повелѣнья или запрещенья: какъ смотрѣть на это— какъ на совѣты или предписанья? Папа относитъ къ предписаньямъ, т. е. къ безусловно обязательному. Второе сомнѣніе касалось пріема имуществъ, вступающихъ въ орденъ. Декларація разрѣшаетъ это, напоминая только, что министры не должны производить давленія на волю вступающихъ. Относительно пріема денегъ остается въ силѣ декларація папы Николая, но братьямъ особенно ставится на видъ, чтобы они сами отнюдь не брали денегъ и черезъ посредниковъ получали ихъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, которые указываетъ декларація.

Переходя къ запрещенью собственности, папа говоритъ о результатахъ слѣдствія, на которомъ раскрылись многочисленныя злоупотребленія въ орденѣ [2]). У братьевъ имѣются годовыя ренты, сады, виноградники; они собираютъ большіе запасы зерна и вина въ амбарахъ и погребахъ, такъ что остальное время года могутъ существовать, не прося милостыни. Постройки въ орденѣ имѣютъ видъ слишкомъ роскошныхъ жилищъ. Въ качествѣ погребальныхъ даровъ принимаются лошади и оружіе. Правда, конвентуалы отрицали это, но декларація даетъ понять, что обвиненія спиритуаловъ не совсѣмъ безпочвенны. Такъ какъ внѣшность въ жизни братьевъ должа строго соотвѣтствовать внутреннему ея содержанію, то они обязаны воздерживаться отъ всякихъ поступковъ, противныхъ въ дѣйствительности или по видимости ихъ отреченью отъ собственности [3]). Они не могутъ получать по завѣщанью, имѣть годовыя ренты, какимъ-бы то ни было образомъ участвовать въ томъ, что связано съ судомъ. Можно имѣть сады и огороды

---

[1]) Nonnulla verba imperativo modo negative vel affirmative apposito inseruntur.

[2]) Ad nostrum fuerunt deducta examen quae in ordine fieri dicebantur et videbantur praedicto voto et puritati ordinis repugnari.

[3]) Se ab omni eo, quod dictae expropriationi esset vel posset videri contrarium, abstinere.

для собственнаго лишь употребленія: напротивъ того, виноградники и житницы не допускаются совсѣмъ. Словомъ, братья обязаны осуществлять pauper usus, по скольку онъ указанъ въ Правилѣ. Но не надо здѣсь преувеличивать, считать еретикомъ того, кто отождествляетъ pauper usus съ евангельской бѣдностью, или, напротивъ, различаетъ эти понятія.

Если никогда папская декларація, объясняющая Правило, не ожидалась съ такимъ нетерпѣніемъ, то никогда она не была основана на болѣе тщательномъ слѣдствіи, на болѣе обширномъ матеріалѣ. Далѣе, если разъясненія, данныя Григоріемъ IX, Иннокентіемъ IV и Николаемъ III, носятъ болѣе внѣшній характеръ, если они заботятся особенно о томъ, чтобы сдѣлать совмѣстимымъ съ Правиломъ новое направленье, данное ордену, уничтожить сомнѣнія, упрочить единство и дисциплину, то декларація Климента V идетъ глубже: она не только хочетъ исправить внѣшнія злоупотребленія, но и возстановить духъ чистой бѣдности и отказывается поэтому отъ обычныхъ пріемовъ, которые позволяли сохранить вѣрность буквѣ Правила, поступая противъ его смысла.

Во всемъ этомъ неоспоримо вліяніе спиритуаловъ; оно чувствуется и въ другой декларацiи Вьеннскаго собора, которая осуждаетъ нѣкоторыя догматическія положенія, приписанныя Оливи, но умалчиваетъ его имя; самая умѣренность въ осужденіи (она говоритъ не о ереси, а о заблужденіяхъ—errores) заставляетъ предполагать вліяніе защитниковъ [1]).

Въ декларацiи были всѣ данныя, чтобы возстановить внѣшній порядокъ въ орденѣ; спиритуалы могли видѣть, что ихъ требованья приняты во вниманіе; конвентуаламъ давалось понять, что осуждаются лишь отдѣльныя злоупотребленія. Но самый важный вопросъ былъ не въ томъ. Возможно ли было возвратить орденъ къ жизни первоначальной общины Франциска при томъ условіи, что орденъ оставался на службѣ у куріи? Само собой разумѣется, вер-

---

[1]) Bull. Fran. V. 6 мая 1312 г.

нуть весь орденъ къ первоначальному типу, даже помимо того, что настроеніе большинства братьевъ нисколько не благопріятствовало такой реформѣ, было дѣломъ крайне труднымъ: это значило произвести ломку во всемъ церковномъ зданіи. Оставалось лишь одно—раздѣлить спиритуаловъ и конвентуаловъ, предоставивъ жить первымъ такъ, какъ они хотятъ. Такое рѣшенье не противорѣчило бы и папской традиціи: развѣ цистерзіанцы не откололись отъ клюнійцевъ?

Мы думаемъ, что если бы дѣло шло лишь о бо́льшей или меньшей строгости въ отдѣльныхъ пунктахъ Правила, въ такомъ раздѣленіи нашли бы выходъ, какъ его нашли впослѣдствіи при Львѣ X [1]). Вспомнимъ однако, что спиритуалы стояли на почвѣ іоахимизма, что они были проникнуты идеей грядущаго величія своей миссіи, что евангельская жизнь, какъ они ее понимали, была для нихъ важнѣе общецерковной дисциплины, и мы поймемъ осторожность и подозрительность куріи. Отъ схизмы къ ереси былъ только одинъ шагъ. Съ другой стороны, ковентуалы, освободившись отъ спиритуаловъ, къ которымъ, вѣроятно, пристали бы болѣе строгіе элементы въ орденѣ, угрожали еще быстрѣйшимъ упадкомъ, при которомъ они становились безполезны для куріи. Значеніе нищенствующихъ орденовъ въ церковной системѣ заключалось въ томъ, что, неопутанные сѣтью мѣстныхъ условій и имущественныхъ отношеній, они могли лучше и безкорыстнѣе служить осуществленью задачъ духовнаго правленья надъ обществомъ. Съ того момента, какъ они окончательно переставали быть нищенствующими, эта цѣнная сила уходила изъ рукъ папъ. Важно было охранить тотъ религіозно-моральный фондъ, который представлялся орденомъ, но въ то же время держать его въ своемъ распоряженіи.

Оставалось, слѣдовательно, выработать нѣкоторый modus vivendi, и въ предѣлахъ этой задачи декларація представляла большую цѣнность. Климентъ V сдѣлалъ все, чтобы, не уничтожая ордена, какъ онъ былъ созданъ папскими при-

---

[1]) Объ этомъ раздѣленіи у Nicol. Glass. подъ 1502, 1505, 1517 г.

вилегіями, возстановить въ немъ единство и чистоту. Въ тотъ же самый день, какъ издана была „exivi de paradiso“, онъ кассировалъ „super cathedram“ Банифація VIII и „inter cunctas“ Бенедикта XI,—буллы, касающіяся отношеній нищенствующихъ орденовъ и клира; выяснилось, что онѣ не обезпечиваютъ внутренняго мира между ними. Черезъ нѣсколько дней (21 мая) Климентъ V написалъ общему собранію ордена: упоминая о внутреннихъ раздорахъ, изъ-за которыхъ издана была декларація, онъ призываетъ всѣхъ къ единству и миру.

Глава IV.

Мы не знаемъ, какъ была принята въ орденѣ декларація Климента V и насколько осуществлена. Несомнѣнно однако, что главная цѣль, ради коей она была издана, не достигалась: и послѣ нея не прекращались ни вражда партій, ни раздвоеніе ордена. Настроеніе конвентуаловъ не стало благопріятнѣе спиритуаламъ: на общемъ собраніи 1313 г. былъ избранъ въ генеральные министры Александръ Алессандрійскій, ревностный преслѣдователь спиритуаловъ. Спиритуалы Тосканы продолжали жить своей обособленной общиной. Годъ спустя послѣ изданія декларацiи, Климентъ V обратился къ епископамъ: Аретинскому, Лукскому и Пистойскому съ требованіемъ заставить этихъ миноритовъ соблюдать декларацію и возвратиться въ орденъ (15 іюля 1313 г.). Часть вернулась, а остальные поселились во владѣніяхъ сицилійскаго короля Фридриха: подобно апостолическимъ братьямъ, и спиритуалы начали возлагать большія надежды на этого короля, думая, что черезъ него произойдетъ судъ надъ церковью [1]). Климентъ V умеръ раньше, чѣмъ могъ принять какія-нибудь мѣры противъ нихъ. Это было несчастіемъ для спиритуаловъ. За папой вскорѣ послѣдовалъ генеральный министръ. Такое двойное междувластіе—въ церкви вообще и въ орденѣ въ частности—не было благопріятно для сохраненія порядка.

Мы уже говорили о броженіи въ Провансѣ, начавшемся тамъ до Вьеннскаго собора. Требованіе соблюдать декларацію и быть вмѣстѣ съ остальнымъ орденомъ касалось и прованскихъ спиритуаловъ, но папа не обратился къ нимъ

---

[1]) Wad. 1313, 7.

спеціально, какъ онъ обратился къ спиритуаламъ Тосканы [1]). Между тѣмъ, 120 провансальскихъ спиритуаловъ отдѣлились отъ ордена и заняли два монастыря—въ Нарбоннѣ и Битеррахъ. Объ этой сецесіи у насъ есть извѣстіе и въ Исторіи 7 гоненій и въ Хроникѣ 24 генераловъ: естественно, ихъ объясненія расходятся. Если вѣрить первому, то братья были вынуждены къ этому шагу гоненіями, которыя они начали терпѣть отъ конвентуаловъ послѣ смерти Климента V, все же защищавшаго ихъ. Тогда они перешли въ эти монастыри и оставались въ нихъ, пользуясь величайшимъ почтеніемъ со стороны народа,—вспомнимъ, что въ Нарбоннѣ находилась могила Оливи, куда стекались уже пилигримы,—не обращая вниманія на крайнее неудовольствіе министровъ [2]). Напротивъ того, изъ Хроники 24 генераловъ мы узнаемъ, что они захватили эти монастыри силой, пользуясь поддержкой вооруженныхъ людей, отказались отъ повиновенія и выбрали особыхъ прелатовъ. Они даже изгнали изъ этихъ монастырей братьевъ, которые хотѣли сохранить повиновеніе орденскимъ прелатамъ [3]).

Другіе спиритуалы въ Провансѣ не пристали къ нимъ, но апеллировали противъ притѣсненій со стороны конвентуаловъ будущему папѣ [4]).

Междувластіе кончилось избраніемъ Іоанна XXII въ папы и Михаила Чезены въ генеральные министры. Оба выбора

---

[1]) См. Arch. II, 141. Исторія 7 гоненій сохраняетъ разсказъ, какъ Убертинъ просилъ папу позволить ему и его собратьямъ отдѣлиться отъ ордена, и какъ папа ему въ этомъ отказалъ. Очевидно, здѣсь имѣются въ виду тосканскіе спиритуалы, хотя по общему ходу разсказа представляется, какъ будто дѣло идетъ о провансальскихъ.

[2]) Ib. p. 142

[3]) An. Fr. III, подъ 1315: eodem tempore ministro generali et sede vacante aliqui ordini rebelles de custodia Narbenensi iterum et Ordinis unitate et obedienia recesserunt, loca etiam Narbonae et Biterris per vim armorum et armatorum hominum electis inde suis superioribus et aliis fratribus obedientibus occupaverunt et inde sibi superiores custodes et guardianos pro volito praefecerunt.

[4]) H. 7. t. p. 142: propter quas molestias et vexationes consilio sapientium primo habito appellare compulsi sunt de omnibus, quae fratres eis imponebant, ad futurum pontificem.

были безусловно неблагопріятны для спиритуаловъ. Въ Чезенѣ еще ничто не изобличало будущаго обличителя папскаго самовластія; а Іоаннъ XXII съ самаго начала рѣшился энергичными мѣрами возстановить нарушенный порядокъ; онъ стоялъ сначала на почвѣ декларацiи Климента V [1]), но его главное вниманіе было обращено не сюда. 15 мая 1317 г. онъ обратился къ королю Сициліи, съ просьбой изгнать тосканскихъ бѣглецовъ, а черезъ мѣсяцъ спустя (27 апрѣля) поручилъ черезъ инквизицію вызвать къ суду спиритуаловъ Прованса [2]); онъ рѣзко отвергъ ихъ апелляцію, которая, по его словамъ, прикрывала лишь раздоры и соблазны [3]).

Въ слѣдующей буллѣ (1317 г. 7 октяб.) онъ еще разъ напоминаетъ братьямъ объ обязанности безусловнаго повиновенія прелатамъ ордена. По его словамъ, нѣкоторые изъ миноритовъ носятъ короткія, грязныя одежды и не снимаютъ ихъ даже по приказанію министровъ; другіе спорятъ о томъ, сколько можно ссыпать зерна въ амбары. Всѣ подобные вопросы должны рѣшать министры генеральный и провинціальные въ своихъ провинціяхъ, кустоды—въ своихъ участкахъ. Главное же—повиновеніе: „орденъ погибнетъ, если подчиненные откажутъ высшимъ въ повиновеніи“.

Первыми при папскомъ дворѣ явились Убертинъ, Филиппъ де Канто, Готфридъ Кортонскій и Ангелъ Кларенъ [4]). Убертинъ отвергъ возведенныя на него обвиненія и, на вопросъ папы, сочувствуетъ ли онъ братьямъ изъ Нарбонны и Битерръ и хочетъ ли защищать доктрину Оливи, воскликнулъ: „святой отецъ! во всемъ, что я нѣкогда дѣлалъ, я повиновался волѣ вашего предшественника; и если вамъ угодно, чтобы я взялъ на себя дѣло нарбоннскихъ

---

[1]) Объ его образѣ мыслей можетъ дать понятіе письмо, обращенное къ министру Тосканы (Глассбергеръ подъ 1316 г.): напоминается не нарушать „exivi de paradiso“. Ваддингъ, 1316, 1, говоритъ о подобной же декларацiи, обращенной ко всему ордену.

[2]) „Spirituales quosdam“—это обозначенье здѣсь впервые встрѣчается въ буллахъ.

[3]) Quosdam appellationes interposuerunt et protestationes fecerunt, ex quibus non solum status dicti ordinis detrahitur, imo vero inter fratres praedictos ulterioris dissensionis et scandali inducitur incendium.

[4]) H. 7 t. p. 143.

братьевъ или защиту доктрины Оливи, то я во всемъ готовъ повиноваться вашей волѣ". Папа не захотѣлъ, но Убертину удалось оправдаться и получить разрѣшеніе выйти изъ ордена, гдѣ большинство было къ нему такъ враждебно, въ орденъ бенедиктинцевъ [1]). Готфридъ, на вопросъ объ апелляціи, отвѣтилъ: „святой отецъ! я не участвовалъ въ ней и не могъ стоять за то, что меня не касалось". Филиппъ отвѣтилъ, что готовъ стоять за все, что способствуетъ реформѣ ордена, хотя въ апелляціи и не участвовалъ. Труднѣе было сговориться съ Клареномъ. На вопросъ, почему онъ ушелъ изъ ордена, онъ отвѣтилъ: „спросите лучше, почему орденъ отвергъ меня".—„Братъ Кларенъ, ты отлученъ".— „Святой отецъ я не отлученъ и даже не подлежу отлученію (non excommunicabilis); я всегда повиновался папѣ Бонифацію, патріарху и другимъ прелатамъ церкви". Эти отвѣты не удовлетворили папу, и онъ велѣлъ задержать Кларена и предоставить ему на выборъ: возвратиться въ орденъ вмѣстѣ съ товарищами, или перейти въ какой-нибудь другой утвержденный орденъ; Кларенъ избралъ целестинскихъ эремитовъ.

Труднѣе поддавались умиротворенію провансальскіе спиритуалы, которые продолжали чуждаться всякаго общенія со своими собратіями. 6 ноября 1317 г. Іоаннъ XXII велѣлъ инквизитору Михаилу Монаху дѣйствовать противъ нихъ. „Нѣкоторые лже-миноритъ", говорилъ папа, „дошли до такого безумія и ослѣпленія, что, зараженные ересью и нечестіемъ, замыслили противъ христіанской вѣры [2])". Тѣснимые инквизиціей и прелатами, они рѣшились еще разъ апеллировать къ папѣ [3]). На пасху 1318 г. 64 минорита изъ Нарбонны и Битерръ явились въ Авиньонъ; не заходя

---

1) См. буллу 1 окт. 1317 г.; причиной перехода выставлены „debilitates variae". Обычно, какъ мы знаемъ, переходящій въ другой орденъ терялъ въ немъ право на церковныя достоинства, но для Убертина было сдѣлано исключенье.

2) Nonnulli pseudo-minorum ordinis fratres ad eam mentis inopiam et caecitatem devenerunt, quo haeretica labe respersi adversus salubriorem christianae fidei veritatem impie sentiebant.

3) Arch. II p. 144.

въ помѣщеніе ихъ собратій, они расположились передъ дворцомъ папы; среди нихъ былъ и знаменитый противникъ доминиканцевъ-инквизиторовъ, Бернардъ Делисье. Исторія 7 гоненій сохранила намъ драматическій разсказъ объ этомъ приходѣ. Получивъ аудіенцію, Бернардъ Делисье началъ излагать просьбу братьевъ. Но папа былъ окруженъ конвентуалами; они истолковывали слова Бернарда, какъ клевету на орденъ, изъ котораго вышло столько замѣчательныхъ сподвижниковъ церкви; напомнили и то, какъ онъ нѣкогда парализовалъ дѣйствія инквизиціи, и возбудили подозрѣніе въ его правовѣріи. Хотя Бернардъ просилъ для братьевъ лишь позволенія соблюдать въ чистотѣ Правило и защиту отъ ненавистниковъ, папа велѣлъ задержать его. Тогда изъ среды спиритуаловъ попытался говоритъ Францискъ Санкцій, но конвентуалы кричали, что онъ схизматикъ, ибо вопреки воли министра долгое время всенародно училъ, проповѣдывалъ и нападалъ на орденъ; папа и его отправилъ въ заточеніе. Третьимъ хотѣлъ говорить Вильгельмъ де Сантъ-Аманціо; противъ него указывали, что онъ растратилъ орденское имущество, данное папой, и опустошилъ нарбоннскій монастырь; и онъ подвергся участи своихъ предшественниковъ. Наконецъ, выступилъ Готфридъ и попросилъ для себя и для другихъ братьевъ позволенія въ чистотѣ соблюдать Правило. Крайне недовольный, папа спросилъ его: какъ можетъ онъ защищать pauper usus, нося на себѣ пять туникъ? Когда Готфридъ спокойно опровергнулъ это, папа воскликнулъ: „итакъ, мы лжемъ?“ и велѣлъ задержать и его. Не обращая вниманія на крики спиритуаловъ: „правосудія, правосудія!“, онъ велѣлъ отвести ихъ въ монастырь миноритовъ. Произведено было слѣдствіе: изъ 64 братьевъ 39 возвратились въ орденъ, раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ; остальныхъ 25 передали въ руки инквизиціи. Изъ нихъ четверо были сожжены въ Марсели: они учили, что Правило Франциска тождественно съ Евангеліемъ, что отъ орденскаго обѣта нельзя диспенсировать, что папа ни въ чемъ не можетъ измѣнить Правила и, измѣнивши его, согрѣшилъ; измѣненіе, повидимому, состояло въ томъ, что вопросы объ одеждѣ и запасахъ передавались на рѣшеніе

орденскихъ прелатовъ [1]). Многіе были подвергнуты вѣчному заточенію, ибо, отрекшись отъ своей ереси, они снова впали въ нее; прочіе произнесли всенародное отреченіе въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они раньше проповѣдывали ересь. Магистры парижскаго университета осудили три положенія, выставленныя провансальскими спиритуалами: 1) нельзя повиноваться прелату, который велитъ что-нибудь дѣлать противъ Правила, 2) папа не имѣетъ права издавать своихъ буллъ, касающихся орденской конституціи, 3) нельзя повиноваться ни папѣ, ни другому прелату, если издается такая булла [2]).

Между тѣмъ, Делисье все оставался въ заключеніи, отдѣленный отъ другихъ; папа велѣлъ снять съ него орденскій костюмъ, и Бонаграція безуспѣшно вынуждалъ у него пытками признаніе. Противъ него предъявлены были тяжкія обвиненія: будто онъ участвовалъ въ отравленіи папы Бенедикта XI, разжигалъ своими проповѣдями ненависть противъ доминиканцевъ и инквизиторовъ, и сверхъ всего составилъ сочиненіе по некромантіи (libellum quendam necromanticum), въ которой содержались всякія заклинанія: какъ разрушать дома, топить корабли, наводить болѣзни и смерть, склонять женщинъ къ прелюбодѣянію; отъ подозрѣнія въ отравленіи, впрочемъ, ему удалось очиститься вполнѣ [3]). Конвентуалы нашли какое-то письмо, написанное Делисье: они истолковали его въ дурномъ смыслѣ и представили папѣ, надѣясь, что виновный не избѣжитъ костра; однако, Делисье опровергнулъ ихъ толкованіе и такимъ образомъ спасся, хотя трое кардиналовъ были ему враждебны. Въ концѣ-концовъ его осудили на вѣчное заключеніе. Много ему пришлось перенести отъ доминиканцевъ, которые не хотѣли простить его обличеній инквизиціи [4]).

---

[1]) См. Baluz. Miscel. II, 248, 2: illud quod est contra regulae fratrum Minorum observantiam et intelligentiam est per consequens contra evangelium et fidem etc. Приведенный тамъ процессъ 4 миноритовъ, сожженныхъ въ Марсели, вполнѣ сходится съ данными Исторіи 7 гоненій.

[2]) Char. Univer. II, 215.

[3]) Lib. sentent. inquis. Tolosanae ed. Limborch p. 268.

[4]) Въ апелляціи королевскаго прокуратора на приговоръ инквизиціи,

Оставалась Италія; и здѣсь угрожали бо̀льшія опасности, чѣмъ въ Провансѣ. Мы знаемъ, что спиритуалы, изгнанные изъ Тосканы, переселились въ Сицилію, и тамъ, пользуясь покровительствомъ короля, образовали особое общество. Противъ нихъ Іоаннъ XXII 23 янв. 1318 г. издалъ буллу „gloriosam ecclesiam“: въ ней осуждаются, вообще, всѣ безпокойные элементы Францисканскаго ордена, но въ особенности сицилійскіе эмигранты. Эта булла очень важна, такъ какъ она вполнѣ опредѣляетъ отношеніе папы къ движенію спиритуаловъ.

Въ началѣ дается его краткая исторія. Нѣкоторые миориты, безпокойные и суевѣрные (discoli et superstitiosi), постоянно выражали притязаніе быть единственными чистыми послѣдователями Франциска и не оказывали повиновенія прелатамъ ордена. При Климентѣ V, воспользовавшись тѣмъ, что поднялся вопросъ о реформѣ въ орденѣ, они стали осыпать своихъ собратьевъ обвиненіями въ нарушеніяхъ. Климентъ V, желая дѣйствовать кротостью, а не строгостью, отдалъ ихъ жалобы на разсмотрѣніе епископамъ и кардиналамъ; результатомъ совѣщаній была декларація „exivi de paradiso“, за которой слѣдовало приказаніе вернуться въ орденъ всѣмъ ушедшимъ изъ него; въ особенности это относилось до тосканскихъ схизматиковъ-миноритовъ. Однако, они не послушались, переселились въ Сицилію, выбрали себѣ прелатовъ, во главѣ поставили нѣкоего Генриха Чеву; принимали многихъ въ свой орденъ, давали полномочіе исповѣдывать и проповѣдывать, наконецъ, заняли мѣсто истинныхъ миноритовъ и выгнали этихъ послѣднихъ [1]). Они надѣли на себя особый костюмъ съ коротенькими капюшонами. Не довольствуясь схизмой, они перешли къ ереси, въ ослѣпленіи

какъ слишкомъ мягкій, указывалось на іоахимистическія заблужденія Делисье, а главное—на его измѣну французскому королю. Baluzii, Vitae papar. Avinion. T. II p. 358—365.

[1]) Novi ordinis, imo abominabilis horroris cassis conatibus moliti sunt ponere fundamenta, tam detestabili turbae praeficientem magis idolum, quam praelatum Henricum de Ceva dicti ordinis refugam et apostatam fugitivum praedicatores et confessores assumere eosque ad huiusmodi confessionis et praedicationis officium transmittere attentantes“.

своемъ презрѣли церковныя таинства и приматъ римской церкви [1]).

Далѣе слѣдуетъ перечисленіе этихъ ересей. Они учатъ, что существуютъ двѣ церкви: плотская, порабощенная богатствомъ, запятнанная преступленіями,—во главѣ ея стоитъ римскій первосвященникъ съ прелатами; духовная, украшенная евангельской бѣдностью,—во главѣ этой истинной церкви стоятъ они сами, апостаты ордена [2]). Затѣмъ, у нихъ возродилось заблужденіе донатистовъ, и въ своей мнимой ревности они объявляютъ, что священники теряютъ всякую власть совершать таинства, судить, слушать исповѣди, если они не принадлежатъ къ ихъ сектѣ, въ руки которой перешла теперь вся духовная власть [3]). Вмѣстѣ съ вальденцами они отрицаютъ клятву, считая ее за смертный грѣхъ [4]), и отвергаютъ власть священниковъ, которые въ чемъ-нибудь погрѣшили [5]). Наконецъ, они считаютъ, что въ нихъ наступило полное исполненіе Евангелія, которое лежало какъ-бы подъ спудомъ [6]).

---

[1]) Adversus praeclarissimam et saluberrimam christianae fidei veritatem impie sentiunt, sacramenta ecclesiastica contemnunt et in gloriosum ecclesiae Romanae primatum impetum faciunt.

[2]) Duas fingit ecclesias; unam carnalem divitiis pressam, sceleribus maculatam, cui Romanum praesulem aliosque inferiores praelatos dominari asserunt; aliam spiritualem, virtute decoram paupertate succinctam, cui etiam ipsi spiritualis vitae principantur.

[3]) Venerabiles ecclesiae sacerdotes aliosque ministros sic iurisdictionis et ordinis clamitant auctoritate desertos, ut nec sententias ferre, nec sacramenta conficere, nec subiectum populum instruere valent vel docere, illos fingentes omni ecclesiastica potestate privatos, quos a sua perfidia viderint alienos, quia apud ipsos solos sicut spiritualis vitae sanctitas sic auctoritas perseverat.

[4]) In Valdensium errorem coniurant, quoniam et hi et illi in nullum eventum asserunt fore iurandum dogmatizantes mortalis criminis contagione pollui et poena teneri, quod contigerit iuramenti religione constringi.

[5]) Quarta blasphemia de praedicatorum Valdensium venenato fonte sacerdotes rite etiam ac legitime secundum formam ecclesiasticam ordinatos quibuslibet tamen criminibus pressos, non posse conficere vel conferre ecclesiastica sacramenta confingit.

[6]) Quintus error obcaecat, ut evangelium Christi in se solos hoc in tempore asserunt esse completum, quod hoc tenus ut ipsi somniant, obtectum fuerat immo prorsus extinctum.

Кромѣ этихъ пяти заблужденій булла вкратцѣ сообщаетъ и о другихъ; они проповѣдуютъ противъ таинства брака, измышляютъ гаданія о ходѣ временъ, концѣ вѣка и близкомъ пришествіи антихриста [1]). Эти преступныя ереси заставляютъ папу просить короля Фридриха Сицилійскаго изгнать и искоренить сектантовъ, а всѣ епископы должны передавать ихъ властямъ Францисканскаго ордена, откуда они ушли.

Чтобы оцѣнить значеніе этой буллы, мы должны ее сопоставить съ другой, которая издана была мѣсяцемъ раньше (30 дек. 1317 г.). Въ ней рѣчь идетъ о людяхъ, вышедшихъ изъ среды мірянъ (prophanae multitudinis viri), именующихъ себя фратичеллами, братьями бѣдной жизни, бегинами или бизохами [2]): они устраиваютъ ассоціаціи, избираютъ старшихъ, принимаютъ массами въ свою секту, строятъ для себя помѣщенія, просятъ милостыню; большинство увѣряютъ, что они съ буквальной точностью соблюдаютъ Правило св. Франциска [3]). Какъ область ихъ распространенія указана Сицилія, Провансъ, Нарбонна и Тулуза. Они ссылаются на разрѣшенія, данныя имъ епископами, а также на разрѣшеніе папы Целестина, забывая, что Бонифацій VIII кассировалъ всѣ мѣры этого папы. Нѣкоторые изъ нихъ увѣряютъ, что принадлежатъ къ третьему ордену св. Франциска, хотя Правило третьяго ордена отнюдь не указываетъ такого образа жизни, который они ведутъ [4]). Папа кассируетъ всѣ подобныя ассоціаціи и угрожаетъ отлучить тѣхъ,

---

[1]) Multa sunt alia quae isti praesumptuosi homines contra coniugii venerabile sacramentum garrire dicuntur, multaque de cursu temporum et fine saeculi somniant multaque ad antichristi adventum quem iamiam instare asserunt.

[2]) Nonnulli... qui fraticelli seu fratres de paupere vita aut bizochii seu beguini nuncupantur.

[3]) Congregationes et conventicula facere et superiores sibi ipsis eligere, plurimos ad eorum sectam recipere, loca de novo construere, publice mendicare praesumpserunt; plurimi regulam Ordinis fratrum minorum se profiteri et ad litteram observare confingunt.

[4]) Cum tamen in regula ipsius tertii ordinis talis vivendi ritus nullatenus sit concessus.

кто къ нимъ пристанетъ, какъ и тѣхъ (епископовъ?), которые разрѣшатъ кому-нибудь подобный образъ жизни.

Никогда еще на спиритуаловъ не возводилось болѣе тяжкихъ обвиненій, чѣмъ тѣ, которыя мы находимъ въ буллѣ „Gloriosam ecclesiam". Какъ мы видѣли, даже инквизиціонный процессъ, окончившійся сожженіемъ четырехъ провансальскихъ миноритовъ, далеко не ставитъ имъ въ вину ни отверженія церковной іерархіи, ни вальденскаго отрицанія силы таинствъ, совершенныхъ недостойными священнослужителями.

Изъ сравненія двухъ буллъ явствуетъ, что обозначаемыя ими группы ослушниковъ церкви хоть отчасти покрываютъ другъ-друга. Главное различіе заключается въ томъ, что первая по времени булла говоритъ о фратичеллахъ, изъ которыхъ лишь нѣкоторые прикрываются внѣшностью миноритовъ, тогда какъ вторая упоминаетъ лишь о вышедшихъ изъ ордена. Передъ нами запутанный и интересный вопросъ объ отношеніи францисканцевъ-спиритуаловъ и фратичелловъ. Если эти группы до извѣстной степени покрываются, а съ другой стороны, фратичеллы болѣе или менѣе однозначущи съ бегинами, бизохами и т. п., то у насъ въ рукахъ оказываются звенья цѣпи, связывающей радикальную часть францисканцевъ съ цѣлымъ рядомъ ересей, съ коими католической церкви приходилось бороться всю вторую половину среднихъ вѣковъ.

Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ объ исторіи вопроса. Въ XVII вѣкѣ доминиканецъ Бзовій составилъ анналы, служившіе продолженіемъ Баронію. Воодушевленный, повидимому, особымъ недоброжелательствомъ къ францисканцамъ и примѣромъ своихъ собратій XIII в., которые оспаривали стигматы Франциска и святость Клары, онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы очернить миноритовъ и, между прочимъ, нарисовалъ яркими красками исторію ереси фратичелловъ, которыхъ отождествилъ съ францисканцами. На защиту ордена выступилъ миноритъ Гикей [1]); онъ доказывалъ, что фратичеллы были столь же

[1]) Въ своемъ сочиненіи: „Nitela Franciscanae religiones et abversio cordium, quibus eam conspurcare frustra tentavit Abrahamus Bzovius".

мало связаны съ орденомъ, какъ и апостольскіе братья, окружавшіе Сегаллели и Дольчино, которые тоже во внѣшности подражали миноритамъ, и что поэтому булла Іоанна XXII нисколько не была направлена противъ ордена,—взглядъ, къ которому вполнѣ примкнулъ и Ваддингъ въ своихъ анналахъ. Большинство католическихъ историковъ держалось взгляда Гикея—Ваддинга; у протестантскихъ, напротивъ, преобладала склонность смѣшивать или недостаточно различать миноритовъ-спиритуаловъ и фратичелловъ. Заслугой Эрле надо считать то, что онъ, на основаніи тщательнаго анализа документовъ, пришелъ къ болѣе строгому опредѣленію терминовъ. Согласно его выводу слово „фратичеллъ" обнимаетъ собой цѣлый рядъ группъ, исключительно итальянскихъ, которыя болѣе или менѣе отдѣлялись отъ церкви; къ одной изъ этихъ группъ принадлежали и тосканскіе спиритуалы; напротивъ, провансальскіе спиритуалы не назывались этимъ именемъ; къ фратичелламъ не принадлежали и апостольскіе братья [1]). Конечно, этотъ терминологическій выводъ недостаточенъ: остается узнать не только, какія отдѣльныя группы причислялись къ фратичелламъ, какія нѣтъ, но и то, какія общія черты отличали эти группы. Начиная съ 30-хъ годовъ, у насъ есть данныя инквизиціонныхъ процессовъ надъ фратичеллами, и изъ этихъ процессовъ мы можемъ нѣчто узнать о сектѣ, хотя и въ ея позднѣйшій періодъ.

Возвращаясь къ нашимъ булламъ, мы видимъ, что къ фратичелламъ причислены: 1) группа Либерата и Кларена, которая получила отъ Целестина разрѣшеніе жить отдѣльно; 2) братья третьяго ордена или называющіе себя таковыми; 3) другіе, принятые въ секту. Вторая говоритъ о миноритахъ-спиритуалахъ вообще и тосканскихъ миноритахъ Сициліи—въ частности. Все показываетъ, что въ глазахъ папы эти группы отождествлялись. Имя фратичелловъ является спеціальнымъ обозначеніемъ итальянскихъ группъ [2]).

Перейдемъ теперь къ обвиненіямъ; откуда характеризо-

---

[1]) Die Spiritualen въ Archiv fur L. K. I. IV, 135 S.

[2]) Срав. письмо кардиналовъ къ королю Сициліи въ Bull. V p. 115.

ванныя ереси могли быть извѣстны папѣ? Въ эту эпоху Сицилія не имѣла правильно устроенной инквизиціи [1]). Папа долженъ былъ обращаться къ королю, который дѣйствовалъ черезъ своихъ оффиціаловъ; нѣкоторые изъ схваченныхъ возвратились въ лоно церкви; другіе спаслись бѣгствомъ. Замѣтимъ, что самые неопредѣленные термины папской буллы—фратичеллы или братья бѣдной жизни или бегины—не показываютъ, чтобы въ куріи имѣли ясныя и точныя свѣдѣнія объ этихъ группахъ.

Одно ясно: всѣ они находятся подъ ближайшимъ вліяніемъ миноритовъ, если не принадлежатъ къ нимъ, и многіе причисляютъ себя къ третьему ордену. Съ тѣхъ поръ, какъ Николай IV поставилъ третій орденъ въ особенно близкую связь съ миноритами, поручивъ этимъ послѣднимъ духовное руководство надъ нимъ, нѣтъ ничего страннаго, что среди терціаріевъ отражались различныя теченія во Францисканскомъ орденѣ, въ томъ числѣ и спиритуалы не остались на нихъ безъ вліянія; тѣмъ болѣе, что это была крайне благодарная почва: терціаріи вербовались изъ людей съ повышенной религіозностью и въ то же время не отрывались отъ жизни. Еще во второй половинѣ XIII в. многіе изъ нихъ были обвинены въ принадлежности къ сектѣ бегиновъ. Съ точки зрѣнія идеаловъ, представлявшихся спиритуаламъ, терціаріи могли явиться тѣмъ избраннымъ народомъ, который они должны подготовить къ царству св. Духа. Въ свою очередь терціаріи разносили это ученье далѣе. То, что мы узнаемъ о сицилійскихъ спиритуалахъ, вполнѣ подтверждаетъ это: папская булла говоритъ, что въ ней были миноритъ, терціаріи и люди, принятые въ ихъ сообщество.

Такимъ образомъ, мы можемъ предполагать, что подъ фратичеллами въ эпоху изданія буллы Іоанна XXII понималась итальянская секта, которая въ значительной степени состояла изъ терціаріевъ и находилась подъ ближайшимъ вліяніемъ миноритовъ-спиритуаловъ, представляя, такъ сказать, продолженіе и развитіе этого движенія, когда оно вышло за предѣлы ордена. Если относительно спиритуаловъ можно

---

[1]) Lea History of Inquisition II p. 249.

было колебаться, принадлежали ли они къ сектѣ или оставались въ церкви, то относительно фратичелловъ такія колебанія невозможны. Но каковы-бы ни были различія между спиритуалами и фратичеллами, связь ихъ несомнѣнна, и съ этой стороны апологетическую попытку Ваддинга можно счесть неудавшейся.

Что касается до перечисленныхъ обвиненій, то, какъ мы уже говорили, нельзя предполагать, чтобы они были результатомъ правильнаго разслѣдованія въ Сициліи; нѣтъ возможности также думать, что Климентъ V могъ такъ снисходительно относиться къ тосканскимъ спиритуаламъ, которые въ своемъ отрицаніи церковнаго авторитета шли такъ же далеко, какъ крайніе вальденцы. Остается предположить, что на нихъ были перенесены воззрѣнія еретиковъ-фратичелловъ. То обстоятельство, что они вышли изъ среды терціаріевъ, компрометировало духовныхъ руководителей этого ордена, и здѣсь было вполнѣ естественно обвинить спиритуаловъ.

Насколько обвиненія буллы, выставленныя противъ фратичелловъ, были справедливы? Если въ ней говорится объ errores valdensum, то не должны ли мы предполагать здѣсь извѣстнаго переноса?

Прежде всего примемъ въ разсчетъ, что знакомство съ разновидностями ересей въ началѣ XIV в. было еще весьма смутнымъ. Благодаря открытію Прегера мы знаемъ, напримѣръ, какія существенныя отличія раздѣляли итальянскихъ и французскихъ вальденцевъ, а между тѣмъ источники католическіе ничего не говорили намъ объ этомъ. Цѣль описаній ересей была обличительная и практическая, и всѣ они составлялись немного по рецепту Бертольда Регенсбургскаго: кто утверждаетъ то-то и то-то,—еретикъ и подлежитъ карѣ. Главными ересями, съ которыми приходилось считаться церкви, были катары и вальденцы, и естественно, что къ ихъ воззрѣніямъ пріурочивалось и то, что находили у другихъ религіозныхъ группъ [1]).

---

[1]) Historia 7 tribulationum относитъ апостольскихъ братьевъ къ разновидности вальденцевъ; впослѣдствіи Эймерикъ въ своемъ Directorium Inquisitionis утверждалъ, что апостольскіе братья заимствовали запрещеніе клятвы отъ вальденцевъ. См. главу „de pseudo apostolis.“

Нельзя отрицать возможности того, что вальденцы воздѣйствовали на фратичелловъ. Когда религіозное броженіе вышло за предѣлы ордена, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что оно встрѣтилось съ вальденскимъ. Но больше точекъ соприкосновенія имѣли фратичеллы съ другой итальянской религіозной группой — апостольскими братьями; у нихъ обоихъ мы встрѣчаемъ ученіе о плотской и духовной церкви, объ отсутствіи духовнаго авторитета у священниковъ, апокалиптическія гаданія; оба, наконецъ, прямо или косвенно связаны съ Францисканскимъ орденомъ. Объясняются ли эти черты вліяніемъ апостольскихъ братьевъ, заимствованіемъ у нихъ, или они восходятъ къ одному общему источнику?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ лишь гипотетическій. У насъ нѣтъ прямыхъ слѣдовъ воздѣйствія апостольскихъ братьевъ на фратичелловъ. Община Дольчино была разгромлена, остались ли ея слѣды въ Италіи,—неизвѣстно [1]). Хроника 7 гоненій сообщаетъ намъ, что неаполитанскій инквизиторъ заподозрилъ товарищей Либерата и Кларена въ принадлежности къ этой сектѣ, но спиритуаламъ удалось опровергнуть это обвиненіе; она показываетъ намъ также, какъ строго эти послѣдніе осуждали Дольчино.

Перейдемъ къ другому району, обозначенному въ папской буллѣ. И въ Южной Франціи религіозное броженіе, поднятое спиритуалами, не ограничилось предѣлами Францисканскаго ордена. 26 фев. 1322 г. папа обратился ко всѣмъ епископамъ Прованса съ требованіемъ—изслѣдовать жизнь нѣкоторыхъ братьевъ и сестеръ третьяго ордена, которые разсуждаютъ о церковныхъ догматахъ, таинствахъ, апостольской власти и папскихъ ключахъ, нѣкоторые даже мыслятъ о вѣрѣ иначе, чѣмъ думаетъ церковь. Бернардъ Гвидо въ своей Practica Inquisitionis сообщаетъ много свѣдѣній о провансальскихъ бегинахъ, которые появились около 1315 г.,

---

[1]) Несомнѣнно, они остались въ Испаніи: Practica Inquis. 330—333. Срав. Tocco Gli Apostolici и Fra Dolcino, Archivio Stor. Ital. V. Срав. у Villani VIII. 87: Dolcino, quale non era frate di regola ordinata, ma Fraticello senza ordine.

подвергались преслѣдованію и сожженію въ 1317 г. И въ другихъ источникахъ [1]) они называются бегинами.

Это названіе принадлежитъ къ числу неопредѣленнѣйшихъ въ терминологіи средневѣковыхъ ересей. Повидимому, надо признать, что слово это въ первоначальномъ смыслѣ не обозначаетъ никакихъ еретическихъ воззрѣній, а просто указываетъ на соединеніе людей религіознаго характера, не принадлежащихъ къ установленнымъ монашескимъ орденамъ. Первоначально такъ назывались именно женскія соединенія, и въ XIII в. мы встрѣчаемся чаще съ формой „beguinae"; для обозначенія мужскихъ ассоціацій употреблялось слово „beghardi". Нѣмецкіе соборы постоянно осуждаютъ бегардовъ и бегиновъ, которые ведутъ бродячій образъ жизни, увѣряютъ, что блюдутъ евангельскую бѣдность и выпрашиваютъ по дорогамъ и деревнямъ милостыню крича: Brod durch God! [2]).

Въ XIV в. все это перемѣнилось. Въ Италіи и Франціи бегинами называютъ еретиковъ, связанныхъ съ францисканцами-спиритуалами; къ нимъ причисляютъ и фратичелловъ. Такъ, анонимный трактатъ, помѣщенный во II томѣ Miscellanea Балузія носитъ заглавіе „Contra beguinos fratres minores, qui dicuntur spirituales". Въ Германіи слову бегины придается другое значеніе: къ нимъ причисляются многочисленныя развѣтвленія секты свободнаго духа съ болѣе или менѣе ясно выраженной пантеистической окраской, съ признаніемъ правъ плоти, отрицаніемъ аскетизма и т. д. Такой смыслъ дается слову въ статутѣ Генриха I Кельнскаго [3]), въ буллахъ Климента V и Іоанна XXII, обращенныхъ къ клиру Германіи [4]). Альваръ Пелагій также причисляетъ

---

[1]) Напримѣръ въ Liber sententiarum inquisitionis Tolosanae, изданной Лимборхомъ, въ инквизиціонныхъ матеріалахъ, опубликованныхъ Дёллингеромъ въ Beiträge zur Sectengeschichte des Mittelalters, B. II.

[2]) Напр. Трирскій соборъ 1267 г.— Dur. et Mar. Amplissima Collectio, VII, p. 114 etc. У Mosheim: De Beghardis, passim. Относительно еретиковъ-бродягъ сравни Max. bibl. vet. pat. t. 25 p. 275 „De hypocritis qui nuncupantur. Stertzer.

[3]) Mosheim: De Beghardis p. 211—219.

[4]) Ib. p. 618 и 630.

къ бегинамъ исключительно нѣмецкихъ еретиковъ свободнаго духа [1]). Но бегинами называли въ Германіи и людей, относительно воззрѣній которыхъ не было извѣстно ничего опредѣленнаго, но соединенія коихъ казались подозрительными [2]). Замѣтимъ, что женскія ассоціаціи, носившія это имя, пользовались со стороны церкви извѣстнымъ покровительствомъ; такъ, Іоаннъ XXII въ своихъ буллахъ не разъ указывалъ, что на нихъ не распространяется осужденіе, произнесенное Климентомъ противъ бегиновъ-еретиковъ [3]).

Такимъ образомъ, провансальскіе бегины, которыхъ мы находимъ при Іоаннѣ XXII, составляютъ совсѣмъ особую группу [4]). Замѣтимъ при этомъ, что они сами отдѣляли себя отъ итальянскихъ фратичелловъ [5]).

Эти еретики развили ученіе спиритуаловъ и въ частности Оливи о превосходствѣ францисканскаго Правила по предписываемой имъ высочайшей бѣдности. Правило равносильно Евангелію Христову; изъ него ничего нельзя убавить, ни прибавить къ нему; папа не можетъ произвести въ немъ какихъ-нибудь измѣненій; епископы и даже папы, вышедшіе изъ ордена, не освобождаются отъ его исполненія. Поэтому бегины относились съ благоговѣйнымъ почтеніемъ къ памяти 4 миноритовъ, сожженныхъ въ Марсели: Христосъ былъ

---

[1]) De planctu ecclesiae II, 52.

[2]) Ср. De erroribus beghardorum Конрада Регенсбургскаго, Bib. Max. Vet. Pat. t. XXV p. 310.

[3]) Mosheim. p. 627. Бернардъ Гвидонъ въ Prac. inquis., говоря о различіяхъ среди бегиновъ, прибавляетъ: quidam ex eis inveniuntur et sunt, qui in erroribus seu opinionibus errores implicari noluerunt et ab eis se abscindunt.

[4]) Опред. Гвидо p. 269—beginorum secta... qui fratres Pauperes se apellant et dicunt se tueri et profiteri Regulam s. Francisci, modernis temporibus exsurrexit in provincia Provinciae et Narbonensi.

[5] Llb. Inquis Tolos. p. 326 мы читаемъ признаніе одного бегина: quod omnes religiones seu ordines destruentur ante finem mundi excepto ordine S. Francisci, cuius ordinis dixit esse tres partes, unam videlicet in communitate ordinis et secundam in illis, qui vocantur fraticelli, et istae 2 partes similiter destruerentur, et tertiam in fratribus qui vocantur spirituales et in beguinis de tertio ordine eos adhaerentibus; et ista tertia pars sicut S. Francisco promissum fuit, usque ad finem mundi perduraret et in ea veritas regulae permaneret.

вторично въ нихъ распятъ, а папа, согласившись на ихъ казнь, изобличилъ этимъ самымъ себя въ ереси [1]). Но особымъ культомъ пользовался у нихъ Оливи, въ коемъ они видѣли апокалиптическаго ангела, съ лицомъ, сіяющимъ подобно солнцу, и съ открытой книгой въ рукѣ. Если бы Богъ не далъ церкви Оливи или другого, ему подобнаго, весь міръ былъ-бы пораженъ грѣхомъ и симоніей; его сочиненія выше твореній отцовъ церкви [2]). Сами они имѣли при себѣ сочиненія Оливи, переведенныя на народный языкъ, и пользовались ими въ своемъ апокалиптическомъ ученіи. Различая двухъ антихристовъ—реальнаго и мистическаго, они представляли послѣдняго въ Іоаннѣ XXII [3]): при жизни его придетъ другой антихристъ, которому дано будетъ покарать церковь; одни видѣли его въ Филиппѣ Маіорскомъ, другіе—во Фридрихѣ Сицилійскомъ, котораго папа отлучилъ въ 1321 г. Срокъ прихода этого второго антихриста опредѣляли различно: въ 1325 г. [4]), 1330 г. [5]), 1336 г. [6]). Ожидались большія войны между Франціей и Фридрихомъ Сицилійскимъ, въ которыхъ Франція и Неаполь, представители гвельфизма, будутъ совершенно побѣждены; при этомъ погибнетъ такъ много народу, что женщины, не находя мужчинъ, будутъ соединяться съ деревьями. Нѣкоторые бегины понимали мистическаго антихриста въ иносказательномъ смыслѣ: какъ собраніе всѣхъ монаховъ, не исполнившихъ своего обѣта и отступившихъ отъ своего призванія [7]).

---

[1]) Lib. sent. inquis. Tolos. p. 270.

[2]) Ibid. p. 329, Item dicunt et componunt quod dictus frater Petrus Iohannae Olivi fuit spiritualiter ille angelus, de quo scribitur in Apoc. X, „quod facies eius erat sicut sol et habebat librum apertum in manu sua“ quia ut dicunt singulariter inter omnes alios fuit ei aperta veritas Christi et intelligentia libri Apocalypsis.

[3]) Ib. 330, 365.

[4]) P. 289, 303.

[5]) P. 306.

[6]) P. 298.

[7]) P. 326. Item quod tempore moderno omnia foramina sunt plena antichristo intelligens dictum verbum sic, quod omnes religiosi temporis moderni erant pleni antichristo, qui non faciunt, non observant regulam S. Patrum, quam professi sunt.

И у провансальскихъ бегиновъ бѣдствія времени антихриста служили подготовительной ступенью къ блаженству третьяго царства. Они говорятъ, что во время преслѣдованія антихриста и его войнъ плотскіе христіане будутъ удручены и скажутъ: если бы существовалъ Христосъ, то Богъ не попустилъ бы такихъ бѣдствій на христіанъ. Въ отчаяніи отступятъ они отъ вѣры и погибнутъ, но Богъ скроетъ избранныхъ мужей духа (spirituales electos) отъ антихриста и его слугъ; когда церковь сведется къ тому же числу вѣрующихъ, какое было при ея основаніи, такъ что едва останется 12 мужей, на нихъ изольется Св. Духъ въ большемъ изобиліи, чѣмъ онъ излился на апостоловъ. Послѣ смерти антихриста эти „мужи духа“ обратятъ весь міръ къ вѣрѣ во Христа, всѣ люди будутъ добрыми и кроткими, и не станетъ въ нихъ никакого грѣха, развѣ какіе-нибудь незначительные грѣхи; и все будетъ общее и въ общемъ пользованіи; никто не захочетъ обижать или безпокоить другого, ибо великая любовь соединитъ всѣхъ, и будетъ едино стадо и единый пастырь. Нѣкоторые бегины прибавляли, что такъ продолжится 100 лѣтъ, а затѣмъ въ людей мало-по-малу вселится порочность и такъ возрастетъ, что Христосъ увидитъ себя какъ-бы вынужденнымъ (quasi cogetur) начать страшный судъ.

Всѣ эти воззрѣнія представляютъ развитіе того, что мы находимъ у Оливи. И здѣсь многое было понято буквально то, что у нарбоннскаго отшельника носило фигуральный смыслъ; осужденіе господствующей церкви проведено рѣзче, но это и понятно послѣ того, какъ вѣрность новому ученію была засвидѣтельствована на кострахъ, зажженныхъ этой церковью. И здѣсь естественно являются іоахимовскія идеи. Что касается до оговорки нѣкоторыхъ объ оскудѣніи любви въ третьемъ царствѣ, то она весьма понятна, какъ попытка объяснить необходимость страшнаго суда, послѣ того какъ царство Св. Духа осуществится на землѣ.

Съ другой стороны, неоспоримы и черты сходства съ апостольскими братьями. И у провансальскихъ бегиновъ мы находимъ представленіе о Фридрихѣ Сицилійскомъ, караю-

щемъ церковь; и среди нихъ нѣкоторые думали „nonne est bene magnum meritum, quod sic stemus osculando, amplexando, tangendo et tamen non consentiendo in pertractione carnalis peccati“ [1]). Но и здѣсь нѣтъ никакихъ слѣдовъ прямого воздѣйствія.

Что касается до отрицательнаго отношенія провансальскихъ бегиновъ къ итальянскимъ фратичелламъ, уже упомянутаго выше, можетъ быть, оно было связано съ тѣмъ, что бегины производили себя отъ Оливи, который осудилъ Либерата и Кларена, причисляемыхъ также къ фратичелламъ. Различіе въ характерѣ воззрѣній этихъ двухъ еретическихъ группъ было довольно незначительное: то же исключительное признаніе авторитета за собственной сектой, то же представленіе о двухъ церквахъ. Изъ инквизиціонныхъ показаній можно думать, что догматы бегиновъ были разнообразнѣе, неопредѣленнѣе и менѣе отчетливо установлены, чѣмъ у фратичелловъ: болѣе крайніе бегины шли такъ же далеко, какъ фратичеллы, болѣе умѣренные оставались на полъ-дорогѣ [2]).

Намъ остается предположить, что общія черты суть результаты общаго происхожденія. Его приходится искать въ революціонномъ іоахимизмѣ, выработанномъ въ теченіе XIII вѣка среди строгой партіи Францисканскаго ордена. Апостольскіе братья также вышли отсюда, но образовали совершенно обособленное общество, члены котораго такъ же мало хотѣли слышать о нищенствующихъ орденахъ, какъ и объ остальныхъ органахъ церкви и іерархіи. Напротивъ

---

[1]) P. 382: item dum ipse staret nudus in lecto super dictam mulierem nudam et ipsa sub eo, ipse interrogavit eam et vos non habetis modo voluntatem vel concupiscentiam facti vel actus carnalis, et ipsa respondit, quod non nisi maritus eius sic iaceret cum ea, et tunc ipse dixit ei, quod si talem concupiscenciam vel voluntatem haberet, tunc maius meritum haberet, si non consentiret in facto, quam quia talem concupiscentciam non habebat.

[2]) P. 32: item dixit, quod liccet audiverit a beguinis quod dominus Papa non poterat cassare vel disconfirmare ordinem fratrum minorum, vel fratrum de poenitentia, ex quo semel confirmaverat ordines praedictos, tamen circa istam quaestionem fuit dubium et non magis declinabat ad unam partem, quam ad aliam.

того, и провансальскіе бегины и итальянскіе фратичеллы не утратили связи съ орденомъ, вѣроятно, вслѣдствіе того, что эти ереси выработались первоначально среди терціаріевъ [1]). Повидимому, сходство фратичелловъ и бегиновъ съ апостольскими братьями не укрылось отъ церкви; образъ Дольчино съ его общиной всегда стоялъ передъ ней, какъ угрожающій примѣръ, стимулировавшій ея усердіе противъ неумѣренныхъ поклонниковъ евангельской бѣдности и третьяго царства.

Вскорѣ произошли событія, которыя совершенно измѣнили обычный характеръ отношеній ордена и куріи. Если до сихъ поръ орденъ въ его цѣломъ, въ лицѣ почти всѣхъ прелатовъ и большей части братьевъ, оставался въ союзѣ съ куріей, то теперь мы присутствуемъ при необычайномъ зрѣлищѣ: большинство, руководимое прелатами, хотя и ненадолго, перешло въ лагерь враговъ куріи и, естественно, принесло съ собой всѣ тѣ рессурсы, которые до сихъ поръ дѣлали его столь цѣннымъ для церкви.

Начало этого конфликта такъ же странно, какъ страненъ и самый конфликтъ. Онъ зарождается въ глубинахъ схоластической мысли, которыя представляются намъ совершенно чуждыми жизненнаго содержанія. Мы имѣемъ между тѣмъ передъ собой одинъ изъ интереснѣйшихъ примѣровъ того, какъ эти формулы, удивляющія насъ своей безполезностью, если мы сумѣемъ ихъ дешифрировать, представляются полными жизненнаго содержанія отвѣтами на вопросы, которые въ другой формѣ волнуютъ XIX вѣкъ не менѣе XIV вѣка. Eadem, sed aliter.

Въ 1321 г. нарбоннскій инквизиторъ производилъ слѣдствіе надъ однимъ бегиномъ изъ Нарбонны. Между прочимъ, бегинъ утверждалъ, что Христосъ и его апостолы вели совершенную жизнь, ничего не имѣли, ничѣмъ не владѣли—

---

[1]) См. буллу 26 фев. 1322 г. Эта булла показываетъ намъ религіозное броженье у терціаріевъ, среди которыхъ ученье спиритуаловъ такъ хорошо привилось и развилось.

ни каждый въ частности, ни всѣ сообща [1]). Когда инквизиторъ между другими признаніями, подлежащими осужденію, выставилъ и это, то миноритъ Беренгарій, присутствовавшій при слѣдствіи, лекторъ Нарбоннскаго монастыря, всталъ и открыто заявилъ, что это отнюдь не есть ересь, а здравое и католическое ученіе. Инквизиторъ-доминиканецъ былъ возмущенъ этими словами и потребовалъ, чтобы Беренгарій ихъ взялъ назадъ; а когда тотъ отказался, апеллировалъ къ папѣ. Іоаннъ XXII подъ вліяніемъ доминиканцевъ былъ настроенъ противъ Беренгарія, и когда послѣдній явился въ Авиньонъ защищаться, принялъ его весьма сурово и велѣлъ задержать въ монастырѣ миноритовъ. Вопросъ сталъ предметомъ особыхъ раздоровъ между минoритами и доминиканцами: первые стояли за Беренгарія, вторые увѣряли, что это ересь. Неизвѣстно, почему папа пожелалъ выслушать мнѣніе Убертина. Послѣдній далъ рѣшеніе т. с. промежуточное. Христосъ и апостолы были прелатами церкви; въ качествѣ таковыхъ они имѣли общую собственность для раздачи и распредѣленія ея между бѣдными; отрицать это—ересь. Затѣмъ они были какъ-бы образцами религіознаго совершенства и полнаго презрѣнія ко всему мірскому, и дали примѣры своимъ послѣдователямъ [2]). Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, то вопросъ опять раздѣляется. Понимая подъ собственностью то, что понимаютъ подъ ней гражданскіе законы (modus civilis et mundanus)—т. е. защиту судебнымъ порядкомъ, мы должны признать, что ея не было у Христа и апостоловъ, ибо Онъ сказалъ: „кто возьметъ у тебя верхнюю одежду, отдай ему и рубашку“. Напротивъ того, если понимать подъ правомъ

---

[1]) Wadd. 1321, 16: inter cetera asserebat beghinus Christum Dominum et Apostolos viam perfectionis sectantes et docentes nihil habuisse et possedisse iure proprietatis aut dominii speciali, neque in communi. Противоположная (доминиканская) традиція см. въ Ann. Bzovii 1322, 1.

[2]) Secundo Christus et apostoli possunt considerari ut singulares personae, fundamenta perfectionis religiosae et perfecti mundi contemptores ac gloriam mundi calcantes ac Christi consilia de supererogatione perfectionis in se ipsos observantes et omnibus volentibus esse perfectos exempla lucida tribuentes.

собственности пользованіе необходимыми вещами, которыя принимаются въ качествѣ пожертвованій [1]), то такой собственности нельзя отвергнуть ни за Христомъ, ни за апостолами. Отвѣтомъ Убертина папа, повидимому, не былъ вполнѣ удовлетворенъ, но отложилъ свое рѣшеніе.

Мы поймемъ вопросъ, если вспомнимъ споръ о евангельской бѣдности. Нищенствующіе ордена видѣли ее въ полномъ отреченіи отъ собственности, даже коллективной; для нихъ это была высшая форма жизни, осуществленная въ церкви. Отсюда естественно было вывести, что Христосъ и апостолы, давшіе образцы этой высшей жизни, также не имѣли коллективной собственности.

Съ точки зрѣнія правящей церкви такое утвержденіе имѣло много неудобныхъ сторонъ. Уже давно она видѣла себя вынужденной бороться со спиритуалами, съ ихъ опаснымъ энтузіазмомъ бѣдности, съ ихъ вѣрой въ собственную миссію. Чѣмъ больше спиритуалы распространяли это опасное направленіе и за предѣлами своего ордена, тѣмъ необходимѣе было поражать и ихъ теоретическія общія посылки. Если Христосъ не имѣлъ собственности, то и всѣ, кто хотѣли слѣдовать за Нимъ, должны отказаться отъ нея. Богатства церкви не согласны съ жизнью Христа, и она не вправѣ уменьшать духовное совершенство братьевъ, надѣляя ихъ собственностью. До извѣстной степени это было продолженіе парижскаго спора пятидесятыхъ годовъ; но тогда церковь защищала своихъ новыхъ помощниковъ, въ которыхъ она видѣла полную преданность себѣ; тогда и доминиканцы, и францисканцы шли рядомъ. Теперь она все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ недовѣріемъ относилась къ принципамъ, на коихъ были основаны нищенствующіе ордена; перевѣшивали ли услуги, оказываемые францисканцами церкви, опасности, связанныя съ броженіемъ среди нихъ? Теперь доминиканцы съ неменьшей ревностью нападали на неумѣренныхъ защитниковъ евангельской бѣдности, чѣмъ прежде на Вильгельма Сентъ-Амура.

---

[1]) Alio modo possunt habere res temporales, quantum ad ius necessarium et commune fructum caritatis.

Не трудно понять, что симпатіи Іоанна XXII были не за миноритовъ. Его юридическій умъ былъ чуждъ энтузіазму бѣдности; и, не отдавая себѣ яснаго отчета въ строѣ чувствъ, на коемъ этотъ энтузіазмъ держался, папа видѣлъ лучшее средство разрушить его въ опроверженіи той большой посылки, изъ коей онъ вытекалъ. Его въ высшей степени интересовало церковное хозяйство, онъ удачно велъ его: могъ ли онъ перенести равнодушно скрытое осужденіе этого хозяйства, заключающееся въ утвержденіи, что ни у Христа, ни у апостоловъ не было собственности [1]). Наконецъ, дѣйствовала тутъ и его особая близость къ доминиканцамъ, въ школѣ которыхъ онъ получилъ образованіе и съ помощью которыхъ очищалъ церковь отъ фратичелловъ и бегиновъ. Гласбергеръ указываетъ, что свои столь непріятныя для ордена буллы папа издалъ по внушенію нѣкоторыхъ доминиканцевъ, и вообще они раздували конфликтъ ордена и куріи [2]).

Можно понять съ другой стороны, почему миноритъ в большинствѣ держались за это ученіе. Вспомнимъ, что различныя партіи въ орденѣ спорили о pauper usus, но не о собственности, что деклараціи Николая III и Климента V подтверждали запрещеніе всякой собственности въ орденѣ. Для строгой партіи это отреченіе представлялось необходимымъ условіемъ евангельскаго совершенства. У большинства сохранилось по крайней мѣрѣ чувство, что орденъ можетъ быть нищенствующимъ лишь по стольку, по скольку онъ не получаетъ собственности. Это звучитъ странно, но въ отдѣленіи собственности отъ пользованія лежало одно изъ главныхъ условій свободы дѣйствія и силы Францисканскаго ордена. Между тѣмъ, представлялось яснымъ, что, если Христосъ и апостолы имѣли собственность, то и орденъ,

---

[1]) См. Verlaque, Jean XXII, p. 205. Christophe, Histoire de la Papauté pendent le XIV siècle II p. 1—12. Baluzii Vitae paparum avinion. I p. 135, 154. По словамъ Виллани (XI, 20) послѣ смерти Іоанна XXII въ авиньонской казнѣ нашли 8 мильоновъ золотыхъ флориновъ.

[2]) См. Anal. Fr. II p. 131. Suggestione quorundam praedicatorum; p. 151 ex praedictis habetur, quod Praedicatores hanc tribulationem ordinis Minorum excitaverunt.

возрождающій въ церкви апостольскую жизнь, долженъ ее имѣть. Наконецъ, чувствовалась потребность дать отпоръ доминиканцамъ. Вслѣдствіе этого насъ не удивитъ, что общее собраніе ордена въ Перуджіи, гдѣ принимали участіе и кардиналы, вышедшіе изъ ордена, безъ разногласій дало отрицательное рѣшеніе вопросу о собственности Христа и апостоловъ и признало спасительнымъ отреченіе отъ собственности [1]). Соборъ послалъ папѣ письмо, въ которомъ, упоминая о прежнихъ случаяхъ, просилъ не отымать у миноритовъ евангельской бѣдности и не уничтожать декларацiи папы Николая [2]). Вмѣстѣ съ этимъ, миноритъ послали въ курію Бонаграція Бергамскаго въ качествѣ защитника ихъ дѣла. Этотъ выборъ лучше всего показываетъ, что не одна строгая партія была противъ ученія о собственности Христа; мы видѣли Бонаграцію среди самыхъ ревностныхъ гонителей спиритуаловъ и Убертина съ товарищами въ частности.

Почти одновременно съ рѣшеньемъ перуджинскаго собора папа издалъ буллу (26 мар. 1322 г.), которая должна была подготовить почву для рѣшенья вопроса. Мы знаемъ, что францисканцы и особенно спиритуалы постоянно указывали на декларацію Николая III, которая запрещала на будущее время глоссировать и комментировать Правило. До извѣстной степени это запрещенье уже было нарушено Климентомъ V; но „exivi de paradiso“ въ общемъ стояло на той же точкѣ зрѣнія, какъ и „exiit, qui seminat“, а Іоаннъ XXII имѣлъ въ виду коренную реформу—введенье общей

---

[1]) Baluz. Miscell. III 203, 1. Wadd. 1322 и 52: concorditer et unanimiter dicimus, quod dicere aut asserere, quod Christus et Apostoli nihil iure proprietatis in communi habuerunt, non est haereticum, sed sanum et catholicum. Hem dicere quod abdicatio proprietatis omnium rerum tam in speciali quam etiam in communi propter Deum meritoria est et sancta. Въ болѣе подробной и мотивированной формѣ мы находимъ ее у Bal. III, 208, 2 и у Альвара Пелагія De planctu eccl. II, c. 62.

[2]) См. K. Müller, Zft für Kirchengesch. VI, I, 106 S. Ecce subito auribus nostris insonuit rumor gravis de ventilatione videlicet quaestionis cuiusdam circa perfectionem et culmen evangelicae paupertatis, in qua status nostrae perfectionis et regulae specialiter tangitur.

собственности; поэтому, опираясь на неотъемлемое право папы, онъ отмѣнилъ и это запрещенье Николая III [1]).

Прежде чѣмъ окончательно рѣшить дѣло, папа обратился за совѣтомъ къ кардиналамъ и болѣе выдающимся епископамъ. Токко, автору L'eresia vel medio evo, удалось найти въ Венеціи списокъ, представляющій собранье ихъ мнѣній [2]).

Мы встрѣчаемъ здѣсь разнообразные отвѣты; приведемъ болѣе характерные. Виталій, еп. Албанскій, отвѣчаетъ: если апостолы имѣли что-нибудь въ своей собственности, значитъ, они не оставили всего имущества. Между тѣмъ, мы знаемъ, что они жили смиренно, прося милостыню, отъ добровольныхъ пожертвованій и отъ трудовъ рукъ своихъ [3]). Путь, соединяющій два мѣста, тѣмъ совершеннѣе и правильнѣе, чѣмъ болѣе соотвѣтствія между серединой и концами. Конецъ и начало человѣческой жизни—совершенная нагота, слѣдовательно, и середина жизни тѣмъ выше, чѣмъ больше приближается къ совершенной наготѣ [4]).

Еп. Хапскій призналъ, что положенье: Христосъ и апостолы не имѣли общей собственности—не есть ересь, но ересь утверждать, что это положеніе болѣе очевидно, чѣмъ тайна воплощенія Христа.

Архіепископъ Салернскій утверждалъ, что права собственности у Христа не было; но пользованье безъ собственности не противорѣчитъ ни въ чемъ жизни Христа.

Кардиналъ Бертранъ Турскій готовъ допустить за апостолами собственность на то имущество, которое они получили за трудъ, но лишь въ смыслѣ управленія и рас-

---

[1]) Cum suborta sunt aliqua dubia... prohibitiones duximus suspendendas. Но этимъ, прибавляетъ папа, не дается позволенья писать и проповѣдывать противъ Правила.

[2]) Codice della Marciana di Venezia sulla questione della Poverta. Venezia, 1887.

[3]) Humiliter mendicata aut liberalitate oblata, aut per laborem manum acquisita.

[4]) Via inter terminos tanto perfectior et rectior est, quanto medium conformis est extremis. Sed extrema omnis principii et finis vitae sunt nuda totaliter, ergo medium tanto perfectior quanto in maiore nuditate consistit.

предѣленья (administratio et dispensatio); собственность же принадлежала всей общинѣ вѣрующихъ.

Однако, большинство высказалось въ пользу собственности Христа. Такъ, согласно кардиналу Гослену, отказъ апостоловъ отъ собственности въ Галилеѣ объясняется лишь ея безполезностью: апостолы предвидѣли, что христіанство будетъ распространяться среди язычниковъ, и не покупали земли у себя на родинѣ; отрицанье собственности есть ересь. Кардиналъ-епископъ Потенціи ссылался на то, что Христосъ поручалъ ученикамъ продавать и покупать; на апостоловъ переносилась собственность приносимаго, какъ это видно изъ исторіи Ананьи. Если къ пользованью прибавить право, то это будетъ больше, чѣмъ простое пользованье. Христосъ и апостолы пользовались вещами, какъ собственники; утверждать противное—явная ересь. Кардиналъ Св. Стефана Целійскаго указывалъ, что важна не продажа всего имущества и раздача бѣднымъ, а кротость, безъ которой нельзя быть совершеннымъ. Кардиналъ-пресвитеръ Св. Симеона считалъ, что собственность была у Христа и апостоловъ; противное утвержденіе, однако, не составляетъ еще ереси, самый споръ неваженъ. Беренгарій, еп. Тускуланскій, говоритъ съ большой осторожностью: онъ во всемъ готовъ подчиниться рѣшенью папы [1]). Собственность была у Христа и апостоловъ; противоположное утвержденье онъ, по своему глупому разумѣнью (secundum imbecillitatem intellectus), готовъ былъ-бы признать не ересью, если бы папа не рѣшилъ вопроса иначе [2]). Съ такими же оговорками высказался за собственность у Христа кардиналъ Св. Сусанны, называющій себя несвѣдущимъ и малоискуснымъ законникомъ (grossus et modicus legista). Кардиналъ Св. Киріака предупредилъ, что во всемъ подчинится апостолическому рѣшенью, призналъ, что общая собственность ведетъ къ болѣе совершенному образу жизни, ибо вѣрующіе меньше

---

[1]) Debeo supponere, quod quidquid definivit vel declaravit vestra sanctitas vel quicunque alius successor legitimus vester, non caro et sanguis revelavit, sed pater Celestis.

[2]) Qualiter vestra Sanctitas accipiat, hoc ius utendi, ego qui sum ignarus iurium nescio iudicare.

отвлекаются отъ духовнаго для мірскихъ заботъ. Единственно, что̀ Христосъ запретилъ своимъ апостоламъ,—это всякія тяжбы. Говорить, что Христосъ никогда и нигдѣ не имѣлъ собственности,—ересь. Къ этому же мнѣнію примыкаетъ кардиналъ Наполеонъ Орсини: Христосъ не имѣлъ лишь собственности въ томъ смыслѣ, что въ нее не входила юридическая защита. Кардиналъ Св. Георгія, утверждая собственность, не рѣшался однако признать за ересь противоположное утвержденье [1]). Наконецъ, кардиналъ Св. Θеодора простеръ свою скромность до того, что призналъ предметъ спора превышающимъ его разумѣніе [2]).

Мы видимъ, что мнѣнія и разсужденья носятъ вполнѣ юридическій характеръ. Если для спиритуаловъ и для францисканцевъ вообще это представлялось весьма жизненнымъ вопросомъ, то для остальной церкви онъ еще точно не вышелъ изъ академическихъ рамокъ. Замѣтимъ, что высказавшіеся за бѣдность Христа кардиналы Виталій и Бертранъ Турскій и епископъ Салернскій въ спорѣ между орденскими партіями стояли на сторонѣ конвентуаловъ, какъ это видно изъ процесса Бернарда Делисье, а Наполеонъ Орсини, давшій рѣзкое опроверженье этому взгляду, былъ покровителемъ Либерата и его общины. Менѣе всего епископы и кардиналы желали выказывать рискованную горячность при обсужденіи вопроса, для нихъ вполнѣ отвлеченнаго, и предвосхищать папское рѣшеніе.

Это рѣшенье не заставило себя долго ждать. 8 дек. 1322 г. папа объявилъ орденъ миноритовъ собственникомъ его имущества; признаніе собственности Христа, представляющее какъ-бы догматическое оправданье этой мѣры, провозглашено было лишь 12 нояб. 1323 г.

Первая булла „ad conditorem canonum“ измѣняетъ коренным образомъ имущественныя отношенія ордена. „Право собственности на пріобрѣтенное орденомъ“, говоритъ папа,

---

[1]) Si non est determinatum... non audeo asserere esse haereticum.

[2]) ...proposita... meas iudicandi capacitates transcedunt nec me sufficere video, ut in ipsis valeam prout optarem debitum consilium impartiri, cum in divina non credo sum imbutus.

„отнынѣ будетъ принадлежать не римской церкви, а самому ордену; поэтому мы запрещаемъ съ этого времени ставить синдиковъ, которые бы управляли имуществомъ ордена отъ имени римской церкви“ [1]). Папа признаетъ, что такая мѣра противорѣчитъ декларацiи Николая III, но онъ указываетъ, что эта декларацiя вообще болѣе принесла вреда ордену, чѣмъ пользы. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ, что братья сохраняютъ простое пользованiе? Въ какомъ смыслѣ римской церкви принадлежитъ право собственности? [2]) Не есть ли эта собственность — пустое слово, такъ какъ изъ нея для церкви не проистекаетъ никакой выгоды? И можно ли считать, что орденъ лишь пользуется своимъ имуществомъ, если онъ можетъ обмѣнивать его, продавать, дарить. Говорить, что въ подобныхъ вещахъ пользованiе можетъ быть отдѣлено отъ собственности, противорѣчитъ праву и разсудку [3]).

Отмѣчая различiе со своими предшественниками, папа оправдывается аргументомъ, что они неправильно смотрѣли на пользованiе: оно можетъ быть отдѣлено отъ собственности только въ такихъ предметахъ, которые не уничтожаются при употребленiи (quae usu non sunt consumptibilia). Эта привилегiя не даетъ никакихъ выгодъ ордену, а римской церкви она не мало повредила: приходилось вести тяжбы изъ-за пустыхъ поводовъ; прокураторы злоупотребляли при этомъ санкцiей римской церкви, чѣмъ, естественно, роняли ея авторитетъ. Поэтому отнынѣ все орденское имущество, за исключенiемъ церквей и жилищъ братьевъ, переходитъ въ полную собственность ордена [4]). Вмѣстѣ съ этимъ

---

[1]) Bonorum in ordine minorum acquisitionem, dominium non amplius ad ecclesiam Romanam, sed ad ordinem ipsum spectare, quare simul prohibetur, quominus syndici deinceps constituantur et ista bona nomine Romanae ecclesiae administrentur.

[2]) Non ipse usus fratrum simplex dici debet, sed potius ecclesiae Romanae dominium est simplex. Debet simplex censeri dominium, quod ex illo nullum eidem ecclesiae temporale advenit commodum.

[3]) Dicere, quod in talibus rebus usus iuris vel facti separatus a proprietate seu dominio possit constitui, repugnet et obviet rationi.

[4]) Sancimus, quod in bonis, quae in posterum conferentur vel offerentur aut alias quomodolibet obvenire contigerit fratribus, exceptis ecclesiis,

никто отнынѣ не можетъ вести тяжбъ, касающихся орденскаго имущества, отъ имени римской церкви безъ спеціальнаго разрѣшенія папы [1]).

Постановленіе было встрѣчено рѣзкимъ неудовольствіемъ; братья въ немъ увидали какъ-бы отвѣтъ на рѣшеніе перуджинскаго общаго собранія, которое шло противъ взглядовъ папы. Выразителемъ общаго настроенія явился Бонаграція, который былъ уполномоченнымъ отъ ордена при куріи: онъ отважился въ присутствіи кардиналовъ принести папѣ апелляцію. Здѣсь указывалась принципіальная справедливость порядка, по которому все приносимое ордену становилось собственностью римской церкви, съ коей онъ связанъ сыновнымъ отношеніемъ [2]). Это лишь подлило масла въ огонь: папа повторилъ свою декларацію, развивъ и дополнивъ ее новыми доводами, а Бонаграцію за его дерзость велѣлъ заключить въ тюрьму.

Вслѣдъ за симъ вышла булла „cum inter nonnullos" (12 нояб. 1323 г.), гдѣ папа объявилъ: упорно утверждать, что Христосъ и апостолы не имѣли ни общей, ни частной собственности, значитъ впадать въ ересь. Равно еретическимъ и ложнымъ надо признать утвержденіе, что Христосъ и апостолы лишь фактически пользовались тѣмъ, что у нихъ было, не имѣя правового основанія для такого пользованія,

---

oratoriis, officinis et habitationibus, ac vasis, libris et vestimentis, nullum ius seu dominium aliquod Romanae Ecclesiae acquiretur.

[1]) Inhibemus, ne pro recipiendis, petendis, exigendis, defendendis bonis... quisquam nominetur vel constituetur nomine S. Ecclesiae Romanae procurator ne de iudicio exercere dictae ecclesiae nomine adeat, nisi de speciali Sedis Apostolicae licentia.

[2]) Baluz. Miscell. III 214, 2. Per ipsam S. R. Ecclesiam in spirituales filios sunt recepti, quasi filii parvuli in potestate patris totaliter constituti ipso facto et iure in dominium communitatis S. R. Ecclesiae et universalis ecclesiae transferatur. Замѣтимъ, что здѣсь римская церковь берется лишь въ смыслѣ высшей представительницы всемірной церкви, коей принадлежитъ все, чѣмъ пользуется орденъ. Бонаграція опровергаетъ далѣе утвержденіе папскихъ совѣтниковъ, враждебныхъ ордену (suggestores), что передача собственности куріи вызвала въ немъ внутренніе раздоры. Апелляція обращена не только къ папѣ, но и ко всей церкви.

что они не могли продавать или отдавать своего имущества и т. п. [1]).

Спрашивается, почему эти буллы встрѣтили такое несочувствіе въ орденѣ и почему его историки, даже столь умѣренные, какъ Ваддингъ, считаютъ, что папа по меньшей мѣрѣ впалъ въ заблужденіе? [2])

Исходная точка зрѣнія папы заключается въ томъ, что евангельская бѣдность не предполагаетъ отреченія отъ собственности, даже въ смыслѣ ея юридической защиты; примѣра такой бѣдности не далъ ни Христосъ, ни его ученики.

Здѣсь онъ высказывался не только противъ спиритуаловъ, но и противъ францисканцевъ, желавшихъ сохранить орденъ въ томъ видѣ, въ какомъ его создали Правило и декларацiи Григорія IX и Николая III; выступалъ онъ и противъ своихъ предшественниковъ, въ особенности противъ Климента V, декларація котораго дана была такъ недавно. Въ сущности говоря, эта булла окончательно отнимала у францисканцевъ характеръ нищенствующаго ордена,

Это со стороны принципіальной. Со стороны же практической отказъ римской куріи отъ защиты орденскаго имущества тоже влекъ за собой важныя послѣдствія. Мы видѣли, что въ своей полемикѣ спиритуалы весьма сурово порицали своихъ собратьевъ за то, что съ помощью папскихъ прокураторовъ они пользуются всѣми благами собственности, получаютъ деньги и, прикрываясь подставными лицами, ведутъ даже судебные процессы. Для Убертина Казале такая „математическая бѣдность“ являлась простымъ лицемѣріемъ. Конечно, однако, въ мотивахъ осужденія, высказаннаго спиритуалами и папой, не было ничего общаго. Іоаннъ XXII какъ-бы исходитъ изъ простого здра-

---

[1]) Rursus pertinaciter affirmare, quod redemptori nostro praedicto eiusque discipulis iis, quae ipsos habuisse scriptura sacra testatur nequaquam ius ipsis utendi competierit nec illa vendendi vel donandi ius habuerint aut ex ipsis alia acquirendi...quae tamen ipsos fecisse scriptura sacra testatur, sed ipsos potuisse facere supponit expresse... assertionem haereticum et erroneum declaramus.

[2]) См. апологію политики Іоанна XXII у Эрле въ Archiv für L. K. G. IV 44—45 S.

ваго смысла: если братья пользуются всѣми преимуществами собственности, то они и есть собственники, а не церковь, на долю которой выпадаютъ лишь хлопоты и неудобства. Это было несомнѣнно, но не менѣе несомнѣнно и то, что такимъ образомъ терялись источники силы, которую давали церкви францисканцы въ качествѣ ея помощниковъ. Сила эта заключалась въ отсутствіи у нихъ мѣстныхъ связей и матеріальныхъ заботъ—въ ихъ вѣрности и подвижности. Если они получали общую собственность, которую должны были бы защищать, эта свобода неминуемо ограничивалась бы.

Папство, принимая орденъ на службу, обезпечивало его матеріальное положеніе и въ то же время не связывало его. Съ точки зрѣнія Іоанна XXII это было несправедливостью, такъ какъ римская курія не извлекала никакихъ матеріальныхъ выгодъ изъ своего мнимаго права собственности надъ орденскимъ имуществомъ; но она получала неоцѣнимыя выгоды въ томъ, что имѣла такихъ образцовыхъ и независимыхъ помощниковъ. А такъ какъ въ концѣ-концовъ нищенствующіе ордена содержались общественными пожертвованіями; такъ какъ эти пожертвованія были тѣсно связаны именно съ отсутствіемъ у нихъ всякой собственности, которое привлекало къ нимъ вниманіе и сочувствіе многочисленныхъ общественныхъ элементовъ, тяготившихся епископами-князьями и аббатами-сеньорами, то можно сказать, что римская курія матеріально здѣсь ничего не теряла.

Такимъ образомъ, какъ церковно-политическая мѣра, реформа Іоанна XXII была несомнѣнной ошибкой, которая угрожала ослабить церковь и возбудить крайнее неудовольствіе среди ордена, строгіе элементы котораго оскорблялись такимъ отрицаніемъ ихъ идеала евангельской жизни, а умѣренные не были расположены терять свое привилегированное положеніе.

Съ своей стороны понятно, какъ Іоаннъ XXII пришелъ къ этой мѣрѣ. Прошло столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ Гонорій III, утвердивъ Правило, инкорпорировалъ орденъ въ систему церковныхъ учрежденій. Извѣстный антагонизмъ между клиромъ и францисканцами не прекращался, но все же мино-

риты вполнѣ вошли въ церковную жизнь: къ нимъ привыкли и менѣе отдавали отчетъ въ первоначальномъ источникѣ ихъ силы. Да и самая универсальная программа духовнаго правленія, которую проводилъ Иннокентій III и завѣщалъ своимъ преемникамъ, значительно суживалась послѣ пораженій Бонифація VIII и, въ особенности, послѣ перехода папъ въ Авиньонъ, гдѣ такъ сильно чувствовалось давленіе власти французскихъ королей. На первомъ планѣ стали финансовыя и политическія выгоды куріи.

Далѣе, внутренніе раздоры Францисканскаго ордена становились все опаснѣе. Спиритуалы породили фратичелловъ и бегиновъ; чувствовалось, что и апостольскіе братья, дерзость коихъ въ глазахъ церкви превосходила даже дерзость катаръ, какъ-то связаны съ ними. Всѣ эти еретическія движенія группировались около культа евангельской бѣдности, ведущей начало отъ неимущаго Христа и величайшаго изъ Его преемниковъ—Франциска, и въ этомъ культѣ implicite заключалось осужденіе церковнаго строя. Съ превращеніемъ францисканцевъ въ имущій орденъ всѣ іоахимистическія мечтанія о его будущей великой миссіи разрушались.

Лично Іоаннъ XXII, какъ мы уже говорили, былъ особенно противъ экзальтированной бѣдности. Онъ подошелъ къ вопросу и разрѣшилъ его съ точки зрѣнія здраваго смысла и юридической логики.

Доминиканцы видѣли въ его рѣшеніи настоящую побѣду для себя. „Братья доминиканцы“, разсказываетъ Іоаннъ Винтертурскій, „въ насмѣшку и поруганіе миноритамъ и на соблазнъ всей церкви, изображали Христа съ кошелькомъ, протягивающимъ руку для сбора денегъ; болѣе того—ужасно было для вѣрующихъ слышать и видѣть это – на стѣнахъ монастырей, гдѣ много бывало народу, они изображали Христа на крестѣ: одна рука пригвождена къ кресту, другая беретъ и кладетъ деньги въ кошелекъ, висящій на поясѣ. Все это дѣлалось, дабы видѣвшіе разумѣли, что у Христа была собственность“ [1]).

Такимъ образомъ, мы не должны удивляться, что эти мѣ-

---

[1]) См. въ Archiv für schweizerische Geschichte, XI B. 1856, 86 S.

ры, столь расходящіяся и съ настроеніемъ, и съ интересомъ ордена, и съ предшествующимъ курсомъ папской политики, вызвали въ орденѣ небывалую реакцію. Не прошло еще мѣсяца со дня опубликованія буллы, которая признавала ересью ученье объ отсутствіи собственности у Христа, какъ папа поручилъ еп. Болонскому и Феррарскому наказать Вильгельма Оккама, продолжавшаго проповѣдывать эту ересь (1 дек. 1322 г.).

Здѣсь споръ папы и ордена принимаетъ размѣры грандіознаго церковно-политическаго конфликта, благодаря участію въ немъ Людовика Баварскаго. Всматриваясь въ этотъ послѣдній конфликтъ папства и средневѣковой имперіи, мы не увидимъ среди его участниковъ тѣхъ титаническихъ фигуръ, которыя придавали такой драматическій интересъ прежнимъ столкновеніямъ носителей высшаго духовнаго и высшаго свѣтскаго авторитета. Іоаннъ XXII, неистощимый въ изысканіи новыхъ источниковъ дохода для римской куріи, Бенедиктъ XII, всецѣло отдавшій себя во власть французской политики, столь же мало напоминаютъ Григорія VII, сколь мало сходства между Людовикомъ Баварскимъ, постоянно ощущавшимъ, несмотря на свои притязанія, что борьба съ папами ему не подъ силу, и Гогенштауфенами. Но Людовикъ сгруппировалъ вокругъ себя различные элементы, враждебные папству, и благодаря имъ споръ пересталъ быть только столкновеніемъ между папой и императоромъ и пріобрѣлъ принципіальный смыслъ. А эти элементы были крайне разнородны: францисканцы-спиритуалы, францисканцы-конвентуалы, теоретики политическаго радикализма, какъ Марсилій, римская партія, осуждавшая вавилонское плѣненіе папъ, нѣмецкіе города, нѣмецкіе князья— всѣ они оказывали въ той или другой формѣ поддержку Людовику, и эта поддержка запечатлѣвалась въ памятникахъ его борьбы съ папами. Самъ императоръ былъ, такъ сказать, геометрическимъ мѣстомъ этихъ вліяній, и его дѣйствія были обыкновенно результатомъ ихъ равнодѣйствующей.

Укажемъ вкратцѣ ходъ событій, которыя предшествовали союзу Людовика съ миноритами. Въ 1314 г. были одновре-

менно выбраны въ римскіе короли Фридрихъ Австрійскій и Людовикъ Баварскій [1]); каждый изъявлялъ твердое намѣреніе защищать законность своего избранія оружіемъ. Неизвѣстно, были ли представлены избирательные декреты папѣ Іоанну [2]), мы знаемъ лишь, что папа, опираясь на буллу Урбана IV, данную во время избранія Ричарда Корнуэльскаго и Альфонса Кастильскаго [3]), потребовалъ себѣ окончательный голосъ въ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, вопросъ разрѣшился побѣдой Людовика надъ его противникомъ при Мюллендорфѣ, и онъ, опираясь на партію гибеллиновъ, заставилъ присягнуть себѣ въ Италіи. Это было новой узурпаціей съ точки зрѣнія папы, который считалъ себя въ правѣ распоряжаться Италіей, пока императорскій престолъ остается незамѣщеннымъ. Сверхъ того, вожди гибеллинской партіи—Висконти, Конгранде и др.—были сильно заподозрѣны въ ереси.

Іоаннъ XXII отвѣчалъ на эту узурпацію тѣмъ, что въ 1323 г. опубликовалъ первый процессъ противъ Людовика [4]), гдѣ послѣдній за своевольное принятіе титула, распоряженія въ Италіи и покровительство еретику Висконти объявляется низложеннымъ. Въ отвѣтъ на это Людовикъ выпустилъ, такъ называемый, нюренбергскій процессъ [5]). Здѣсь, заявляя свою вѣрность католической церкви, новоизбранный король обращается отъ защиты къ нападенію на папу; римскій первосвященникъ незаконно расширяетъ свои притязанія: онъ долженъ рѣшать дѣло, лишь когда ему его предоставятъ. Хотя Богъ отъ вѣка установилъ два независимыя свѣтила—духовную и свѣтскую власть, но папа стремится затушить второе свѣтило.

---

[1]) См. Ioann Vintodur p. 70; Ioani Victorin. у Böhmer, Fontes rerum germanicarum I p. 385

[2]) См. Pfannschmied: Sind dem Papste Ioann XXII die Wahldecrete der Gegenkönige wurden въ Forschungen für deutsche Geschichte I 51 S. (даетъ утвердительное предположеніе). Противоположное мнѣніе—см. Karl Müller: der Kampf Ludwigs des Baiern mit der römischen Curie Freiburg, 1879 B. I 28 S.

[3]) Rayn. 1256, 63.

[4]) Marteni et Durandi Ampliss. collectio II p. 644.

[5]) G. Gevold, Defensio Ludovici imperatoris IV.

Въ этой апелляціи Людовика мы находимъ замѣчательное мѣсто, которое показываетъ, что въ это время еще между нимъ и Францисканскимъ орденомъ не было никакого союза. Въ числѣ упрековъ, которые онъ ставитъ папѣ, указывается на несправедливое покровительство, которое этотъ послѣдній, въ ущербъ общецерковному строю, оказываетъ миноритамъ, и злоупотребленія ихъ, въ особенности нарушенія съ ихъ стороны исповѣдальной тайны.

Это упоминаніе о миноритахъ весьма соотвѣтствуетъ характеру полемики, которую велъ Людовикъ противъ Іоанна XXII. Онъ не ограничивался защитой своихъ правъ, а старался взаимно очернить папу—показать, что, благодаря его порокамъ и ересямъ, его мнѣнія и рѣшенія, вообще, не имѣютъ никакой силы, и матеріалы для подобныхъ обвиненій были самые различные. Въ нашемъ случаѣ мы можемъ предполагать вліяніе представителей свѣтскаго клира, не могшихъ простить папамъ привилегій, предоставленныхъ нищенствующимъ орденамъ. Карлъ Мюллеръ предполагаетъ здѣсь вліяніе Николая, еп. Регенсбургскаго, имя котораго встрѣчается въ началѣ и концѣ апелляціи [1]).

За этимъ протестомъ со стороны Людовика вскорѣ послѣдовалъ новый; въ 1324 г. онъ опубликовалъ саксенгаузенскую апелляцію, которая для насъ особенно важна, такъ какъ она представляетъ первый по времени памятникъ сближенія Людовика съ миноритами [2]).

Въ началѣ ея Людовикъ объясняетъ, что у него нѣтъ ненависти къ папѣ или желанія его обезчестить, но онъ ревнуетъ о вѣрѣ и церкви Божіей, которая страдаетъ, и быть защитникомъ коей онъ призванъ; поэтому Людовику приходится апеллировать къ будущему вселенскому собору и избранному на немъ истинному папѣ [3]).

Главныя обвиненія противъ папы сводятся къ слѣдую-

---

[1]) См. Der Kampf Ludwig des Baiern, I. 73 S. Мы знаемъ, что незадолго до саксенгаузенской апелляціи доминиканскій магистръ Іоаннъ Парижскій особенно нападалъ на миноритовъ за нарушеніе исповѣдальныхъ тайнъ.

[2]) Baluz. Vitae papar. Avinion. II p. 478—512.

[3]) Ad praedictum generale consilium... quod et ad verum et legitimum summum Pontieficem et ad Matrem Nostram Ecclesiam.

щему: онъ возбуждаетъ вассаловъ и князей противъ Людовика, не только въ Италіи, что̀ уже достаточно предосудительно, но и въ Германіи; осуждаетъ вѣрныхъ католиковъ въ Германіи и Италіи, какъ еретиковъ, нарушаетъ каноническіе статуты и забываетъ, что власть папская получена имъ по наслѣдству отъ Сильвестра, который принялъ ее въ даръ отъ Константина. Процессъ, который папа вчиняетъ противъ императора, скорѣе долженъ называться эксцессомъ (non processus, sed excessus); избраніе совершено большинствомъ голосовъ, а папа стремится его уничтожить. Императоръ не можетъ смотрѣть спокойно, какъ папа клеймитъ именемъ еретиковъ вѣрныхъ ему вассаловъ и вѣрные города (н. Геную). Самъ Іоаннъ заявилъ въ кругу кардиналовъ, что будетъ стремиться къ уничтоженію мѣднаго змѣя, т. е. императорской власти [1]).

Далѣе слѣдуетъ мѣсто, изобличающее участіе миноритовъ. Папѣ недостаточно было узурпировать права имперіи: онъ возсталъ на самого Христа, Его Матерь и апостоловъ, на святую евангельскую бѣдность, возвѣстителемъ коей былъ св. Францискъ [2]). Противъ этой бѣдности папа возсталъ въ своихъ двухъ декларацiяхъ. Конечно, для него, исповѣдующаго эпикурейскую ересь, которая отвергаетъ будущую жизнь, право собственности на орденское имущество, не приносившее ему ни золота, ни серебра, казалось безполезнымъ [3]). При этомъ онъ вступилъ въ противорѣчіе съ Николаемъ III, а извѣстно, что если разъ папа установилъ „ключемъ знанія“ (per clavem scientiae) извѣстное положеніе, преемники не могутъ его отмѣнить. Очевидно, Іоаннъ XXII впалъ въ ересь; если бы его мнѣніе о бѣдности было вѣрно, то вѣрно было-бы и представленіе іудеевъ о земномъ блескѣ Мессіи, и о томъ, что бѣдный Христосъ не былъ истиннымъ Мессіей; правы были-бы и сарацины, обѣщаю-

---

[1]) Ad conculandam aerenaeam serpentem imperii.

[2]) Non suffecit sibi temporalia iura subvertere... nisi in ipsum Jesu Christum Regem regum et eius sanctissimam Matrem et S. Apostolorum collegium ipsorum denigrando vitam et actus insurgeret.

[3]) Et tunc ex quo talis est, non est mirum, si repulit tale dominium tanqnam inutile, quod nec aurum nec argentum congregat“.

щіе въ раю богатства и наслажденія. Далѣе слѣдуютъ обвиненія уже другого характера: папа собираетъ деньги на крестовый исходъ противъ невѣрныхъ, а тратитъ ихъ въ цѣляхъ сѣять раздоры и т. д.

Мы видимъ, что отрывокъ, касающійся обвиненія папы въ ереси, не стоитъ въ прямой связи съ цѣлымъ, и можетъ быть выпущенъ безъ нарушенія связи. Что онъ вышелъ изъ рукъ миноритовъ, или внушенъ ими, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: мы встрѣчаемся съ самыми обычными оборотами рѣчи и аргументами, которые они употребляли въ своей полемикѣ. Болѣе того, можно указать на прямыя заимствованія изъ Quaestiones Оливи; такъ, аргументъ, что папская ересь оправдывала бы заблужденія іудеевъ и сарацинъ, буквально повторяетъ текстъ восьмого Quaestio. Спрашивается, былъ ли дѣйствительно этотъ отрывокъ внесенъ миноритами, или они участвовали въ составленіи всей апелляціи и, наконецъ, къ какой группѣ ордена они принадлежали?

Уже съ перваго взгляда бросается разнородность частей апелляціи. Первая часть, предшествующая обвиненію папы въ ереси, изобличаетъ автора, весьма оріентированнаго въ государственно-правовыхъ отношеніяхъ. Въ виду этого, можетъ быть, слѣдуетъ повѣрить Людовику, который впослѣдствіи жаловался, что это мѣсто внесено, помимо его воли и вѣдома, его нотаріусомъ Ульрихомъ Аугсбургскимъ (или Ульрихомъ Вильде) [1]); самъ же онъ не принималъ въ составленіи это экскурса никакого участія [2]). Въ анонимной хроникѣ герцоговъ Баваріи, составленной около 1370 г. [3]), разсказывается, что Людовикъ не зналъ по латыни, и изъ-за этого на него обрушились большія бѣды: воспользовался этимъ незнаніемъ его нотаріусъ Ульрихъ Аугсбургскій, который питалъ въ сердцѣ злобу противъ императора, и не составилъ апелляціи, какъ ему поручилъ Людовикъ, вы-

---

[1]) О смѣшеніи двухъ совѣтниковъ императора Ульриха Аугсбурскаго и Ульриха Вильде см. у Riessler, Forschungen znr deutschen Geschichte XIV: Ulrich der Wilde und Meister Ulrich der Hofmaier von Augsburg.

[2]) Ann. Rayn 1336, 35. Gevold p. 119.

[3]) Bohmer Fontes I p. 142.

ражая полную покорность папѣ, а вставилъ самые рѣзкіе нападки противъ папы, сравнивалъ его съ апокалиптическимъ звѣремъ, выходящимъ изъ моря. Въ этой продѣлкѣ онъ покаялся свему повелителю лишь на смертномъ одрѣ; Людовикъ былъ въ отчаяніи [1]), но дѣлать было нечего: узнавъ отъ врачей, что нотаріусъ черезъ нѣсколько дней долженъ умереть, не подвергъ его заслуженнымъ мукамъ. Разсказъ этотъ представляетъ своего рода reductio ad absurdum извѣстія объ обманѣ нотаріуса; замѣтимъ, что въ апелляціи ни слова не говорится объ апокалиптическомъ звѣрѣ.

Вопросъ весьма трудный и едва ли поддающійся точному разрѣшенью. Обратимся однако къ свидѣтельству самого императора: онъ говоритъ, что не принималъ участія въ составленіи экскурса, и что вопросъ о бѣдности Христа его не занималъ: онъ не имѣлъ по этому поводу никакихъ опредѣленныхъ мнѣній. Это вполнѣ естественно, но все дальнѣйшее поведенье Людовика показывало, что онъ охотно пользовался обвиненіями миноритовъ, какъ цѣннымъ оружіемъ противъ своего противника. Странно и то, что текстъ апелляціи оставался ему неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, пока нотаріусъ въ 1336 г. не сознался въ своемъ подлогѣ. Наконецъ, разсказъ объ этомъ сознаніи отличается подозрительнымъ сходствомъ съ разсказомъ о раскаяніи Михаила Чезены [2]).

Внесъ ли нотаріусъ обвиненье папы въ ереси съ вѣдома или безъ вѣдома Людовика, несомнѣнно, оно исходило отъ миноритовъ. Если мы вспомнимъ, что въ слѣдующемъ году при дворѣ Людовика появляется Убертинъ, открывая собой рядъ францисканцевъ, то можемъ предполагать, что императорскій нотаріусъ не остался безучастнымъ въ устройствѣ новаго союза.

Намъ остается теперь опредѣлить, какая группа миноритовъ повліяла на апелляцію. Замѣтимъ прежде всего, что орденъ въ его цѣломъ еще не внушалъ папѣ съ этой

---

[1]) Quantum autem imperator gemuerit, fleverit et doluerit super hoc, scribere nemo potest.

[2]) Muratori, Scrip rer. ital. III p. 372.

стороны никакихъ опасеній. Въ томъ же самомъ 1324 г. (15 іюля) онъ поручилъ францисканцамъ опубликовать процессъ противъ Людовика Баварскаго [1]). Но по поводу новыхъ постановленій папы въ орденѣ замѣчалось неудовольствіе. Это не помѣшало Іоанну XXII снова подтвердить ихъ. Въ своей буллѣ отъ 10 ноября 1324 г. онъ указывалъ, что многіе устно и письменно нападали на его декларацію. Они основываются на принципѣ, что опредѣляемое разъ римскимъ первосвященникомъ относительно того, что касается вѣры и нравовъ (in fide et moribus), „ключемъ знанія" (per clavem scientiae) должно оставаться незыблемымъ; преемникъ не можетъ этого отмѣнить. Указываютъ и на слова буллы Гонорія III, утверждающей Правило „haec est regula evangelica Christi et apostolorum imitatrix, quae in hoc mundo habet proprium et commune, sed in rebus, quibus utuntur, habet simplicem usum factu". Но эти упорствующіе въ заблужденіяхъ люди не понимаютъ сами, что́ есть clavis scientiae,—это, вѣдь, совсѣмъ не то, что власть вязать и рѣшать. Папа самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ аргументы противниковъ, основанные на неотмѣняемости постановленій, сдѣланныхъ папами. Эти аргументы не вѣрны, по его словамъ, и фактически, такъ какъ декларація Николая III не предписывала бѣдности въ томъ смыслѣ, который хотѣли видѣть противники Іоанна; наконецъ, самый вопросъ не относится ни къ вѣрѣ, ни къ нравамъ (ad fidem vel mores). Въ заключеніе папа подтверждаетъ запрещеніе нападать на свои декларацiи; позднѣе онъ предписываетъ читать ихъ и истолковывать въ университетахъ [2]) и при томъ не только тамъ, гдѣ изучается каноническое право, но и тамъ, гдѣ занимаются теологіей (10 янв. 1325 г.). Доминиканцамъ Венгріи (1 ок. 1325 г.) было предписано увѣдомить папу о тѣхъ, которые не захотятъ принять его декларацiи, и поступить съ

---

[1]) Quod publicent sententiam in Ludovicum, ducem Bavariae latam, qua ipse in regem Romanum in disordia quod electus, omni iure ex hac electione privatus est eo quod a sede apostobica nondum approbatus se regem ipsum gerebat.

[2]) 21 нояб. 1324 г.—doctoribus et scholaribus universis Parisiis—id. Tolosae, Bononiae, in urbe, Neapoli, Perusiensi, Oxoniae.

ними, какъ съ еретиками, какого бы они ни были ордена, чина или сословія.

По времени изданья буллы, по тому, что говорится въ ней о „clavis scientiae“ и о декларацiяхъ, касающихся вѣры и нравовъ, можно было-бы думать, что булла служитъ отвѣтомъ на приведенную нами часть саксенгаузенской апелляцiи. Противъ этого есть серьезныя возраженія: почему папа не упоминаетъ объ апелляцiи? Самый союзъ непокорныхъ миноритовъ съ отлученнымъ королемъ былъ-бы противъ нихъ тягчайшимъ обвиненіемъ. Далѣе нѣкоторые пункты обвиненія остаются безъ отвѣта:—напримѣръ, что если-бы евангельская бѣдность не была чѣмъ-то добродѣтельнымъ и святымъ, то оправдывалась бы вѣра іудеевъ въ земное величіе Мессіи. Поэтому, въ виду неопредѣленности, съ которой папа отзывается о нападкахъ на его декларацію, будетъ осторожнѣе не пріурочивать буллы къ саксенгаузенской апелляцiи, а видѣть въ ней отвѣтъ на общее броженье въ орденѣ, вызванное декларацiями папы.

Есть одно указаніе, относящееся ко времени изданья апелляцiи, изъ котораго можно предполагать, что среди нѣмецкихъ миноритовъ уже существовало теченіе, благопріятное Людовику. Въ своемъ письмѣ къ королю Богеміи отъ 26 мая 1324 г. папа указываетъ на агитацію противъ него нѣкоторыхъ монаховъ, „которые подъ личиной внѣшняго смиренія носятъ монашескую одежду, но душа ихъ далека отъ истиннаго духа монашества“. Послѣдняя фраза постоянно употреблялась въ папскихъ буллахъ, которыя говорили о бегинахъ и другихъ псевдо-францисканцахъ [1]).

Какая же группа ордена однако участвовала въ составленіи эскурса? Конвентуалы, группировавшіеся около Бонаграцiи и Чезены, протестовавшіе на перуджинскомъ соборѣ, еще, повидимому, не перенесли своей полемики противъ Іоанна XXII съ догматической почвы. Мы знаемъ далѣе, что въ

---

[1]) Oberbayrisch. Archiv. I, 55 S. (München 1839): quidam iniquitatis filii sub veste humili religionis exterioris gestantes habitum, sed interus a religionis veritate vacui, iniquitate pleni et malicia non carentes... tibi suggesserunt, quod... ad hoc nostra intentio, ut te et electores alios eligendi iure privarentur.

слѣдующемъ году Убертино Казале появился при дворѣ Людовика [1]), а самый текстъ отрывка обнаруживаетъ несомнѣнныя заимствованія изъ Quaestiones, Оливи. Является достаточно вѣроятнымъ, что авторами отрывка были спиритуалы, т. е. та партія въ орденѣ, которая осуждала не только послѣднія папскія декларацiи, но и весь орденскій режимъ. Сочиненія Оливи были для нея катехизисомъ. Новыя событія могли сблизить пути прежнихъ враговъ, но естественно, что первый шагъ къ союзу со свѣтской властью противъ папы сдѣланъ былъ спиритуалами. Среди нихъ господствовало апокалиптическое представленіе о предстоящемъ судѣ надъ плотской церковью; роль судьи приписывалась разнымъ лицамъ, но схема, такъ сказать, представленія оставалась одинаковой: свѣтскій монархъ долженъ низложить римскаго первосвященника и поставить на его мѣсто новаго истиннаго служителя церкви. Между тѣмъ, никогда еще римскій престолъ не былъ занятъ человѣкомъ, въ которомъ бы съ точки зрѣнія спиритуаловъ такъ отражался упадокъ церкви, преобладаніе мірского характера въ ней. При немъ впервые исповѣдники евангельской бѣдности были преданы огню, какъ упорствующіе еретики; наконецъ, ни одинъ папа не произносилъ еще такой хулы на евангельскую бѣдность. На ихъ глазахъ начиналась борьба папы съ новоизбраннымъ королемъ, которая, казалось, переносила къ временамъ Фридриха II; съ королемъ былъ въ союзѣ и Фридрихъ Сицилійскій, отъ котораго среди спиритуаловъ ожидали столь многаго [2]). Въ такой обстановкѣ естественно было зародиться мысли о близости конца, естественно было и рѣшеніе стать за Людовика противъ папы. Если для іоахимистовъ, среди которыхъ вращался Салимбене, свѣтскій монархъ, карающій церковь, представлялся мистическимъ антихристомъ, то для послѣдователей Кларена и Убертина черты антихриста все болѣе и болѣе переносятся на главу той церкви, которую они называли вавилонской блудницей.

Шагъ этотъ во всякомъ случаѣ былъ чрезвычайно важ-

---

[1]) См. Mussato у Böhmer, Fontes rerum german v. I. 175 S.

[2]) См. у Böhmer I p. 195 письмо Людовика къ Фридриху Силиційскому

ный: никогда еще съ основанія ордена миноритъ не шли къ свѣтской власти противъ римской куріи, за исключеніемъ Ильи Кортонскаго, котораго одинаково осудили всѣ партіи въ орденѣ.

Іоаннъ XXII не ограничился подтвержденіемъ своихъ декларацій. Сочиненія Оливи, составлявшія предметъ продолжительныхъ споровъ, почитаемыя провансальскими бегинами за второе Евангеліе [1]), становились теперь особенно опасными. 27 сен. 1322 г. папа заявилъ, что онъ не уполномочивалъ никого произносить окончательнаго приговора надъ сочиненіями Оливи; въ 1326 г. 8 февраля послѣдовало осужденіе его Постиллы къ Апокалипсису [2]).

Людовикъ не остановился передъ папскими отлученіями: опираясь на многочисленныхъ приверженцевъ въ Германіи и на итальянскихъ гибеллиновъ, онъ двинулся въ Италію, объявилъ папу низложеннымъ, поставилъ новаго и короновалъ себя императорской короной. Но и въ этотъ періодъ жизни, который отличается наибольшей яркостью, Людовикъ отнюдь не былъ болѣе самостоятеленъ, чѣмъ въ другіе; и здѣсь его дѣйствія являются передъ нами какъ результатъ равнодѣйствующей окружающихъ вліяній; и если какія-нибудь настроенія императора выдаютъ неискаженно его природу, ихъ надо искать въ моменты малодушнаго отчаянія, когда онъ цѣной всякихъ уступокъ искалъ мира и готовъ былъ выдать головой своихъ наставниковъ.

Главныя вліянія на Людовика въ періодъ римскаго похода были двоякія: спиритуаловъ, съ Убертино Казале во главѣ, и Марсилія Падуанскаго, съ его товарищемъ Іандуномъ [3]). Міросозерцаніе и настроеніе этихъ людей различалось кореннымъ образомъ. Авторъ „Defensor pacis“, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ политическихъ мыслителей всѣхъ вре-

---

[1]) Lib. sent. Inquis. Tolos. p. 306, признаніе еретика: лишь доктрины ап. Павла и Оливи вѣчны; изъ нихъ нельзя выбросить ни одной буквы.

[2]) Tanquam pestiferam et haereticam, dogma contra unitatem ecclesiae catholicae et potestatem Summi pontificis atque apostolicae sedis continentem reprobat et sententialiter condemnat.

[3]) Муссато (Bohmer, I p. 175) называетъ Марсилія главнымъ совѣтникомъ императора.

менъ и народовъ, явился въ началѣ XIV вѣка провозвѣстникомъ принциповъ, чуждыхъ всему строю мыслей среднихъ вѣковъ. Благодаря своей необычайной широтѣ онъ сумѣлъ взглянуть, такъ сказать, за рамки окружающей его дѣйствительности, критически отнестись къ основамъ жизни средневѣкового государства и общества. Но именно вслѣдствіе этого Марсилій явился образцомъ мыслителя одинокаго, а не представителя извѣстной общественной группы [1]).

Для Марсилія весь интересъ борьбы заключался въ защитѣ самостоятельности государства; онъ отвергалъ за церковью всякую принудительную власть [2]), оставляя за ней лишь духовный авторитетъ. Въ концѣ-концовъ у него былъ чистый идеалъ свѣтской демократіи: въ порядкѣ государственномъ—народный суверенитетъ [3]); правительство, какъ делегація этого суверенитета, и соборъ, созываемый свѣтской властью, какъ высшій авторитетъ въ церковныхъ дѣлахъ. Споромъ о евангельской бѣдности, которому онъ посвятилъ нѣсколько главъ въ Defensor pacis [4]), онъ воспользовался лишь какъ хорошимъ оружіемъ противъ Іоанна XXII; въ церковныхъ богатствахъ онъ видѣлъ силу, опасную прежде всего для государства, требовалъ, чтобы ими распоряжалась свѣтская власть, и поэтому весьма сочувствовалъ возвращенію церкви къ первоначальной евангельской простотѣ. Но ему вполнѣ чуждъ былъ энтузіазмъ бѣдности, одушевлявшій спиритуаловъ; болѣе того, въ нищенствующихъ орденахъ онъ проницательно усматривалъ одно изъ главныхъ орудій папскаго полновластія; папы, учредивъ ихъ и давъ имъ cura animarum, по его словамъ, совершенно извратили церковный порядокъ [5]).

---

[1]) О совершенной оригинальности Марсилія см. у Gierke. Deutsches Genossenschaftsrecht, III, 552 и 637 S.

[2]) Monarchia Goldasti, II Defensor Pacis I c. 4—5; 9—10.

[3]) Ibid I, 13.

[4]) Ibid I. 15—17, II 8, 20.

[5]) Ibid II, 24. novissime autem, non utinam pessime religiosos, qui pauperes ordines appellantur... Hosque omnes ordines perturbando suae immediatae correctioni submittens, in pecuniarum confluxum an in Praelatorum exspoliationem et ipsorum ampliorem subiugationem intendens... Quanta ta-

Убертинъ и его единомышленники стояли, напротивъ того, цѣликомъ на средневѣковой почвѣ. Они были не менѣе радикальны въ своемъ родѣ, чѣмъ Марсилій, но ихъ радикализмъ питался вѣрой, воспитанной на іоахимистическихъ представленіяхъ. Не въ установленіи свободнаго отъ давленія церкви свѣтскаго порядка, а въ полномъ очищеніи самой церкви отъ свѣтскихъ элементовъ видѣли они спасенье. Они боролись противъ правящей церкви и папства, но идеалъ ихъ, хотя и безсознательно, оставался теократическимъ.

Въ одномъ лишь сходились Убертинъ и Марсилій: въ отношеніи къ Іоанну XXII. Для одного это былъ осквернитель церкви, для другого узурпаторъ правъ государства.

23 ок. 1327 г. папа произнесъ новое отлученье противъ Людовика: король объявляется лишеннымъ своего сана и всѣхъ правъ. Въ вину ему ставилось, сверхъ прежняго, во первыхъ, опубликованье писаній противъ папскихъ декларацій о евангельской бѣдности, а затѣмъ принятіе къ своему двору двухъ еретиковъ и сыновъ погибели—Марсилія и Іандуна [1]).

Заключивъ союзъ съ итальянскими гибеллинами, Людовикъ не остановился передъ отлученіемъ и пошелъ на Римъ; къ этому его побуждали его итальянскіе союзники. Если вѣрить анонимной хроникѣ, современной событіямъ, переговоры этой партіи съ королемъ велись черезъ какихъ-то миноритовъ [2]). Настроеніе города было невѣрное: римляне не относились съ прямой враждебностью къ папѣ, но партія, заправлявшая городскими дѣлами, была крайне недовольна авиньонскимъ пребываньемъ. Напрасны были ея просьбы о возвращеньи, гдѣ указывалось, что отсутствіе папы можетъ имѣть самыя худшія послѣдствія [3]). Папа отвѣтилъ рѣзкимъ отка-

---

men inde subsecuta insolentia, quasi nullus ignoret. Срав. II, 8 о вредѣ многочисленныхъ религіозныхъ братствъ, бегиновъ и др., члены которыхъ уходятъ отъ обще-государственныхъ повинностей.

[1]) Dum viros nequam, perditionis filios, quorum unus Marsilium de Padua et alter Iohannem de Yanduno se faciunt nominari... qui sibi librum erroribus plenum ac variis haeresibus non vacuum... praesentarent, in suos familiares restituerunt.

[2]) Cod. Vat. 4536, опубликованный въ Oberbayr. Archiv I p. 169.

[3]) Mussato p. 173.

зомъ, и это рѣшило дѣло; Людовикъ вошелъ въ Римъ и принялъ тамъ императорскую корону [1]). Людовикъ объявилъ востановленнымъ въ полной силѣ законъ de laesa maiestate, угрожавшей смертной казнью за всякое нарушенье правъ императорской власти [2]), а вслѣдъ за симъ издана была прокламація императора, изобиловавшая апокалиптическими сравненіями: въ ней Іоаннъ XXII характеризуется какъ мистическій антихристъ [3]). Въ прокламацію были введены разнообразныя обвиненія противъ папы; отводилось мѣсто и ереси о бѣдности Христа, но болѣе всего выставлялась на видъ узурпація свѣтской власти, смѣшеніе ея и духовной, а также оставленье Рима. Муссато говоритъ, что въ прокламаціи участвовали Убертинъ и Марсилій [4]). Мѣсто о ереси, очевидно, изобличаетъ участіе миноритовъ; сравненіе съ мистическимъ антихристомъ какъ-бы заимствовано изъ Arbor vitae crucifixae и можетъ указывать на автора Убертина. Обвиненіе въ смѣшеньи властей, въ нарушеніи правъ свѣтской власти—вполнѣ соотвѣтствуетъ воззрѣніямъ Марсилія: въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ, присущихъ этому мыслителю, процессъ указываетъ на то, что избраніе имѣетъ силу само по себѣ и не требуетъ папскаго утвержденія, и что у папы, вообще, нѣтъ никакой свѣтской юрисдикціи [5]).

Что касается до обвиненія въ уходѣ изъ Рима, то этотъ пунктъ ни для спиритуаловъ, ни для Марсилія [6]) особаго значенія не имѣлъ. Намъ кажется поэтому вполнѣ правдоподобной гипотеза Мюллера, что здѣсь сказалось вліяніе римской партіи.

Немедленно вслѣдъ за низложеніемъ Іоанна XXII Людо-

---

[1]) См. Vita Ludovici у Böhmer I p. 156. Срав. извѣстіе Эгидія Витербскаго Historia XX saeculorum въ Oberbayr. Archiv VI, 109 S.

[2]) Vill. X, 67 (у Mur. XIII p. 641).

[3]) Ibid. X, 68. Vitae papar. avinion. Baluzii II, p. 512. Iste nimirum dicitur mysticus Antichrystus, quoniam ipse fervet secundum operationem sectae in omni seditione iniquitatis... quae secundum apostolos Antichristi adventum praecedet, velut eiusdem praecessor immediatus indefesse satagit accelerare ad subversionem seu extinctionem fidei orthodoxae.

[4]) Muss. 175.

[5]) Vitae pap. avinion. Baluzii, II, 516—518.

[6]) Срав. Def. pacis, II, 14—16 и 22.

викъ рѣшился поставить новаго папу, какъ онъ уже раньше ставилъ епископовъ въ занятыхъ частяхъ Италіи [1]). Это дѣйствіе вполнѣ соотвѣтствовало взглядамъ Марсилія: императоръ имѣетъ право назначить папу. Убертинъ также долженъ былъ его одобрить; оно вполнѣ соотвѣтствовало и представленію позднѣйшихъ іоахимистовъ, что монархъ, дѣйствующій, какъ орудіе божественнаго правосудія, низложитъ папу-антихриста и возведетъ на его мѣсто истиннаго папу. Выборъ палъ на минорита Петра Корбарія, который, хотя и противъ воли, по словамъ Іоанна Винтертурскаго [2]), вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Николая V. Мы ничего не знаемъ о прошломъ этого человѣка, которому Муссато и Виллани даютъ скорѣе хорошую характеристику [3]), и котораго даже его враги могли уличить лишь въ томъ, что онъ бросилъ свою жену [4]). Но въ то же время рѣшительно не видно въ немъ признаковъ выдающейся личности. Онъ былъ очень удобенъ для Людовика, который его назначеніемъ еще болѣе располагалъ къ себѣ миноритовъ. Образована была при новомъ папѣ и новая коллегія кардиналовъ: и здѣсь изъ семерыхъ мѣстъ два были замѣщены миноритами. Новая іерархія хотя и обвиняла Іоанна XXII въ нарушеніи евангельской бѣдности, сама не подавала примѣра особенно аскетическаго образа жизни [5]).

Вслѣдъ за симъ былъ изданъ законъ [6]): ни одинъ папа, поставленный императоромъ и римскимъ народомъ, не долженъ отлучаться изъ Рима болѣе, чѣмъ на три мѣсяца въ году, и то лишь на разстояніи двухъ дней пути отъ Рима и съ разрѣшенія народа; если послѣ троекратнаго вызова

---

[1]) Villani, X, 30.

[2]) Ioan. Vintodtur. p. 78.

[3]) Mussato p. 176, Vill. X, 71.

[4]) См. буллу 17 мар. 1329 г. Неблагопріятный отзывъ у Альвара Пелагія De planctu ecclesiae I, 37.

[5]) Vill. X, 73: E con tutto che il sopradetto Antipapa biasimava per via di spirito le richezze ed onori, de usava il diritto papa e suoi Cardinali e li altri Prelati della Chiesa et tenea l'opinione, che Christo fu tutto povero... volle co suoi cardinali avere cavalli et famigli vestiti e cavalieri—ed usava larga mensa a mangiare etc.

[6]) Vill. X, 70.

онъ не вернется, то этимъ самымъ онъ лишается своего сана. Новый папа возвелъ многихъ въ епископское достоинство, между ними и миноритовъ, что, можетъ быть, служитъ противопоказаніемъ противъ принадлежности его къ партіи спиритуаловъ.

Какъ относился къ этому Убертинъ, такъ осуждавшій возведеніе миноритовъ въ церковныя достоинства? Не видно прежде всего, чтобы онъ принималъ здѣсь какое-нибудь участіе. Во вторыхъ, онъ думалъ, что пріобщеніе Францисканскаго ордена къ правящей церкви гибельно для него лишь до времени просвѣтленія шестого періода, который для него, быть можетъ, уже наступилъ [1]).

Успѣхъ Людовика въ Римѣ былъ совершенно эфемерный [2]). Нужно ли это приписать безтактности поведенія его сторонниковъ, или сохраненію сильной партіи въ городѣ, благопріятствовавшей Іоанну XXII, или, наконецъ, его личной незначительности, — но римляне скоро разочаровались въ своемъ новомъ императорѣ, и когда Людовикъ покидалъ Римъ, его провожали враждебными манифестаціями [3]). Уходъ изъ Рима представляетъ важный моментъ въ исторіи Людовика. Его наступательная, такъ сказать, энергія ослабѣваетъ: отнынѣ онъ стремится ограничиться защитой своихъ правъ противъ папы. И окружающія его вліянія измѣняются: отнынѣ Марсилій Падуанскій съ его смѣлыми теоріями о приматѣ свѣтской власти и отсутствіи принудительнаго авторитета у клира не пользуется такимъ вѣсомъ. Менѣе слышимъ мы и объ Убертинѣ. На смѣну ихъ является тѣснѣйшій союзъ Людовика съ миноритами—не только со спиритуалами, группировавшимися около Убертина, но и съ конвентуалами.

Со времени саксенгаузенской апелляціи господствующія симпатіи въ Францисканскомъ орденѣ явно клонились на сторону Людовика; многіе миноритъ приходили къ его двору. Между тѣмъ, отношенія между орденомъ и папой

---

[1]) Ar vitae cruc. V, 3 Franciscus sciebat... usque ad clarificationem sextus status non erit regium animarum perviam praelationis dandum utiliter spiiritui paupertatis.

[2]) Mussato p. 182 и 184. Iohan. Victorin. V 17.

[3]) Villani X, 96.

продолжали быть самыя натянутыя. И въ Германіи миноритъ, какъ и аугистиновскіе эремиты все рѣшительнѣе высказывались за императора; естественно, что доминиканцы, напротивъ того, всячески поддерживали папу [1]). На ряду съ этимъ движеніемъ въ пользу Людовика въ орденѣ замѣчается нѣкоторое недовѣріе противъ французскаго короля, союзника папы. Въ 1325 г. назначено было общее собраніе въ Парижѣ, но Чезена перемѣнилъ Парижъ на Ліонъ, какъ онъ объяснялъ, опасаясь давленія французскаго короля [2]).

Въ 1327 г. Чезена былъ вызванъ изъ Италіи въ Авиньонъ; мы не знаемъ, вступалъ ли онъ въ какія-нибудь прямыя сношенія съ Людовикомъ до этого времени, но, несомнѣнно, онъ поддерживалъ агитацію противъ Іоанна XXII. Разсказъ передается въ такомъ видѣ [3]): когда Чезена явился, папа сначала принялъ его не сурово; онъ указалъ генеральному министру лишь на ослабленіе дисциплины въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и необходимость ее возстановить, и далъ полномочія собственной властью удалять провинціальныхъ министровъ, особенно во Франціи и Арагоніи, но въ то же время обязалъ не уходить безъ папскаго разрѣшенія изъ Авиньона. Между тѣмъ, Людовикъ пошелъ на Римъ, избралъ антипапу и короновался императорской короной. Послѣ этого папа рѣзко измѣнилъ свое отношеніе къ Чезенѣ, сталъ съ нимъ суровъ и назначилъ надъ нимъ слѣдствіе [4]). Въ свою очередь, Чезена не выказывалъ покорности папѣ и объявилъ, что апеллируетъ на него: въ этой апелляціи онъ выражался о папѣ такъ: „dominus Johannes, qui se Johannem papam XXII appellavit“ [5]). Наступило общее собраніе ордена въ Болоньи; папа не пустилъ туда Чезену, а отправилъ

---

[1]) J. Vintodur. въ Archiv für schweiz. Gesch. XI, 86 S.

[2]) Mar. Lisb. II, 8. Срав. указанье Іоанна Винтертурскаго (с. 84): папа любилъ назначать соборы по сосѣдству съ Авиньономъ, дабы производить на собравшихся большее давленіе. Дѣйствительно, соборы миноритовъ въ Италіи всегда оказывались менѣе послушными ему.

[3]) Baluz. Miscel. III. Chronologia de gestis Fraticellorum p. 237. Wadd. 1327.

[4]) Ср. письмо Чезены, помѣщенное въ Bull. Fr. V въ примѣчаньи къ буллѣ 23 апр. 1328 г., гдѣ онъ вспоминаетъ: „se a Summo Pontifice in audientia iniuste esse tractatum.

[5]) Baluzii Miscell. III p. 238.

своимъ легатомъ кардинала—епископа Остійскаго [1]); соборъ, не смотря на всѣ его старанія, отказался низложить Чезену. Вслѣдъ за этимъ генеральный министръ вмѣстѣ съ Бонаграціей и Оккамомъ бѣжали изъ Авиньона, на баркѣ спустились по Ронѣ и въ Пизѣ явились ко двору Людовика, который возвратился изъ Рима.

Изъ этого разсказа явствуетъ, что въ глазахъ папы наступательная политика Людовика находилась въ связи съ оппозиціей миноритовъ, и что генеральный министръ былъ связанъ съ ней. Быть можетъ, направляя его вниманіе на Францію и Арагонію, онъ хотѣлъ отстранить его отъ итальянскихъ дѣлъ. Съ другой стороны, неудача кардинала на Болонскомъ соборѣ показываетъ, что большинство представителей ордена держалось рѣшенія собора въ Перуджіи.

Опираясь на это настроеніе своихъ собратьевъ, а также на успѣхи Людовика, Чезена могъ рѣшиться на свой революціонный шагъ: это было настоящее отложеніе ордена отъ церкви, отъ общецерковной дисциплины.

Если Чезена и Бонаграція были яркими представителями конвентуаловъ, то совершенно особое мѣсто занималъ ихъ сотоварищъ по бѣгству. Какъ въ Марсиліи мы удивляемся пониманію природы и задачъ государства,—пониманію, до котораго дошло лишь новое время, такъ въ Оккамѣ мы имѣемъ несомнѣннаго предшественника Бэкона, Гоббса и Локка, провозвѣстника началъ эмпирической философіи—въ эпоху, когда повсюду безраздѣльно царило схоластическое мышленіе. Но не этой стороной онъ теперь для насъ интересенъ. Въ области политической мысли Оккамъ по формѣ своихъ разсужденій остается схоластикомъ. Если однако взглянуть глубже, то мы увидимъ, что въ его столь трудной для чтенія сѣти аргументовъ за и противъ всякаго положенія политической философіи того времени заключаются двѣ великія идеи: идея относительности политическихъ формъ и относительности политическаго знанія.

Какъ характерны его разсужденія о превосходствѣ мо-

---

[1]) Wadd. 1328 15—16.

нархіи универсальной или отдѣльныхъ государствъ [1]). Мы не найдемъ здѣсь категорическаго отвѣта: въ однѣ историческія эпохи всѣ народы находились подъ единоличной властью, въ другія—они жили обособленной жизнью; то и другое имѣетъ свои выгоды и невыгоды. Оккамъ нисколько не одушевленъ идеей всемірной монархіи, какъ Данте, но онъ не рѣшается ее безусловно осуждать. То же самое относится и къ церкви; быть можетъ, для нея болѣе совершенно не монархическое, а аристократическое устройство [2]). „Лучшее правленіе“, говоритъ онъ, „не есть лучшее безотносительно для всѣхъ; для нѣкоторыхъ народовъ оно можетъ быть и вредно“ [3]).

Его отказъ отъ созданія единой системы въ высокой степени знаменателенъ и представляетъ въ себѣ зерно не менѣе разрушительной критики церковнаго строя, чѣмъ логически стройная система Марсилія [4]).

Если попытаться изъ этой сѣти аргументовъ извлечь то, что съ наибольшой вѣроятностью можетъ быть отнесено къ воззрѣніямъ самого Оккама, то мы придемъ скорѣе къ отрицательнымъ положеніямъ. Нѣтъ папскаго полновластія ни въ духовной, ни въ свѣтской области, ибо оно несовмѣстимо съ христіанской свободой [5]); нѣтъ неограниченной власти и у императора: сами соборы способны впадать въ ересь [6]).

---

[1]) Gold. Monarchia II Dialogus. p. 871—883 (Tractatus de iuribus romani imperii c. 1—13).

[2]) Dial. I, II, c. 1 (p. 783). Сравни положенья за и противъ папскаго примата (p. 483 и p. 870).

[3]) Срав. Octo Quaestiones III, 7 p. 352: sane liceat praescripta opinio praedicta omnia tenet de optimo principatu tam generali respectu diversorum mortalium, quam speciali respectu quorundam, dicitur tamen, quod huiusmodi optimus principatus non est semper instituendus neque in tota communitate cunctorum mortalium neque in speciali: quia sicut sunt aliqua simpliciter bona et tamen multis sunt aliqua mala propter indispositionem illorum (bibere vinum et comedere carnem sunt bona, tamen sunt mala aegrotis) ita optimus principatus non est simpliciter omnibus optimus, imo aliquibus est nocivus et nonnunquam inductivus corruptionis.

[4]) Срав. Оккана и Марсилія: Gierke Deutschen Genossenschaftsrecht III. 553. Riezler. Die litterärischen Widersächer der Päpste, 272 S.

[5]) Dial. p. 776.

[6]) Dial. I, 4 c. 25—26 (p. 494).

Всѣ элементы человѣческаго общежитія по необходимости несовершенны, но между ними образуется извѣстное равновѣсіе, и недостатки одного исправляются другимъ; императоръ и папа, не имѣя прямой власти другъ надъ другомъ, въ случаѣ крайности могутъ судить и низлагать другъ-друга [1]). Но въ его время имперія была такъ слаба, а притязанія папской власти такъ обширны, что вся тяжесть его аргументовъ обращалась противъ папы, и насъ не удивитъ извѣстіе Іоанна Викторина, что подъ вліяніемъ чтенія Діалога Оккама Альбрехтъ Австрійскій не позволилъ опубликовать въ своихъ владѣніяхъ буллы папы Климента VI противъ Людовика [2]).

Прибавимъ къ этому, что Оккамъ владѣлъ всѣми рессурсами схоластической учености: всей философской и теологической эрудиціей того времени, виртуозностью метода, неистощимой изобрѣтательностью комбинацій. Но въ то же время—и это особенно замѣчательно,—онъ не разошелся съ традиціями конвентуаловъ. Онъ совершенно далекъ отъ спиритуаловъ, у него нѣтъ и тѣни іоахимизма или, вообще, мистицизма. Признавая непреодолимую двойственность вѣры и разума, онъ однако подходилъ къ вопросамъ вѣры со схоластическимъ аргументомъ, а не съ мистическимъ чувствомъ. Папскія деклараціи о бѣдности Христа встрѣтили въ немъ ожесточеннаго противника: мы видѣли, что Іоаннъ XXII велѣлъ его наказать за то, что онъ проповѣдывалъ противъ нихъ. Это былъ незамѣнимый союзникъ для Чезены и Бонаграціи, какъ и для императора: онъ столь же громко изобличалъ Іоанна XXII въ узурпаціи правъ свѣтской власти, какъ и въ отрицаніи евангельской бѣдности [3]).

---

[1]) Dial. 1, 6, 83 (p. 603) и Octo Quaestiones p. 332.

[2]) VI, 12 (Böhmer, Fontes I, 447).

[3]) См. Gold. Monarchia II p. 958 его „Compendium errorum papae Iohannis XXII“. Впослѣдствіи въ одномъ изъ своихъ обвиненій противъ Марсилія Климентъ VI высказалъ мысль, будто онъ заразился ересью отъ Оккама. (Höfler „Aus Avignon“ Prag, 1868 20 S.). Быть можетъ, это извѣстіе надо понимать такъ, что Марсилій, когда учился въ Парижѣ, былъ подъ вліяніемъ Оккама, читавшаго тамъ лекціи. Самыя воззрѣнія ихъ носятъ совершенно различный характеръ.

Но каковы бы ни были различныя вліянія на императора, въ одной точкѣ сходились они всѣ: въ борьбѣ противъ папы уже чувствовалось приближеніе вѣка реформаціонныхъ соборовъ. Всѣ совѣтники императора апеллируютъ къ собору; императоръ не довольствуется низложеніемъ еретическаго папы, а желаетъ созвать соборъ.

Бѣглецы присоединились въ Пизѣ къ императору и здѣсь, по преданію, Оккамъ ему сказалъ: „защищай меня мечомъ, а я буду защищать тебя перомъ“ [1]). Замѣтимъ, что какъ Убертинъ и Марсилій прибыли къ императору по собственному почину, такъ и Чезена, Бонаграція и Оккамъ явились безъ зова; конечно, путь имъ былъ приготовленъ ихъ предшественниками. Съ этой минуты на нѣкоторое время эти трое миноритовъ получаютъ перевѣшивающее вліяніе на императора: они затемняютъ не только Марсилія, но и Убертина. Вслѣдъ за симъ при дворѣ императора появляются другіе выдающіеся миноритъ—Беренгарій, министръ Тосканы, Эскуланъ, блистающій своей ученостью, и т. д. [2]).

Папа имѣлъ основаніе думать, что открытый переходъ Чезены на сторону императора есть переходъ всего ордена. 28 мая 1328 г. онъ издалъ двѣ буллы: одна обращалась къ клиру, сеньорамъ и городамъ, другая—къ королю Франціи; въ нихъ говорилось, что Чезена и Бонаграція, примкнувъ къ еретикамъ, бѣжали, вопреки папскому повелѣнію, изъ куріи, и вмѣстѣ съ ними Оккамъ, уже раньше изобличенный въ ереси; генеральному министру объявлялось отлученіе и потеря его сана; Михаилъ, инквизиторъ въ Провансѣ, долженъ былъ взять все имущество бѣглецовъ; викаріемъ ордена Іоаннъ назначилъ Бертранда, еп. Тулузскаго. Вмѣстѣ съ этимъ, папа принялъ мѣры противъ другихъ своихъ противниковъ изъ миноритовъ: такъ, еп. Астійскій долженъ былъ разслѣдовать рѣчи нѣкоторыхъ миноритовъ, произнесенныя „in detractationem Sedis Apostolicae fideique orthodoxae detrimentum“ (7 мар. 1325 г.); подобныя же

---

[1]) Trithem. Liber de Script. eccles. f. 82. Неизвѣстно, откуда Тритемій заимствовалъ это извѣстіе.

[2]) Wadd. 1328, 19.

еретическія мнѣнія высказывалъ министръ провинціи св. Антонія и Гумилій, кустодъ провинціи св. Франциска (28 нояб. 1328 г.)

Въ свою очередь Чезена, по прибытіи въ Пизу, немедленно разослалъ письма въ орденъ, оправдывая свое бѣгство ересью Іоанна XXII; не его, а Николая V слѣдуетъ считать истиннымъ папой; послѣдній также выпустилъ изобличеніе Іоанна, обращенное ко всѣмъ вѣрующимъ [1]). Папскій викарій ордена назначилъ на 1324 г. общее собранье въ Парижѣ, но Чезена запретилъ всѣмъ туда идти.

Насколько симпатіи ордена были на сторонѣ Чезены? Мы видѣли, что на болонскомъ соборѣ большинство было за него; повидимому, это надо заключить и изъ всей массы процессовъ, которые возбудилъ Іоаннъ XXII противъ министровъ и простыхъ братьевъ въ 1329 и 1330 гг. [2]). Но эти симпатіи не ограничивались предѣлами ордена; многіе монархи, которые и прежде выражали благоволеніе къ миноритамъ, теперь въ спорѣ ихъ съ папой склонялись къ нимъ: такъ, король и королева Сициліи, король Арагоніи; даже король и королева Франціи заступались передъ папой за Чезену [3]). Быть можетъ, этому сочувствію орденъ былъ обязанъ своимъ сохраненіемъ: по крайней мѣрѣ, циркулировалъ слухъ, что папа хочетъ его уничтожить. Самъ Іоаннъ XXII говорилъ объ этомъ иначе и въ письмѣ къ королевѣ французской говорилъ о своей любви къ миноритамъ. „О, если бы братья захотѣли признать истину—какая опасность угрожала ордену, когда мы взошли на папскій престолъ; думаемъ, не усумнились бы они, что съ основанія ордена не было никого, кто столь бы дѣятельно заботился о нихъ и объ умиротвореніи, какъ мы“ (30 іюля 1328 г.) [4]). Но въ особенности со страстнымъ энтузіазмомъ относились къ защитникамъ

---

[1]) B. Fr. V прим. къ булл. 23 апр. 1328 г. и 30 іюля 1328 г.

[2]) См. 15 ян., 6 февр., 24 авг. 1329 г. etc.

[3]) Wadd. 1328, 21.

[4]) Si veritatem fratres vellent cognoscere, quanto periculo dictus ordo subiciebat tempore, quo assumpti ad statum fuimus, credimus, quod nequaquam in dubium revocarent quod ex quo coepit ordo nullus efficacius quam nos pro statu eorum pacifico laboravit.

евангельской бѣдности королева Сициліи Санція и Филиппъ Маіорскій. Королева находилась подъ несомнѣннымъ вліяніемъ спиритуаловъ и, по словамъ Хроники 24 генераловъ, „готова была себя отдать на закланіе ради того, чтобы Правило Франциска сохранялось въ чистотѣ“. Когда Чезена былъ избранъ въ генеральные министры, королева написала ему письмо [1]): „наша душа болѣе находится въ вашемъ святомъ орденѣ, чѣмъ въ нашемъ тѣлѣ, и мы предоставляемъ на пользу и благо ордена не только себя, но и королевство“.

Филиппъ, принцъ Маіоркскій, просилъ у папы разрѣшенія соблюдать со своими товарищами лишь Правило Франциска, безъ „expositiones et declarationes“, и не вступая въ орденъ. Онъ также находился подъ вліяніемъ спиритуаловъ [2]) и въ частности особенно чтилъ Оливи. Провансальскіе бегины ожидали отъ него великой миссіи въ реформѣ церкви. Іоанну просьба принца показалась подозрительной, онъ отказалъ въ ней и совѣтовалъ вступить въ одинъ изъ нищенствующихъ орденовъ или войти въ свѣтскій клиръ. Филиппъ не удовольствовался этимъ и просилъ вторично преемника Іоанна, Бенедикта XII; его ходатайство поддерживалъ и король Сициліи. Однако, и этотъ папа отвѣчалъ королю отказомъ: нельзя разрѣшить Филиппу того, чего ему не разрѣшилъ Іоаннъ XXII; папскіе комментаріи къ Правилу были очень полезны; уже существуетъ четыре нищенствующіе ордена и основаніе пятаго неудобно: оно послужило-бы лишь къ новымъ раздорамъ, такъ какъ подобный вновь утвержденный орденъ являлся-бы косвеннымъ порицаніемъ для миноритовъ. Наконецъ—и это самое главное—нельзя позволить основать такой орденъ именно Филиппу Маіоркскому, который находился всегда въ подозрительной близости съ бегинами [3]).

Общее собраніе ордена въ 1329 г. въ Парижѣ, созванное

---

[1]) Wadd. 1316. 4.

[2]) До насъ дошло письмо къ нему Кларена (Archiv für L. K. G. I, 56 S.), гдѣ возвѣщается пришествіе папы, неправильно избраннаго, который исказитъ жизнь Христа и евангельскія заповѣди.

[3]) Wadd. 1240, 24.

папскимъ викаріемъ и находившееся подъ давленіемъ папы, не могло, конечно, правильнѣе представлять чувства и желанія большинства въ орденѣ, чѣмъ соборы въ Перуджіи и Болоньи. Чезена просилъ французскую королеву, чтобы соборъ по крайней мѣрѣ не былъ раньше срока,—непонятно для чего, разъ онъ самъ запретилъ миноритамъ являться туда. Изъ буллы 5 мая 1329 г. мы узнаемъ, что королева дѣйствительно просила отсрочить. Папа поручилъ собранію избрать новаго министра: естественно, Чезена былъ осужденъ собравшимися и объявленъ лишеннымъ всякаго сана; на его мѣсто избрали Герарда Одонскаго. Тутъ же была сдѣлана попытка примирить ученіе о евангельской бѣдности и комментаріи предшествующихъ папъ съ декларацiями Іоанна XXII.

Новый министръ готовъ былъ пойти на самыя широкія уступки въ вопросѣ о бѣдности: онъ желалъ увеличить свою власть и возможно ослабить Правило, въ чемъ оно его стѣсняло. Особенно онъ хотѣлъ выкинуть пунктъ Правила „de non recipienda pecunia"; съ этой цѣлью привлекъ на свою сторону угрозами и обѣщаніями 14 провинціальныхъ министровъ [1]) и просилъ папу уничтожить декларацiи прежнихъ папъ, расширить право министра освобождать отъ исполненія Правила и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объяснить параграфъ Правила, запрещающій принимать деньги, такъ, чтобы ихъ можно было свободно принимать черезъ третьихъ лицъ; наконецъ, онъ хотѣлъ, чтобы папа позволилъ давать самое широкое толкованіе словамъ „necessitas" и „infirmitas". Герардъ надѣялся, что его проектъ понравится папѣ, но тотъ рѣзко отказалъ [2]).

Чезена протестовалъ противъ своего низложенія и тотчасъ выпустилъ апелляцію на папу; до насъ дошла она въ двухъ версіяхъ—полной и сокращенной [3]). Папа, говорится здѣсь, громитъ весь міръ отлученіями, а самъ окружилъ

---

[1]) Chron. 24 gen. подъ 1331.

[2]) Альваръ Пелагій говоритъ, что папа отвѣтилъ на предложенія Герарда: non credimus, quod de 1000 Franciscanis unus de ordine tecum in intellectu huiusmodi concordet.—De planctu ecclesiae II, 67.

[3]) Baluz. Miscel. III p. 246—303 и 303—323.

себя людьми преступными, еретиками и апостатами; такъ, онъ держитъ при себѣ Ѳому Брахестонскаго, некроманта и алхимика. Далѣе повторяется старая аргументація въ защиту евангельской бѣдности и, наконецъ, апеллируется къ будущему собору. На это папа отвѣтилъ весьма длинной буллой „Quia vir reprobus“, представляющей цѣлый трактатъ (16 ок. 1329 г.). Чезена снова возражалъ и насчиталъ въ буллѣ 12 тяжкихъ заблужденій; въ то же время онъ разослалъ по ордену письма и велѣлъ ихъ читать по монастырямъ: тамъ сообщалось между прочимъ, что папа грозитъ сжечь всѣхъ братьевъ, отказывающихся отречься отъ рѣшенія перуджинскаго собора [1]).

Самый споръ о бѣдности Христа продолжался еще долгое время, но можно сказать, его жизненное содержаніе было исчерпано. Этотъ споръ соединилъ миноритовъ-конвентуаловъ съ Людовикомъ, вывелъ ихъ на арену политической борьбы, привлекъ къ нимъ въ значительной степени сочувствіе свѣтскаго общества, даже людей, политически враждебныхъ Людовику. Онъ связался съ коренными вопросами церковнаго строя—о предѣлахъ папской власти, отношеніи ея къ собору и т. д. Онъ разъединилъ орденъ съ куріей и въ то же время связалъ его партіи: и конвентуалы и спиритуалы одинаково выступили противъ папскаго самовластія. Іоаннъ XXII пошелъ дальше всѣхъ своихъ предшественниковъ въ утвержденіи права измѣнять основы орденской жизни, но качественно онъ дѣйствовалъ, какъ и они. Было вскрыто здѣсь и другое противорѣчіе — между идеаломъ евангельскаго совершенства и требованіемъ практической цѣлесообразности въ церковномъ строѣ.

Людовикъ спѣшилъ изъ Италіи въ Германію; при немъ находились его новые совѣтники и руководители, несмотря на папскія буллы, въ которыхъ приказывалось задержать ихъ по дорогѣ [2]). Людовикъ дѣятельно защищалъ ихъ; въ Ахенѣ онъ угрожалъ суровымъ наказаніемъ всѣмъ миноритамъ, которые будутъ называть Оккама и Тальгейма мя-

---

[1]) B. Fr. V прим. къ буллѣ 24 янв. 1231 г.

[2]) 2 апр. 1329 г.; обращена къ marchioni de Baden.

тежниками и апостатами [1]). Но судьба дѣла, съ которымъ связали себя Чезена и его единомышленники, принимала неблагопріятный оборотъ прежде всего въ Италіи. 15 февраля 1330 г. папа освободилъ отъ отлученія римлянъ, которые клятвенно подтвердили свою несолидарность съ Людовикомъ и антипапой, признали Іоанна XXII истиннымъ папой; затѣмъ онъ велѣлъ архіепископу Пизанскому и епископу Флорентійскому начать процессъ противъ Петра Корбарія, а итальянскимъ городамъ — захватить и выдать его (1 мар. 1330 г.). Между тѣмъ, съ уходомъ Людовика у Николая V не оставалось никакой защиты; самъ онъ былъ лишь орудіемъ въ чужихъ рукахъ, не имѣя вѣры ни въ правоту, ни въ успѣхъ дѣла. Онъ укрылся у Бонифація, графа Доморатиче; естественно, что папа сталъ осаждать графа требованіями выдать Корбарія. Графъ соглашался, но лишь при условіи, что Корбарій получитъ амнистію. Папа обѣщалъ ее съ извѣстными ограниченіями, и Корбарій, не видя другого исхода, письменно призналъ себя виновнымъ, а затѣмъ, по требованію папы (13 іюня 1330 г.), произнесъ свое отреченіе передъ жителями Пизы; по его признанію, его обманули разсказы еретиковъ о папѣ. Тогда Іоаннъ XXII поручилъ архіепископу Пизанскому и епископу Луканскому освободить его отъ отлученія, прислалъ ему милостивое письмо, желая счастливаго пути въ Авиньонъ и горячо благодаря графа за его старанія (9 ок. 1320 г.). Прибывъ въ Авиньонъ, Корбарій палъ къ ногамъ папы: тотъ поднялъ его, облобызалъ и оставилъ при себѣ почетнымъ плѣнникомъ, дабы не возбуждать смутъ, — но, во всякомъ случаѣ, поступилъ съ нимъ гораздо мягче, чѣмъ Бонифацій VIII съ Целестиномъ [2]); можетъ быть, это произошло не безъ вліянія французской королевы, которую папа поспѣшилъ увѣдомить о примиреніи (7 сен. 1330 г.) [3]).

---

[1]) Quix. Geschichte der Stadt Aachen. Cod. dipl. II 210 и 305.

[2]) Ioann. Vintoduren. p. 79.

[3]) Сохранилась и другая традиція о судьбѣ Петра Корбарія. Эгидій Витербскій (Wad. 1230, 9) передаетъ, что жители Пизы захватили Корбарія, и онъ насильственно былъ пересланъ въ Авиньонъ,—что сходится и съ извѣстіемъ Виллани (X, 14 p. 690).

За антипапой послѣдовали многіе миноритъ, и папа охотно освобождалъ ихъ отъ отлученія [1]).

Отреченіе Корбарія было тяжелымъ моральнымъ пораженіемъ для всѣхъ противниковъ папы: оно являлось какъ-бы судомъ свыше, отвѣтомъ на обвиненія Іоанна XXII въ ереси. Отнынѣ группа миноритовъ, во главѣ коей стояли Чезена и Бонаграція, постепенно перестаетъ быть выразительницей господствующихъ чувствъ въ орденѣ, постепенно они стали относительно него въ то же положеніе, въ какомъ находились спиритуалы. Преимущество группы Чезены лежало въ союзѣ съ могущественной политической силой; преимущества спиритуаловъ лежали въ ихъ непоколебимой вѣрѣ и іоахимистическихъ упованіяхъ.

Если въ Италіи дѣло Людовика можно было считать проиграннымъ, то въ Германіи оно стояло гораздо лучше. По разсчету Мюллера, въ теченіе 1327—1334 годовъ изъ 25 епископовъ Германіи семь все время стояли за императора, трое перешли къ нему впослѣдствіи. И среди князей, и среди городского класса преобладали теченія, благопріятныя ему [2]). Тѣмъ непонятнѣе для насъ внезапное рѣшеніе, принятое Людовикомъ въ Ротенбургѣ,—отказаться отъ императорской короны въ пользу Генриха Баварскаго [3]). Такіе припадки молодушія, которые перерывали господство чужихъ вліяній, были весьма свойственны Людовику. Между тѣмъ, онъ могъ пріобрѣсти въ это время новаго цѣннаго союзника. Папа Іоаннъ XXII незадолго до своей смерти высказалъ мнѣніе, что души умершихъ не являются непосредственно послѣ разлученія съ тѣломъ передъ престоломъ Божіимъ, а должны ждать страшнаго суда. Новое ученье шло въ разрѣзъ съ принятымъ въ церкви. Парижскій универси-

---

[1]) См. 1 сен. 1330 г. булла архіепископу Пизанскому право освобождать раскаявшихся приверженцевъ Людовика Баварскаго и Корбарія.

[2]) См. письмо Людовика о союзѣ его съ князьями у Böhmer I p. 207. Относительно Гагенау, письмо горожанъ, опубликованное Фикеромъ въ Sittungsberichte der k. Akademie zu Wien, XCI, 699 S. О Майнцѣ и Вормсѣ у Heinrich Rebdorfen.—Böhmer IV 556. Письма Іоанна XXII къ жителямъ Кельна—Oberbayr. Archiv I, 58; Магдебурга и Галле—65.

[3]) Hein. Rebdorfen. p. 526 (Böhmer, Fontes IV).

тетъ рѣзко высказался противъ него, и кардиналъ Орсини, считая, что папа впалъ въ ересь, отдѣлился отъ него и предложилъ свою помощь Людовику; была рѣчь и о созваніи собора. Этотъ кардиналъ давно уже съ горечью смотрѣлъ на вавилонское плѣненіе папъ и недоволенъ былъ французскимъ вліяніемъ въ куріи [1]). Онъ поставилъ однако характерное условіе императору: послѣдній долженъ прогнать отъ себя еретика Марсилія Падуанскаго [2]). Условіе можно сопоставить съ извѣстіемъ, переданнымъ въ хроникѣ Глассбергера, что и Чезена открещивался отъ всякой солидарности съ Марсиліемъ и Іандуномъ: въ письмѣ къ Эвду онъ указывалъ, что его оклеветали, упрекая въ сношеніяхъ Іандуномъ [3]). Самъ Людовикъ отъ малодушія, впрочемъ, легко переходилъ къ надеждѣ: мы имѣемъ его письмо къ жителямъ Вормса, написанное за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Іоанна XXII, гдѣ онъ говоритъ, что никогда и не думалъ отказываться отъ своей власти и въ настоящее время лишь занятъ мыслью укрѣпить ее за потомствомъ [4]). Но раздвоеніе среди союзниковъ опять дѣйствовало на него самымъ подавляющимъ образомъ, и въ послѣдніе дни своей жизни папа имѣлъ удовлетвореніе видѣть, какъ мятежный императоръ готовъ былъ пойти на всякія уступки [5]).

Борьба съ Людовикомъ не отвлекла папу отъ другого— отъ преслѣдованія бегиновъ и фратичелловъ. Въ 1329 г. онъ поручилъ архіепископамъ и епископамъ Нарбоннскому, Тулузскому, Арелатскому и другимъ въ Южной Франціи произвести слѣдствіе надъ братьями и сестрами третьяго ордена, запятнанными ересью. Но особенно онъ опасался фратичелловъ, бѣжавшихъ въ южную Италію, требуя противъ нихъ содѣйствія отъ Роберта, короля Сициліи, и Карла, герцога

---

[1]) Baluzii Vitae papar. avinion. II 291—293

[2]) Rayn. 1334, 31.

[3]) Niciol Glass подъ 1332 (p. 157).

[4]) Böhmer I, 254.

[5]) Rayn. 1230, 29, 36. Увѣряя папу въ своемъ желаньи примиренья, Людовикъ выразилъ готовность привести къ покорности церкви Марсилія и миноритовъ.

Калабріи [1]). Епископъ Мельфійскій и инквизиторы въ Сициліи должны преслѣдовать Ангела де Валле Сполетано, вождя группы фратичелловъ, которая называла себя „людьми бѣдной жизни“ (homines de paupere vita) и состояла, по словамъ папы, изъ жалкихъ невѣждъ (idiotae et quasi litterarum ignari—22 нояб. 1231 г.). Не видно, чтобы эти бѣглецы имѣли какую-нибудь связь съ чезенитами: ихъ могла соединять лишь общая ненависть къ Іоанну XXII. Но Сицилія была естественной союзницей императора противъ Неаполя; французское папство было тамъ непопулярно; королева еще раньше выражала неудовольствіе на папскія декларацiи о бѣдности Христа; все ея сочувствіе было на сторонѣ протестовавшихъ. Въ своихъ письмахъ къ перпиньянскому общему собранію миноритовъ королева выражаетъ свою крайнюю тревогу по поводу того, что нѣкоторые братья считаютъ невозможнымъ сохранить Правило въ его первоначальной чистотѣ [2]). „Отнюдь не вѣрьте имъ: они сыны св. Франциска лишь по имени; если вашъ генеральный министръ захочетъ что-нибудь перемѣнить въ Правилѣ—дай Богъ, чтобы этого не случилось,—онъ не пастырь, а наемникъ: таковымъ его и считайте. Знайте вѣрно, что Богъ и св. Дѣва защитятъ васъ; я же почла бы за великую для себя милость, если бы Богъ привелъ меня умереть мученической смертью за это дѣло“.

Для папы это настроеніе королевы было крайне неудобно, и въ своихъ буллахъ онъ всюду стремился поставить чезенитовъ рядомъ съ фратичеллами: они такіе же еретики, и ихъ одинаково надо опасаться (10 ав. 1331 г.). Ему пришлось убѣждать королеву, которая благопріятствуетъ фратичелламъ или, по крайней мѣрѣ, сторонникамъ Чезены, возвратиться на истинный путь; въ то же время онъ опровергаетъ неблагопріятные слухи, которые дошли до нея относительно новаго генеральнаго министра и рѣшеній провинціальнаго собора (4 іюня 1332 г.) Въ слѣдующемъ году папа опять старается примирить королеву съ новымъ мини-

---

[1]) 10 мар. 1324 г., 7 мая 1327 г., 20 дек. 1330 г.—regi Siciliae „contra pestiferos fraticellos“.

[2]) Wadd. 1331, 8: audio quod fratres aliqui dicunt... quod regula vestra... non potest servari.

стромъ (18 апр. 1333). Она просила также освободить отъ отлученія двухъ миноритовъ, которые были при ней, Петра де Кадената и Андрея де Гальяна, и папа согласился на это съ извѣстными ограниченіями. Другое желаніе королевы больше затруднило папу: она просила изъять одинъ изъ крупнѣйшихъ монастырей Францисканскаго ордена, монастырь Тѣла Христова, изъ юрисдикціи генеральнаго министра, въ которомъ она видѣла папскаго ставленника и нарушителя завѣтовъ Франциска, и подчинить непосредственно министру Терра-Лаворо. „Министръ Терра-Лавора", отвѣчаетъ папа, „можетъ по желанію королевы созывать къ себѣ братьевъ изъ монастыря; отъ этого никакой опасности ордену не угрожаетъ". Однако, полное изъятіе изъ-подъ власти генеральнаго министра и общаго собранія можетъ привести къ раздору между ними и будущими провинціальными министрами. Въ виду этого папа отклоняетъ просьбу королевы, убѣждая ее еще разъ примириться съ министромъ [1]). Вслѣдъ за симъ, онъ поручилъ инквизитору миноритy Лаврентію освободить отъ отлученія всѣхъ миноритовъ Сициліи, которые нѣкогда примкнули къ Чезенѣ и Людовику (22 апр. 1334 г.).

Римская провинція, подпавшая нѣкоторое время власти Людовика, тоже представляла удобное прибѣжище для фратичелловъ. Когда эта область была умиротворена, папа издалъ пространную декларацію противъ тамошнихъ фратичелловъ и „другихъ бегиновъ": они устраиваютъ общежитія, совершаютъ церковныя службы, открыто просятъ милостыню; нѣкоторые увѣряютъ, что соблюдаютъ въ точности Правило Франциска: противъ нихъ предписывались обычныя мѣры; тутъ же папа велѣлъ схватить Кларена, который сдѣлался миноритомъ-фратичелломъ (qui minoritam Fraticellum fecit), хотя обѣщался перейти въ целестинскій орденъ (11 фев. 1334 г.)

До насъ дошли нѣкоторыя свѣдѣнія изъ процессовъ надъ фратичеллами Ріэто и Сполето, относящихся къ этому

---

[1]) Ordo mimorum separatione tam membri nobilis a cura generalis ministri et capituli generalis nimium gravaretur et saparatio potius in gravamen et periculum fratrum et conventus praedictorum caderet, quam favorem.

времени [1]). Всѣ они отрицали власть за Іоанномъ XXII, нѣкоторые не считали однако позволительнымъ проклинать его, „ибо люди не должны проклинать другъ-друга“ [2]). Главой своей многіе изъ нихъ почитали Кларена. Изъ прежнихъ папъ они особенно осуждали Сильвестра: онъ, равно какъ и императоръ Константинъ, заслуживали, чтобы ихъ прахъ былъ сожженъ; они толкнули церковь на путь накопленія богатствъ. Нѣкоторыя интересныя данныя заключаютъ признанія Павла Цоппо въ Ріето: онъ сознался, что заставилъ женщину раздѣться и лечь съ собой, какъ-бы испытывая ея повиновенье; сознался также въ фальшивыхъ чудесахъ [3]). Мы, конечно, не можемъ считать это показаніе особенно достовѣрнымъ, однако, оно имѣетъ для насъ нѣкоторую цѣну: оно сходится съ тѣмъ, въ чемъ обвиняли позднѣйшихъ фратичелловъ, а съ другой стороны здѣсь лежитъ черта сходства съ практикой апостольскихъ братьевъ.

Болѣе достовѣрнымъ кажется, что фратичеллы совершенно выдѣлились въ самостоятельныя отъ ордена еретическія группы. Самъ папа, какъ мы видѣли, говоря о фратичеллахъ Римской провинціи, указываетъ, что лишь нѣкоторые изъ нихъ имѣли притязаніе въ точности соблюдать Правило Франциска. Обособленіе отъ ордена шло все дальше: изъ процесса герцога Дурацкаго противъ фратичелловъ (1362 г.) [4]) мы видимъ, что у нихъ создалась самостоятельная епископская іерархія, образовались разные толки, которые всѣ, однако, объединялись осужденіемъ памяти Іоанна XXII.

Если не осужденіе въ точномъ смыслѣ слова, то извѣстную отрицательную оцѣнку папы мы находимъ и у правовѣрныхъ францисканскихъ писателей [5]). Напротивъ того, для большинства католическихъ историковъ Іоаннъ занялъ почетное мѣсто въ ряду—если не созидателей, то храните-

---

[1]) Archiv für L. K. G. IV, S—25 S. и 78—95 S.

[2]) Ib. 10 S. Quia homines spirituales non debent alios blasphemare.

[3]) Ib. p. 78—79.

[4]) Archiv für L. K. G. IV 89 S.

[5]) Ioann. Vintoduren p. 89, 92, 94—о жестокостяхъ Іоанна XXII.

лей и защитниковъ теократическаго порядка. Папа умеръ въ тотъ моментъ, когда внутренній конфликтъ Францисканскаго ордена и куріи, болѣе для нея опасный, чѣмъ внѣшній конфликтъ съ императоромъ, принялъ менѣе острый характеръ: группа миноритовъ, окружавшихъ Людовика, еще громила ереси и тираннію папы, но она уже перестала отражать мысли и чувства ордена въ его цѣломъ. Смерть Іоанна XXII и вступленіе на папскій престолъ Бенедикта XII, котораго нельзя было обвинить, какъ обвиняли Іоанна XXII, въ личной нелюбви къ ордену, облегчали примиреніе. Тотчасъ по вступленіи на престолъ новый папа далъ полную индульгенцію миноритамъ [1]).

Двадцатилѣтній срокъ, протекшій съ Вьеннскаго собора до смерти Іоанна XXII, измѣнилъ очертанія партій въ орденѣ. Партія оппозиціонная имѣетъ во главѣ людей, которые нѣкогда были злѣйшими гонителями спиритуаловъ: ихъ не раздѣлялъ уже вопросъ о болѣе или менѣе строгомъ соблюденіи Правила. Однако, если мы всмотримся, то увидимъ, что сохранилась старая противоположность: для однихъ высшимъ требованіемъ являлась неизмѣнность церковной дисциплины, для другихъ—неизмѣнность основъ орденскаго устройства. Чѣмъ объяснить, однако, тотъ странный фактъ, что эта новая оппозиція, повидимому, болѣе многочисленная, опиравшаяся на свѣтскую власть императора, пользовавшаяся сочувствіемъ у монарховъ,—словомъ, имѣвшая такія преимущества сравнительно съ партіей спиритуаловъ, не смотря на это, въ концѣ-концовъ оказалась гораздо болѣе уступчивой и слабой передъ господствующей церковью?

Новый папа совершенно игнорировалъ споръ о евангельской бѣдности: вопросъ остался какъ-бы нерѣшеннымъ. Общее собраніе было созвано въ Италіи; повидимому, оно дѣйствительно представляло желанія ордена и не находилось подъ давленіемъ папы: многія мѣры генеральнаго министра Герарда были здѣсь отмѣнены; совершилось какъ-бы примиреніе большей части ордена и куріи [2]). Замѣчательно, что

---

[1]) Chron. 24 Gener. p. 162.
[2]) Wadd. 1334, 28.

ничего не говорилось о миноритахъ при Людовикѣ; считались ли они извергнутыми изъ ордена?

Миноритъ, группировавшіеся около Чезены, не прекратили со смертью Іоанна XXII своей полемики противъ куріи. Для нихъ признаніе ересей умершаго императора влекло за собой и признаніе, что императоръ былъ осужденъ имъ несправедливо. Они были вѣрнѣе императору, чѣмъ онъ имъ.

Сначала Бенедиктъ XII показывалъ Людовику бо́льшую уступчивость, чѣмъ его предшественникъ, но непремѣннымъ условіемъ онъ ставилъ, чтобы императоръ удалилъ и смирилъ своихъ революціонныхъ совѣтниковъ. Императоръ то хотѣлъ устроить диспутъ между кардиналами и этими совѣтниками и поступить, смотря по результатамъ этого диспута, то, какъ и раньше, выказывалъ готовность удалить миноритовъ и Марсилія [1]). Быть можетъ, такое примиреніе и состоялось-бы, еслибы авиньонская курія не испытывала давленія французскаго короля, которому выгодно было поддерживать конфликтъ [2]). Съ другой стороны подобному примиренію, т. е., въ сущности говоря, подчиненію императора помѣшало то, что нѣмецкіе князья рѣшительно выступили противъ папы. Постановленіе сейма въ Реензе о власти князей избрать короля (не императора), независимо отъ папскаго согласія и утвержденія, явилось принципіальнымъ протестомъ противъ политической узурпаціи папъ [3]). За нимъ послѣдовалъ франкфуртскій сеймъ, находившійся подъ неоспоримымъ вліяніемъ миноритовъ, особенно Бонаграціи и Оккама [4]). Бонаграція далъ подробное объясненіе, почему клирики и свѣтскіе люди, обѣщавшіеся не помогать Людовику, не связаны этимъ обѣщаніемъ, даннымъ противъ ихъ законнаго монарха [5]).

---

[1]) Rayn. 1336, 33.

[2]) Heinrici Rebdorf. у Böhm. IV p. 520 Iohan. Vintodur. p. 140. Math. Nevemburg у Böhm. IV p. 206.

[3]) См. Ficker: Zur Geschichte des Kurvereins zu Reense въ Zitzungberichte der k. k. Akademie der Wissenschaften, Wien, XI 691 S.

[4]) Mat. Nevemburg. p. 212—213, 222.

[5]) Böhmer. Fontes IV p. 593.

Сеймъ подтвердилъ исключительное право нѣмецкихъ князей избирать не только въ короли, какъ было указано въ Реензе, но и въ императоры; избранный единогласно или большинствомъ голосовъ тотчасъ же вступаетъ въ свои права и не нуждается въ утвержденіи папы: все это относится и къ Людовику, который поэтому съ полнымъ правомъ апеллировалъ собору на узурпаторскія притязанія Іоанна XXII. Важнѣе всего было взаимное обѣщаніе князей охранять права императорской власти и имперіи отъ всякихъ посягательствъ. Далѣе перечислялись всѣ незаконные приговоры и отлученія Іоанна XXII и его преемниковъ. Не забыта была и ересь о бѣдности Христа, благодаря которой папа утверждалъ за собой право располагать какъ римской имперіей, такъ и всѣми другими царствами этого міра,—давать ихъ, кому захочетъ, и отымать: если царство Христово было матеріально, то и папа, преемникъ Христа, имѣетъ неограниченную власть надъ матеріальнымъ міромъ. Это, несомнѣнно, удачный полемическій пріемъ—показать, что ересь папы въ догматикѣ ведетъ къ гибельнымъ для государственнаго порядка послѣдствіямъ [1]). Вмѣстѣ съ этимъ, было постановлено, чтобы на будущее время клиръ и монахи, подъ страхомъ изгнанія, не слушались папскаго интердикта и служили во время его. По Іоанну Викторину доминиканцы, не хотѣвшіе служить, были изгнаны изъ Франкфурта [2]). Мы знаемъ, что миноритъ оказали въ этомъ отношеніи не малую помощь императору. Напримѣръ, въ Констанцѣ они повсюду не обращали вниманія на интердиктъ, въ противоположность съ доминиканцами, которые за свое упорство и

---

[1]) Böhm. IV p. 601: ex quibus... sequitur quod papa potest ordinare et disponere tam de regno Romano, quam de omnibus regnis et principatibus ac dominiis temporalibus huius mundi. Срав. Lechler: J. Wicleff und die Vorgeschichte der Reformation, Leipzig, 1876 124 S. „Der tiefste Grund warum die Kurie damals den strengen Grundsätzen der Franciskaner so schonungslos entgegentrat, war doch wirklich kein anderes, als dess die Päpste die Gesinnung der Weltentsagung, welche jene Männer beseelte, als einen stillen Vorwurf gegen ihr eigenes Sinnen und Trachten empfanden.

[2]) Böhmer IV p. 408.

[3]) Ib. IV, Chronicon Heinrici de Diessenvohen p. 50.

оттуда были изгнаны [3]). Въ Базелѣ сами граждане заставили клиръ нарушить интердиктъ [1]).

Преемникъ Бенедикта XII, Климентъ VI, въ своихъ рѣзкостяхъ противъ императора пошелъ дальше своихъ предшественниковъ; апокалиптическій языкъ его отлученій напоминаетъ намъ стиль, въ которомъ Григорій IX и Иннокентій IV писали о Фридрихѣ II. Но чѣмъ безпощаднѣе былъ папа, тѣмъ уступчивѣе становился императоръ; изъ Ландесгаузена онъ написалъ папѣ письмо, гдѣ предоставлялъ свою судьбу въ его власть: онъ никогда не раздѣлялъ ереси относительно бѣдности Христа; что касается до Марсилія и миноритовъ, онъ готовъ ихъ выдать; словомъ, уступчивость императора была такъ велика, что удивила самого папу и коллегію кардиналовъ. „Должно быть", говорили они, по словамъ Матвѣя, Ней-бургскаго, „у него отъ страха помутился разсудокъ" [2]). Это не спасло его, однако, отъ новаго отлученья со стороны церкви, обремененный которымъ онъ и умеръ.

Неспособность императора къ сопротивленію отымала почву и у миноритовъ. Центръ жизненнаго значенія ихъ оппозиціи лежалъ теперь въ чисто политической области, какъ это проявилось въ результатахъ франкфуртскаго сейма. Рѣшенія въ Реензе и Франкфуртѣ, казалось, подготовляли почву для будущаго освобожденія государства, но они не опирались на достаточныя реальныя силы, и безпомощность императора становилась послѣ нихъ еще очевиднѣе. Что касается до вопроса о бѣдности Христа, который послужилъ исходнымъ пунктомъ для этой оппозиціи, то хотя о немъ

---

[1]) Ib. IV. Math. Nevemburgen. p. 251.

[2]) Böhmer Fontes IV p. 229: iste diffidencia est perplexus. Сравни у Іоанна Винтертурскаго разговоръ Людовика съ князьями: „мы не совѣтуемъ вамъ принимать этихъ условій (которыя предлагалъ папа); они составлены ко вреду и ущербу для вашего и нашего достоинства; совѣтуемъ же вамъ болѣе охранять во всемъ права имперіи, вашу и нашу честь". „Вы знаете", отвѣчаетъ императоръ, „я смирился до униженья, чтобы получить благословенье и прощенье, и обращался къ нему и его преемникамъ, но ничего не получилъ, а только сдѣлалъ себя посмѣшищемъ и отдалъ себя на позоръ: не только меня папы отвергли, какъ разбойника и еретика, но и пословъ моихъ, свѣтскихъ и духовныхъ, отпустили съ безчестіемъ". Стр. 219.

продолжали писать увѣсистые трактаты, но это были лишь безплодные образцы схоластической діалектики, крайне сухіе и скучные, — полный контрастъ съ сочиненіями спиритуаловъ [1]). Когда обличали церковь спиритуалы, они обращались къ чувствамъ, находившимъ глубокій откликъ не въ однихъ собратьяхъ по ордену, какъ не для однихъ францисканцевъ запечатлѣлся образъ св. Франциска. Іоахимизмъ окрылялъ ихъ надежды: уже носились передъ ними свѣтлые образы Царства Духа, хотя и отдѣленнаго отъ окружающей ихъ дѣйствительности кровавыми испытаніями. Кто станетъ оспаривать, что ихъ идеалы, хотя и окрашенные монашескимъ аскетизмомъ, не отвѣчали глубокимъ потребностямъ человѣческой души? Но спиритуалы исчезаютъ. Преслѣдованіе со стороны церкви, преслѣдованія со стороны орденскихъ собратій очистили отъ нихъ орденъ. Спиритуалистическое теченіе передается терціаріямъ: отъ нихъ оно расходится по широкимъ слоямъ свѣтскаго общества. Въ ученіи спиритуаловъ было нѣчто экзотическое, преобладало духовное пониманіе, — не даромъ они носили свое имя. Это были люди, впитавшіе въ свою плоть и кровь монашескую тренировку, но соединившіе съ ней цѣлую гамму настроеній: чувство грусти о мірѣ, гдѣ все матеріально, гдѣ люди живутъ лишь своими страстями, гдѣ царитъ эгоизмъ и своекорыстіе; скорбь о церкви, которая уже не совѣщаетъ и не ведетъ къ небу; вѣра въ найденное Францискомъ осуществленіе евангельскаго завѣта; наконецъ, надежда на окончательное торжество этого осуществляющагося завѣта.

У фратичелловъ и бегиновъ всѣ эти воззрѣнія пріобрѣтаютъ гораздо болѣе рѣзкій, матеріальный характеръ. Для нихъ церковь была дѣйствительной вавилонской блудницей. принадлежность къ ихъ сектѣ—единственнымъ средствомъ спасенія; они образовывали особую іерархію и особое обще-

---

[1]) Ср. Müller Der Kampf Ludvig des Baiern II 262 S: „je weniger also die Welt die anfängliche Sympathie für die Streitfrage der Bettelmonche sich bewachtete, je mehr sie sich von dem Kampfe derselben abwendet, je mehr dieser selbst von dem grossen Schauplatz, auf dem er sich anfänglich bewegt hatte, hierin gedrängt wird in einen Winkel und auf diesen isolirt bleibt, um so verbiessend und ideenlos werden die Schriften“.

ство. Можно сказать, церковныя преслѣдованія, поражая спиритуаловъ, ускорили и усилили развитіе фратичелловъ и бегиновъ. Мы постоянно встрѣчаемъ указанія относительно нихъ въ теченіе XIV и XV вѣковъ [1]). Въ XV вѣкѣ инквизиторъ Іаковъ Мархійскій, причисленный католической церковью къ лику святыхъ, сжегъ въ Апенинахъ 36 деревень фратичелловъ. Изъ его діалога мы узнаемъ, что распространялась секта преимущественно между низшими классами населенія.

Бросимъ взглядъ еще разъ на этихъ учениковъ спиритуаловъ. Наиболѣе точное понятіе о нихъ даетъ составленное фратичеллами циркулярное письмо, которое Ваццолини [2]) относитъ къ 1336 г. Фратичеллы указываютъ здѣсь на три причины или скорѣе повода, почему они порвали съ церковью: ересь Іоанна XXII, въ которой онъ умеръ и которую церковь не осудила; симонія, господствующая повсюду; нарушеніе цѣломудрія среди служителей алтаря. Между тѣмъ, они полагаютъ, что священникъ во грѣхѣ не можетъ совершить истиннаго таинства, и вѣрующимъ остается самимъ духовно соединяться съ Христомъ [3]).

Во многомъ ихъ воззрѣнія напоминаютъ апостольскихъ братьевъ: такое же отрицаніе всякаго авторитета за правящей церковью и осужденіе всѣхъ, повинующихся этой церкви; точно также истинными христіанами они признавали

---

[1]) Бенедиктъ XI въ письмѣ къ Эльриду говоритъ о фратичеллахъ такъ: „novam malorum et supersitiosorum hominum praesumptionem periculosam et tenebrosam Italia non fuisse diminutam“ Wadd. 1336, 1.

[2]) Vazzolini въ Scelte di curiosite litterarie inedite e rare—Bologna 1865 p. 55.

[3]) Эрле относитъ письмо къ XV вѣку, опираясь главнымъ образомъ на то, что діалогъ Іакова Мархійскаго „Contra fraticellos“ (Baluz. Miscel. II, 597—611) имѣетъ въ виду это циркулярное письмо. Съ этимъ нельзя согласиться: въ діалогѣ опровергаются общія воззрѣнія фратичелловъ, и нѣтъ никакого спеціальнаго указанія на циркулярное письмо. На время, близкое къ смерти Іоанна XXII, указываетъ то обстоятельство, что фратичеллы ни однимъ словомъ не упоминаютъ о его преемникахъ. Между тѣмъ, изъ одного процесса, относящагося къ 1354 г., мы узнаемъ, что еретики осуждали и всѣхъ преемниковъ Іоанна XXII—Бенедикта XII, Климента VI. См. Ms. приведенный у Höfler въ Die römische Welt und ihr Verhältniss zu der Reformideen въ Sitzungsberichte der kais. Akademie zu Wien, XCI B, 357 S;

лишь себя (вспомнимъ, что у спиритуаловъ не было такой исключительности). Народъ приписывалъ имъ свальный грѣхъ и сожженіе рождающихся при семъ младенцевъ (barrolotum), и большинство показаній инквизиціонныхъ процессовъ свидѣтельствуютъ, что эти слухи имѣли какое-то основаніе, хотя нельзя принимать ихъ за обычай всѣхъ фратичелловъ. Подсудимые, не отрицая ихъ существованія, отрицали однако собственное участіе [1]). Они представляли, что изъ ихъ среды выйдетъ истинный папа; имѣли собственныхъ епископовъ,—такъ, Іаковъ Мархійскій говоритъ о ихъ епископахъ въ Венеціи и Флоренціи [2]).

Фратичеллы смѣнили спиритуаловъ, многіе изъ послѣднихъ были при дворѣ Людовика. Но не они сдѣлались руководителями императора. Убертинъ не могъ уравновѣсить и парализовать вліянія Марсилія Падуанскаго; для этого потребовался приходъ Чезены, Бонаграціи и Оккама. Эта новая оппозиція получила силу благодаря союзу, который однако не имѣлъ принципіальнаго смысла. Освобожденіе имперіи въ ея глазахъ было лишь орудіемъ, средствомъ; оно интересуетъ миноритовъ лишь по стольку, по скольку имъ ограничивается произволъ папы относительно ихъ ордена. Величайшая задача, поставленная передъ политическимъ сознаніемъ средневѣковыхъ людей, казалась имъ второстепенной, и насколько по духу они все-таки были ближе къ Іоанну XXII, котораго они проклинали, чѣмъ къ Марсилію, ихъ невольному товарищу по борьбѣ. Они были истинными сынами римской куріи, плодъ ея союза съ орденомъ. Особое положеніе здѣсь занялъ Оккамъ, но его политическая система была плодомъ его личнаго творчества, его политическихъ впечатлѣній. Поэтому эта оппозиція пала, какъ только поддерживающая ее политическая власть оказалась колеблющейся,—и для насъ безразлично, умерли ли вожди ея, примирившись съ церковью, какъ Оккамъ, или не примирившись, какъ Бонаграція [3]). Къ серединѣ XIV вѣка отъ этой

---

[1]) Archiv für L. K. G., IV 110, 121.

[2]) Dialogus ap. Baluz. II p. 610.

[3]) I. Vintodur. p. 171. Относительно Чезены вопросъ остается неразрѣшеннымъ: признанье его, помѣщенное у Муратори (III, 370), заключаетъ

оппозиціи остались лишь объемистыя сочиненія Чезены, Бонаграціи и Оккама. Новый императоръ началъ съ того, чѣмъ хотѣлъ бы кончить, Людовикъ,—съ примиренія. Это была блестящая побѣда римской куріи, но едва ли не болѣе важная, хотя и менѣе замѣтная,—заключалась въ томъ, что кончилась вѣковая смута Францисканскаго ордена; отнынѣ вся его энергія поступаетъ въ нераздѣльное распоряженіе правящей церкви. Можно сказать, что вмѣстѣ съ этимъ онъ безвозвратно утрачиваетъ свою первоначальную свѣжесть, то пламя любви и самоотверженія, которое до сихъ поръ согрѣваетъ его древнѣйшія хроники,—что изъ него не исходитъ прежнихъ порывовъ религіознаго и моральнаго энтузіазма,—что, наконецъ, и въ свѣтскомъ обществѣ чувства удивленія и симпатіи смѣняются недоброжелательствомъ и ѣдкой насмѣшкой. Но не порывы религіознаго и моральнаго энтузіазма, а дисциплина и организація сохранили за католической церковью власть надъ жизнью народовъ.

въ себѣ явныя ошибки; очевидно, оно подложно. Іоаннъ Винтертурскій (p. 171) упоминаетъ о его смерти, но ничего не говоритъ о раскаяніи.

ERRATA.

Стран.	*Строчка.*	*Напечатано.*	*Слѣд. читать.*
8	6 сверху	програму	программу
32	2 „	правило	Правило
33	2 „	правила	Правила
55	14 снизу	S.	б.
87	15 „	братьевъ.	братьевъ.“
90	12 сверху	Иннокентій II	Иннокентій III
98	15 „	мѣсто	мѣста
110	16 „	идите	идите,
115	3 снизу	невѣрными.	невѣрными.“
127	12 сверху	pare	par
156	12 „	не	не-
165	1 снизу	admittere	admittere.“
203	2 сверху	тронѣ.	тронѣ.“
230	19 „	Дальняго	дальняго
253	5 снизу	словами.	словами.“
257	12 „	религіозный	религіозно-
258	11 сверху	Францисканскаго	францисканскаго
265	5 „	Францисканскаго	францисканскаго
273	13 „	per	par
286	1 снизу	Peris.	Perus.
292	18 сверху	Arborvitae	Arbor vitae
335	15 снизу	Гвидонъ	Гвидо
350	8 сверху	вѣрности	бѣдности
366	8 снизу	Францисканскомъ	францисканскомъ
369	4 „	Окканъ	Оккамъ
385	15 сверху	Ней-бургскаго	Нейбургскаго
389	6 „	Францисканскаго	францисканскаго

3558-517-18
22-51

UNIVERSITY OF CHICAGO
32 591 421

BX 3606 Kotliarevskiĭ,
.K60 Sergeĭ Andreevi-
ch, 1873-
Frantsiskanskiĭ orden i
rimskaia kuriia v XIII i XIV
viekakh.
08 MAY 17 '66

BX 3606 Kotliarevskiĭ,
.K60 Sergeĭ Andreevi-
ch, 1873-
Frantsiskanskiĭ orden i
rimskaia kuriia v XIII i XIV
viekakh.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

BOUND BY HNM

UNIVERSITY OF CHICAGO
32 591 421